

Рисовъ, N.

V. N. Tatishchev.

В. Н. ТАТИЩЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССИИ, ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

НИЛА ПОПОВА.

—

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цена 2 р. 50 к.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И К^о.

1861.

KE

DK 127.5
ТЗР6

По определению Историко-филологического Факультета, печать по-
зволяется. Москва, июня 10 дня, 1864 года.

Въ должности Декана

Арсеній Мещковъ.

Настоящая монографія имѣеть въ виду не только сочиненія В. Н. Татищева, которому принадлежитъ имя перваго по времени русскаго историка въ литературѣ, послѣдовавшей за реформою Петра, но и его общественную и административную дѣятельность. Теперь, когда послѣ государственной исторіи Россіи обращено вниманіе, въ нашей ученой литературѣ, на исторію общественной и народной жизни, я считаю далеко не лишнимъ изученіе біографическое. Особенно благіе плоды оно можетъ принести, разумѣется, для исторіи XVII и XVIII столѣтій. Дѣятельность отдельныхъ лицъ можетъ быть интересна въ этомъ случаѣ не только сама по себѣ, но и по отношенію ея къ вопросамъ политической и общественной исторіи. И государство, и общество, и самый народъ представляется тогда лишь средою, въ которой развиваются, жило и дѣйствовало лицо. Такъ какъ желанная цѣль всякой разумной жизни есть совершенствованіе личности; то степень участія и вліянія, которыя оказаны были при этомъ государствомъ, обществомъ и

народомъ въ извѣстное время, послужать къ опредѣленію характера ихъ самихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣ эпоху.

Но для такой цѣли историческаго изученія не всегда можно найти подъ рукою всѣ необходимые матеріалы. Это особенно относится къ исторіи русской жизни въ прошедшемъ столѣтіи. Кромѣ полнаго собранія законовъ, нѣсколькихъ записокъ русскихъ людей того времени, мемуаровъ иностранцевъ, почти ничего болѣе не представляетъ наша ученая литература. Лучшія сочиненія по русской исторіи XVIII вѣка, появившіяся въ послѣднее время, болшею частію основаны на неизданныхъ источникахъ. Но въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, хранящихъ въ себѣ бумаги прошлаго вѣка, многое не приведено въ извѣстность, многого не достаетъ. Остается довольствоваться тѣмъ, что случайно попадетъ подъ руки; такимъ образомъ власть будетъ скорѣе на сторонѣ источниковъ, нежели самого автора. Этимъ обстоятельствомъ я могу отчасти объяснить неровности и пробѣлы моего сочиненія. Но за то я могу положительно сказать, что все, что только изъ относящагося къ предмету настоящей монографіи доступно было мнѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ русской библіотекѣ Академіи Наукъ, въ Публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, все было мною собрано и изучено. Читатели найдутъ въ приложеніяхъ до 10 документовъ, касающихся служеб-

дѣтельности Татищева, и почти столько же уче-
 ныхъ трудовъ его, остававшихся до сихъ поръ неиз-
 данными. Не смотря на то, я не могу похвалиться,
 что мое сочиненіе даетъ полную біографію Татищева.
 Есть никакого сомнѣнія, что въ архивахъ Екатерин-
 бурга, Оренбурга, Ставрополя на Волгѣ, Астрахани
 и другихъ мѣстностей, гдѣ бывалъ Татищевъ, най-
 дутся многіе неизвѣстныя мнѣ его бумаги: въ такомъ
 случаѣ, настоящая монографія послужитъ для тѣхъ,
 кому доступны сейчасъ названные архивы, указате-
 лемъ того, что въ нихъ должно искать. Кромѣ того,
 мнѣ не доставало бумагъ, относящихся къ обьемъ
 сданнымъ комиссіямъ надъ Татищевымъ. Я нигдѣ не
 могъ найти Татищевского «разговора о пользѣ наукъ»,
 въ печати, ни въ рукописяхъ. Особенно сожалѣю
 о томъ, что не успѣлъ собрать хотя нѣкоторой час-
 ти безъ всякаго сомнѣнія, очень обширной перепис-
 ки Татищева. напримѣръ съ Академією Наукъ. На-
 конецъ неизбежные недостатки предлагаемаго сочине-
 нія зависятъ отъ самаго предмета его. Татищевъ,
 какъ и большая часть лучшихъ людей эпохи, послѣ-
 довавшей за преобразованіями Петра, вѣлъ самую об-
 ширную, самую многостороннюю дѣятельность. Въ
 наше время, по преимуществу приучающее къ какой-
 нибудь одной спеціальности, чрезвычайно трудно услѣ-
 дить за всѣми проявленіями такой обильной событія-
 ми жизни. Надо быть не только знакомымъ съ рус-
 ской исторіей, надо еще быть, какъ самъ Татищевъ,

военнымъ, горнымъ и притомъ весьма свѣдущимъ чиновникомъ, юристомъ и даже помѣщикомъ-экономомъ, чтобы вполне оцѣнить его дѣятельность. Предоставляю другимъ пополнить всѣ тѣ пробѣлы, которые они найдутъ въ моемъ сочиненіи; съ своей же стороны, считаю долгомъ привести мою искреннюю благодарность тѣмъ лицамъ, которые своимъ содѣйствіемъ дали мнѣ возможность воспользоваться неизданными матеріалами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава 1. Административныя преобразованія Петра и первая служба Татищева.—Молодость Татищева. Военная служба и ея воспоминанія. Военскій уставъ того времени. Поѣздка Татищева за границу. Поѣздка Петра и знакомство его съ Лейбницомъ. Проектъ коллегій. Разговоръ съ ян. Яковомъ Долгоруковымъ. Судныя комиссіи 1714 и 1718 годовъ. Учрежденіе коллегій и сената. Бергъ-коллегія и горные заводы на Уралъ при Петрѣ. Поѣздка Татищева на Уралъ. Ссора его съ Демидовымъ. Генераль де-Геннинъ. Разговоръ Татищева съ Петромъ о взяткахъ. Разборъ де-Геннинымъ ссоры Татищева съ Демидовымъ. Служба Татищева при де-Геннинѣ. Состояніе Сибирскаго и Уральскаго края въ то время. Переписка де-Геннина съ Петромъ. Поѣздка Татищева въ Петербургъ. Поѣздка его въ Швецію. Сношенія его съ шведскими горными чиновниками. Ссора съ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ. Возвращеніе въ Петербургъ. Служба при московской монетной конторѣ.

Глава II. Событія 1730 года и участіе въ нихъ Татищева.—Теорія царской власти Іоанна Грознаго. Эпоха смутъ и ея результаты. Положеніе государственной власти въ Россіи XVII вѣка. Проекты серба Юрія Крижанича. Реформа Петра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Правда Воли Монаршей. Екатерина I и Петръ II. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Русскіе переводы политическихъ и историческихъ сочиненій того времени. Избраніе Анны Іоанновны. Значеніе и дѣятельность при этомъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Ихъ кондиціи. Положеніе партій, по свидѣтельству Ѳ. Прокоповича и Маньяна. Дѣятельность партіи шляхет-

ства. Согласіе Анны Іоанновны на кондиціи. Волненіе между шляхетствомъ. Генеральное совѣщаніе верховниковъ и шляхетства. „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“, написанное Татищевымъ. Другіе проекты. Пріѣздъ Анны Іоанновны. Присяга ей. Дѣятельность кн. Дм. Мих. Голицына, Вас. Лук. Долгорукаго, Остермана, Ѳ. Прокоповича, штатсъ-дамы Салтыковой. Аудіенція шляхетства и первая рѣчь, произнесенная Татищевымъ. Вторая рѣчь, произнесенная княземъ Кантеміромъ. Уничтоженіе кондицій. Коронація Анны Іоанновны; Татищевъ оберъ-церемоніймейстеръ ея.

Глава III. Сибирскіе горные заводы и Оренбургская экспедиція.—Состояніе горнаго дѣла на Уралѣ въ 1730-хъ годахъ. Оберъ-Бергъ-Амтъ. Неудовольствіе петербургскаго правительства на дѣйствія де-Геннина. Коммиссія объ отдачѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ руки частныхъ компаній. Посылка Татищева на Уралъ. Инструкція ему. Рѣчь Татищева къ сослуживцамъ. Горнозаводскій уставъ, составленный имъ. Перемены въ горномъ сибирскомъ управленіи. Ссора Татищева съ Демидовыми и Строгановыми. Распоряженія его о раскольникахъ, бѣжавшихъ на заводы, и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Успѣхи горнаго дѣла при Татищевѣ. Учрежденіе Генераль-Бергъ-Директоріума. Планы Бирона и Шемберга. Новая коммиссія объ отдачѣ казенныхъ заводовъ въ аренду. Назначеніе Татищева въ Оренбургскую экспедицію. Состояніе Башкирскаго края въ XVII и XVIII вѣкахъ до царствованія Анны Іоанновны. Возстанія Ситовское, Алдаровское и Кузюковское. Дѣйствія русскихъ мѣстныхъ правителей. Сношенія Башкирцевъ съ Киргизъ-Кайсаками. Отношенія Киргизовъ къ русскимъ, къ Ойратамъ и Аральцамъ. Просьба хана Абдуль-Ханра о подданствѣ. Повѣдка въ Орду полковника мурзы Тевкелева. Проектъ Кирилова о построеніи Оренбурга. Оренбургская экспедиція. Неудача Кирилова. Возстаніе Башкиръ. Дѣйствія противъ нихъ Татищева. Смерть Кирилова. Пріѣздъ Татищева въ Башкирію. Совѣщанія его съ мѣстными начальниками. Бѣдственное положеніе края. Мѣры для усмиренія Башкирцевъ. Перемены въ поземельныхъ отношеніяхъ между Башкирцами, Мещеряками и Тептерями. Повѣдка Татищева въ Оренбургъ.

Переговоры съ ханомъ Абдуль-Хаиромъ. Строеіе крѣпостей по Самарской и Яидкой линіямъ. Отношенія Татищева къ сослуживцамъ. Доносы на него. Поѣздка его въ Петербургъ.

Глава IV. Общественныя отношенія Татищева.—Отношенія Татищева къ Бирону. Характеристика тогдашняго управленія въ Россіи. Отношенія нѣмецкихъ правителей къ русской партіи. Проекты Татищева. Судная комиссія надъ нимъ. Письмо гр. Головкина къ Бирону о Татищевѣ. Запросы судной комиссіи: о поступкахъ Татищева съ полковникомъ Бордокевичемъ и съ семьею казанскаго купца Иноземцова. Дѣло казака Исаева и уфимскаго воеводы Шемякина. Духовное завѣщаніе Татищева сыну. Жалобы его на гоненія отъ враговъ. Распоряженія на случай смерти. Совѣты сыну о вѣрѣ, объ умственномъ и нравственномъ образованіи; о женитьбѣ и семейной жизни; о военной, гражданской и придворной службѣ; о богатствѣ. Экономическія до деревни слѣдующія записки, составленныя Татищевымъ. Совѣты о друзьяхъ, объ отношеніяхъ къ начальникамъ, о правосудіи, о секретаряхъ и подъячихъ, о товарищахъ по службѣ. Деревенская жизнь. Сельскіе священники. День врестьянина. Сельскія работы. Исправительныя мѣры. Вопросъ о винномъ откупѣ. Экономія въ деньгахъ.— Паденіе Бирона и перемѣна въ судьбѣ Татищева.

Глава V. Калмыцкая Комиссія.—Исторія появленія Калмыковъ въ Россіи. Бытъ ихъ. Степное уложеніе. Судъ Зарго. Отношенія къ русскимъ въ XVII вѣкѣ. Ханъ Аюка. Волненія въ калмыцкихъ улусахъ на Волгѣ по смерти Аюки. Черенъ-Дондукъ, Дондукъ-Омбо, Дарма-Бала, Дондукъ-Даши. Княгиня Анна Тайшина и поселеніе ея Татищевымъ въ Ставрополѣ на Волгѣ. Назначеніе Татищева въ Калмыцкую комиссію. Инструкція; замѣчанія на нее Татищева и отвѣты коллегіи. Свиданіе и переговоры Татищева съ калмыцкими владѣльцами близъ Селитреннаго городка на рѣкѣ Ахтубѣ. Его дневникъ. Бѣгство ханши Джаны въ Кабарду. Первые неудовольствія между Татищевымъ и намѣстникомъ калмыцкаго ханства, Дондукъ-Дашею. Дѣйствія сына Татищева въ Кизлярѣ, Кабардѣ и на Кубани. Возвращеніе Джаны къ Астрахани и объявленіе Татищева о ея арес-

тъ. Ссоры Татищева съ генераломъ Таракановымъ и съ Дондукъ-Дашей. Повѣдка намѣстника въ Петербургъ. Походъ русскихъ и Дондукъ-Даши на Салтанаульцевъ. Новыя ссоры Татищева съ намѣстникомъ. Переписка ихъ: объ отношеніяхъ между калмыцкими владѣльцами, объ отношеніяхъ ихъ къ простымъ калмыкамъ и калмыцкимъ духовнымъ лицамъ, о калмыцкомъ уложеніи, о рыбныхъ ловляхъ, о разоренной казаками калмыцкой мошадь, о сынѣ намѣстника, о разборѣ ссоръ калмыковъ съ русскими и казаками, объ астраханской татарской судной кенторѣ. Жалоба Дондукъ-Даши на Татищева, посланная въ Петербургъ. Нерѣшимость петербургскихъ правителей. Просьбы Татищева объ увольненіи отъ калмыцкихъ дѣлъ. Новыя непріятности между нимъ и намѣстникомъ. Вторая челобитная Дондукъ-Даши на Татищева. Попытки правительства помирить губернатора и намѣстника. Бранная переписка между ними. Новая просьба Татищева объ увольненіи отъ калмыцкой комиссіи. Сынъ Татищева Еропкинымъ.

Глава VI. Астраханская губернія.—Состояніе Астраханской губерніи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Управление астраханскихъ воеводъ и губернаторовъ. Торговля Низоваго края. Сношенія съ Бухарой и Хивой. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами, Пьера Буки. Армянская компанія и торговля сношенія съ Персіей и Индіей. Военныя волненія въ странахъ приуральскихъ и прикаспійскихъ. Подвиги шаха Надира въ передней Азіи. Ссоры кабардинскихъ горцевъ съ шахомъ и переговоры, по поводу ихъ, между Надиромъ и Татищевымъ. Подарки шаху и его министрамъ. Вѣсти о дѣйствіяхъ шаха на Кавказѣ. Приготовленія Астрахани къ оборонѣ. Новыя вѣсти о подвигахъ Надира. Выдача ему русскими пограбленнаго кабардинцами. Свѣщеніе Татищева о военныхъ мѣрахъ къ защитѣ Низоваго края. Неудача шаха на Кавказѣ. Похожденія Эльтона и англійская торговая компанія на Каспійскомъ морѣ. Ссоры Эльтона съ русскимъ резидентомъ и консуломъ въ Персіи. Переговоры петербургскаго правительства съ англійскимъ посломъ о поступкахъ Эльтона. Посылка Ганвея для ревизіи дѣлъ Эльтона. Свиданіе Ганвея съ Татищевымъ. Переписка Татищева, Ганвея, Эльтона, Арапова и Братищева. Покровительство

Татищева англійской торговлѣ. Дѣла о плѣнныхъ, о разбойникахъ, о шпіонахъ, о политическихъ арестантахъ, о переселенцахъ изъ Персіи, о торговыхъ пошлинахъ. Новый русскій резидентъ въ Персіи, Бакунинъ и его ссоры съ консуломъ Братищевымъ, съ Персіянцемъ, съ Эльтономъ. Выговоры Татищева Бакунину. Новое нашествіе шаха на Кавказъ. Отношенія къ Россіи горскихъ князей и Грузіи. Появленіе Трухменцевъ на Мангышлакъ и Эмбѣ. Заботы Татищева объ устройствѣ астраханскихъ татаръ, о постройкѣ городковъ и форпостовъ на Волгѣ, о волжскихъ казакахъ. Бѣдность тогдашнихъ административныхъ средствъ въ Астрахани. Отзывъ о дѣятельности Татищева, путешественника д-ра Держе. Увольненіе Татищева отъ званія губернатора и новая судная коммиссія надъ нимъ.

Глава VII. Ученые и литературные труды Татищева.— Ученое направленіе русской литературы при Петрѣ и послѣ него. Страсть Татищева къ книгамъ. Его любознательность. Географическія занятія въ Россіи во времена Татищева. Собственные географическіе труды Татищева. Историческія занятія Татищева. Рукописи историческихъ сочиненій его. Вопросъ объ источникахъ Исторіи Россіи Татищева. Вопросъ объ Иоакимовской летописи. Нѣкоторыя изъ сомнительныхъ мѣстъ въ его исторіи. Критическія приемы Татищева. Богословскія, философскія, политическія и историческія мнѣнія его. Археологическія и этнографическія свѣдѣнія. Юридическіе труды Татищева. Примѣчанія къ Русской Правдѣ и Судебнику. Сочиненія Татищева о ревизіи, о бѣглыхъ, объ областномъ управленіи. Что не дошло до насъ изъ сочиненій Татищева? Гдѣ онъ кончилъ свою исторію? Писалъ ли онъ мемуары? Разговоръ о пользѣ наукъ, — Татищева.

Глава VIII. Заключение.— Послѣдніе годы жизни Татищева. Обстоятельства его смерти. Взглядъ на Татищева его современниковъ. Судьба его ученыхъ трудовъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Общій выводъ.

Примѣчанія. Въ нихъ между прочимъ помѣщены: Отдѣленіе статей горнозаводскаго устава Татищева. Одинадцать вопросовъ о Бухарѣ и Хивѣ, изъ рукописи, принадлежавшей Татищеву. Описаніе рукописи: „Способъ къ введенію коммерціи въ государствахъ Великаго Мо-

гола". Описаніе „чертежной книги всей Сибири“ тобольскаго боярскаго сына Семена Ремезова. Описаніе географическихъ трудовъ геодезистовъ, посланныхъ Татищевымъ въ Сибирь. Предисловіе къ лексикону Татищева, сочиненному для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ. Примѣчанія Татищева къ сочиненію Страленберга. Описаніе рукописи Татищева: „Предъизвѣщеніе къ Исторіи“. Описаніе рукописи Татищева: „Царство царя Михаила Ѳеодоровича“. Реестръ сочиненій Татищева, посланныхъ въ Петербургъ изъ московскаго архива къ Екатеринѣ II.

Приложенія. (Оглавленіе помѣщено предъ ними).

ГЛАВА I.

Административныя преобразованія Петра и первая служба Татищева.

Въ XVII столѣтїи родъ Татищевыхъ, происходившій отъ смоленскихъ князей рюриковичей, принадлежалъ къ числу захудалыхъ. Въ то время, какъ члены фамилїи родословныхъ бывали въ боярахъ и окольниковихъ, ни одинъ изъ предковъ нашего историка не имѣлъ этихъ чиновъ и не сидѣлъ въ думѣ¹⁾. Но самъ онъ родился уже тогда, какъ обычаи мѣстничества объявлены были вредительными, разрушительными и мерзкими; когда въ общественныхъ нравахъ начинала колебаться исключительная сила стариннаго предразсудка, что человѣкъ не славнаго родителя и высокоуменъ, точно птица безъ крыль, убивается о землю, а взлетѣть не можетъ. Зато Татищевъ долженъ былъ заплатить дань вѣку въ другомъ отношенїи: долженъ былъ въ ранней молодости подчиниться общей участи современниковъ, для большинства которыхъ воспитанїе ограничивалось лишь вскормленїемъ, а подъ образованїемъ разумѣлось ученїе словесное и письменное по азбуквнику, псалтырю и часослову, да церковное пѣнїе. Въ послѣдствїи ни въ одномъ изъ своихъ сочиненїй онъ не вспомнилъ о томъ чему и какъ учился въ юности; о средствахъ къ образова-

нiю, которыя онъ могъ встрѣтить среди семьи своей, нѣтъ никакихъ извѣстiй; его имени не было также и въ числѣ учениковъ Еллино-греческой академiи, открывшейся незадолго до его рожденiя. Какъ большая часть лучшихъ людей эпохи, Татищевъ былъ воспитанъ самою жизнью: съ дѣтства окружали его великiя событiя, влiянiе которыхъ должно было потомъ отразиться на политической, административной, общественной и литературной его дѣятельности.

Какое же изъ явленiй тогдашней жизни было самымъ раннимъ воспоминанiемъ его? — Обломки глубокой древности, вольности Псковичей, сохраненныя ими въ подновленномъ видѣ до конца XVII столѣтiя. «Я помню, говорить Татищевъ *), какъ въ 1699 году ихъ головы или бурмистры судили и наказывали гражданъ, только для пытки и смертной казни отсылали къ воеводѣ; хотя въ гарнизонѣ было два полка стрѣльцовъ, но и граждане имѣли два полка и съ оными крѣпость содержали (т. е. охраняли), полковниковъ и прочихъ сами къ онымъ опредѣляли». Но Петръ, только что вернувшiйся изъ перваго путешествiя своего за границу, настойчивѣе прежняго принялся за преобразованiя, завѣщанныя ему предшественниками, — и скоро послѣднiе слѣды псковской пошлины, поразившiе своей особенностью наблюдательный умъ тринадцатилѣтняго мальчика, исчезли невозвратно.

Вслѣдъ за уничтоженiемъ стрѣлецкаго войска, послѣ жестокаго розыска, вслѣдъ за стрижкою бородъ, за введенiемъ новаго лѣтосчисленiя, новаго платья, гербовой бумаги, сшитыхъ тетрадей вмѣсто старинныхъ столбцовъ, Петръ обратился къ одной изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности, — къ утверженiю русской власти на берегахъ Балтiйскаго моря. Наступила борьба, которой суждено было вне-

сти коренную переѣну въ международныя отношенія сѣверныхъ государствъ: подорвать великое значеніе Швеціи, приобрѣтенное участіемъ въ тридцатилѣтней войнѣ, указать на новую представительницу протестантизма въ самой Германіи, Пруссію и вдвинуть Россію въ кругъ европейскаго союза. Война, начавшись безславнымъ пораженіемъ подъ Нарвою, обратила всѣ живыя силы государства на развитіе матеріальныхъ средствъ. Рѣшившись на чеканку мѣдныхъ денегъ, оставившихъ по себѣ темную память въ народѣ со времени коломенскаго бунта, переливъ церковныя колокола въ пушки, согнавъ на крѣпостныя работы въ Новгородъ и Псковъ не только солдатъ и городскихъ жителей, но и священниковъ и всякаго церковнаго чину людей, мужчинъ и женщинъ, Петръ занялся устройствомъ войска и увеличеніемъ государственныхъ доходовъ. Частые указы о новыхъ податяхъ и сборахъ деньгами и натурой, придуманныхъ государевыми прибыльщиками; приглашенія иностранцевъ, строгія требованія стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, новиковъ и недорослей, вызовы крѣпостныхъ и гулящихъ людей на царскую службу; введеніе постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, явленіе дотолѣ невиданное на Руси,—все это давало знать о томъ страшномъ напряженіи, о тѣхъ усиліяхъ, какихъ потребовала отъ народа затѣянная Петромъ война *). Азовскіе походы и перестрѣлки съ турецкими судами на Азовскомъ морѣ стоили большихъ жертвъ: теперь надо было готовиться къ еще большимъ. Къ людямъ, связавшимъ свои имена съ первыми дѣлами Петра, должны были присоединиться новые дѣятели. Сила обстоятельствъ заставила и Татищева принять въ 1704 году участіе въ общемъ движеніи; онъ долженъ былъ поступить въ армію.

Отправляя обоихъ сыновей своихъ на войну, отецъ Татищева наказывалъ имъ на крѣпко, чтобы ни отъ какаго

положеннаго на нихъ дѣла не отрицались и ни на что сами не назывались. Вторичная осада Нарвы и взятіе ее въ 1705 году Русскими, благодаря нерасчетливой и безуспѣшной вылазкѣ шведскаго генерала Горна, какъ разсказывалъ потомъ самъ Татищевъ, были первымъ дѣдомъ, въ которомъ онъ участвовалъ. Полтавская битва, приготовившая благопріятный для Россіи исходъ войны, также была однимъ изъ личныхъ воспоминаній его: «Мнѣ сіе въ памяти, говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ Исторіи, что въ Полтавской баталіи полкъ Новгородской, бывший въ нашей бригадѣ, имѣлъ синій мундиръ подобенъ шведскому и стоялъ подлѣ нашего полку на лѣвой рукѣ, и какъ по насъ пѣхота шведская, бывшая у лѣсу на ихъ лѣвомъ крылѣ, стала стрѣлять, отчего кони помялись, и велѣли намъ прочь отступить, а на наше мѣсто привели гвардію; въ то время генераль-маіоръ князь Волконскій съ онымъ новгородскимъ прошелъ между Шведы впередъ, ибо конница шведская отъ пушекъ изъ линіи уступила, нашъ же подполковникъ, не усмотря того въ дыму, пошелъ такожъ межъ нашей и шведской пѣхоты, и какъ дымъ и пылъ приподнялися, увидѣли полкъ противъ насъ стоящій и, не усмотря знаковъ, думая что Шведы, тотчасъ хотѣли на нихъ напасть и нѣкоторыя роты стали стрѣлять, что увидя оный генераль-маіоръ прислалъ сказать и тако удержалъ, однакожъ отъ стрѣльбы не безъ урону учинился». Въ слѣдующемъ году, начальствуя тремястами солдатъ, Татищевъ спускается внизъ по Припети отъ Пинска до Кіева; выступивъ изъ послѣдняго города съ своею командою, осматриваетъ на пути, близь Коростеня, высокій холмъ, который слытъ въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ Игровой могилы; въ 1711 году участвуетъ въ Прутскомъ походѣ. Замиреніемъ съ Турціею кончались большіе переходы цѣлой арміей: война продолжалась на

разныхъ пунктахъ, большею частію въ русскихъ границъ; — и къ этому времени относится первое знакомство Татищева съ Германіею. Но причины и подробности его путешествія туда неизвѣстны. Самъ онъ рассказываетъ лишь объ одномъ изъ первыхъ впечатлѣній своихъ по возвращеніи на родину: «въ 1714 г., говоритъ онъ, ѣдучи изъ Германіи черезъ Польшу, въ Украинѣ я заѣхалъ въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и она съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то не правда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ ни мало на нѣ не внималъ, я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть и ее къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мной адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ къ оной бабѣ, спрашивалъ я ее прилежно, чтобъ она истину сказала, на что она тоже, что и въ распросахъ, утверждала. Я требовалъ у ней въ утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: ниткѣ, которую въ рѣкахъ держалъ, чтобъ, не дотрогиваясь, велѣла-бъ порваться или свѣчѣ горѣвшей погаснуть, или-бъ въ окошко, которое я открылъ, велѣла-бъ воробью влетѣть, обѣщавъ ей за то не только свободу, но и награжденіе, но она отъ всего отеклась. Потомъ я ее увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала: на оное она сказала, что лучше хочеть умереть, нежели, отпершись, еще пытанной быть и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, очарованіе ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ; что и достовѣрно утвердила, по которому она въ монастырь подъ началъ сослана»⁴).

Военная служба, которой Татищевъ не покидалъ до 1720 года, пользовалась тогда особенными правами предъ всякою другою. Такъ, по указу Петра, каждый дворянинъ, какой бы фамиліи ни принадлежалъ, долженъ былъ во всякомъ случаѣ давать почетъ и первое мѣсто каждому офицеру подъ опасеніемъ заплатить штрафъ, равный третнему жалованью лица, которому не было оказано почтенія; такъ, послѣ знаменитаго указа о майоратѣ, младшіе члены дворянскихъ фамилій получали право покупать населенныя мѣстности послѣ десятилѣтней службы, если были гражданскими чиновниками, послѣ семи, если были военными; самое производство въ высшіе офицерскіе чины совершалось по приговору товарищей одного полка или цѣлой дивизіи; наконецъ офицеры могли пользоваться бесплатно необходимыми имъ книгами ⁶⁾). Но такія льготы доставались недаромъ: армія Петра Великаго обречена была на суровую школу. По воинскому уставу, составленному самимъ преобразователемъ: «*нѣя солдатъ* просто содержало въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкетера, коннаго и пѣшаго».

Преслѣдуя тотъ взглядъ на взаимныя отношенія командующихъ войсками, который былъ причиною мѣстническихъ споровъ между воеводами старинной рати, воинскій уставъ Петра рѣзко выражался противъ лакомства и похлебства начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ, грозилъ сильными наказаніями за ссоры, обиды, поединки: самъ обиженный, если не билъ челомъ на обидчика, да и не мирился съ нимъ, подвергался такому же наказанію, какъ и оскорбитель. За чернокнижіе, суевѣріе и чародѣйство положено было жестокое заключеніе, наказаніе шпицрутенами и даже сожженіе; смертная казнь слѣдовала за непослушаніе непосредственному начальнику, за обнаженіе оружія противъ военнаго

человѣка вообще, за непотребную тревогу или какой крикъ въ лагерь послѣ пробитія зари, за незнаніе пароля и лозунга, если то было причиною важнаго бѣдствія. За удержаніе жалованья у подчиненныхъ опредѣлена была ссылка на галеры, а въ важныхъ случаяхъ и смертная казнь; но публичныя жалобы о недоплаченныхъ или вовсе невыданныхъ деньгахъ въ походѣ, гарнизонѣ или средилагеря, наказывались, какъ измѣна и возмущеніе. Грабежъ, насиліе, немилостивые поступки въ непріятельской землѣ, убійствія плѣнныхъ влекли за собою смертную казнь, разстрѣливаніе, висѣльицу, отсѣченіе руки и, вообще, жестокія наказанія. Даже, во время сраженія или взятія приступомъ города, запрещалось не только лишать жизни дѣтей, женщинъ, стариковъ и священниковъ, но и наносить имъ обиды подъ страхомъ смерти. Если, по взятіи непріятельскаго обоза, кто-либо захватывалъ часть добычи, ему неслѣдовавшую, тотъ «безъ всякаго размышленія отъ своего товарища могъ быть убитъ». При розыскѣ важныхъ преступленій дозволялась пытка. Наконецъ воинскій уставъ изгонялъ изъ арміи обычай, дозволявшій женщинамъ находиться при войскѣ во время походовъ его. Что Петръ самъ подчинялся всѣмъ условіямъ, соединеннымъ съ обязанностями службы, это было хорошо извѣстно его современникамъ. Но Татищевъ имѣлъ случай убѣдиться въ уваженіи преобразователя вообще во всякому справедливому требованію, даже и не предвидѣнному уставомъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ Судебнику, онъ говоритъ: «на память мнѣ пришло, что Петръ Великій, принявъ на себя челобитную, велѣлъ судить. Сіе случилось такъ: какъ его величество шелъ подъ Нарву въ 1700 г.; стоя у посадкаго въ домѣ, взялъ у него сына, обѣщавъ имѣть въ своей милости, но, по несчастію, оный взять въ полонъ и двѣнадцать лѣтъ

вѣдомости не было. Отецъ, не имѣя иного наследника, съ печали отъ торгу отсталъ, но, получа о сынѣ извѣстіе чрезъ князя Долгорукова, написавъ челобитную, просилъ государя, чтобъ въ его обидѣ учинилъ справедливость. Государь, не принявъ челобитную, сказалъ, чтобъ онъ просилъ въ надлежащемъ судѣ. Посадскій сказалъ: бью челомъ на тебя, и рассказалъ все подробно. Государь, написавъ обстоятельство безъ именъ, послалъ въ сенатъ и велѣлъ оное по правости рѣшить. Сенатъ рѣшилъ, что отвѣтчикъ долженъ сына изъ плону выкупить и челобитчику всѣ убытки заплатить, что его величество въ точности исполнилъ» *).

Но всѣ эти воспоминанія, сохраненныя Татишевымъ изъ временъ первой его службы, отрывочны и случайны. Говоря въ пользу его наблюдательности, интересовавшейся не однимъ лагернымъ бытомъ, но и другими сторонами тогдашней жизни, они мало сообщаютъ извѣстій о томъ, чѣмъ наполнялась постоянная, ежедневная его дѣятельность. Въ числу такихъ отрывочныхъ воспоминаній принадлежитъ и вторичная поѣздка его въ Германію, относящаяся къ 1717 г. Когда Петръ перенесъ войну на германскую почву, Гамбургъ, Любекъ и Данцигъ не разъ принуждены были откупаться отъ посѣщенія русскихъ войскъ значительными денежными контрибуціями. Кромѣ того война подрывала приморскую торговлю, которая составляла главныя средства къ жизни для населенія городовъ, когда-то принадлежавшихъ къ Ганзейскому Союзу. И потому, не смотря на обѣщанія не имѣть никакихъ сношеній съ Шведами, Гданчане продолжали свои торговыя связи съ ними, что вызывало грозныя деклараціи со стороны Петра противу непокорнаго города. Послѣ каждой угрозы Данцигъ сдавался на требованія царя, платилъ новыя контрибуціи и опять принимался за сношенія съ Швеціею. Въ 1716 году Гданскій маги-

стратъ не только отказался вооружить на свой счетъ каперовъ, но и «весьма дерзость имѣлъ объявить», что въ войнѣ никакого участія не имѣеть. На замѣчаніе, что городъ ихъ считается членомъ рѣчи посполитой польской, которая давно уже въ союзѣ съ Петромъ, магистратъ отвѣчалъ стѣснительными мѣрами противъ русскихъ войскъ, задержаніемъ царскаго багажа и другими непріятельскими поступками. Петръ снова потребовалъ удовлетворенія отъ Гданчанъ, обнаружившихъ такое «безчувствіе и грубость», и послалъ къ нимъ съ объявленіемъ всѣхъ неисправностей князя Василя Долгорукова. Татищеву же велѣно было хлопотать о включеніи въ новую контрибуцію образа Страшнаго Суда, который находился въ одной изъ церквей Данцига, въ замѣнъ денегъ, хотя бы пришлось уступить до 50,000 ефимковъ. Петръ зналъ отъ гданскаго бургомистра народную молву, будто этотъ образъ есть тотъ самый, который писанъ однимъ изъ славянскихъ апостоловъ св. Меѳодіемъ, по поводу обращенія въ христіанство моравскаго князя. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно старался о приобрѣтеніи такой рѣдкости, какъ сдѣлалъ съ знаменитымъ готторпскимъ глобусомъ, съ кенигебергскимъ спискомъ Несторовой лѣтописи: но, съ одной стороны, Татищевъ не подтвердилъ преданія, о которомъ говорила легенда; съ другой, гданскій магистратъ не рѣшился уступить мѣстной святыни даже за 100,000 ефимковъ ?).

Все чаще и чаще прерывалась сѣверная война дипломатическими сношеніями; не рѣдко самъ Петръ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ. Еще съ года прутской компаніи, онъ возобновилъ свои поѣздки за границу и, среди этихъ путешествій, сталъ мало-по-малу переходить отъ вѣншней борьбы къ внутреннимъ реформамъ, принося каждый разъ по возвращеніи въ Россію какое-нибудь нововве-

деніе съ Запада. Въ 1711 году онъ встрѣтился съ Лейбницемъ, нарочно пріѣхавшимъ въ Торгау для свиданія, и выслушалъ его совѣты о необходимости распространить въ Россіи полезныя науки и искусства. Сознвая, что война мѣшаетъ Петру предаться вполне столь благому намѣренію, Лейбницъ просилъ, однакожь, не откладывать его вдаль и дѣятельно заняться устройствомъ школъ, бібліотекъ, музеевъ, кабинетовъ, обсерваторій, ученыхъ обществъ и университетовъ. Въ послѣдствіи познакомившись еще болѣе съ царемъ и его приближенными, узнавъ отъ нихъ о характерѣ государственнаго управленія, какое существовало тогда въ Россіи, Лейбницъ нашелъ еще не меньшую потребность административныхъ реформъ и представилъ Петру проектъ объ устройствѣ коллегій. Главныя положенія этого проекта состояли въ слѣдующемъ:

1) Донынѣ опытъ достаточно показалъ, что государства и страны не иначе могутъ быть приводимы въ лучшее состояніе, какъ только посредствомъ учрежденія коллегій;

2) Такія коллегіи весьма справедливо могутъ быть поѣлены на главныя и второстепенныя;

3) Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую; и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности и тѣсной гармоніи, то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія;

4) Но какъ часы различаются тѣмъ, что одни требуютъ больше, а другіе менѣ колесъ; такъ точно различаются между собою и государства и трудно опредѣлить непрѣмное число коллегій;

5) Для государства его царскаго величества можно сначала счесть необходимыми слѣдующія девять коллегій: по-

литическую (etatscollegium), военную, финансовую, полицейскую, воститцъ-коллегію, коммерцъ-коллегію, ревизіонъ-коллегію, духовную и ученую;

б) Для каждой изъ этихъ коллегій необходимо особенное описаніе и притомъ: а) того, что касается членовъ каждой коллегіи; б) что должно быть предметомъ ихъ занятій; с) какую пользу изъ того получить его царское величество и страна его.

Въ проекту своему Лейбницъ приложилъ планъ одной только ученой коллегіи, но въ послѣдствіи представилъ общія соображенія о порядкѣ и экономіи финансовъ, при чемъ, говоря о причинахъ дурнаго состоянія государственныхъ доходовъ, упоминалъ уже о камеръ-коллегіи, бергъ-коллегіи и мануфактуръ-коллегіи; наконецъ онъ составилъ еще инструкцію для конюскаціонной канцеляріи⁸⁾.

Мысли, планы, проекты Лейбница не должны были остаться безъ вліянія на Петра: совѣты германскаго ученаго и государственнаго человѣка должны были найти сочувствіе въ преобразователѣ Россіи уже и потому, что они не были новостію для Петра, отвѣчали его собственнымъ напѣреніямъ. Съ другой стороны, если Лейбницу трудно было сойтись съ Карломъ XII во время ихъ свиданія въ Альтранштадтѣ; потому что между космополитомъ-философомъ, каковъ былъ первый, и молчаливымъ, угрюмымъ кондотьеромъ, какииъ былъ шведскій король, немогло быть никакой точки соприкосновенія: то въ русскому царю привлекали мысль Лейбница тотъ духъ реформы, которымъ проникнуты были всѣ дѣйствія Петра, и то страстное, безпокойное стремленіе, съ какииъ онъ хотѣлъ добиться лучшаго. Въ послѣднемъ свойствѣ человѣческой субстанціи Лейбницъ всегда находилъ источникъ совершенствованія и счастья людей: «Unglücke, говорилъ онъ своимъ любимымъ

языкомъ сравненій, есть нѣмецкое названіе часоваго маятника»⁹). Административныя реформы Петра предупредили, до нѣкоторой степени, совѣты Лейбница. Еще въ началѣ 1711 года, приступая къ войнѣ съ Турціею, онъ учредилъ сенатъ, обязанностію котораго между прочимъ было: судъ имѣть не лицемѣрный и несправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожь и ябедникамъ да послѣдуетъ; смотрѣть во всемъ государствѣ расхоровъ и ненужныя, а особливо напрасныя, отставить; денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артерію войны; заботиться о торговлѣ и другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства. Сенату приданы были фискалы, должность которыхъ состояла въ томъ, чтобы «надъ всѣми дѣлами надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинить, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить¹⁰). Но при такомъ устройствѣ сената, положительная дѣятельность его не могла быть успѣшна по причинѣ обширности ея программы, а одна отрицательная, инквизиціонная дѣятельность фискаловъ была недостаточна для истребленія зла. Необходимы были болѣе подробныя, частныя преобразованія и Петръ сознавалъ эту потребность. Самыми рѣшительными въ этомъ отношеніи годами были 1717 и 1718.

Посѣтивъ въ іюнѣ 1717 года Сорбонну, Петръ выдалъ свою задушевную тайну при видѣ статуи кардинала Ришельё, съ именемъ котораго соединялась для современниковъ слава величайшаго государственнаго человѣка новой Европы. Обнявъ со слезами на глазахъ монументъ, взволнованный царь сказалъ: «великій человѣкъ! я отдалъ бы половину моего царства генію, подобному тебѣ, чтобы онъ помогъ мнѣ управлять другою». Правда Петръ не былъ одинокъ и

дона у себя : но, по выразительному изрѣченію Посошкова, если онъ самъ—десять тянулъ на гору, то миллионы тащили подъ гору; даже между этими десятью не всё одинаково смотрѣли на самый характеръ преобразованій. Вѣрно лишь одно, что потребность реформы по части государственнаго управленія сознавалась лучшими людьми даже той партіи, которая не вполне одобряла переѣму обычаевъ и нравовъ въ общественной и частной жизни. Такъ тотъ же Татищевъ сохранилъ изъ воспоминаній молодости извѣстный разговоръ царя съ знаменитымъ своею правдивостію княземъ Яковомъ Долгоруковымъ. «Въ 1717 году, будучи его величество на пиру за столомъ со многими знатными, разговаривалъ о дѣлахъ отца своего, бывшихъ въ Польшѣ, и о прелѣтствіи великомъ отъ Никона патріарха; тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ сталъ дѣла отца его уничтожать, а его выхвалять, изъясняя тѣмъ, что у отца его Морозовъ былъ и другіе великіе министры, которые болѣе, нежели онъ, дѣлали. Государь такъ тѣмъ огорчился, что, вставъ отъ стола, сказалъ: ты хулою дѣла отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу; и пришедъ ко князю Долгорукову, ставъ у него за стуломъ, говорилъ: ты меня больше всѣхъ бранишь и такъ тяжело спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю, нынѣ же тебя спрошу и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрно правду скажешь. Оной отвѣтствовалъ: Государь, изволь сѣсть! а я подумаю; и какъ государь подлѣ него сѣлъ, то, не долго по повадкѣ великіе свои усы разглаживая и думая, на что всё смотрѣли и слышать желали, такъ началъ: Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить для того, что дѣла разныя: въ

многъ отецъ твой, въ многъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей три: первое — внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семь отецъ твой болѣе времени свободнаго имѣлъ, а тебѣ еще и думать о томъ времени не достало; и такъ отецъ твой болѣе, нежели ты, сдѣлалъ: но когда и ты о семь прилежати будешь, то можешь превзойдешь, и пора тебѣ о томъ подумать. Другое: военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился и пользу велику государству принесъ, тебѣ устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, да по немъ несмысленныя всѣ его учрежденія раззорили, что ты почитай все вновь сдѣлалъ, и въ лучшее состояніе привелъ: однакожь, я много думая о томъ, еще не знаю кого болѣе похвалить; но конецъ войны твоей прямо покажетъ. Третье: въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными. Ты далеко большую пользу государству и себѣ честь приобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ, надѣюсь, за право примешь¹¹⁾.

— *«Пора тебѣ о томъ подумать!»* — говорилъ Долгоруковъ Петру о внутреннемъ управленіи Россіей, и въ его словахъ лишь повторилась мысль уже знакомая и преобразователю, и русскому обществу: и вотъ среди событій, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи личныхъ отношеній Петра, положено было прочное основаніе давно задуманныхъ реформъ по части государственнаго управленія. 1718 годъ видѣлъ и начало этихъ нововведеній, и былъ свидѣтелемъ смерти царевича Алексѣя Петровича и Карла XII, съ паденіемъ которыхъ шире и свободнѣе становилось поле, выбранное Петромъ для своей дѣятельности.

Въ томъ же году Петръ долженъ былъ преслѣдовать тѣ страшныя злоупотребленія, которыя издавна вкрались въ государственное управленіе, подрывая правосудіе, постав-

ленное Долгоруковыми въ числѣ первыхъ обязанностей государей. Давнее зло, отчасти родившееся изъ системы кормленія, когда судъ и управленіе считались не столько обязанностію правителя, сколько частною собственностію его, дававшее средства кормиться, отчасти поддерживаемое самими нравами общества, воспитаннаго старинною администраціею въ мысли о законности посуловъ, подарковъ, пошловъ, гостинцевъ и тому подобныхъ поборовъ, было такъ сильно, что не сдавалось ни предъ какими угрозами и наказаніями. Еще въ 1714 году Петръ издалъ указъ, которымъ объявлялъ всенародно: «понеже многія лихоимства умножились, между которыми и *подряды вымыслены* и прочія тому подобныя дѣла, которыя уже наружу вышли, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, *что сіе незаконно было*, не разсуждая того, что все то, что впредь и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ (которые ни во что иное тшатся, точю инны подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ членамъ, которые у дѣлъ поставлены великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оны не имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать, торговымъ, подрядомъ и прочими вымыслами.... А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнья лишенъ, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, или и смертію казенъ будетъ»¹²⁾. Тогда же учрежденная комиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Василя Владиміровича Долгорукова, открыла взяточничество и казнокрадство многихъ комиссаровъ, завѣдывавшихъ снабженіемъ войска провіантомъ, судей, секретарей

и дьяковъ разныхъ приказовъ, слѣдователей по рекрутскимъ наборамъ, кабацкихъ и таможенныхъ подъячихъ, помѣщиковъ и купчинъ, занимавшихся подрядами, съ ихъ прикащиками, одного монастырскаго казначея и пономаря; князь Меншиковъ, графъ Апраксинъ были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Денежные штрафы, лишеніе чиновъ и имѣнія, ссылка въ Сибирь, торговая и смертная казнь были наказаніемъ для многихъ изъ виновныхъ: Меншиковъ и Апраксинъ вышли оправданными изъ-подъ слѣдствія, но президентъ адмиралтейства Кикинъ, извѣстный потомъ по своему участию въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, и московскій вице-губернаторъ Ершовъ не ушли отъ наказанія, — и Татищевъ, составляя въ послѣдствіи примѣчанія къ Судебнику Грознаго, замѣтилъ, что въ 1714 году «многимъ значнымъ по ихъ неистовствамъ наказанія чинены» ¹³⁾. Не смотря на то, злоупотребленія, открытыя въ 1718 году, не уступали прежнимъ ни по своему значенію, ни по именамъ обвиненныхъ лицъ. Еще Петръ не вернулся изъ своего путешествія во Францію, какъ до него дошли слухи о враждѣ между сенаторами, о медленномъ исполненіи его повелѣній; онъ узналъ также, что въ амстердамскомъ банкѣ хранятся большія суммы денегъ Меншикова и другихъ вельможъ, пріобрѣтенныя не совсѣмъ чистыми средствами. Желая убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, онъ неожиданно захватилъ Соловьева, бывшаго повѣреннымъ у Меншикова, и, рассмотрѣвъ его книги по счетамъ съ банкомъ, нашелъ нужнымъ отослать его въ Петербургъ подъ надзоромъ Нарышкина и въ сопровожденіи 25 прусскихъ гвардейцевъ. Едва Петръ успѣлъ пріѣхать въ Россію, гдѣ долгое его отсутствіе и бѣгство царевича въ Вѣну отозвались уже недовольствомъ во многихъ людяхъ всякихъ состояній, какъ официальные доносы фискаловъ и жалобы

частныхъ лицъ дали знать еще о злоупотребленіяхъ судей и правителей. Если тайной канцеляріи предстояло много дѣлъ по суздальскому, кийинскому и царевичеву розыскамъ; то не мало печальныхъ открытій долженъ былъ сдѣлать судъ надъ лихоимцами, составленный изъ низшихъ военныхъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ генерала Вейде. Иностранцы, жившіе тогда въ Москвѣ, говорили: этотъ городъ кажется злосчастливымъ; приходится быть или обвинителемъ или обвиненнымъ. Въ тотъ же самый день, какъ казнены были послѣдніе изъ важнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ царевича, Петръ собралъ сенатъ и объявилъ, что, наказавъ оскорбителей величества, приступитъ къ наказанію шавицъ народа—корыстолюбцевъ, обогащающихся достоинствами царя и его подданныхъ. Князю Меншикову, братьямъ Апраксиннымъ, сибирскому губернатору князю Гагарину, велѣно было явиться предъ судей и отвѣчать на обвиненія доносителей. Подъ стражу было отдано болѣе двухъ сотъ обвиненныхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Суммы, которыми виновные во взяткахъ должны были полатиться царю, когда составить, какъ носились тогда слухи, нѣсколько милліоновъ рублей. Приговоръ суда для знатныхъ преступниковъ состоялъ въ лишеніи чиновъ и отличій. Но Петръ еще разъ, ко всеобщему удивленію современниковъ, простилъ Меншикова и Апраксина; самая страшная казнь постигла сибирскаго губернатора. Окончивъ это слѣдствіе, Петръ повторилъ своимъ сотрудникамъ мысль Долгорукова: «я не думаю, говорилъ онъ, чтобы между вами изъ людей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ гражданскихъ дѣлахъ нашелся кто-нибудь не знающій, что двѣ и самыя главныя обязанности государя, которому Богъ опредѣляетъ управлять царствами и народами: защищеніе своего государства отъ внѣшнихъ враговъ, водя лично войска въ битву, и сохра-

неніе между подданными внутренняго міра, являя скорое и доброе правосудіе всѣмъ, и наказывая зло въ лицахъ знатныхъ также, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ¹⁴).

Потребности государственныя привели Петра къ внѣшней войнѣ; событія приготовили ей благоприятный исходъ. Тѣ-же потребности указывали на важность внутреннихъ реформъ; жизнь давно ставила этотъ вопросъ на степень нуждающагося въ безотлагательномъ рѣшеніи. Но однѣми карательными мѣрами нельзя было достичь благой цѣли; чтобы перевоспитать административные и общественные нравы, нужны были и лучшія средства и болѣе времени, нежели имѣлъ Петръ: оставалось идти путемъ положительнаго законодательства и правительственныхъ реформъ. А между тѣмъ попытка составить новый сводъ законовъ, который бы имѣлъ въ своемъ основаніи уложеніе царя Алексѣя Михайловича и давалъ бы общія рѣшенія на вопросы, возникшіе вслѣдствіи новой жизни, не удалась. Сперва этимъ дѣломъ занимались болре, окольнічіе и думные люди, потомъ съ 1714 года сенатъ; но новое уложеніе не двигалось впередъ. Напрасно брали въ руководство шведское уложеніе, а для помѣстныхъ дѣлъ права ливондскія и эстляндскія и потомъ датское уложеніе; напрасно Посошковъ въ минуту, черезчуръ практическаго увлеченія, правиломъ: брать отовсюду, лишь бы хорошо, да пригодно, — совѣтовалъ позаимствоваться не только изъ нѣмецкихъ уставовъ; но и изъ турецкаго судебника; другая, болѣе счастливая мысль его о народномъ многосовѣтїи въ вопросахъ законодательныхъ не была примѣнена къ дѣлу: и труды комиссіи остались безуспѣшными. Значеніемъ дѣйствующаго законодательства пользовались только отдѣльные уставы, да частныя узаконенія. Гораздо легче и доступнѣе были преобразования въ системѣ государственнаго управле-

нія: здѣсь возможно было перенесеніе извнѣ административныхъ формъ, которыя рано или поздно могли проникнуться содержаніемъ, взятымъ изъ русской жизни; гораздо труднѣе было заимствовать самые элементы чуждаго намъ быта. Петръ такъ и сдѣлалъ. Приказное управленіе, основанное на личномъ началѣ, — господствующая форма въ административной жизни XVII столѣтія, — было замѣнено формою коллегіальною; тутъ не было коренной перемѣны самыхъ принциповъ, изъ которыхъ сложилась политическая жизнь Россіи передъ Петромъ. И указы, и коллегіи были органами все той же государственной власти, какъ и въ прежнее время.

Но коллегіи имѣли то практическое преимущество предъ приказами, что по словамъ духовнаго регламента: «извѣстнѣе выискуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели однимъ лицемъ, — вѣще ко увѣренію и повиновенію преклоняеть приговоръ соборный, нежели единоличный указъ, — въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю нуждами и за недугомъ и болѣзнію, — въ коллегіумъ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду, — коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣеть къ правосудию». Наконецъ между коллегіями Петра существовало болѣе прагматичное раздѣленіе занятій по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія, нежели между многочисленными приказами его предшественниковъ; и въ то же время межъ ними было болѣе внутренней связи, чѣмъ между послѣдними; самыя отношенія ихъ къ сенату отличались болѣею опредѣленностію, нежели отношенія приказовъ къ боярской думѣ. «Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ коллегій», — говоритъ новый указъ о должности сената. «Дѣло ихъ то: когда кому въ коллегіи такое дѣло слу-

чится. что ему одному того учинить невозможно, тогда надлежитъ ему объявить секретарю, или кому ввѣрены письма и канцелярія; то онъ повиненъ созвать ихъ, и когда съѣдутся оное дѣло слушать и съ низу каждому свое мнѣніе писать, и потомъ рѣшеніе всѣмъ подписать; буде же и всѣмъ оное вершить невозможно, то учинить предложеніе и свое мнѣніе въ докладъ.... Безъ согласія всего сената ничто начинать подобаеъ, меньше же въ чемъ что вершить возможно. Въ сенатѣ никакое дѣло исполнено быти надлежитъ словесно, но все чтобъ письменно. Глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра неоткладывали, ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ; понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ рознится съ измѣною, и неточію равномѣрно бѣду пріинимаетъ государство отъ обопхъ, но отъ сего еще вяще, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ почувствуетъ, но мало-по-малу все раззорится, и люди въ непослушаніи останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то о греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ. Буде же сенатъ, говорилось въ генеральномъ регламентѣ, о какомъ дѣлѣ что повелитъ, а коллегіумъ усмотритъ, что то его величества указомъ и высокому интересу противно: то государственному коллегіуму не должно того исполнять, но имѣеть въ сенатѣ о томъ надлежащее письменное предложеніе учинить. И ежели сенатъ, не взирая на оное, при прежнемъ своемъ опредѣленіи пребудеть, то сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ, а коллегіумъ по письменному указу сенатскому, и потомъ его царскому величеству объ ономъ донести долженъ, а ежели неизвѣститъ: то коллегіумъ вся подвержена будетъ тому наказанію по силѣ вреда». Касательно отношеній между коллегіями было постановлено: «Понеже

каждый коллегіумъ особливья свои отправленія и дѣла имѣеть, того ради одному коллегіуму въ дѣло другаго не вступаться; но ежели иногда что случится, которое и до другаго коллегія касается, то одному съ другимъ о томъ порядочно и письменно корреспондовать; и ежели оное дѣло важно и трудно, то онымъ коллегіямъ надлежитъ собраться и обще о томъ дѣлѣ разсуждать и къ вершенію привести». Съ такою твердостію въ примѣненіи и ясностію во взглядѣ, выполненъ былъ совѣтъ Лейбница: но, переходя теперь изъ проектовъ въ жизнь, новыя учрежденія Петра должны были испытать неизбѣжныя столкновения съ дѣйствительностію. Коллегіей сначала было учреждено девять. Отвѣчая по числу своему коллегіямъ Лейбница, онѣ представляли отступленія по кругу занятій, назначенныхъ для нихъ Петромъ. *Etats-collegium*, по всей вѣроятности, предполагала коллегію чужестранныхъ дѣлъ, которая замѣнила приказъ по-сольскихъ дѣлъ. Но *Kriegs-collegium* была раздѣлена Петромъ на двѣ: воинскія замѣнила собой приказы разрядный, стрѣлецкій, рейтарскій, иноземный, оружейный и часть занятій многихъ другихъ; адмиралтейская составила центральное учрежденіе для управленія флотомъ, до Петра вовсе не существовавшимъ. *Finanzen-collegium* также образовала двѣ: камеръ-коллегію, завѣдывавшую государственными доходами, и штатсъ-коллегію, завѣдывавшую расходами; онѣ соединяли въ себѣ то частное хозяйство прежнихъ царей, которымъ управляли Приказъ Большіе Казны, Большой приходъ, Приказъ Большаго дворца и вообще казенные дворы. Коммерцъ и ревизіонъ-коллегіи Петра вполнѣ отвѣчали такимъ же коллегіямъ Лейбница; но *polizei-collegium* не получила такого же устройства, какъ прочія; полицейскою частію завѣдывалъ при Петрѣ генераль-полицеймейстеръ Девиеръ съ своею канцеляріею. Учрежденіями,

соотвѣтствующими духовной и ученой коллегіямъ, явились въ послѣдствіи Синодъ и отчасти Академія Наукъ. Зато Петръ прибавилъ Бергъ и Мануфактуръ-коллегію, которая управляла «рудоконными заводами и всѣми прочими ремеслами и рукодѣліями и заводами оныхъ и размноженіемъ, притомъ же и артиллеріею»; потомъ горное дѣло и артиллерія были отдѣлены отъ мануфактуръ, и бергъ-коллегія получила самостоятельное существованіе ¹⁵).

Такое заботливое вниманіе, обращенное на устройство фабрикъ и заводовъ по всѣмъ частямъ промышленности, удовлетворяло самымъ пламеннымъ ожиданіямъ передовыхъ людей XVII столѣтія, постоянно жаловавшихся на бѣдность Россіи, и кромѣ того одной изъ существенныхъ потребностей своего времени: увеличеніе государственныхъ расходовъ, быстро поднявшихся вслѣдствіе новыхъ нуждъ, заставило Петра обратить вниманіе на развитіе производительныхъ силъ страны. Перенесеніе въ Россію горнаго искусства было однимъ изъ слѣдствій этихъ заботъ. «Наше российское государство», говорилъ Петръ въ указѣ 10 декабря 1719 года, опредѣлявшемъ кругъ занятій бергъ-коллегіи, «предъ многими оными землями прензобилуетъ и потребными металами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія ископаны: паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ;... сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію, что наши подданные рудоконнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести, не разумѣли, частію же нждивенія и трудовъ къ оному приложить отважиться не хотѣли, опасаяся, дабы иѣкогда тѣ заведенные рудоконные заводы, егда въ нихъ добрая прибыль будетъ, отъ нихъ заводчиковъ отняты бѣ не были». Въ этомъ случаѣ Петръ опять сходилъ съ практическимъ Лебницемъ.

который отъ занятій философіею, юриспруденціею, исторіею и математикою, перешелъ, во время своего пребыванія во Франціи, къ знакомству съ фабричною промышленностію; а во время службы у герцога брауншвейгъ-люнебургскаго Юганна Фридриха — къ основательному изученію горнаго искусства. Живя въ Парижѣ, Лейбницъ писалъ Гоббесу: «я забылъ, что здѣсь фабрики и мануфактуры въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, не мѣшало бы намъ кое-что позаимствовать у нихъ. Что касается меня, я здѣсь постоянно трусь между фабрикантами и, признаюсь, многому у нихъ научился: а отправляясь въ Целлерфельдъ, уведомлялъ: «вчера я отправился въ рудники Гарца. Вы можете спросить, какое было мнѣ, государственному человѣку, до рудниковъ; но я давно уже убѣдился, что государственное хозяйство едва-ли не самая главная отрасль политическихъ наукъ. Германіи придется испытать горькую участь отъ незнанія этого дѣла и равнодушія къ нему» ¹⁶⁾. Первому русскому историку также суждено было посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни теоретическому и практическому изученію горнаго искусства, и въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе обстоятельствъ, а потому и сдѣлалъ болѣе, нежели знаменитый современникъ его Ломоносовъ.

Артиллерія была отнесена вмѣстѣ съ горнымъ дѣломъ къ ведомству Бергъ-коллегии, а фельдцеймейстеръ графъ Брюсъ избранъ президентомъ Бергъ-коллегии. Татищевъ въ последнее время также служилъ въ артиллеріи и былъ извѣстенъ Брюсу, какъ ревностный исполнитель служебныхъ обязанностей, какъ человѣкъ съ большимъ запасомъ свѣдѣній и любовью къ наукѣ. Графъ Брюсъ, по отзыву самого Татищева, былъ человѣкъ высокаго ума, остраго разсужденія и твердой памяти; родившись въ Россіи, но

принадлежа къ выѣзжей изъ Шотландіи фамиліи, онъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивѣйшихъ и образованнѣйшихъ помощниковъ Петра; онъ первый указалъ царю на пользу, какую можетъ принести въ дѣлѣ управленія географическое изученіе управляемой страны, отчасти самъ принялся за этотъ трудъ, но потомъ, уѣхавъ въ 1719 году на аландскій конгрессъ, передалъ его Татищеву, не переставая, впрочемъ, помогать ему въ томъ. Теперь, при открытіи Бергъ-коллегіи, по всей вѣроятности, онъ же указалъ Петру на Татищева, когда тотъ искалъ способнаго и знающаго человѣка, чтобъ послать его на Уралъ для приведенія въ лучшее состояніе уже существовавшихъ тамъ заводовъ и для открытія новыхъ. 9 марта 1726 года данъ былъ капитанъ-поручику артиллеріи Татищеву указъ, за подписью членовъ Бергъ-коллегіи: Брюса, Потта, барона де-Любераса, барона Шлаттера, Винцента Райзера, Іакова Делейеса; ему велѣно было: «въ сибирской губерніи на Кунгурѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ обыщутся удобныя разныя мѣста, построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить, и для того туда ѣхать съ бергъмейстеромъ Бліэромъ, да съ нимъ бергъшрейберу Ивану Потрушеву, да съ Олонца штейгеру Гаврилѣ Шейнфельду и съ нимъ двумъ человѣкамъ русскимъ ученикамъ». Въ инструкціи, состоявшей изъ 15 пунктовъ, подробнѣе говорилось объ улучшеніяхъ, какія нужно было сдѣлать для уральскихъ заводовъ и сверхъ того обѣщано было содѣйствіе мѣстныхъ воеводъ, Бергъ-коллегіи и Сената ¹⁷⁾).

Законодательная часть по горному дѣлу осталась въ рукахъ Бергъ-коллегіи; ей долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и трудахъ Татищевъ, на долю котораго выпала самая тяжелая сторона дѣла. Но если онъ могъ быть хорошимъ артиллеристомъ, то это еще не ручалось за

его опытность въ розысканіи рудъ и успѣшномъ устройствѣ заводовъ. Кроме того на самомъ мѣстѣ дѣятельности своей, онъ долженъ былъ встрѣтить не мало затрудненій. — Недавно устроенные заводы были запущены, отчасти по малому законству съ производствомъ горнаго дѣла ихъ прежнихъ управителей, а всего болѣе по недостатку рукъ; кроме того частные заводчики, какъ напримѣръ Демидовъ, лично смотрѣвшіе за своими рудокопами, подрывали казенные заводы, переманивая съ нихъ къ себѣ лучшихъ рабочихъ. Главными казенными заводами были: Утусскій, застроенный въ 1702 году, на рѣкѣ Утусѣ, Каменской, застроенный въ 1704 г. по указу тобольскаго правленія сибирской губерніи, на рѣкѣ Каменкѣ отъ Перми въ 445 верстахъ, отъ Tobольска въ 500; между частными заводами былъ самый древній изъ всѣхъ Уральскихъ — Невьянскій, застроенный еще въ 1699 году и переданный въ 1702 году въ руки Демидова. Татищевъ пріѣхалъ въ Кунгуръ 31 іюля, а уже отъ 12 и 14 декабря посланы были къ нему изъ Бергъ-коллегіи указы о розысканіи мѣдной руды въ окрестностяхъ кунгурскихъ, о не дозволеніи Демидову копать мѣдную руду близъ Уткинской слободы подѣ штрафомъ, равно и принимать шведскихъ пѣнныхъ, русскихъ мастеровыхъ и крестьянъ, бѣгающихъ съ утусскаго завода. Были и другія препятствія въ устройствѣ заводовъ. Между запущенными находился Полѣвскій мѣдный, въ которомъ руда добывалась съ 1702 года; но въ 1718 году 10 іюня Башкирцы, Чубарь-Балагушевъ съ товарищи, собрався многочисленнымъ, все строеніе на тѣхъ рудникахъ выжгли, рабочихъ людей согнали и впредь промышлять запретили. По пріѣздѣ въ Кунгуръ, Татищевъ донесъ о томъ въ Бергъ-коллегію; по ея представленію посланъ былъ черезъ Татищева указъ изъ Сената въ Уфу къ полковнику графу Головкину отъ 4 декабря 1720 года, а въ

Башкирцамъ грамота. Графъ Головкинъ и воевода Уфимскій Бахметевъ отвѣчали Татищеву, въ июнѣ 1721 года: «что явились у нихъ въ Уфѣ, уфимскаго уѣзда, сибирской дороги, телеутской волости, Башкирцы Чубаръ Батырь, онъ же и Балагушевъ, съ товарищи, и, выслушавъ присланный изъ Сената указъ и съ грамоты копію, сказали посланнымъ къ нимъ для исканія и копанія рудъ, что они Башкирцы, Чубаръ съ товарищи, всею волостію никакого прещенія чинить не будутъ и въ томъ подписались». Не смотря на то, Башкирцы и Татары первымъ рудоискателямъ были противны и убивали ихъ. За помощію Татищевъ обратился къ тобольскому воеводѣ, на самыхъ заводахъ строилъ дворы и опредѣлялъ для охраненія пограничныхъ слободъ драгунъ сибирскаго полка; въ Бергъ-коллегію сдѣлалъ представленіе о необходимости завести горное начальство въ Тобольскѣ, куда иногда и самъ ѣздилъ, выхлопоталъ указъ (29 іюля 1721 г.) о переводѣ Ирбитской ярмарки въ Уктусскій заводъ; наконецъ зачалъ въ 1721 году строить желѣзный заводъ на рѣкѣ Исети, въ горахъ Пояса, и сдѣлалъ городъ немалой Екатеринскъ, теперешній Екатеринбург¹⁹⁾. Обѣзжая казенные заводы, Татищевъ побывалъ и въ Невьянскомъ заводѣ Демидова. Эта поѣздка была причиною ссоры между ними. Горячій ревнитель казенныхъ выгодъ, Татищевъ не могъ видѣть равнодушно, съ какимъ усердіемъ пользовался богатый рудопрмышленникъ всякими льготами, данными Петромъ заводчикамъ вообще. Кромѣ свободы отъ службы, отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, кромѣ привилегій по торговлѣ и суду, заводчики пользовались при Петрѣ правомъ не выдавать бѣглыхъ людей ихъ владѣльцамъ и напротивъ отыскивать своихъ бѣглецовъ, правомъ покупать крестьянъ къ заводамъ и получать приписныхъ по указу государя, правомъ рубить лѣса. Правителямъ губерній и про-

ищій велѣно было во всей строгости соблюдать эти привилегіи и оказывать всякую помощь заводчикамъ, дабы и другіе, видя такую государеву милость, всякихъ чиновъ и народовъ люди съ вѣщшею охотою и безопасно въ компаніи вступали. Кромѣ того Демидовъ, лично знакомый Петру и оказавшій ему большія услуги при началѣ шведской войны, пользовался особеннымъ расположеніемъ царя. И въ то же время, какъ мы уже видѣли, Демидовъ позволялъ себѣ дѣйствовать въ ущербъ казеннымъ заводамъ, вопреки строгимъ запрещеніямъ Бергъ-коллегіи. Татищевъ не могъ допустить того, но въ исходѣ 1721 года былъ позванъ въ Москву, по доносу Демидова ¹⁹).

Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ уже въ Петербургѣ; а въ мартѣ Петръ назначилъ начальникомъ сибирскихъ горныхъ заводовъ генерала де-Геннина, одного изъ отличѣйшихъ знатоковъ горнаго дѣла въ свое время; ему же поручено было изслѣдовать ссору Татищева съ Демидовымъ. Де-Геннинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сотрудниковъ Петра, которые, идя по пути, указанному имъ преобразователемъ, принесли усерднымъ исполненіемъ своего дѣла огромную пользу государству. Нассау-Зингенскій уроженецъ, пріѣхавшій въ Россію по личному приглашенію царя въ 1698 году, онъ поступилъ въ службу простымъ фейерверкеромъ съ 67 рублями въ годъ, училъ русскихъ дворянъ артиллеріи, во время войны съ Шведами дослужился до чина подполковника, въ 1712 году строилъ петербургскій литейный дворъ, въ исходѣ слѣдующаго года сдѣланъ былъ олонецкимъ комендантомъ и начальникомъ петровскихъ, повенецкихъ, кончезерскихъ заводовъ, строилъ тамъ суда, лилъ пушки, ядра, заготовлялъ оружіе, якоря и баластъ для балтійскаго флота и наконецъ открылъ знаменитыя олонецкія марціалныя воды. Его управленіе не ограничивалось только обязанностями

ми, предписанными оѣциальною инструкціею: такъ въ 1716 году онъ открылъ въ Олонцѣ школу, гдѣ бѣдные дворяне учились ариѣметикѣ, геометріи, рисованію, артиллеріи и инженерному дѣлу. Къ числу отличительныхъ чертъ его характера принадлежала не любовь къ приказнымъ и подъячимъ; а между тѣмъ, когда въ 1717 году разосланы были повсюду фискалы, на Олонецкіе заводы явился тамошній же житель Петръ Ижоринъ, дьячковъ сынъ и гуляка, не хотѣвшій прежде учиться въ открытой де-Генниномъ школѣ и отосланный за то, по царскому указу, скованнымъ въ Петербургъ. Теперь онъ сталъ мстить прежнему начальнику своему; де-Геннинъ жаловался Апраксину: «помилосердуй, оборони меня отъ такихъ воровъ, — велѣлъ бы государь другаго фискала прислать, кого хочеть, ежели мнѣ не вѣрять». Вскорѣ по учрежденію Бергъ-коллегіи, отправленъ онъ былъ Петромъ въ Пруссію, Саксонію, Голландію, Францію и Англію для обозрѣнія тамошнихъ горныхъ заводовъ, составленія моделей и плановъ, въ апрѣлѣ 1720 года вернулся де-Геннинъ изъ своего путешествія и писалъ изъ Риги графу Апраксину: и истинно данной мнѣ комиссіи невозможно было скоро вершить и мастеровъ сыскать и собрать; и ежели бы его величество король прусскій въ томъ дѣлѣ не радѣтельно помогаль, то всей комиссіи никоею мѣрою не возможно мнѣ было бы учинить». Кромѣ управленія петрозаводскими и олонецкими рудниками, Петръ поручилъ въ это время де-Геннину и устройство сестрорецкихъ заводовъ; но, получивъ доносъ Демидова, послалъ его на мѣсто Татищева, которому также велѣно было ѣхать вмѣстѣ съ нимъ для очной ставки съ Демидовымъ. Отпуская Татищева для слѣдствія въ Сибирь, Петръ и самъ спрашивалъ его въ верховномъ судѣ о ссорѣ съ Демидовымъ, особенно по обвиненію во взяткахъ. Татищевъ на вопросъ о нихъ, отвѣчалъ словами Апостола

Павла: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу. Петръ, въ глазахъ котораго взяточничество постоянно было самымъ большимъ вопросомъ времени, потребовалъ объясненія; Татищевъ говорилъ, что лихоимство есть неправое изъясненіе, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности: съ началъ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю,—повиненъ; а если въ мзды къ законопреступленію присоединится лихоимство, долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго вознагражденіе приму, ничѣмъ осужденъ быть не могу: 1) если мзду за трудъ причтешь во лихоимство, то конечно болѣе вреда государству и разоренія подданнымъ послѣдуетъ, ибо я долженъ за получаемое замованье работать только до полудни, въ которое мнѣ конечно времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не останется; а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; 2) когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; 3) дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшиться по регистрамъ порядкомъ; и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма необходимыхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытку понести, что купечеству нерѣдко случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не только послѣ обѣда, но и ночью потружуся: игры, карты, собачи и бесѣды или прочія увеселенія оставляю, и не смотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ пользу принесу, а за взятую мзду отъ Бога и в. величества по правдѣ сужденъ быть

не могу». Слова Татищева были полнымъ объясненіемъ тогдашней судейской практики, въ основѣ которой даже для лучшихъ людей эпохи лежало не нравственное сознание исполняемаго долга, а формальныя обязанности службы. Въ его словахъ указано было и одно изъ побужденій, заставлявшихъ смотрѣть на подарки, какъ на вознагражденіе за трудъ, потраченный для частнаго дѣла въ необязательное по закону время; этимъ побужденіемъ было крайне ограниченное жалованье отъ казны. Петръ былъ знакомъ изъ жизни съ послѣднимъ обстоятельствомъ: еще въ 1713 году по челобитью подъячихъ секретнаго стола сенатской канцеляріи, говорившихъ, что «жалованьемъ пропитаться имъ съ домашними своими не возможно, отъ чего пришли въ великое оскудѣніе и въ нищету, кромѣ помянутаго жалованья прибавить имъ нѣтъ никакого, и чтобъ за непрестанную имъ безкорыстную заботу къ окладамъ ихъ государева жалованья прибавить», — онъ самъ, вмѣсто жалованья имъ, опредѣлилъ вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземскія и строгиновскія дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ. Теперь, выслушавъ объясненіе Татищева, онъ только замѣтилъ: «сіе все правда и для совѣстныхъ судей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ добродетельнымъ принужденнаго не было; и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить». Однакожъ Петръ разстался съ Татищевымъ безъ гнѣва; даже, отправляясь въ персидскій походъ, взялъ у него муромскую лѣтопись, изобиловавшую баснями. По обычаю времени, Татищевъ долженъ былъ дѣлать прощальныя визиты предъ своимъ отъѣздомъ и другимъ лицамъ, принадлежавшимъ ко двору. Такъ онъ самъ рассказываетъ объ одномъ изъ нихъ: «Дворъ царицы Праксевы Федоровны отъ набожности былъ гоститаль на уро-

ровъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ; между многими такими былъ знатенъ Тимошей Архиповичъ сумазбродной подъячей, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали.... Приѣхавъ я къ царицѣ прощеніе принять. Она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро-ли я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ, и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопастъ, да и сапого закопають» ²⁰).

Глупое предсказаніе не сбылось. Прежде чѣмъ поѣхать на Уралъ, де-Геннинъ дважды просилъ у Петра подробной инструкціи для себя, указовъ губернаторамъ и воеводамъ объ исполненіи всѣхъ требованій его по заводскимъ дѣламъ, указовъ о томъ же сенату, Бергъ-коллегіи и графу Брюсу, искусныхъ помощниковъ, мастеровъ, прибавки всѣмъ служащимъ на заводахъ жалованья и денегъ на чрезвычайные расходы; а Демидову — повелѣніе, чтобы онъ въ случаѣ надобности на казенныхъ заводахъ въ мастерахъ или припасахъ, удовлетворялъ просьбѣ де-Геннина, и не подговаривалъ бы лучшихъ мастеровъ переходить къ себѣ. Требованія де-Геннина были исполнены. 22 іюля большимъ караваномъ отправился онъ, вмѣстѣ съ Татищевымъ, изъ Москвы и 2 октября прибылъ въ Кунгуръ. Въ декабрѣ, взявъ съ собою бергмейстера Бліэра, директора Украинцева и плавильнаго мастера Циммермана, де-Геннинъ поѣхалъ къ Демидову для разбора его ссоры съ Татищевымъ. «Демидова старые и новые заводы осматрѣлъ, писалъ онъ отъ 17 декабря графу Апраксину, которые въ хорошемъ весьма порядкѣ и въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ построены... А на государевы сожалительно смотрѣть, что оныя здѣсь заранѣе въ добрый порядокъ не произведены; понеже удивительно, какъ здѣсь Богъ опредѣлилъ таковы мѣста, что рѣкъ, рудъ, лѣсовъ, гдѣ быть заводамъ много, и работники дешевы, также и харчъ не дорогъ; но оныя весьма

нынѣ въ худомъ порядкѣ: первое въ неудобномъ мѣстѣ построены, и за умаленіемъ воды много прогулу бываетъ; второе припасовъ мало; третье мастера самыя бездѣльные и не обученныя. О ссорѣ же Демидова съ Татищевымъ увѣдомлялъ, что на вопросъ: какия ему отъ Татищева обиды и въ дѣлахъ помѣшательство или остановка были? Демидовъ говоритъ: я де буду съ нимъ Татищевымъ мириться, а взять мнѣ съ него нечего. «И на то я ему сказалъ, такой мировой челобитной принимать не буду, и мирить ихъ не мое дѣло, понеже посланъ я для розыску, а велѣно учинить не маня никого; его величество хочетъ вѣдать, праведно-ль ты о томъ доносишь; но онъ о той жалобѣ на письмѣ дать не хотѣлъ и говорилъ: я де писать не могу и, какъ писать, не знаю и не ябедникъ». Тогда де-Геннинъ, чтобы склонить Демидова къ изложенію на бумагѣ своихъ жалобъ на управленіе Татищева, послалъ къ нему Украинцева съ товарищи уговорить его не въ сердцѣ, но христіанскою любовію; а ежелижъ о томъ письменно не подастъ, то всякій будетъ думать, что виновать онъ, а не Татищевъ. Демидовъ подалъ донесеніе, въ которомъ жаловался на Татищева и его комиссара Бурцева только въ учиненіи заставъ, отъ которыхъ Демидову въ привозѣ хлѣба на заводахъ была превеликая нужда, и въ отнимѣ нѣкоторой части его пристани (гурьинской) на рѣкѣ Чусовой; «а другія ему обиды были-ль, также и о прочемъ Татищева дѣлъ письменно онъ мнѣ не показалъ». Де-Геннинъ, желая разъяснить дѣло согласно инструкціи, рѣшился оный процессъ слѣдовать розыскомъ: «только оному розыску, говорилъ онъ, скорѣ окончиться не надѣюсь, понеже свидѣтели, которыми надлежитъ розыскивать, живутъ въ дальности, и не знаю, гдѣ ихъ будетъ сыскать. Я истинно злобы ни на котораго не имѣю, и буду слѣдовать прямою дорогою, какъ намъ Богъ повелѣлъ, учиня присягу. Впрочемъ въ завод-

сикъ дѣлахъ, чтобъ остановки не учинилось, вспоможеніе чинить Демидову я радъ, ежели онъ самъ желаетъ, только въ томъ, что Е. И. Величества интересу не противно, и о томъ я ему говорилъ любезно, не требуя съ него подарковъ». Подробности этого розыска неизвѣстны; но о результатѣ его можно судить по письмамъ къ де-Геннину государева секретаря Алексѣя Макарова и самого Демидова. Первый говоритъ: «письмо ваше отъ 5 февраля (1723 г.), съ Угусскихъ заводовъ, писанное до Е. И. Величества, исправно дошло, купно и съ выпискою изъ розыскаго дѣла между капитаномъ Татищевымъ и Демидовымъ, которую выписку Его Величество на сихъ дняхъ слушать намѣренъ. И надѣюсь, какъ о томъ дѣлѣ, такъ и объ опредѣленіи онаго капитана Татищева къ надсмотрѣнію и исправленію тамошнихъ гдѣныхъ и желѣзныхъ заводовъ вскорѣ резолюція отъ Его Императорскаго Величества учинена будетъ. А между тѣмъ капитана Татищева извольте къ тому дѣлу опредѣлить, ежели нынѣ нужда того требуетъ, и онъ въ помянутомъ дѣлѣ совершенно правъ». А Демидовъ писалъ де-Геннину: «Да спаси тебя Богъ за истинную твою, государь, правду; за то даждь Боже вашему превосходительству быть генераль-обернаторомъ въ Сибирѣ». Самъ же Татищевъ говоритъ о своей тяжбѣ такъ: «сіе слѣдствіе въ высшемъ судѣ въ присутствіи Его Величества рѣшено, и я оправданъ, и доправлено мнѣ съ него Демидова 6,000 рублей»²¹).

Татищевъ остался служить при де-Геннинѣ, получая жалованья и на фуражъ 348 рублей въ годъ. Оканчивая старыя заводы, Геннинъ построилъ нѣсколько новыхъ: Верхнеугусскій, Ягошихинскій, Сысертскій, Снячихинскій, Лялинскій, Пыскорскій. Постройка послѣдняго поручена была имъ Татищеву. Число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ, служившихъ тогда на Уралѣ, значительно возрасло сравнительно съ

прежнимъ временемъ; тутъ были саксонцы Блюэръ, Георгъ, Ваплеръ, Годфридъ Генель, Берентъ Куперцъ, Циммерманъ; бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ, жившій постоянно въ Соликамскѣ съ саксонскими штейгерами Лангомъ, Корсомъ, Дрибелемъ, Беэромъ, Дервелемъ, голландецъ Томасъ Миллеръ, двое Кейзеровъ изъ Ганновера, три артиллериста, капитанъ Берглинъ, пріѣхавшій еще съ Татишевымъ изъ Казани, капитаны Клеопинъ и Гордѣевъ съ олонецкихъ заводовъ, не мало мастеровъ и учениковъ изъ русскихъ; былъ тутъ и Федоръ Эверлаковъ, сосланный послѣ розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, и теперь прощенный Петрою по просьбѣ де-Геннина и принятый въ службу къ нему. Главною работою де-Геннина было распространеніе Екатеринбурга, гдѣ онъ построилъ конторы, госпиталь, нѣсколько фабрикъ и школу, въ чемъ ему много помогъ бывшій тогда въ Сибири губернаторомъ кн. Черкасскій, который выслалъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ цѣлый полкъ солдатъ и рабочихъ людей изъ ближнихъ дистриктовъ, да денегъ 30,000 рублей. Въ отстроенный такимъ образомъ Екатеринбургъ, де-Геннинъ перенесъ изъ Тобольска главное управленіе сибирскими горными заводами, переименовавъ его въ Оберъ-бергъ амтъ. Для опредѣленія обязанностей людей, служившихъ при немъ, Геннинъ составилъ наказъ горнымъ чиновникамъ. Чего онъ требовалъ отъ подчиненныхъ можно видѣть изъ послѣднихъ словъ въ наказѣ заводскому комиссару Неклюдову: «сверхъ всего требуетъ отъ васъ польза государственная вѣрности, радѣнія, прилежности и безстрастныхъ поступковъ, за которое имѣете ожидать милостиваго награжденія; за противно же учиненныя сему коварства, лѣность, злость и собственную корысть, ничто иное, аки жестокое истязаніе, лишеніе имѣнія, чести или весьма живота»²²).

Впрочемъ, при обилии руды въ уральскихъ горахъ, которое обнаружилось тотчасъ же, лишь только принялись за дѣло съ знаніемъ его, число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ постоянно оказывалось недостаточнымъ. Изъ дѣтельной переписки де-Геннина съ Петромъ можно получить ясное понятіе о тогдашнемъ состояніи горнаго дѣла на Уралѣ по тѣмъ грудамъ, которые приходились на долю Геннина и его помощниковъ. «И хотя я въ трудахъ разорвуся, писалъ онъ царю, однако заводы новые желѣзные и мѣдные не могу скоро строить и умножить. Остановка истинно не отъ меня: ты повѣрь мнѣ; но остановка есть, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, и вездѣ самъ, для дальнаго разстоянія, быть и указать не могу; а плотники здѣсь не такіе, какъ олонецкіе, но пачкуны». Последнее выраженіе было любимымъ словомъ де-Геннина, когда онъ говорилъ о прежнихъ рудоискателяхъ: пачкунами называлъ онъ и Демидова съ сыномъ въ письмѣ къ Апраксину. Въ донесеніяхъ Петру говорилъ, что «въ старинные годы не знали, что слои, понеже выбирали только тонкіе слои богатую руду, а которые слои подъ тою богатою рудою за незнаніемъ бросали, а всѣхъ слоевъ, едину Богу свѣдущу, на сколько будетъ... и за такое Божіе милосердіе благодарить весьма должны и работать весьма будетъ весело». Видя успѣшную дѣятельность де-Геннина, стали обращаться къ нему за совѣтами Демидовы и Строгановы. «Строгановы, еще нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они, какъ танталусъ весь въ золотѣ и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны, и нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и указалъ имъ какъ плавить и строить, такъ же на ихъ коштъ заводъ отмежевать, и при Лйвѣ три мѣста рудныхъ: то я съ радостію радѣю и сдѣлаю, а ваши мѣ-

ста не отдамъ, понеже надобно прежде твой убытокъ, во что заводы стали, возвратить, такожде и что Бергъ-коллегія беретъ жалованья, и они могутъ, ежели охотники, такожде довольно руды добывать: кромѣ твоего богатаго мѣста, другихъ такихъ мѣстъ довольно». Болѣе всего жаловался де-Геннинъ Петру на плохое состояніе солянаго промысла: «ты не вѣришь, какой напрасный расходъ дровамъ здѣсь отъ соляныхъ промышленниковъ, и они такъ дѣлаютъ, какъ дѣды и отцы ихъ дѣлали, и думаютъ, что на свѣтѣ много мастерства нѣтъ, какъ ихъ, и отъ того дрова дорожатся и далеко становятся, и соль они по той цѣнѣ безъ раззоренія поставить не могутъ, для того что волочатъ ихъ за выдачей денежной, когда соль продается, тогда бываетъ платежъ, и то лоскутами». Часто просилъ де-Геннинъ Петра понудить Бергъ-коллегію, чтобъ она штейгеровъ по больше присылала для сыску и компанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ; — просилъ также выслать на заводы офицеровъ изъ шведовъ, «а то здѣсь у заводовъ другихъ нѣтъ, прибавилъ онъ, кромѣ поротыхъ ноздрей, изъ которыхъ есть и дѣльны; однако не пристойно такихъ людей подъ командой имѣть». Киргизъ-Кайсаки, Татары и Башкирцы по прежнему грабили и жгли пограничныя селенія и заводы: «хотя оные казаки и башкирцы тебѣ ничто, объяснялъ де-Геннинъ Петру, однако пакости могутъ сдѣлать; а во внутренней Сибири почитай все ноздри пороты, и на нихъ нечего надѣяться и съ ними обороняться. По истинѣ Богъ держитъ Сибирь подъ своимъ храненіемъ, что рубежи казаки и башкирцы не всѣ раззорили! Того ради извольте губернатору хорошую инструкцію дать, какъ рубежъ хранить, дать ему офицеровъ добрыхъ для того, здѣсь выбрана дрянъ, а ученія нѣтъ». Де-Геннинъ няшелъ также, что хорошее состояніе горнозаводства на Уралѣ вполнѣ зависеть отъ общаго управленія Сибирью. Это золотое дно Рос-

си, какъ называли Сибирь въ прошломъ столѣтїи, раскрывши со временъ Петра богатства своей природы, было управлено не лучше XVII вѣка. Если тогда, при всякой смѣнѣ воеводъ въ сибирскихъ городахъ, каждый новый воевода долженъ былъ говорить жителямъ по государеву наказу, что прежніе правители, дьяки и приказные дѣлали имъ многія обиды, и продажи, и тѣсноты самовольствомъ, и нужды ихъ не рассматривали, и управы между ними прямой не чинили, и брали съ нихъ посулы и поминки; то и теперь, не смотря на страшную казнь сибирскаго губернатора Гагарина въ 1721 году, административные безпорядки въ Сибири нисколько не уменьшились. Получивъ большое вспоможеніе отъ Черкаскаго при построеніи Екатеринбурга, де-Геннинъ писалъ Петру о немъ лично не безъ похвалъ, но дурно отзывался объ общемъ управленіи краемъ: «я отъ сердца сожалею, что ты самъ здѣсь не бывалъ, и о здѣшнихъ сибирскихъ состояніяхъ обстоятельно не знаешь. Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человекъ добрый, да не смѣлъ, а способности добрыхъ мало имѣеть, а особенно въ судебныхъ и въ земскихъ дѣлахъ; отъ чего дѣла его не споры, и частію болѣе народу отягчительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочки смѣлости и судей добрыхъ людей, надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта, и для купечества совѣтника отъ коммерцъ, а отъ Камеръ-коллегии добраго камерира, такожъ секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно; а ежели ему не быть, то не худо бы такимъ добрымъ людямъ быть, какъ Матюшкинъ или Ушаковъ; и такъ видна злая пакость, крестьянамъ бѣднымъ раззореніе отъ судей, и въ городѣхъ отъ земскихъ управителей, которые посланы отъ камерирства, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія; а купечество и весьма раззорилось, такъ

что уже едва посадскаго капиталиста сыскать можно, отъ чего и пошлины умалились». Де-Геннинъ указывалъ при этомъ и на одну изъ коренныхъ причинъ зла: «ты, государь! не жалѣй здѣсь дать управителямъ довольно жалованья, для того, что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякъ хочеть, хотябъ и добрый человѣкъ, не имѣя пропитанія, принужденъ не праведнымъ питаться, и сперва возметъ только для нужды, а потомъ и въ богатство; и такъ у тебя много пропадаетъ, а людямъ раззореніе, да и тѣ, собравъ, такожь не толстѣють». Трудность получать даже положенное жалованье, проистекавшее отсюда безденежье со всѣми его послѣдствіями среди края, суроваго и скуднаго по природѣ, малонаселеннаго и удаленнаго отъ центровъ болѣе удобной жизни, де-Геннинъ испыталъ на себѣ и на своихъ подчиненныхъ: «изъ начала бытія моего въ службѣ вашего величества, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, никогда я жадованья безъ злости и спора, а фуража и весьма лѣтъ съ 40 получить не могъ, которое хотя и всегда не безъ тягости было, однакожь въ Петербургѣ для нужды до жалованья занять можно, здѣсь же не у кого; а наживать приносами не хочу: хотя нужда мнѣ пришла, на росписки вашихъ денегъ брать я опасенъ; фуражъ, который мнѣ велѣно взять по твоему указу на Москвѣ на прошлый годъ, а за скоростію отъѣзда моего сюда выходить тамо не могъ, надѣясь на вашу высокую милость, взялъ здѣсь, потому что оно мнѣ весьма надлежитъ, а нынѣ жалованья и фуражъ на сей годъ брать мнѣ Бергъ-коллегія воспрещаетъ, и который фуражъ взять на прошлый годъ, велеть мнѣ платить и впредь ждать указа. Токмо имъ разсуждать о моемъ богатствѣ, сидя въ палатахъ, легко; а мнѣ, не имѣя постороннихъ доходовъ, да жалованья не получа, на что хлѣбъ купить не знаю: — или они думаютъ, что здѣсь безъ жалованья жить по воеводски мож-

но; только этого дѣлать не умѣю. Поворно прошу ваше императорское величество, дабы приказали о дачѣ моего и подчиненныхъ моихъ служителей жалованья и оуража указъ учинить; а ежели вы не пожалуете, то мнѣ и въ годъ не дожидаться; или и весьма оное пропадетъ, какъ уже много мнѣ случалось; а подчиненнымъ горнымъ и заводскимъ, ежели вскорѣ указа не получу, велю жалованье дать, а нишествовать или красть допустить не хочу». Увѣдомляя о томъ же Макарова, де-Геннинъ говорилъ: «ты самъ знаешь, по здѣсь нажить не хочу, а занять не у кого; безъ хлѣба же жить по-татарски не привыкъ». Въ то же время, будучи свянуть обязательствомъ содержать горныхъ чиновниковъ на прибыльныхъ деньгахъ съ заводовъ, и мало полагаясь на благодущіе бергъ-коллегии, де-Геннинъ составлялъ штатъ Екатеринбургскаго оберъ-бергъ-амта для того, чтобы «Бергъ-коллегія не ускорила подать свой, сочиня по представленію Ихаалиса, который безъ потребности много чиновъ написать, и по оному можетъ больше въ расходѣ на жалованье, ежели въ приходѣ прибыли быть».

Заступаясь за своихъ и штрафуя межъ ними бездѣльниковъ торговою казнію, разбойниковъ отсылая въ Уфу—для сѣдствія, а иныхъ за убійство, грабежи и раззоренія сельтінная живыхъ за ребра и колесуя, стало быть не принадлежа къ разряду Черкасскихъ, де-Геннинъ не выносилъ однагожь ябеды и криковъ: слово и дѣло государево! изъ-за которыхъ большая часть сибирскаго населенія жила въ постоянномъ страхѣ, а не рѣдко лучшіе люди были увозимы воъ карауломъ въ тайную канцелярію для страшныхъ рожковъ. Такъ въ ноябрѣ 1723 года онъ писалъ начальнику преображенскаго приказа ближнему стольнику, кн. Ивану Федоровичу Ромадановскому: «хотя сіе дѣло не касается юшей комиссіи, которая мнѣ вручена; но присяжная дол-

жность меня понуждаетъ, также и кровь не терпитъ, чтобъ вамъ, моему государю, не объявить, что я здѣсь вижу и слышу, что въ Сибири такая худоба явилась. Нѣкоторый командиръ, хотя желаніе и есть управить сіе государево дѣло съ грозой и порядочно, а (терпитъ) и нынѣ всякъ съ великимъ страхомъ живетъ; онъ же не смѣетъ никого за вину наказать, чтобъ на его не кричали каторжные и иные бездѣльники, которыхъ надлежитъ наказать за ихъ вину: слово и дѣло государево, чтобъ имъ отъ висѣлицы, или отъ внута отбыть, или какъ бы имъ сбѣжать. И сіе слово они такъ нынѣ употребляютъ вмѣсто пресердечнаго лѣкарства отъ висѣлицы и внута, какъ уже многіе образцы нынѣшняго года были; въ томъ числѣ иной доноситель сбѣжалъ. И хотя на добрыхъ людей отъ такихъ бездѣльниковъ слово и дѣло государево донесено, и, по правдивому вашему суду, кто правъ, скоро освобождается, и тѣмъ неправдивымъ поносителямъ отъ васъ потачки нѣтъ; однако изволь благоразсудить, какая волокита имъ, и страхъ, и безчестіе, и разореніе, и прикажи справиться, сколько тысячъ рублей въ одинъ годъ, изъ Сибири до Москвы денегъ издержано въ перевозахъ и мірскихъ подводахъ или наймахъ, и сколько доносителей есть изъ Сибири, которые правду доносили? Сколько отъ той волокиты тѣмъ командирамъ, на которыхъ напрасно донесено или малое дѣло, и сколько о государевыхъ дѣлахъ въ управленіи остановки учинилось?... Еще объявляю, что такъ нынѣ шутя употребляютъ бездѣльники слово и дѣло государево на кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенской? и уже добрые люди опасаются и въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ? Не ограничиваясь подобными просьбами и указаціями Петру и его приближеннымъ на печальное состояніе Сибири и Уральска-

по края, который тогда принадлежалъ къ ней, де-Геннинъ требовалъ отъ князя Козловскаго, товарища тобольскаго губернатора, прекращенія злоупотребленій, чинимыхъ мѣстными правителями городскому и сельскому населенію. Но письмамъ моимъ объявлено вамъ о здѣшнихъ непокояхъ, говорилъ де-Геннинъ, увѣдомляя тобольскаго начальника, и хотя всѣмъ извѣстенъ экземпляръ, которой учиненъ князю Гагарину, однако здѣсь въ Сибири не унижутся бездѣльники, а именно отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы собираются и народу обиды чинятся; также и судебные комиссары, которые по слободамъ дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знатно, что потачка такимъ ворами отъ надворныхъ судей; также о учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ и отъ прочихъ рассмотрѣнія и резолюцій вы не чините, и такихъ бездѣльниковъ не арестуете, отъ чего и большія пакости глумятся. А камериръ Барютинъ своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ же подчиненнымъ потакаютъ, и того ради, я вамъ объявляю по своей присяжной должности, чтобъ вы, яко командиръ на мѣстѣ губернаторскомъ, бездѣльниковъ сковавъ, держали и по челобитнымъ и доношеніямъ безволонитно слѣдовали; дабы бѣдный народъ не вовсе раззорился, и моглибъ свои подати платить на содержаніе флота и арміи. А ежели вы думаете, что вы такой силы и власти не имѣете, то мнѣ письменно извольте отвѣтствовать, чтобъ послѣ не отговариваться. Я не могъ оставить, чтобъ вамъ письменно не объявить; дабы на мнѣ послѣ не спросилось, понеже мнѣ многіе и словесно доносили; также бы и на васъ оныя потачки не изскались.»

Таково было состояніе администраціи въ той странѣ, къ которой принадлежали уральскіе заводы. Старинныя привычки нашли себѣ въ этомъ случаѣ противорѣчіе въ новыхъ людяхъ, явившихся сюда съ специальною цѣлію разработки рудниковъ и встрѣтившихъ помѣху своему дѣлу отъ неудовлетворительнаго состоянія областного управленія краемъ. Не менѣе препятствій находили они и со стороны коллегіи, къ вѣдомству которой относилось горное дѣло. Мало довѣрія къ себѣ внушали губернаторъ съ его товарищами, не большимъ сочувствіемъ пользовалась отъ своихъ подчиненныхъ и Бергъ-коллегія. Приходилось дѣйствовать помимо мѣстнаго начальства и собственнаго вѣдомства, требовать отъ нихъ содѣйствія чрезъ самого государя, отбиваться отъ притязаній коллегіи и безпрестанно напоминать Петру о своихъ крайнихъ нуждахъ: «пожалуй, послушай меня, повторялъ Геннинъ въ письмахъ своихъ къ преобразователю, и не рѣши въ горныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, а положишься на меня: я тебѣ желаю добраго, а не себѣ, и хочу прежде всѣхъ убытки тебѣ возвратить, что въ 25 лѣтъ издержано на горное дѣло и во что заводское строеніе все стало, которое я строилъ, и что бергъ-коллегія беретъ жалованья;.... коли положить сіе дѣло на бергъ-коллегію разсмотрѣть, они истинно здѣшняго дѣла не знаютъ каково, и никто кромѣ самовидца и кто трудится здѣсь. Я нынѣ на истинномъ пути въ горныхъ дѣлахъ и дай мнѣ волю... Пожалуй государь, не изволь на меня гнѣваться, что я тебѣ дерзновенно сіе пишу: воистинну отъ всего моего сердца и крови вамъ въ правду сіе доношу и желаю тебѣ добраго; а что мое тебѣ радѣніе, коли доброе дѣло перемѣшается и передѣляется» ²²).

Донесенія Геннина Петру были довольно часты, не рѣдко онъ отправлялъ ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ служившихъ

подлѣ него чиновниковъ. Въ концѣ 1723 года поѣхалъ съ его докладами Татищевъ, и въ іюнь слѣдующаго года сенатскимъ указомъ велѣно было: штатсъ-конторѣ выдавать ежегодно надлежащую сумму на жалованье и на заводское всякое отправленіе по обстоятельнымъ вѣдомостямъ, которыя должны быть составлены за четыре мѣсяца до начала года, дабы за дальностію въ пересылкахъ не происходили въ заводскихъ дѣлахъ остановки; Кунгуръ снова приписать къ соликамской провинціи вмѣсто вятской, отъ которой онъ отстоялъ на 600 верстѣ; воеводѣ соликамскому князю Вадбольскому за то, что многія противности казеть и тѣмъ вредъ размноженію заводовъ наносить, не быть воеводой, а вмѣсто его перевести изъ Тобольска князя Козловскаго; другіе пункты касались пользованія лѣсами для заводовъ, учрежденія ординарной почты изъ Сибири, земскихъ комиссаровъ въ приписныхъ къ заводамъ слободахъ и проч. ²⁴⁾.

Самъ же Татищевъ оставленъ былъ Петромъ при дворѣ. Важнѣйшимъ событіемъ придворной жизни этого года было коронованіе Екатерины: но игралъ ли при этой церемоніи какую-нибудь роль Татищевъ, неизвѣстно. Изъ своихъ личныхъ отношеній къ царю, онъ вспоминаетъ только о возобновившемся между ними разсужденіи о словахъ Апостола Павла: дѣлающему изда не по благодати, но по долгу. Петръ, казнившій въ этомъ году оберъ-фискала Нестерова съ цѣлою компаніей приказныхъ, уже не считалъ, какъ прежде, платы судѣ за его труды на дому, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лихоимствомъ и даже думалъ изъяснить то указомъ, но развѣ за дѣлами и скорою смертію не исполнилъ своего намѣренія ²⁵⁾.

Впрочемъ Татищевъ недолго оставался безъ серьезнаго дѣла. Получивъ отъ сената удовлетворительное рѣшеніе

пунктовъ, представленныхъ Геннинымъ, онъ не остановился на этомъ и въ сентябрѣ подалъ отъ себя бергъ-коллегіи вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ: «потребно, говорилъ онъ въ своей вѣдомости, послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣняться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли.» Бергъ-коллегія донесла о томъ сенату 21 сентября, а сенатъ послалъ 30-го указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобы спросили русскаго посланника въ Стокгольмѣ Бестужева, возможно ли то сдѣлать. Швеція въ то время славились искусствомъ своихъ рудокоповъ наравнѣ съ Саксоніею, точно также какъ Англія, Голландія, Венеція и Испанія извѣстны были Петру по успѣхамъ въ морскомъ дѣлѣ: не дожидаясь отвѣта Бестужева, Петръ произвелъ Татищева въ полковники, сдѣлалъ его бергъ-совѣтникомъ и, переговоривъ съ шведскимъ посланникомъ, далъ 1 октября указъ сенату послать въ Швецію бергъ-коллегіи совѣтника Татищева, для призыву мастеровъ потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ, емужъ выбрать изъ школъ: адмиралтейской и артиллерійской, 22 человекъ и, по полученіи отъ него изъ Швеціи о пріемѣ ихъ извѣстія, отправить оныхъ безъ замедленія и о вспоможеніи ему въ томъ послать указъ къ министру Бестужеву съ подтвержденіемъ, чтобъ у сената (шведскаго) требовалъ о позволеніи принять къ мастерствамъ учениковъ и для проѣзда до Швеціи пась изъ иностранной коллегіи.» **). Въ рескриптѣ Бестужеву отъ 9 октября говорилось: «ты имѣешь, по полученіи сего, при шведскомъ дворѣ представленіе учинить и домогаться, дабы вышеозначенныхъ россійскихъ учениковъ на заводы ихъ принимать было позволено; и когда ты на сіе отъ того двора резо-

1- **звѣцію получивши, о томъ тебѣ намъ немедленно донести.»**
 н **Не дожидаясь и на это отвѣта, Петръ послалъ Бестужеву**
 - **29 октября еще два рескрипта, въ которыхъ увѣдомлялъ о**
 - **скоромъ выѣздѣ Татищева, повторялъ приказаніе оказывать**
ему всякую помощь въ его комиссіи и говорилъ, что съ
нимъ же отправлены для стогольмскаго и копенгагенска-
го посольствъ монеты золотыя и серебряныя «каковы при
юбилеи сего года въ Москвѣ ея величества императрицы
нашей любезнѣйшей супруги знатымъ подданнымъ нашимъ
дворянъ и въ народъ бросаны, а имянно каждому изъ вась
золотыхъ большихъ по одной, меньшихъ по двѣ, серебре-
ныхъ меньшихъ по двѣ жъ.» На первые указы Бестужевъ
 отвѣчалъ 30 октября, что изъ разговоровъ съ шведскими
 министрами о посылкѣ русскихъ учениковъ для обученія
 горному дѣлу примѣтилъ, что въ томъ ни малой трудно-
 сти не будетъ; а черезъ двѣ недѣли увѣдомилъ о получе-
 нии подлиннаго согласія ²⁷).

Оставляя Петербургъ, Татищевъ и на этотъ разъ долженъ
 былъ дѣлать обычные визиты лицамъ, принадлежавшимъ
 ко двору. Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, все еще
 искавшаго руки Анны Петровны, Берхгольцъ говоритъ въ
 своемъ дневникѣ, подъ 23 октября: «Его высочество давалъ
 аудіенцію капитану артиллеріи Татищеву, тому самому, ко-
 торый строилъ въ Сибири мѣдные и желѣзные заводы и
 уже многіе вполне окончилъ. Онъ пріѣзжалъ прощаться, по-
 тому что въ воскресенье или понедѣльникъ отправляется
 чрезъ Финляндію въ Швецію, подъ предлогомъ подробнаго
 осмотра тамошнихъ горныхъ заводовъ и вызова горныхъ
 мастеровъ въ императорскую службу; но кажется, что онъ
 ѣдетъ отсюда по другимъ причинамъ. Его высочество долго
 оставался съ нимъ на единѣ въ своей комнатѣ.» Догадка
 Берхгольца подтверждается словами самого Татищева, кото-

рый говорить, что былъ посланъ Петромъ въ Швецію для нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ; этимъ объясняется отчасти и та поспѣшность, съ какою Петръ отправлялъ его, не дожидаясь отвѣтовъ Бестужева, и долгій разговоръ Татищева наединѣ съ голштинскимъ принцомъ, который 24 ноября объявленъ былъ наконецъ женихомъ великой княжны, и продолжалъ добиваться отъ Швеціи признанія своихъ династическихъ правъ ²⁸). 11-го декабря Бестужевъ доносилъ изъ Стокгольма: «Бергъ-ратъ Татищевъ четвертаго сюда прибылъ и мнѣ два всемилостивѣйшіе рескрипта исправно вручилъ, монеты съ собою привезъ и все исправно мнѣ отдалъ.»

Кромѣ секретныхъ дѣлъ, миссія Татищева состояла изъ трехъ порученій: личнаго осмотра шведскихъ заводовъ, приглашенія шведскихъ горныхъ мастеровъ на службу въ Россію и помѣщенія русскихъ учениковъ на лучшіе заводы для знакомства съ горнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, бергъ-коллегія обѣщала выдавать ему самому по 1½ червонца въ сутки, а учениковъ выслать въ послѣдствіи, назначивъ для ихъ содержанія особенную сумму; кромѣ того, Бестужевъ долженъ былъ оказывать всякую помощь Татищеву. Но скорая смерть Петра значительно измѣнила положеніе дѣлъ. Самъ Татищевъ по пріѣздѣ въ Стокгольмъ заболѣлъ. Оказалось также, что забыли испросить у шведскаго правительства позволенія вызвать въ Россію горныхъ мастеровъ, что подлинное согласіе шведскаго сената на пріѣздъ русскихъ учениковъ не было такимъ подлиннымъ, какъ говорилъ Бестужевъ: надо было еще разъ хлопотать объ обоихъ пунктахъ; причиной тому была пережѣна царствующаго лица на русскомъ престолѣ, а на первыхъ порахъ о Татищевѣ забыли. Бестужеву не прислали изъ Петербурга повторительнаго указа о сношеніяхъ съ

введеніи министрами по поводу комиссіи, порученной
 Татищеву; и вотъ послѣдній долженъ былъ въ началѣ марта
 являться бергъ-коллегіи: «говорилъ де онъ обрѣтающе-
 муся въ Стокгольмѣ россійскому посланнику Бестужеву,
 ибы онъ о вспомошествованіи ему въ принятіи въ Швеціи
 горныхъ мастеровыхъ людей подалъ тамъ меморіаль и оной
 Бестужевъ ему сказалъ и тамошнимъ министрамъ отвѣт-
 ствовалъ, что указу о томъ не имѣеть.» Бергъ-коллегія, по-
 лучивъ донесенія Татищева, снеслась съ сенатомъ, и, по ея
 приговору и по указу императрицы, велѣно было коллегіи
 иностранныхъ дѣлъ подтвердить Бестужеву указы Петра.
 Въ то время посланъ былъ ему рескриптъ отъ имени Ека-
 терины: «Намъ любезно вѣрный! изъ приложенной при семъ
 коши съ промеморіи бергъ-коллегіи нашей усмотришь ты
 о чемъ на тебя жалобу приносятъ обрѣтающійся нынѣ въ
 Швеціи оной бергъ-коллегіи совѣтникъ Татищевъ. Мы же
 не уповаемъ, чтобъ ты такъ поступилъ, какъ онъ доноситъ;
 ибо тебѣ, по отправленному съ нимъ Татищевымъ указу, по-
 велѣно во врученной ему комиссіи надлежащее вспоможеніе
 чинить, еже тебѣ симъ паки подтверждается.» Бестужевъ
 отвѣчалъ 7 мая: «и сіе его Татищева на меня доношеніе
 весьма не правдиво есть, въ чемъ ссылаюсь на шведскихъ
 министровъ, что я имъ такъ не отвѣтствовалъ, какъ онъ до-
 носилъ, но объявилъ, что я указъ имѣю ему Татищеву вся-
 кое въ дѣлѣ ево вспоможеніе показывать, а болѣе о семъ г.
 баронъ Цедеркрейцъ, когда въ Санктпетербургъ придетъ,
 засвидѣтельствовать можетъ; и тотчасъ, по прибытіи его Та-
 тищева сюда, всякое ему въ его комиссіи вспоможеніе чи-
 нилъ и съ нимъ къ здѣшнимъ министрамъ, графу Горну,
 барону Цедергельму и барону Гепкину ѣздилъ и, имъ пред-
 ставляя, требовали о позволеніи россійскихъ учениковъ ко
 обученію разныхъ мастерствъ на заводы принимать, и о по-

зволени къ принятію въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей, яко и осматриванія ему Татищеву горныхъ дѣлъ. И тако, что до принятія на заводы російскихъ учениковъ надлежитъ, и на то уже давно позволеніе дано. А между тѣмъ онъ Татищевъ занемогъ и два мѣсяца съ двора не выѣзжалъ, а по облегченіи своемъ тотчасъ на горные заводы для осматриванія оныхъ поѣхалъ, гдѣ ему по представленію моему всякое удовольствіе и учтивость и все то, чего онъ желалъ, — показано было. Что же надлежитъ до подавія меморіала о принятіи въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей, и о томъ онъ Татищевъ только по возвращеніи своемъ съ горныхъ заводовъ, которому отъ сего числа двѣ недѣли, говорилъ мнѣ, что онъ тамъ съ горными мастеровыми людьми договаривался, и хотя у нѣкоторыхъ склонность есть въ службу идтти, однакожь говорятъ, что безъ королевскаго указу того учинить не смѣютъ, того для просилъ меня, дабы я о томъ меморіаль подавъ, что я ему и обѣщалъ, и требовалъ отъ него Татищева, чтобъ онъ о всемъ своемъ желаніи мнѣ на письмѣ сообщилъ, дабы я потому меморіаль сочинить и подать могъ, которое онъ мнѣ только вчерашняго дня отдалъ; и тако я къ будущему понедѣльнику, въ которой день чужестранныя дѣла въ сенатѣ представляются, меморіаль противъ подавъ, и что мнѣ на то въ резолюціи учинено будетъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доносить буду, яко и Бергъ-рату Татищеву сообщеніе учиню.» Однако изъ промеморіи о рудокопныхъ дѣлахъ, которую Бестужевъ подавъ 10 мая его королевскому величеству и потомъ сообщилъ въ копіи въ Петербургъ, видно, что препятствія, встрѣченныя Татищевымъ въ исполненіи его коммисіи, не могли быть устранены безъ особенныхъ распоряженій шведскаго правительства, которыхъ онъ и добивался: не смотря на сенатскій указъ обучать русскихъ всѣмъ

ствамъ и ухваткамъ, относящимся до горнаго дѣла, явилось, говорить промеморія, что рудокопные пра- и тотъ указъ зѣло прекрачаютъ и оной въ нужнѣшїа безъ спеціального указа толковать не хотятъ, а особ- въ слѣдующихъ наинужнѣйшихъ пунктахъ: въ стро- іергверковъ и въ содержаніи онога, пухать и очищать, стованіи, доспѣвать и очищать, коперъ ковать, искус- ь учрежденіи и содержаніи бергверковъ, маршейде- прочія до того касающіяся ухватки»; не смотря на то, ась охотники ѣхать въ русскую службу, о кото- «рудокопные управители разсуждаютъ, что рудокоп- тѣла и безъ оныхъ людей со всякою исправностію по- ны быть могли бы, однакоже за учиненнымъ въ томъ шеніемъ того предпрїяти не дерзають»; и хотя импе- ца «изъ любви ко всякимъ мастерскимъ искусствамъ жи бергверковъ изъ многихъ земель получила, и же- . оныя чрезъ славныя въ Европѣ шведскіе бергверки ьвершенство привести, но безъ королевскаго указа ру- ныя управители такіе чертежи сообщить не могутъ»²⁹).

. отвѣтъ на эту промеморію Бестужевъ получилъ толь- ѣщаніе графа Горна, что желанія Татищева по возмо- ги будутъ удовольствовать; болѣе положительнаго от- онъ не могъ сообщить въ Петербургъ, а въ іюнѣ и былъ отозванъ изъ Стокгольма: на его мѣсто назначенъ . олоца капитанъ, графъ Николай Головинъ.

ведское правительство, какъ и въ XVII вѣкѣ, не охотно давало русскимъ людямъ знанія и средства, которыя и бы служить для увеличенія матеріальныхъ силъ Рос- Татищевъ долженъ былъ испытать это на себѣ: прихо- сь дѣйствовать за секретъ деньгами. А тутъ еще бергъ- егія, которой онъ былъ совѣтникомъ, не очень околалась объ удовлетвореніи во время всѣхъ его тре-

бованій. Посѣтивъ салбергскіе серебряные заводы, австафорскіе мѣдные, Бервфорсъ, гдѣ дѣлають мѣдь зеленою, стальгеймскіе, чевельскіе, фалунскіе мѣдные и желѣзные, и увѣдомивъ бергъ-коллегію о своихъ договорахъ съ тамошними бергмейстерами и маркшейдерами, онъ просилъ разрѣшенія на подарки имъ за призрѣніе надъ учениками, просилъ выслать въ числѣ послѣднихъ такихъ людей, которые бы начало въ знаменованіи и механикѣ имѣли, или начало физикѣ и математикѣ знали; просилъ денегъ на чертежи заводскихъ строеній: «хотя я здѣшнія строенія, писалъ онъ, прилежно осматриваю и могу сказать каждодневно смотрю, не могу всего высмотрѣть, ибо такое множество презрѣдныхъ, хитростныхъ и великихъ машинъ, что невозможно въ три или четыре мѣсяца внятно описать». Представляя всеѣмъ своимъ расходамъ подробные счеты, онъ каждый разъ напоминалъ коллегіи о деньгахъ: но, не получая обстоятельнаго рѣшенія ни на единое изъ своихъ донесеній и не желая безпутно жить въ Швеціи, обратился къ старому начальнику своему, дѣятельному де-Геннину. Написавъ ему въ Пермь, Татищевъ скоро узналъ, что де-Геннинъ въ Петербургѣ, и «онимъ обрадовался, ибо во вспоможеніи мнѣ для пользы государственной, говоритъ онъ въ письмѣ своемъ, великую на васъ надежду имѣю, и прошу, дабы вы изволили и въ коллегіи напаятовать, чтобъ не медлили рѣшеніемъ на мои доношенія. Напредъ сего я о управителяхъ писалъ, но отповѣди не имѣю, и за тѣмъ желающимъ ѣхать принужденъ отказывать противъ моей должности. Я здѣсь у славныхъ механиковъ Полгейма, Дура и Нильсона такія искусныя и весьма государству полезныя машины видѣлъ, что дивится міру надобно; потому я представлялъ, дабы прислать челоуѣка искуснаго въ механикѣ, а особливо токаря Андрея Константинова (т. е. извѣстнаго любимца Петра, Нартова),

или изъ артиллерійскихъ офицеровъ, ежели прилежнаго къ механикѣ знаете, и съ нимъ искусныхъ кузнецовъ и столяровъ, дабы оныя могли основательно понять и сами такія, сдѣлавъ здѣсь, къ великой корысти государственной въ Россіи употребить. Оныхъ за множествомъ не упоминаю, только весьма обнадеживаю, что великая польза государству быть можетъ; ежелибъ я имѣлъ деньги оныя купить, воистинно для пользы отечества и славы нашей государыни императрицы, которая для пользы отечества трудъ свой паче всѣхъ подданныхъ полагаетъ, не жалѣлъ бы всего отеческаго имѣнія положить, ежелибъ возможность токмо имѣлъ.» Получивъ отвѣтъ де-Геннина, который между прочимъ совѣтовалъ ему постараться и мастеровъ принять и машины внятно осмотрѣть, Татишевъ писалъ: «сколико могу, о томъ стараюсь, токмо мастеровъ достать здѣсь трудно явнымъ лицомъ; ибо издавна онымъ выѣздъ запрещенъ, и хотя-бъ чрезъ постороннихъ людей учинить уповалъ, но безъ дѣльныхъ подарковъ, какъ вы извѣстны: что такихъ дѣлъ трубою табака не сдѣлаешь, а особливо здѣсь, гдѣ деньги паче лучшаго доктора желаніе и требованіе внушить могутъ; и безъ того едва что возможно бы сдѣлать. Машины внятно смотрю, и надѣюсь нѣкоторыя упомянуть, однакожъ для оныхъ великихъ искусствъ не вѣря себѣ всего упаматовать, договорился съ здѣшнимъ славнымъ оберъ-маркшейдеромъ Гейслеромъ чертежъ ямы фалунской на 25 листахъ, да чертежи всѣхъ машинъ въ планѣ и профилѣ перспективически на 10 листахъ большой александрійской бумаги, т. е. Imperial-rarig, за 100 червонныхъ сдѣлать, которое французскій посланникъ за одинъ чертежъ токмо дать не жалѣлъ; но мнѣ коллегія запретила, такожъ подарки давать приняли за непотребное; и симъ не токмо охоту, но и возможность къ полезной отечеству услугѣ оставили въ сумнѣніи, для котораго ни-

чего учинить не могу.» У Татищева была еще мысль съѣздить въ Саксонію, чтобы самому обстоятельнѣе видѣть разность между тамошнимъ и шведскимъ горнымъ искусствомъ, а не слышанію только увѣряться. Онъ писалъ о томъ и въ бергъ-коллегію, и де-Геннину: «о потребности мнѣ ѣхать въ Саксонію, представляю въ прикладъ здѣшнее учрежденіе авскультантовъ при коллегіи, которые короннымъ иждивеніемъ въ прочія государства для науки ѣздятъ, чрезъ что здѣсь много людей искусныхъ въ горныхъ дѣлахъ обрѣтается; и суще не упоминая всѣхъ членовъ коллежскихъ безъ изыятія, здѣсь (т. е. въ Фалунѣ) совѣтникъ Полгеймъ, ассесоръ, который здѣшній заводъ подъ властію имѣеть, оберъ-маршайдеръ Гейслеръ, и другіе многіе ѣздили по всей Европѣ, нѣкоторые въ Азію, Африку и Америку, куда нынѣ еще таковыхъ отправили.... Какъ вижу, что здѣсь каждый горный начальникъ 3 или 4 года на коронномъ иждивеніи въ разныхъ государствахъ по заводамъ ѣздилъ, и непрестанно четыре человѣка ѣздятъ, какъ скоро одинъ прибудетъ, то паки иного посылають, а пріѣхавшаго опредѣляютъ къ заводамъ, и тако искусства умножаются и корысть государственная растетъ. И ежели такъ малое и противъ Россіи убогое государство такое прилежаніе о наукахъ имѣеть и денегъ на то полагать съ разсужденіемъ не жалѣеть, то намъ сугубо надобно прилежать. О деньгахъ же на проѣздъ, не требую болѣе 300 червонныхъ» *). Съѣздить въ Саксонію Татищеву не удалось, но онъ былъ въ Копенгагенѣ, гдѣ, равно какъ и въ Швеціи, имѣлъ случай со многими учеными разговаривать и потребныя для исторіи и географіи книги достать. Вообще онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на тѣ жертвы, которыя приносились въ Швеціи съ научными цѣлями: «Шведскій король Карлъ XI всея Швеціи по предѣламъ достаточно правильныя ландкарты сочинить

ведѣль, какъ я такія въ ихъ инженерной конторѣ хранимы видѣль,» говоритъ онъ въ своей исторіи. «Да сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали, но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видимъ, что статьи государственныя на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить не малое награжденіе учинили.» ²¹⁾

Наконецъ въ октябрѣ 1725 года присланы были изъ Россіи ученики къ Татищеву для отданія ихъ на заводы. По надлежащемъ исполненіи этой послѣдней комиссіи, ему приказывали возвратиться въ отечество, сдать присмотръ за ученіемъ посланнику Головину. Но лишь къ январю слѣдующаго года удалось Татищеву распредѣлить присланныхъ къ разнымъ занятіямъ, одѣть ихъ приличнымъ образомъ, устроить содержаніе и присмотръ за ними; все это обошлось въ 2184 рубля. По окончаніи всего, онъ обратился къ Головину съ просьбою, принять отъ него комиссію по документамъ, снабдить деньгами на возвратный путь въ Россію и для уплаты нѣкоторыхъ долговъ, собственныхъ Татищева и по комиссіи. Недостатокъ денегъ онъ объяснялъ тѣмъ, что коллегія, не смотря на его частыя просьбы, вмѣсто денегъ присылала одни отказы съ гнѣвомъ, какъ бы не вѣря его показаніямъ и считая его расходы самовольною и бездѣльною прихотью. Въ случаѣ, еслибы правительство отказалось заплатить Головину ту сумму, которую просилъ у него Татищевъ, послѣдній обеспечивалъ уплату ее всѣмъ своимъ имѣніемъ. Но Головинъ не соглашался не только на это, но еще болѣе на принятіе самой комиссіи: онъ нашелъ бездну затрудненій, при своей посольской обязанности, брать еще новую. Особенно смущали его хлопоты, которыя были неизбежны съ поѣздками на заводы, съ присмотромъ за успѣхами и поведеніемъ учениковъ. Онъ зналъ по опыту, какъ жили русскіе, учившіеся тогда за границею. При русскомъ

посольствѣ въ Стокгольмѣ еще прежде были два ученика для шведскаго языка: но одинъ изъ нихъ, Семенъ Мальцовъ, бѣжалъ невѣдомо куда; а другой, Федоръ Нѣминовъ, къ наукѣ никакой охоты и прилежанія не показывалъ, наиболѣе употреблялъ себя къ гульбѣ и пьянству, и къ другимъ непотребностямъ, и униманія въ томъ не слушалъ, за что и отданъ былъ въ курьеры (согласно указу 1723 года іюля 26). Ученики Татищева уже начинали жаловаться на скудость получаемаго ими содержанія, а иные хотѣли искать пропитанія инымъ способомъ, уйдти и записаться въ солдаты. Доносъ въ Петербургъ о такихъ препятствіяхъ къ принятію на себя комиссіи Татищева, Головинъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ для того немедленную высылку 2,600 рублей, — суммы, которая была необходима, по словамъ Татищева, для окончательнаго расчета по всѣмъ контрактамъ и для его собственнаго отъѣзда. Высланы ли были эти деньги, не извѣстно; но 22 апрѣля 1726 года Головину послали изъ Петербурга рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Симъ тебѣ повелѣваемъ у выше помянутаго совѣтника Татищева въ Швеціи комиссію принять и надъ обрѣтающимися тамо російскими учениками въ ихъ обученіи и въ прочемъ имѣть надлежащее надзираніе» ²²⁾; а въ іюнѣ Татищевъ былъ уже въ Россіи и подалъ въ бергъ-коллегію отчетъ о своей поѣздкѣ, гдѣ объяснялъ между прочимъ, что въ русскую службу принялъ только одного поручика Рефа, «понеже онаго чинить ему корона шведская не допустила и мастерамъ къ нему тайно для такихъ договоровъ приходитъ воспретила; также купоросному, и сѣрному, и угольному мастерству отдать учениковъ не достало, однакожъ угольному и непотребно, понеже не лучше нашего.» Ученики, оставленные имъ въ Швеціи, возвратились уже въ 1728 году и нѣкоторые изъ нихъ были посланы на Уралъ къ де-Геннину ²³⁾.

Сначала Татищева, при Екатеринѣ I, также хотѣли назначить въ помощники де-Геннина; но въ царствованіе Петра II, указомъ 1727 года сентября 16, ему велѣно было вѣсть монетную контору, вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ Алексѣемъ Плещеевымъ и статскимъ совѣтникомъ Платономъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Монетная служба требовала переѣзда изъ Петербурга въ Москву, куда въ началѣ слѣдующаго года переселился и дворъ, переведены были и коллегии, отъ которыхъ въ Петербургѣ оставлены только конторы, а отъ бергъ-коллегии одинъ лишь бергъ-майстеръ ²⁴). Дѣятельность странническая, исполненная то военной тревоги, то дальнихъ переѣздовъ, борьбы съ различными лишеніями и столкновеній съ людьми, прерывалась на нѣкоторое время: но онъ не любилъ измѣнять труду и, поселившись въ Москвѣ, снова принялся за географическія и историческія занятія, отложенныя въ сторону съ 1720 года. А между тѣмъ въ жизни политической и общественной готовились событія, которыя должны были отвлечь отъ личныхъ интересовъ къ болѣе общему вниманію всѣхъ, кто считалъ себя въ правѣ принять участіе въ государственныхъ вопросахъ того времени.

ГЛАВА II.

Событія 1730 года и участіе въ нихъ Татищева.

Первымъ политическимъ ученіемъ, какое явилось въ русской исторіи, была знаменитая теорія Ивана Грознаго, сказанная имъ на словахъ и проведенная въ жизнь въ минуту горячей полемики его съ Курбскимъ, среди жестокихъ опалъ и гоненій на бояръ, во время ужаснаго погрома Твери, Новгорода и Пскова. Страстною рѣчью проговорился Іоаннъ о тѣхъ началахъ, которыя руководили его дѣйствіями, и ужасъ событій, вызванныхъ ими, отразился на страницахъ тогдашнихъ лѣтописей, письмахъ самого царя и сочиненіяхъ его антагониста, отѣхавшаго въ Литву. Казалось все въ теоріи Грознаго было лично, все вызвано враждебными отношеніями къ окружавшимъ его, случайнымъ расположеніемъ писавшаго и говорившаго; можно было думать, что теорія исчезнетъ вмѣстѣ съ лицомъ и его дѣлами. Но Іоаннъ оставилъ московское государство слабому сыну; собственныя его дѣйствія стали прошедшимъ, обратились въ достояніе исторіи; а политическое ученіе, впервые развитое имъ съ такою твердостью и положительностію, не умираетъ. Причина такого явленія скрывалась въ томъ, что въ

основѣ теоріи Іоанна Грознаго, если отрѣшить ее отъ личныхъ и временныхъ вліяній, лежали давнія преданія русской исторіи. Политическая жизнь сѣверо-восточной Россіи уже до Іоанна сложилась подъ вліяніемъ многихъ условий, создавшихся гораздо ранѣе, не потерявшихъ всей своей силы и послѣ реформы Петра, не исчезнувшихъ совершенно и въ наше время. Въ основѣ государства, возникшаго на развалинахъ удѣловъ и вѣчевыхъ общинъ, лежали родовыя преданія, вотчинныя привычки и бюкратическія ученія; все это слилось въ XVI вѣкѣ въ русскихъ понятіяхъ о государственной власти. Царь уже не могъ быть родоначальникомъ своего народа, но въ массѣ все еще продолжали чтить его, какъ отца и милостивца. Кромѣ того, жизнь дала другой отгѣнокъ народному взгляду на верховную власть: помощью церкви, патріархальное значеніе царя возведено было на недосыгаемую высоту власти неподчиненной никакому закону, основанной на преданіи и обычаяхъ. Съ другой стороны новое, государственное управленіе продолжало жить тѣми примѣрами и духомъ, которые развились въ вотчинномъ быту удѣльныхъ княжествъ. Стремленія московскихъ князей, со временъ Іоанна III, были новы; но средства, которыми они дѣйствовали, и пути, которыми они шли при этомъ, напоминали старину. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ слова: вотчина и удѣлъ, стали замѣняться словомъ: государство; но такая смѣна указывала лишь на то, съ какимъ характеромъ переходила къ новой дѣятельности верховная власть. Эпитетъ былъ устраненъ, но еще живо было представленіе, съ нимъ соединявшееся. Наконецъ перенесеніе въ государственныя отношенія тѣхъ понятій о власти и подчиненіи, которыя выработались въ общественной и частной жизни, завершило характеръ политическаго быта Москвы: отношенія холопства и прикрѣпленія перене-

сены были въ государственную сферу и всякихъ чиновъ люди стали называть себя государевыми холопами. «Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужее восхитихомъ», писалъ Іоаннъ IV Курбскому: «...се ли совѣсть прокаженная, яко свое царство во своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли сопротивенъ разуму, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли православіе пресвѣтлое, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? — О безбожныхъ человекѣхъ что и глаголати! Понеже тѣи всѣ царствіи своими не владѣють: како имъ повѣлять работные ихъ, тако и владѣють; а російское самодержавство начала сами владѣють всѣми царствы, а не бояре и вельможи. — Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабамъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше раба быти? А се ли тьма, яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строить? — Земля правится Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратеги. И еже воеводъ своихъ различными смертymi разторгали есмя: а Божією помощію имѣемъ у себя воеводъ множество и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холоповъ вольны, а и казнити вольны жь есмя»²⁵). Грозный говорилъ, опираясь на дѣйствительность. Такъ еще Герберштейнъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ коментаріяхъ о томъ значеніи, какимъ пользовалась царская власть въ XVI столѣтіи, не задолго до самостоятельнаго правленія Іоанна: «скажетъ царь

и сдѣлано», говоритъ онъ, «жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они... Не знаю, свойство ли народа требовало такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство»²⁶). Столь же рѣшительно выражается о политическомъ бытѣ Москвы іезуитъ Антоніо Поссевино, современникъ Грознаго, имѣвшій цѣлю католическую пропаганду: «Москвичи наследовали отъ предковъ», говоритъ онъ, «высокое понятіе о государѣ и утверждаютъ въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ-нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ то; царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя. Въ Московіи царь считаетъ своею наследственною собственностію какъ всѣ государственныя области, такъ и то, что въ нихъ находится; онъ даетъ, кому что хотеть и сколько хотеть, каждый думаетъ безпрекословнымъ исполненіемъ воли царской обезпечить не только свое благосостояніе, но и будущность своей семьи. Царь хотеть быть полнымъ властителемъ не только иждивенія, души и тѣла своихъ подданныхъ, но и мыслей ихъ. Онъ самъ все желаетъ видѣть и знать»²⁷). Наконецъ Флетчеръ и Горсей, посѣтившіе Москву въ царствованіе Феодора Иоанновича, еще подробнѣе описали бытъ московскаго государства. Коснувшись политическихъ, законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ правъ царской власти, указавъ на безсиліе земскихъ соборовъ, на печаль-

ное состояніе областнаго и земскаго управленія, на взаимное положеніе и политическое безправіе людей всѣхъ состояній, всякихъ чиновъ, отсутствіе законодательныхъ памятниконъ, печальное состояніе судоустройства и судопроизводства, тягостную и полную произвола податную и финансовую системы, Флетчеръ предсказалъ неизбѣжность смутной эпохи. Событія оправдали предположеніе проницательнаго иностранца. Среди внутреннихъ смятеній поколебалось государственное единство, исчезла верховная власть, вторглись сосѣди. Во главѣ распадавшагося и волновавшагося общества становились то цари партій, то самозванцы, то патріархъ, то боярская дума. Политическое значеніе церковной власти, понижшее въ XVI столѣтіи, не смотря на то, что митрополиты помогли Москвѣ стать во главѣ удѣловъ, и ограничивавшееся только обычаемъ печалованія, за которое погибъ Филіппъ отъ Іоанна, снова поднялось. Патріархъ Іовъ возводитъ Годунова на престолъ; при Шуйскомъ онъ и Гермогенъ читаютъ народу отпустительную въ политическихъ грѣхахъ грамоту; во время междуцарствія Гермогена называютъ начальнымъ человекомъ всей земли. На его зовъ и по его благословенію движутся народныя ополченія къ Москвѣ. Значеніе боярской думы, упавшее вмѣстѣ съ вліяніемъ духовенства, но все-таки болѣе сильное, уступаетъ теперь предъ именемъ патріарха. Попытка бояръ ограничить власть Годунова отстранена Іовомъ. Въ минуту, когда патріаршіи престолъ не занятъ никѣмъ, боярамъ удается склонить Шуйскаго къ нѣкоторымъ уступкамъ; но, когда его удаляютъ съ престола въ монастырь, Гермогенъ объявляетъ себя на сторонѣ свергнутаго царя. Во время междуцарствія бояре позорятъ себя крамолами, распрями, сношеніями кто съ тушинскимъ лагеремъ, кто съ Сигизмундомъ, кто съ поляками, засѣвшими въ кремлѣ. Обнаруживается рознь областей;

снова становятся замѣтными прежнія границы удѣльныхъ княжествъ; однѣ волости держатъ сторону самозванца, другія Москвы, третьи отдаются сосѣднимъ государямъ. Но политическое единство возстановляется: дѣло освобожденія Москвы поддержано народными ополченіями; силамъ городского и сельскаго населенія по преимуществу принадлежать слава и честь этого подвига. Казалось бы всѣ эти событія, весь этотъ переворотъ должны были измѣнить политическую жизнь страны, дать иной характеръ государственному и общественному устройству Россіи. Но земскій соборъ 1613 года имѣеть въ виду лишь одинъ вопросъ—умиреніе государства; средство для того одно, по общему мнѣнію: избраніе царя. Другихъ результатовъ не принесла смутная эпоха. На соборѣ не раздалось ни одного голоса, который бы потребовалъ пересмотра и пополненія судебниковъ, болѣе точнаго опредѣленія сословныхъ правъ и отношеній, преобразованій администраціи, измѣненія податной и финансовой повинностей, иного распредѣленія поземельной собственности. Желанія новизны не было мѣста. Взоры всѣхъ обращены были на прошедшее, нарушенное смутами, какъ на идеаль политическаго быта. Всѣмъ надоѣла недавняя шатость; всѣ наказались общею безурядицей: никому не приходило въ голову удовлетворить тѣмъ немногимъ желаніямъ, которыя высказались въ разныя минуты смутной эпохи. Такъ еще при первомъ Лжедмитріи, тесть его Юрій Мнишекъ манилъ московскихъ бояръ вольностями польскихъ сенаторовъ. Шуйскій послѣ провозглашенія его царемъ, говорилъ въ Успенскомъ соборѣ: «цѣлую крестъ на томъ, чтобъ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать безъ собору». Но ни Мнишекъ, ни Шуйскій не удержались на своихъ мѣстахъ; съ ними исчезли ихъ рѣчи. За то живы были въ 1613 году люди, которые писали, 4 февр. 1610, въ условіяхъ избра-

нія на русское царство королевича Владислава, чтобъ распространены были права духовенства, бояръ, окольныхъ, и всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей; чтобъ перемѣна законовъ зависѣла отъ бояръ и всей земли; чтобъ не было казней безъ приговора боярскаго и думныхъ людей, а имѣнія казенныхъ отдавались бы ихъ наследникамъ; что для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бурманскихъ поганскихъ, и государь у нихъ за то вотчинъ, имѣній и дворовъ отнимать не будетъ; король не можетъ требовать никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только заселенныя мѣста; чтобъ вообще въ важныхъ случаяхъ государь говорилъ и уряжалъ, по обычаю московскаго государства, съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, со всѣми боярами и со всею землею»³⁹). Ни одно изъ этихъ условій не было помянуто при избраніи Михаила Феодоровича на престолъ. Преданіе о томъ, будто бы существовали условія, ограничивавшія власть новаго царя, преданія, о которыхъ упоминалъ потомъ Татищевъ, слишкомъ неопредѣленны и до сихъ поръ не подтвердились ни положительными извѣстіями о томъ, ни событіями, послѣдовавшими за избраніемъ Михаила⁴⁰). Переворотъ 1613 года заявилъ лишь одни стремленія къ политическому единству Россіи, сосредоточенію ея около Москвы, возвращенію верховной власти въ руки одного лица. Повидимому, надъ умами членовъ земскаго собора носились слова Грознаго къ Курбскому: «се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человекъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Видишь ли, яко подобно женскому безумію, многихъ владѣніе: аще не подъ единого властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть»⁴⁰).

Въ продолженіе всего XVII столѣтія политическая жизнь въ Россіи оставалась та же, основанная на давнихъ обычаяхъ и преданіяхъ. Отношенія боярской думы къ царю, положеніе земскихъ соборовъ не измѣнилось; лишь церковная власть, возвысившаяся въ лицѣ патріарха въ смутную эпоху, получила большее значеніе, благодаря родственной связи патріарха Филарета съ царемъ и дружескимъ отношеніемъ Никона къ Алексѣю Михайловичу. Но послѣднія кончились борьбою между политическою и церковною властями. Во время этой борьбы вселенскіе патріархи произнесли свое рѣшеніе о правахъ царя и патріарха. На вопросъ, что есть царь? они отвѣчали: «царь есть законное начальство, общее, благое всѣмъ подданнымъ, ниже благая дѣйствующій по склоненію сердечному, ниже наказуяй по противному сердца своего намѣренію или страсти; ниже даяй дары туне въ убытокъ нѣкихъ». И за тѣмъ присоединили толкованіе отъ себя, въ которомъ ставили главною обязанностию царской власти: безпристрастіе, благость и премудрость. «Отъ сихъ познавается», писали они, «яко царь есть господь всѣхъ; за не пріемлють отъ него вси подданныи дары, наказанія же кинитъ же ни есть образомъ противящіеся ему. Сего ради написано есть: Бога бойтеса, царя чтите и за него молитесь»⁴¹). Говорили, что патріархъ долженъ повиноваться царю, какъ существу въ вѣнцѣмъ достоинствѣ. Въ дватцати пяти вопросахъ рассмотрѣны были подробности взаимныхъ отношеній царской и патріаршей власти: перевѣсъ остался на сторонѣ первой. Никонъ былъ осужденъ. Въ 1649 г., во второй и третей главахъ уложенія постановлены были статьи о государственной чести и какъ его государственное здоровье оберегать; о государствѣ дворѣ, чтобы ни отъ кого никакого безчинства и брани не было. Въ этихъ статьяхъ опредѣлены были тяжкія наказанія за измѣну и другія государственныя преступле-

нія, чего не было въ судебныхнахъ. Но и въ уложеніи не говорилось ни слова о значеніи царской власти вообще. Только русскіе послы временъ Алексѣя Михайловича, ѣздившіе на западъ, давали иногда поясненія объ этомъ предметѣ на запросы европейскихъ дипломатовъ. Такъ въ 1673 году маіоръ Павелъ Мenezіусъ, пріѣзжавшій въ Римъ, былъ спрошенъ іезуитомъ, по порученію папы Климента X: что есть царь? и отвѣчалъ: «что есть именуется папа и cesарь римскій, и султанъ турецкій, и шахъ персидскій, и ханъ крымскій, и моголь индѣйскій, и претіанъ абиссинскій и зереѡъ арабскій, и колманъ болгарскій, и деспотъ пелопонейскій, и калифа вавилонскій и иные, тако же именуется по словенскому нарѣчію: царь російскій»⁴²). Это неумѣнье опредѣлитель понятіе, соединявшееся съ словомъ царь, иначе, какъ посредствомъ примѣровъ, лучше всего характеризуетъ взглядъ русскихъ людей XVII вѣка на политическій бытъ своей страны. Взглядъ же самаго московскаго правительства выразился въ извѣстной грамотѣ опальному князю Хворостинину, который не устоялъ въ эпоху смуть предъ иноземнымъ вліяніемъ, присталъ къ польскимъ и латинскимъ попамъ, произносилъ и писалъ многія укоризны и хульныя слова про московскихъ людей, думая отѣхать въ Литву: «да въ твоємъ же письмѣ сыскано», говорится между прочимъ въ этой грамотѣ, «написано государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руссіи именованье не по достоинству: деспотомъ русскимъ, а деспота слово греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не князь и самодержецъ; а ты князь Иванъ не иноземецъ, московской природной человекъ и тебѣ бѣ было такъ про государево именованье писати не пристойно»⁴³). Отзвы о томъ же предметѣ Олеарія, Мейерберга, Коллинса и другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII столѣтіи, напоминаютъ отзвы Герберштейна, Поссевина и Флетчера.

Та картина русскаго государства, которую представили Ботошихинъ и Юрій Крижаничъ, отличается лишь большими подробностями отъ описаній, составленныхъ иностранными путешественниками. Но вмѣстѣ съ изображеніемъ дѣйствительности, Крижаничъ изложилъ и цѣлый рядъ собственныхъ мыслей о возможныхъ преобразованіяхъ политическаго быта Россіи. Родомъ Сербъ, католикъ по религіи, онъ былъ озлобленъ притѣсненіями, которыя терпѣли западные и южные славяне, переѣхалъ въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вмѣшался въ споры раскольниковъ съ православными и былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ написалъ нѣсколько богословскихъ сочиненій полемическаго содержания, грамматику славянскаго языка и наконецъ два огромные листовника, въ которыхъ, безъ ясно-опредѣленной системы, описывалъ тогдашнее состояніе московскаго государства. Будучи чрезвычайно начитанъ въ исторической, политической, богословской, философской и даже экономической литературѣ своего времени, онъ обратилъ всѣ вычитанныя свѣдѣнія на оцѣнку политическаго и общественнаго быта Россіи, основываясь на собственномъ, довольно близкомъ знакомствѣ съ нимъ. Его взгляды не безпристрастны, его философія и политическія убѣжденія узки и односторонни; его отзывы слишкомъ часто подчиняются раньше составленнымъ надеждамъ и желаніямъ; наконецъ онъ не на столько иностранецъ для московскаго государства XVII вѣка, чтобы совершенно отвергнуть практическую сторону нѣкоторыхъ его замѣчаній, и не совѣтъ Русскій, чтобы считать его образъ мыслей распространеннымъ и общепринятымъ тогда въ Россіи. Любопытнѣе всего то, что Крижаничъ начинаетъ свои замѣтки прямо съ матеріальной стороны государственной жизни: говоритъ о царской казнѣ, о разныхъ налогахъ и пошлинахъ, о торговлѣ внѣш-

ной и внутренней, о ремеслахъ, сельскомъ хозяйствѣ, о рудникахъ. Онъ былъ правъ, ставя матеріальныя условія тогдашней жизни на первомъ планѣ; ихъ бѣдность, ихъ недостатокъ лежали тяжелымъ бременемъ надъ политическими и общественнымъ бытомъ Россіи. Первое, о чемъ подумалъ Петръ въ своихъ преобразованіяхъ, было усиленіе матеріальныхъ средствъ; заботами о нихъ не пренебрегали и его предшественники. За тѣмъ какъ славянинъ, враждебно поставленный жизнію къ иностранцамъ, онъ посвящаетъ большой отдѣлъ своего сочиненія чужелюбію, чужебъсію, чужевладству; зная описанія Россіи, сдѣланныя иностранцами, указываетъ на ихъ ошибки. За тѣмъ онъ переходитъ къ размышленіямъ о политикѣ: «какъ сердце въ груди, какъ очи во лбу», говоритъ онъ, «такъ необходимъ народу государь; гдѣ нѣтъ владѣтеля, тамъ гибнетъ населеніе». Изъ ссылокъ на книги ветхаго завѣта, онъ дѣлаетъ выводъ, что «государь есть пастырь людской, поставленный отъ Бога, Божій намѣстникъ, нѣкій богъ на землѣ. Его судитъ одинъ Богъ; и за грѣхи народа шлетъ злаго государя». Всѣ дальнѣйшія сужденія Крижанича о политическомъ значеніи государственной власти основаны на богословскихъ ученіяхъ, какъ это было въ средніе вѣка и въ первое время послѣ реформации. Но, говоря о русской исторіи, онъ сильно порицаетъ дѣла Іоанна Грознаго, называя его тираномъ: а тиранъ, по выраженіи Крижанича, есть разбойникъ народный, не боящійся ни суда, ни муки; палачъ, не внимающій закону, отринувшій челоуѣчество; демонъ облеченный въ видимое тѣло, людодерець. Тиранство одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, которые вопіютъ къ небесамъ объ отмщеніи, что и сбылось надъ родомъ Грознаго, прекратившимся на московскомъ престолѣ. Алчность, по мнѣнію Крижанича, служитъ главнымъ основаніемъ тиранніи; она отражается не только на финан-

совой системѣ, но и на всѣхъ отрасляхъ государственнаго и областного управленія. Единственное средство противо-
 дѣйствовать такому злу: либеральныя перемѣны въ законо-
 дательствѣ. Но русское царство, думаетъ Крижаничъ, не
 имѣло еще добрыхъ законовъ; всѣ сословія его нуждались
 въ правахъ и льготахъ. Людямъ духовнаго чина Крижаничъ
 опредѣляетъ свободу отъ всякаго бремени и народной тя-
 готы, отъ работъ и поборовъ всякихъ. Принадлежностями
 царской власти онъ считаетъ: право чеканить монету, со-
 бирать войска, владѣть множествомъ городовъ, давать имъ
 отъ своей руки правителей, созывать соборы, раздавать вот-
 чины и помѣстья, казнить за ослушаніе и оскорбленіе вели-
 чества. Князья, бояре, боярскія дѣти должны быть изъяты
 отъ всякой холопской работы и тяжести: отъ дани, побо-
 ровъ, подводъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ работъ
 и отъ всякаго холопскаго, чернаго, мѣщанскаго дѣла, из-
 дѣлья и рукодѣлья; лишь одна военная служба должна быть
 ихъ обязанностію. Они могутъ писаться полными, а не умень-
 шительными именами, оставить унизительную форму прось-
 бы — челобитье, употреблять приличные титулы и велича-
 нія; они должны быть освобождены отъ тѣлеснаго наказа-
 нія кнутомъ, батогами, клеймѣніемъ, отрѣзаніемъ носа,
 ушей, отсѣченіемъ рукъ, отъ пытки и смертной казни; лишь
 ссылки и отнятія почестей и должностей должны быть для
 нихъ наказаніемъ. Много и другихъ мелкихъ правъ требу-
 етъ Крижаничъ для людей первыхъ трехъ званій: между про-
 чимъ онъ выговариваетъ для нихъ право свободнаго ученія
 языкамъ и наукамъ, заставляетъ государя выдавать своихъ
 дочерей за туземныхъ князей, а самага и его сыновей —
 жениться на княжескихъ дочеряхъ; младшихъ царевичей на-
 зываетъ князьями. Дѣленіе государства на удѣлы считаетъ
 гибельнымъ, отстраняетъ женщинъ и иноземныхъ принцевъ

отъ правленія государствомъ русскимъ, требуетъ даже, чтобы иностранная войска не были терпимы въ Россіи въ мирное время, а тѣмъ больше иностранцы чиновники; требуетъ уничтоженія кабаковъ, соляной, рыбной, икорной, хлѣбной, медовой, желѣзной и другихъ монополій, принадлежащихъ тогда государевой казнѣ. Городамъ и ихъ населенію даетъ право казнить воровъ и разбойниковъ, обѣщаетъ ремесленнымъ уставамъ; торговымъ людямъ обѣщаетъ хорошую монетную систему; даетъ право бить монету въ четырехъ городахъ: во Владимірѣ — золотую, въ Ярославлѣ — серебрянную, въ Псковѣ — подмѣсную, въ Новгородѣ — мѣдную. Потомъ упоминаетъ о милостяхъ и льготахъ сельскому населенію. Наконецъ главными опорами городской и государственной жизни русской Крижаничъ объявляетъ: православіе, самодержавіе, національную исключительность и страхъ къ чужеземному вліянію ⁴⁴). Таково было единственное, до сихъ поръ извѣстное, политическое ученіе, принадлежавшее частному лицу и явившееся въ допетровской Россіи. Составленное въ то время, какъ рѣшенъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской власти въ лицѣ патріарха и государя, послѣ изданія уложенія, гдѣ каждому состоянію людей посвящены были особыя главы, не задолго до уничтоженія мѣстничества, въ эпоху борьбы православія съ уніей и расколомъ, государства съ казакан и сосѣднею Польшей, — сочиненіе Крижанича слишкомъ мало отзывалось на потребности времени и мѣста, возводило все къ исключительному идеалу славянскаго единства, полагало въ основы государства преимущественно богословскія начала, грѣшило противу исторіи презрѣніемъ къ союзу съ другими народами. Въ послѣднемъ оно напоминало тѣ статьи уложенія, которыми строго былъ запрещенъ выѣздъ изъ

Россіи за границу; точно также какъ указъ Θεодора Алексѣевича, запрещавшій писать въ челобитныхъ о царѣ: «пожаловаль, унилосердился какъ Богъ», въ свою очередь навмнилъ мысль Брижанича, — не мирившуюся съ унизительными прозвищами челобитчиковъ ⁴⁵). Твердаго, самостоятельнаго, оригинальнаго политическаго ученія немогло развиться на русской почвѣ до Петра по очень простой причинѣ; потому что самая жизнь не представляла для него никакихъ данныхъ. Недошедшія до насъ записки князя Хворостинина, о которыхъ говорится въ грамотѣ на его имя, ограничивались только отрицательнымъ изображеніемъ дѣйствительности; сочиненіе Котошихина, написанное съ болѣе спокойнымъ взглядомъ, также было далеко отъ мысли представить собственный идеаль политическаго жизни; труды Брижанича не могутъ быть признаны за туземное произведеніе, страдаютъ односторонностію взгляда и не имѣли въ свое время никакого практическаго примѣненія. Наступила реформа Петра. Русскіе путешественники появились во всѣхъ странахъ Европы. Какъ прежде посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ помѣщали небольшія описанія того, что видѣли и слышали на западѣ; такъ теперь стольники, спальники, стряпчіе и дворяне, отправленные преобразователемъ за море для науки, стали знакомиться сами и знакомить другихъ съ государственною и общественною жизнью европейскихъ народовъ. Многіе изъ близкихъ къ Петру людей стали добывать для себя переводы историковъ и политическихъ писателей нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ. Самъ Петръ велѣлъ перевести и издать сочиненія Бароніа, Стратемана, Гуго-Гроція, Пуфендорфа. Но, знакомя русскихъ съ исторіей и политикой запада, сбрывая бороды, переодѣвая подданныхъ въ чужое

платье, заводя новые порядки въ арміи, флотѣ, судахъ, областномъ управленіи, улучшая бытъ матеріальный, Петръ мало внесъ новыхъ элементовъ въ ученіе о царской власти. Въ этомъ отношеніи онъ былъ только завершителемъ того, что сдѣлали его предки. Всѣ стремленія московскихъ царей XVII вѣка получили въ этомъ случаѣ полное удовлетвореніе. Составляя воинскій уставъ, Петръ мимоходомъ опредѣлилъ значеніе своей власти въ слѣдующихъ словахъ: «Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земля, яко христіанскій государь, по своей воли и благомыслию управлять» ⁴⁶). Петръ уничтожилъ гетманщину въ Малороссіи, все еще сохранявшую нѣкоторые остатки самостоятельнаго значенія; а учреждая сенатъ, онъ имѣлъ въ виду не столько передачу ему части верховныхъ правъ своихъ, сколько скорое и болѣе удовлетворительное рѣшеніе нужныхъ дѣлъ: иначе онъ не посадилъ бы тамъ своего генераль-прокурора. Введеніе коллегіального начала въ государственное и областное управленіе также не измѣняло сущности политическаго быта Россіи. А учреждая синодъ, вмѣсто патріаршества, Петръ окончательно разграничивалъ духовную власть отъ свѣтской: «ибо простой народъ невѣдаетъ», сказано было въ духовномъ регламентѣ, «како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако уществовати обыкъ». И, прибавляя къ этому намекъ на исторію Никона, регламентъ продолжаетъ: «Что же егда еще и плевелиныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры прило-

затся, и сухому хврастію огонь подложить? Тако простыя сердца мнѣніемъ сямъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрять. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ, и за него поборствовать и бунтовати дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянныя, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверяютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простыя, но коварныя чловѣци; ти бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, кохщаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ верховной ревности, не сумняся подносятъ руки на Христа Госнодня; и къ томуъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Чтожь, когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похочеть? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ» ⁴⁷). Наговецъ, перешагнувъ чрезъ тѣ преграды, которыя отдѣляли его предковъ отъ народной массы, отбросивъ старинныя обряды придворной жизни, стѣснявшіе дѣятельность царей, трудясь всюду самъ, наравнѣ съ прочими, Петръ усвоилъ себѣ взглядъ на отношенія верховной власти къ подданнымъ, какъ на право и обязанность попечителя и руководителя. «Нашъ народъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, «яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бывають, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ не всея неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ» ⁴⁸). Такии образомъ, расходясь съ Іоанномъ Грознымъ въ выра-

женіяхъ, которыя были гораздо мягче, нежели гнѣвные рѣчи Іоанна, Петръ сходилъ съ нимъ въ пониманіи государственной идеи и государственной власти. Съ другой стороны онъ являлся современникомъ Людовика XIV, любившаго повторять фразу: *L'état, c'est moi*. Но, упрочивъ торжество государственнаго начала, выразившагося въ томъ, что послѣднія мѣстныя различія были поглощены при немъ силою централизаціи, что личный взглядъ на службу и ея права подчиненъ былъ общественнымъ интересамъ, ибо Петръ не считалъ услуги придворныхъ чиновъ за общественныя, наконецъ въ томъ, что частное хозяйство императорскаго дома впервые отдѣлено было при немъ отъ государственнаго, Петръ нарушилъ обычный порядокъ престолонаслѣдія, до тѣхъ поръ свято наблюдавшійся, судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и изданіемъ Правды воли монаршей. Между тѣмъ еще судьба указа о порядкѣ наслѣдованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществѣхъ могла показать ему, что такое нововведеніе не лежало въ народномъ духѣ. Не трудно было доказать на словахъ экономическую и государственную пользу отъ введенія маіората, отъ назначенія наслѣдниками помѣщичьихъ имѣній лучшихъ между дѣтьми дворянскихъ семействъ: но трудно, почти невозможно, было привести въ исполненіе такую мысль. Нравы общества, воспитанные въ родовыхъ преданіяхъ, сильно противились тому, и Посошковъ краснорѣчиво рассказываетъ въ своей книгѣ о тѣхъ страшныхъ средствахъ, какими дворяне старались обойти указъ Петра. Не даромъ современники, и русскіе, и иноземцы, видѣли въ этой попыткѣ Петра первый шагъ къ удаленію нелюбимаго сына отъ престола. И дѣйствительно, въ знаменитомъ манифестѣ своемъ 3 февраля 1718 года, отрѣшавшемъ царевича отъ престола, Петръ сослался на право каждаго изъ подданныхъ

своихъ лишать наслѣдства непотребныхъ сыновей и отдавать его другому, которому похочетъ. Въ уставѣ же о наслѣдствѣ престола, изданномъ 5 февраля 1722 года, Петръ прямо сослался на примѣръ Іоанна III, дважды измѣнявшаго свою волю о наслѣдникѣ престола московскаго, и на указъ 1714 года: «дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя», сказано было въ уставѣ, «кому оный хочеть, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отжѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ злость, имѣя на себѣ узду сію» ⁴⁰). Уставъ этотъ былъ подтвержденъ присягою всѣхъ подданныхъ. Наконецъ въ отдѣльномъ сочиненіи о престолонаслѣдствѣ, написанномъ по приказу Петра Теофаномъ Прокоповичемъ и изданномъ подъ именемъ Правды воли монаршей, подробно были изложены основанія новаго порядка наслѣдствія, вводимаго Петромъ. Эта замѣчательная для своего времени прокламація имѣетъ весь видъ ученаго трактата, обогащеннаго богословскими, философскими, историческими и политическими свѣдѣніями. Предисловіе къ протосердечному читателю прямо начиналось тою мыслию, что уставъ Петра не нуждается ни въ какихъ доводахъ ученыхъ и философовъ: «уставы бо и всякіе законы, отъ самодержца въ народъ исходящіе», говорилось въ немъ, «у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, аки должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ, гнѣва властительнаго, но и страхомъ гнѣва Божія. И того ради не токмо монаршіи уставы и законы не требуютъ себѣ никакой отъ учительскихъ доводовъ помощи, силою свыше себѣ данною совершенно укрѣпляемые; да и кто поизвалъ бы себя аки помощникомъ властительскихъ опредѣленій, тотъ бы не мало погрѣшилъ на безпрекословное поведительство самодержцевъ, вводя тако ихъ опредѣленія въ

сумнительство помышленія, аки бы оныя неизвѣстной силы суть, аще учительскими доводами утверждены не будутъ». Что же заставило обнародовать твореніе Θεοφана отъ имени императрицы, по согласію духовнаго и мірскаго главнаго правительства? «Единая же сочиненія книжицы сей вина есть», отвѣчаетъ предисловіе, «что въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никакого уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ». Отъ такихъ людей, по мнѣнію автора, сѣялись въ Россіи плевелы мятежей, а иностранцы получали дурное мнѣніе о русскихъ, считая ихъ нравы варварскими, вѣрность къ государямъ своимъ притворною и послушаніе за гнѣвъ только, а не за совѣсть, рабски, а не сыновнѣ творимымъ. Изданная съ цѣлію устранить разные толки и пересуды «я послѣдній сумнительства сучецъ отъ мысли невѣжливыхъ истребить», Правда Воли Монаршей называла уставъ Петра о престолонаслѣдіи презервативою или предохранительнымъ врачевствомъ всероссійской монархіи, преполезнѣйшимъ къ полученію добраго и къ отдаленію злаго состоянія. За тѣмъ она представила многочисленныя резоны или доводы въ пользу петровскаго устава. Первыя доказательства были отъ разсужденія власти всѣхъ вообще родителей: изъ естественнаго закона родительской власти и родительскихъ обязанностей вытекало право отца и матери смирять непослушнаго сына, исправлять, укрощать злыя нравы его и въ важныхъ случаяхъ лишать наслѣдства. Это естественное право, основанное на простомъ здоровомъ смыслѣ, подтверждается и законами разныхъ народовъ, и твореніями философовъ. Ни одинъ изъ нихъ никогда не сомнѣвался на счетъ этого права; разсуждаютъ они только о тѣхъ случаяхъ, когда оно должно быть приводимо въ дѣйствіе. «И если бы

кто о толкомъ учителей и законоположниковъ множествѣ сумнѣвался», замѣчаетъ Правда Воли Монаршей; «то можно ему показать и у насъ въ Россіи, а наипаче въ царствующемъ Петербургѣ до 300 и болѣе законныхъ книгъ, въ которыхъ разсуждается о винахъ и обстоятельствахъ такового сыновъ недобрыхъ отторженія; а что если бы намъ вникнуть въ славныя и великія по Европѣ книгохранительницы? Для примѣра приведена была 115 статья третьей главы Юстиніановыхъ Новеллъ, гдѣ исчислялись четырнадцать случаевъ, дававшихъ родителямъ право лишать сына наследства. Потомъ слѣдовали примѣры изъ Ветхо-завѣтной исторіи, ссылки на книги Притчъ и Чиселъ; далѣе указаны были случаи усмысленія, взятые изъ Светонія, Прокупіа Кесарійскаго, Кассіодора, Ливія, изъ книгъ Бытія, Исходъ и Есаірь, изъ кодекса Юстиніана. Власть наказывать дѣтей доказывается примѣрами, взятыми изъ сочиненія Гуго-Гроція «о правѣ мира и войны». Далѣе цитуются законы древней Греціи и Рима, рѣчи Цицерона. Отъ общей власти родительской авторъ переходитъ къ разсужденію объ отцовской власти государей; «самодержавный бо государь не только подданному народу, но и своимъ дѣтямъ государь есть; воленъ онъ надъ дѣтьми своими, какъ отецъ ихъ, воленъ есть и какъ государь ихъ». Прежде всего идетъ объясненіе того, что такое величество или маестетъ и приводится опредѣленіе Гуго-Гроція: «высочайшая власть (величество нарицаемая) есть та, которой дѣянія ничьей же власти не подлежатъ, такъ дабы могли уничтоженна быти изволеніемъ другаго человѣка; когда же глаголю другаго, вземлю самого его, кто такую высочайшую власть имѣеть: ему бо волю свою переимѣнити можно». Слова Гуго-Гроція авторъ не только подтверждаетъ доказательствами, взятыми изъ естественнаго разума, изрѣченіями священнаго Писанія,

отцовъ церкви, византійскихъ юристовъ; но еще дополняетъ исчисленіемъ главныхъ обязанностей государя, между которыми важнѣе другихъ благо народа, правый судъ. Эти обязанности свойственны всякому роду правленія: демократіи или народодержательству, аристократіи и монархіи или самодержавству, будетъ ли монархія наслѣдною или избирательною. «Отъ сего правительствъ разнообразія ясно, замѣчаетъ Правда, «что всякій правленія образъ, и сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующему смотрѣнію Божію». Даже основанныя силою монархіи авторъ считаетъ освященными народною волей: «самъ бо народъ добротнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тебѣ преклоненную волю свою». Но во всѣхъ случаяхъ въ основѣ верховной власти лежитъ отреченіе народа отъ собственной воли; только въ избирательной монархіи свобода выбора государя возвращается къ народу по смерти прежде избраннаго; въ наслѣдственной же монархіи разъ высказанное отреченіе народа отъ своей воли имѣетъ свою силу при всякой смѣнѣ лицъ на престолѣ. Отсюда авторъ выводитъ долгенства народа подданнаго: непрекословное и безропотное повиновеніе повелѣніямъ, законамъ и уставамъ самодержца; отреченіе отъ права судить дѣла своего государя, нарушенное въ 1649 году англичанами, судившими Карла I; отреченіе отъ права указывать что-либо монарху; признаніе наслѣдникомъ престола того, кто будетъ назначенъ царствующимъ государемъ. Но въ послѣднемъ обстоятельствѣ можетъ представиться такой случай, что государь умирая не оставитъ по себѣ, ни на словахъ, ни на письмѣ, опредѣленнаго наслѣдника; возникаетъ самъ собой вопросъ: какъ же поступать тогда народу? «Долженъ народъ», учить авторъ Правды, «всякими правильными дога-

днѣ испытывать, какова была, или быть могла воля государева; но народъ могъ быть не догадливъ, или догадки его могли быть не правильны. Авторъ предвидѣлъ и это; онъ указываетъ народу основанія для правильныхъ догадокъ: какого права былъ государь и къ чему наиболѣе склоненъ; равно или неравно дѣтей своихъ любилъ. Въ послѣднемъ случаѣ престолъ долженъ былъ принадлежать наиболѣе любимому сыну умершаго царя; въ первомъ — наиболѣе сходному въ нравахъ съ покойнымъ царемъ. То же самое должно разумѣть о дочеряхъ государя, если не было у него сыновей, и о ближнихъ родственникахъ его. Лишь въ томъ случаѣ, когда «оскудѣетъ вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлитъ и безъ завѣта преставился; тогда воля, бывшимъ монархамъ отданная, возвращается къ народу». Такovy обязанности народа, который совокся предъ государемъ правительской воли своей и всю власть надъ собою отдалъ ему, куда авторъ отнесъ «всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемены обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая, и прочая, и прочая». Коснувшись далѣе вопроса о томъ: какаѣ монархіи лучше — наслѣдственная или избирательная? и рѣшивши его въ пользу первой, авторъ приводитъ случаи, когда патріархи, государи и вообще великіе люди дѣлали выборъ между сыновьями своими, однихъ лишая наслѣдія, другимъ передавая его. Сперва идутъ примѣры отъ исторій человѣческихъ, потомъ отъ исторій священнаго писанія. Авторъ ссылается то на Гуго-Гроція, то на Театръ Федора Цвингера, то на Ливія, Плутарха и Светонія, то на византійскихъ историковъ, на Зонару и Бедрина, то на Баронія и Кальвизія, Іоанна Клуверія и Фаміана Страду. Всѣхъ примѣровъ собрано сорокъ

сечь. «Узрѣвъ толикую доводовъ силу», заключаетъ авторъ, «и толикій свидѣтелей облакъ, отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ неложнаго слова Божія», каждый противникъ петровскаго устава «не только увидитъ, что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути отнюдь не можетъ». Остается одно возраженіе, что распоряженіе Петра новость въ русской исторіи. Но не говоря уже о томъ, что «вещи новыя, яко же и ветхія, ни отъ доброты, ни же отъ худости своея, но только отъ времени нарицаются: зло, и старое зло есть, добро, и старое добро есть»; что «разумный есть и человекъ и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстати, чуждаго же и добраго приняти не хочетъ»;—русская исторія представляетъ примѣры выбора наслѣдниковъ престолу, точно также какъ и примѣры браковъ государей съ иноземками. Все разнообразное содержаніе Правды воли монаршей было такимъ образомъ направлено къ объясненію предъ лицемъ народа и государства тѣхъ причинъ, которыя заставили Петра измѣнить прежній порядокъ наслѣдованія русскаго престола. Прежде насъ указано было различіе между поступкомъ Петра, имѣвшаго въ виду пользы государства, и Іоанна III, дѣйствовавшаго изъ семейныхъ побужденій въ назначеніи себѣ преемника ⁶⁰). Тутъ не можетъ быть никакого спора. Но могло случиться другое: Петръ и народъ могли разойтись въ своихъ взглядахъ на пользы государства. Чего желалъ Петръ, того могли не желать противники его реформы. Что разладъ дѣйствительно былъ, это доказала исторія царевича Алексѣя Петровича; что онъ продолжалъ существовать и въ царствованіе Екатерины, это видно изъ словъ предисловія Правды, указывавшихъ на пори-

цителей дѣлъ Петра. Перевѣна порядка престолонаслѣдія была однимъ изъ самыхъ сильныхъ искушеній для недозвольныхъ. Она возбуждала вниманіе даже тѣхъ людей, которые прежде равнодушно смотрѣли на многія явленія государственной и общественной жизни: вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ, долженъ былъ отнынѣ вызывать къ себѣ участіе людей извѣстнаго кружка. При прежнемъ порядкѣ вещей, основанномъ на обычаяхъ и преданіи, всѣ заранѣе знали, кто будетъ наслѣдникомъ. Теперь же, волей и неволей исчезало прежнее равнодушіе къ политической жизни, вторымъ страдала древняя Русь. И реформа Петра, и его уставъ объ избраніи царствующимъ государемъ достойнѣйшаго себѣ наслѣдника, поднимали въ обществѣ интересъ къ политическимъ событіямъ, будили національныя стремленія, давали поводъ образоваться и высказаться различнымъ взглядамъ на государственныя отношенія. Вся политическая исторія Россіи отъ коронованія Екатерины I до коронованія Павла I, установившаго коренные законы объ императорской власти, сосредоточивалась преимущественно около вопроса, затронутаго Петромъ вслѣдствіе разрыва съ сыномъ.

Какая-то мрачная судьба тяготѣла надъ этимъ дѣломъ Петра: онъ первый установилъ избраніе достойнѣйшаго преемника и между тѣмъ ему самому не удалось этого сдѣлать, что подало поводъ къ борьбѣ придворныхъ партій, имѣвшихъ въ виду не пользы государства, но личныя цѣли. Погубленный Петромъ сынъ говаривалъ: «два человекa на свѣтѣ какъ Боги: папа римскій да царь московскій; какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ» ⁵¹). Но царевичъ ошибался: едва Петръ умеръ, какъ главная цѣль устава о наслѣдіи была забыта. Всѣ партіи думали только о себѣ; никто не хотѣлъ правильными догадами доискиваться, на чью сторону

клонилась воля покойнаго. Одни впрочемъ могли опираться на то, что Петръ еще при жизни своей короновалъ Екатерину I; другіе, подобно Басевичу, министру голштинскаго герцога, рассказывали, что за нѣсколько часовъ до смерти, Петръ проговорилъ слова: «отдайте все...» и велѣлъ позвать къ себѣ дочь свою, Анну Петровну, невѣсту герцога ⁵²). Только приверженцы старины, противники преобразованій, сторонники сына царевича Алексѣя Петровича, не могли привести ни одной правильной догадки въ пользу своего кандидата. Двѣ первыя партіи не могли дѣйствовать разноточъ Петра въ то же время была и дочерью Екатерины, которая могла назначить ее преемницею себѣ. Такъ и случилось: Екатерина вошла на престолъ, поддержанная Меншиковымъ, Басевичемъ и всѣми участниками въ судѣ надъ царевичемъ. Въ первомъ манифестѣ ея къ народу объявлено было: такъ какъ покойный императоръ удостоилъ короною и помазаніемъ свою супругу, то *сенатъ, синодъ и генералитетъ согласно приказали*, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства людямъ, служить вѣрно великой государынѣ императрицѣ Екатерицѣ Алексѣевнѣ ⁵³). Такое приказаніе было новостью: ни сенатъ, ни синодъ не были облечены властію приказывать народу о признаніи того или другаго лица государемъ; еще менѣе такое право принадлежало генералитету. Правда воли монаршей не говорила ни слова о подобной формѣ признанія народомъ царствующаго лица: старинный обычай совѣщанія патріарха съ народомъ съ краснаго крыльца не могъ служить оправданіемъ новой формы. Старина нарушена была преобразованіями Петра; за новизну, очевидно, стояли люди, въ рукахъ которыхъ была сила. Эти-то сильные люди скоро обозначились и выдѣлились изъ общей массы сената, синода и генералитета. Сенатъ потерялъ титулъ управительнаго

и съ нимъ прежнее значеніе свое. Выше его сталъ верховный тайный совѣтъ, членами котораго были: Меншиковъ, Ѳ. М. Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, Д. М. Голицынъ, Остерманъ и герцогъ Голштинскій. Но главное значеніе принадлежало одному Меншикову, который объявлялъ въ совѣтъ повелѣнія императрицы, одинъ докладывалъ ей о дѣлахъ секретныхъ и важныхъ воинскихъ, управлялъ сборомъ податей и недоимокъ, былъ президентомъ военной коллегіи, вице-адмираломъ и вмѣшивался во всѣ дипломатическія дѣла. Первые распоряженія совѣта были однакожь не дурны. Совѣтъ началъ съ изученія недостатковъ военной и фискальной системы внутренняго управленія, которую ввелъ Петръ, и указалъ между прочимъ на множество излишнихъ командировъ, занимавшихся распределеніемъ повинностей и земскихъ сборовъ, на разореніе и отягощеніе народа отъ великихъ податей, непрестанныхъ экзекуцій, угнетенія со стороны земскихъ властей и отъ распределенія войскъ по дистриктамъ. Составлена была комиссія для разсмотрѣнія состоянія городовъ и земель, подъ предсѣдательствомъ кн. Д. М. Голицына. Повидимому, верховный тайный совѣтъ рѣшился привлечь къ себѣ народное расположеніе и дѣйствовать въ его пользу. Но это было лишь на первыхъ порахъ. Борьба партій увлекла за собой и членовъ совѣта, стоявшихъ во главѣ ихъ. То всѣ они соединились противу Меншикова, то при помощи Меншикова губили своихъ противниковъ; кто былъ закупленъ прусскимъ дворомъ, кто французскимъ, кто австрійскимъ; одинъ думалъ добиться званія гурляндскаго герцога, другой заботился о пріобрѣтеніи богатствъ, иной старался окружить себя преданными людьми. Личныя дѣла каждаго всплыли на верхъ. Дѣла государственныя шли плохо; это не было тайною для самихъ членовъ совѣта. Какъ прежде при Петрѣ капитанъ

Мишуконъ расплакался при одной мысли, что по смерти преобразователя будетъ государемъ неспособный къ дѣламъ царевичъ Алексѣй Петровичъ; такъ теперь Апраксинъ, вовсе не принадлежащій къ числу горячихъ поклонниковъ реформы, плакалъ на взрыдъ на придворномъ праздникѣ, въ день именинъ Екатерины, приговаривая: «Петра Великаго нѣтъ болѣе! Дѣла идутъ такъ худо, что надо плакать, а не радоваться» ⁵⁴). Сбывались слова Грознаго о женщинахъ и правленіи многихъ: интригою вельможъ началось царствованіе преемницы Петра, такую же интригою и кончилось. Уступивъ вліянію Меншикова, Екатерина назначила наслѣдникомъ своимъ Петра II, а цесаревнамъ и администраціи, т. е. людямъ сильнымъ, ввѣстила въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя съ дочерью Меншикова. Стараться было не трудно, потому что во главѣ администраціи стоялъ самъ свѣтлѣйшій, и царствованіе Петра началось ссылкой и розысканіемъ враговъ будущаго его тестя. Но истребить ихъ всѣхъ было гораздо труднѣе, нежели удовлетворить честолюбію Меншикова. Петръ II не только радъ, но и вынужденъ былъ въ свою очередь отдѣлаться отъ властолюбиваго временщика. Вынудившіе у Петра ссылку Меншикова, сами стали временщиками, увезли его въ Москву и пріучили къ беззаботной, беспорядочной жизни. Дѣла пошли еще хуже, нежели въ предшествовавшее царствованіе, что прежде извѣстно было только людямъ, принадлежавшимъ къ администраціи, а теперь стало извѣстно всѣмъ; потому что дворъ и члены верховнаго совѣта жили уже не въ дальнемъ Петербургѣ, а въ старинной столицѣ Россіи. «Въ Москвѣ всѣ рошцуть наобразъ жизни молодаго царя», писалъ въ Мадридъ герцогъ лирійскій, «посланникъ испанскаго короля «любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе. Всѣ обвиняють въ такомъ состояніи дѣлъ временщиковъ, окру-

жавшихъ царя. Нѣкоторые иностранные послы думаютъ выѣхать изъ Москвы, считая свое присутствіе въ ней не согласнымъ съ достоинствомъ ихъ государей, ибо не знаютъ, къ кому обращаться съ вопросами о дѣлахъ⁵⁵).

Въ это-то время жилъ въ Москвѣ Татищевъ, занимая скромное мѣсто члена монетной конторы и собирая матеріалы для географіи и исторіи Россіи.

Татищеву тогда было около сорока пяти лѣтъ, — возрастъ, когда одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ слугъ Петра, Толстой началъ свою честолюбивую карьеру и вызвался ѣхать за море для ученья. Татищеву не нужно было напрашиваться для путешествія съ такою цѣлю. Въ три поѣздки свои за границу съ дѣловыми порученіями онъ успѣлъ достаточно ознакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, отчасти съ французскимъ, отчасти съ латинскимъ, составилъ порядочную бібліотеку книгъ историческихъ и политическихъ, и уже около десяти лѣтъ занимался изученіемъ Россіи и ея прошедшихъ судебъ. Еще въ 1719 году, Брюсъ внушилъ ему мысль заняться русской географіей; Татищевъ тогда же увидалъ, что безъ историческихъ познаній невозможно составить сколько-нибудь полной географіи. Между своими розысканіями по этой части, онъ знакомился и съ науками политическими, на сколько они были доступны ему. Еще будучи въ близкихъ сношеніяхъ съ Брюсомъ, онъ могъ пользоваться его богатымъ собраніемъ книгъ и курьезныхъ вещей. А въ бібліотекѣ графа были: описаніе житія кардинала Маазарина на латынскомъ языкѣ; о главныхъ монархіяхъ на нѣмецкомъ; житіе Густава Адольфа короля шведскаго чрезъ Пуфендорфа на нѣмецкомъ же; исторія о владѣніи великихъ російскихъ князей писана русскимъ языкомъ; княжескихъ силъ хитрость, переведена съ нѣмецкаго, на російскій языкъ; описаніе испанскаго и аррагонскаго ти-

ранства на старомъ нѣмецкомъ, и другія сочиненія историко-политическаго содержанія *6). Потомъ Татищевъ сблизился съ княземъ Дм. Мих. Голицынымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между стариками, державшимися прежнихъ обычаевъ. Не смотря на то, что князь любилъ повторять: «къ чему намъ всѣ эти рѣчи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ жила дѣды и отцы наши, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ?» не смотря на то, что царевичъ Алексѣй Петровичъ, на котораго такъ много рассчитывала партія, желавшая возвращенія старины, возлагалъ большія надежды на него, Дм. Мих. Голицынъ былъ не прочь отъ знакомства съ европейской литературой. Еще живя въ Кіевѣ при Петрѣ, онъ заставлялъ студентовъ тамошней академіи переводить для себя съ разныхъ языковъ сочиненія историческаго и политическаго содержанія, и потомъ перевезъ ихъ въ свою подмосковную, въ село Архангельское, откуда Татищевъ бралъ не разъ и рукописи, и печатныя книги. А въ библиотекѣ Голицына виѣсть съ лѣтописями, хронографами, статейными списками, собраніями грамотъ, польскими хрониками, историческими и богословскими сборниками, указами временъ Петра I, Екатерины I и Петра II были въ русскихъ же переводахъ: сочиненіе Пуфендорфа объ исторіяхъ и славныхъ царствъ и статахъ, которые обрѣтаются въ Европѣ; описаніе винъ, ниже къ погибели и къ разорѣнію всякія царства приходятъ и которыми дѣла въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся, на 141 листѣ; Правленіе гражданское, о его истинномъ началѣ и о его власти, и ради чего, на 144 листахъ; Дискурсы политичные Іоанна Христофора Эберта, о различныхъ чинахъ властелинскихъ и подъ властію сущихъ, въ трехъ частяхъ, на 83 листахъ; Самуила Пуфендорфа о состояніи нѣмецкаго государства книга одна, на 66 листахъ; Камень

опыта политическаго, для чего бы Неаполитанцы отъ Гишпанцовъ озлоблены и отягчены были, на 8 лист.; исторія политична, опредѣленна на шесть книгъ, въ первой гишпанскимъ языкомъ, потомъ на италійскій, изъ сего на латинскій предложена, на 77 лист., Эрнеста Гоцкелія, философа, о Европскихъ царехъ и о ихъ величества преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ, подобающее описаніе, тщаніемъ Гобелія сочинися, на 415 листъ; Іоанна Павла Фелвингера Нюрембергскаго, учителя Алтдорфнскаго, дискурсы политичныя о всѣхъ образѣхъ владѣтелей добрыхъ и поврежденныхъ и о иныхъ нѣкоторыхъ матеріяхъ, надлежащихъ къ ученію политичному, на 254 л.; Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное, или всякаго сокровища общественнаго соблюденіе вѣчное, или совѣты на уставленіе и разнуженіе и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданные чрезъ Максимилиана Фауста Ашавенбургскаго въ Франкѳуртъ, въ 20 частяхъ, на 1500 лис.; Николая Вернуллія уставленій политичныхъ книги четыре, все вся гражданскаго ученія слоги содержатъ, на 151 л.; Самуила Пуондорфа о законахъ естества и народовъ; книга Северина Змонзамбона Веронскаго о статѣ государства нѣмецкаго, на 160 лист.; Теоримата или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ, или коей области, правленіи, на 383 лист.; І. К. Бекмана о честяхъ владѣтельскихъ двадцать бесѣдъ, на 809 лис.; Министерство или правительство кардинала Рихиія и Мазарина, съ политическими разсмотрѣніи, отъ году 1624 даже до 1651, на 1373 лист.; Исторія о державѣ французской Іоанна Дебуссера, на 1404 л.; Увѣщанія политическая господина Францишка Гвичардина, мужа благороднаго елорентійскаго и исторіи въ свое время писателя преизбраннаго; Новоумноженный политическаго

щастія ковачъ, со всякими къ дворовому и свѣтскому житію потребными и на нынѣшнія времена особливо учрежденными полезными и вяще потребными ученію, которыя изрядными пресловіи, остроумными рѣченіи и чрезобыкновенными примѣрами и приводами и украшены и наполнены и ученому свѣту представлены Христіаномъ Георгіемъ фонъ-Бесселемъ, на 167 л.; I. Фридлангена, о стать владѣтельскомъ, на 452 л.; Дворянинъ добронравный (Лук. Гурничаго?); различныя наставленія о гражданскомъ правленіи съ сентенціями, выбранными изъ многихъ авторовъ и т. под. ⁵⁷).

Такой обильный матеріалъ для знакомства съ политической исторіей западной Европы предлагала бібліотека кн. Голицына. Теофанъ Прокоповичъ былъ правъ, говоря о богатствѣ тогдашнихъ русскихъ бібліотекъ по части политическихъ книгъ. Но чтеніе однихъ и тѣхъ же писателей не было еще ручательствомъ, что всѣ ихъ чтенцы усвоятъ себѣ одинакія политическія убѣжденія, одни и тѣ же историческіе взгляды. И Прокоповичъ, и Татищевъ, и Голицынъ много читали и по русской и по европейской исторіи: но убѣжденія ихъ были различны. Жизнь, общественное положеніе, практическая дѣятельность наложили свою печать на всѣхъ трехъ участниковъ въ событіяхъ 1730 года. Учитель кievской академіи, проповѣдникъ въ духѣ петровской реформы, новгородскій архіепископъ, честолюбивый Теофанъ былъ представителемъ духовенства, которое генералитетъ и администрація старались держать, какъ можно далѣе, отъ правительственныхъ дѣлъ. Кіевскій губернаторъ, членъ верховнаго совѣта, человекъ крутой и рѣшительный, Дм. М. Голицынъ былъ представителемъ старинной родовой знати, которая не только хотѣла возвратити болѣе счастливыя для нея времена царей, но и сильно соблазнилась по-

литическими успѣхами шведской аристократіи и польскихъ магнатовъ. Усердный служака, опытный бергъ-совѣтникъ, знатокъ древней русской исторіи, ученый Татищевъ чуждъ былъ узкихъ, личныхъ интересовъ, не довѣрялъ примѣру сосѣднихъ государствъ, опирался въ своихъ предположеніяхъ на исторію и дѣйствительность. Всѣ они встрѣтились въ 1730 году и каждый по своему принялъ участіе въ событіяхъ того времени.

Со смертію Петра вторично сиротѣлъ русскій престолъ, угасала династія Романовыхъ, не оставляя по себѣ наследниковъ мужескаго пола: не легко было уладить вопросъ о наследіи престола, потому что Петръ II не оставилъ никакого завѣщанія. Поле для догадокъ было обширное. Прежде всѣхъ стали догадываться временщики, окружавшіе одрѣ Петра, князь Долгорукіе. Почти всѣ они были сторонники паревича Алексѣя Петровича; съ кончиною сына его, разрушившею всѣ надежды ихъ, надо было имъ подумать о себѣ. У нихъ явилась безумная мысль провозгласить императрицей невѣсту покойнаго, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую. Любимецъ Петра, князь Иванъ даже составилъ ложную духовную, которою будто бы покойный царь передавалъ русскій престолъ невѣстѣ своей. Но тутъ же, на совѣщаніи, одинъ изъ Долгорукихъ назвалъ все это ребячьими затѣями ⁶⁰).

Петръ умеръ во второмъ часу ночи съ 17 на 18 февраля 1730 года. Во дворцѣ находились всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, кромѣ Остермана, который, почувявъ приближавшуюся грозу, заперся въ своемъ домѣ, подъ обычнымъ предлогомъ изнурительной болѣзни. У кровати императора находились три архіерея, члены синода, совершавшіе обрядъ елеосвященія надъ отходившимъ въ вѣчность. Оставшіеся члены верховнаго тайнаго совѣта и нѣкоторые

изъ лицъ принадлежавшихъ къ администраціи и генералитету, удалились въ особую палату для разсужденія и догадокъ о престолонаслѣдіи. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, тотъ самый, который осмѣялъ замыслы своихъ родичей насчетъ невѣсты Петра II, пригласилъ туда же и архіереевъ, напутствовавшихъ Петра въ загробную жизнь; но потомъ долженъ объявить имъ, чтобъ пріѣзжали во дворецъ въ десятомъ часу утра вмѣстѣ съ другими членами синода. Товарищамъ Долгорукаго надо было переговорить о предстоящемъ вопросѣ, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ. Такимъ образомъ пренія шли между лицами, принадлежавшими къ одному кружку. Послѣ многихъ споровъ, выборъ остановился на племянницѣ Петра I, вдовствующей герцогинѣ Курляндской. Отвергнуты были: голштинскій герцогъ и сынъ его, Елизавета Петровна и сестры Анны Іоанновны. По совѣщаніи, во дворцѣ остались только члены верховнаго совѣта, въ рукахъ котораго сосредоточивалась въ ту минуту вся власть по управленію государствомъ⁶⁹). Когда по смерти послѣдняго Рюриковича шла рѣчь о выборѣ новаго царя, то многіе изъ членовъ думы боярской надѣялись достигнуть шапки Мономаха. Но у верховниковъ не было такихъ преданій, какими располагали Мстиславскій, Ромаповы, Шуйскіе, Вас. Вас. Голицынъ и Борисъ Годуновъ. Личныя притязанія кого-либо изъ нихъ не имѣли бы смысла; а изряднымъ правителемъ между ними, своего рода Годуновымъ, былъ воспитатель Петра II, хитрый Остерманъ, удалившійся въ свою келью конечно не за тѣмъ, чтобы ждать приглашенія на регентство, какъ это сдѣлалъ Биронъ. Но слабые врознь, верховники были сильны тою властію, которою облеченъ былъ совѣтъ. Ничто, повидимому, не мѣшало придать ихъ корпораціи правительственное значеніе въ общемъ организмѣ русской государственной

жизни. Переходъ къ ней казался естественнымъ. Еще при самомъ учрежденіи Совѣта, многіе изъ современниковъ видѣли въ немъ центръ, изъ котораго разольется какая-то новая политическая жизнь по всей странѣ. Французскій посланникъ при дворѣ Екатерины, Кампредонъ тогда же отправилъ къ своему правительству депешу: «Честь имѣю сообщить вамъ свѣденія о событіи столь замѣчательномъ, что оно, подъ видомъ усиленія власти государыни, кладетъ первый камень зданію, которое знатнѣйшіе между русскими думаютъ нечувствительно возвести, чтобъ увеличить собственную власть, чтобъ имѣть теперь и на будущее время существенное участіе въ управленіи дѣлами своего государства. Дѣло идетъ объ учрежденіи высшаго совѣта, главою котораго будетъ царица, а членами главнѣйшіе вельможи, съ властью совершенно равною. Ничто не совершится безъ единодушнаго согласія совѣта, который подъ именемъ императрицы будетъ настоящимъ господиноиъ всѣхъ рѣшеній. Учрежденіе этого совѣта разрушаетъ все значеніе, которымъ пользовался сенатъ до сихъ поръ. Можно предвидѣть судьбу такого учрежденія, крайне лстящаго самолюбію и власти императрицы, которая твердитъ, что надо показывать всему свѣту, какъ умѣетъ она заставлять повиноваться себѣ и поддерживать славу своего царствованія. Вообще можно думать, что царица поведетъ надлежащимъ образомъ свои дѣла при помощи этого совѣта до тѣхъ поръ, пока члены его будутъ дѣйствовать согласно; но съ другой стороны не трудно предвидѣть, что это лишь первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія, что русскіе, желая сдѣлать его менѣе деспотическимъ, нежели какъ было до сихъ поръ, и имѣя въ виду малолѣтство наследника престола, озаботятся приобрести себѣ такія прерогативы и гарантіи, какія необходимы для созданія и поддержанія формы правленія, подобнаго

англійскому. Очень вѣроятно, что эта мысль собственно и побудила ихъ устроить совѣтъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе разсудительныхъ людей о характерѣ новаго учрежденія, и я соглашаюсь въ томъ съ ними, зная, къ чему клонятся виды этой націи»⁶⁰). Но разсудительные люди, и вмѣстѣ съ ними Кампредонъ, ошиблись; предсказанія ихъ исполнились только въ половину. Совѣтъ дѣйствительно овладѣлъ государственнымъ управленіемъ; но, не заключа въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка демократическаго, онъ не былъ и центромъ притязаній, которыя могла бы выставить тогдашняя аристократія. Въ числѣ членовъ совѣта были или временщики, давившіе собственныхъ товарищей, или олигархи-верховники, какъ называли ихъ у насъ. Эта не большая кучка людей, занятыхъ личными интересами, не была представительницею не только всѣхъ сословій, но даже и людей родовитыхъ. Всѣ они, за исключеніемъ Головкина, принадлежали къ двумъ фамиліямъ, сильно враждовавшимъ между собою въ послѣднее царствованіе. У нихъ мало было общаго съ остальною знатью, еще менѣе съ шляхетскимъ или дворянскимъ сословіемъ, и ровно ничего съ подлостію, какъ называли тогда всѣхъ, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ. Такіе-то люди остались во дворцѣ по избраніи Анны Іоанновны на престолѣ. Наиболѣе твердый изъ нихъ по характеру, наиболѣе рѣзко выражавшійся о реформахъ Петра, наиболѣе начитанный кн. Дми. Мих. Голицынъ обратился съ такими словами къ остальнымъ товарищамъ: «Понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра Великаго пресѣклось; Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, которыхъ Петръ привлекъ въ русское государство; то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами, и не иначе подносить самодержавіе

шею императрицѣ, какъ подѣ известными условіями» ⁶¹). Пребываніе Анны Іоанновны въ Митавѣ давало время обсудить подобное намѣреніе; ея незавидное положеніе въ герцогствѣ курляндскомъ, позволяло надѣяться, что всякія предложенія верховнаго тайнаго совѣта не встрѣтятся съ ея стороны особеннаго противорѣчія. Всѣ присутствовавшіе согласились съ мнѣніемъ Голицына; даже канцлеръ Головинъ, нераздѣлявшій его мнѣній, казался убѣжденнымъ словомъ своихъ товарищей. А всего болѣе настаивали на мнѣніи Голицына Долгорукіе: «показуя видъ, будто они народныя вѣсковыя пользы служатъ, а самымъ дѣломъ желая получить себѣ хоть часть царской власти, когда цѣлою той достигнуть не могли», замѣчаетъ Теофанъ Прокоповичъ въ своемъ разсказѣ о восшествіи Анны Іоанновны на престолъ ⁶²). Сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали ввести народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всего владѣнія крайнюю силу осмисленному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ не могъ назваться владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія, въ развѣ сконическимъ тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархія у Елиновъ именуется.» Но со словами брата Прокоповича, будто бы Долгорукіе манили другихъ членовъ совѣта общими выгодами, имѣя намѣреніе потомъ удалить ихъ, согласиться нельзя: князь Голицынъ первый высказалъ мысль объ ограниченіи и его манить было не зачѣмъ, точно также какъ и брата его Мих. Михайловича. Обвинять однихъ Долгорукихъ во всемъ вошло потомъ въ обычай; и Теофанъ, по всей вѣроятности, писавшій сочиненіе уже послѣ паденія ихъ, сильно грѣшилъ въ этомъ случаѣ противу исторической справедливости. Но его разсказъ имѣетъ другую цѣну для насъ, какъ разсказъ не только

очевидца, но и участника въ дѣлѣ возвращенія самодержавной власти Аннѣ Иоанновнѣ.

Между верховниками начались новыя пренія: рѣчь шла о тѣхъ условіяхъ, которыя слѣдовало предложить новой императрицѣ. Текстъ этихъ условій, на которомъ остановились въ концѣ засѣданія, былъ слѣдующій: чтобъ императрицѣ не иначе царствовать, какъ по разсужденіямъ верховнаго совѣта; не будетъ она ни объявлять войны, ни заключать мира; не будетъ налагать никакихъ податей и жаловать кого либо въ важные чины и должности; не будетъ казнить смертію никакого дворянина, не разсмотрѣвъ прежде доказательствъ его вины; не будетъ конфисковать ничьихъ имѣній ни располагать по своей волѣ принадлежащими короннѣ землями и не переводить ихъ въ чужія руки; не будетъ ни въ бракъ вступать, ни избирать себѣ наслѣдника безъ согласія верховнаго совѣта. Такимъ образомъ власть Анны Иоанновны ограничивалась преимущественно въ пользу верховнаго совѣта. Кромѣ того, во время преній, предлагаемы были и другія условія: чтобъ императрица никогда не входила въ засѣданія совѣта, развѣ въ важномъ случаѣ, причемъ ей принадлежать только два голоса, и то лишь ради уваженія къ верховной власти, и на случай раздѣленія голосовъ въ верховномъ совѣтѣ на двѣ половины; право избранія новыхъ членовъ въ совѣтъ принадлежитъ не императрицѣ, а самому совѣту; она не имѣетъ права подтверждать иное что либо, чего не постановилъ совѣтъ; будетъ опредѣлена извѣстная сумма ей на расходы; командуетъ она только тою стражею, которая находится во дворцѣ для ея охраненія; число членовъ совѣта будетъ увеличено до 12; производство въ чины до полковника можетъ дѣлать императрица *). Въ десять часовъ утра дворецъ наполнился сановниками, духовными и членами разныхъ правительствен-

ныхъ инстанцій. Дм. Мих. Голицынъ, за отсутствіемъ Головина, который сказался больнымъ, объявилъ имъ о кончинѣ Петра и объ избраніи Анны Іоанновны, умолчавъ объ условіяхъ избранія. Всѣ одобрили выборъ и, какъ первый членъ синода, Феоданъ предложилъ немедленно отслужить благодарственное молебствіе. Но его предложеніе не было принято членами верховнаго совѣта: «и тѣмъ самымъ у людей умныхъ,» замѣчаетъ Прокоповичъ въ своемъ сочиненіи, «вошли они въ подозрѣніе, еще и сами торопясь затѣйки свои, какъ бы возможно, произвести скорѣе въ дѣло, акибы нарочно, тайнство свое открыли.» А между тѣмъ уже скакали въ Митаву посланные отъ верховниковъ, сената и дворянства: Вас. Лук. Долгорукій, М. М. Голицынъ и генералъ Леонтьевъ; для всѣхъ прочихъ сообщеніе между Москвою и резиденціей Анны Іоанновны, было прервано: «и отъ такого ихъ дѣйствія не токмо догадливые люди, но и тупые простолюдины, явно уже видѣть могли, что господа верховные затѣиваютъ; а не трудно было разумѣть, что они вымышляемый для себя новый царствованія порядокъ хотятъ государынѣ поднести именемъ всего народа, аки бы всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Многіе же и проклинали такой поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлаютъ съ наступающимъ непріателемъ. Жалостное же вездѣ по городу видѣніе было и слышаніе: куда ни прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе, и вездѣ, почитай въ одну рѣчь, говорено, что если по желанію господь оныхъ сдѣлается, отчего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему оте-

честву настоятъ бѣдство. Самимъ имъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи: сколько ихъ числомъ, чуть не только явится атамановъ междуусобныхъ браней и Россія возьмѣтъ скарденое лице, каково имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала» ⁽⁴⁾). Такъ встрѣчены были въ Москвѣ, по свидѣтельству Теофана, замыслы членовъ совѣта: «и не должныя по моему мнѣнію», прибавляетъ онъ, «были таковыя гаданія; понеже русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, и если каковое-нибудь иное владѣнія правило воспринять, содержаться ему въ цѣлости и благодати отнюдь невозможно». Замыслы верховнаго совѣта перестали быть тайною и для дипломатическаго корпуса. Маньянъ, французскій резидентъ, писалъ въ Парижъ, на другой день смерти Петра: «иностранные министры и опытные политики сильно удивлены такимъ избраніемъ; ихъ соображенія никакъ не могли простираться на дочерей царя Іоанна. Но освѣдомившись объ условіяхъ, съ какими предложена герцогинѣ курляндской корона, узнали и тайную причину такого избранія. Эти условія заставляютъ многихъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня курляндская предлагаемую ей корону; но, вѣроятно, сильная приманка царствовать и надежда сбросить со временемъ налагаемое иго не позволятъ ей отказаться отъ престола. Что касается самихъ русскихъ, то ихъ намѣренія въ этомъ дѣлѣ недостаточно ясны. Опыты послѣднихъ временщиковъ показали, какъ непрочно ихъ значеніе при существующей рядомъ абсолютной монархіи; и потому они хотятъ или совсѣмъ уничтожить монархію или значительно ограничить ее введеніемъ аристократическаго элемента. Въ этомъ случаѣ, они держатся примѣра различныхъ правленій, существовавшихъ въ Европѣ. Одни хотятъ ограниченія правъ ко-

рени властію парламента, подобнаго англійскому, другіе подобнаго шведскому; одни думаютъ о системѣ избирательной по примѣру Польши, другіе желаютъ передать власть только въ руки аристократіи. Очевидно лишь то, что всѣ эти замыслы указываютъ путь къ совершенному измѣненію древняго правленія и обычаевъ русскихъ» ⁶⁵). Между тѣмъ депутаты верховнаго совѣта вѣхали въ Митаву не одни: Ягуинскій, зять старика Головкина, недовольнаго дѣйствіями своихъ товарищей, но согласившагося съ ними по слабости характера, точно также не раздѣляя убѣжденій верховниковъ, и, будучи рѣшительнѣе тестя, отправилъ съ Сумароковымъ, состоявшимъ нѣкогда при дворѣ герцогини голштинской, письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которомъ объяснилъ ей, что желанія верховниковъ и кондиціи, которыя представляютъ ей Долгорукой съ товарищами, нельзя принять за выраженіе желаній всего государства; но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ подписать предлагаемыя ей условія, ѣхать немедленно въ Москву и, когда обнаружится настоящій образъ мыслей русскаго народа, уничтожить эти кондиціи. Курляндскій резидентъ, баронъ Левенвольдъ точно также увѣдомилъ обо всемъ Анну Іоанновну. Есть причины думать, что и Теофанъ Прокоповичъ, встрѣтившій враждебно замыслы верховниковъ, отправилъ отъ себя гонца въ Митаву съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если только Анна Іоанновна пожелаетъ вернуть себѣ права самодержавія. Пока всѣ эти гонцы и депутаты летѣли въ Митаву, пока ждали въ Москвѣ извѣстій отъ нихъ, время проходило и мучительныя недоразумѣнія обѣихъ сторонъ высказывались все яснѣе и яснѣе. «Родился другой союзъ,» пишетъ Теофанъ, «осмоличному союзу противный. Знатнѣйшіе, сирѣчь изъ шляхетства, сносятъся и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать

верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить и для того по разнымъ домамъ, да ночью порою собирались. Я въ то время всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что къ намѣренію своему усмотрѣла. И скоро получилъ извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умышленъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны, всѣмъ извѣстно, что они хотятъ; не малая вина, однимъ и немногимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то предъ другими; а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщить, непріятно то и смрадно пахнетъ. Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный приговоръ: первое, яко лютое и удачи неизвѣстной, а другое, яко слабое и недѣйствительное и своимъ же головамъ бѣду наводящее. Досталъ же я и о томъ еще вѣдомости, что верховниковъ супостаты и между собою неединодушны были; но весьма противнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тщились, старое отъ прародителей воспріятное государства правило удержать непремѣнно, а другіе, да еще сильнѣйшіе, того же хотѣли (что и верховники, но были противъ нихъ за то), что они ихъ въ дружество свое не призвали» ⁶⁶). Противниковъ совѣта набралось человекъ 500: но, кромѣ несогласія, эта факція страдала еще малодушіемъ; были люди между ними, которые заискивали милости и презрѣнія верховниковъ. Последніе также скоро провѣдали о планахъ шляхетства; какъ оно объ ихъ собственныхъ замыслахъ. Испугавшись сначала неожиданной для нихъ факціи, верховники обнаружили потомъ

прость, когда узнали, что страшиться шляхетства нечего: стали распускать слухи, что непокойныя головы будутъ судимы, какъ непріатели отечества, и скоро пошлется или уже послано ловить ихъ за арестъ и что никому изъ нихъ утаяться и избѣжать бѣды нельзя. Шопотомъ передавались эти вѣсти въ народѣ; противники верховниковъ переходили изъ дома въ домъ, ища себѣ убѣжища, мѣняли свои имена, платья, показывались на улицѣ только ночью. Однакожъ верховники были не прочь отъ сдѣлки съ шляхетствомъ: «поражая страхомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія; смущала ихъ злая совѣсть и что неизвѣстно было, чѣмъ окончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ, и къ общему согласію преклонять, ротяся и присягая, что за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся и жаловались, что напрасно то имъ въ грѣхъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили, подая тому вину, что хотѣли они первѣе искутить и отвѣдать, какову себѣ покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня, а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе, всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщая скоро то учинить, и себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать» *7). Кто вѣрялъ словамъ верховниковъ, кто не довѣрялъ; иные смѣялись, другіе предавались опасеніямъ. Около трехъ недѣль прошло въ такомъ колебаніи, пока наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Митавы. Неблестящее положеніе, какое Анна Іоанновна занимала въ Курляндіи, заставило ее промѣнять званіе вдовствующей герцогини на титулъ императрицы съ ограниченою властію. Она изъявила свое согласіе на перемѣну правленія и такимъ образомъ давала перевѣсъ немногочисленной

партіи олигарховъ надъ превышавшею ихъ числомъ, но не-единодушною факціей шляхетства. Въ рескриптѣ, присланномъ съ Леонтьевымъ, Анна Іоанновна между прочимъ говорила: «по здоровомъ разсужденіи изобрѣли мы запотребно, для пользы російскаго государства и къ удовольствію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ; а для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способами мы то правленіе вести хотимъ и подписавъ нашею рукою, послали въ верховный тайный совѣтъ» (6).

Событія захватили въ свой круговоротъ лицо, которому отнынѣ принадлежала главная роль, на которое рассчитывало и шляхетство и олигархія: и хотѣвшіе ограничить монархическую власть, и желавшіе возвращенія прежняго образа правленія, ждали рѣшенія поставленнаго ими вопроса отъ того самаго лица, которое должно было получить эту власть въ свои руки. До пріѣзда Анны Іоанновны положеніе партій не могло измѣниться: имъ трудно было сойтись и по разногласію въ убѣжденіяхъ, и по личнымъ отношеніямъ другъ къ другу главныхъ представителей партій. «Третьяго дня,» писалъ Маньянъ, «прибылъ сюда курьеръ отъ депутатовъ, отправленныхъ къ герцогинѣ съ извѣстіемъ, что она согласна на свое избраніе и условія, предложенныя ей, и собирается выѣхать изъ Митавы. Таковъ по крайней мѣрѣ слухъ, распространившійся съ прибытія этого курьера. Но хотя повидимому и устранено первое препятствіе, которое боялись встрѣтить; все-таки остается неизвѣстнымъ, будутъ-ли обойдены также удачно затрудненія, неизбѣжно долженствующія возникнуть вслѣдствіе разногласія о новой формѣ правленія, потому что пренія о ней до сихъ поръ не выяснили своего предмета. Остерманъ постоянно сказыв-

вается болынымъ, чтобъ избавиться отъ участія въ столь шекотливомъ дѣлѣ; и только старый кн. Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, занимается имъ усердно. Рассказываютъ, что его планъ состоитъ въ слѣдующемъ: ограничить власть императрицы только внутренними дѣлами двора, а всю верховную власть передать собранію высшаго совѣта, состоящаго изъ десяти лицъ, которыя одни располагаютъ должностями и войскомъ; образовать, кромѣ этого совѣта, три другихъ трибунала, именно: сенатъ изъ 36 членовъ, палату дворянства изъ 200 членовъ и наконецъ третье собраніе, въ которое будутъ высылаться по два депутата изъ каждаго города. Но большинство дворянства, оставляя безъ поддержки такія нововеденія въ старинныхъ привычкахъ управленія, распускаетъ, говорятъ, подъ рукою слухи, что, когда наступитъ время принести присягу въ вѣрности новой царицѣ, по обычаю русскихъ давать обязательство на себя при каждомъ новомъ царствованіи, то легко могутъ произойти затрудненія, какихъ, быть можетъ и не ожидаютъ. Такая молва сильно разстроиваетъ планъ кн. Голицына, не говоря уже о томъ, что ежедневно возникаетъ множество различныхъ факцій, въ которыхъ безъ сомнѣнія примутъ участіе всѣ наименѣе умѣренные члены духовенства по неудовольствію, вызванному крайнимъ презрѣніемъ, которое обнаружилъ къ этому сословію тотъ же самый кн. Голицынъ, устроивъ такъ, чтобъ никто изъ духовныхъ не былъ допущенъ въ собраніе, разсуждавшее объ избраніи новой императрицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что они запятнали себя, помогая, по смерти Петра I изъ низкой корысти, посадить на русскій престолъ, помимо законнаго наследника, женщину, которая должна бы быть вполне чуждою его. Всѣ эти соображенія причиняютъ сильныя безпокойства и заставляютъ думать, что или проектъ

новой формы правленія будетъ оставленъ и власть новой царицы будетъ одинакова съ властію ея предшественника, или что предположенныя нововведенія приведутся въ исполненіе съ внутренними потрясеніями страны: и все это еще болѣе увеличиваетъ нетерпѣніе, съ какимъ каждый ожидаетъ близкаго прибытія царицы» *).).

Предводители партій обозначились. Дѣло верховниковъ велъ энергическій Голицынъ, непріязненно отзывавшійся объ архіереяхъ; Теофанъ стоялъ повидимому въ сторонѣ, но слѣдилъ усердно за всѣми интригами верховниковъ и противной партіи. Голицынъ обдумывалъ самый широкій планъ переворота; онъ далеко раздвинулъ тѣ узкія рамки будущихъ правительственныхъ органовъ, которыя были намѣчены первыми кондиціями. Что же дѣлало шляхетство, дробившееся на нѣсколько кружковъ? кто были «непокойныя головы»,—стоявшія во главѣ ихъ? Это должно было обнаружиться при первомъ же столкновеніи обѣихъ партій; на первомъ общемъ совѣщаніи, которое открытъ обѣщали верховники, по полученіи отвѣта отъ императрицы. Дѣйствительно, получивъ рескриптъ Анны Іоанновны, подкрѣпившій тайныя надежды ихъ, верховники рѣзослали повѣстку по сенаторскимъ, архерейскимъ и прочимъ чиновъ домамъ съ призывомъ (а не приказомъ, замѣчаетъ Теофанъ Прокоповичъ) всѣхъ на утренній день въ общее собраніе. Разносившіе повѣстку объявляли и причину зова: «будто о государственномъ установленіи совѣтывать будутъ». Описаніе этого совѣщанія — одно изъ самыхъ ироническихъ мѣстъ въ разсказѣ Теофана. «Чудно же, воистинну, сказать», пишетъ онъ, «каковыя многихъ явились тогда разгласія! Одни да и множайшая часть говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ верховный совѣтъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разго-

ворахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ іодить туда весьма не совѣтовали, прилежно внушая, что новая то хитрость верховниковъ и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочихъ или къ согласію затѣкѣ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить. Въ тотъ же день нѣкая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ верховный совѣтъ, а когда сіи опаснѣйшіе оное услышали и паче тцились всѣхъ отъ возъщеннаго собранія отводить, ибо они присматриваясь, тогда, каковымъ лицемъ являютъ себе верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ по обычаю веселы и радостны были, и потому не было уже сомнительно, что ухищреніе верховниковъ удалось и Анна государыня южнымъ якобы всего народа именемъ сведена, на подложныя ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительнъ былъ; но большая часть перемогла лучшую. Въ третій день февраля превеликое множество (по запискамъ герцога Лирійскаго 80 человекъ) къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ верховниковъ произнесется; тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо и дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіе прорыцали: было то посланіе императрицы Анны. Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ не содрогнулся, и самый ти, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдныя ослики, шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ.» Не мужественнѣе другихъ былъ и самъ авторъ Правды воли монаршей, присутствовавшій въ описываемомъ имъ собраніи. Забывая неприкосновенность своего сана и значеніе

перваго члена синода, онъ также молчалъ и слѣдующимъ образомъ объяснялъ потомъ подобное поведеніе: «я нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. *И дивное было вслѣдъ молчаніе!* Сами господа верховники тихо нѣчто одинъ другимъ нашептывали и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ нечаянной вещи, удивляются. Одинъ изъ нихъ только кн. Дм. Мих. Голицынъ часто похаркивалъ: видите, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала нашему отечеству благодареніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ! Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: для чего никто ни единого слова не проговорить? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де чего другаго говорить, только благодарить толь милосердной государынѣ. И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: не вѣдаю де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать! то на его слова ни отъ кого отвѣта не было» 70). Незвѣстный голосъ изъ толпы, напоминавшій собою тѣ укору, съ которыми бояре и другіе люди обратились къ Василию Шуйскому, общавшему не дѣлать никому дурна по мимо земскаго собора, былъ на этотъ разъ единственнымъ протестомъ со стороны шляхетства. Верховники не добились своей цѣли, которую они имѣли въ виду, созывая это собраніе: думая возбудить пренія о предстоявшей переимѣнѣ, вмѣсто отзывовъ обсужденій предложеннаго вопроса и упорное молчаніе людей, видѣвшихъ, что власть переходитъ въ руки немногихъ. Одинъ только кн. Алексѣй Мих. Черкасскій, выдававшійся между шляхетствомъ по

своему огромному богатству, рѣшился возвысить голосъ отъ лица дворянъ, прося времени поразсудить о томъ свободѣ: «и на то соизволили верховники, желая паче отпустить урядныхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣняя то къ пользу свою». Хуже случилось съ Ягужинскимъ, котораго Голицынъ просилъ объявить, что онъ думаетъ о статьяхъ, подписанныхъ императрицей. Ягужинскій смутился и не смѣлъ, что отвѣчать, а Голицынъ велѣлъ ему не выходить изъ дому, гдѣ было собраніе. Услышавъ такой приказъ, Ягужинскій поблѣднѣлъ. Голицынъ подозвалъ къ себѣ статсъ-секретаря Степанова, велѣлъ ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда, спустя нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ Долгорукій съ маіоромъ гвардіи и отправили Ягужинскаго подъ строгій арестъ, о чемъ велѣно было объявить по всей арміи, что генералъ арестованъ за письмо въ Митаву, противное пользамъ отечества и службѣ ея величества; потому онъ былъ разжалованъ и лишенъ ордена св. Андрея. Вечеромъ взято было подъ арестъ еще до 30 человекъ изъ нелгаго шляхетства, знавшихъ о перепискѣ Ягужинскаго съ Анной Іоанновной. За однимъ дворяниномъ, успѣвшимъ выѣхать въ свою новгородскую деревню, за Воиномъ Корсаковымъ, послали солдатъ съ приказомъ взять его подъ караулъ ⁷⁴).

Уходя съ неудавшагося совѣщанія, архіереи «учали домогаться, чтобъ болѣе неотлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорилъ никто. Но верховники забыли о напечатаніи новыхъ формулъ титула императрицы, и на эктеніи дьяконъ возгласилъ имя государыни съ полнымъ монаршимъ титуломъ, съ самодержавіемъ; такія же титулованія разсланы были во всѣ концы Россіи. На другой день верховный совѣтъ издалъ мани-

есть, въ которомъ, извѣщая о кончинѣ Петра II, объ избраніи общимъ желаніемъ и согласіемъ всего руссійскаго народа Анны Іоанновны, о согласіи ея принять русскій престолъ, ничего не говорилъ о подписанныхъ ею кондиціяхъ. Но въ Москвѣ знали всё о томъ. Черкасскій, получившій позволеніе подумать вмѣстѣ съ другими о такомъ важномъ дѣлѣ былъ въ долгу у верховнаго совѣта. Шляхетству надо было обдумать свой отвѣтъ: «и съ онаго времени видѣть было», говорить Феоданъ, «что всякого почитай чина и званія люди, яко бы дряхлы и задумчивы ходили и будто нѣчто глубоко размышляли. И невозможно было иначе поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ! понеже хотя затѣйки верховныхъ господъ и не тайна были, однакоже никто не надѣялся, дабы они отважились такъ рабскіе и тѣсныя владѣнія уставы на императрицу накинуть». А между тѣмъ Анна Іоанновна медленно подвигалась изъ Митавы къ столицѣ, гдѣ недоразумѣнія увеличивались все болѣе и болѣе^{7*}).

Шляхетство, вызванное совѣтомъ, приступило къ разсужденіямъ о лучшемъ образѣ правленія. Во время этихъ совѣщаній должны были выдвинуться впередъ люди со свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ съ умѣньемъ изложить желанія своего кружка. Многіе, безъ сомнѣнія, не находили даже нужнымъ совѣщаться: возвращеніе къ неограниченному самодержавію не требовало въ ихъ глазахъ особенныхъ разсужденій. Другіе, болѣе внимательные къ тогдашнему управленію, приступили къ совѣщаніямъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ дѣйствовалъ Татищевъ. Составленное имъ мнѣніе начиналось прямо словами объ избраніи верховниками новой императрицы, которое названо непорядочнымъ, какого отъ начала государства въ Русі не бывало: «а по закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ поданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣрен-

нигъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ урещенъ, а не четыремъ или пяти человекомъ, какъ то нѣтъ непорядочно учинено». Примѣръ нѣмецкой имперіи, гдѣ существуютъ девять курфирстовъ, избирающихъ императора, можетъ служить примѣромъ, какъ несогласіе уменьшаетъ силу государствъ; къ тому же у насъ не было и закона объ избраніи императрицы нѣсколькими лицами. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, народнаго протеста противъ избраннаго лица быть не можетъ; потому что народъ доволенъ персоною ея величества и никто не споритъ. Замѣчаніе же о несправильности выбора дѣлается только для будущихъ случаевъ. Но гораздо большее преступленіе верховниковъ состоитъ въ томъ: «что они дерзнули собою единовластительство отставить, и ввести аристократію, говорилъ Татищевъ своимъ товарищамъ, объявляя намъ ея величества письмо и пункты, якобы она сама по своей воли учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной продерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ онаго имѣетъ что представить, то бы имъ объявили. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ; то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому законѣтъ, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули.» Затѣмъ онъ приглашалъ присутствіе къ разсмотрѣнію четырехъ вопросовъ: по кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣеть-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать? Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или, обычай застарѣлый перемѣнить и новый учи-

нить? Если нужно намъ самовластное древнее правитель-
ство перемѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію
народа и положенію за лучшее принять? Кому и какимъ поряд-
комъ оно учрежденіе сочинить?— Въ Правдѣ воли монаршей
не говорилось кому принадлежить право избранія государя по
смерти безнаслѣднаго и неназначившаго себѣ преемника;
въ ней упоминалось лишь о томъ, что надо всякими пра-
вильными догадами доискиваться новаго государя. Тати-
щевъ прямо говоритъ: «съ кончиною государя остаются рав-
ны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ и никто ни надѣ
къмъ ни малѣйшей власти не имѣетъ; но чтобы нужная
расправа и правленіе не пресѣклись, общенародіе усту-
паетъ имъ только ту власть, какову и по прежнимъ зако-
намъ имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа
никакъ требовать не могутъ». Словомъ, верховники, по мнѣ-
нію Татищева, не имѣли права на верховную власть надъ
всѣмъ народомъ. Законодательная власть есть право самаго
государя: «законы же хотя разнымъ повѣреннымъ сочинять
позволяетъ, но безъ утвержденія его ни одинъ не дѣй-
ствителенъ, для того всѣ законы отъ его имени происхо-
дятъ. Когда же государя нѣтъ, то и его позволенія
быть, якоже и отъ его имени издать не можно, слѣд-
ственно никакой законъ или порядокъ перемѣнить никто
не можетъ, развѣ общее народное соизволеніе». Отнявъ
у верховниковъ право измѣнять образъ правленія, Тати-
щевъ перешелъ къ вопросу: да была ли необходимость въ
томъ? и отвѣчалъ: «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ
великій вредъ». Доказательства тому онъ представилъ изъ
разбора всѣхъ видовъ правленій, ему извѣстныхъ, правиль-
ныхъ и смѣшанныхъ. Всѣ они: монархія или единодержавіе,
аристократія или избранныхъ правительство, демократія или
общественное правленіе, не каждое всюду годны или полез-

ны, смотря по мѣсту, пространству и состоянію людей въ государствахъ. Въ отдѣльныхъ городахъ, въ небольшихъ областяхъ, гдѣ всѣмъ гражданамъ можно вскорѣ собраться, тамъ удобна демократія; въ болѣе обширныхъ, но замкнутыхъ, безопасныхъ отъ непріятельскихъ нападений, областяхъ, каковы, на примѣръ, острова, можетъ быть полезна аристократія, особенно «если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ, тамъ такъ страха смотрѣнія и жестокаго страха не требуется». Въ великихъ и пространныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученъ просвѣщенъ и за страхъ, и изъ благоправія, или познанія пользы и вреда, законъ хранить, тамъ необходимо само— или единодержавіе. Есть также смѣшанныя правленія: гдѣ водитъ монархія существуетъ власть аристократіи; гдѣ къ ней присоединяется и демократія; тамъ парламентъ, тамъ сенатъ, тамъ сеймъ, при нихъ палаты, гдѣ есть представители всѣхъ сословій. Въ важныхъ или затруднительныхъ случаяхъ, и въ аристократіи, и въ демократіи выбираются диктаторы, штатгальтеры съ властью неограниченною. Какой же изъ всѣхъ этихъ образовъ правленія идетъ къ Россіи? Демократія менѣе всего, по причинѣ огромнаго пространства государственной области. Противу аристократіи русской говорятъ всѣ историческія преданія и примѣры положительнаго вреда отъ нея; всѣмъ успѣхомъ своимъ Россія обязана монархіи. Отъ Рюрика до Мстислава Великаго было совершенное единовластительство; и границы Россіи распространились по Дунай, Бугъ, Вислу, Нѣманъ; науками народъ довольно былъ просвѣщенъ; торгами довольно богатился; войнами былъ страшенъ сосѣдямъ, которые искали его дружбы. Настали времена удѣловъ, съ аристократическимъ оттѣнкомъ, все пошло иначе; съ одной стороны

бесиліе великихъ князей, съ другой—владычество Литвы и Татаръ. Іоаннъ Великій осмѣлился аристократію истребить; новая монархія низвергнула иго татарское, возвратила отъ Литвы многія потеряныя области. Такъ было до смерти Годунова. Въ смутную эпоху начались новыя безпутства; взяли запись, которою всю власть, у государя отнявъ, себѣ похитили, какъ теперь верховники. Слѣдствіемъ было разореніе государства. При Михаилѣ Феодоровичѣ всѣ были рады покою. Болѣе самовластный Алексѣй Михайловичъ возвратилъ отъ Польши немало областей. «Петръ Великій все оное усугубилъ и большую, нежели его предки, себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользу принесъ, какъ то весь свѣтъ засвидѣтельствовать можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны. Не видѣли ль мы, какъ при самовластномъ, но молодомъ и отъ правленія внутренняго удалившемся, монархѣ, великую власть имѣющіе: Мазепа дѣйствительно, а Гагаринъ намѣреніемъ, подданства отложиться дерзнулъ. Но на разсужденія Татищева, о необходимости и пользѣ для Россіи самодержавной монархіи, слышались возраженія. Говорили: дать великую власть надъ всѣмъ народомъ одному человѣку не безопасно; потому что «какъ бы мужъ справедливъ, кротокъ и прилеженъ не былъ, безпогрѣшенъ же и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и губленіямъ неповинныхъ происходить. Когда онъ избереть во временщики кого, то оный равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губить, особливо если поддородный или иноземецъ, то наипаче знатныхъ и заслужившихъ государству ненавидитъ, гонитъ и губить, и себѣ несытно имѣнія собираетъ. Вымышленная свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ тайная канцелярія въ стыдъ и по-

пошение предъ благоразсудными народами, а государству разореніе: ибо за едино неосторожно сказанное слово пытають, казнятъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ». Противъ преобладанія личныхъ страстей въ государѣ, противъ притѣснительныхъ дѣйствій временщиковъ и противу жестокостей тайной канцеляріи направлены были возраженія, высказанныя по поводу сдѣланнаго Татищевымъ предложенія. Эти замѣчанія касались только нѣкоторыхъ сторонъ татищевского мѣтнія: оно не исчерпывалось ими вполне. И Татищеву надо было отвѣчать на указанныя опасенія или указаніемъ тѣхъ недостатковъ, которые могли быть принесены въ тогдашней Россіи усиленіемъ аристократіи, или ослабить силу возраженій. Онъ уже говорилъ, почему считаетъ русскую аристократію неспособною стоять во главѣ государственнаго управленія. Выслушанныя имъ замѣчанія могли лишь утвердить его въ этой мысли: они проникнуты были опасеніями людей наипаче знатныхъ; а впереди, предъ глазами всѣхъ, было правленіе олигархіи, въ лицѣ верховнаго тайнаго совѣта. Оставалось отвѣчать прямо на только что заявленныя сомнѣнія. Татищевъ отвѣчалъ на первое изъ нихъ обычнымъ въ древней Россіи сравненіемъ государя съ домовладыкой, отцемъ семьи; представилъ примѣръ шляхтича, безумно домогъ свой разоряющаго, вслѣдствіе чего никто однако не сниметъ воли со всего шляхетства въ правленіи и не положитъ онаго на холопей! «Если же такой несмысленный государь случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ; то можно принять за наказаніе божіе». На второе возраженіе Татищевъ отвѣчалъ тѣмъ, что временщики были въ Россіи и нестовые, и благоразумные: въ примѣръ первыхъ привелъ Скуратова, Басманова, Милославскаго, Меншикова и Толстаго; во вторымъ отнесъ—Мстиславскаго, Ро-

манова, Шуйскаго, Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и кн. Вас. Вас. Голицына. О тайной канцеляріи замѣтилъ всколзь, что если челоуѣку благочестивому поручится, то мало вредна; а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ. Но и возраженія, и отвѣты на нихъ имѣли въ виду злыя событія изъ прежней жизни. Оставимъ прошедшее, говорилъ Татищевъ, и займемся настоящимъ: «о государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростию, благонаравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожь какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить». Вниманіе шляхетства обращалось такимъ образомъ на вопросъ, поднятый верховнымъ тайнымъ совѣтомъ.

Много разсуждало шляхетство объ условіяхъ, предложенныхъ императрицѣ верховниками, и рѣшилось съ своей стороны поднести слѣдующія (ихъ писалъ Татищевъ): 1) чтобы для высшаго государственнаго управленія при императрицѣ находился сенатъ изъ 21 члена, въ число которыхъ войдутъ и верховники; 2) а чтобы высшее правительство или сенатъ не былъ обремененъ дѣлами внутренней экономіи, для того надо устроить другое нижнее правительство изъ 100 челоуѣкъ, которые бы дѣлились на три части и каждая изъ этихъ частей занималась разсмотрѣніемъ важныхъ дѣлъ по третямъ года; а въ случаяхъ чрезвычайныхъ, каковы война или кончина государя, съѣзжаться всѣмъ по повѣстѣ и имѣть общее собраніе въ продолженіе одного мѣсяца; 3) замѣщать мѣста сенаторовъ, президентовъ, вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ въ губерніяхъ, посредствомъ балотированія въ сенатѣ и низшемъ

правительствѣ, а главныхъ командировъ въ войскахъ— посредствомъ балотировки генералами военными. Въ этомъ условіи опредѣленъ былъ и порядокъ балотировки, при которомъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, откуда много негодныхъ въ чины производить.— 4) Относительно изданія новыхъ законовъ руководиться такимъ правиломъ: какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ семь дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи высшему правительству объявили и, по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству къ утверженію представили. 5) Двумъ членамъ одной и той же коллегии не быть въ сенатѣ, или въ высшемъ правительствѣ; а въ низшемъ и коллегіяхъ не допускать только близкихъ сродниковъ. 6) Въ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ государыни правителемъ засѣдать помѣшечно присылаемымъ изъ сената двумъ членамъ; а чтобъ, при арестѣ кого-бы то ни было, тайная канцелярія не касалась пожитковъ, то для того брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку. 7) Относительно шляхетства соблюдать слѣдующія условія: устроить во всѣхъ городахъ потребныя для него училища, опредѣляя на то извѣстные доходы и дома; людей моложе восемнадцати лѣтъ, не принуждать къ службѣ, и не заставлять служить въ войскѣ болѣе двадцати лѣтъ; въ матросы и ремесла не писать; составить роспись шляхетству и всѣмъ, владѣющимъ деревнями, изъ какого бы числа ни были они. 8) Разсмотрѣть доходы духовенства; бѣдному, деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей въ училищахъ и самниъ не пахать; а у которыхъ есть избытки (разумѣлись, вѣроятно, монастыри и высшее черное духовенство), оныя на

полезные Богу и государству дѣла употребить. 9) Купечество, сколько возможно, отъ постоевъ уволить, отъ утѣсненія избавить, и дать ему средства къ умноженію мануфактуръ и торговли. Наконецъ 10) пункты о наслѣдствѣ оставить, а сочинить о томъ достойный законъ на основаніи уложенія ⁷³). Представивъ верховникамъ эти условія за подписью 293 человекъ, кн. Черкасскій отъ лица шляхетства просилъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію ихъ, пригласивъ къ тому выбранныхъ изъ среды дворянъ сто депутатовъ. Но на другой день генералъ Матюшкинъ подалъ другое мнѣніе, подписанное 96 дворянами, которые представляли право рѣшить возникшій вопросъ одному верховному совѣту. Тогда, спустя четыре дня, явилось третье мнѣніе, принявшее почти всѣ условія Татищевского предложенія, но оставлявшее подлѣ сената и сточленнаго правительства и верховный тайный совѣтъ. Это мнѣніе, старавшееся помирить обѣ крайнія партіи, принадлежало князю Куракину и подписано было только 15 дворянами. Въ немъ заявлено было также желаніе не переносить столицы и резиденціи изъ Москвы. Но попытка Куракина не удалась: верховники объявили, что право все устроить принадлежитъ государынѣ и безъ ея согласія ничего сдѣлать нельзя ⁷⁴).

Пока время бесполезно проходило въ такихъ спорахъ, пока верховный тайный совѣтъ разрушалъ одной рукой то, что думалъ создать другою, Анна Іоанновна все ближе и ближе подвигалась къ Москвѣ въ сопровожденіи одного изъ верховниковъ, кн. Василья Лукича Долгорукова. Недоѣзжая до Москвы, она встрѣчена была въ селѣ Чашникахъ тремя сенаторами и тремя членами синода. Чтобъ выѣхать за московскую заставу, депутаты эти должны были взять паспорта отъ верховниковъ. Когда они представлялись государынѣ, то кн. Долгорукій «весьма прилежно на глаза ихъ

и на руки, и отъ головы до ногъ присматривался, и на вся ихъ движенія и именованія остро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шата-
 ніе!» замѣчаетъ Прокоповичъ, бывшій въ числѣ депутатовъ. 21 февраля во Всесвятскомъ Анну Іоанновну встрѣтили сестры ея: Екатерина и Прасковья. На другой день назначено было погребеніе тѣла Петра II; на третій посланы были къ иностраннымъ дворамъ извѣстія о вступленіи на престолъ новой императрицы. Во Всесвятское явился къ ней караулъ изъ батальона преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ. Анна Іоанновна объявила имъ, что прини-
 маетъ, подобно своимъ предшественникамъ, званіе полков-
 ника первыхъ и капитана вторыхъ. «Всѣ офицеры», пишетъ герцогъ Лирійскій, «пришли въ восторгъ отъ этихъ словъ и бросились цѣловать руки новаго своего полковника, оро-
 шая ихъ слезами... Но такая рѣшимость поразила всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ видѣть ее самодержавною, потому что въ числѣ многихъ другихъ замысловъ было и то, чтобы ца-
 рица не имѣла никакой власти надъ гвардіей; но когда она сдѣлала это, то всѣ замолкли и стали даже хвалить ея по-
 ступокъ». 25 февраля во Всесвятское явилась депутація отъ верховнаго тайнаго совѣта, сената, генералитета, и дворянства съ поздравленіями. Князь Голицынъ говорилъ рѣчь отъ лица всѣхъ и просилъ ея величество удостоить принятіемъ ордена св. Андрея и быть гротмейстеромъ его, по примѣру своихъ предшественниковъ. Анна Іоанновна приняла это милостиво. А между тѣмъ пока верховники и знатныя лица находились во Всесвятскомъ, въ столицѣ ходило по рукамъ дворянъ прошеніе къ императрицѣ о дозво-
 леніи разсмотрѣть всѣ мнѣнія, поданныя различными кру-
 гами въ совѣтъ и прикладывались къ нему подписи шляхетства ⁷⁸). А на другой день императрица имѣла торже-

ственный въездъ въ Москву. Когда Анна Иоанновна поселилась во дворецъ, то у самыхъ дверей ея комнатъ, занявъ другія свѣтлицы все тотъ же кн. Долгорукій, сопровождавшій ее отъ самой Митавы, такъ что никто не могъ пройти къ императрицѣ безъ его позволенія; кого и допускалъ въ ней, за тѣмъ самъ вхаживалъ и «никто отнюдь, даже сестры ея невольны были, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему». На другой день торжественнаго въезда, назначена была присяга; въ городъ ходили слухи, что верховники напечатали новую форму ея, исключивъ многія рѣчи, служащія самодержавію. Вся кремлевская площадь устлана была войсками. Нѣкоторые изъ шляхетства, собравшагося въ палатѣ, стали спорить противу новой присяги, а Теофанъ Прокоповичъ «увѣнительную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга и вѣчное наводитъ бѣдство, если кто присягаетъ на то, что противно совѣсти, или чегѣ и самъ не хочетъ или не вѣдаетъ, и для того настоялъ, чтобы синодъ отъ верховнаго совѣта новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, чтобы знать, что въ ней содержится». Но верховники прислали сказать, что они въ церкви и ждутъ духовенства. Теофанъ совѣтовалъ не ходить туда, но какъ увидѣлъ, что всѣ идутъ, будто некоею силою влекомы, и самъ за ними пошелъ. Верховники ласково просили, чтобы прежде всѣхъ присягали духовные. Теофанъ на это опять сталъ говорить о важности присяги: увѣщевалъ же всѣхъ, чтобы никто безразсудно присягать не торопился и сталъ домогаться, чтобы прежде форма всѣмъ вслухъ съ амвона прочтена была, чтобы всѣ могли знать: на что присягать слѣдуетъ. Голицынъ заспорилъ противъ такого требованія; но другіе согласились: «да и тутъ вещь весьма чудная приключилась», говорить подозрительный Теофанъ, «когда

вѣлно секретарю взыти на амвонъ и форму присяжную прочесть, ни у него, ни у другихъ не было формулы, которой многія тысячи напечатаны! Изъ сего можно видѣть, что факція она все торопко и непорядочно дѣлала, и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія. Всѣ присутствовавшіе дрожали отъ страха, боясь услышать въ присягѣ подлѣ имени императрицы имена верховниковъ: но вмѣсто послѣднихъ упомянуто было объ отечествѣ. Поразсудивъ, что такая формула верховникамъ не къ пользѣ и впредь никакому намѣренію помѣшать не можетъ, всѣ приговорили принять ее. Такая формула мирила всѣ партіи: отечество покрывало собою всѣ сословія. Но люди подозрительные, подобно Теофану, продолжали думать, что у верховниковъ была другая присяга, болѣе для нихъ выгодная, которую принести въ соборъ они не посмѣли. Были и такіе, что даже въ той, по которой совершена была присяга, искали какого-то таинства, «самимъ только творившимъ ее вѣдомаго, а прочимъ непостижимаго». Смушались радостію верховниковъ, думая, что напротивъ они были побѣждены и должны бы печалиться; называли кн. Василья Лукича «какъ бы нѣкимъ дракономъ, стрегущимъ императрицу неприступною, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣстно живали, а если жива, то насилу дышитъ, и что оныя тираны имѣютъ ее за тѣнь государыни, а между тѣмъ злѣйшіе промышляютъ, чего другимъ и догадываться нельзя». Вражда и взаимная подозрительность верховниковъ и шляхетства разгоралась все съ большею и большею силою. Партія противниковъ олигархическимъ замысламъ росла съ каждымъ днемъ, историческія воспоминанія и привычки шли ей на помощь. Англійскій резидентъ Рондо писалъ по поводу этого: «такъ какъ здѣсь издавна обыкли повиноваться неограниченному государю, то никто и не мо-

жетъ составить себѣ идеи о правленіи ограниченномъ. Высшее дворянство хотѣло бы сосредоточить весь авторитетъ въ своихъ рукахъ; а меньшее дворянство и простые чиновники не хотѣли того, предпочитая имѣть одного господина, нежели нѣсколькихъ. Вотъ почему одни предвѣщаютъ великія перемены, а другіе, съ большимъ вѣроятіемъ, утверждаютъ, что не будетъ никакихъ переменъ⁷⁶). Сами верховники начинали терять храбрость. Одинъ кн. Голицынъ болѣе другихъ преданный своей мысли, надѣялся еще помирить партіи. Такъ онъ думалъ сблизиться съ Черкасскимъ, которому не умъ, не способности, но огромное состояніе и родственныя связи съ Трубецкими, Нарышкиными, Салтыковыми, давали немалое значеніе между шляхетствомъ; но трудно было сойтись человѣку предприимчивому, дѣятельному, твердаго характера и большой начитанности съ человѣкомъ безхарактернымъ, не далекимъ, безъ всякаго образованія. Поѣхалъ Голицынъ къ Остерману навѣстить его какъ больного и, къ крайнему своему смущенію, нашелъ его здоровымъ и интригующимъ противъ товарищей своихъ по верховному совѣту. Предлагалъ Голицынъ свободу Ягужинскому, если тотъ согласится дѣйствовать на дворянство къ смыслѣ перемены, задуманной верховнымъ совѣтомъ; но прямой и откровенный Ягужинскій отказалъ ему въ томъ и еще потребовалъ торжественнаго удовлетворенія за нанесенное ему публично оскорбленіе. Столько же безуспѣшны были попытки Голицына сойтись съ другими лицами, принадлежавшими къ партіи шляхетства; здѣсь онъ встрѣтился съ вліяніемъ духовенства, помириться съ которымъ ему было труднѣе, нежели видѣть неудачу своихъ замысловъ. Труды Голицына гибли. Противники втихомолку подымали голову. Все шло противъ замысловъ верховниковъ, забывъ о прежнихъ своихъ намѣреніяхъ создать об

шія и съ представителей всѣхъ сословій учрежденія для со-
вѣщаній о государственномъ управленіи. Родственники и
родственницы Анны Іоанновны вошли въ сношенія съ пар-
тіей шляхетства. Трубецкой, штатсъ-дама Салтыкова, гер-
цогиня Мекленбургская, Остерманъ, Феофанъ Прокоповичъ
руководили дѣйствіями этой партіи, которой надо было въ
свою очередь войти въ сношенія съ императрицей. Дворцовый
аргусь, кн. Долгорукій былъ обойденъ помощію хитрости. Сал-
тыкова разъѣзжала каждую ночь по домамъ знатныхъ, развѣ-
дывала мысли шляхетства, справлялась о томъ, какъ подви-
гались впередъ ихъ замыслы, а каждое утро къ Аннѣ Іоан-
новнѣ приносили сына Бирона, которому клали за пазуху
записки объ успѣхѣ дѣла; императрица, относя ребенка въ
свою спальню, прочитывала эти записки. Жена Остермана
также ежедневно бывала во дворецѣ и передавала Аннѣ Іоан-
новнѣ совѣты своего мужа. Между тѣмъ въ домахъ Черкас-
скаго, Трубецкаго, Борятинскаго и сенатора Новосильцева схо-
дилось дворянство, ободряемое внушеніями, шедшими чрезъ
Салтыкову. Всѣ эти переговоры кончились тѣмъ, что шля-
хетство рѣшилось подать императрицѣ свое прошеніе, со-
ставленное еще прежде. Собрано было до 260 подписей.
Феофанъ Прокоповичъ подаркомъ Аннѣ Іоанновнѣ столовыхъ
чашовъ, подъ доскою которыхъ положенъ былъ планъ, объ-
яснявшій императрицѣ, какъ должно дѣйствовать въ рѣши-
тельную минуту, завершилъ все дѣло. Шляхетство, отслу-
живъ утромъ молебень, большою толпою отправилось ко
дворцу. Верховники, узнавъ о намѣреніяхъ депутаціи, хо-
тели арестовать кн. Черкаскаго, но опоздали. Черкасскій
явился во дворецъ, сопровождаемый толпою дворянъ, и
просилъ аудіенціи у императрицы. Князь Василій Лукичъ
Долгорукій, сторожившій Анну Іоанновну, сталъ просить
ее прилежно, чтобъ она не допускала ихъ къ себѣ, говоря,

что верховный совѣтъ самъ возвратить ей самовластіе. Но было уже поздно: Анна Іоанновна велѣла впустить депутацію. Тогда Долгорукій бросился въ комнаты, гдѣ находилось дворянство, и потребовалъ у нихъ челобитную, обѣщая подать ее въ руки государыни. Тѣ стали вопить и Долгорукій ушелъ назадъ. Императрица сама вышла къ депутаціи. Старшій Трубецкой поднесъ ей прошеніе, которое Анна Іоанновна велѣла прочесть. Трубецкой передалъ Татищеву и тотъ прочелъ: «Всевысочайшая и всемилостивѣйшая государыня императрица! хотя ваше императорское величество воссѣли на престолъ Россіи по волѣ высочайшаго царя царей и по желанію всего народа; но вашему императорскому величеству угодно было подписать условія, предложенныя верховнымъ совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали ваше благоволеніе къ сему государству. Мы приносимъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность за такую великую милость и не только мы, но и дѣти наши, будемъ навсегда обязаны хранить искреннюю признательность и чтить имя вашего величества. Но не смотря на то, всемилостивѣйшая государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся нѣкоторыя статьи, заставляющія народъ вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ чего враги нашего отечества могутъ извлечь для себя величайшую пользу. Разсмотрѣвъ внимательно условія, мы изложили на письмѣ мнѣнія наши и съ должнымъ почтениемъ представили ихъ верховному тайному совѣту на разсмотрѣніе, прося, чтобъ для блага и спокойствія всей имперіи, была установлена; по большинству голосовъ, форма правленія и надежная и твердая. Но верховный тайный совѣтъ не только не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ различныхъ предположеній, но объявилъ намъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія вашего императорскаго ве-

личества. Почему, зная врожденное вашего императорского величества милосердіе и желаніе удостовѣрить всю имперію въ своемъ благорасположеніи, мы осмѣливаемся, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить вашего соизволенія, чтобы представленныя нами различныя мнѣнія были рассмотрѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назначивъ для сего по одному или по два человека изъ каждой фамиліи, и чтобы по обсужденіи всѣхъ статей, была установлена такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ и послѣ сего будетъ представлена вашему императорскому величеству на благоразсмотрѣніе. Общаемъ вашему величеству всевозможную вѣрность и употребимъ всѣ усилія для утвержденія благоденствія вашего, почитая васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошеніе подписано не всѣми, ибо мы боимся собираться во множествѣ для подписанія онаго; однакожь большая часть вашего дворянства изъявила на то свое согласіе, въ доказательство чего многіе уже подписали вышеупомянутыя мнѣнія»⁷⁷). Изъ за чего хлопоталъ верховный совѣтъ, недопуская шляхетство до императрицы? Отчего шляхетство избрало такой странный путь довести ю свѣдѣнія Анны Іоанновны свои проекты, поданныя имъ до ея пріѣзда верховникамъ? Зачѣмъ верховники, объявивъ прежде, что рассмотрѣніе мнѣній шляхетства надо предоставить самой императрицѣ, потомъ не сдѣлали этого? Такіе и много подобныхъ вопросовъ можно было бы предложить, еслибъ была хотя малѣйшая возможность сомнѣваться, что водача шляхетствомъ мнѣній своихъ въ совѣтъ вызвана была только желаніемъ выиграть время, а отговорка верховниковъ—желаніемъ отдѣлаться отъ навязчивости шляхетства и порѣшить весь вопросъ интригою. Прямо, не скрывая своихъ намѣреній, дѣйствовали только Дм. М. Голицынъ, Θεофанъ и Татищевъ, державшійся благоразумной

средины между этими представителями двух крайних направлений. Написавъ прежде произвольное мнѣніе и высказавъ въ немъ свои политическія убѣжденія и желанія, Татищевъ прочелъ теперь адресъ отъ лица дворянства, дававшій знать императрицѣ о существованіи проектовъ. Шляхетство просило права разсуждать, до чего не допустили верховники. Императрицѣ оставалось исполнить желаніе шляхетства. Но верховники обратились къ ней съ приглашеніемъ войти въ кабинетъ для совѣщанія. Анна Іоанновна колебалась. Тогда сестра ея, Мекленбургская герцогиня, возразила, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надо подписать. Въ залѣ поднялся сильный шумъ. Кто зашумѣлъ: верховники-ли, угрожая шляхетству, такъ неожиданно для нихъ ворвавшемуся во дворецъ, шляхетство-ли, ропща на насиліе верховниковъ,—современники не говорятъ. По всей вѣроятности, было и то, и другое: повторилось новгородское вѣче на Ярославль дворѣ, гдѣ житые люди препирались съ посадникомъ и другими чиновниками предъ лицомъ избраннаго ими князя. Но тотчасъ же обнаружилось и знаменіе новаго времени: Анна Іоанновна подозвала къ себѣ дежурнаго капитана и сказала ему, что, находясь не въ безопасности, приказываетъ ему повиноваться только генералъ-лейтенанту Салтыкову, служившему подполковникомъ въ гвардіи и находившемуся съ нею въ родствѣ. Затѣмъ, взявъ перо, подписала на прошеніи дворянства: «учинить посему», и допустила всѣхъ къ рукѣ, послѣ чего депутация удалилась въ другую комнату, получивъ такимъ образомъ дозволеніе разсуждать о лучшемъ образѣ правленія. Наступала минута отдать предпочтеніе тому или другому изъ представленныхъ проектовъ: но депутаты, послѣ краткаго совѣщанія, единогласно рѣшили облечь императрицу прежнему самодержавною властію. Уговорившись въ томъ, они

просили новой аудиенціи. Государыня назначила ее послѣ полудня и удержала за своимъ обѣдомъ всѣхъ верховниковъ. Тѣ повиновались, не смѣя рѣшиться ни на что другое, «къ собственному ихъ счастью», замѣчаетъ Маньянъ, «ибо при первомъ движеніи ихъ, гвардейцы готовы были выкинуть ихъ за окно». Пока Анна Іоанновна трактовала за столомъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, шляхетство написало новый адресъ, возстановлявшій старинное самодержавіе, который и былъ прочтенъ во вторую аудиенцію, но уже не историкомъ Татищевымъ, а сатирикомъ кн. Кантемиромъ: «Высочайшая и всемилостивѣйшая государыня! вашему императорскому величеству угодно было для величайшаго блага отечества, подписать наше прошеніе, и мы не находимъ словъ для выраженія вашему величеству благодарности нашей за такой знакъ высочайшаго благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ насъ не оставаться неблагодарными. И потому мы являемся снова предъ ваше величество, для изъявленія нашей признательности и всемилостивѣйше просимъ васъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, уничтожить условія, присланныя вашему величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта и подписанныя вами. Всеподданнѣйше просимъ ваше императорское величество соизволить, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта и высокаго сената учредить правительствующій сенатъ такъ, какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ I, идею вашего величества, составивъ его изъ 21 члена, и чтобъ теперь и впередъ, убылыя мѣста въ этомъ правительствующемъ сенатѣ, также губернаторы, вице-губернаторы и президенты въ коллегіяхъ были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребію, какъ-то было установлено Петромъ первымъ. Всеподданнѣйше просимъ, чтобъ

ваше величество, вслѣдствіе того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить правленіе такъ, какъ оно должно быть на будущее время. Наконецъ мы надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ» ⁷⁸). Анна Іоанновна, повидимому, совѣтъ, неожиданная такого быстрого перехода отъ первой просьбы, гдѣ высказывалось ясное желаніе обсудить необходимыя реформы въ правленіи, къ надеждѣ, что такія преобразованія исполнить она сама, хотѣла поклономъ выразить шляхетству свое удовольствіе; но штатсъ-дама Самтыкова, удержала ее за платье. Тогда государыня обратилась къ верховникамъ съ вопросомъ: «такъ не было желанія народа, чтобъ я подписала условія, представленныя мнѣ въ Митавѣ? стало быть ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» спросила подписанныя ею кондиціи, немедленно передала Головинцу и тотъ разорвалъ ихъ. «Государство Россійское, продолжала Анна Іоанновна, «издавна управлялось самодержавно, и я вступаю въ тѣ же права, которыми пользовались мои предки, по преемству отъ которыхъ и по избранію, какъ утверждалъ верховный совѣтъ, вступила я на престолъ и всякій, противящійся моей волѣ, будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ». Такъ избирательная монархія сливалась въ лицѣ Анны Іоанновны съ наследственной; и ученіе, развитое Феофаномъ Прокоповичемъ въ Правдѣ воли монаршей, и прошенія шляхетства были удовлетворены: верховники проиграли свое дѣло. Въ отвѣтъ на слова императрицы «воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло ея величеству благодарствуя, и кланяясь; были же при томъ нѣкоторые и отъ верховниковъ и когда просители оные благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякого чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію» ⁷⁹). Кланялась

Анна Іоанновна, кланялось шляхетство, кланялись верховники; одинъ кн. Дм. М. Голицинъ, до конца оставшійся вѣрнымъ своимъ замысламъ, говорилъ: «Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны: я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что нужды — я пострадаю за отечество. Я старъ и смерть мнѣ нестрашна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ еще болѣе»²⁰).

На другой день вся Москва была иллюминована; а спустя еще четыре дня, Маньянъ писалъ къ своему двору: «Теперь все покойно, императрица очень весела и очень довольна». Сенатъ былъ возстановленъ. Вскорѣ пріѣхалъ Биронъ. Въ пріѣздѣ Анна Іоанновна короновалась. Татищевъ былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при этомъ торжествѣ: ѣздилъ съ объявленіемъ о днѣ коронованія къ принцессамъ императорскаго дома; участвовалъ въ перенесеніи регалій изъ дворцовыхъ палатъ въ соборъ; управлялъ, вмѣстѣ съ другими, ходомъ самой церемоніи. Феоданъ Прокоповичъ говорилъ рѣчь, въ которой упоминалъ о неудавшихся замыслахъ верховниковъ²¹). Награды сыпались щедрою рукою на людей, принадлежавшихъ къ партіи шляхетства; но имя Татищева не встрѣчается въ числѣ награжденныхъ. Три года прослужилъ онъ еще въ монетной канторѣ и потомъ посланъ былъ на Уралъ управлять тамошними горными заводами.

ГЛАВА III.

Сибирскіе горные заводы и Оренбургская экспедиція.

Въ тѣ 10 лѣтъ (1724—1733), которыя Татищевъ про велъ въ Швеціи, Москвѣ и Петербургѣ, горное дѣло, благо дая знаніямъ и дѣятельности де-Геннина, льготамъ и богатству, которыми располагали Демидовы и Строгановы развилось въ значительной степени. Рудоскатели перешли черту прежняго горнаго округа: Соликамскъ и Кунгуръ въ западѣ, Верхотурье и Екатеринбургъ на востокѣ, перестали быть крайними предѣлами горнозаводской промышленности. Съ одной стороны сдѣланы были успѣшныя попытки разра ботывать руду, въ Алтайскихъ горахъ, съ другой явились заводы близъ Вятки и Казани; наконецъ промышленники пробовали идти далѣе на югъ отъ Екатеринбурга, загля дывать въ земли Башкирцевъ и, не смотря на противодѣй ствіе со стороны послѣднихъ, богатства средняго Урала болѣе и болѣе разоблачались передъ русскими. Екате ринбургъ, построенный на удачно выбранной мѣстности, слу жившей водораздѣломъ Обской и Камской системъ, сдѣлался вполне центромъ горнаго управленія. Отъ его оберъ-бергъ амта зависѣли всѣ сибирскіе, уральскіе и пермскіе заводы

ихъ управители, мастеровые люди и приписные крестьяне. Всѣхъ заводовъ къ 1734 году считалось: казенныхъ—одиннадцать. Демидовыхъ—четырнадцать, въ томъ числѣ Колывано-Воскресенскій, на которомъ добывалось серебро, одинъ Строгановыхъ, одинъ Осокиныхъ въ кунгурскомъ уѣздѣ, одинъ Турчаниновыхъ въ соликамскомъ, одинъ Тряпицына въ вятскомъ и Саралинскій въ казанскомъ. Увеличилось и самое населеніе края вновь переселенными въ него крестьянами и бѣжавшими изъ сосѣднихъ губерній людьми всякаго состоянія. Горы, какъ цѣль розысканій, потеряли свое прежнее значеніе преградъ между землями, прилегавшими къ нимъ; рѣки, издавна служившія почти единственными путями сообщенія, покрылись пристанями, къ которымъ свозилось металлическое богатство, и еще тѣснѣе связали Сибирь съ Россіей. Общій характеръ края сталъ знакомѣе его рабочему люду. Правда рудоскатели мало обращали вниманія на природу, среди которой кипѣла ихъ дѣятельность. Они знали только, что горный кряжъ, идущій изнутри Башкиріи до самаго Верхотурья состоитъ изъ горъ не очень дикихъ, прикрытыхъ черноземомъ, хорошими травами и лѣсомъ; что кряжъ, уходявшій на сѣверъ отъ Верхотурья, гдѣ замѣтнѣе другихъ вершинъ были Косвинскій и Павдинскій камни, состоялъ изъ горъ чрезъ мѣру высокихъ, голыхъ и дикихъ, отчасти поросшихъ мхомъ, отчасти малымъ лѣсомъ; что всѣ рѣки, бѣгущія изъ Каменнаго пояса въ волгоденную сторону, прошли въ Сибирь, а текуція на полночь, ушли въ Русь, что въ первыхъ нѣтъ ни раковъ, ни осерели, а во вторыхъ и тѣ и другія водятся. Но за то они хорошо знали мѣста, гдѣ находились рудныя гнѣзда, знали средства добывать и плавить руду. Кромѣ мѣди и желѣза, средній Уралъ давалъ извѣстковый камень, который примѣшивали въ желѣзную руду для лучшей плавки изъ нея чу-

гуна и еще твердый камень, который употребляли на горны, доменные и плавильные печи; близъ Екатеринбурга находили желтоватый и черноватый топазъ, черный мраморъ съ бѣлыми жилками, горный хрусталь съ краснымъ, лазоревымъ и желтымъ отливами, камень наждакъ, кровавикъ и каменную кудель; пробовали искать мамонтовья и слоновья кости, курьозы, натуралии и разные антиквитеты ²²). Вообще горныя работы на всемъ пространствѣ, гдѣ открыты были рудники и при нихъ заводы, шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ административная часть; счетная сторона дѣла была еще слабѣе, нежели административная: и это послѣднее обстоятельство было одною изъ причинъ удаленія де-Геннина отъ управленія сибирскими заводами. Увлекаясь своими спеціальными занятіями, онъ не любилъ никакого административнаго стѣсненія, шло-ли оно отъ коллегіи, отъ воеводъ, или отъ счетнаго контроля. Привыкнувъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Петромъ Великимъ, у котораго просилъ себѣ воли въ горномъ дѣлѣ, де-Геннинъ не могъ потомъ помириться съ мыслию о подчиненности каковой-нибудь коллегіи или конторѣ, члены которой, живя вдали отъ горнаго края, смотрѣли лишь на результаты заводческой дѣятельности и ничего не хотѣли знать о препятствіяхъ, неизбежныхъ на первыхъ порахъ для всякой промышленности. А между тѣмъ очень немногіе изъ казенныхъ заводовъ могли покрывать издержки, которыхъ стоило ихъ построеніе и содержаніе. Петръ Великій умѣлъ въ этомъ случаѣ выжидать благихъ результатовъ; не такъ дѣйствовали его преемники. Уже при Екатеринѣ I явилась мысль отдать казенные заводы въ компанію; де-Геннинъ былъ противъ этой мысли, представлялъ сенату о причинахъ случавшейся иногда остановки работъ на заводахъ, приписывая ее то умаленію водъ, то сухому жаркому лѣту, то недостатку

рабочихъ рукъ. При каждой переѣмѣ правительства, онъ слѣдилъ въ Петербургъ и получалъ всемилостивѣйшій указъ объ исправленіи и приведеніи въ вѣщее состояніе казенныхъ заводовъ; но средства у него оставались тѣже. Напротивъ они даже убавились со смертію Петра: право принимать бѣглыхъ на заводы было значительно ограничено; съ приписныхъ крестьянъ наравнѣ съ другими стали собирать рекрутъ; наконецъ винный откупъ проникъ въ земли горнаго вѣдомства, построилъ кабаки, которые отнимали у рабочихъ немало времени: «Черезъ 28 лѣтъ при заводахъ кабаковъ не было, говорилось въ промеморіи тобольской губернской канцеляріи, посланной въ оберъ-бергъ-амтъ въ августѣ 1731 года; а по вступленіи въ откупъ кабаковъ, Андрей Грекъ, екатеринбургской обыватель, поставилъ кабаки. И отъ всегдашняго пьянства мастерские люди въ совершенное безуміе приходятъ, и мастерства добраго лишаются, и дѣлать желѣза мягкаго противъ указныхъ сортовъ пьянство не допускаетъ; и на пристаняхъ отъ поставки кабаковъ, во время отпуска струговаго съ желѣзомъ, не безъ поврежденія бываетъ, для того что работники, напившись пьяны, а паче струговые сплавщики, отъ быстроты рѣки Чусовой, въ пьянствѣ струги съ желѣзомъ разбиваютъ и между собой великія драки у пьяныхъ бываютъ, что другъ друга до смерти убиваютъ.» Не смотря однакожь на всѣ затрудненія, казенные заводы дали къ 1726 году прибыли 143,808 рублей 63 копейки, къ 1731 году 94,286 рублей, а для большаго увеличенія государственныхъ доходовъ, 8 октября 1731 года, мануфактуръ и бергъ коллегіи были соединены съ коммерцъ-коллегіею, въ видѣ особыхъ экспедицій: отъ прежняго раздѣленія ихъ, сказано въ указѣ, никакой пользы не находилось, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и излишнихъ переписокъ. Въ декабрѣ

того же года назначенъ былъ въ канцелярію заводскихъ дѣлъ секретарь, вскорѣ сдѣланный ассесоромъ, Вильгельмъ Шульцъ съ обязанностию «особливо смотрѣть надъ тѣми, которые у тамошняго приходу и расходу, дабы они свои приходныя и расходныя книги держали порядочно, дабы безъ великаго затрудненія всегда сочтены и какъ приходъ, такъ и расходъ, всегда явенъ быть могъ»; Но въ октябрѣ слѣдующаго года Шульцъ умеръ. Де-Геннинъ велѣлъ всѣ канцелярскія дѣла въ оберъ-бергъ-амтѣ рѣшать и подписываться подъ рѣшеніями надзирателю лѣсныхъ дѣлъ, прапорщику Назарову; тогда подсекретарь Феоктистъ Кузнецовъ билъ де-Геннину челомъ, что прапорщику Назарову «за неискусствомъ въ письмѣ и за непонятіемъ въ приказномъ дѣлѣ, у того дѣла быть не возможно, ибо онъ писать и читать не довольно умѣеть, и отъ того въ дѣлахъ чинится продолженіе и остановка; а другихъ членовъ въ оберъ-бергъ-амтѣ никого нынѣ нѣтъ, и за тѣмъ канцелярія, а паче шетныя и юстиція дѣла рѣшеніями остановились, а оныя спрашиваются по указамъ съ принужденіемъ.» Де-Геннингъ опредѣлилъ быть на мѣстѣ Шульца гитенфервальтеру Константину Гордѣеву, который слѣдовалъ тогда спорное о земляхъ дѣло между баронами Строгановыми и дворяниномъ Демидовымъ: «а рѣшить ему горныя и заводскія дѣла съ вѣдома моего, писалъ де-Геннинъ, юстиція же и счетныя мною меня, какъ надлежитъ по указамъ.» А между тѣмъ сенатъ рѣшилъ посылать въ оберъ-бергъ-амтъ для порядковъ по одному совѣтнику изъ горной экспедиціи государственной коммерцъ-коллегіи, съ перемѣною черезъ два года. При этомъ совѣтникѣ, въ качествѣ презуса, присутственными членами были: одинъ оберъ-бергъ-мейстеръ и одинъ оберъ-цегентнеръ; для присмотра въ дѣлахъ и произведенія въ члены на упалыя мѣста находился гитенфервальтеръ; для

разбора ссоръ между частными заводчиками, при межеваніи рудниковъ и лѣсовъ, и для посылокъ по казеннымъ заводамъ, когда нужда потребуетъ, служилъ бергъ-гешворенъ. Для лучшаго порядка въ счетахъ сенатъ велѣлъ коммерцъ-коллегіи послать въ Екатеринбургъ двухъ или трехъ искусныхъ бухгалтеровъ съ тѣмъ, чтобы они научили и другихъ бухгалтерскому дѣлу; къ нимъ присоединены были и подъячіе изъ коллегіи. Апелляція на неправильное рѣшеніе оберъ-бергъ-амта во всякихъ истцовыхъ, тяжбныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ могла быть подаваема сибирскому губернатору, такъ какъ въ подобныхъ же дѣлахъ подчинены губернаторамъ воеводы. Всѣ эти распоряженія мало поправляли дѣло; при томъ же оберъ-бергъ-амтъ никогда не видалъ въ полномъ своемъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ. Наконецъ въ маѣ 1733 года составлена была комиссія для разсмотрѣнія, какимъ образомъ къ лучшему интересу быть можетъ: на казенномъ-ли коштѣ содержать горные заводы, или отдать ихъ партикулярнымъ людямъ, и то одному или многимъ, и на какихъ кондиціяхъ? Членами этой комиссіи назначены были: тайный совѣтникъ графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, статскій совѣтникъ Онисимъ Масловъ, бергъ-совѣтникъ Томиловъ, служившій по горной части около 30 лѣтъ и, извѣстный своими путешествіями на Кавказъ, пріятель Байера и Миллера, полковникъ артиллеріи Гарберъ ²²).

Труды членовъ этой комиссіи неизвѣстны; но должно думать, что мнѣніе ихъ не было за отдачу горныхъ заводовъ въ компанію частнымъ промышленникамъ: потому что, вмѣсто передачи ихъ въ аренду, 17 марта 1734 года состоялся указъ, которымъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ горныхъ заводовъ въ Сибири и Перми В. Н. Татищевъ; съ нимъ посланъ былъ для совѣта и общаго правле-

ніа совѣтникъ экипажной конторы Андрей Хрущовъ. Кромѣ того изъ другихъ актовъ видно, что управленіе заводами и ихъ населеніемъ раздѣляли съ Татищевымъ: премьеръ-маіоръ Михайло Миялашевскій, маіоръ Угрюмовъ, ассесоръ Игнатій Рудаковскій, бергъ-мейстеръ Никифоръ Клеопинъ, главный казначей Константинъ Гордѣевъ, заводскіе комиссары Тимофей Бурцовъ и Яковъ Бекетовъ, полицеймейстеръ поручикъ Алексѣй Зубовъ, главный межевщикъ Игнатій Юдинъ и земскій судья Степанъ Нефловъ: словомъ это была цѣлая бергъ-коллегія, перенесенная на самое мѣсто горной промышленности, но съ президентомъ, имѣвшимъ нѣсколько распространенную власть. Подробная инструкція въ 22 пунктахъ, сообщенная Татищеву спустя шесть дней по его назначеніи, давала ему полную мочь относительно постройки старыхъ заводовъ, закрытія ихъ по недостатку земель или рабочихъ рукъ, перенесенія въ другое мѣсто, переверстки между ними приписныхъ деревень. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ товарищами по управленію, а въ дѣлахъ важныхъ или сомнительныхъ призывать къ совѣщанію частныхъ промышленниковъ и прикащиковъ; и только въ дѣлахъ крайне сомнительныхъ или опасныхъ долженъ былъ сноситься съ кабинетъ-министрами и сенатомъ. Въ обстоятельствахъ, касающихся губернскаго управленія, каковы: открытіе новыхъ рудниковъ близъ владѣній степныхъ народовъ, учрежденіе новыхъ крѣпостей, торговъ или путей сообщенія, предписывалось сноситься съ сибирскимъ и казанскимъ воеводами и приводить въ исполненіе общее рѣшеніе, несписываясь съ центральнымъ правительствомъ, за исключеніемъ сомнительныхъ и опасныхъ случаевъ. Указано было также возстановить канцелярскій порядокъ въ горныхъ дѣлахъ, сокращая по возможности излишнюю

переписку, а главное—вести правильные и ясные счета приходамъ и расходамъ: съ этою цѣлю позволено было взять въ Москвѣ изъ сената секретаря и бухгалтера, знающихъ свое дѣло. Сообщены были Татищеву разные проекты, присланные въ послѣдніе годы отъ де-Геннина, его требованія отъ коммерцъ-коллегии, ландкарты, чертежи; но какъ послѣдніе оказались очень неудовлетворительными, то и вѣрно было сдѣлать обстоятельное географическое описание всего горнаго края, для чего подчинены были Татищеву всѣ геодезисты, находившіеся тогда въ Сибири, да изъ сената приданы еще два геодезиста, изъ адмиралтейской и артиллерійской школъ шесть учениковъ. Изъ частныхъ вопросовъ, касавшихся горныхъ заводовъ и быта промышленниковъ, инструкция обращала вниманіе Татищева между прочимъ на очень важный вопросъ о сравнительныхъ выгодахъ обязательнаго и вольнаго труда: «хотя къ заводамъ (казеннымъ) многія слободы для работъ приписаны, говорилось въ четырнадцатомъ пунктѣ инструкции, однакожь видно, что Демидовъ предъ оными ни четвертой части людей не имѣетъ, желѣза же вдвое противъ нашихъ заводовъ отпускаетъ, а слышно, что наиболѣе онъ вольными работниками и гораздо дешевле всѣ работы исправляетъ; того ради рассмотреть вамъ въ распорядкѣ расположенныхъ на приписанныхъ крестьянъ работъ, и въ заплатѣ за оныя, дабы они надъ потребность отягчены не были; а чтобъ имъ для дальнихъ проѣздовъ излишняго за работы не платить и тѣмъ на сдѣланные товары цѣны не возвышать, стараться вамъ, чтобъ нѣкоторыя работы на заводахъ, обрѣтающихся въ тобольскихъ и верхотурскихъ слободахъ, исправлять вольными наймомъ.» Вѣрно было также рассмотреть, не годятся-ли жестяныя, проволочныя, стальныя и т. п. фабрики, заведенныя въ Екатеринбургѣ собственно для обученія

мастеровыхъ, отдать частнымъ людямъ въ компаніи; не полезно-ли для удержанія при заводахъ надѣлить проживающихъ тамъ чиновниковъ вотчинами изъ дворцовыхъ деревень, съ обязательствомъ остаться и съ дѣтьми вѣчно въ горной службѣ. Приглашеніе новыхъ промышленниковъ, открытіе рудниковъ въ Башкиріи, томскомъ, кузнецкомъ, нерчинскомъ, иркутскомъ и другихъ дальнихъ уѣздахъ. помощь совѣтомъ и дѣломъ частнымъ заводчикамъ, оборона ихъ отъ обидъ, судъ и расправа въ случаѣ распрей между ними, надзоръ за откупомъ, кабаками и шинками, присмотръ за тѣмъ, чтобъ отъ горныхъ заводовъ солянымъ промысламъ ни въ коемъ обстоятельствѣ утѣшенія не было, составленіе горнозаводскаго устава и болѣе точное опредѣленіе пошлинъ, платимыхъ частными промышленниками въ казну: вотъ тѣ задачи, на которыя указывала инструкція Татищеву, какъ на требовавшія неотложнаго вниманія его съ первыхъ же дней по вступленіи въ должность.

Но еще прежде своего отъѣзда изъ Москвы, Татищевъ просилъ разрѣшенія, чтобы (апелляцію) на неправыя рѣшенія особаго судьи, опредѣленнаго при горныхъ заводахъ отъ губерній, можно было подавать въ оберъ-бергъ-амтѣ, а не въ Тобольскѣ; потому что «оное заводамъ вредительно: многіе управители, мастера и работники принуждены 700 верстъ ѣздить и по челобитью въ малыхъ дѣлахъ на долгое время отъ заводовъ отлучаться; а по мнѣнію его, той апелляціи надлежитъ быть въ оберъ-бергъ-амтѣ, и только по великимъ дѣламъ посылать къ губернаторамъ». Представлялъ также о томъ, чтобъ ирбитскую ярмарку съ 6 января по 20 оставить на ея мѣстѣ, а въ Екатеринбургѣ открыть новую, назначивъ для нея двѣ недѣли въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Сенатъ согласился съ обоими представленіями Татищева.

Въ началѣ октября Татищевъ принялъ отъ де-Геннина управление заводами и отправился въ объѣздъ для осмотра ихъ, велѣвъ съѣхаться къ 1 декабря въ Екатеринбургъ всѣмъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ для сочиненія горнаго устава; но только 12 декабря открылось первое засѣданіе. Секретарь Иванъ Зоринъ прочелъ рѣчь, написанную на этотъ случай Татишевымъ. Въ ней кратко излагалась исторія горнаго производства въ Россіи и потомъ причины, вызвавшія необходимость въ новомъ уставѣ: пока въ частныхъ промышленниковъ былъ одинъ Демидовъ, такъ и законовъ на распри не требовалось; а теперь «частію отъ проклятыхъ зависти и ненависти, или незначія законовъ божескаго и естественнаго распри умножились, а къ тому жъ законамъ вскорѣ требуемымъ быть чаемо». Затѣмъ Татищевъ обращался къ своимъ сотрудникамъ съ просьбою трудиться для общаго дѣла со всякимъ прилежаніемъ, вести записки разнымъ судебнымъ случаямъ изъ заводскаго быта и объявлять въ общемъ собраніи свое мнѣніе о нихъ. Онъ убѣдительно просилъ подавать мнѣнія безъ всякаго пристрастія, предложенныя доказывать и защищать свободно, возраженія и замѣчанія на нихъ не принимать себѣ въ обиду, не почитать за страхъ, и не отступать отъ своего праваго мнѣнія изъ почтенія къ спорящему: «всякъ имѣеть болю свое мнѣніе объявить, колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлилъ, и притомъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое переимѣнить; я же вамъ всѣмъ, сказано было въ заключеніи рѣчи, по моей должности и по крайнему разумѣнію служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю» ⁸⁴).

Горнозаводскій уставъ имѣлъ въ виду отчетливое опредѣленіе обязанностей и предѣловъ власти членовъ обербергъ-амта или, какъ Татищевъ переименовалъ его, кан-

целярїи главнаго правленія сибирскими горными заводами. Во многихъ своихъ статьяхъ горный уставъ былъ только развитіемъ тѣхъ двадцати пунктовъ, которые вошли въ инструкцію, данную Татищеву, и указовъ, полученныхъ имъ изъ кабинета министровъ и сената уже по приѣздѣ на мѣсто управленія; въ другихъ статьяхъ уставъ представлялъ извлеченія, сдѣланныя изъ регламентовъ и законовъ Петра, иногда съ перемѣнами, какихъ требовало примѣненіе ихъ къ горному дѣлу; и наконецъ немногія статьи заимствованы изъ горныхъ уставовъ другихъ государствъ. Кромѣ того, ссылаясь на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, на новоуказныя статьи, на воинскій и морской уставы Петра, на его наказы нѣкоторымъ чиновникамъ, управлявшимъ отдѣльными частями, уставъ Татищева указываетъ, какъ на общій источникъ всякаго законодательства, законъ естественный, для познанія котораго рекомендуетъ Пусендорфа «Право естественное и народное», Гуго Гроція «Право войны и мира». А если «случатся обстоятельства такія, которымъ никаковъ законъ точно не согласуется и рѣшить по законамъ учиненнымъ не можно, законовъ же вновь устанавливать, кромѣ насъ (говорится отъ имени императрицы), никто власти не имѣеть: то и главному правителю заводовъ, никакого закона и устава вновь сочинить и за дѣйствительный употреблять не надлежитъ; и такимъ законамъ «безъ нашего утвержденія» никто повиноваться не долженъ. Словесныя приказы на крѣпко запрещались, развѣ въ дѣлахъ малыхъ, требовавшихъ скорого рѣшенія и не представлявшихъ никакого сумнительства; да и тѣ слѣдовало вносить въ дневальную книгу за подписью отдаваго приказъ. Въ случаѣ различныхъ толкованій или неясности, или неудовлетворительности закона, спорнаго вопроса не рѣшать; но, созвавъ всѣхъ способныхъ къ разсужденію помощниковъ,

нѣскольکو ближнихъ по мѣсту своего жительства промышленниковъ и ихъ лучшихъ прикашиковъ не меньше двѣнадцати человекъ, составить на основаніи общаго мнѣнія новый законъ и послать его для разсмотрѣнія и утвержденія въ сенатъ. Вообще Татищевъ, получившій полную мочь и силу въ управленіи горными заводами, старался, согласно инструкціи, ввести въ уставъ самое широкое участіе въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ остальныхъ членовъ главнаго правленія; и потому въ статьѣ о подачѣ голосовъ прямо было указано на слабую сторону коллегіальнаго начала въ русскихъ учрежденіяхъ того времени: «а какъ въ нѣкоторыхъ тому подобныхъ собранныхъ правленіяхъ не весьма уставу слѣдуютъ, яко главные, прежде выслушанія нижнихъ голосовъ, свое мнѣніе объявляютъ, для котораго иногда нижніе за почтеніе, изъ маности или за страхъ, истинное свое мнѣніе и сущую надлежность необъявля, остаются и оному неправильному согласуютъ и послѣдуютъ; а потомъ, когда къ суду позваны бываютъ, тѣмъ отговариваются, что не они большіе, другіе же коварно при даваніи голосовъ весьма молчатъ и когда протоколъ къ закрѣпѣ придетъ, тогда показывая себя, начинаютъ спорить и новые доводы показывать, чрезъ что въ дѣлахъ токмо дѣлаютъ продолженіе; нѣкоторые же по закрѣпѣ дерзаютъ противу порядка изъ домовъ своихъ протесты присылать или протоколисту отдають, ища токмо другихъ невипно опорочить; того ради еще симъ на крѣпко подтверждается, чтобъ по уставу поступали». Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей главнаго начальника горный уставъ полагалъ объѣзды заводовъ, дальнихъ однажды въ годъ, а ближнихъ такъ часто, какъ сила и возможность допускаетъ; по призыву частныхъ промышленниковъ, онъ долженъ былъ ѣздить на ихъ заводы, для осмотра, совѣтовъ и всякой помощи, на счетъ просителя:

во время такихъ поѣздокъ надо было вести обстоятельныя ежедневныя записки о всѣхъ приказахъ, дѣлахъ и обо всемъ видѣнномъ достойномъ памяти. Совѣтники и ассесоры существенная обязанность которыхъ состояла въ управленіи канцеляріей главнаго правленія, также должны были дѣлать ежегодныя объѣзды заводовъ. Судныя занятія раздѣлялъ съ главнымъ начальникомъ земскій судья заводоуправленія, должность и власть котораго опредѣлены были уставомъ съ замѣчательными для исторіи русскаго права и судопроизводства подробностями. Земскому судѣ принадлежали судъ надъ всеми жителями заводовъ и приписныхъ къ нимъ слободъ въ дѣлахъ персональныхъ и земскихъ, т. е. въ долгахъ, брани, увѣчьѣ, грабежѣ и тому подобныхъ распряхъ; разборъ дѣлъ, возникавшихъ изъ специальныхъ свойствъ горнаго производства, относился къ обязанностямъ главнаго судьи, который присылался въ правленіе изъ числа совѣтниковъ юстиціи коллегіи: такъ при Татищевѣ это званіе носилъ князь Шаховской, до крайности радѣвшій о своей должности, какъ видно изъ челобитной находившагося тогда на заводахъ капитана Калачова, который приносилъ жалобу на совѣтника въ безвинномъ разореніи своемъ и просился оттого домой. Горный уставъ, зная жестокія привычки тогдашнихъ слѣдователей, старался ограничить власть судей относительно пытки и казни: «хотя въ уложеніи и процессѣ воинскаго суда о пыткѣ и казни, сказано въ 6 статьѣ IV гл. устава, чтобъ напрасно крови не проливать и безъ довольнаго обличенія къ пыткѣ не приводить; въ пыткѣ, хотя кто и въ подозрѣніе впалъ, по состояніи дѣла и чловѣка, умѣренно и благоразсудно поступать, наипаче же въ лишеніи чести и живота какъ себя отъ продерзости и бѣды охранять, довольно внятно и обстоятельно написано; однакожь съ немалымъ сожалѣніемъ принуждены мы слышать

и въ дѣлѣ видѣть, что нѣкоторые судьи, забывъ страхъ
 Божій и вѣчную душѣ своей погибель и презрѣвъ законы,
 императорно по злобѣ или кому дружа, а наипаче прокля-
 тель лихониствомъ прельстяся или кто глупымъ и нераз-
 суднымъ свирѣпствомъ преисполняся, людей ненадлежаще
 и ниоткуда осуждаютъ и безъ всякой надлежащей причины
 и безъ нужды и по нѣколику разъ пытаются, взявъ токмо
 къ Уложенію, гдѣ написано: въ перемѣнныхъ рѣчахъ и въ
 дѣлахъ великихъ, а паче въ несовершенной повинности,
 пытати трижды; нѣкоторые же, звѣрски въ томъ поступая,
 къ смерти пытаются и на смерть или къ лишенію чести, безъ
 кляго къ тому надлежащаго доказательства, осуждаютъ;
 а что нѣкоторые судьи, по обстоятельствамъ дѣлъ, лише-
 ютъ имѣнія, чести и другими тяжкими наказаніями нака-
 заны: того ради оному (земскому) судѣ, безъ извѣстія глав-
 наго заводскаго правленія и общаго согласія, никакого чело-
 века не пытати.... Къ смерти же осуждати въ канцеляріи
 заводаго правленія присутствіемъ всѣхъ членовъ, которыхъ
 должно быть къ тому не меньше семи персонъ, и сіе разу-
 мѣется о подлости, а шляхетства и заслужившихъ знатные
 чины не пытати и чести не лишати; съ сущими же ворами,
 и наипаче съ ссыльными, которые, ежели *хотя въ маломъ*
сродствѣ обличатся, во истязаніи и наказаніи поступати
 по законамъ безъ всякаго послабленія». Обязанность глав-
 наго начальника смотрѣть за доходами и расходами завод-
 скихъ раздѣляя главный казначей. Собственно ихъ надзору
 принадлежали: подушныя деньги, собираемыя по окладамъ
 и приписныхъ къ заводамъ слободъ, за продажныя при-
 подахъ припасы, десятинный сборъ съ частныхъ промы-
 шленниковъ, пошлины съ горныхъ судовъ, съ векселей
 . т. п.; ясашиные же, раскольническіе, таможенныя, кабац-
 кіе, вельничныя, банныя, откупныя и оброчныя за земли и

воды, крѣпостные съ земскихъ судовъ доходы, печатныя тому подобныя пошлины,—словомъ все, что не отъ завоу приходитъ, подлежало вѣдѣнію губернскаго управленія; земскій судья долженъ былъ всѣмъ этимъ приходамъ составить описи, имѣть, въ случаѣ займовъ изъ этихъ денегъ на заводы, счета съ губерніей. Главнымъ доходомъ горнаго вѣдомства, кромѣ добычи металловъ и продажи подѣланнаго изъ нихъ вещей, былъ десятинный сборъ съ заводовъ чужихъ промышленниковъ. Неудивительно, что ему въ уста посвящено было нѣсколько статей: въ объясненіи генеральныхъ причинъ его сказано, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ собирается десятина съ добываемой на чужихъ заводахъ руды, въ Богеміи же и Саксоніи по полсо ста; кромѣ того вездѣ взимаются особенныя пошлины: казна съ плавильныхъ заводовъ, платится тридцать въ часть вотчинникамъ, на чьей землѣ копаются руда; березовая пошлина съ покупки лѣсовъ, на церковь и богадѣльню отдѣляется также своя часть; горные начальники и управители, получая жалованье отъ казны, пользуются извѣстнымъ платою и отъ частныхъ заводчиковъ. Въ Россіи же такъ тягостей не было: земли, лѣса и уголья отводились даромъ; приписывались крестьяне; горные начальники довольствовались казеннымъ жалованьемъ и только небольшія административныя денги получали отъ суда и рѣшеній по добротнымъ прошениямъ; школы и богадѣльни содержались также отъ казны; кромѣ того давались увольнительные годы отъ десятины. Не смотря на то, промышленники старались не вносить въ казну и той небольшой части пошлинъ, которая оставалась за всѣми этими льготами, вслѣдствіе чего уставъ Татища подробно опредѣлялъ подати, какія надо платить съ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, свинцовыхъ и минеральныхъ заводовъ, съ ручныхъ доменъ и ремесленныхъ заводовъ, съ продажи металловъ и прочаго ⁸⁶).

Вообще горнозаводскій уставъ Татищева, какъ первая попытка въ этомъ родѣ, былъ удовлетворителенъ вдвойнѣ: онъ отличался знаніемъ тогдашнихъ административныхъ порядковъ, и не ставилъ спеціальную цѣль горныхъ занятій въ извѣстныя отношенія къ регламентальной системѣ; въ некоторой степени былъ внимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края и временному состоянію его населенія. Несмотря на то, въ немъ была одна черта, которая повредила ему въ глазахъ правителей, окружавшихъ императрицу. Главная элементъ полномочія, какимъ надѣляла главного инспектора горныхъ заводовъ отчасти самая инструкция, данная Татищеву изъ сената, преобразовывая оберъ-берггештѣ въ канцелярію главнаго правленія, съ коллегіальнымъ характеромъ, уставъ дѣйствовалъ болѣе въ духѣ петровской эпохи, нежели бироновской; а давая просторъ мѣстнымъ условіямъ, еще стремился замѣнить нѣмецкую терминологию горныхъ чиновъ и работъ русскими названіями. Это было очень понятное стремленіе со стороны самого Татищева, хотя горное дѣло собственно нисколько не выиграло отъ того: «усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, яко же и снасти, по нѣмецки названы, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли», — Татищевъ, какъ онъ самъ говоритъ, «сожалѣя, чтобы слава и честь отечества и его трудъ тѣми именами нѣмецкими употреблены не были, ибо по онымъ нѣмцы могли себѣ неападлеюще въ размноженіи заводовъ честь привлекать, еще же въ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадутъ въ невинное преступленіе, а дѣла во упущеніе, яко полномочный, всѣ такія званія оставилъ, а велѣлъ писать русскими». О переименованіи горныхъ чиновъ на русскій языкъ онъ представилъ въ кабинетъ, представленіе его уже

было апробовано императрицею; но герцогъ курляндскій «такъ сіе за зло принялъ, что неоднократно говаривалъ, якобы Татищевъ главный злодѣй нѣмцевъ», — и уставъ, сочиненный подъ редакціею Татищева, остался безъ утвержденія ⁸⁶⁾.

Неостанавливаясь на исполненіи того пункта инструкціи, въ которомъ говорилось объ уставѣ, Татищевъ занялся и остальными. Заботясь о распространеніи предѣловъ горной промышленности, объ умноженіи горныхъ заводовъ и объ увеличеніи населенія ихъ, Татищевъ неразъ представлялъ въ кабинетъ министровъ о томъ, что «въ Сибири и тамошнихъ мѣстахъ, въ разныхъ городахъ, къ строенію заводовъ въ удобныхъ мѣстахъ обрѣтено здѣсь множество, и ежели заводы заводить, то можно хотя тридцать построити и утѣшенія отъ того не будетъ», но что и безъ того числа рабочихъ рукъ даже на существующихъ заводахъ очень недостаточно, что слѣдовательно надо вызывать для устройства новыхъ заводовъ охотниковъ особливими указами. Чтобы устранить великій недостатокъ въ людяхъ, Татищевъ совѣтовалъ не пренебрегать поротыми ноздрями, какъ это дѣлалъ де-Геннинъ, и просилъ всѣхъ опредѣляемыхъ въ ссылку посылать отовсюду, изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, изъ губерній и провинцій, въ которыхъ будутъ колодники, на сибирскіе казенные заводы въ работу; просилъ также возвратить прежній чинъ ссыльному бывшему поручику Ближевскому, который былъ, по его словамъ, человекъ къ правленію заводовъ способный и состоянія добраго. Сенатъ, по сообщенію кабинетъ-министровъ, удовлетворилъ эти требованія Татищева ⁸⁷⁾.

На частные заводы, которыхъ считалось тогда двадцать шесть, Татищевъ, согласно инструкціи, послалъ двѣнадцать шихтмейстеровъ, давъ имъ наказъ въ одиннадцати статьяхъ. Но богатые промышленники, дворяне Демидовы и бароны

Строгановы «смотрѣли не очень дружелюбно на распоряженія Татищева, касавшіяся ихъ заводовъ. Они считали такія распоряженія произвольными и били на нихъ челомъ въ Петербургѣ. Кабинетъ-министры рѣшили: такъ какъ опредѣленные въ шихтмейстеры сами ариѳметики не знаютъ и къ содержанію бухгалтерскихъ книгъ необыкновенны; то ихъ отставить, ограничившись подтвержденіемъ частнымъ заводчикамъ, чтобы они счетныя книги содержали порядочно и правильно. Счетныя книги важны были для опредѣленія десятиннаго сбора; для составленія ихъ необходимы были люди, знакомые съ бухгалтерскимъ дѣломъ: соглашаясь на просьбы Демидовыхъ и Строгановыхъ удалить съ ихъ заводовъ казенныхъ шихтмейстеровъ, кабинетъ рекомендовалъ имъ посылать своихъ людей для обученія въ екатеринбургскую школу. Но Татищевъ и самъ о томъ думалъ: онъ заставлялъ обывательскихъ дѣтей, съ заводовъ частныхъ промышленниковъ, учиться въ школахъ отъ 6 до 12 лѣтъ. Заводчики говорили, что дѣти такого возраста уже отправляютъ у нихъ многія работы при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ, обучаются мастерству и послѣ отцовъ заводское мастерство на себя перенимаютъ; кабинетъ отвѣчалъ приказаніемъ не принуждать къ ученью неволею, учить письму и чтенію на партикулярныхъ заводахъ, а въ казенную школу брать только желающихъ знакомиться и съ прочими науками. Всѣ эти распоряженія не устранили однакоже возможности другихъ столкновеній между Татищевымъ и частными промышленниками: инструкція дала ему право широкаго вѣдѣтельства въ ихъ дѣла и Татищевъ не пренебрегалъ этимъ правомъ. Такъ однажды онъ взялъ съ заводовъ Демидова на казенные двухъ иностранцевъ, плавильныхъ и рудоискательныхъ штейгеровъ, которыхъ тотъ сыскалъ и нанялъ для себя въ Петербургѣ; кабинетъ велѣлъ возвратитъ ихъ Демидову. Потомъ

Татищевъ отобралъ у Демидова въ казну колывано-воскресенскіе рудники, на которые въ предшествовавшія царствованія Демидову даны были привилегіи изъ сената и бергъ-коллегіи. Мысль объ отобраніи ихъ въ казенное вѣдомство явилась въ первые же годы правленія Анны Іоанновны, когда дважды ѣздили для ревизіи на Алтай, сперва бергъ-совѣтникъ Райзеръ и артиллеріи капитанъ Ферморъ, потомъ лейбъ-гвардіи капитанъ Кожуховъ съ екатеринбургскимъ окскаломъ Капустиннымъ. Преміеръ-маіоръ Угрюмовъ, посланный Татищевымъ съ командою, взялъ въ казну эти рудники и открылъ въ нихъ первые признаки серебра; но въ началѣ 1737 года Демидовъ выхлопоталъ себѣ именной указъ, по которому ему возвратили построенный имъ заводъ; и уже только при Елизаветѣ Петровнѣ, когда слухи объ алтайскомъ серебрѣ и золотѣ дошли до Петербурга, Демидовъ долженъ былъ снова разстаться съ своими рудниками. Татищевъ не хотѣлъ даже оставить въ покоѣ отношенія заводчиковъ къ ихъ мастерамъ, не хотѣлъ выдать послѣднихъ на всю волю первыхъ и усердно слѣдилъ за бытомъ приписныхъ къ заводамъ; ему не нравился обычай промышленниковъ не платить жалованья больнымъ рабочимъ и за прогульные дни; кабинетъ по жалобѣ Демидова, опредѣлилъ: «когда отъ мастеровыхъ людей о томъ жалобы не происходятъ, то во оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волѣ, съ оными мастеровыми людьми поступать, какъ они сами съ ними согласятся». Не смотря на то, взаимныя столкновенія и неудовольствія не прекращались, и въ началѣ 1736 года бароны Строгановы и дворянинъ Акинфій Демидовъ подали въ одно время новую жалобу на Татищева въ разныхъ нападкахъ на нихъ. Нападки эти, по словамъ челобитчиковъ, состояли въ томъ, что Татищевъ грозитъ прикащикамъ Строгановыхъ кнутемъ и приметывается розысками за то, будто они за-

прещаютъ крестьянамъ зырянской и лезвинской волостей приискывать руду; велить прокладывать дороги, и сквозь лѣса просякать, и по дорогамъ черезъ рѣчки мосты мостить, и чрезъ оныя перевозки содержать, въ чемъ до сего времени никакой нужды не бывало, ибо лѣтомъ водою, а зимою льдомъ свободный проѣздъ имѣется; у Демидова забираетъ много припасовъ и матеріаловъ къ строенію казенныхъ заводовъ, требуетъ анбаровъ для складки казеннаго желѣза, и въ то же время запрещаетъ ему рыть въ точильной горѣ жерновый камень. Императрица приказала, вслѣдствіе такихъ нападокъ отъ Татищева, впредь прикащиковъ и крестьянъ Демидова и Строгановыхъ не вѣдать ему, а вѣдать ихъ по горнымъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегіи, а по солянымъ въ соляной конторѣ⁶⁶). Лишь однажды Татищевъ не поссорился съ частными промышленниками, именно когда вопросъ зашелъ о раскольникахъ, сбѣжавшихся изъ разныхъ мѣстъ въ горнозаводскій край и болѣе всего селившихся въ земляхъ Демидова. Приливъ ихъ особенно усилился съ 1727 года, до котораго, по словамъ донесенія сибирской губернской канцеляріи въ раскольничью контору, при заводахъ раскольниковъ не было. Но Татищевъ насчиталъ ихъ въ 1735 году уже 1250 душъ мужескаго пола и 611 женскаго, съ которыхъ и положилъ взыскать по указамъ раскольничій платежъ въ 2540 рублей. Когда пришло отъ него представленіе о томъ въ кабинетъ, то послѣдній опредѣлялъ: раскольниковъ, живущихъ въ селахъ черноисточинскаго Демидова завода, мопаховъ и монахинъ развести подъ караулъ по разнымъ монастырямъ внутрь Сибири, въ каждый монастырь человекъ по два или по три, и содержать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ особливыхъ кельяхъ, въ ширскомъ, а не въ монашескомъ платьѣ, и увѣщевать, и которые обратятся постригать вновь, а далѣе церкви за монастыри ихъ

не выпускать, а необратившихся употреблять въ работу въ тѣхъ монастыряхъ; бѣльцовъ же со всякими ихъ пожитками, а именно: посадскихъ, дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ крестьянъ, вывести изъ лѣсовъ и поселить при заводахъ для заводскихъ работъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они сообщенія съ правовѣрными и свою ересь распространять случая не имѣлибъ». Жившихъ на заводахъ до указа велѣно было также оставить при горныхъ работахъ. Въ октябрѣ слѣдующаго года Татищевъ опять донесъ, что число раскольниковъ еще болѣе увеличилось, особенно на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ, гдѣ едва ли не всѣ прикащики, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники; что на казенныхъ фабрикахъ—жестяной, проволочной, укладной, стальной, также всѣ торгующіе харчами и прочими потребностями были олончане, туляне и керженцы; что у Демидова въ лѣсу есть пустыня, гдѣ скрывается корень суетвѣрія. Но сносясь объ искорененіи раскола съ кабинетомъ и сибирскимъ архіереемъ, Татищевъ понималъ, какой подрывъ горному промыслу могло сдѣлать чрезчуръ усердное преслѣдованіе и неумѣстная высылка раскольниковъ; а потому, оставляя ихъ жить на Уралѣ, онъ просилъ только искуснаго священника, который бы могъ «ученіемъ отъ суетвѣрія отворотить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію вкореняться не допускать». Но тѣхъ раскольниковъ, которыхъ велѣно было держать въ тюремныхъ острогахъ екатеринбургскаго вѣдомства подъ крѣпкимъ карауломъ, выводя ихъ оттуда на самыя тяжкія работы, пока не обратятся, Татищевъ разослалъ по монастырямъ тобольской епархіи, безъ согласія даже архіерея; сосланные разбѣжались изъ монастырей, и въ 1737 году пріѣзжалъ изъ Москвы въ Тобольскъ для слѣдствія ст. сов. Гри-

горій Батуричь ⁸⁹). Неизвѣстно, что заставило Татищева рѣшиться на такой поступокъ, хотя его точно также нетрудно понять, какъ и защиту мастеровыхъ въ ихъ расчетахъ съ заводчиками, или напоминаніе въ горномъ уставѣ земскому судѣ о неупотребленіи во зло пытки и казни.

Что касается бѣглыхъ вообще, то инструкція, данная Татищеву, приказывала крестьянъ, о которыхъ будутъ бить челомъ помѣщики, отдавать по освидѣтельствованіи ихъ крѣпостей; на основаніи такого приказа, Татищевъ отдавалъ всѣхъ, которые пришли на заводы послѣ подушной переписи. Гораздо труднѣе было удовлетворить требованія помѣщиковъ относительно крестьянъ, явившихся на Уралъ и приписавшихся къ заводамъ еще до переписи: отдать ихъ прежнимъ владѣльцамъ или тѣмъ, кто билъ чиломъ объ отдачѣ, значило лишить заводы значительной части населенія; къ тому же давнее позволеніе Петра удерживать бѣглыхъ при заводахъ освящало ихъ принадлежность горному вѣдомству, не смотря на позднѣйшія отмѣны петровскаго указа. Татищевъ не зналъ сперва, какъ поступать въ этихъ случаяхъ; но челобитчики сами пошли на сдѣлку: они стали брать съ бѣжавшихъ своихъ крестьянъ по 50 рублей за дворъ; а которые сами заплатить той суммы не могли, тѣхъ они продавали заводчикамъ за малую цѣну. На казенные же заводы велѣно было указомъ 1722 года покупать за 50 рублей только тѣхъ, которые какому-нибудь ремеслу обучались, а что надо было платить за крестьянъ и простыхъ работниковъ, о томъ не упоминалось. На запросъ Татищева, кабинетъ просилъ подробной вѣдомости о числѣ такихъ приписныхъ людей съ обозначеніемъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; Татищевъ, не вдаваясь въ дальнѣйшую переписку, отвѣчалъ просто, что пришедшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всѣхъ выслалъ, а сколько именно не упомянуть; при заводахъ же осталось са-

мое малое число, да и то все дворцовые и монастырскіе крестьяне и раскольники. Кабинетъ повторилъ и на это свой запросъ о присылкѣ вѣдомости; но Татищевъ не отвѣчалъ, быть можетъ надѣясь на утвержденіе императрицей горнаго устава, гдѣ вопросъ о бѣглыхъ былъ разсмотрѣнъ подробно. Гораздо успѣшнѣе рѣшенъ былъ имъ вопросъ о дачѣ шляхетству, находившемуся въ горной службѣ, вотчинъ изъ дворцовыхъ деревень, приписанныхъ къ заводамъ: для этой цѣли онъ указалъ на дворцовыя деревни осинскаго уѣзда. Кромѣ того онъ заботился о проведеніи дорогъ, о снятіи топографическихъ картъ, объ устройствѣ городовъ, селеній и форпостовъ: для всѣхъ этихъ работъ онъ требовалъ чрезъ кабинетъ архитектора изъ академіи наукъ, десять человѣкъ, знающихъ ариметику и геометрію, изъ адмиралтейской школы и семь кадетъ для шихтмейстерской должности. Онъ поднялъ старый вопросъ о почтѣ между Сибирью и Казанью: писалъ въ обѣ губернскія канцеляріи, чтобъ учредили еженедѣльную почту, и вмѣстѣ съ сибирскимъ губернаторомъ представлялъ о томъ въ началѣ 1735 года: «а нынѣ, говорилось въ представленіи, постоянно курьеры посылаются, и денегъ исходитъ вдвое, нежели на почтѣ, къ тому жъ и крестьяне весьма скучаютъ, что курьеры лошадей портятъ, и для того отъ дорогъ бѣгутъ». Кромѣ того Татищевъ долженъ былъ наблюдать за чеканкою монеты на екатеринбургскомъ дворѣ и за отправкою ея въ столицы. Какъ любопытное свидѣтельство о томъ состояніи, въ какомъ нашелъ Татищевъ въ восточномъ краѣ тогдашнюю ходячую монету, можно привести отрывокъ изъ его донесенія кабинетъ-министрамъ, гдѣ онъ говоритъ о жалобахъ казанскихъ купцовъ, что у нихъ «въ мелкихъ деньгахъ великая скудость, а мѣдные пятикопѣечники поставляютъ за тягость; ибо у нихъ для покупки звѣрей и прочаго посы-

лаются по нѣскольку сотъ верстъ верхами, а татары и рублевиковъ бѣгають, а спрашиваютъ все серебряныхъ мелкихъ». Кромѣ того Татищевъ, подобно де-Геннину, доносилъ при случаѣ «о многихъ происходящихъ въ сибирской губерніи не порядкахъ», о притѣсненіяхъ мѣстными властями торговаго сословія: кабинетъ передавалъ эти жалобы сенату съ приказаніемъ изслѣдовать ихъ *^о). Былъ ли рѣшенъ Татищевымъ вопросъ о вольнонаемномъ и обязательномъ трудѣ на казенныхъ заводахъ, на который ему указано было въ инструкціи, неизвѣстно.

При всей кратковременности своей, пребываніе Татищева на Уралѣ принесло несомнѣнную пользу горному промыслу. Дѣятельность его, нѣсколько стѣсняемая съ административной стороны, пользовалась большею свободой относительно открытія рудниковъ, устройства заводовъ, распоряженія техническими работами; тутъ Татищевъ былъ неутомимъ. Екатеринбургъ средоточіе всего управленія, отъ котораго зависѣли начальства даурское, томское и кузнецкое, верховтурское, пермское, кунгурское и другія, сталъ большимъ городомъ съ особымъ посадомъ для купечества, имѣвшаго свою ратушу, выборныхъ бурмистровъ и совѣтныхъ мужей. По уставу Татищева, при окончаніи года, каждый совѣтникъ ратуши долженъ былъ вмѣсто себя представить двухъ или одного изъ тутошнихъ посадскихъ, между которыми дѣлалъ выборъ уже главный начальникъ всѣхъ заводовъ. Школа, устроенная еще де-Генниномъ, гдѣ учили чтенію и письму русскому, ариметикѣ и геометріи, закону Божію и гражданскому, языкамъ нѣмецкому и латинскому, перестала быть единственною; подобныя же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, Татищевъ старался открыть и при всѣхъ казенныхъ заводахъ: бѣднымъ ученикамъ давалось достаточное пропитаніе; обучившимся оказывалось преимущество предъ осталь-

ными, дабы на то взирая другіе охотнѣе о наукахъ прилежали. Развѣдки новыхъ рудниковъ шли все дальше отъ Екатеринбурга; производились измѣреніе и описи земель и лѣсовъ по Турѣ, Селенгѣ и другимъ рѣкамъ, въ уфимской провинціи; вновь строились форпосты по границамъ съ степными безпокойными народами; въ селеніяхъ воздвигались церкви. Число заводовъ увеличилось; нѣкоторые изъ нихъ строились въ 600 и болѣе верстахъ отъ Екатеринбурга,—и Татищевъ прѣзжалъ каждый разъ самъ для осмотра мѣста, назначеннаго подъ новый заводъ. По его штату, въ 1737 году считалось всѣхъ заводовъ болѣе сорока; да предположено было еще устроить 36, изъ которыхъ 15 открыты въ царствованіе Елизаветы Петровны, а остальные только при Екатеринѣ II. Штатъ подробно опредѣлялъ, сколько на каждый заводъ должно быть доставляемо ежегодно руды изъ близлежащихъ рудниковъ, сколько добыто изъ нея чистаго металла, сколько израсходовано лѣсу, угля и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для горнаго дѣла. Для новыхъ заводовъ понадобилось увеличить число пристаней по Чусовой и ея притокамъ, гдѣ строились однолѣтнія и двухлѣтнія коломенки, на которыхъ возили желѣзо и чугуны въ разные города и заводы. Но полезная дѣятельность Татищева была внезапно прервана рукою всесильнаго тогда Бирона. Татищевъ попробовалъ однажды, посредствомъ новой отправки за границу уральскихъ мастеровыхъ, усилить техническую сторону горнаго дѣла на лвѣренныхъ ему заводахъ и назначилъ для этой цѣли гинтмейстера Улиха съ нѣсколькими учениками; но получилъ отказъ изъ кабинета: посланные были возвращены на Уралъ; ибо, говорилось въ указѣ, «принадлежащіе къ заводамъ мастера изъ Саксоніи особые выписаны будутъ, при которыхъ и оныя ученики обучаться могутъ». На самомъ же дѣлѣ, причина отказа была иная.

Биронъ въ это время вызывалъ изъ Саксоніи оберъ-бергъ-гауптмана барона Шемберга для горнаго управленія въ Россіи: Шембергъ съ набранными имъ мастерами отправился изъ Саксоніи 1 марта 1736 года; а 4 сентября обнародованъ былъ указъ объ учрежденіи генераль-бергъ-директоріума съ правами прежней бергъ-коллегіи, но съ характеромъ бюрократическимъ и непосредственною зависимостію отъ повелѣній императрицы. Подъ громкою фирмою новаго учрежденія и подъ именемъ вызваннаго имъ изъ Саксоніи барона, курляндскій герцогъ думалъ стать въ такія же отношенія къ горнымъ промысламъ, въ какихъ потомъ при Елизаветѣ Петровнѣ стояли графы Шуваловы къ откупной монополіи и рыбнымъ промысламъ Бѣлаго моря. Татищеву вѣрно было находиться подъ вѣдомствомъ Шемберга; его горнозаводскій уставъ не получилъ утвержденія: а 30 октября генераль-бергъ-директоръ разослалъ по всеѣмъ губерніямъ, провинціямъ и воеводствамъ 17 пунктовъ «о присылкѣ изъ всеѣхъ мѣстъ описанія имѣющимся въ оныхъ горахъ и залегающимъ къ рудокопному строенію знакамъ и способностямъ». Изъ этихъ вопросовъ, назначенныхъ «къ приращенію горныхъ и рудокопныхъ заводовъ», можно видѣть, какъ свысока смотрѣлъ ученый баронъ на тогдашнее состояніе горнаго промысла въ Россіи: онъ и не подозрѣвалъ того, сколько уже затрачено было капиталовъ на это дѣло, начиная съ царствованія Петра Великаго, сколько рукъ трудилось надъ добываніемъ металла на одномъ Уралѣ, сколько знающихъ людей управляло этими работами. Вопросы Шемберга предполагали младенческое состояніе горнаго искусства у насъ: повидимому, ему неизвѣстно было, что на одномъ только екатеринбургскомъ казенномъ заводѣ съ 1724 въ 1737 годъ добыто было 1,906,900 пудъ $5\frac{3}{4}$ ф. чугуна, 2,210,422 пуда 5 ф. желѣза полосоваго, 62,549 пудъ $36\frac{3}{4}$

ф. колотаго, 235,565 пудъ $17\frac{3}{4}$ ф. плющильнаго, 32,855 п.
 $5\frac{1}{4}$ ф. дощатаго, 70,267 п. $38\frac{1}{2}$ ф. укладу, 29,318 п.
 12 ф. стали; что въ нерчинскихъ горахъ добыто было съ
 1705 года не менѣе 160 пудъ серебра; казалось онъ ни-
 чего не зналъ о тѣхъ новыхъ заводахъ, которые предпола-
 галъ устроить Татищевъ, по присланному имъ въ кабинетъ
 штату. Притомъ въ пунктахъ Шемберга говорилось болѣе
 объ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, удоляхъ, равнинахъ, па-
 рахъ, туманахъ, колодезяхъ, ключахъ, росѣ, инеѣ, снѣгѣ,
 восхожденіи и захожденіи солнца, джгихъ звѣрхъ и тому
 подобныхъ статистическихъ данныхъ для изученія разныхъ
 мѣстностей Россіи, нежели о рудникахъ. На этихъ вопро-
 сахъ и остановилась правительственная дѣятельность Шем-
 берга; вскорѣ онъ принялся за болѣе выгодную сторону,
 взявъ на себя въ компанію олонецкіе заводы и лапландскіе
 рудники, за которые потомъ жестоко заплатился въ первый
 же годъ царствованія Елизаветы Петровны. Кромѣ того,
 вслѣдствіе безпрестанныхъ представленій и меморіаловъ
 генераль-бергъ-директора, по ходатайству Бирона, опять
 учреждена была комиссія для разрѣшенія вопроса: какъ вы-
 годнѣе содержать горные заводы, казною или частными людь-
 ми? Членами этой комиссіи назначены были: баронъ Шаф-
 ровъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, графы Голов-
 нишъ и Мусинъ-Пушкинъ. Комиссія рѣшила, что полезнѣе
 казенные, какъ старые, такъ и новые заводы отдать охо-
 чимъ людямъ въ компаніи; кабинетъ-министры и Шембергъ
 исключили изъ этого опредѣленія сибирскіе желѣзные и
 лапландскіе мѣдные заводы. 3 марта 1739 года изданъ былъ
 бергъ-регламентъ, въ которомъ объявлялось, что «казенные
 заводы, для многихъ околичностей и излишнихъ изживеній,
 не столь прибыточны и государству полезны, какъ оныя,
 которые на изживеніи партикулярныхъ людей содержатся;

ибо партикулярные люди, имѣя заводы и фабрики въ своемъ собственномъ владѣнiи, для лучшей своей пользы старанiе прилагаютъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ тѣ заводы и фабрики распространять, и на заводахъ заводятъ разныя фабрики и дѣлаютъ всякія вещи ко употребленію домашнему, отъ чего тѣ фабрики въ государствѣ размножаются и въ лучшее состояніе приходятъ». Но не эта справедливая мысль имѣлась въ виду курляндскимъ герцогомъ, а собственныя выгоды; не она была причиною удаленiя Татищева отъ управленiя горными заводами въ Сибири. Татищеву трудно было ужиться съ планами Бирона и распоряженiями Шейберга, и еще въ маѣ 1737 года его перевели въ чинѣ глaвнaго совѣтника изъ Екатеринбургa въ оренбургскую экспедицію для устройства башкирскаго края, оставивъ за нимъ право присмотра и за горными заводами, которое, разбитое, прекратилось само собою съ изданiемъ бергъ-регламента, никогда впрочемъ неприводившагося въ дѣйствіе, по поводу скорой смерти Анны Иоанновны *1).

Башкирскій край, куда теперь направлена была дѣятельность Татищева, находился въ полномъ возмущенiи, которое не было первымъ съ тѣхъ поръ, какъ появились тамъ русскіе. Еще тогда, какъ пала Казань предъ многочисленными ратью Іоанна Грознаго и искусствомъ нѣмецкаго разшлага, русскіе пришли въ соприкосновеніе съ башкирцами, занявшими все лѣсное и степное пространство по Камѣ, Ылой и по обѣ стороны верховьевъ Яика. Паденіе Казани сперва усилило башкирцевъ; къ нимъ ушли татары, чуваш и черемиса, нехотѣвшіе остаться въ завоеванныхъ грознымъ земляхъ. Но потомъ, терпя съ одной стороны напaдa отъ сибирскихъ татаръ и киргизъ, съ другой притѣсненiя отъ казанскихъ мурзъ, они стали платить ясакъ Москвѣ и еще въ 1554 году построенъ былъ въ ихъ землѣ

городъ Бирскъ, въ 1557 Оса, а въ 1586 Уса. Съ тѣхъ по-
 явилось дѣленіе башкирцовъ по дорогамъ: жившіе къ Си-
 бири названы были сибирскою дорогою, къ Казани — казан-
 скою, къ пригороду Осъ — Осинскою, къ степнымъ на-
 дамъ — ногайскою; въ каждой дорогѣ жило въ особыхъ ве-
 лостяхъ по нѣскольку большихъ родовъ, которые дѣлились
 на меньшіе, называвшіеся аймаками. Башкирцы, оказавшіе
 кія-нибудь услуги русскимъ, получали жалованныя грамоты
 и названіе тархановъ. Ясакъ платился въ новопостроенныхъ
 городахъ и былъ почти единственною точкою соприкосно-
 венія между инородцами и русскими. Торговля связи
 могли быть обширны; но доставка соли съ варницъ Стро-
 новыхъ, безъ которой, до открытія илецкой, башкирцы
 могли прожить, давало русскимъ сильное средство держатъ
 все окрестное населеніе въ своихъ рукахъ. Не смотря на
 то, враждебныя столкновенія между обоими племенами бы-
 ли; причина ихъ заключаась не столько въ самой колониза-
 ціи края русскими, — колонизація была незначительна въ
 XVII вѣнѣ, да и земель пустыхъ было множество, — сколько
 въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя приносила съ собою
 всюду администрація московскаго царства. Насилія и раз-
 личныя дурости, которыя позволяли себѣ воеводы и ихъ
 товарищи, пріѣзжавшіе изъ Москвы, доводили иногда эти
 столкновенія до размѣровъ сильныхъ возстаній. Правитель
 царь Михаилъ Федоровичъ говорилъ въ своей грамотѣ вое-
 хотурскому воеводѣ Данилу Милославскому, чтобъ служеб-
 ные люди, посылаемые для сбора ясаку, башкирцамъ не
 сильства и налоговъ не чинили, лишняго сверхъ оклада не
 брали и не ѣздили бы къ нимъ для своей бездѣльной коры-
 сти; а пермичамъ запрещалъ притѣснять уфимскихъ баш-
 кирь. Но въ то же время само правительство не хотѣло
 остановиться на сборѣ одного ясака и ввело еще подымный

лины и выводныя со свадебъ. Въ 1645 году построены въ Башкиріи четвертый городъ Мензелинскъ. Стороны линіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ послужили прѣромъ для устройства закамской черты. Ближайшіе къ именнымъ мѣстамъ башкирцы, тарханы и ясачники, и положенную на нихъ тягость; но, заселявшіе внутренность края, кочевавшіе по Яику и степямъ, сосѣди сихъ инородцевъ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ, за нихъ въ XVII столѣтіи волжское низовье, очень часто платили податей. Изъ ихъ среды поднимались волненія инымъ характеромъ, нежели у платившихъ ясакъ: для побужденіемъ къ возстанію всегда служили разбойныя привычки кочевой жизни и племенное различіе съ ними. Особенно страшны были для сосѣднихъ воевъ тѣ возмущенія, въ которыхъ соединялись непокорныя башкирцы съ киргизами и калмыками и привлекали всю сторону ясачныхъ башкиръ: сила начинавшейся борьбы зависѣла отъ того, что въ ней соединялись сильные страсти, жажда грабежа, желаніе сбросить съ себя бремя податей и месть правителямъ за ихъ насилія. Это возмущеніе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бывшее въ 1662 году, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ иду, затихавшее на время и потомъ снова усиливаясь. Это возстаніе названо было Сеитовскимъ бунтомъ, имени предводителя Башкиръ, старшины Сеита. Царскія указы, переписка мѣстныхъ воеводъ о взаимныхъ предложеніяхъ противу Башкирцевъ, соединявшихся то съ калмыками, то съ киргизами, довольно часто повторяются, начиная съ 1662 года и оканчивая 1685 г. Башкирцы поднялись впрочемъ не всюю массою, большею частію казанскаго дорога дѣйствовала вмѣстѣ съ и огайскою, сибирская съ сивскою. Иногда возмущившіеся доходили до Верхо-

турья, Тюмена, Кунгура, Невьянскаго острога, переходя закамскую черту и грабили казанскій уѣздъ, жгли селеніи, уничтожали пашни, убивали жителей, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, продавая ихъ черезъ киргизовъ въ Хиу и Бухару, черезъ калмыковъ въ Крымъ. Начиная возмущеніе, они покидали и собственныя юрты, иногда истребляя свой домовый заводъ, рѣзали косы, хомуты, сумы, портили всякіе запасы. Напрасно уфимскіе воеводы прельщались милостію царскою, рисовали предъ дикими степняками идеальную картину осѣдлой жизни, говоря: «великій государь нашъ, пресвѣтлый и превысокій царь, грозный и страшный и милостивый, милостивъ и долготерпѣливъ, кто виноватъ съ виною приходитъ къ нему чистою душею, прямо, не маномъ, жалуетъ, вины милостію награждаетъ, не желаетъ кровей пролітія, миротворецъ, милосердъ, щедръ, аки чадолюбивый отецъ милосердуетъ и хранитъ, пожалуетъ величавыя вины ихъ отдать, велитъ однолично бы никакого опасенія никто башкирцы ни о чемъ не держали, были безопасны пріѣзжали бы на Уфу и въ старыя свои волости и деревни въ дома, съ женами и съ дѣтьми, и со всѣмъ юртовымъ житьемъ безъ остатку». Бунтъ Стеньки Разина, господство калмыцкаго тайдши Аюки въ низовьяхъ Волги, взятіе Тукамаи Чигирина, крымскіе походы кн. В. В. Голицына и держивали въ нихъ желаніе высвободиться изъ-подъ власти русскихъ. Въ 1678 году они прямо поговаривали: «городъ Чигиринъ турскіе и крымскіе люди взяли и государей людей побили; а наша вѣра одна, турскіе и крымскіе станутъ тамъ биться, а мы-де башкирцы и татары станемъ въ Сибири биться и воевать». Недостатокъ военной силы отнималъ у мѣстныхъ правителей всякую возможность усмирить волновавшійся край; надо было позаботиться средствами подчинить Башкирію русскому вліянію вполноту того требовало спокойствіе сосѣднихъ провинцій *2).

Петру Великому первому суждено было подумать объ
 томъ; привели его къ тому новыя волненія. Второе силь-
 ное возмущеніе башкирцевъ, ничѣмъ неуступавшее сеитов-
 скому, извѣстное подъ именемъ алдаровскаго и кузюков-
 скаго, разразилось надъ казанскимъ и самарскимъ краемъ,
 въ концѣ 1704 года. Его вызвали злоупотребленія и наси-
 я уймскихъ правителей. Сперва паложили на башкир-
 цевъ лишнія даны Михаилъ Дуловъ и Андрей Жихаревъ;
 призавъ въ Уфу и созвавъ выборныхъ, они прочли имъ
 въ имени князя Меншикова 72 статьи прибылыхъ податей.
 Новый воевода Александръ Саввичъ Сергѣевъ еще при
 Дуловѣ въ уймскую провинцію, собирая съ башкирцевъ
 лошади подводы, далъ знать о характерѣ будущаго управ-
 ленія своего. Явившись въ самый городъ, онъ, по обычаю
 путешественниковъ, объявилъ призывъ выборнымъ стар-
 шимъ, батырямъ и тарханамъ башкирскимъ; но не по-
 чинивъ устроить для нихъ грозную встрѣчу. Путь къ вое-
 водскому дому уставленъ былъ пушками, какія нашлись
 въ городѣ, и строемъ вооруженныхъ солдатъ: «и всѣхъ
 башкирскихъ людей промежъ такихъ храбростей провели».
 По такому такому приѣмомъ, башкирскіе старшины удари-
 лись въ грозному воеводѣ и подвели ему 22 лошади, цѣ-
 ной въ 409 рублей. Сергѣевъ этимъ не удовольствовался.
 Назвавъ себя ревностнымъ приверженцемъ системы корм-
 ленія, новый воевода выступилъ съ небольшимъ отрядомъ
 для осмотра вѣренной ему провинціи. Башкирцы, другіе
 татары и сельчане, слышавъ о путешествіи своего отца
 Александра, бросали жилища по мѣрѣ приближенія къ нимъ
 Сергѣева, и виѣсть съ женами и дѣтьми уходили въ лѣса и
 горы: много людей оттого померло, а пожитки ихъ утрати-
 ли. Воевода вернулся въ Уфу и снова потребовалъ къ
 себѣ выборныхъ: тѣ являлись неохотно, да и то немногіе.

Тогда разсвирѣпѣвшій Сергѣевъ велѣлъ собирать весь народъ съ базаровъ, съ улицъ, съ постоянныхъ дворовъ; и сталося и посадскимъ. Заперѣвъ собранныхъ въ кругъ огородъ, онъ разставилъ кругомъ караулъ, выкатилъ воеводскихъ погребовъ не одну бочку вина и меду и, пожа въ него зелья, неволею всѣхъ поилъ, кто и вѣкъ съ меду и вина не пивали; а ежели-де кто не станетъ пить, бивъ палками, поилъ насильно и они напившіся жали безъ памяти; и лежащихъ людей порохоми палили, а лому подъ ними огнемъ зажигалъ, на руки свѣчи прижигалъ, инымъ въ горсти насыпавъ пороху огнемъ палили; потомъ въ тотъ же огородъ велѣлъ ввезти десять пушекъ стрѣлялъ изъ нихъ до вечера, страшалъ тѣмъ, что вели всѣхъ вѣшать и рубить: такъ продержалъ ихъ съ утра зари до шестаго часа ночи. И какъ они пьяные лежали, то время расхаживая по огороду, онъ подходилъ ко всякимъ и, держа противъ солнца зеркало, рожи и головы имъ жегъ и который тронется, тѣхъ еще поилъ, чтобъ поморить. Тамъ рассказывали въ послѣдствіи башкирцы присланнымъ въ 1720 году слѣдователямъ. Но Сергѣевъ не хотѣлъ помирить башкирцевъ: вся сцена эта была устроена для того только, чтобъ взять съ нихъ сказки о выдачѣ его императорскому величеству 5,000 лошадей, да 1000 бѣглыхъ людей; они тѣ сказки давали по неволѣ.

Сергѣевъ распоряжался такъ въ Уфѣ; а подполковникъ Хохловъ, братья Левъ и Сидоръ Аристовы неистовствовали въ ногайской дорогѣ. Отвѣтомъ на всѣ эти насилія былъ алдаровское возмущеніе, сопровождавшееся страшными гиребежами и разбоемъ. Вся Башкиръ встала поголовно, къ ней присоединилась часть каракалпаковъ и киргизовъ, часть татаръ, мещеряковъ и другихъ ясачныхъ иновѣрцевъ. Горы Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ, не разъ были въ осадѣ отъ всѣхъ

лтившихся; башкирцы пошли даже и на Казань, гдѣ сосредоточивалось тогда главное управленіе всемъ краемъ; но были отбиты, не доходя 30 верстъ, казанскими татарами, которыхъ выслалъ губернаторъ Кудрявцевъ, забравъ предпрително въ аманаты ихъ женъ и дѣтей. Всѣ селенія по Бѣлѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены; церкви, дома помещиковъ, хлѣбъ сожигали, крестьянъ убивали или отводили въ плѣнъ; а мстя Аристовымъ, гробъ отца ихъ изъ земли вырыли и надъ мертвымъ ругались. Кого не стоило брать въ плѣнъ, т. е. стариковъ и дѣтей, тѣхъ сажали на колья при деревняхъ по изгородамъ; а иныхъ давили въ заборахъ, такъ что «разберутъ звѣно забора, оставя одно или два бревна исподнія, и повладутъ тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ же заборомъ паки сверху ихъ заберутъ, и такъ всѣхъ подавятъ». Для усмиренія бунта посланъ былъ князь Хованскій съ восьмью полками, изъ которыхъ полкъ Ухлова былъ разбитъ башкирцами, а полкъ одного изъ Аристовыхъ терпѣлъ безпрестанныя нападенія. Подъ Елабугой, Бирскомъ, Соловарнымъ городкомъ, деревней Толочисами происходили настоящія сраженія. Не смотря на то, что въ 1708 году Петръ, будучи занятъ войною съ Карломъ III и не имѣя возможности отрядить достаточныя силы на башкирцевъ, объявилъ имъ всеобщее прощеніе; не смотря на то, что сами возставшіе были разорены и обнищали вслѣдствіе долгой борьбы, волненіе не прекращалось и истинныя востанія длились до самаго 1720 года, когда отправленъ былъ въ Уфу полковникъ графъ Головкинъ съ подполковникомъ Анненковымъ для разбора жалобъ, поданныхъ башкирцами Петру черезъ татарина Бикбову Чимкина. Не усильное требованіе выдачи плѣнныхъ и бѣглыхъ, которыхъ башкирцы старались удержать у себя, подняло въ 1724 году новое возстаніе. Отъ башкирцевъ отправлены

были уже нарочные въ калмыцкіе, кубанскіе и крымскіе улусы съ приглашеніемъ возстать противъ русскихъ; и ихъ удалось перехватить на Волгѣ, а Симбирскъ успѣвши укрѣпить гарнизономъ и военными снарядами. Петръ, будчи уже давно занятъ отношеніями къ Персіи и Востоку, сталъ думать о средствахъ, которыми бы можно было удерживать въ постоянномъ повиновеніи беспокойныхъ башкирцевъ *3).

Но только въ царствованіе Анны Іоанновны представился удобный случай привести въ исполненіе мысль Петра Тому помогли: съ одной стороны большее расширеніе горнаго промысла въ среднемъ Уралѣ, съ другой болѣе близкія сношенія съ киргизъ-кайсаками. Еще де-Геннинъ, объясни Петру башкирскія волненія притѣсненіями отъ воеводъ представлялъ о необходимости форпостовъ при заводахъ. Татищевъ рѣшительно приступилъ къ постройкѣ укрѣпленій, составилъ гарнизонную роту въ Екатеринбургѣ изъ ркрутъ съ приписныхъ къ нему слободъ, обязалъ заводскихъ жителей, какого-бъ званія ни были, если только могутъ владѣть ружьемъ, обучаться по одному разу въ недѣлю солдатскому строю и по нѣскольку разъ въ годъ стрѣльбѣ. Таки ничтожны были средства горнаго правленія противъ башкирскихъ набѣговъ, къ которымъ присоединялись иногда и киргизскія. А между тѣмъ колоніи рудопромышленниковъ, хотя и малочисленные, все далѣе и далѣе подвигались въ глубь башкирскихъ земель сибирской дороги. Занятіе Сибири и безъ того уже ввело русскихъ въ сношенія съ цѣлымъ міромъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли выставить довольно сильное сопротивленіе русской колонизаціи. Къ числу такихъ народовъ принадлежали между прочими киргизы, занимавшіе земли на востокъ отъ башкирцевъ, по ту сторону Урала, и простиравшіеся ;

средней группы Алтайских горъ, до владѣній калмыковъ и джунгарскаго кунь-тайдши на Или, а на югъ спустившіеся ю береговъ Аральскаго моря, Хивы и Бухары. Они дѣлились на нѣсколько ордъ и, до раззоренія русскими татарскаго владычества въ Сибири, вели постоянныя войны съ сибирскими царями. Еще въ 1570 году говорилъ царь Кучумъ посланцу Ивана Грознаго «нынче у меня война съ казацкимъ царемъ и одолѣетъ меня царь казацкій и сядетъ на Сибири, ино и тотъ господарю дань учнетъ же давати». Однако предсказаніе Кучума сбылось не вдругъ. Киргизские князья дѣлали безпрестанныя набѣги въ продолженіи всего XVII вѣка на русскія поселенія въ Сибири и брали ясакъ съ тѣхъ инородцевъ, которые платили его русскимъ: кузнецкій, томской и красноярскій уѣзды были цѣлю такихъ набѣговъ. Долго отбивая эти нападенія, московское правительство рѣшилось въ концѣ столѣтія на наступательное движеніе въ кочевья самихъ киргизовъ. Въ 1683 году составлена была въ Томскѣ роспись, какими мѣстами и въ какое время удобнѣе идти войною на киргизъ, живущихъ по рѣкамъ Абакану, Уйбату и Упеѣ: изъ этого проекта видно, что киргизы были сильны обширностью своихъ земель, въ глубь которыхъ могли удаляться при первомъ извѣстіи о походѣ русскихъ, связями съ некрещенными инородцами кузнецкаго округа, которые могли увѣдомлять ихъ о всякомъ движеніи русскихъ, наконецъ малочисленностію служилыхъ людей въ сибирскихъ городахъ. Не смотря на то, по указу государей, воевода томской Иванъ Суворовъ ходилъ войною на улусы киргизскаго князя Еренячка Ишеева, поданные котораго били по дорогамъ служилыхъ людей, ходившихъ на караулы, для сбора ясака, били мирныхъ переселенцевъ въ деревняхъ, на поляхъ, на хмѣлевомъ промыслѣ и рыбныхъ ловляхъ, у женщинъ выпарывали груди,

дѣтей вѣшали на деревьяхъ. Киргизы, узнавъ о походѣ Суворова, выступили противъ него съ большою силою, учинили съ нимъ бой, убили въ его отрядѣ 68 человекъ, но и сами понесли пораженіе. Битва происходила при р. *Серди*, и извѣстіе оной говоритъ: «оные-де русскіе *разсердились* и мужественно напали на киргизцовъ и множество оныхъ побили и съ того времени киргизцы отъ землицы отбѣжали, приходятъ только крадучись». Но эти приходы повторялись ежегодно; оба берега Иртыша до самой Барабинской степи были открыты для нихъ. Только экспедиціи Бухгольца (1715—18 г.) и Лихарева (1720 г.) раздвинули далѣе русскія владѣнія постройкою семипалатинской и усть-каменогорской крѣпостей. Все это движеніе направлено было противъ киргизъ средней орды, которая была сильнѣе остальныхъ; ближе къ башкирскимъ землямъ кочевала слѣдовавшая за нею по силѣ меньшая орда: обѣ онѣ могли выставить въ случаѣ 130,000 человекъ на коняхъ; обѣ онѣ давно захватили немало земель и рѣкъ, которыя башкирцы когда-то называли своими. Большая орда, слабѣйшая изъ всѣхъ, имѣвшая не болѣе 20,000 дѣльныхъ всадниковъ, кочевала вдали отъ Россіи къ Ташкенту. Но что было хуже всего, — это разбойничьи набѣги ихъ отдѣльными партіями, иногда въ соединеніи съ башкирцами, на пограничныя яицкія, уфимскія, волжскія, казанскія и сибирскія мѣста: такъ въ 1717 году они въ десяти тысячахъ доходили до закамскаго города Новошешминска. Чтобы остановить эти набѣги, надо было и на Уралѣ протянуть такую же сторожевую линію, какая устроена была на Украинѣ противу крымскихъ татаръ, на Волгѣ противу калмыкъ и башкирцевъ: но тутъ природныя условія были иныя; голая, открытая на большомъ пространствѣ степь нуждалась въ форпостахъ и сторожевыхъ маякахъ, а не въ лѣсныхъ только засѣкахъ и засадахъ. Яицкіе

казаки прикрывали отъ киргизскихъ набѣговъ лишь южную часть степей; а пространство между Екате­ринбургомъ и Яицкимъ городкомъ оставалось обнаженнымъ: и вотъ при Петрѣ II, въ 1727 году, велѣно было поселить въ городкѣ, строившемся тогда на устьѣ р. Сакмары, до трехъ сотъ яицкихъ казаковъ. Это было первое звѣно въ той цѣпи крѣпостей, слободъ и станицъ, которыя должны были въ послѣдствіи отрѣзать Башкирію отъ Азіи, чрезъ что разомъ достигались двѣ цѣли: владычество надъ башкирцами и возможность отражать набѣги киргизъ-кайсаковъ. А между тѣмъ событія, совершавшіяся во внутренней Азіи, шли на помощь планамъ русскаго правительства. Не въ одной Персіи происходили тогда волненія, вызвавшія походы Петра на Кавказъ; началась также та долгая борьба джунгарскаго кунъ-тайдши Галданъ-Черена, которая дала ему возможность покорить своему вліянію всѣ сосѣдніе народы, отнять у киргизскихъ хановъ Туркестанъ, Ташкентъ и сильно стѣснить ихъ саихъ. Причины успѣховъ джунгарскаго кунъ-тайдши заключались въ различныхъ условіяхъ жизни джунгарцевъ и киргизовъ. Послѣдніе были раздѣлены на три орды, въ которыхъ не столько ханы имѣли власть, сколько ихъ старшина (князьки и родоначальники), зорко слѣдившая за каждымъ властолюбивымъ движеніемъ своего хана, не дававшая ему усилиться ни богатствомъ, ни людьми; не нарушая наследственности верховной власти въ ханской семьѣ, старшины выбирали между султанами (такъ назывались дѣти хановъ) наименѣе опасныхъ для ихъ собственнаго значенія въ народѣ. Кроме того между большою, среднею и малою ордою киргизовъ шли постоянныя распри, мѣшавшія имъ дѣйствовать въ согласіи противъ кунъ-тайдши: одинъ ханъ пойдетъ войной, а другой его оставляетъ, и такъ теряютъ свое владѣніе,—говорятъ русскія извѣстія того времени. А джун-

гарскій владѣлецъ Галданъ-Черенъ, не какъ киргизскіе ханы надъ подданными своими безвластные, имѣлъ онъ власть подобную самодержавной, войскъ своихъ могъ выставить до 80,000 человекъ съ огненнымъ ружьемъ и между всѣми тамошними народами былъ сильный. Эта сила дала ему возможность не только отнять у киргизовъ нѣсколько провинцій, распространить свое вліяніе до Аральскаго моря; но и заявлять свои властолюбивыя требованія на пограничныя сибирскія земли. Мало того: до русскаго правительства дошли слухи, что Галданъ-Черенъ изъ владѣнія хинскаго нѣкоторые города и мѣста побралъ, далай-ламу сбилъ, да и тѣмъ недоволенъ, претендуетъ самой Хины и имѣетъ великую войну съ хинцами, въ которой знатно счастливъ, что хинцы, будучи въ страхѣ, принуждены помощи себѣ отъ калмыкъ російскихъ искать, а подданный китайской мунгалской народъ великимъ числомъ для спасенія своего въ російскія границы бѣгутъ *4). Разрозненные киргизы не могли бороться съ джунгарцами; но между ихъ ханами нашелся одинъ, который рѣшился на крайнюю мѣру, задумалъ искать русскаго покровительства. Это былъ Абдуль-Хаиръ, ханъ меньшей орды, изъ всѣхъ киргизъ-кайсацкихъ хановъ знатный и умный человекъ, какъ отзывались тогда о немъ русскіе, знакомые съ ходомъ дѣлъ на востокѣ. Неслѣдуя обычаю соплеменниковъ, онъ имѣлъ только одну жену и, будучи между такимъ вольнымъ и почитай дикимъ народомъ, первый почувствовалъ необходимость опереться на покровительство Россіи. Въ 1730 году онъ отправилъ въ Петербургъ двухъ посланцевъ, Кутлумбета-Коштаева да Сенткуль-Куйдантулова, съ просьбою принять его орду въ подданство. Въ просьбѣ указаны были три цѣли такого поступка: 1) что киргизы обижены отъ джунгаръ, но съ помощію русскихъ могутъ возвратить свои владѣнія; 2) что Абдуль-Ха-

пръ самъ себя можетъ поддержать въ ханскомъ достоинствѣ, по примѣру хановъ волжскихъ калмыкъ, которыхъ выбираетъ русское правительство; 3) что можетъ и сосѣдей своихъ, хивинцевъ и аральцовъ, привести въ русское подданство. Изъ Петербурга отвѣчали милостивымъ словомъ, и отправили, вмѣстѣ съ послами Абдуль-Хаира, для переговоровъ съ ними переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ, нурзу Алексѣя Тевкелева. Жалованная грамота, острая сабля, шуба соболя, да шапка съ лищицею черною и цвѣтными сукна были наградами хану, который съ своей стороны долженъ былъ привести къ присягѣ всю его меньшую орду, платитъ ясакъ и выслать аманатовъ въ Уфу, освободить русскихъ плѣнныхъ.

Мурза Тевкелевъ не былъ новичкомъ въ сношеніяхъ съ азіатами. Самъ татарскаго происхожденія, сынъ и внукъ выѣзжихъ ордынцевъ, имѣвшихъ кормовыя помѣстья въ касимовскомъ, владимірскомъ и керинскомъ уѣздахъ, Кутлу-Магометъ Мамешевъ, а порусски Алексѣй Ивановичъ Тевкелевъ, участвовалъ въ персидскомъ походѣ Петра, какъ старшій переводчикъ въ секретныхъ дѣлахъ,—и тогда же имѣлъ случай говорить съ царемъ о пользѣ, какую могла бы извлечь Россія изъ подданства киргизъ-кайсацкихъ ордъ. Петръ сулилъ ему до милліона рублей на одни издержки, если онъ добьется такого результата: «хотя киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, говорилъ царь, только всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата.» Теперь представился благоприятный случай выполнить заманчивыя планы преобразователя; но послѣдняго уже давно не было въ живыхъ и вмѣсто милліона, о которомъ мечталъ тогда Тевкелевъ, ему выдано было на проѣздъ только 500 рублей, да подарковъ хану и киргизамъ на полторы тысячи. Не смотря на то, Тевкелевъ

рѣшился ѣхать; съ нимъ отправились два геодезиста, Алексѣй Писаревъ и Михаилъ Зиновьевъ, для описанія зауральскихъ степей, нѣсколько человѣкъ изъ уфимскихъ дворянъ и казановъ да башкирцы Айдаръ и Таймасъ Тарханъ Батыръ. Прибывъ къ Абдуль-Хаиру, Тевкелевъ увидалъ, что данное ему порученіе было гораздо труднѣе, чѣмъ предполагали въ Петербургѣ, разсуждая съ посланцами хана. Киргизы вовсе не были расположены вступить въ подданство Россіи и, по пріѣздѣ къ нимъ Тевкелева, сильно стали укорять своего хана за его поступокъ. Абдуль-Хаиръ долженъ былъ дѣйствовать и за себя, и за Тевкелева. Отбиваясь отъ замысловъ, направленныхъ противъ него самаго, онъ въ то же время долженъ былъ защищать и русскаго мурзу. Но Тевкелевъ и самъ оказался отличнымъ знатокомъ своего дѣла: во время частыхъ споровъ съ киргизами онъ умѣлъ пользоваться легкомысленнымъ нравомъ противниковъ, и не разъ случилось, что тѣ, являясь на сходку съ намѣреніемъ убить его, удалялись почти убѣжденными въ пользѣ, соединенной съ тѣсными отношеніями къ Россіи. Особенно старался Тевкелевъ выставить имъ на видъ торговыя выгоды отъ построенія города на границахъ между ихъ кочевьями и русскими владѣніями. Ему удалось даже составить малую партію изъ султановъ и старшинъ въ пользу подданства киргизовъ. Но большинство стояло на своемъ: не хотѣло терять прежнихъ вольностей, указывая на подчиненіе русскихъ волжскихъ калмыкъ и башкирцевъ. Бѣглецы изъ калмыцкихъ кочевьевъ поддерживали ихъ въ томъ. Ханъ и старшины, перешедшіе на сторону Тевкелева, дали присягу; но тогда къ недовольнымъ пристали владѣльцы средней орды. Между тѣмъ средства экспедиціи истощились; Тевкелевъ рѣшился отослать въ Уфу своихъ спутниковъ, а самъ долженъ былъ остаться у хана, который на зиму перекочевалъ со всѣми улусами

своими къ Аральскому морю. Базалось, дѣло было проиграно; въ Уоѣ уже готовились или выкупить Тевкелева, или выгнать на знатныхъ плѣнниковъ изъ киргизъ. Но уходъ къ аральскимъ степямъ послужилъ въ пользу. Абдуль-Хаиру удалось присоединить къ себѣ каракалпацкаго хана Хаипъ-Тали, который кочевалъ тамъ, и партія Тевкелева получила перевѣсъ. Древнее степныхъ народовъ легкомысліе взяло свое, меньшинство не выдержало и склонилось на убѣжденіе противниковъ: всѣ согласились просить о постройкѣ города на Уралѣ, при устьѣ рѣки Ори; обѣщались посылать туда изъ каждаго рода по человѣку въ качествѣ судей для разбора киргизскихъ дѣлъ; Абдуль-Хаиръ съ Тевкелевымъ отправилъ сына своего Эрали-Салтана, двоюроднаго брата Ниясъ-Салтана и старшинъ; ханы большой, средней и каракалпацкой орды также дали своихъ людей для переговоровъ ⁹⁵).

Пріѣздъ сына Абдуль-Хаирова и пословъ отъ всѣхъ трехъ ордъ киргизъ-кайсацкаго народа былъ самымъ удобнымъ поводомъ къ тому, чтобы порѣшить съ вопросомъ объ управленіи восточнымъ краемъ европейской Россіи. Еще прежде, въ 1730 году, Артемій Петровичъ Волинскій предлагалъ планъ о приведеніи башкирцевъ подъ руссійское иго; но его проектъ былъ неисполнимъ; онъ требовалъ сосредоточенія значительной военной силы въ краѣ, мало населенномъ русскими. Теперь подалъ другой проектъ оберъ-секретарь сената Иванъ Кириловъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ о цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ оставилъ Россію Петръ. Не говоря уже о тишинѣ въ уфимскомъ краѣ, о возможности сдерживать киргизъ, каракалпаковъ, башкиръ и калмыковъ другъ другомъ при содѣйствіи небольшихъ русскихъ гарнизоновъ, Кириловъ изъ постройки города на р. Ори выводилъ самыя блестящія надежды на обширную

торговлю съ Хивой, Бухарой, Ташкентомъ, Туркестаномъ, Индїей, на богатую добычу золота и драгоцѣнныхъ металловъ по берегамъ Сыръ-Дарьи и Водокшанской провинціи, на будущее подданство Россіи всѣхъ этихъ областей и даже знаменитаго джунгарскаго Кунь-Тайдши. Покореніе татаръ по взятіи Казани и Астрахани, подчиненіе башкирцевъ посредствомъ Уфы, быстрое завоеваніе Сибири Ермагомъ и его послѣдователями, примѣръ Александра Македонскаго, соединившаго подъ своею властію столько разноплеменныхъ народовъ въ восточной Азіи, открытіе испанцами Америки, занятіе голландцами Остъ-Индіи, — все это послужило Кирилову для подтвержденія его мысли, которую поддерживалъ тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Повидимому приближались времена, когда должны были получить надлежащее возмездіе жертвы, погибшія въ фантастическихъ экспедиціяхъ за золотымъ пескомъ, Бухгольца на р. Эркетъ и Бековича на Сыръ-Дарью. Исполненіе пылкаго плана поручено было самому автору его. Абдуль-Хаиръ-Ханъ получилъ похвальную грамоту, ханы большой и средней орды, ханъ каракалпацкій призывныя на подданство; Тевкелевъ произведенъ въ полковники и отправленъ вмѣстѣ съ Кириловымъ, потому что его особенно слушались башкирцы, которымъ объявлено было немало льготъ; Кирилову дана подробная инструкція, а будущему городу Оренбургу привилегія; на Аральскомъ морѣ хотѣли построить пристань ⁹⁶).

Цѣлая экспедиція отправилась въ путь вмѣстѣ съ Кириловымъ; тутъ были и морскіе чины для будущаго порта на Аральскомъ морѣ: мичманъ, штурманъ, ботсманъ, матросы, галерный мастеръ съ конопатчиками, плотники; для Оренбурга сухопутные военные чины для всякихъ экономическихъ и городскихъ дѣлъ, геодезисты для составленія ланд-

артъ и чертежей, бухгалтеръ, канцелярскіе служители, артиллеристы и кадеты. Караванъ Кирилова отправлялся ютъ въ одно время съ тѣмъ, какъ Татищевъ ѣхалъ для управленія горными заводами. Въ Москвѣ Кириловъ захватилъ еще натуралиста, горнаго чиновника, аптекаря, лекаря, канцелярскихъ и военныхъ служителей. Въ Казани онъ получилъ въ свое распоряженіе пѣхотный пензенскій полкъ и довольную артиллерію; въ Уфѣ гарнизонный баталіонъ; тутъ же шелъ вологодскій полкъ; половинѣ уфимскихъ дворянъ и казаковъ сказанъ былъ походъ; объявленъ былъ ярымъ уфимскимъ, бирскимъ и мензелинскимъ недорослемъ, заготовленъ провіантъ. Записывались въ походъ съ Кириловымъ и башкирскіе тарханы. Зимой выступила часть экспедиціи къ Сакмарскому городку и Верхояицкой крѣпости, а изъ Екатеринбургa отправленъ былъ къ рѣкѣ Ори караванъ съ артиллерійскими припасами; изъ сибирскихъ слободъ шли 500 подводъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ роты сибирскаго полка. Но въ это самое время башкирцы, ясно понимая, что съ построеніемъ Оренбурга, они со всѣхъ сторонъ будутъ окружены русскими, снова возмутились. Еще изъ Петербурга увѣдомилъ ихъ о цѣли экспедиціи одинъ старшина Толгура, бывшій вмѣстѣ съ послами киргизскими при Тевкелевѣ; онъ писалъ, чтобы во всей Башкиріи, отдѣливъ отъ коколя чистую пшеницу, хранили ее особо, а солому сожгли, и чтобы всѣ четыре лошади были въ готовности; первымъ сравненіемъ онъ намекалъ на осторожность относительно татаръ, черемисъ, чувашъ и другихъ переселенцевъ въ башкирскій край, вторымъ на четыре дороги своего племени. По приѣздѣ Кирилова въ Уфу, башкирскіе старшины стали съ особеннымъ усердіемъ посѣщать городъ, откуда они разнесли по всей Башкиріи вѣсть о близкомъ походѣ русскихъ на р. Орь. Возстаніе началось

невдругъ. Первый извѣстилъ о немъ Кирилова Татищевъ, узнавшій о сѣздахъ между башкирцами и бѣгствѣ изъ ихъ земель черемисъ и русскихъ поселенцевъ. За тѣмъ принялъ предостереженіе отъ казанскаго губернатора гр. Мусина Пушкина, до котораго также достигли слухи о готовившемся возмущеніи. Кириловъ не повѣрилъ и въ апрѣлѣ выступилъ въ походъ; тогда башкирцы сами рѣшились оставить экспедицію объявленіемъ, что они будутъ противиться ей всѣми силами. Вѣстники этого объявленія были схвачены, подвергнуты розыскамъ, и одинъ изъ нихъ умеръ въ пыткѣ. Полковникъ Тевкелевъ показалъ особенную ревность при допросахъ. Кириловъ продолжалъ свой путь, и не безъ потерь отъ башкирскихъ нападений достигъ устья Оры Оренбургъ былъ заложенъ 15 августа 1735 года. Переславшись съ Абдуль-Хаиръ ханомъ, чтобъ онъ пріѣхалъ весной въ новый городъ, Кириловъ отправился назадъ, казнилъ въ Саймарскѣ нѣсколькихъ пойманныхъ башкирцевъ; за три дня пути до Уфы выдержалъ стычку съ большимъ скопищемъ возставшихъ. Въ Петербургѣ уже знали о башкирскомъ волненіи: казанскому губернатору велѣно было взять 3000 волжскихъ калмыкъ, 1000 донскихъ, да 1000 яницкихъ казаковъ и идти къ Уфѣ. Онъ нашелъ разоренными многія деревни около Зайнска, Билярска, Старошешминска и Мезелинска, къ которому башкирцы дважды приступали. Великъ главнымъ начальникомъ всего казанскаго и уфимскаго края сдѣланъ былъ генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ; экспедиція Кирилова также была поручена ему. Между тѣмъ Тевкелевъ, отправленный изъ Оренбурга въ сибирскія слободы, терпѣлъ съ своимъ отрядомъ отъ морозовъ, отъ недостатка въ сѣстныхъ припасахъ и съ большими потерями добрался до Екатеринбурга, гдѣ онъ разговаривалъ съ Татищевымъ о дѣлахъ экспедиціи и получилъ

отъ него необходимую сумму денегъ изъ заводскихъ доходовъ. Но въ это время возстаніе распространилось уже и на Ураломъ, между башкирцами сибирской дороги. Въ верхнеулицкой пристани вырѣзана была вся команда, пригнанная обозъ съ сибирскимъ провіантомъ. Самъ Тевкелевъ окруженъ былъ на р. Аѣ большимъ скопищемъ; но отбившись отъ него, онъ разорилъ въ конецъ до 50 башкирскихъ деревень, истребилъ всѣхъ жителей самаго большого селенія Сеянтюсъ, изъ которыхъ 105 человекъ зарыты были въ одною амбарѣ и тамъ сожжены. За тѣмъ начались самыя свирѣпыя казни захваченныхъ башкирцевъ; жены ихъ и дѣти отданы были солдатамъ. Слухи о жестокостяхъ Тевкелева соединили дѣйствовавшихъ до тѣхъ поръ разрозненно башкирцевъ. Выборные отъ всѣхъ четырехъ дорогъ сошлись для совѣщанія въ деревнѣ Кубовѣ. Высланный противъ нихъ отрядъ былъ разбитъ и тутъ погибли лучшіе люди изъ уфимскихъ дворянъ. Тевкелевъ, на руинахъ котораго осталась оренбургская экспедиція, потому что Ериловъ поспѣшилъ изъ Уфы въ Петербургъ съ просьбою объ усиленіи военныхъ средствъ въ возмущившемся краѣ, — долженъ былъ пробиваться на пути къ Оренбургу чрезъ вооруженныя толпы башкирцевъ, засѣвшихъ въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ; каждое селеніе башкирское надо было или брать приступомъ или обходить: и Тевкелевъ отстался отъ попытки дойти къ устьямъ Ори. Между тѣмъ оставшіеся въ Оренбургѣ бѣдствовали, нуждаясь въ одеждѣ и съѣстныхъ припасахъ. Рѣшились выслать часть гарнизона въ Сакмарскій городокъ; но изъ посланныхъ болѣе 500 человекъ умерло на пути, только 220 еще живые выбрались въ Сакмару. Но когда наступило лѣто 1736 года; то со всѣхъ сторонъ двинуты были въ Башкирію регулярныя войска, которыя далъ петербургскій кабинетъ по просьбамъ

Кирилова, не смотря на то, что Минихъ и Ласси начали тогда свои знаменитые походы въ Крымъ и украинскія степи. Изъ Мензелинска и Уфы направлены были отряды къ казанскую и ногайскую дороги самимъ Румянцевымъ. Руководитель казанской дороги батырь Акай-Бусумовъ былъ схваченъ; но глава ногайской дороги Килмякъ-Абызь отмстилъ за плѣнъ своего товарища удачнымъ нападеніемъ на лагерь Румянцева, при чемъ убито было до 180 русскихъ. Въ сибирской и осинской дорогахъ дѣйствовали Тевкеловъ и Татищевъ, который самъ не разъ водилъ небольшіе отряды крестьянъ въ Башкирію, заложилъ тамъ два укрѣпленія. штрафовалъ возмутившихся собираніемъ съ нихъ лошадей. Въ маѣ были два сильныя побоища внутри края, на р. Демѣ и въ горахъ между Ликомъ и Сакмарой; къ іюню значительная часть Башкиріи была выжжена и раззорена. Въ Мензелинскѣ совершались безпрестанныя казни надъ попавшими въ плѣнъ башкирцами; жены и дѣти казненныхъ розданы были по рукамъ для поселенія внутри Россіи; болѣе 5000 человекъ мужчинъ сослано въ Рогервикъ на тяжелыя работы при тамошнемъ портѣ.

Въ іюлѣ Кириловъ снова двинулся къ Оренбургу, но уже инымъ путемъ, нежели прежде: на этотъ разъ экспедиція шла двумя дорогами, огибая Башкирію съ сѣвера и юга. Главный отрядъ подъ начальствомъ Бахметева, шелъ изъ Симбирска и поднялся рѣкою Самарой, на берегахъ которой поставилъ крѣпости Красносамарскую и Красноборскую. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Кирилова, шелъ по Бѣлой, раззоря на пути башкирскія деревни, вѣшая и самая не колыя, сопротивлявшихся ему. Достигнувъ Сакмарскаго городка, Кириловъ поѣхалъ на встрѣчу первому отряду, назначая по пути своему мѣста для будущихъ укрѣпленій, изъ которыхъ должна была составиться новая самарская и янц-

на линія. Но уже не въ Оренбургѣ, а въ Самарѣ расположено было главное управленіе экспедиціею; а чтобъ не оставить безъ начальника сѣверо-восточныя границы башкирскаго края, Кириловъ просилъ кабинетъ передать власть надъ сибирскою дорогою Татищеву, который такъ удачно содѣйствовалъ тамъ усмиренію возставшихъ. Дѣйствительно Татищеву, вмѣстѣ съ Тевкелевымъ, удалось привести къ повинной всѣхъ зауральскихъ башкирцевъ и взять подъ руку ихъ предводителей, батыря Юсупа Арыскова и Сабанъ Безрукаго. Татищевъ ограничился отобраніемъ у повинившихся пушекъ и оружія, захваченнаго ими во время бунта, да присягой на коранѣ. Иначе поступалъ бригадиръ Урусовъ, присланный на мѣсто Румянцова: изъ приходившихъ къ нему съ повинною, лучшихъ оставлялъ онъ у себя въ видѣ аманатовъ и потомъ предавалъ смерти. Но въ то самое время, когда возмущеніе, стоявшее несчастнымъ башкирцамъ такихъ огромныхъ жертвъ, приближалось къ концу, умеръ отъ чахотки виновникъ его Кириловъ среди приготовленій къ походу въ Оренбургъ, и сборовъ торговаго каравана въ Ташкентъ *)).

Послѣ нѣсколькихъ недѣль колебаній, когда начальство надъ оренбургскою экспедиціею было подѣлено между Тевкелевымъ, Бахметевымъ и астраханскимъ вице-губернаторомъ генералъ-майоромъ Соймоновымъ, пріѣхавшимъ въ Мензелинскъ, назначенъ былъ 10 мая 1737 года на мѣсто Кирилова Татищевъ съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ должностію генералъ-поручика. Въ указѣ, данномъ на его имя, императрица выражала свою надежду на извѣстную его рѣвность къ службѣ, радѣніе и доброе искусство; но, поручая оренбургскую экспедицію, приказывала не оставлять своихъ распоряженій и горные заводы. Сдѣлавъ нужныя наставленія членамъ горнаго правленія и начальникамъ заво-

довъ, Татищевъ 26 мая отправился изъ Екатеринбургъ подаривъ въ пользу тамошней школы почти всю свою библиотеку, болѣе тысячи книгъ. До Чусовой онъ ѣхалъ сухопутнымъ, оттуда спустился въ Каму на «лихихъ лодкахъ» (14 іюля былъ въ Мензелинскѣ *²).

Съ этихъ поръ управленіе экспедиціею получило совершенно иной характеръ. Строгій исполнитель закона и закона, Татищевъ тотчасъ же поднялъ коллегіальное начело слабо прилагавшееся къ дѣлу Кириловымъ и его товарищамъ, изъ которыхъ каждый привыкъ распоряжаться по своему желанію и усмотрѣнію. Онъ немедленно открылъ въ Мензелинскѣ генеральный совѣтъ, въ которомъ участвовали Соймоновъ, Тевкелевъ, уфимскій воевода Шемякинъ и всѣ штабъ-офицеры, служившіе въ экспедиціи. Рѣшенія совѣта отвѣчали тогдашнему состоянію еще неуспокоившагося отъ мятежа края. Въ четырехъ башкирскихъ дорогахъ дѣлившихся на 58 волостей и болѣе 150 аймаковъ или родовъ, туземное населеніе уже лишилось около 9000 человекъ частію погибшихъ въ стычкахъ, частію сосланныхъ и отданныхъ по рукамъ; а еще съ каждаго аймака велѣно было взыскать въ видѣ штрафа по 500 лошадей на армію, не считая рогатаго скота. Не смотря на то, благодаря природнымъ условіямъ края, изрѣзаннаго уральскими горами и ихъ отрогами, лѣсами, степями, рѣчками и толями, гдѣ телѣжнаго пути вовсе не было, развѣ только съ великой нуждою, исключая зауралья, башкирцы продолжали борьбу въ тѣхъ аймакахъ которые оставались нетронутыми. Потери русскихъ такъ были немалыя. Съ жителей бахмутской и уфимской провинцій пришлось снять часть недоимокъ, потому что «обыкновенное» число телей много было взято въ полонъ и побито, и хлѣбъ стояцій и молотый весь безъ остатка пожженъ, скотъ отгнанъ, а оставшіеся отъ платежа подушнаго оклада уже д

той завладывали, а сами едва дневною пищею пробовлялись.»
 Владѣльцы соляныхъ промысловъ, находившихся въ башкирскомъ краѣ, жаловались на большіе убытки, происшедшіе отъ раззоренія ихъ заводовъ и считали сумму своихъ потерь въ 25, 758 руб. 33 1/2 коп. Возвратить край къ прежнему состоянію возможно было только окончательно усмирить возмущеніе; достигнуть же мира одними жестокостями и военными мѣрами было трудно; казни и оружіе не всегда падали на главныхъ руководителей борьбы, не вездѣ доставали до самаго источника, изъ котораго возстаніе получало новыя силы. Къ тому же опытъ показывалъ, что суровыя наказанія только раздражали поднявшихся дикарей и подвигали ихъ къ болѣе ожесточенному сопротивленію. Оставляя раззоренную русскими Башкирію, они бросались на селенія, лежавшія внѣ ея границъ въ смежныхъ областяхъ. Самъ Кириловъ, такъ неосторожно затронувши вначалѣ племенные инстинкты ихъ, оставилъ потомъ мысль пройти къ Оренбургу чрезъ самое сердце Башкиріи и положилъ начало самарской и яицкой линіямъ. Но этого было мало: строя новыя укрѣпленія, увеличивая военную силу, надо было подумать еще о болѣе мирныхъ средствахъ, которыя могли бы успокоить возстаніе, надо было протянуть руку раззореннымъ, загнаннымъ и повинившимся Башкирцамъ съ помощію, а не съ угрозами, что нисколько не противорѣчило инструкціямъ и указамъ, которые даны были экспедиціи до пріѣзда Татишева. Такъ еще въ инструкціи Кирилову предписывалось замѣнить обычай брать аманатовъ съ башкирцевъ учрежденіемъ особаго суда, «опричь того что къ магистрату надлежитъ, дабы не за аманатство, но за милость и правосудіе принимали:» въ тѣхъ судахъ первыми членами могли быть русскіе два или три человѣка, остальные изъ башкирскихъ старшинъ, точно также какъ отъ кир-

гизовъ, каракалпаковъ и другихъ народовъ лучшіе изъ су-
тановъ, ханскихъ дѣтей; и къ тому «при судѣ другіе мелоч-
чины, по обстоятельству каждаго народа, вымыслить, или
писари, толмачи, рассыльщики, и такъ ихъ въ урядѣ имѣти
и перемѣнять по ихъ желанію по году или по два, и при
нихъ учредить караулъ честной.» Въ нарядѣ башкирцевъ
мещеряковъ, тептарей и бобылей на службу и работы ве-
лѣно было поступать со всякою умѣренностію, чтобъ въ томъ
никакой обиды и неуравненія не было. Указомъ отъ 3
мая 1734 года велѣно было разобрать, кто изъ русскихъ
насилъно безъ грамотъ и записей, или по фальшивымъ ак-
тамъ завладѣлъ рыбными ловлями башкирцевъ по рѣкамъ
Бѣлой и Камѣ, и такихъ выслать съ захваченныхъ угодій
илецкой соли, которою башкирцы изстари пользовались, и
заставахъ не задерживать и тѣмъ убытковъ имъ никакихъ
не чинить; для разбора малыхъ дѣлъ между собою, башкир-
цамъ позволенъ былъ свой третейскій судъ, по старымъ
ихъ обычаямъ, а въ Уфу для того ихъ не требовать, не ве-
лочить, не убытчить и никакихъ пошлинъ не брать; разме-
жеваніе принадлежащихъ имъ деревень, рѣкъ, рѣчекъ, ме-
лей, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ, болотъ, горъ и другихъ
угодій чинить только по ихъ просьбамъ и при стороннихъ
понятыхъ людяхъ, которыхъ они сами изберутъ. Правитель-
ство не хотѣло мирволить тѣмъ чиновникамъ, которые они
зались виновными по справедливымъ жалобамъ на нихъ
башкирцевъ; такъ велѣно было взыскать въ пользу чело-
битчиковъ положенный штрафъ съ ассесора уфимской про-
винціи Лихачева и съ подъячаго тамашней канцеляріи Ки-
рилла Панкова. Въ привилегіи Оренбургу между прочимъ
значилось, чтобъ съ башкирцевъ, которые будутъ ѣздить
туда для торговъ, никакихъ пашпортовъ не брали, потому
что они жители около сего города и дабы напраснаго въ бра

ни паспортвъ труда имъ не было. Стѣснительныя мѣры, вызванныя возмущеніемъ, касались болѣе частныхъ случаевъ и башкиръ измѣнниковъ. Только два распоряженія пали всею своею силой на самую существенную сторону бытія плѣга племени: въ волости вмѣсто волостныхъ старостъ велѣно было опредѣлить выборныхъ старшинъ, по два или по три человѣка, съ переменною погодно и взыскивать съ нихъ всякое преступленіе и неисправу; а блюстителямъ игометанской вѣры между башкирцами, ахунамъ быть только по одному въ каждой дорогѣ и притомъ съ обязательствомъ никою изъ другихъ вѣръ въ свой законъ не приводить и не обрѣзывать, безъ указовъ мечетей и школъ новыя не строить. Мѣры, которыя принялъ генеральный совѣтъ, созданный Татищевымъ, имѣли прежде всего въ виду болѣе подробное раздѣленіе земли башкирцевъ на правительственные округа и усиленіе средствъ къ удержанію ихъ сими въ покорности. Сюда относилось постановленіе объ открытіи за Ураломъ особой исетской провинціи съ окуневскими, шадринскимъ и исетскимъ уѣздами, съ отдѣльнымъ воеводой въ Чебаркулѣ, который бы управлялъ башкирцами, живущими по р. Аѣ и вершинамъ Ялика. Кабинетъ, утверждая это постановленіе, прибавилъ, чтобъ воеводамъ и приказнымъ служителямъ немедленно опредѣлено было жалованье до разсмотрѣнія, а взятки брать было бы жестоко запрещено. Представленіе объ учрежденіи воеводствъ въ Красноуфимской крѣпости и Осѣ было утверждено, но воеводы ихъ подчинены провінціальному уфимскому управленію. Предложеніе объ открытіи мензелинской провинціи осталось безъ утвержденія; велѣно было только сочинить подробную ландкарту окружной мѣстности. Изъ Соликамска переведено было управленіе пермскою провинціей въ Кунгуръ, ближе къ Башкиріи **).

Что касается самого возмущенія, которое еще продолжалось то, хотя дѣйствія противу возставшихъ и отличались прежнею жестокостію, но выполнялись они другими начальниками, а не Татищевымъ. Такъ однажды генераль-майоръ Соколовъ, захвативъ въ плѣнъ партію башкирцевъ, предлагъ ихъ страннымъ казнить, какъ выражается исторіографъ экспедиціи: отсѣченію рукъ и ногъ, урѣзанію языковъ и носовъ. Татищевъ же дѣйствовалъ иначе. Онъ предложилъ нѣсколько мѣръ, облегчавшихъ положеніе башкирцевъ, которыя и были утверждены кабинетомъ. Такъ онъ призналъ полезнымъ не посылать въ башкирскія жилища цѣловальниковъ и ясачниковъ для сбора ясака и разныхъ пошлинъ, а передать эту обязанность ихъ старшинамъ; уравнивъ норму башкирцевъ въ подводной повинности съ мещераками и черемисами, которые получили нѣкоторыя преимущества въ ущербъ башкирцамъ, со времени возстанія послѣднихъ. Прежде, на примѣръ, мещеряки, тептяри и бобыли пользовались землями, на которыхъ жили, плотя извѣстный оброкъ башкирцамъ; теперь имъ дано было право безусловнаго пользованія землею, за ихъ вѣрность русскимъ. Татищевъ хотѣлъ даже приступить въ размежеванію этихъ земель, имѣя въ виду устраненіе споровъ, которые должны были возникнуть, по окончаніи возстанія между прежними владельцами земель, отошедшихъ отъ нихъ навсегда, и новыми, старыми оброчниками первыхъ. Кабинетъ отвѣчалъ на этотъ разъ уклончиво: «сіе дѣло весьма деликатное, отъ котораго вновь впредь легко новыя замѣшанія произойти могутъ: того ради надлежитъ вамъ объ оныхъ съ довольнымъ уваженіемъ о пристойныхъ средствахъ стараться, чтобъ мещеряки за ихъ нынѣшнюю вѣрность въ прежнее башкирцамъ порабощеніе не пришли, а и башкирцы вовсе обижены не были: а по здѣшнему мнѣнію кажется, что мещеряки мог-

либъ довольны быть, ежели прежними своими землями впредь безоборочно владѣть стануть, а башкирцамъ достальныя охватить, однакоже понеже здѣсь о тамошнемъ дѣлѣ состояніи совершенное извѣстіе не имѣется: того ради оставляется сіе больше на общее ваше тамошнее разсужденіе.» Приказъ правительства Татищеву: поступать по собственному мнѣнію или разсужденію, сообразуясь съ обстоятельствами, добрымъ порядкомъ, былъ обычный во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возникли какия-нибудь сомнѣнія. Вообще Татищевъ пользовался большою мочью; но подробности о его управленіи экспедицій, къ сожалѣнію, мало извѣстны ¹⁰⁰).

Заботами объ усмиреніи башкирскаго возстанія не ограничивалась однакоже вся дѣятельность оренбургской экспедиціи. Главною цѣлію ея было построеніе Оренбурга и приневленіе въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ; но возмущеніе башкирцевъ не могло пройти безъ вліянія на ихъ сосѣдей. Ханъ меньшей орды, Абдуль-Хаиръ, который прежде только самъ заявлялъ желаніе вступить подъ покровительство Россіи, но и привлечь къ тому хановъ большей и средней орды, теперь велъ себя иначе. Узнавъ о борьбѣ, развивавшейся между башкирцами и русскими, онъ отправилъ въ 1736 году своихъ посланцевъ въ Оренбургъ къ тамошнему коменданту Чемадунову, когда тотъ находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи, будучи покинутъ Кириловымъ и Тевкелевымъ. Ханъ хотѣлъ знать, цѣль ли еще Оренбургъ имъ оставленъ уже русскими: при этомъ онъ просилъ выслать къ нему посла для разсужденій о киргизскихъ дѣлахъ. Чемадунову было не до пересылокъ съ Абдуль-Хаиромъ: но онъ позволялъ ѣхать къ киргизамъ англичанину Джону Вестлю, который, служа живописцемъ при экспедиціи, познакомился въ Оренбургѣ съ содержавшимся въ аманатахъ сыномъ Абдуль-Хаира Эрали-султаномъ. Кэстль былъ при-

нять въ киргизскихъ степяхъ, какъ русскій посолъ и опытный медикъ, имѣлъ аудіенцію у хана и ханшъ и, совершивъ очень интересное путешествіе по владѣніямъ малой орды, вернулся въ Симбирскъ, гдѣ составилъ подробное описаніе своихъ странствій ¹⁰¹⁾. Въ это самое время пріѣхалъ Татищевъ изъ Екатеринбурга и познакомился съ Кэстлемъ, оказавъ ему защиту отъ притѣсненій симбирскаго полицеймейстера. Разказы Кэстля о киргизскомъ бытѣ безъ сомнѣнія возбуждали интересъ въ любознательномъ Татищевѣ; но его вниманіе особенно должно было обратиться на извѣстіе о совѣщаніяхъ, какія имѣлъ Абдуль-Хаиръ ханъ съ своими старшинами, при чемъ обсуживались враждебныя намѣренія противу Россіи ¹⁰²⁾. Дѣйствительно осенью 1737 года ханъ явился въ Башкирію съ толпою киргизовъ, увѣряя, что цѣль его пріѣзда заключается въ успокоеніи возмущившихся башкирѣ, на самомъ же дѣлѣ у честолюбиваго киргиза была мысль сдѣлать одного изъ своихъ сыновей башкирскимъ ханомъ: онъ увѣрялъ башкирцевъ, что можно выхлопотать прощеніе отъ императрицы всѣмъ возставшимъ, собиралъ съ нихъ дары и провель въ Башкиріи всю зиму. Татищевъ думалъ иначе о планахъ хана, видя въ нихъ новыя хлопоты для экспедиціи; а потому и отправилъ къ Абдуль-Хаиру переводчика Араслана Бехметева съ дарами цѣною на сто рублей, съ похвалою за оказанныя будто бы имъ услуги въ усмиреніи башкирскаго бунта: не смотря на то, Бехметеву едва удалось выпроводить за Уралъ столь преданнаго интересамъ русской имперіи хана. Лѣтомъ отправился и Татищевъ къ Оренбургу: тамъ уже находился возвратившійся изъ орды башкирскаго старшина Таймасъ-Тарханъ-Шаймовъ съ извѣстіемъ, что киргизы сомнѣваются въ добрыхъ намѣреніяхъ Татищева. Съ тою же цѣлю явился въ Оренбургъ киргизскій старшина Букенбай-Батырь.

Татищевъ отправилъ ихъ обратно къ хану съ приглаше-
 ніемъ его на свиданіе. Послѣ долгихъ переговоровъ о томъ,
 кто долженъ сдѣлать первый визитъ, о самыхъ мелкихъ
 подробностяхъ церемоніала встрѣчи предъ шатромъ, среди
 шатра, о взаимныхъ учтивостяхъ между Татищевымъ и ха-
 номъ, свиданіе это состоялось: музыка, пальба изъ пушекъ,
 торжественныя рѣчи, войска въ лучшемъ порядкѣ, ничто
 не было забыто при этомъ случаѣ. Послѣ присяги хана надъ
 кораномъ и опоясанія его богатою саблею, начался церемо-
 ниальный обѣдъ, во время котораго «происходили многіе раз-
 говоры, при чемъ тайный совѣтникъ, по его въ политиче-
 скихъ дѣлахъ довольному искусству и по свѣдѣнію нравовъ
 и состоянія сего народа, многія разсудительныя слова про-
 изводилъ, касающіяся до утвержденія киргизъ въ вѣрности
 и до изъясненія всенародной ихъ пользы, что ханъ, стар-
 шинны и весь оный народъ слушали и вѣрность свою по ихъ
 азіатскому обыкновенію разными примѣрами подтверждали.
 За тѣмъ было свиданіе съ старшимъ сыномъ Абдуль-Ханра,
 Нурали-Султаномъ. Аманатъ Эрали-Султанъ былъ переимѣ-
 нень на Хаджи-Ахметъ-Султана. Наконецъ послѣ нѣсколь-
 кихъ частныхъ свиданій, гдѣ разсуждали преимущественно
 о выдачѣ русскихъ плѣнныхъ съ киргизской стороны, о тор-
 говлѣ близъ Оренбурга, о караванахъ въ Ташкентъ, Абдуль-
 Ханръ ханъ и Татищевъ разстались. Киргизъ не хотѣлъ
 оставаться въ долгу на прощанъ съ тайнымъ совѣтникомъ
 и употребилъ все азіатское краснорѣчіе, чтобы выразить
 свою благодарность за торжественный пріемъ, «уподобя себи
 навлину, который-де, имѣя хорошія перья и на головѣ при-
 родной вѣнецъ, такъ долго гордится, пока ногъ своихъ не
 увидитъ; а увидя оныя тотчасъ чувствуетъ свою слабость
 и высокомеріе свое оставляетъ: такъ-то и они до бывшаго
 свиданія о себѣ мнили; но разумомъ тайнаго совѣтника въ чув-

ство человѣчества нынѣ приведены». Впрочемъ краснорѣчіе хана и чувство киргизскаго человѣчества были значительно подогрѣты тѣми подарками, которые роздалъ имъ Татищевъ во время пребыванія своего въ Оренбургѣ ¹⁰³). Разставшись другъ съ другомъ, Абдуль-Хаиръ откочевалъ въ свои владѣнія, а Татищевъ поѣхалъ осматривать яицкую линію.

Начатая еще Кириловымъ, яицкая линія уничтожала собою необходимость закамской или черемшанской; и потому съ послѣдней переведены были въ новопостроенныя по Самарѣ и Яику укрѣпленія ландмилицкіе полки, инженеры и артиллерійскіе служители. Но особенно послѣ присяги киргизъ, эта линія стала быстро застроиваться: Тевкелевъ бродъ, Переволока, Татищева пристань, Чернорѣчье, Бердская, Губерлинская, Ельшанская крѣпости были основаны Татищевымъ. Въ числѣ ихъ строителей былъ и морской капитанъ англичанинъ Эльтонъ, измѣрившій верховья Яица, съ нимъ Татищевъ встрѣтился потомъ во время своего губернаторства въ Астрахани. Самый Оренбургъ былъ перенесенъ на 180 верстъ ниже устьевъ Ори къ болѣе удобному для торговли съ киргизами урочищу Красной горы, гдѣ теперь Красногорская крѣпость; впоследствии и это мѣсто было оставлено для нынѣшняго, находящагося въ 70 верстахъ отъ Красной горы ¹⁰⁴).

Среди этой дѣятельности, когда положены были первыя основанія заманчивымъ планамъ Кирилова, неизмѣннаго счастья видѣть ихъ исполненія, Татищевъ долженъ былъ навсегда оставить оренбургскій край. Ему надо было лично объясниться съ кабинетъ-министрами по поводу разныхъ предположеній, которые составились во время двухлѣтняго пребыванія у него на самомъ мѣстѣ, отданномъ въ управленіе экспедиціи. Съ другой стороны составъ и характеръ этого управленія не подходилъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, ко-

тория имѣлъ Татищевъ объ устройствѣ, внесенномъ Петромъ въ русскую администрацію, и о безусловномъ исполненіи служебныхъ обязанностей помимо личныхъ взглядовъ и желаній. Въ такихъ случаяхъ Татищевъ былъ суровъ и неумолимъ; всегда строгій къ себѣ, онъ дѣлался строгъ съ другими и готовъ былъ на крутыя мѣры.

Еще пріѣхавъ изъ Екатеринбурга, Татищевъ нашелъ уже вѣдь военнымъ судомъ капитана Житкова, гвардіи сержанта Безсонова и прапорщика Новикова, за разные преступленія во время походовъ на возмущившихся башкирцевъ. Но его ожидали впереди ссора съ уфимскимъ воеводою, статскимъ совѣтникомъ Шемякинымъ, который не считалъ себя обязаннымъ сообщать Татищеву свѣдѣнія о башкирскихъ дѣлахъ и поступать по опредѣленіямъ генеральнаго совѣта. Кабинетъ, узнавъ отъ Татищева о дѣйствіяхъ Шемякина, отправилъ къ послѣднему указъ «въ неудовольственныхныхъ терминнахъ». Указъ этотъ не прекратилъ недоразумѣній между Татищевымъ и уфимскимъ воеводою. Противорѣчія и ссоры между ними продолжались въ засѣданіяхъ генеральнаго совѣта: такъ однажды Шемякинъ подалъ мнѣніе, чтобъ пойманныхъ главныхъ предводителей возмущенія Килмяка, Юсупа и Акая, содержавшихся тогда въ Уфѣ, отпустить въ Башкирію, взявъ съ нихъ слово успокоить волновавшихся соплеменниковъ. Мнѣніе это было отвергнуто совѣтомъ. Но это бы не имѣло никакого вліянія на судьбу Шемякина, еслибъ около того же времени не было подано нѣсколько челобитныхъ на него въ дурномъ управленіи воеводствомъ. Татищевъ отрѣшилъ Шемякина отъ должности и отдалъ его подъ военный судъ, предсѣдателемъ котораго былъ генералъ-маіоръ Соймоновъ; уфимскимъ же воеводой назначилъ полковника Мартакова. Но не съ однимъ Шемякинымъ разошелся Татищевъ. Тевкелевъ, обрусѣвшій азіатецъ, поль-

зовавшійся при Кириловѣ большою властію, тщеславившійся своимъ посольствомъ къ киргизамъ и вліяніемъ на мирныхъ башкиръ, былъ крайне недоволенъ самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Татищева, во время пребыванія ихъ въ Оренбургѣ, гдѣ власть принадлежала Татищеву безраздѣльно, — и лишь только послѣдній отправился въ Петербургъ, полковникъ мурза поѣхалъ туда же вслѣдъ за нимъ, съ жалобами на управленіе Татищева. Примѣръ былъ поданъ: изъ Башкиріи посыпались доносы на крутаго начальника. Татищева задержали въ Петербургѣ, и учинили особенную слѣдственную комиссію надъ нимъ ¹⁰⁵). Вражда къ нему всесильнаго Бирона, слѣдившаго за ходомъ дѣлъ въ комиссіи, не обѣщала ничего хорошаго впереди. Особливый характеръ слѣдствія отнималъ у подсудимаго надежду найти опору въ законѣ и правильномъ веденіи суда. Нравы и примѣры общественной жизни не позволяли рассчитывать на поддержку со стороны общественнаго мнѣнія; служебныя отношенія къ нѣмецкой партіи и знаменитое участіе въ планахъ шляхетства при воцареніи Анны Іоанновны наводили мысль на ужасную судьбу Долгорукихъ и Волынскаго.

ГЛАВА IV.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ ТАТИЩЕВА.

Эти языки тридцатых годов прошедшаго столѣтія болѣе о курляндскомъ герцогѣ Биронѣ, стоявшемъ тогда во главѣ управленія Россіей, будто онъ, говоря о лошадяхъ или съ лошадьми, рассуждалъ какъ человѣкъ; говоря же о людяхъ или съ людьми — рассуждалъ какъ лошадь. Татищевъ, испытавшій на себѣ то чувство высокомерія и презрѣнія, которое Биронъ питалъ ко всемъ русскимъ, зная о слабости его свѣтлости къ лошадиной породѣ и, находясь еще при сибирскихъ заводахъ, выслалъ ко двору чрезъ обергофмейстера графа Салтыкова двухъ сѣрыхъ иноходцевъ и двухъ кобылъ рыжихъ, взятыхъ изъ киргизской орды, вмѣстѣ съ ними двухъ плѣнниковъ, мальчика и дѣвочку, а когда первый умеръ въ пути, то замѣнилъ его другимъ; хотѣлъ было отправить ко двору и живыхъ бобровъ, но не зная, угодно ли то будетъ, велѣлъ для любопытства употребить ихъ въ анатомію. И плѣнники и лошади, приведенные въ Москву человекомъ Татищева, долго кормились въ его московскомъ домѣ и потомъ, послѣ немалой переписки Салтыкова съ графомъ Бирономъ и послѣ нѣсколькихъ указовъ конюшенной канцеляріи, переправлены въ Петербургъ. Татищевъ ненапрасно ухаживалъ за Бирономъ: гер-

цогъ и его жена считались первыми любимцами императрицы, къ которымъ она, по словамъ современниковъ, такъ была привязана, какъ будто бы все ея могущество заключалось въ томъ. Отъ ихъ суроваго или ласковаго взгляда зависѣло бѣдствіе или благополучіе всѣхъ жителей имперіи. Герцогъ былъ гордъ и вспыльчивъ; въ его взглядѣ было что-то отталкивающее. Когда онъ бывалъ разсерженъ, то говорилъ съ неумѣренною запальчивостью. Еслиже хотѣлъ кому оказать милость, то былъ очень щедръ на ласки и похвалу; но при этомъ отличался непостоянствомъ, мѣнялся иногда безъ всякой причины и нерѣдко также сильно преслѣдовалъ, какъ прежде любилъ. Поступая такимъ образомъ, онъ даже не могъ скрывать и обнаруживалъ свою немилость самымъ убійственнымъ образомъ. Отъ природы осторожный, онъ обходился свободно съ тѣми, кого любилъ, и былъ откровененъ; но когда видѣлъ, что откровенность неумѣстна, или что не стоитъ труда рассказывать правду, то никогда не говорилъ истины. Презрѣнія къ русскимъ не скрывалъ даже отъ людей, засѣдавшихъ въ сенатѣ, и въ шведскихъ приѣздъ ко двору и бывшихъ кабинетъ-министрами. Такъ Щербатовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій рассказываетъ, что Биронъ, «ѣздилъ немалое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвалъ сенаторовъ и говорилъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велить, для исправленія мостовъ, положить.» Одинъ Ягужинскій, поступавшій всегда рѣшительно, позволялъ себѣ полную свободу въ обращеніи съ нимъ: но за Ягужинскаго были заслуги, оказанныя Аннѣ Іоанновнѣ въ 1730 году. Татищевъ также дѣйствовалъ тогда противъ вѣрховниковъ, князей Долгорукихъ и Голицыныхъ: но въ его мнѣніи о лучшемъ образѣ правленія было нѣсколько рѣзкихъ словъ о неистовыхъ временщикахъ; потомъ управляя горными

заводами, онъ постоянно старался дать перевѣсъ русскому элементу надъ нѣмецкимъ, открывалъ злоупотребленія Шемберга, подъ фирмою котораго обоготался самъ Биронъ. По-ставленный обстоятельствами, сопровождавшими восшествіе Анны Іоанновны на престолъ, и потомъ службою во враждебныя отношенія къ Бирону, Татищевъ разумѣется немогъ, да и не хотѣлъ имѣть въ виду никакихъ заслугъ герцога, о которыхъ впослѣдствіи не безъ похвалы отзывался другой русскій историкъ XVIII вѣка, князь Щербатовъ, говорившій: «хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единого вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія; но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности; страшилися вельможи подать какую-либо причину къ несчастію своему, и не бывъ ими защищаемы, страшилися и судьи, что неправое сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ по крайней мѣрѣ лести въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; просто послѣдую законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли.» Щербатовъ, недовѣрчиво смотрѣвшій на быструю переměну нравовъ въ Россіи, ставилъ, на точку зрѣнія старовѣра: а въ этомъ отношеніи ни одно изъ царствованій прошлаго вѣка не могло въ такой степени удовлетворить строгаго моралиста и консерватора, какъ время Анны Іоанновны, когда наиболѣе сдѣлано было отступленій отъ административныхъ реформъ Петра, когда свобода общественной жизни, непренебрегая возможною вышностью и даже блескомъ, пугалась суроваго примѣра,

который подавали ей собою люди, стоявшіе во главѣ общества. Дѣйствительно нѣмецкіе правители, сибирившіе русскихъ: князя Меньшикова, графа Толстаго, князей Долгорукихъ, были осторожнѣе ихъ, менѣе обременяли свою память позорными интригами, нежели ихъ предшественники. Остерманъ, какъ дипломатъ, и Минихъ, какъ воинъ и инженеръ, трудились какъ никто не трудился изъ другихъ лицъ, стоявшихъ вблизи двора. Но Татищевъ, постоянно вѣрный направлению, которое было дано Петромъ, самъ точно также не безъ рѣзкости умѣлъ судить о дѣлахъ неистовыхъ правителей трехъ прежнихъ царствованій; а съ другой стороны, не принадлежа къ числу людей окружавшихъ императрицу, нисколько не уступалъ въ любви къ труду ни Остерману, ни Миниху. Дѣйствуя совершенно на другомъ служебномъ поприщѣ, онъ принесъ тамъ не менѣе пользы, чѣмъ они на своемъ; къ тому же дѣятельность Татищева, принося одна выгоды государству и обществу, не истощала ихъ средствъ, какъ честолюбивые замыслы знаменитаго полководца въ крымскихъ кампаніяхъ. Нѣмецкіе правители покрыли имя русской императрицы и русской арміи военною и дипломатическою славой; но эта слава дорого стоила націи, невѣдѣвшей прямой выгоды отъ нея. Болѣе двѣнадцати частныхъ наборовъ рекрутами и лошадьми въ продолженіе шести, семи лѣтъ, должны были значительно истощить земледѣльческія силы населенія; но не наполнили и армію, терявшей ежегодно огромное число людей и скота, иногда забравшагося безъ вознагражденія не только у жителей тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя шли войска, но изъ отдаленныхъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій областей. А крутыя мѣры и нерѣдко нѣнявшіяся постановленія по сбору недоимокъ, которыя набавлялись съ каждымъ годомъ, возстановленіе правяща, эвакуація исполнявшіяся нарочно посылаемыми для

того въ губерніи командами, приказы высылать изъ деревень помѣщиковъ, отказывать имъ отъ заводовъ, людей и прѣстѣннѣ ихъ ни въ чемъ не слушать, деревни продавать съ публикаціи, а скотъ и хлѣбъ особо,—всѣ эти мѣры сдѣлали ненавистнымъ имя домочнаго приказа и соединились въ представленіи народномъ съ именемъ Бирона. Нѣмецкіе правители несли на этотъ разъ отвѣтственность и за дѣянія прежнихъ царствованій. Не даромъ при Екатеринѣ I-ой верховный тайный совѣтъ замѣтилъ неудобства, происходившія отъ многочисленности областныхъ чиновниковъ и отъ неопредѣленности ихъ служебныхъ отношеній, что было невыгодно для правительства и тягостно для народа. А правители времянь Анны Іоанновны, слѣдуя отчасти указаніямъ, сдѣланнымъ въ царствованіе Петра II, мало-по-малу возвратились въ устройствѣ администраціи къ преданіямъ XVII вѣка. За то дѣйствія комиссіи, учрежденной Екатериною I, подъ предсѣдательствомъ князя Дм. Мих. Голицина, для разсмотрѣнія: какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною собирать деньги, съ дворовъ ли, съ тягловъ, съ земли или съ душъ, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ? смяты были политическими бурями, которыя подняли русскіе временщики и верховники нерадивымъ ихъ управленіемъ. Тяжелое наслѣдіе пало на долю нѣмецкихъ правителей, и только въ предпоследній годъ царствованія Анны Іоанновны удалось комиссіи указать на истинныя отношенія народонаселенія Россіи къ платимымъ имъ податямъ. Современники, разумѣется, не могли обратить должнаго вниманія на этотъ трудъ; и заслуга его сокрыта была отъ нихъ печальными примѣрами прежнихъ лѣтъ, вліянія которыхъ нельзя было отстранить поздними улучшеніями. Наконецъ имена тверскаго архіепископа Теофилакта Лопатинскаго, кievскаго митрополита Варлаама Вонатовича, епископа во-

ронежскаго Льва, архіепископа Ростовскаго Георгія Дашкова, епископа коломенскаго Игнатія Смола и другихъ духовныхъ лицъ, которыя были лишены своихъ сановъ и сосланы въ монастыри, кто за борьбу противъ протестантовъ, кто за отказъ отслужить второе торжественное молебствіе по избраніи Анны Іоанновны, по случаю возвращенія ей самодержавія; имена заточенныхъ верховниковъ и ихъ родственниковъ, имена лицъ всѣхъ состояній, которыхъ не вѣщали, по словамъ Щербатова, ни застѣнки тайной канцеляріи, ни казармы петропавловской крѣпости, поддерживали непріязненное расположеніе народа къ правителямъ. Почти такыя же были отзывы иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію. Одни изъ нихъ, какъ графъ Альгаротти, расхваливали вѣдшее могущество Россіи, ея морскія и сухопутныя силы, удивлялись быстрому росту Петербурга, великолѣпію его недавно воздвигнутыхъ зданій, указывали на вѣдшую торговлю Россіи съ Голландіей, Франціей, Швеціей, Даніей, предсказывали будущее развитіе сибирскаго края и сношеній его съ Китаемъ, съ восторгомъ отзывались о подвигахъ Миниха, Ласси, Кейта, о побѣдахъ русскихъ надъ турками. Другіе, какъ авторъ «Lettres Moscovites», знаменитаго памфлета, направленнаго противъ правителей временъ Анны Іоанновны, съ ожесточеніемъ говорили о порядкахъ русской администраціи, о затрудненіяхъ, которыя старались подставить путешественнику областные правители, объ ужасахъ допросовъ въ тогдашнихъ канцеляріяхъ, о безобразіи тюремъ, о невѣжествѣ и суетвѣри, въ которомъ пребывала народная масса, о бѣдственномъ стѣсненномъ положеніи городскаго и сельскаго населенія, о злоупотребленіяхъ и корыстолюбіи властей. Одни говорили, что русскому народу предстоитъ блестящая будущность въ исторіи Европы, посредническая роль между востокомъ и западомъ, ждали мно-

гаго отъ юныхъ, непочатыхъ силъ народа, введеннаго Петромъ въ общую жизнь съ остальными европейскими государствами; другіе—считали недостатки русскихъ недостатками народа старѣвшагося, неспособнаго къ дальнѣйшему движенію, звали русскихъ скинами, врагами всякаго успѣха на пути политической и общественной жизни, ставили ихъ чуть не ниже татарскихъ племенъ, населявшихъ восточный край Россіи, отрицали способность ихъ къ просвѣщенію. Нетрудно видѣть, что различныя точки зрѣнія отчасти лежали въ личныхъ отношеніяхъ людей знакомившихся съ тогдашнею Россією, отчасти имѣли опорувъ дѣйствительности. Давняя черта русской жизни до Петра, двовѣріе не было стерто реформою: преобразованія, надавъ окончательно политическое единство Россіи, усилили начинавшійся до нихъ разладъ между людьми знатныхъ породъ и подлостью; создавъ огромный, могущественный по матеріальнымъ силамъ государственный организмъ, не имѣли времени сдѣлать того-же для общественной жизни. Ни русскіе правители, смѣнившіе Петра и мало понимавшіе жизнь западныхъ народовъ, ни нѣмецкіе, смѣнившіе ихъ и совершенно не знавшіе русской жизни, не могли помирить этихъ противорѣчій. Заимствованія однихъ не всегда были удачны, большею частью подчинялись личнымъ ихъ выгодамъ; нововведенія другихъ преимущественно устремлены были на дипломатическіе и династическіе интересы. У Петра личныя цѣли никогда не выступали на первый планъ; преслѣдуя политическія выгоды, онъ обращалъ не меньшее вниманіе и на дѣла внутреннія: между тѣмъ какъ, ничѣмъ почти не вознаграждалось народное чувство во время господстванія нѣмецкихъ правителей; послѣ переворота 25 ноября 1741 года, возведшаго на русскій престолъ дочь Петра, долго сдержанныя чувства высказались. Проповѣди, рукописные пам-

олеты, торжественныя рѣчи академиковъ, даже петербургскія вѣдомости заговорили тогда на тему: «Промыслъ спалъ, статское искусство дремало; вся российская имперія была театр, на которомъ дикая злоба, честолюбіе—ярость и свирѣпство свое изліяли! Сребролюбіе и корысть дѣла Петра I уничтожали и помрачали! Коронами играли, какъ мячами; сега ради возстаньте сыны отечества, вѣрные россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!»¹⁰⁰).

Когда пріѣхалъ въ Петербургъ Татищевъ, проживши пять лѣтъ на Уралѣ и въ Башкирскомъ краѣ, сыны отечества, вѣрные Россы, еще не вставали, призывъ къ оборонѣ родины ни откуда не раздавался; хотя народное неудовольствіе и шумныя рѣчи немногихъ русскихъ людей знатной породы не были ни для кого тайною. Многихъ изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ не досчитался Татищевъ въ кругу вліятельныхъ людей того времени. Князь Дм. Мих. Голицынъ сосланъ былъ еще до отъѣзда Татищева изъ Москвы. Знаменитый поборникъ самодержавія Анны Іоанновны, Феофанъ Прокоповичъ умеръ въ 1735 году, съ словами: «Главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?» Князь Кавтемиръ жилъ внѣ Россіи, отказавшись отъ руки богатой княжны Черкасской, наслѣдницы огромныхъ имѣній отца, и издали клеймилъ своими сатирами русское общество. Князь Черкасскій единственный представитель русской партіи въ кабинетѣ министровъ, не имѣлъ никакого значенія. Этотъ владѣлецъ 30,000 крестьянъ, по замѣчанію леди Рондо, можетъ быть говаривалъ въ шумныхъ ассамблеяхъ временъ Петра, а теперъ не вмѣшивался ни въ какія дѣла, хотя богатство и родственныя связи дѣлали его издавна главою шляхетства. Щербатовъ о немъ писалъ тоже: «сей человекъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность». Волынскій гова-

ривалъ о немъ: «нынѣ его поставятъ, а назавтрѣ постригутъ; онъ за все, про все молчитъ и ничего не говоритъ.» Словомъ Черкасскій былъ человѣкъ, который даже по смерти Анны Иоанновны, съумѣлъ выдать Бирону имена людей, хотѣвшихъ столкнуть ненавистнаго регента. Татищевъ прѣхалъ въ Петербургъ тогда, какъ русской партіи приходилось очень плохо. Снова поднято было дѣло Долгорукихъ; ихъ вызвали изъ мѣсть ссылки, передпросили, засудили снова и переказнили. А тамъ очередь была за Волынскимъ и его друзьями, Хрушовымъ, Еропкинымъ, Соймоновымъ и другими: Татищевъ же не разъ пользовался, при своихъ ученыхъ занятіяхъ, рукописями Волынскаго, Еропкина и Хруцова; былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Между различными обвиненіями Волынскаго были: начитанность его, переводы и распространеніе нѣкоторыхъ историческихъ и политическихъ книгъ, сочиненіе проэктвъ о государственномъ управленіи, о сословныхъ отношеніяхъ и администраціи въ Россіи. Татищевъ также привезъ съ собою нѣсколько подобныхъ проэктвъ. Еще въ 1735 году, когда думали учредить академію Россійскую для исправленія русскаго языка, сочиненія грамматики и лексиконовъ, онъ представлялъ Аннѣ Иоанновнѣ свое мнѣніе о переводѣ нѣмецкихъ названій горныхъ чиновъ на русскій языкъ и, несмотря на противодѣйствіе Бирона, ввелъ эти названія въ подѣдомственныхъ ему заводахъ. Теперь онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ Делилемъ о составленіи русской географіи и въ своемъ планѣ касался нѣкоторыхъ административныхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ привезъ въ Петербургъ свою исторію, которую читалъ многимъ и которая надѣлала шуму высказанными въ ней замѣчаніями. Различными отзывами встрѣченъ былъ трудъ Татищева: «иному то, другому другое не нравно было; что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яс-

нѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или со—
 всѣмъ оставить; да недовольно было того, говорить самъ Тати—
 щевъ: явились нѣкоторые съ тяжкимъ порицаніемъ, якобы
 я въ оной православную вѣру и законъ опровергалъ.»
 Наконецъ Татищевъ думалъ также сдѣлать нѣсколько
 предложеній объ управленіи уральскимъ и оренбургскимъ
 краемъ ¹⁰⁷). Но Бирону было не до преобразованій.
 Герцогу болѣе пришлось по сердцу доносы и жалобы на
 Татищева, присланные и привезенные въ Петербургъ вслѣдъ
 за его отъѣздомъ изъ Башкиріи, нежели его планы и про—
 екты. И вотъ надъ Татищевымъ стряслась бѣда: что дру—
 гимъ сходило съ рукъ сплошь и рядомъ, Татищеву не про—
 шло даромъ; наряжена была особливая комиссія для изслѣ—
 дованія его управленія оренбургскимъ краемъ. Оказалось,
 что преступленія Татищева не были политическими и не
 имѣли связи съ дѣломъ Волынскаго: сходство было только
 нѣкоторое, въ характерѣ дѣйствія обоихъ по областному
 правленію.

Еще въ 1739 году, 11 марта, графъ М. Головкинъ писалъ
 герцогу курляндскому: «Свѣтлѣйшій герцогъ, особливо мой
 милостивый патронъ! Предъ недавнымъ временемъ изво—
 лилъ ваша свѣтлость, со мною говорить о Васильѣ Татище—
 вѣ, о его непорядкахъ, и при томъ изволили мнѣ предска—
 зывать, что къ тому пристойно, о томъ бы надлежащимъ по—
 рядкомъ я представилъ, и въ подобныхъ таковыхъ же слу—
 чаяхъ ея имп. величеству и вашей свѣтлости моимъ мнѣ—
 ніемъ служилъ; и по тому вашей свѣтлости приказу, навѣ—
 дывался, какія его Василья Татищева несправы и развѣ—
 далъ, что полковникъ Тевкелевъ, вашей свѣтлости о томъ
 доносилъ, того для призывалъ я его полковника и о всѣхъ
 обстоятельно выспросилъ, по по несчастію моему заболѣлъ,
 отчего и нынѣ, хотя есть и легче, однако съ постели еще не

встаю: того ради, по приказу вашей свѣтлости, приѣмлю дерзновеніе сиии строками слабое мое мнѣніе въ пользу интереса ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, всеподданнѣйше представить, что я изъ онаго дѣла усмотрѣлъ два вида: 1, о неурядкахъ, напакахъ и взяткахъ Василья Татищева; 2, что онъ Василій Татищевъ еще не поставилъ на мѣрѣ, гдѣ Оренбургу быть пристойно; и по сему что до перваго вида касается, то необходимо надобно, его Василія Татищева отъ тамошней команды стрѣлнить и изслѣдовать, по близости въ Казани, особливо учрежденной на то комиссіей, гдѣ какъ ему Василью Татищеву, такъ и полковнику Тевкелеву для доказательства быть надобно, и что по слѣдствію явится, тогда о томъ и разсудить можно будетъ, что дѣлать». Далѣе Головкинъ предлагалъ свои мѣры для устройства башкирскаго края.

Нельзя спорить противъ обвиненія Татищева, въ крутомъ управленіи оренбургской экспедиціей, трудно доказать его чистоту относительно пристрастія къ благимъ даяніямъ отъ просителей и подчиненныхъ. Самъ Татищевъ оправдывалъ предъ Петромъ подарки, принимаемые за труды; въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше своихъ современниковъ. Но нѣтъ ничего легче, какъ оправдать Татищева въ обвиненіи, будто онъ ничего не сдѣлалъ для оренбургскаго края. Сколько препятствій встрѣтило оренбургскую экспедицію, это можно видѣть изъ дѣятельности Кирилова. Сколько неудачъ, невыполненныхъ плановъ и надеждъ ожидало будущую оренбургскую губернію, это можно видѣть: изъ записокъ ея губернатора И. И. Неплюева; изъ донесеній Екатеринѣ II Дмитрія Волкова объ оренбургской губерніи, писанныхъ въ 1763 году; наконецъ изъ записки 1770 года, составленной Рейнсдорфомъ о недостаткахъ ввѣренной его управленію губерніи. Край, окончательно устройство котораго принадлежитъ на-

шему вѣку, нуждался въ большихъ средствахъ и времени, нежели тѣ, какія были въ распоряженіи у Татищева ¹⁰⁸).

Въ сожалѣнію, дѣла слѣдственной надъ Татищевымъ комиссіи остаются пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. Лишь по нѣсколькимъ случайнымъ отрывкамъ изъ нихъ можно судить объ общемъ характерѣ слѣдованія и его результатахъ. Уже въ правленіе Анны Леопольдовны, когда посылали Татищева въ Астрахань, велѣно было (29 іюля 1741 г.) навести справки: «какія до онаго Татищева дѣла имѣются и всѣ-ль изслѣдованы или нѣкоторыя еще не изслѣдованы, и за чѣмъ оная комиссія понынѣ продолжается?» По справкамъ оказалось: 1, по протестамъ полковниковъ Тевкемева и Бордекевича и купца Иноземцова, въ разныхъ дѣлахъ; 2, противъ показательства полковника Давыдова; 3, по челобитью купца Фирсова, — которыхъ рѣшеніе будетъ немедленно представлено въ кабинетъ. «Сверхъ того по протестамъ его Татищева на полковника Бордекевича явилось, что онъ какъ о нерадѣтельныхъ Бордекевича поступкахъ, такъ и во взятѣ и во удержаніи у себя башкирскихъ лошадей, скота и прочаго въ кабинетъ представлялъ неосновательно и тѣми представленіями Бордекевича привелъ къ слѣдствію напрасно; за что, по мнѣнію комиссіи, положено его Татищева, по разсужденію силы воинскаго 148-го артикула лишить всѣхъ чиновъ, чему полковникъ Бордекевичъ, ежели-бъ отъ него доказанъ былъ по силѣ воинскаго-жь 28 артикула належалъ: которое мнѣніе для высочайшей конфирмаціи внесено было въ кабинетъ при доношеніи; а, по высочайшей ея императорскаго величества конфирмаціи, повелѣно его полковника Бордекевича для объявленныхъ въ мнѣніи комиссіи резонъ, отъ слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подзорніе не причитатъ, а заслуженное жалованье, что со

времени аресту не получалъ, выдать сполна». Относительно же самого Татищева, такъ какъ неразсмотрѣны еще были другія дѣла, велѣно было окончательной сентенціи не заключать. Изъ другихъ дѣлъ, входившихъ въ слѣдствіе надѣ Татищевымъ, извѣстны вопросные пункты, сдѣланные ему комиссіей, по поводу жалобы казанскаго купца Семена Иноземцева, — пункты, на которые Татищевъ впрочемъ не давалъ отвѣта. Ихъ было два: «1-е въ прошедшемъ 1737 году мая 26 дня, въ бытность вашу въ Казанѣ, тамошняго купца Иноземцева жену и дочь въ квартиру свою вы призывали-ль и спрашивали-ль жену его Иноземцева со гнѣвомъ объ отлученіи мужа ея изъ Казани; и домъ его Иноземцева арестовать хотѣли-ль, при чемъ помянутыя жена его и дочь многократно въ ноги вамъ кланялись, а купецъ Борисъ Пушниковъ, на колѣнахъ стоялъ-ли, и просили-ль они о помилованіи домашнихъ его Иноземцева, чтобъ не учинили вы какого изуренія и раззоренія и при томъ многіе штаты и знатные купцы: Афонасій Дрябловъ, Борисъ Пушниковъ, да бывшей тогда капитанъ, что нынѣ камергеръ, господинъ Брылкинъ, и прочіе были-ль, и въ томъ на оныхъ свидѣтелей вы ссылаетесь-ли? 2, послѣ того на другой день объявленному купцу Борису Пушникову выговорили-ль, чтобъ помянутая жена его Иноземцева дала вамъ денегъ 500 рублей, — а ежели не дастъ, то домъ ихъ заарестовать; а люди ихъ и караульными солдаты, у которыхъ ушелъ мужъ ея, помянутой Иноземцевъ, разыскивать хотѣли-ль и объявленное число денегъ 500 рублей у него Пушникова вы взяли-ль?» Иноземцевъ, о которомъ говорится здѣсь, былъ неисправнымъ исполнителемъ по казеннымъ подрядамъ, чего Татищевъ очень не любилъ. Но у Иноземцева были свои благодѣтели, у Татищева же его обычная рѣзкость. Есть также отрывочныя извѣстія о томъ, что въ слѣдственную комиссію о

дѣлахъ Татищева входило много побочныхъ изысканій. Такъ въ ней было разсматриваемо особенное дѣло объ отставленномъ Татищевымъ уфимскомъ воеводѣ Степанѣ Шемякинѣ. Но изъ всего этого дѣла извѣстенъ лишь небольшой эпизодъ о табынскомъ казакѣ Романѣ Исаевѣ, который до солдатства, велю свою изъ татаръ и съ женою крестился, потомъ бѣжалъ въ уфимскій уѣздъ, обусурманился и, во время башкирскаго бунта, находился при главныхъ бунтовщикахъ, Бильяинѣ съ товарищи, въ бою былъ взятъ въ плѣнъ; будучи отправленъ въ уфимскую провинціальную канцелярію, подалъ Шемякину донесеніе на комиссара Утятникова; Шемякинъ отправилъ его къ Соймонову въ Мензелинскъ, гдѣ Исаевъ съ розыску показалъ, будто объявилъ Шемякину камень, взятый имъ у башкирца телевской волости Борынгула, цѣною въ 1500 рублей, который могъ дѣйствительно свѣтить и безъ огня яко свѣтъ, что можно при немъ писать, и будто Шемякинъ тотъ камень взялъ себѣ и обѣщалъ ему въ винахъ прощеніе. Но въ петербургской комиссіи Шемякина допрашивали объ этомъ камнѣ и онъ заперся: тогда Исаева привезли въ Петербургъ и розыскивали, при чемъ онъ съ подъемовъ и съ пытки винился, что все то показывалъ, избывая смертной казни, по наученію капитана Кулика Дорогомира; а потомъ прибавлялъ, что можетъ найти серебряную руду въ Башкиріи. Но такъ какъ Куликъ Дорогомиръ уже умеръ, а руду можно было обыскать и безъ Исаева: «того ради, говорилось въ резолюціи слѣдственной комиссіи, надлежитъ онаго Исаева, за показанныя тягчайшія его вины, не посылать въ Мензелинскъ къ Соймонову, казнить смертию въ Петербургѣ, дабы въ провозѣ его не было напраснаго казеннаго убытка, а особливо чтобы съ дороги не ушелъ и нущаго злодѣйства учинить не могъ»¹⁹⁹).

Чѣмъ бы кончилась слѣдственная надъ Татищевымъ коммиссія, если бы Биронъ усидѣлъ на регенствѣ, рѣшить трудно. Но она сильно подѣйствовала на самого Татищева, вообще недовѣрчиво относившагося къ тогдашней общественной жизни, и онъ написалъ духовное завѣщаніе и наставленіе сыну своему Евграфу ¹¹⁰). Въ этомъ завѣщаніи Татищева высказались его идеалы общественной и частной жизни: «Хотя вижу себя не великой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ, говоритъ онъ почти въ началѣ духовной своей: но въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печали, гоненіи невинномъ и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя исше, яко скудель, языкъ мой прильпѣ гортани моему, и нѣсть избавленія плоти моея, токмо единой просить отъ Господа милости и отпущенія грѣховъ моихъ тяжкихъ, въ нихъ же увязъ, яко въ тинѣ глубины. И видя себя паче разбойника, блуднаго сына, мытаря и блудницы согрѣшивша, стыжуся приступити ко Господу, ниже съблю очи мои на небо возвести». Цитуя мѣста изъ священнаго писанія, изъ книгъ Давида, Соломона, пророка Іоны, апостоловъ Іоанна Богослова и Павла, касающіяся грѣховъ и пороковъ молодости, Татищевъ пишетъ: «человѣкъ въ младости и во благополучіи, мало о законѣ Божіи и спасеніи души своея прилѣжитъ, но водимъ паче помыслами плотскими... Егда же человѣкъ приблизится къ старости, или скорби, болѣзни, бѣды, напасти, и другія горести усмирять плоть его, тогда освобождается духъ отъ порабоженія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею; тогда познаетъ неистовство и пороки юности своея и начнетъ прилѣжать о приобрѣтенія истиннаго добра, прилѣжать о знаніи Закона Божія... Такъ въ старости человѣкъ благоразумный Закономъ Божіимъ и благодатію его водимъ бываетъ, а воля его или хотѣніе не властвуетъ... Обаче старость сія не по

числу лѣтъ разумѣется; но болѣзни, бѣды и печали прежде лѣтъ состарѣвають и умъ очистятъ?.. и такими приключеніями человѣкъ иногда въ самой молодости обузданъ волею и приводитъ духъ въ сокрушеніе... Хотя часто слышимъ слова Спасителя нашего: бдите и молитесь да не внидете въ напасть, и зоветъ насъ на покаяніе, глаголя: покайтесь, приближило бо ся царствіе небесное... Но когда мы въ благополучіи находимся, все оное, якобы не намъ реченное, презираемъ, уничтожаемъ и о спасеніи своемъ не радимъ... А когда придетъ какая бѣда, скорбь или тѣснота, тогда мы нѣчто опаматоваемся и къ покаянію приближаемся; да и тогда не спѣшимъ къ истинному покаянію, и беремъ себя въ расужденіе, авось либо проживемъ, авось либо будетъ легче». Но, находясь въ печальномъ настроеніи духа, Татищевъ строго осудилъ тогдашній обычай составлять при концѣ жизни купчую или закладную: «и за тѣ явно умышленныя свои грѣхи, для спасенія души и отпущенія грѣховъ завѣщаемъ, нѣсколько денегъ послѣ смерти по церкви раздавать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонъ и свѣчи, построить церковь, также и въ милостыню раздавать погребеніе богатое и мѣсто, гдѣ погresti, опредѣляемъ».

Переходя отъ себя лично къ совѣтамъ сыну, Татищевъ говоритъ ему: «я прилѣжалъ тебя, любезный мой сынъ, отъ самаго младенчества потребному и полезному научить, и чему ты довольно способа имѣлъ, и еще имѣть можешь если токмо въ тебѣ смыслъ и прилѣжность не оскудѣютъ. И какъ уже нахожуся въ крайней слабости и безъ надежды долго жизнь мою соблюсти, такъ предаю твое наученіе болѣе на твою прилѣжность; а сверхъ опаго и сіе краткое завѣщаніе оставляю». Въ этомъ завѣщаніи нѣтъ обычныхъ распоряженій объ имуществѣ завѣщателя: «по естеству и закону всему единъ ты наследникъ и нѣсть инаго», гово-

Татищевъ сѣну. «А хотя дочь, а твою сестру Евпракшю; но оная при замужствѣ, по возможности, награжди и ничего требовать не можетъ, кромѣ что съ нею жить вно; а при томъ всѣ, кто мнѣ долженъ, или отъ кого шѣшь взять, все въ указномъ мѣстѣ показано». Потомъ дѣлаеть небольшое замѣчаніе о погребеніи своѣмъ: «дабы въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня смерть постигнетъ, великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому сти; и сіе не для сожалѣнія денегъ моихъ, но паче дабы великолѣпіе таковое, какъ обычай есть, не ося къ тягости грѣховъ моихъ тяжкихъ». И наконецъ одить къ изложенію своего взгляда на жизнь: говоитъ о религіозномъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи молодежи, объ отношеніяхъ къ родителямъ, о жезѣ и семейныхъ отношеніяхъ, о государственной службойной, гражданской и придворной, объ имѣніяхъ и тѣскомъ богатствѣ, объ управленіи деревнями.

Завѣщанія Татищева мы узнаемъ, что онъ наставилъ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами; не смотря на то, совѣтуетъ ему поучаться въ законѣмъ день и ночь даже до старости: «для сего нужнѣе со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. біблію катихизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣетъ, Василия Великаго, Григорія Назіанзина, Афанасія аго и Теофилакта болгарскаго; также печатныя въ шнія времена истолкованія десяти заповѣдей и благовѣстіе, которое за катихизисъ, а малая букварь, или юношеское зеркало, за лучшее нравоученіе служить мнѣ и всѣмъ безъ изыятія читать и силу ихъ познать по. Прологии житія святыхъ въ Минеяхъ-Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ иску-

сила и могъ бы довольно разсудить: ибо хотя въ немъ
 многія исторіи въ истиннѣ бытія кажется оскудѣвають,
 неразумнымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ немъ
 положенныхъ подать могутъ; однакожъ тѣмъ не огорченъ
 ся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію
 предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ.
 Оставляя немало собственныхъ книгъ, Татищевъ со-
 вѣтуетъ сыну самому приобрѣтати покупки какъ свѣтскія,
 такъ и духовныя сочиненія, которыя могутъ служить въ
 жизни неоцѣненнымъ сокровищемъ. Послѣ достаточнаго
 ознакомленія съ своимъ закономъ, Татищевъ предлагаетъ
 сыну перейти къ изученію твореній писателей католическихъ,
 лютеранскихъ и кальвинскихъ: потому что, встрѣ-
 чаясь часто въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій
 и вступая съ ними въ разговоры, при незнаніи основныхъ
 ихъ вѣроученій, нетрудно быть обманутымъ; особенно
 остерегаться должно папистовъ. Но и довольно познакомив-
 шемуся съ духовною литературою всѣхъ исповѣданій Тати-
 щевъ не совѣтуетъ въ явныя, жестокія или упрямыя спору-
 ченія съ единовѣрцами вдаваться, чтобъ «у людей злаго мнѣ-
 нія о себѣ не подать; а отъ неразумныхъ можно и претер-
 пѣть». Въ примѣръ тому онъ выставляетъ себя: «я хотя
 Богъ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не
 имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или прѣис-
 вступалъ; но потому что я нѣкогда о убыткахъ закона
 человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ
 несмысленныхъ и безразумныхъ, невѣдущихъ божьяго за-
 конна, и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданій
 Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбож-
 ника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ пре-
 терпѣлъ; токмо до днесь, благодатию Божіею и великодуш-
 емъ презрѣвъ такія клеветы и злонамѣренія терпѣливостію

околѣвъ, ихъ нелицемѣрнымъ поступкамъ и фарисей-
 нымъ ученіемъ не послѣдовалъ». Умѣнье удерживаться отъ
 рвѣныхъ споровъ онъ считаетъ главнымъ въ жизни. Во-
 спитіе, со времени Татищева, уже не ограничивалось,
 къ прѣжде, азбуковникомъ, часословомъ да псалтыремъ.
 Вотъ онъ совѣтуетъ послѣ чтенія сочиненій религіознаго
 дружанія заботиться о знакомствѣ съ свѣтскими науками:
 право надо выучиться право и складно писать; потомъ
 заняться ариметикою, геометріей, артиллеріей, фортифика-
 ціей и другими частями математики; небезполезно узнать
 французскій языкъ, который необходимъ для извѣстія о со-
 стояніи государства нашего. Средства изучить русскую
 исторію и географію Татищевъ указываетъ въ собранныхъ,
 переведенныхъ имъ въ порядокъ, бумагахъ: «ибо того
 въ помощи государя никакъ сдѣлать не можно». Нужно
 знать отечественные законы; источниками такого
 могутъ служить: уложеніе, воинскіе артикулы—сухо-
 путные и морскіе, и вообще всѣ печатные указы; разгово-
 рить о законахъ съ искусными людьми, по поводу собствен-
 ныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ. Надо знать и ябедниче-
 скія поварства, чтобы при случаѣ умѣть отразить ихъ.

Въ числу главныхъ нравственныхъ обязанностей Тати-
 щевъ относитъ почтеніе къ матери: «и хотя я съ матерью
 разошелся, говоритъ онъ своему сыну, нѣкоторымъ приключе-
 ніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нару-
 шено, но тебѣ нѣтъ въ томъ ни малой причины къ наруше-
 нію твоей должности. . . . И если ты понадѣешься на то, что
 являю тебя, по слабости женской, наказать по достоинству
 не могу; то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды роди-
 тельской безъ отмщенія не оставитъ».

Завѣщаніе Татищева, имѣя въ виду въ этомъ случаѣ
 было положеііе сына его, въ остальныхъ не слѣдовало

этому правилу. Сынъ Татищева уже былъ въ военной службѣ; а завѣщаніе твердитъ ему: прежде всего выучись сать. Точно также онъ, переходя къ вопросу о женитимѣть въ виду раннюю молодость, а разсуждая потомъ службѣ, рисуешь выгоды и невыгоды гражданской, военной и придворной службы, между тѣмъ какъ выборъ Еву Татищева былъ уже сдѣланъ. Можно думать, что отъ его, составляя завѣщаніе, имѣлъ въ виду вообще наставленія, полезныя для всякаго среди тогдашней жизни. Тамъ теперь, развивъ рядъ мыслей объ образованіи челоука науками въ ранней его молодости, Татищевъ переходитъ первымъ шагамъ молодого челоука въ жизни. «По окоу наукъ, говоритъ онъ, какъ только въ возрастъ осмицати лѣтъ приидешь, хотя въ тебѣ тогда наипаче любкъ женамъ и явится: однакожъ для будущаго благополучаю для пріобрѣтенія чести и способности, должно тебѣ во опредѣленную государственную службу вступиа по прошествіи 30 лѣтъ должно о бракѣ думать». Подное обсужденіе начинается съ женитьбы. Татищевъ иттивъ раннихъ браковъ: по его мнѣнію, молодые люди и въ дружбѣ, такъ и въ любви нетверды; и для того снач хотя довольно любовь изъявятъ, но рѣдко въ томъ постонны пребываютъ. Кромѣ того частыя отлучки мужа: дому, по дѣламъ службы, разрушаютъ супружескую вность. Отъ ранняго брака страдаютъ науки и служба иногда и здоровье: «для того лучшія лѣта брака отъ лѣтъ почитаютъ». Переходя къ выбору жены, Татищ замѣчаетъ, что справедливо на власть родителей и воспителей узда закономъ наложена, чтобъ силою и противъли къ браку не принуждали, и что о взаимныхъ чувственикто болѣе разсуждать не можетъ, какъ сочетающіеся: «та любовь часто такъ помрачаетъ умъ нашъ, что мы инс

иже благополучіе, здравіе и погибель презираемъ. И для
 иже въ такомъ дѣлѣ, какъ бы тебѣ всѣ обстоятельства
 ижны ни казались, нужно употребить въ совѣтъ людей
 разумныхъ, а паче надежныхъ родственниковъ и свойствен-
 никовъ; ненадежныхъ же весьма въ такомъ совѣтѣ должно
 избегатьъ, дабы по недовольному тебѣ обстоятельству
 беда не принесли; какъ-то мнѣ въ мою жизнь довольно
 много коварствъ вѣдать и видѣть случалось, что по скрыт-
 ной злобѣ къ жениху или невѣстѣ, невинно злорѣчатъ и
 обвиняютъ, или непотребное и недостойное похваляютъ и
 льстятъ, а послѣ насмѣхаются». Желая избавить сына
 отъ подобныхъ постороннихъ совѣтовъ, Татищевъ тот-
 же самъ дѣлаетъ ихъ: «что до персоны супруги ка-
 сается, то главныя обстоятельства—лѣнота лица, возрастъ
 и малость въ компаніи, которыя женамъ большую похва-
 лу приносятъ, и тѣмъ много молодые прельщаются. Но какъ
 известно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наибодѣ черви, а
 въ лѣнотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оно
 весьма небезопасно; противно же тому безобразныя хотя
 иногда достаточнаго ума бывають, и многократно въ су-
 ществѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хра-
 нятъ; однакожь равно, какъ старѣе себя жену взять, весь-
 ма небезопасно: ибо если хотя мало любовь нарушится,
 вскорѣ мысль и склонность къ младшей или лѣпѣйшей
 явится, и чрезъ то брачное обязательство разрушается, а
 и тѣмъ все состояніе въ безпорядокъ и домъ въ безпут-
 ство и разореніе приходитъ. И для того посредственная
 красота и равенство лѣтъ, или жена не менѣе десятию лѣ-
 тами моложе къ сожитію есть лучше». Относительно бо-
 гатства жены Татищевъ замѣчаетъ сыну: «въ супружествѣ
 должно не богатства искать, а особливо тебѣ: оставляю мое-
 му дѣлу, чѣмъ честно жить и неоскудно есть: нищи глав-

наго, то есть жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи и въ свой препроводить». Хорошіе свойственники лучше худашаго приданого; отъ нихъ идутъ дѣльные совѣты и помощь въ нуждахъ: «изъ подлости взятыя жены, хотя бываю довольно милы и честнаго житія; но ихъ родственники подлость неприятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, особливо холопки, какъ бы онѣя достаточны не были: чуждые дворяне великое отвращеніе (отъ нихъ) имѣютъ. Ихъ отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чуждыхъ людяхъ бывають; однакожь всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище; а великіе иногда гордостію надменны и супругамъ уничтожителями являються». Бракъ между равными по состоянію и при хожденію лучше всего, говоритъ далѣе, въ видѣ общаго примера, Татищевъ и потомъ прибавляетъ: «главнѣйшее въ женѣ — доброе состояніе, разумъ и здравіе». Одна дѣлавъ сыну признаки хорошаго выбора жены, онъ выставляетъ потомъ, какъ обязанности мужа, любовь и вѣрность, удаленіе отъ ревности и жестокости: ибо хотя немногіе смысленные разсуждаютъ, якобы ревность отъ любви и исходитъ; но я довольно искусился, что оная любовь вѣрность раззоряетъ и нехотѣвшую огорченіемъ на прощныя и коварныя поступки приводитъ... Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и всему другому должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и ты съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе поручать: а за тѣмъ и самому нелѣбно смотрѣть. Однакожь храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не было подъ властію; сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то жешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъяснить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже дово-

не видить; а особливо высокопарныя, а лучше сказать, душни жены, безрасудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаньемъ, дурацкою ревностію, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустальги и шутлиницы больше всѣхъ въ томъ обращаются; и думая заставить тѣмъ враньемъ свои пороки непрестанно бредить, сами попуган, что имъ на мысль придетъ; а больше онѣ подобны соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такъ бѣду или несчастье мужу своему наносятъ, что онъ, конечно получа себѣ отъ женщины глупости новыхъ и неизвестныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несправедливо терпѣть». Подлѣ такихъ женъ всегда появляется какой нибудь кругъ ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, которыхъ, какъ злѣйшаго яда, надо беречься: «ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и разладъ между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, отъ нихъ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ чуждыя страны». Наконецъ свои осторожные совѣты о женитьбѣ Татищевъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ: «не дѣлай свадебной церемоніи, чтобъ не дѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши kota погребаютъ». Всѣ эти подробности о семейныхъ отношеніяхъ и внимательность, съ какою разсматривая вопросъ о бракѣ, показываютъ отчасти, что это было большое мѣсто въ жизни Татищева. Женившись на Евдокии Рѣдкиной, онъ вскорѣ разошелся съ нею. Онъ не могъ поступить такъ, какъ водилось въ древней Россіи, отправить жену въ монастырь; не могъ и совсѣмъ помириться съ своимъ собственнымъ положеніемъ. Что было при этомъ разлада между мужемъ и женой, рѣшить трудно:

хотя горечь, съ какой выражается Татищевъ о ревнотелства, вынудившія разводъ. Что Татищевъ былъ въѣтъ крутаго нрава, это говорили многіе изъ его совѣтниковъ; самъ же онъ постоянно жаловался на плохоревье, какъ на причину раздражительности. Но кромѣныхъ свойствъ завѣщателя, въ его духовной должны отразиться и обстоягелства времени. Затронутый ипросъ не принадлежалъ тогда къ числу вопросовъ, урѣшенныхъ: на немъ всего сильнѣе отражались недосогдашняго общества и неустановившіяся привычки ини. Съ 3 апрѣля 1702 г., съ тѣхъ поръ какъ Петръилъ своимъ указомъ рядныя и сговорныя записи кахъ, совершавшіяся крѣпостнымъ порядкомъ, и дакимъ образомъ въ руки женщины своего рода вольнуни семейныя отношенія, развившіяся въ замкнутойтерема, ни общественное положеніе женщины не уеще получить приличныхъ формъ и внутреннего соднія. Подлѣ высокихъ женскихъ характеровъ стояли пмелкія натуры. Съ своей стороны мужчины, привыкнуобщественной дѣятельности къ крутому обращеніюсъ другомъ, проводя нерѣдко по нѣсколку часовъстѣнкахъ, или среди жестокихъ смиреній своей челдворни, могли ли возвращаться домой въ семью съченными нравами? Единственный и главный тогда рукотель въ жизни, примѣръ другихъ, не былъ привлекатеи Татищевъ долженъ былъ указывать сыну на другаго въ семейномъ быту: «болѣе же, говорить онъ, о людолжности къ женѣ, родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ и рдостаточное письмо святое тебѣ наставленіе подастъ; того оно читай прилежно, и тщися по оному поступат

Покончивъ съ семейными отношеніями, Татищевъ переходитъ къ служебнымъ. Вѣрность государю и государству, прилежаніе къ общей пользѣ, повиновеніе властямъ:— вотъ главные качества хорошаго служаки. «Главное же повиновеніе, говоритъ Татищевъ, повторяя слова отца своего, собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя не опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи.... и когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрѣкался, всегда о томъ сожалѣлъ: равно же и надъ другими слышалъ. Рекомендуя вѣрность государю и ревность къ государственной службѣ, Татищевъ замѣчаетъ, что награжденія и повышенія возбуждаютъ въ другихъ зависть, навлекаютъ клеветы и гнѣвъ отъ всѣхъ плутовъ, лизникоу и прихотыи преисполненныхъ людей, и, обращаясь къ собственной судьбѣ, прибавляетъ, «какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ ихъ величества претерпѣлъ напрасно; однакожъ напоследокъ отъ его величества вѣчно достойная памяти Петра Великаго не только дозволенное награжденіе, но и высокую милость, чрезъ то ослѣветаніе получилъ; а оклеветатели посрамились». Припоминая замыслы верховниковъ и допуская возможность подобныхъ вопросовъ и въ будущемъ, Татищевъ говоритъ саму: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и мнущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясныя приклады показать могутъ, какъ-то нѣкоторые и предъ не многими лѣты безумно начинали; а паче всего тайность государя прилежно храни, и никому не открывай, всего же

болѣ женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали. И для того о такихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступай; а если кто тебѣ и о подобномъ дастъ причину чрезъ разговоръ, то старайся ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобъ къ твоей тайности не приблизиться». Таковы были совѣты Татищева, относившіеся вообще ко всякой службѣ; всѣ они основаны на осторожности и горькомъ опытѣ.

Переходя къ подробностямъ Татищевъ прежде всего дѣлитъ службу на военную, гражданскую и придворную: службу духовную онъ опускаетъ, потому что шляхетство рѣдко въ нее употребляется, и то развѣ въ монашествѣ, которое впрочемъ сильно упало со временъ реформы. Военная служба отвѣчаетъ молодости, когда человѣкъ начинаетъ ощущать въ себѣ силу и бодрость, между 18 и 25 годами. Слишкомъ рано вступать въ нее опасно потому, что «человѣкъ во младости невоздерженъ и, будучи въ солдатствѣ, между подлостію легко благонравіе и пристойность потерять и безпорядку прилѣпиться можетъ»; и наоборотъ, кто долго дома заживетъ, хотя привыкнетъ къ домашнему обхожденію, но всего болѣе къ своевольству и потомъ трудно будетъ повиноваться. Въ самой службѣ почтеніе всего храбрость, но запальчивость не лучше робости: опрометчивостію можно погубить даже подчиненныхъ своихъ, а робость для воина поношеніе; надо сохранять середину. Полезно также приобрѣсти почтеніе и любовь отъ начальниковъ послушаніемъ, отъ подвластныхъ ласкою, разсудительностью и благоразуміемъ. Послуживъ довольно въ военной, можно перейти въ гражданскую. По этому случаю Татищевъ припоминаетъ, что Петръ, видя недостатокъ въ гражданской службѣ опытныхъ дворянъ, находившихся преимущественно въ войскѣ, и раззореніе отъ чиновниковъ изъ подлости и убожества, сдѣ-

лать четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія: 1) для обученія гражданскимъ дѣламъ прикомандировывалъ молодыхъ дворянъ въ коллегіямъ, а для обученія иностраннымъ назначалъ ихъ юнкерами при всѣхъ русскихъ министрахъ, жившихъ за границей; 2) въ секретари не производилъ никого кромѣ дворянъ; 3) велѣлъ для гражданскихъ услугъ въ резиденціи, губерніяхъ и провинціяхъ избирать шляхетству изъ среды себя людей достойныхъ; 4) всѣхъ довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабости немогущихъ, велѣлъ въ гражданство опредѣлять. Но, по смерти Петра, всѣ эти мѣры были оставлены, точно также какъ пренебрежень и другой указъ его объ обученіи дворянъ въ школахъ съ малолѣтства. Мало того: часто опредѣляли въ гражданскую службу людей, выписанныхъ изъ военной и незнавшихъ законовъ, между тѣмъ какъ гражданская услуга есть въ государствѣ главная. И потому Татищевъ, не видя иныхъ источниковъ знакомства съ законами, совѣтуетъ сыну прежде вступленія въ службу, разсуждать о ея порядкахъ съ старыми, честными и разумными людьми. Храненіе правосудія во всѣхъ дѣлахъ, предпочтеніе общихъ интересовъ собственной пользѣ, осторожность отъ взятокъ, — вотъ главные условія честной гражданской службы, по мнѣнію Татищева. Разсказавъ къ случаю свой разговоръ съ Петромъ о лихоимствѣ, Татищевъ опять оканчиваетъ свои разсужденія предостереженіями: «сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкой, кто бы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико воз-

можно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить, и честно сохранить, за что ты не тогмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь. А при томъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ чело- битчикамъ въ честь показываться, не тогмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери незатворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ: и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить. Весьма хранися предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они протяжки бѣдные нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы. Наипаче всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили, и не ввергнули бѣ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оныя тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говорить, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или то же самое тогмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что

исполнить до пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкой, чтобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то не одного изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ призвать должно, токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненной, неалчной и справедливой человекъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отиѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ. Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности павести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обмануть быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговорами, прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, на единѣ, или когда бестыденъ при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай: а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать, не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать. Такое обиліе совѣтовъ, относящихся до гражданской службы, лучше всего

указываетъ, что самъ Татищевъ болѣе знакомъ былъ съ нею, нежели съ военною, и что жизнь, полная столкновений и непріятностей, приучила его къ крайней осторожности, которую онъ внушалъ и сыну.

Нечуждъ будучи и придворной службы, видѣвъ императорскій дворъ при Петрѣ и во время коронованія Анны Юанновны, Татищевъ съ меньшимъ сочувствіемъ отзывается о ней. По его мнѣнію, придворная служба не лишняя: самое имя дворянинъ произошло отъ придворности; знатѣйшіе и богатые дворяне придаютъ своимъ великолѣпіемъ блескъ двору, придворные ближе всѣхъ къ милостямъ и наградамъ чинами и имѣніями. Такъ было въ то время, когда писалъ Татищевъ. Воспитанникъ Петра, онъ опять не можетъ не вспомнить, какъ смотрѣлъ на придворную услугу преобразователь: «Петръ Великій, говоритъ онъ, который великолѣпіе, единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вѣднѣялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оныя весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оныя рангами, жалованьемъ, и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житье и обхожденіе, никогда бѣ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ: понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе приобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнуть. Но сія не мнѣ, чтобъ генерально и они сія злодѣянія за добродѣтели почитали; но суть нѣкоторые того неистовства существе злодѣи. А если не сильны, то и политикѣ придворной не прилѣпляются; однакожь отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бывають. И для того вромѣ повелѣнія мо-

каршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакимъ тутъ благополучіемъ не льстися. Если же въ то призванъ будешь, прилежи о томъ, чтобъ представить себя государю вѣрнымъ и присяжнымъ рабомъ, товарищамъ добрымъ, а страдающимъ и погибающимъ помощникомъ и заступникомъ. Если ты добра сдѣлать не можешь, то по малой мѣрѣ покажи прилежливость и сожалѣніе объ нихъ: а не дѣлай себя подобно истинному идолу. Знай, что гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ свою благодать: смирившійся вознесется, возносяшійся смирится. Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиса невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтѣ не создалъ».

Разобравъ обязанности, соединенныя со всеми тремя видами тогдашней службы, Татищевъ переходитъ къ матеріальному вознагражденію, которое приносила она, считая его недостаточнымъ для обезпеченія жизни. «Вѣдай, говоритъ отъ сыну, что какимъ бы ты чиномъ не былъ, отъ получаемаго жалованья, хотя онаго и довольно на прожитокъ положено, едвали кто можетъ имѣть своею бережливостію, а лучше сказать скупостію, 100 душъ; еслижъ и такъ, то покажетъ себя презрительнымъ въ людяхъ благороднаго обложенія, а о 1000 душахъ и думать нельзя». Въ этихъ словахъ не столько выразился старинный взглядъ на службу, какъ на кормленіе, какъ на находженіе у наживочныхъ дѣлъ; сколько личный характеръ писавшаго, который славился въ свое время аккуратностію въ дѣлахъ и умѣньемъ собирать матеріальныя средства. Тогдашняя общественная жизнь, гдѣ отдѣльное лицо не могло встрѣтить никакой поддержки со стороны другихъ, развивала въ людяхъ съ энергіей горячее желаніе создать себѣ независимое положеніе. Какъ опытный въ этомъ вопросѣ человекъ, Тати-

щевъ наполняетъ остальную часть своей духовной наставленіями, напоминающими книгу Посошкова «о скудости и богатствѣ», но только перенесенными съ государственной и общественной жизни на частную. Татищевъ, какъ извѣстно, не удовольствовался въ этомъ случаѣ одними совѣтами сыну, но два года спустя написалъ еще краткія экономическія додеревни слѣдующія записки. Татищевъ сошелся въ этомъ случаѣ съ Арт. Петр. Волынскимъ, составившимъ въ 1724 году наказъ для управленія деревнями ¹¹¹). Ни Татищевъ, ни Волынской не смотрѣли на своихъ крестьянъ, какъ смотрѣлъ Посошковъ, говорившій: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель російскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». Посошковъ, на основаніи такой мысли, дѣлалъ выводъ, что: «крестьянское богатство — богатство царственное». Татищевъ и Волынской, разумѣется, считали его своимъ, помѣщичьимъ богатствомъ, и съ этой точки зрѣнія заботились о хорошемъ управленіи крестьянами.

Въ духовномъ завѣщаніи, Татищевъ начинаетъ съ разсужденій вообще о богатствѣ дворянъ, которое они получаютъ разнымъ образомъ: 1) монаршимъ награжденіемъ, 2) наследствомъ, 3) супружествомъ, и 4) всякимъ Богу противнымъ злодѣяніемъ. По его мнѣнію, купечество больше имѣетъ способовъ къ нажитію богатства; но безграмотность этихъ торгашей, незнаніе правилъ коммерціи, неизбѣныя общаго банка и конторъ въ чужихъ государствахъ, раззореніе потребителей откупамъ и подрядами подъ видомъ коронной пользы, плохой кредитъ, вслѣдствіе наклонности купцовъ къ обманамъ, подрываютъ ихъ дѣятельность и увеличеніе капиталовъ. Фальшивые векселя, обманы въ товарахъ, ложные торги и подряды — заманчивыя сдѣлки и для другихъ словій: «Прошу тебя, говоритъ Татищевъ сыну, не имѣй съ

такими богомерзкими и жадными подлецами обхожденіа, ка-кого бы они чина и званія не были; знай, что всякому чест-ному челоуѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бывають. **И**учаетъ насъ Божественное писаніе: благіе правы глѣть бѣсѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творя-щихъ беззаконіе, не вѣси кому собереть я. Друзей старай-ся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду, и хра-нить присягу, хотябъ они и низкой породы были; справед-ливый челоуѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ оди-ншова въ своихъ предпріятіяхъ; въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда необходимость тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ тре-буи отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ по-лезно, хотя-бъ ты и знатной господинъ былъ. Сихъ чест-ныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ оте-чествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и оболь-стить ничемъ нельзя; они богатство презирають, о чи-нахъ поклоновъ не теряють, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранять».

Деревенская жизнь, среди своихъ помѣстій и вотчинъ, должна наступать, по мнѣнію Татищева, для каждаго дворя-нина, когда ему исполнится 50 лѣтъ: «тогда, говоритъ онъ, **н**адежнѣе помышлять о увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ для того, что отъ сихъ лѣтъ крѣпость и сила тѣлесная начнетъ сохнуть и изчезать, умъ и память умалиться, и отъ вре-мени до времени въ управленіи своей должности неспо-собнымъ явиться можешь. Весьма остерегайся того, чтобъ тебя безъ прошенія отъ службы не оставили; сіе для чест-наго и благороднаго челоуѣка великой стыдъ и поношеніе:

одни только скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать честно по своей волѣ, нежели съ нареканіемъ продолжать службу и отъ того терпѣть стыдъ и униженіе. Напротивъ-же того не меньше предосуденія достойны и тѣ, которые, притворяя себя больными, за деньги чрезъ докторовъ, безо всякой причины, не выслужа 30 лѣтъ ищутъ отъ службы увольненія; весьма сіе непохвально, паче тѣмъ нарушаютъ свою присягу. По увольненіи-же отъ службы надлежитъ осмотрѣть свои деревни, въ какихъ оныя положеніяхъ, чужое возвращать свое требовать дружелюбно и, елико возможно, отъ подачи алчныхъ прошеній убѣгать; оставь сіе проклятымъ, жаднымъ ябедникамъ и д. шевредцамъ, плутамъ и ворамъ.»

Первыя заботы помѣщика, возвратившагося въ свои именія, должны относиться къ церквамъ, находящимся въ нихъ. «Старайся имѣть попа ученаго, говоритъ Татищевъ, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и проповѣдью, совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ; а особливо гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ деньгами, а не пашнею, для того чтобъ отъ него навозомъ не пахло; голодной, хотябъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; деньги онъ лучше будетъ прилѣжать къ церквѣ, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне живучи въ распутной жизни, неимѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господь своихъ возненавидятъ, подведя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучать и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когдажъ гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человекъ, к тому-жъ неимѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное жи-

тѣ, и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ.»
 Заботы о содержаніи священника, которыя предлагаетъ Татищевъ сыну, вызваны были тѣмъ положеніемъ сельскаго духовенства, которое описано у Посошкова: «сельскіе попы шатаются своею заботою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь и духовная паства остается въ сторонѣ... Сельскіе пресвитеры самые простые: простеть онъ въ деревнѣ, деревенское и смышляеть.» Татищевъ съ своей стороны прибавляетъ еще болѣе яркія краски къ описанію Посошкова. Онъ говоритъ, по поводу того, что мало было занято сельское духовенство толкованіемъ крестьянамъ закона Божія: «невѣжды, лѣнныя и неученыя они, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совѣтъ имъ того не взыскиваютъ, къ тому же почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одни только имъ рассказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помысленія не имѣютъ. А потомъ пьяные поссѣряться, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю, зная, что съ ними платежа въ казну никакого нѣтъ, владѣть будетъ безъ убытка, и вѣдая, что челобитьемъ искать на обидчикѣ и гнѣву человѣческаго не достанетъ; а хотя по суду и изобличенъ будетъ, однакожь останется своимъ пронырствомъ безъ надлежащаго наказанія.»

И въ экономическихъ запискахъ своихъ; рисуя день крестьянина, Татищевъ повторяетъ, что «наивышшій пунктъ умѣть грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ челоукомъ и различить себя отъ скота». Эти записки, подробно входя въ различные вопросы сельскаго хозяйства: о

раздѣленіи земель между крестьянами, о сбереженіи лугов и сѣна, о запашкѣ, о сѣнокосѣ, о навозѣ, о жнитвѣ, о псѣвѣ, о молотбѣ, о прокормленіи скота и сбереженіи шесты, о размноженіи птицъ, о копаніи каналовъ вмѣсто гордыбы и о размноженіи прудовъ, о садахъ и пчелахъ, падежѣ скота, хворобѣ и лекарствахъ, о ткачахъ, о деревомъ строеніи, о магазинахъ и цейгаузахъ, постояннымъ въ виду, спѣшную, бодрую, прилѣжную работу всего сельскаго населенія. Такъ сѣно косить Татищевъ вѣтуетъ ранѣе и притомъ поспѣшнымъ образомъ, чтобы роса и влажность изъ травы высохнуть не могла, начинаю работу съ вечера и ежели ночь свѣтла, то и всю ночь утро, пока роса есть; навозъ свозить на поля — также поспѣшнымъ образомъ; хлѣбъ жать или косить весьма поспѣшно съ вечера, и, ежели свѣтло всю ночь; шерсть стрѣчь на овцахъ, какъ можно скорѣе послѣ обмывки; сады раздѣлять прилѣжнымъ образомъ. Наконецъ въ запискахъ ея цѣлая глава: «о поспѣшности въ работѣ», въ которой между прочимъ сказано: «всего наивящше смотрѣть надлежитъ дабы лѣтомъ во время работы не малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ единствѣнныхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать; понеже лѣнныя крестьяне о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать большыя праздниковъ. И для того работу производить, начавъ съ вечера ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь и работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошади оное весьма вредно... И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилѣжностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ, какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянской. Работу же производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ

принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю; имъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, гдѣ не смотрять за крестьянскою работою, когда они обращаются въ собственный своей работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ приносятъ на судьбу жалобу. Когда жъ убранный будетъ съ поля весь хлѣбъ; то староста и приказникъ не имѣеть ихъ больше къ работѣ принуждать, и должны имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, шибравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошту... понеже отъ празности крестьяне не токмо въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умирають, снять довольно, ѣдятъ много, а не имѣють моціону; оброкъ старостѣ и приказнику всего того смотрѣть надлежитъ, ибо за хорошее смотрѣніе должны получать хорошую плату, а за нерадѣніе штрафъ или наказаніе... Крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скотъ и птицъ лишнихъ кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ повольную цѣною; а когда помѣщикъ купить не захочетъ, тогда вольно продать постороннему. А кто безвѣдома продаетъ или къ работѣ лѣнивъ будетъ, тотъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или трои сутки. А особливо вражды, ссоръ и дракъ между собою отнюдь не имѣть подъ жестокимъ наказаніемъ; а жить всѣмъ мирно и единодушно безъ всякой зависти во всякомъ дружелюбїи, одному другому во всемъ вспомоствовать, и другъ другу быть покорнымъ по закону Божію. А кто въ винѣ виновенъ явится или какимъ себя злодѣемъ окажетъ; то штрафовать денежнымъ штрафомъ и сверхъ того чинить наказаніе, не давать пить и ѣсть время, смотря по винѣ до трехъ дней. Приказникъ же ни подъ какимъ видомъ не долженъ имѣть присѣвокъ или пашню, кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика, а можетъ держать скотъ на

барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ; а лучше содержать прикащика деньгами. Крестьянъ въ чужую деревню въ батраки и пастухи не пускать и въ свою не принимать; вдовъ и дѣвокъ на выводъ не давать подъ жестокиѣ наказаніемъ; понеже отъ того крестьяне въ нищету приходятъ, всѣ свои пожитки выдають въ приданое, и тѣмъ богатыя чужія деревни. Въ своей деревнѣ между собою кумовства не имѣть, за тѣмъ чтобъ было можно жениться. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ мужеска и женска пола къ міру не пускать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльню, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ. Прикащикъ долженъ имѣть годовой ежедневной журналъ, что когда дѣлано и за чѣмъ когда работы не было.» Татищевъ совѣтуетъ все собирать, что даетъ сельская природа «дабы ничто произращенное отъ Бога, данное намъ въ пищу, втуне и нашей лѣности пропасть не могло. Еслижъ въ чемъ потребной надобности въ дому состоять не будетъ, то все оно можно будетъ продать, а хотя и крестьянамъ отдать весьма полезно... и такъ ничто пропадать напрасно не можетъ.»

Заключая свои записки «нравоученіемъ жизни добраго крестьянина и руководѣльника», Татищевъ и тутъ повторяетъ о поспѣшности въ работѣ: «каждый человекъ, который ежедневно упражняется въ работѣ, тотъ всегда здоровъ и бодръ; а который спитъ довольно, ѣстъ много, тотъ ежедневно себя подвергаетъ болѣзни. Притомъ то вѣдать надлежитъ: лѣтомъ меньше ѣсть а чаще пить, а зимою больше ѣсть а меньше пить; то никакой болѣзни знать не будетъ; чрезъ силу не пей и не ѣшь, и спать не ложись, когда не хочешь... всякой крестьянинъ дѣтей своихъ долженъ въ великомъ страхѣ содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать къ работѣ; дабы онъ въ томъ взявъ привычку, и смотря отца своего неусыпные труды

себя къ тому приучать могъ. Праздность человѣка приводитъ въ воровство и разбой, отъ чего послѣ на вѣки долженъ будетъ пропасть душою и тѣломъ; а дабы каждый праздно въ младости не былъ, то долженъ онъ отдать его или кому-нибудь художеству и рукодѣлю учиться, отъ чего всегда интересъ свой получить можетъ.»

Распредѣляя не только каждый день крестьянина и дворянаго человѣка, но и входя въ самое исполненіе ихъ работъ, Татищевъ касается также наказаній нерадивымъ исполнителямъ этихъ предписаній: «для виновныхъ людей, велитъ онъ, имѣть тюрьму; а за тѣмъ наказывать за вину внакило; одна милость безъ наказанія быть не можетъ, по мнѣнію Божию». Вместе съ тѣмъ Татищевъ заботится, чтобы кибитки снабжены были банями, лекаремъ и домашнею аптекой. Тоже повторяетъ онъ и въ завѣщаніи сыну: «въ деревнѣ, гдѣ ты жить будешь, необходимо при себѣ имѣть должнаго лѣкаря искуснаго, дабы какъ для самаго тебя, такъ и для крестьянъ своихъ и постороннихъ, въ случаѣ болѣзни, могъ скорѣе помочь подать, что весьма сожалѣтельно: по неимѣнію такихъ искусныхъ людей, отъ деревенскихъ промѣтныхъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ, отъ ихъ безумныхъ и вымышленныхъ лѣкарствъ, весьма много напрасно народу гибнетъ, отъ чего и въ неизлѣчиму болѣзнь приходятъ, а иные и вовсе умираютъ. И для того необходимо надлежитъ имѣть въ пристойномъ мѣстѣ для больныхъ особые покои, равно и для старыхъ и увечныхъ, которыебъ зависѣли отъ собственного призрѣнія конѣшника».

Наконецъ въ духовной своей Татищевъ коснулся вопроса о винномъ откупѣ: «По волѣ монаршей, говоритъ онъ сыну, если требуется будетъ отъ російскихъ дворянъ, желязуютъ ли они производить винную продажу повольно? на

то не токмо соглашайся и прочимъ ясно доказывай; хотябъ съ заплакою, почему съ души сверхъ подушныхъ денегъ или съ земли, положено будетъ, кажется весьма полезна ибо сія прямая есть должность дворянская, и общенародная въ томъ польза разведеніемъ скота, а отъ большаго навоза урожаемъ хлѣба. Цѣловальникижъ, чумаки, подношники, смотрители, повѣренные, кабацкіе головы и самыя главные откупщики, которыхъ числомъ всѣхъ въ государствѣ болѣе 50,000 человекъ, праздноживущихъ хлѣбодовъ и ежегодной саранчи, всѣ тѣ тунеядцы войдутъ къ своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ прямо не знаютъ, чьи они прежде были. Беззаконно прижитые и бѣглые разныхъ родовъ люди опредѣлятся къ прямымъ должностямъ; напротивъ жъ того въ городахъ бѣдные жители, вдовы, солдатскія жены и дочери, отъ вольной продажи будутъ получать свое бѣгрѣшное пропитаніе такъ, какъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ весьма за полезное вездѣ сіе почитается. Многіе о семъ инако рассуждаютъ; овы отъ незнанія, другіе по любви къ откупщикамъ сему полезнымъ быти и чаютъ. И то еще хочу тебѣ сказать, гдѣ вино въ вольно продажѣ есть, тамъ всегда меньше пьяницъ, бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ для того, что жителю въ домѣ прикрыть какія-либо злодѣянія, и уберечься отъ сосѣдей, весьма трудно; а кабакъ ни что иное, какъ токмо общее всѣмъ подлымъ людямъ прибѣжище и пристойное знакомство тамъ одинъ другаго всякъ по своему желанію всегда найдеть; краденое раздѣлить и продать, а достальное пропить или въ карты и въ кости проиграть, всему удобной случай бѣглымъ, ворами и разбойникамъ прямая ихъ всякому злодѣянію школа, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство. Тожъ походячіе и площадные торги, мѣлкіе въ разныхъ мѣстахъ приторжки, къ тому же помощію спосо-

ствуютъ, и оттого въ распутную жизнь, въ неустройство и въ непотребство подлыхъ людей съ самыхъ молодыхъ лѣтъ приводятъ; и весьма много добрыхъ нравовъ человѣческихъ, юностию и буянствомъ напитаясь, вовсе испортятся такъ, что наконецъ ни къ какому дѣлу, кромѣ зла, способными не бывають, что мнѣ о томъ многократно изъ допросовъ самихъ злодѣевъ и убійцевъ видѣть и съ сожалѣніемъ читать случалось. Съ того времени какъ кабаки построены, чувствительно и едва-ль не всякому больше тѣмъ вреда открылось. Шведское королевство за всѣмъ тѣмъ еще въ примѣръ, въ доказательству можно поставить: сколь оно въ пропитаніи своемъ ни нужно; однакожь винная продажа всегда бываетъ вольная; развѣ уже когда правительство увидитъ великой недородъ хлѣба, то на нѣсколько времени винную сидку всѣмъ безъ изъятія запрещаютъ, а потомъ и въ прежнемъ положеніи пребываютъ, и въ томъ свою и общенародную пользу находятъ».

Всѣ свои экономическія соображенія и совѣты Татищевъ сводитъ и въ запискахъ, и въ духовной, къ одному: «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ, говоритъ онъ въ запискахъ, въ свѣтъ главный пунктъ деньги: не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ охранять и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домѣ не пускать. Совѣтую всякому жителю сего свѣта оставлять отъ годоваго своего дохода по крайней мѣрѣ пятую часть денегъ для нечаянныхъ приключеній.... Впрочемъ старайся, заключаетъ онъ свою духовную, чтобъ ты никогда, никому и ничѣмъ не былъ долженъ».

Тагъ высказывался предъ сыномъ одинъ изъ лучшихъ передовыхъ людей своего времени, питомецъ Петра, въ годину общихъ бѣдствій, въ эпоху власти Бирона, въ минуту собственныхъ неудачъ. Нельзя сказать, чтобы взглядъ Татищева на тогдашнія общественныя отношенія отличался широтою и мягкостью; чтобы наконецъ въ его проповѣди было много вольнодумныхъ мыслей, къ которымъ считали Татищева особенно склоннымъ его современники. Строгое нравуученіе, осторожность и подозрительность къ жизни, какими проникнута духовная его, вовсе не были новостью, ни для того времени, когда онъ писалъ, ни для древней, до Петровской Россіи. Но постоянное желаніе поспѣшнаго и прилѣжнаго труда, для котораго явилась полная возможность послѣ реформы Петра, отличало Татищева отъ дѣятелей предыдущаго вѣка. Въ немъ искалъ онъ успокоенія отъ тревогъ общественной жизни, въ немъ видѣлъ источникъ нравственной и физической бодрости каждаго человѣка. Но вотъ Биронъ палъ; слѣдственная надъ Татищевымъ комиссія закрылась. Его послали унимать раздоры, поднявшіеся въ калмыкахъ. И Татищевъ снова ожилъ; снова обратился къ практической дѣятельности, и опять не устоялъ противу ненасытнаго желанія собирать и копить деньги, забывъ свои недавнія, назидательныя поученія сыну.

ГЛАВА V.

Калмыцкая комиссія.

Калмыки были послѣднимъ народомъ, оставившимъ среднюю Азію для приволжскихъ степей. Но ихъ появленіе въ Россіи не было уже такъ опасно, какъ нашествіе монголовъ: будучи одного происхожденія съ ними, они сохранили въ себѣ ту разрушительную силу, которою надѣлены были ихъ предшественники; но Россія XVII и XVIII вѣковъ не была похожа на удѣльную Русь XIII и XIV столѣтій. Русскимъ калмыки стали извѣстны вскорѣ по завоеваніи Сибири, гдѣ они были постоянными союзниками дѣтей и внуковъ Кучума, къ которымъ приставали иногда и послѣ своего подданства Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало новое переселеніе къ верховьямъ рѣкъ Ишима, Тобола и Эмбы калмыкъ, которыми управлялъ ханъ Хоурлукъ, поссорившійся съ ханами другихъ племенъ. Появленіе ихъ въ земляхъ сибирскихъ встревожило воеводъ, и тѣ не разъ подсылали къ нимъ своихъ людей справиться о причинахъ переселенія такого многочисленнаго народа. Потомъ перешли ко взаимнымъ посольствамъ. Люди Хоурлука и другихъ калмыцкихъ тайдшей стали показываться то въ сибирскихъ городахъ, то въ

Уфѣ: но эти пересылки не вели ни къ чему серьезному; калмыки любили ѣздить за подарками, надоѣдать своими докучливыми просьбами русскимъ властямъ, хотя никогда не исполняли собственныхъ обѣщаній. Посольскій приказъ велѣлъ не пропускать ихъ въ Москву. Это охладило привязанность калмыцкихъ тайдшей въ сношеніяхъ съ воеводами сибирскихъ городовъ и развязало имъ руки для набѣговъ на русскихъ ясашниковъ.

Не надолго впрочемъ пришлось имѣть дѣло съ калмыками сибирскимъ воеводамъ. Послѣ неудачной осады Тары, Хоурлукъ съ шестью сыновьями перешелъ въ 1630 году чрезъ Янгъ и откочевалъ въ привольныя степи Волги, заселенныя тогда остатками большой и малой ногайской орды, татарами едисанскими, джамбуйлуцкими и юртовскими; 40000 ногайскихъ кибитокъ были покорены ими; другіе откочевали къ Кубани; трухменцы, жившіе на Мангышлыкѣ, и татары хатай-кипчакскіе должны были подчиниться Хоурлuku; едисанскихъ и юртовскихъ татаръ калмыки разоряли, уводили въ плѣнъ, отнимали у нихъ женъ и дѣтей; изъ Москвы велѣно было астраханскимъ воеводамъ защищать ихъ ратными людьми. Татары стѣснились подъ стѣнами Астрахани; и все пространство между Волгою, Башкиріей, Янкомъ и по ту сторону его къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря перешло подъ власть Хоурлука. Но связь волжскихъ калмыкъ съ остальными племенами ойратовъ, все болѣе и болѣе усиливавшихся въ Чжунгаріи, Хухунорѣ и Тибетѣ, и ставшихъ во главѣ поклонниковъ ламайской вѣры, не прерывалась. Въ 1640 году всѣ мунгальскіе и калмыцкіе ханы и знатные ихъ нойоны или князья съѣхались въ Чжунгаріи; въ числѣ ихъ былъ и Хоурлукъ, явившійся на съѣздъ вмѣстѣ съ сыновьями своими Шукуръ-Дайчиномъ и Индыномъ. Владѣтели ойратовъ вспомнили

здѣсь свое родство и 5 сентября, въ присутствіи четырехъ турухтѣ, приняли общіе законы для своихъ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ¹¹²). Этотъ степной уставъ можетъ отчасти познакомить насъ съ бытомъ калмыковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло русскому правительству и приволжскому населенію въ продолженіе 130 лѣтъ.

Образъ жизни монгольскихъ и калмыцкихъ племенъ въ XVIII столѣтіи представлялъ переходъ отъ быта кочеваго къ осѣдлому. Не одна численность, но и основанное на преданіяхъ, обычаяхъ и письменныхъ законахъ внутреннее устройство между ними давало имъ перевѣсъ надъ такими сосѣдями, какъ киргизъ-кайсаки, башкиры и трухменцы. Недавно говорили русскіе о чжунгарскихъ ханахъ, что они, не какъ киргизскіе надъ своими подданными безвластны, имѣвъ власть подобную самодержавной. Во главѣ каждого ойратскаго племени стоялъ тайдша, чжунгарскаго называли нун-тайдшей. Къ этимъ тайдшамъ примыкали нойоны или владѣтельные князья, имѣвшіе у себя отдѣльные улусы, иногда въ 3000, 5000 и болѣе кибитокъ. Въ основѣ всего этого дѣленія лежали племенные и родовыя связи. Женщины были впрочемъ исключены изъ права владѣть улусами. Званіе нойоновъ было наследственное; ни одинъ нойонъ не лишился права владѣть улусомъ, но для многочисленной семьи зайсанга аймаковъ не дробили и это было причиною, что появились зайсанги безъ-аймачные, зайсанги изгой. Но и зайсанги, и нойоны равно назывались бѣлою костью. Гораздо многочисленнѣе обонихъ этихъ классовъ было калмыцкое духовенство ламайскаго закона. Рѣдкій отецъ семейства, имѣвшій болѣе трехъ, четырехъ сыновей, не назначалъ одного изъ нихъ въ манжика (ученикъ вѣры), откуда уже былъ великій шагъ въ гелюнга (жрецъ). При многоженствѣ, которое было въ обычаѣ у калмыковъ, число ихъ жрецовъ росло бы-

стро: неудивительно, что четверть всего населенія принадлежала этому сословію, содержаніе котораго, вмѣстѣ съ зайсангами и нойонами, падало тяжкимъ бременемъ на всѣхъ кто имѣлъ несчастье принадлежать къ черной кости. Общій для цѣлаго населенія судъ всегда находился при кибиткѣ хана и назывался зарго; онъ сохранился до позднѣйшихъ временъ подданства калмыковъ Россіи. Въ немъ засѣдали назначаемые ханомъ зайсанги и одно или два духовныхъ лица: общее число не должно было превышать осьми. Всѣ они назывались сеитъ, но по занятіямъ своимъ дѣлились на ту сулукчи (совѣтничъ) и заргучи (судья). При нихъ было не нѣскольکو человекъ писцовъ, приставовъ, розысыщиковъ и другихъ служителей. Въ этомъ зарго производились между калмыками во всякихъ судныхъ дѣлахъ, по словеснымъ и по письменнымъ прошеніямъ, рѣшенія; въ случаѣ не согласія членовъ, или важности дѣла, оно переходило на разсмотрѣніе хана. Въ той же кибиткѣ, гдѣ собиралось зарго хранилось и уложеніе, писанное на бѣлой камкѣ: оно содержало въ себѣ тѣ постановленія, которыя были приняты на сѣздѣ 1640 года, прибавленія къ нимъ, сдѣланныя вполнѣ слѣдствіи, и частныя правила, обязательныя только для волжскихъ калмыкъ. Степной уставъ, разумѣется, легъ въ основу уложенія. Кромѣ опредѣленія союзныхъ отношеній между ойратскими племенами и общей ихъ защиты отъ непріятелей, онъ заключалъ въ себѣ довольно подробное исчисленіе преступленій и слѣдовавшихъ за нихъ наказаній. Всѣ эти наказанія сводились ко взысканію скотомъ съ виновнаго. Смертная казнь и разореніе со всею семьею были допускаемы, какъ исключеніе; они опредѣлялись лишь въ двухъ случаяхъ: если кто оставитъ своего нойона во время нападенія непріятелей; если кто, зная о приближеніи непріятеля не извѣститъ о томъ другихъ. Но взысканія саблями, пан

цырми, верблюдами, лошадьми, рогатымъ скотомъ были шты и доходили до большихъ размѣровъ. Калмыки, народъ богатый степными стадами, нецѣнившій жизни, раздѣлялъ общую всѣмъ начинающимся обществамъ склонность называть преступленія вещественными взысканіями; а какъ деньги замѣнялись у нихъ скотомъ; то и пеня бралась лошадьми, верблюдами, овцами. Понятіе о важности того или другаго преступленія высказывалось лишь въ размѣрахъ взысканія. Такъ, на примѣръ, за разореніе улуса, принадлежавшаго ламѣ, положено было брать сто панцрей, сто верблюдовъ и тысячу лошадей: понятно, что разорить цѣлый улусъ могъ только нойонъ или сильный зайсангъ, которымъ трудно было уплатить такую пеню. За убійство челоуѣка требовали тысячу овецъ; за кражу скота опредѣлено было брать по семидесяти по двѣ головы за каждую украденную, и сверхъ того девять свидѣлю; за укрывательство бѣглеца — сто панцрей, сто верблюдовъ, тысячу лошадей. Безчестье лицъ духовнаго званія оцѣнено было совсѣми подробностями; отвѣчавшими званію обезчещеннаго лица и важности самого безчестья. Семейныя преступленія, всѣ безъ изъятія, наказывались такими же взысканіями; въ рѣдкихъ случаяхъ прибавлялось тѣлесное наказаніе или отрѣзаніе уха. Очень подробно была опредѣлена величина приданаго дочерей нойоновъ, зайсанговъ, ихъ служителей, людей черной кости. Срокомъ совершеннолѣтія для брака назначенъ былъ четырнадцатый годъ. За укушеніе собакою платилъ хозяинъ ея; ежели съ чьихъ горъ, отъ ходящаго на нихъ скота, свалится камень и убьетъ челоуѣка, то платилъ владѣлецъ этихъ горъ и т. д. О вѣрѣ, договорахъ и взаимныхъ обязательствахъ не было сказано ни слова. Любопытно впрочемъ, что калмыцкое уложеніе принимало во вниманіе обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, т. е. умыселъ, нечаянность и другія ¹¹⁸).

Пронсшествія, которыя наполняли собой жизнь калмыцких улусовъ отъ принятія уложенія до назначенія Татищева въ комиссію, не менѣе характеристичны.

Вернувшись изъ Азіи, Хоурлукъ недолго управлялъ своими калмыками. Ему только и удалось, что оказать гостепріимство извѣстному историку татарь Абульгази-Баядурьхану, который пробылъ у него цѣлый годъ послѣ бѣгства своего изъ Персіи. Въ 1642 году онъ склонилъ нѣсколькихъ едиганскихъ мурзь уйти изъ-подъ Астрахани къ нему въ улусы; въ слѣдующемъ году донскіе казаки, недовольныя рѣшеніемъ московскаго правительства на счетъ Азова, который они отняли у турокъ, убившіе Оому Кантакузина и грабившіе по Волгѣ, послали къ Хоурлуку отъ себя съ подарками, прося его придти къ нимъ на помощь: «хотя-де что-нибудь, говорили они между собой, надъ украинными городами и сдѣлается, только бы себѣ помощь учинить и съ недругами управиться». Хоурлукъ подступилъ къ Астрахани; но погибъ въ сраженіи съ царскими людьми; убиты были нѣкоторые изъ его сыновей и внуковъ. Старшинство надъ остальными братьями и племянниками перешло къ Шукуръ-Дайчину. При немъ и при его сынѣ Пунцукѣ, московскому правительству удалось взять три шертныя записи съ калмыцкихъ тайдшей. Каждый разъ калмыцкіе владѣтели обѣщали прекратить свои грабежи по Волгѣ, оставить въ покоѣ ея рыбные промыслы, не переманивать къ себѣ и не раззорять астраханскихъ татарь, не жечь русскихъ поселеній, не сноситься съ измѣнниками царскими, ходить на недруговъ государя, не безчестить являвшихся къ нимъ изъ Москвы посланцевъ и отъ всѣхъ прежнихъ своихъ неправдъ отстать. Каждый разъ или послы, или сами тайдши, шертуя, цѣловали бога своего бурхана, бичикъ (священную книгу) и четки, лизали и къ горлу прикладывали свои сабли, при-

говаривая: «будетъ у великаго государя въ послушаньѣ быть не учнемъ и шерть свою и утверженіе нарушимъ; и на насъ тайдшахъ, и на нашихъ дѣтяхъ, и на мурзахъ и на ихъ дѣтяхъ, и на всѣхъ улусныхъ людяхъ будетъ божій гнѣвъ и огненный мечъ, и тѣмъ ножемъ, который я тайдна, вынявъ изъ ноженъ, лизалъ и къ горлу прикладывалъ, отъ непріятели своего буду я зарѣзанъ по горлу своему, и будемъ прокляты по своей калмыцкой вѣрѣ въ семь вѣщъ въ будущемъ». И не смотря на то, набѣги калмыцкіе, во время правленія Шукуръ-Дайчина и Пунцука, продолжались: отъ казанскихъ и закамскихъ пригородовъ до Саранга и Астрахани московское правительство должно было содержать небольшіе гарнизоны, чтобъ удерживать дикихъ кочевниковъ отъ разбоевъ. А между тѣмъ татарское населеніе поволжья мало-по-малу свыкалось съ калмыцкою костью; а внутри улусовъ все болѣе и болѣе росло значеніе тайдшей. Шукуръ-Дайчинъ ходилъ въ Хлассу и принималъ отъ далай-ламы благословеніе, которое возвысило его въ глазахъ поклонниковъ ламайской вѣры. Пунцукъ старался всѣми мѣрами обезсилить своихъ двоюродныхъ братьевъ и дѣтей ихъ, отнималъ у нихъ улусы, иныхъ отдавалъ въ Москву. По смерти его, во главѣ калмыковъ сталъ старшій сынъ его Аюка, дѣтство котораго прошло въ Чжунгаріи, среди наиболѣе сильныхъ владѣтелей ойратскихъ. Въ продолженіе всего 55 лѣтняго правленія своего, онъ стремился сдѣлаться такимъ же могущественнымъ ханомъ, какими были хухунорскій и чжунгарскій. Аюка началъ съ ногайцевъ; за тѣмъ воевалъ съ киргизами, имѣя всегда надъ ними аванпосты; туркменцовъ почти всѣхъ привелъ въ подданство; при немъ же живали иногда въ услуженіи кубанскіе, хивинскіе и киргизъ-кайсацкіе султаны, въ томъ числѣ Абдуль-Ханръ, киргизскій ханъ. Съ дагестанцами, кумыками и кубанцами

онъ велъ войны и миръ заключалъ самъ собою. Родственныя связи его и семейныя отношенія также не остави безъ вниманія на дальнѣйшую судьбу калмыкъ. Онъ стар ся поселать междуусобія между своими родственниками, ч бы обезсилить ихъ и забрать себѣ ихъ улусы. Такъ о разбилъ дядю своего двоюроднаго Дугора и сына его Чена, поклепалъ ихъ предъ царемъ и отдалъ въ Москву, г Черенъ былъ крещенъ и названъ княземъ Василиемъ Дуровымъ. Другой разъ одинъ изъ братьевъ Аюки проси даже помощи у астраханскихъ воеводъ; ему данъ былъ ступенчатый полкъ: тогда ссорившіеся калмыки прекратили убицу и порубили у Чернаго-Яра всѣхъ стрѣльцовъ. До какой степени не прочны были семейныя узы у калмыковъ, видно изъ жизни Аюки. Онъ имѣлъ четырехъ женъ, не довольствовался тѣмъ, и въ 1704 году старшій сынъ е Чакдоръ-Чжабъ, засталъ его у своей жены. Разыгралъ сцена, часто повторявшаяся въ кочевомъ быту: Чакдоръ-Чжабъ бросился на Аюку, и хотѣлъ его заколотъ, но его допустили къ тому; тогда оскорбленный сынъ разгласилъ въ народѣ о поступкѣ отца. Слѣдствіемъ были долгія мненія въ калмыкахъ, пока для примиренія ссорившихся явился въ Самару князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ онъ заставилъ Чакдоръ-Чжаба на колѣняхъ вымаливать у новнаго отца прощеніе себѣ.

Пока живъ былъ Аюка, до тѣхъ поръ всѣ улусныя и б улусныя нойоны были у него въ рукахъ. Въ 1690 г онъ получилъ отъ Далай-Ламы почетный титулъ хана сталъ въ калмыцкихъ улусахъ самовластнымъ, дѣлилъ между владѣльцами улусы, давалъ каждому изъ нихъ, хотѣлъ. При немъ отъ каждаго знатнаго нойона, вслѣдствіе, бывали въ его кибиткѣ депутаты изъ зайсанговъ, которые обращались, въ случаѣ просьбъ своихъ владѣльцевъ

въ Зарго. Здѣсь между прочимъ, въ присутствіи этихъ депутатовъ, каждую весною и осенью, опредѣляемы были мѣста, гдѣ которому нойону съ его улусомъ лѣтовать и зимовать и споровъ о томъ не смѣлъ подымать ни одинъ владѣлецъ; каждый большой праздникъ всѣ они съѣзжались къ старику Аюгѣ.

Сношенія Аюки съ русскимъ правительствомъ были болѣе часты, нежели у его предшественниковъ, но столь же неопредѣленны; отношенія его калмыковъ къ русскому населенію низоваго края оставались прежнія. Въ первые же годы правленія Аюки все низовое поволжье выдержало противъ Стеньки Разина, отъ котораго досталось и калмыцкіе улусамъ, хотя по временамъ отдѣльныя партіи калмыки и ходили за добычею вмѣстѣ съ козаками. Но на другой годъ по взятіи Астрахани Разинымъ, ея воевода, бояръ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, съ товарищами съѣзжался съ Аюкою при рѣкѣ Соленой, въ трехъ верстахъ отъ города и взялъ съ него шертную запись, въ которой тотъ обѣщалъ за всѣхъ тайдшей, родственниковъ своихъ, владѣтельныхъ улусныхъ людей, и за подвластныхъ ему татаръ, выдать русскихъ плѣнниковъ, находившихся у калмыковъ, вышедшихъ изъ Бухары, Ургенджа и Хивы, ходить ни одно на государевыхъ недруговъ, не разорять русскихъ городовъ и селеній, не грабить рыбныхъ промышленниковъ, кузнецовъ, прохожихъ людей. Клятвы были прежнія: пошесть, горломъ и вѣчнымъ проклятіемъ. А черезъ годъ калмыки опять стали чинить по Волгѣ убійства и грабежи, жечь и разорять селенія. Тогда въ 1677 году новый астраханскій воевода, князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, съѣзжался съ Аюкою притомъ же Соляномъ урочищѣ и взялъ съ него вторую шертную запись, въ которой повторялись тѣ же условія. Кромѣ тайдшей и владѣтелей на съѣздѣ было 184

лучшихъ улусныхъ людей. Результатомъ было то, что въ слѣдующемъ году Аюка отправилъ подѣ Чигиринъ 300 калмыкъ. Но когда открылся сеитовскій бунтъ, Аюка самъ со всѣми калмыками и башкирцами не разъ ходилъ подъ русскіе города, села и деревни въ казанскомъ и уфимскомъ уѣздахъ; немало было взято въ плѣнъ русскихъ и черемисъ съ ихъ женами и дѣтьми, такъ что по всей Волгѣ отъ Царицына до Астрахани сообщенія были прерваны. Мстивъ калмыкамъ за то донскіе казаки. Три года продолжалось волненіе. Наконецъ въ 1683 году преемникъ Одоевскаго Щербатова, князь Андрей Ивановичъ Голицынъ, на новомъ сѣздѣ взялъ третью шертную запись, въ которой калмыки опять отрекались отъ своихъ дерзостей. Условія этой записи хранились долѣе, нежели условія первыхъ: причислены были непріязненные сношенія Аюки къ киргизамъ и селеннымъ раздоры. Въ слѣдующемъ году дана Аюкою четвертая запись князю Борису Алексѣевичу Голицыну; гдѣ обѣщано со стороны Петра Великаго помощь противу бухарцевъ, каракалпаковъ и киргизовъ; въ 1705 г., во время астраханскаго бунта, Аюка не только не принялъ стороны возмущавшихся, хотя тѣ и звали его къ себѣ на помощь, но еще переловивъ изъ нихъ двадцать человѣкъ, бродившихъ между Волгой и Дономъ, отослалъ къ царицынскому воеводѣ, а потомъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ ходилъ подѣ Астхань, при чемъ разорилъ ея слободы. Въ 1707 году, во время башкирскаго бунта, Аюка посылалъ къ столнику Ивану Ефремовичу Бахметеву съ сыномъ своимъ Чадоръ-Чжабомъ многія калмыцкія войска, которыя производили поиски надъ башкирцами. Тогда же калмыки освободили Саратовъ отъ осады булавинцевъ и некрасовцевъ. Наконецъ и всегда, калмыки были плохіе помощники: если, идя въ остзейскій край на войну съ шведами, они толпами во-

брались съ дороги, не доходя до Москвы, грабя и захва-
 тывая съ собой жителей попадавшихся на пути русскихъ
 деревень, то тоже самое было и теперь. Русскіе воеводы
 отдали имъ всю добычу отъ булавинцевъ, въ томъ числѣ и
 похищенныхъ казаковъ, съ ихъ женами и дѣтьми; а кал-
 мыки, поощренные такимъ по истинѣ калмыцкимъ позволе-
 ніемъ, увели въ свои улусы не одну тысячу русскихъ, на-
 славшихъ ближнія къ Саратову, Пензѣ и Тамбову деревни,
 распредѣлили ихъ въ Персію, Бухару, Хиву и на Кубань.
 Тоже повторилось и въ 1709 году, когда Чагдоръ-Чжабъ
 ушелъ съ калмыками къ Полтавѣ. Надо было въ пятый разъ
 идти Аюгу на свиданіе съ казанскимъ и астраханскимъ гу-
 бернаторомъ, графомъ Петромъ Матвѣвичемъ Апракси-
 нымъ. Они съѣзжались дважды: въ 1708 году у рѣчки Да-
 шловки, впадающей изъ Волги въ Ахтубу, гдѣ особенно
 было выговорено условіе о походѣ на чеченцевъ и ногай-
 цевъ, и 1710 на той же рѣчкѣ, при чемъ, по долгому раз-
 спорѣ, назвались оба братьями и въ томъ между собою по-
 думавъ ударили. Аюга обязался не только быть въ послу-
 шаніи у русскаго государя, но и защищать Казань, Астра-
 хань, Саратовъ, Уфу, Терскій берегъ и всѣ низовые города
 отъ прихода всякихъ непріятелей, за что Аюгъ обѣщана
 была помощь противу башкиръ, киргизовъ, крымцевъ и
 другихъ сосѣдей. При этомъ Апраксинъ называлъ его «вла-
 дѣтельнымъ ханомъ надъ многими степными ордами». Дѣй-
 стительно, въ слѣдующемъ году Аюга исполнилъ свое обя-
 зательство: посылалъ Чагдоръ-Чжаба съ 20,000 калмыкъ
 въ Апраксину, когда тотъ ходилъ на Кубань; калмыки за-
 били въ плѣнъ многія тысячи женъ и дѣтей татарскихъ,
 лошадей и скота отогнали великое множество. Иначе посту-
 пили русскіе, когда въ 1715 году пошелъ на Аюгу кубан-
 скій Бахты-Гирей-Салтанъ, захватилъ Джетысанъ и Джам-

буилуковъ, разорилъ нѣсколько калмыцкихъ улусовъ, взявъ кибитку самого Аюки, который долженъ былъ бѣжать Астрахани, подъ прикрытіе команды князя Александра Бевича Черкасскаго, собиравшагося тогда въ Хиву. Но Бевичъ ограничился лишь тѣмъ, что вывелъ свою команду парадъ на рѣку Балду, но не стрѣлялъ на кубанцевъ, смотря на требованія Аюки, говоря, будто не имѣеть на указу, а на самомъ дѣлѣ опасаясь многочисленности кубанцевъ. Правда, съ этихъ поръ назначенъ былъ особый отрядъ драгунъ для охраненія Аюки, подъ начальствомъ стольника Дмитрія Бахметева. Но Аюка съумѣлъ одинъ помириться Бахты-Гиреемъ, а Чакдоръ-Чжабу удалось вернуть съ Гибани уведенныхъ туда татаръ. Вскорѣ представился Аю случай отомстить русскимъ за неисполненіе данныхъ е обѣщаній. Сперва онъ далъ знать въ Хиву о Бековичѣ, будто подъ предлогомъ посольства идетъ войною, и возбудилъ такимъ образомъ первое подозрѣніе въ хивинца: противу экспедиціи князя. Потомъ помогъ Бахты-Гире указаніями во время его побѣга на пензенскій и симбирскій уѣзды; и когда русскіе стали требовать отъ него преслѣдованія кубанцевъ, ханъ сослался на примѣръ Бековича повторилъ его отвѣтъ, что безъ особеннаго указа царскіи чинить того не можетъ. Только личное свиданіе съ Аюкою Петра, отправлявшагося въ 1722 году въ персидскій походъ, близъ Саратова на луговой сторонѣ Волги, положило конецъ калмыцкимъ возстаніямъ; на возвратномъ пути Петръ еще разъ видѣлъ хана, даже былъ у него въ избу, которую построилъ Аюка для себя. Въ слѣдующій проѣздъ Петра въ Астрахань, Аюка выѣхалъ самъ къ нему на встречу въ Черный-Яръ, привезъ съ собою жену, троихъ сыновей и просилъ одного изъ нихъ, именно Черемъ-Донду объявить наследникомъ ханскаго званія. Дарма-Бала, же

Аюки, и послѣ не разъ напоминала Татищеву, какъ-де самъ великій государь такъ милостиво изволилъ принимать ихъ къ себѣ. Впрочемъ милости Петра не очень очаровали хана: нѣкто обѣщанныхъ 7000, онъ отправилъ только 3727 чепековъ въ походъ на кумыковъ съ однимъ изъ своихъ внуковъ, да и тотъ сталъ сноситься съ татарами, а возвращаясь изъ подъ Дербента, увелъ съ собою болѣе 1000 кибитокъ татаръ Хондрю, бывшихъ уже подданными русскаго правительства. Очевидно старикъ не имѣлъ уже той власти, какою пользовался прежде. Онъ дѣлалъ, что могъ: такъ, когда Волынской, бывший тогда астраханскимъ губернаторомъ, самъ повелъ калмыковъ въ гребенскіе казачьи городки, для усмиренія кумыковъ и примиренія ссорившихся между собою кабардинскихъ владѣтелей; то калмыки позволили ему взять съ кабардинцевъ первую присягу въ вѣрности Россіи. Вообще знаменитому въ исторіи областного управления низовымъ краемъ Арт. Петр. Волынскому удалось ладить съ калмыками болѣе, нежели его предшественникамъ. Достигалъ онъ этого своими обычными крутыми мѣрами; также поступали и окружавшіе его. Еще въ 1683 году взято было съ Аюки обязательство не принимать крымскихъ, персидскихъ и другихъ пословъ безъ дозволенія по царскому приказу, привезенныя ими письма отсылать въ Москву; несмотря на то, Аюка пересылался не только съ крымскими ханами, но и съ турецкимъ султаномъ и персидскимъ шахомъ. Въ 1720 году посланецъ его къ персидскому шаху, астраханскій бухарецъ Абдулла-Бегимовъ даже достигался въ Испагани съ русскимъ курьеромъ Дмитріемъ Петрищомъ; когда они оба вернулись въ Гилянъ, то Петрищъ, захвативъ съ собою Абдулла въ свою квартиру, вывелъ его плетми. Всѣмъ воеводамъ астраханскимъ, бывшимъ до Волынскаго, Аюка писалъ свои письма въ видѣ

указовъ и тѣ брали ихъ; Волынской «весьма то проси
возвратною къ нему такихъ его указовъ отсылкою». Вол
ской первый сталъ съ особеннымъ усердіемъ обращать
мышковъ въ православіе; до него это было дѣломъ слу
нымъ. Потомъ Волынской усердно добивался, чтобъ все
Ногаевъ, Джетысанъ и Джамбуйлукъ разбили по калмыцки
улусамъ; хотя это ему и не удалось, потому что ими
дѣлъ одинъ Чакдоръ-Чжабъ. Наконецъ, когда Аюка проси
Петра назначить послѣ него ханомъ Черенъ-Дондука,
лыпскій, узнавъ о негодности этого Аюкина сына, в
валъ въ Астрахань лучшаго и постояннаго изъ тогдашн
калмыцкихъ владѣльцевъ, двоюроднаго племянника А
Доржи-Назарова, которому графъ Ѳ. Матв. Апраксинъ и гр
П. А. Толстой объявили, что онъ можетъ сдѣлаться ханомъ
если дастъ въ аманаты сына своего. Доржи-Назаровъ
ласился. Этотъ планъ послужилъ источникомъ тѣхъ дол
волнений, которыя пришлось усмирять Татищеву. Незадо
до своей смерти, Аюка сталъ дѣйствовать въ пользу выбр
наго имъ преемника; съ этою цѣлію онъ старался перессор
своихъ многочисленныхъ родственниковъ, собственни
сыновей, племянниковъ и внуковъ. Дѣло дошло до меж
собій. Аюка самъ донесъ Волынскому о ссорѣ своихъ дѣ
будто бы помимо его воли, просилъ военной помощи.
Астрахани высланъ былъ капитанъ Брюсъ и поручикъ А
реянъ Лопухинъ съ солдатами, драгунами, донскими ка
ками, юртовскими татарами и двумя пушками; пот
явился и самъ Волынской. Но его остановилъ одинъ
внуковъ Аюки, Дондукъ-Омбо. На Ахтубѣ подрались ко
ники между собою; слѣдствіемъ этой битвы было: ух
ногайцевъ, джетысанъ и джамбуйлуковъ въ числѣ 15,
кибитокъ на Кубань, гдѣ они и оставались до поборе
Брыма. Сами калмыки подѣлились на четыре части. Нѣко

ые тайши уѣхали въ Петербургъ и тамъ крестились: воспріимникомъ ихъ былъ Петръ, воспріимниками зайсанговъ князь Меншиковъ и другіе министры. 19 февраля 1724 года умеръ Аюга; калмыками стала управлять женщина, Дарма-Бала. Всѣ степныя интриги разныхъ тайдшей были направлены на то, чтобы добиться ея руки. Она склонялась въ пользу Дондукъ-Омбо; остальнымъ искателямъ ея сердца оставалось только отнимать другъ у друга улусы. Волинскій быстро спуталъ ихъ интриги: подкупилъ Шукуръ Ламу, стоявшаго тогда во главѣ калмыцкаго духовенства, и нѣкоторыхъ зайсанговъ, принадлежавшихъ къ числу членовъ Барго. Они помогли ему заманить калмыковъ внутрь прицынской черты, напугавъ ихъ вѣстями о набѣгѣ киргизъ-кайсаковъ съ одной стороны и кубанцевъ съ другой; одинъ Доржи-Назаровъ остался на луговой сторонѣ Волги. У Волинскаго была инструкція: объявить Доржи-Назарова тиномъ, склонить ласками Дарму-Балу, Дондукъ-Даши и Дондукъ-Омбо къ признанію новаго хана, если же будутъ противиться, то поступать дѣйствомъ воинскимъ, какъ съ неприятелями; если которые уйдутъ на Кабань, то призывать назадъ, на какихъ условіяхъ возможно. Начальнику царицынской черты, бригадиру Шамордину, велѣно было дѣйствовать за одно съ Волинскимъ, и тотъ заступилъ всю линію четырьмя драгунскими полками и 2000 донскихъ казаковъ; по Волгѣ и Дону разставлены были сильныя форпосты. Волинскому не все удалось, о чемъ говорила инструкція. Прибывъ въ Саратовъ, онъ звалъ къ себѣ будущаго хана; на того явились 757 киргизъ-кайсаковъ, которые впрочемъ всѣ были побиты за исключеніемъ троихъ; Волинскій въ видѣ трофея получилъ 415 правыхъ ушей отъ побѣдителя, который явился и самъ за своимъ подаркомъ. Свиданіе астраханскаго губернатора и искателя ханскаго титула было непродолжи-

тельно: послѣдній объявилъ первому свое безсиліе сра-
 тельно съ дѣтьми и внуками Аюки, отрекся отъ ханс-
 и ушелъ на Яикъ, извѣстивъ о томъ своихъ противникъ.
 Все лѣто продержалъ Волынской калмыцкихъ тайдшей и
 три царицынской линіи, и только въ ноябрѣ выпустилъ
 оттуда: всѣ владѣльцы выѣзжали явнымъ образомъ, од-
 Дондукъ-Омбо, боясь ареста, выѣхалъ въ коробѣ, на-
 ченнымъ на верблюдѣ. Волынской такъ долго выдерж-
 калмыковъ въ царицынской линіи даже въ противно-
 двумъ сенатскимъ указамъ: одинъ былъ вызванъ его
 представленіемъ о томъ, что калмыки хотятъ пробиться
 лою чрезъ линію,—вѣрно было выпустить ихъ и трактов-
 съ ними въ улусахъ за Волгою; другой—вызванъ былъ
 лобю калмыковъ на Волынскаго, будто онъ и прежде чин-
 надъ ними судъ неправый, которую они подали князю М
 Голицыну. Волынской предлагалъ калмыкамъ нѣско-
 другихъ вопросовъ: между прочимъ о прямыхъ сношені-
 ихъ безъ указа царскаго съ сосѣдями, и о принятіи пр-
 славія. На первый они отвѣчали, что зимой боятся набѣ-
 кубанцевъ, а лѣтомъ киргизъ-кайсаковъ, и потому (с
 частыхъ посылокъ туда не могутъ знать ихъ настояш-
 намѣреній; на второй,—что, и въ своемъ законѣ будучи,
 гуть быть вѣрными. А между собою положили: рускіе
 лають всѣхъ ихъ калмыкъ крестить и поселить у себя;
 лучше помереть въ своей вѣрѣ, и для того въ царицынс-
 линію не входить, а до поры до времени кочевать ме-
 Волгой и Кубанью, по шести рѣкамъ и Манычу. Разл-
 между разными владѣльцами помѣшалъ этому намѣре-
 Многіе зайсанги, приходя къ Волынскому, говорили
 «позволь перевести всѣхъ тайдшей и нойоновъ, чтобъ у-
 ихъ были у кого-нибудь одного въ рукахъ; а пока влад-
 цевъ нашихъ не убудеть, то и миръ ихъ ничто.» У Во-

этого явился планъ раздѣлить навсегда калмыцкій народъ на
 двѣ половины, поселить однихъ на Волгѣ, другихъ на Дону
 и удерживать ихъ взаимнымъ страхомъ. У нѣкоторыхъ ной-
 оновъ явилась мысль вернуться въ Чжунгарію. Наконецъ
 Черенъ-Дондукъ объявленъ былъ ханомъ; ему дали въ пер-
 вый разъ новые знаки власти, назначенные еще по мысли
 Петра: саблю, панцырь съ поручами, да ерихонку или лучшую
 шкурку изъ оружейной московской палаты. Но это не спа-
 сло приволжскій край отъ волненій и раззоренья: въ корот-
 кое время, въ царствованіе Екатерины I и Петра II, разграб-
 лено было калмыками у русскихъ, отъ яицкаго городка до
 Нарычна и черемисскихъ форпостовъ, до пригородовъ Алек-
 сеевска и Сергіевска, товаровъ, платья и денегъ на 34,446
 рублей, угнано было лошадей и рогатаго скота болѣе 2000
 головъ, взято въ плѣнъ 17, убито 15 человекъ. Жалобы на
 то пограничныхъ начальствъ Черенъ-Дондуку не помогали:
 онъ былъ пьяница, не имѣлъ кредита у своего народа. Дошло
 до того, что въ декабрѣ 1728 г. всѣ калмыцкіе владѣльцы
 съѣхались помимо участія хана, и держали совѣтъ: воевать-
 ли имъ съ русскими, или нѣтъ? Дарма-Бала и Дондукъ-
 Даша говорили: нѣтъ; Дондукъ-Омбо: да. Верховный тайный
 совѣтъ велѣлъ князю М. М. Голицыну искоренить смѣлаго
 калмыка, «яко врага и паче всѣхъ злодѣя и противника»;
 но назначалъ для того только 2000 регулярныхъ войскъ.
 Остальные владѣльцы рѣшились просить совѣта у Далай-
 Ламы, что имъ дѣлать: хотѣли послать къ нему Шакуръ-
 Лану, но правительство не пустило его «яко лучшаго доб-
 рожелателя калмыцкаго народа, для содержанія его въ доб-
 ромъ порядкѣ.» Думали подѣйствовать на иныхъ нойоновъ
 обращеніемъ въ православіе. Удалось крестить одного изъ
 сыновей Чаждоръ-Чжаба; его назвали княземъ Петромъ Тай-
 шиннымъ, дали ему іеромонаха Никодима Ленгѣевича съ

учениками законоспаской школы: но миссіонеръ доносилъ, что новообращенный князь «о подчиненныхъ своихъ крещеныхъ калмыкахъ не точію старанія не имѣлъ, но и малыхъ ихъ дѣтей крестить отвращалъ; а самъ больше съ своими попами, нежели съ православными, сообщеніе имѣлъ; когда же получалъ жалованье, то изъ него раздавалъ некрещенымъ калмыкамъ и попамъ моленія ради подоламъ». Крестились добровольно больше частію тѣ изъ калмыкъ, которые совершили какое-нибудь преступленіе, избывая наказанія за него и надѣясь получить подарки ¹¹⁵).

Наступило царствованіе Аины Іоанновны. Астраханскій губернаторъ Измайловъ донесъ въ 1834 году, что Дарма-Бала и Черень-Дондукъ отправляли своихъ пословъ къ Шаху съ поздравленіями, а отъ турецкаго султана принимали посла. Черень-Дондукъ жаловался на непослушаніе Дондукъ-Омбо, Дондукъ-Даши и ихъ братьевъ. Петръ Тайшинъ говорилъ, что онъ сынъ старшаго сына Аюки; а зачѣмъ не ханъ? Число владѣльцевъ множилось и одинъ у другаго быть подвластными не хотѣли, грабили сосѣдніе улусы, отнимали другъ у друга лучшія для кочевья мѣста. Начальники разставленныхъ между Волгой, Дономъ и Кубатью отрядовъ доносили, что надо ждать скорого междоусобія и убавленія владѣльцевъ: подобно тому, какъ и прежде ханъ Аюка всѣхъ своихъ родственниковъ передавилъ и улусами ихъ одинъ завладѣлъ. Вскорѣ усилилась сторона Дондукъ-Омбо; русскіе явились съ своими наблюдательными отрядами: не смотря на то, ханъ былъ разбитъ противниками и бѣжалъ въ Саратовъ съ 25 человекъ; семья его и Шакуръ-лама едва спаслись, кто въ Саратовъ, кто въ Царицынъ. Дондукъ-Омбо получилъ себѣ во владѣніе 15,000 кибитокъ. Дарма-Бала, мать разбитаго хана, поѣхала съ жалобами въ Петербургъ. Тамъ собрался чрезвычайный совѣтъ (5 дек.

1731 г.): изъ графа Головина, князя Вас. Влад. Долгорукова, кн. Ал. Мих. Черкаскаго, Остерманна и Миниха. Рѣшено было послать важную персону, передать въ его власть всѣ волжскія и окрестныя войска, также яицкихъ и донскихъ казаковъ. Отправленъ былъ генералъ-поручикъ князь Ив. Фед. Борятинскій съ подробною инструкцією и грамотами ко всѣмъ главнымъ владыкамъ. Но усилившійся Дондукъ-Омбо, узнавъ о томъ, повторялъ слова Заруцкаго, что «ему отъ русскихъ опасаться нечего; собираются они по три года, а нынѣ пойдутъ, то стоятъ на одномъ мѣстѣ по три мѣсяца.» Не смотря на то, услыхавъ о приѣздѣ Борятинскаго, двинулся, вмѣстѣ съ Петромъ Тайшинымъ, къ Дону, въ намѣреніи уйти въ крымскую сторону; а Дондукъ-Даши, не принявшій участія въ битвѣ, откочевалъ теперь на Куму. Борятинскій нарядилъ шесть драгунскихъ полковъ, два пѣхотныхъ, до 2000 донскихъ казаковъ; самъ переѣхалъ въ станцію Чиры, гдѣ былъ центръ его отряда. Астраханскій губернаторъ Измайловъ приѣзжалъ для свиданія съ Борятинскимъ въ донской городокъ. А резидентъ Неплюевъ предупредилъ Порту о волненіи калмыкъ, требуя, чтобы въ Крыму не принимались бѣглецы. 14 января 1732 г. князь Борятинскій получилъ письмо отъ Петра Тайшина, что «происшедшему случаю причиною не они, но самъ ханъ Черень-Дондукъ; потому что онъ, нѣкоторые ихъ улусы не возвратя имъ, по многимъ ихъ требованіямъ, самъ напередъ съ войскомъ противу нихъ вышелъ, въ какомъ случаѣ нѣтъ шею протянуть невозможно было, да ему Петру Тайшину и въ командѣ у Черень-Дондукъ быть сумнительно, понеже онъ находится въ христіанскомъ законѣ.» У Дондукъ-Омбо было болѣе 20,000 человекъ вооруженныхъ калмыкъ. Онъ писалъ Борятинскому, что въ прежнія междуособія всегда зачинщики зайсанги выдаваемы были русскимъ для казни:

во время ссоры Аюки съ Чавдорь-Чжабомъ, Дасанг братьями. Этихъ онъ намекалъ на Шукуръ-ламу. Борскому Остерманнъ писалъ, что если Дондукъ-Омба разумнаго владѣльца, то исполнить его желаніе, если же куръ-ламу, то надлежитъ поступать съ крайнею осторожностію; въ другомъ письмѣ говорилъ, что ханъ Черенъ-Дон и въ собственныхъ своихъ зайсангахъ кредиту ужъ имѣть, а слѣдовательно отъ него и впредь интересамъ И. В. никакой пользы быть не можетъ; то не потребовалъ перемѣнить его на такого владѣльца, который бы имѣлъ калмыкъ кредитъ и могъ ханства чинъ упредить, и всѣми калмыками имѣть главную команду. Борятинскій ступилъ между тѣмъ въ походъ на Дондукъ-Омбо съ 4000 солдатъ и драгунъ, 4092 казаковъ волжскихъ и донскихъ да 5000 калмыкъ. Дондукъ-Даши подслужился 1220 людьми за сходную для Борятинскаго цѣну; тотъ его рекомендовалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Но степной зимнее время и усилившіяся въ отрядѣ болѣзни помѣшавъ Борятинскому догнать Дондукъ-Омбо, который и ушелъ Крымскую сторону. Тогда Кіевскій генераль-губернаторъ графъ Вейсбахъ писалъ къ крымскому хану Капланъ-Геро бѣглецахъ; тотъ отвѣчалъ: «хотя калмыцкій народъ разсѣянъ съ крымцами закона; но понеже оба сіи народа природно тарской, потому калмыки издревле, по востребованію ихъ и особливо по случающимся между собою ссорамъ пріѣзжаютъ къ крымцамъ наподобіе гостей и, исправляя дѣла, или въ ссорахъ своихъ получа чрезъ посредство крымцевъ примиреніе, или въ свои мѣста возвращающа какъ напротивъ того и крымскіе беки къ калмыкамъ подобныхъ своихъ дѣлъ ѣзживали и возвращались. А впрочемъ сей калмыцкій народъ дикой и непостоянный чужъ по степямъ въ лѣтнее время на російской, а зи

на турецкой землѣ и часто изъ стороны въ сторону переходя, хотя и позволенія въ томъ съ турецкой стороны не бывають; то изъ онаго народа какъ Россіи, такъ и Турціи никакой пользы нѣтъ.» Озлобленный преслѣдованіемъ, Дондукъ-Омбо писалъ къ Борятинскому грубо, въ краткихъ термингахъ и со многими нарѣваніями, что онъ не такъ въ дѣлѣ изъ поступилъ, какъ напередъ сего бывало; и притомъ полагаяся, что сколькобъ князь ни хотѣлъ его доставать, только крымцы его не выдадутъ; называлъ виновниками ссоры Дарму-Балу и Шукуръ-ламу. Посланный отъ князя Борятинскаго съ отвѣтомъ, дворянинъ Семень Казанцевъ имѣлъ Дондукъ-Омбо на Кубани; его привели къ Нурадинъ-султану и тотъ говорилъ: если Дондукъ-Омбо самъ идетъ, то они отпустятъ его; если придутъ за нимъ русскія войска, то они будутъ оберегать его. Но Казанцевъ видѣлъ, что простые кубанцы дурно принимали калмыковъ, въ кошяхъ своихъ выгоняли и били палками. На вопросъ, для чего они то дѣлали, кубанцы отвѣчали: на одномъ острову мы съ овцею ужиться не можемъ. Дондукъ-Омбо велъ себя уваженно передъ Нурадинъ-султаномъ; встрѣчалъ и провожалъ его каждый разъ за двѣ версты, татары Нурадинъ-султана называли калмыковъ гяурами, не ѣли ихъ мяса, молоко выливали на землю. Арасланъ-Гирей, братъ Бахты-Гирея, говорилъ Казанцеву, что они прежней дружбы съ Черенъ-Дондукъ забыть не могутъ, а Дондукъ-Омбо очень нерады. Выслушавъ разговоръ Казанцева, Борятинскій представлялъ кабинетъ министрамъ, что исполнить всѣ требованія Дондукъ-Омбо нельзя, иначе калмыки будутъ слушаться не насъ, а его, думая, что русскіе побоялись Дондукъ-Омбо. Кабинетъ рѣшилъ: напомнить крымцамъ чрезъ Порту о высылкѣ Дондукъ-Омбо: ему самому сказать милость и прощеніе съ увѣщаніемъ, манить его Калмыкъ къ хапу; если же та-

кимъ добрымъ способомъ не достать Дондука-Омбо; то взять потребныя мѣры и управиться съ нимъ силою. Султанъ, получивъ ноту русскаго правительства, послалъ въ Крымъ приказъ выслать Дондукъ-Омбо. Между тѣмъ комендантъ крѣпости Святаго Креста, графъ Дугласъ, отправилъ къ нему майора Росланъ-бека Шейдякова съ татарами, которыхъ Дондукъ-Омбо и задержалъ на 50 дней, принявъ за шпионовъ; но потомъ, развѣдавъ, что русскія войска на него не собираются, отпустилъ; наконецъ сталъ черезъ крымскаго хана просить примиренія съ Черенъ-Дондукомъ. Не смотря на то, послѣ долгихъ пересылокъ, нападеній и грабежей, даже послѣ смѣны Борятинскаго генераль-майоромъ Таракановымъ, Дондукъ-Омбо все-таки оставался за Кубанью: и во время похода крымцевъ и кубанцевъ на Кавказъ противъ персидскаго шаха, участвовалъ въ нападеніи на одинъ изъ русскихъ отрядовъ, подсылалъ своихъ калмыкъ подъ русскіе города. Но братъ его Башкурга часто говаривалъ: лучшебы ему на Волгѣ ѣсть мелкую рыбу, нежели на Кубани баранину; при Волгѣ ихъ мѣсто природное и покойное.

Между тѣмъ и въ оставшихся на Волгѣ улусахъ происходили безпрестанныя ссоры, отзывавшіяся бѣдствіями на всея краѣ и русскомъ населеніи сосѣднихъ областей. Тогда Измайловъ предложилъ кабинетъ-министрамъ мысль о необходимости смирить калмыковъ оружіемъ и число владѣльцовъ ихъ умалить. Но секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Василій Бакунинъ предложилъ дѣйствовать увѣщаніями: послать для того же Дондукъ-Омбо донскаго старшину Данила Ефремова, который ему знакомъ, чтобъ онъ захватилъ въ Кабарду и пригласилъ съ собой шурьевъ Дондукъ-Омбо, Магомета Кургокина съ братьями, тамошнихъ владѣльцевъ; а какъ у хана Черенъ-Дондука къ управленію калмыцкимъ народомъ смысла не достаетъ, то выбрать дру-

гаго на его мѣсто. Кабинетъ принялъ ииѣніе Бакунина. Полковникъ Беклемишевъ, начальствовавшій русскимъ отрядомъ, охранявшимъ хана, на запросъ — кѣмъ замѣнить Черень-Дондука? отвѣчалъ (21 окт. 1734 г.): «изъ владѣльцевъ ханской партіи ханомъ быть достойнаго никого не ииѣется, и хотя Дондукъ-Даши изъ себя неглупъ, только ииѣтъ находится плутомъ; да за усиленіемъ Дондукъ-Омбиной партіи, никто быть не пожелаетъ и усилить кого не безъ трудности.» Въ самомъ дѣлѣ, при Дондукъ-Омбо было своихъ и захваченныхъ улусовъ болѣе 28,000 кибитокъ, а при Черень-Дондукѣ не болѣе 10,000. Видя свою силу, Дондукъ-Омбо говорилъ Ефремову, что онъ ни въ чемъ вины своей не признаетъ и объ отпущеніи ея не проситъ, а просить только обнадеживательной грамоты, чтобы ииѣть надъ прочими старшинство; и такъ уже большая часть калмыцкаго народа кочуетъ при немъ; да и Черень-Дондукъ съ Дармой-Балой стали склонны уступить ему старшинство. Несмотря на то, онъ желаетъ его получить отъ государыни, а потомъ можетъ получить ханство отъ Далай-Ламы: и какъ сдѣлается старшимъ, то остальныхъ владѣльцевъ своевольничать не допустить. Ефремовъ отъ себя прибавилъ въ донесеніи, что во время его пріѣзда Дондукъ-Омбо былъ въ ссорѣ съ кубанскимъ сераскиромъ; а подше калмыки были рады его пріѣзду: «руки свои поднимали на небо, прося бурхановъ, чтобы по прежнему дозволили перейти на Волгу; а тамъ имъ жить голодно, рыбы нѣтъ; и для того богатые люди, непроча впредь, ѣдятъ скотъ свой, а убогіе продаютъ кубанцамъ дѣтей своихъ и на то покупаютъ у нихъ просо и тѣмъ питаются.» Все выдержалъ Дондукъ-Омбо: преслѣдованіе русскихъ войскъ, вражду калмыковъ, ссору съ кубанцами, тѣсоту и голодъ, добился своего, получилъ отъ Петербургскаго кабинета согласіе на

главныя свои требованія, заставилъ Измайлова обманомъ схватить Черенъ-Дондука и Шукуръ-ламу въ Царицынѣ и отослать въ Петербургъ; а самъ, принимая ханское званіе съ большою церемоніей и присягая императрицѣ, исключилъ изъ поданной ему шерстной записи два условія: что относительно русскихъ исполнять все то, что общенародно дѣлъ его Аюка; чтобъ съ калмыцкими владѣльцами поступать по древнимъ ихъ правамъ и обычаямъ, не чинить никому обидъ, не отнимать улусовъ. Невыигравъ ничто, русскіе добились только смѣны ханы; надежда на спокойствіе волжскаго края была еще впереди: а между тѣмъ вся эта долгая возня съ Дундукъ-Омбо стоила правительству до 8800 рублей. Много нехорошаго должны были видѣть ноионы и зайсанги отъ такого хана, Крымцы отъ прежняго своего гостя, русскіе отъ новаго своего подручника. И действительно, Дондукъ-Омбо калмыцкихъ владѣльцевъ издѣлывалъ всякими мѣрами, отбиралъ у нихъ улусы по собственному произволу, изгонялъ однихъ, награждалъ другихъ такъ что даже старшій сынъ его Галданъ-Норма и дошли отъ него къ Яику, думали бѣжать, одна къ Далай-ламе, другой въ турецкую протекцію, но усмирены при помощи русскихъ. Страшно отомстилъ свирѣпый ханъ кубанцамъ за оказанное ему гостепріимство. Во время походовъ Миниха и Ласси въ Крымъ, Дондукъ-Омбо два раза ходилъ на Кубань: первый разъ истреблено было имъ 6000 татаръ болѣе 10,000 ихъ женъ и дѣтей уведены въ плѣнъ, потомъ подчинены Россіи четыре большія поколѣнія, составлявшія болѣе 30000 кибитокъ; во второй разъ калмыки, вмѣстѣ съ донскими казаками, истребили цѣлое племя кубанско-Джетыскульцевъ, которое могло выставить однихъ конниковъ вооруженныхъ до 20,000 человекъ; наконецъ самъ Дондукъ-Омбо прошелъ всю Кубань до ея устьевъ, взялъ

преступноиъ Копыль, столицу своего прежняго покровителя Бахти-Гирея, и разорилъ ее въ конецъ. Хлѣбное, денежное илюмины, богатые знаки ханскаго достоинства и милостины грамоты посыпались изъ кабинета на свирѣпаго хана. Тотъ въ благодарность отправилъ своихъ калмыковъ разорить крымскіе улусы. Но, дѣйствуя такъ усердно за русскіе въ войнѣ съ турками, онъ постоянно ссорился съ ними за калмыковъ, которые принимали православіе. Пять лѣтъ ханствовалъ этотъ свирѣпый человекъ; съ нимъ оточилась сила волжскихъ калмыкъ. Начались страшныя разбои, не уступавшія ни въ чемъ прежнимъ: нѣсколько тысячъ, и въ томъ числѣ старшій сынъ Дондукъ-Омбо Байранъ-Норма, не мало нойоновъ и зайсанговъ погибли насильственною смертію. Сообщенія по Волгѣ опять были прерваны, русскіе промышленники, торговое и служилое сословіе должны были остановить свои дѣла. Военныя силы русскихъ были невелики и разрознены: имъ недоставало числа. Въ такихъ обстоятельствахъ посланъ былъ В. Н. Телячевъ усмирить край ¹¹⁶).

Еще будучи начальникомъ оренбургской экспедиціи, онъ нѣмалъ случай познакомиться съ Калмыками, когда небольшой отрядъ ихъ посланъ былъ противу возмущившихся башкирцевъ. Потомъ ему же поручено было прискаты удобные для поселенія крестившихся съ Петромъ Тайшинымъ калмыки, на Волгѣ повыше Саратова, построить въ томъ пристойномъ мѣстѣ крѣпостцу, а въ ней дворы для княгини Тайшиной, мужъ которой уже умеръ, для ея зайсанговъ, собрать туда, при участіи воеводъ: саратовскаго, — полковника Белемишева, царицынскаго — полковника Кольцова, и астраханскаго вице-губернатора, всѣхъ крещеныхъ калмыковъ, какіе только жили около Астрахани, Саратова и Царицына, приучить ихъ къ пашнѣ и къ домовому житію, а до

привычки пусть кочуютъ. Комендантомъ крѣпостцы бы полковнику Змѣеву. Последний совѣтовалъ поселить и внутри закамской линіи, по рѣкамъ Соку, Кондурчѣ, повкѣ и другимъ. Татищеву велѣно было, разсмотрѣ ландкарты всѣхъ этихъ мѣстъ и посѣтивъ эти рѣчки лич прислать свое мнѣніе въ Петербургъ. Татищевъ, на рука котораго были и сибирскіе горные заводы, и дѣла башки скаго края, и переговоры съ киргизъ-кайсаками, не мо ѣхать на указанные мѣста. Велѣно было заняться эти дѣломъ генералу Соймонову съ тѣмъ, чтобъ Татищевъ и нилъ ему наставленія. Но Соймонову некогда было хлоп тать о поселеніи Тайшиной. Тогда Татищевъ, судя по ла картамъ и по письменнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ о Тевкелева, распустилъ за лучшее: «жить княгинѣ въ Ад сѣвскѣ на линіи, между Самары и Красносамарска, и ей на первый случай покоевъ довольно, а прочихъ калмы ввести за линію, между рѣкъ Кондурчи и Черемшаны, степь, которой поперегъ болѣе 90 верстъ, а отъ Во вверхъ по тѣмъ рѣкамъ болѣе 100 верстъ, гдѣ мнится, они умѣститься свободно могутъ; если имъ покажется сно, то могутъ за линію въ степи въ удобныхъ мѣста кочевать, гдѣ они отъ набѣговъ другихъ калмыгъ закрѣ емъ строящихся въ Оренбургу крѣпостей могутъ быть . запасны.» Алексѣевка однакоже не понравилась Тайшини которая въ это время пріѣхала изъ Петербурга въ Саму Татищевъ сталъ прискивать другія мѣста и призывать себѣ съ этою цѣлію самарскихъ казаковъ. Одинъ изъ ни назвалъ «урочище Переполье, гдѣ есть воложка Бопылов а на ней боръ съ годнымъ въ строенію лѣсомъ, близъ т же урочища вышедшая изъ степи рѣчка Курумыгъ, и впадала въ Соку мимо Царева Кургана, а къ востоку степь подъ Перепольемъ же въ Волгѣ великіе сѣнные покосы

узнать и другое мѣсто: «Кунья воложка, выше Переполья
 верстахъ въ 20, при которомъ также лѣсовъ и сѣнныхъ
 покосовъ внизъ и вверхъ довольно.» Татищевъ справился съ
 ландаргою Кирилова; оказались въ ней большія невѣрно-
 сти. Тогда онъ послалъ на объявленные казакомъ мѣста
 мручника съ геодезистомъ описать ихъ; собранныхъ для
 постройки крѣпости работниковъ перевелъ также. Между
 тѣмъ Беклемишевъ донесъ Татищеву, что у него для пере-
 ны крещенныхъ калмыковъ отъ Сызрани до Саратова не
 мѣется болѣе 30 человекъ; Татищевъ велѣлъ нарядить не
 мѣе 150 конныхъ казаковъ, да суда съ пѣшими сколько
 ниво. Въ инструкціи прапорщику Ухтомскому, котораго
 онъ отправилъ къ Беклемишеву, было сказано между про-
 чимъ: «а какъ безызвѣстно, что въ такихъ мѣстахъ ко-
 мандыры и приказные оныхъ дворянъ, и казаковъ, и другихъ
 служилыхъ людей употребляютъ мимо настоящей ихъ слу-
 жи въ свои партикулярныя услуги, а иныхъ увольняютъ
 въ торги и другія собственныя ихъ промыслы, чего ради
 надлежитъ тебѣ тайно, если кто таковые отъ службы по-
 слабленіемъ уволенные найдутся, объ оныхъ кто тебѣ
 знаетъ именованно записать и пріѣхавъ мнѣ объявить; одна-
 ко сіе такъ чинить, чтобъ тамо о семъ твоёмъ провѣданіи
 никто знать не могъ и никому про сіе не объявлять.» Мѣ-
 сто строенія города избрана была Кунья воложка, куда
 Татищевъ отправилъ кондуктора, давъ городу профиль,
 мѣръ строеніямъ чертежи и реестры. Когда Тайшина пріѣ-
 хала на избранное мѣсто и съ нею 2400 калмыкъ, между
 которыми не менѣе 400 кибитокъ было убогихъ; то Тати-
 щеву пришлось хлопотать о заготовленіи для нихъ муки,
 мяса, крупъ, усчитывать разныя канцеляріи, торговаться съ
 подрядчиками, вывертываться изъ затруднительныхъ де-
 ловыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ постоянно находи-

лась оренбургская экспедиція. Наконецъ городокъ былъ и строенъ; Татищевъ предлагалъ назвать его Просвѣщен «что погречески Епифанія, который они праздникъ Боголенія именуютъ»; но назвали Ставрополемъ. Вмѣстѣ калмыками переселены были архимандритъ Никодимъ, пу топопъ Чубовскій, знавшіе калмыцкій языкъ: думали да о переводѣ евангелія для калмыковъ. Змѣевъ представилъ а Татищевъ и Соймоновъ утвердили соображенія о приу нии переселенцевъ къ осѣдлому образу жизни, о вызовѣ нимъ русскихъ хлѣбопашцевъ и торговыхъ людей.

1 октября 1738 года Татищевъ навѣстилъ княгиню Тайши и нашель, что Ставрополь построенъ по чертежу изрядн домъ княгинѣ, архимандриту, полковнику совсѣмъ отдѣлан и довольно покойны, зайсангамъ—многіе приходятъ въ дѣлку и въ нѣсколькихъ уже живутъ; церковь малая по кровлю приходитъ, а большая еще не заложена: «и хо полковникъ Змѣевъ, говоритъ Татищевъ въ своемъ док сеніи комиссіи иностранныхъ дѣлъ, разсужденіемъ пр ставлялъ, чтобъ церкви великой не строить, а построит три средственныхъ, но я разсудилъ, что лучше одну большую, нежели три малыхъ; для того: 1) что оную лучш одну, нежели всѣ убирать, а наипаче въ письмѣ иконъ надс но смотрѣть, чтобъ хорошее было; 2) въ бѣльшей церк. поученіе и закона толкованіе больше людей слушать и гуть, что въ разныхъ неудобно; 3) при одной способн добрыхъ священниковъ, которые у насъ въ диковинн имѣтъ, особливо на ихъ языкѣ. Потомъ былъ я у княгин которая за обрѣтеніе мѣста и прилежное для нея строе довольно благодарила и объявила, что она находитъ се должно изъяснить благодареніе, нѣчто отъ скотовъ, я быковъ, коровъ калмыцкихъ и верблюдовъ, но я благода ей сказалъ: не токмо отъ нихъ ничего не желаю, но ра

ки самъ отъ своего убогимъ калмыкамъ вспомочь; наипаче
 въ тѣхъ отрекся принять, что ихъ въ Самару сослать не
 съгнѣ. Потомъ княгиня просила, чтобъ о деревняхъ на-
 шитовать, и сказывала, что многіе калмыки сего года
 много сѣяли; и благодаря Бога довольный плодъ получили;
 которые же скотъ имѣютъ, довольно сѣнъ наготовили и
 ины де впредь болѣе охоты возымѣютъ, токмо многихъ же-
 лѣзныхъ снастей не достаетъ а купить не въ состояніи, и
 я одно я отвѣтствовалъ, въ чемъ возможность имѣю, въ
 нихъ не описываясь исполнять буду; потомъ, слушавъ обѣд-
 нъ, былъ у архимандрита; послѣ обѣда, опредѣля что нуж-
 но, поѣхалъ.» И по отъѣздѣ Татищева, княгиня Тайшина
 непрестанно беспокоила его напоминаніемъ о деревняхъ,
 которыя по обычаю времени обѣщали пожаловать мужу ея
 при крещеніи. Самъ Татищевъ соглашался съ нею и писалъ
 въ Петербургъ: «полезнѣе деревнями, нежели деньгами ихъ
 (крещенныхъ калмыкъ) содержать, ибо чрезъ то они скорѣе
 въ коноводству привыкнуть и работамъ мало-по-малу обу-
 читься могутъ, и хотя по положенію мѣстъ казалось бы на
 Черешанѣ дворцовыя деревни ей дать приличнѣе, но оныя
 болѣе бѣглыми и весьма безпутными гуляками и плутами
 населены, отъ которыхъ и калмыкамъ добраго приклада
 выучить не можно, чрезъ Волгу же противъ самыхъ дачъ
 княгини оной есть Усольская волость, бывшая за Меншико-
 выми, въ которой нѣкоторая часть дворцовыхъ, а болѣе Са-
 мари монастыря крестьянъ, приписанныхъ къ коллегіи эко-
 номіи, на которыхъ земляхъ и крѣпость построена.» Такъ
 колонизировали въ XVIII вѣгѣ приволжскій край инородцами,
 держа ихъ на счетъ русскаго населенія. Татищевъ въ
 этомъ отношеніи просто исполнялъ свой долгъ, какъ пони-
 малъ его. Онъ считалъ обязанностію своею заботиться о
 переселенцахъ, которые, сдѣлавшись православными, теряли

прежнее отличіе своей національности: по крайней мѣрѣ такой взглядъ раздѣляла съ нимъ вся древняя Россія. Заботливость Татищева о ставропольскихъ калмыкахъ доходила даже до того, что онъ просилъ имъ лекаря, подлекаря и потребные медикаменты, чѣмъ русское общество его времени не было очень богато: «дабы такіе невоздержные люди калмыки безъ наставленія и воздержанія лекарскаго въ впащія болѣзни не пришли и отъ того напрасно не пропадали».

Къ этимъ-то старымъ своимъ знакомцамъ долженъ былъ отправиться въ 1741 году В. Н. Татищевъ. Теперь дѣло шло уже не о переселеніи какой-нибудь небольшой кучки калмыкъ изъ разныхъ мѣстностей въ одну, а объ усмирненіи всѣхъ улусовъ, собраніи ихъ подъ власть одного хана. Указъ о назначеніи Татищева состоялся 31 іюля; а вскорѣ получены были съ Низу вѣдомости «о впащемъ безпокойствѣ» калмыцкаго народа; новому начальнику ихъ велѣно было ѣхать съ поспѣшеніемъ. Но при неопредѣленности того положенія, въ какое вдругъ поставленъ былъ Татищевъ, перейдя съ лавки подсудимаго въ тайные совѣтники, при незнакомствѣ съ самымъ дѣломъ, которое было ему поручено, при общемъ плохомъ управленіи, какимъ отличалось шаткое время Анны Леопольдовны, нельзя было собраться и выѣхать вдругъ къ мѣсту своего назначенія. Прежде всего надо было ознакомиться съ состояніемъ калмыцкихъ дѣлъ, съ перепискою всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ управленіи Низоваго края; а между тѣмъ только 8 августа коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила Татищеву реестры и содержаніе своихъ протоколовъ по калмыцкой комиссіи. 10-го состоялся указъ ея объ отправленіи напередъ багажа т. сов. Татищева на ямскихъ подводахъ; въ числѣ этого багажа находились казенные подарки калмыцкимъ владѣльцамъ; выдано было Татищеву на расходы 1000 рублей, те-

варовъ: кусокъ штофу съ серебряными и шелковыми травами, суконъ, соболей, камки, мѣховъ, кирпичнаго чаю на столько же, да на экипажъ и проѣздъ тысячу же. 13-го повторили ему приказаніе — ѣхать въ Царицынъ наскоро. 14-го, по его донесенію, дали ему приказъ о полученіи, въ Москвѣ изъ коломенскаго приказа, шатра или ставки для приѣма калмыцкихъ владѣтелей. Наконецъ дана подробная инструкція и грамоты за подписью кабинетъ министровъ: къ генералъ — кригсъ — комиссару и астраханскому губернатору князю Голицыну съ увѣдомленіемъ о посылкѣ Татищева для калмыцкихъ дѣлъ и съ приказомъ подавать ему помощь въ томъ; царицынскому коменданту полковнику Кольцову, полковнику Бобарыкину, Оренбургской экспедиціи—о томъ же; къ ханшѣ Даршѣ-Балѣ; къ ханшѣ Джанѣ, вдовѣ Дондукъ-Омбо, съ дѣтьми ея; къ братьямъ Дондукъ-Дани и разнымъ войнамъ и зайсангамъ; копіи съ послѣднихъ донесеній Голицына и Кольцова. Но въ то самое время, какъ Татищевъ уже готовъ былъ выѣхать, встрепенулись его прежніе враги, и, еще не закрытая, судная по его дѣламъ комиссія стала присылать къ нему черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ запросъ за запросомъ, по жалобамъ казанскихъ купцовъ, подрядчиковъ и чиновниковъ, служившихъ вмѣстѣ съ Татищевымъ въ оренбургской экспедиціи. Татищевъ сталъ осторожнѣе послѣ столкновеній съ подчиненными, бывшихъ у него во время усмиренія башкирскаго бунта, и теперь, получивъ полномочную инструкцію на управленіе дѣлами калмыцкими, просилъ яснѣе опредѣлить его права и обязанности. Въ инструкціи просто говорилось: по прибытіи въ Царицынъ послать одиннадцати владѣльцамъ грамоты съ требованіемъ о свиданіи, назначивъ для того приличное мѣсто; по полученіи отвѣтовъ, идти въ походъ съ командою въ двѣ роты къ условленной мѣстности; на-

сѣздѣ объявить Дондукъ-Даши намѣстникомъ калмыцка ханства; надѣть на него шапку и шубу соболью, опояса саблю и отдать жалованную грамоту; потомъ всѣхъ знѣныхъ привести къ присягѣ и раздать имъ жалованье. Ес же откажутся явиться на сѣздѣ владѣльцы изъ парт Дондукъ-Омбиной вдовы, ханши Джаны, и будутъ требова Татищева къ себѣ въ улусы, то, взявъ съ собою два регулярные полка, 1000 донскихъ казаковъ и не менѣе 200 калмыкъ противной партіи, привести къ присягѣ тѣхъ, которые тамъ явятся; потомъ спуститься по Волгѣ и Ахтуб приводя къ присягѣ всѣ калмыцкіе улусы, въ случаѣ е добности силою, но безъ разоренія. Вдовѣ Дондукъ-Омбъщать, что одинъ изъ ея сыновей, когда подростеть, можетъ получить санъ хана; вести для виду переговоры бракъ Джаны съ намѣстникомъ ханства; но стеречь, чтобъ дѣйствительно не женился, ибо изъ того его императорскаго величества интересамъ никакой пользы быть и можетъ; оставить всѣхъ при прежнихъ улусахъ, изгнаннымъ возвратитъ отнятое; кончить все дѣло къ зимъ полки отпустить на винтеръ—квартиры, а на дѣто въ улусы; стараться приводить, по возможности, къ крещенію зайсанговъ и владѣльцевъ; взять съ Дондукъ-Даши рверсь, что онъ не будетъ принимать крещенныхъ калмыкъ, не будетъ мстить никому изъ калмыцкихъ владѣльцевъ; требовать отъ него сына для содержанія въ русскомъ городѣ. А если въ чемъ, по тамошнимъ конъюнктурамъ, премѣнить надобно, поступать по тамошнимъ обстоятельствамъ, по своему искусству и усмотрѣнію, употребляя въ совѣтъ Бобарыкина. Въ заключеніе было сказано въ общихъ выраженіяхъ: никакихъ излишностей и непристойностей ни въ чемъ, также обидѣ никому отнюдь не чинит о дѣлахъ государственной тайности отнюдь въ парти

лрныхъ письмахъ ни къ кому не писать.» Татищевъ, про-
 ся поясненій на нѣкоторые пункты инструкціи, говорилъ:
 «1) въ бытность мою при оренбургской комиссіи, бывшіе въ
 перальныхъ совѣтахъ, хотя подписывались у протоколовъ
 еще, но послѣ, знатно на меня клевета, показывали, якобы
 и страхъ подписались и спорить не смѣли; нынѣ же рав-
 нитрно такихъ коварствъ нужно мнѣ предостеречься и
 ни того всеподданнѣйше прошу, чтобъ данъ мнѣ былъ
 особый указъ или въ инструкцію внести, дабы тѣ, ко-
 торые въ совѣтъ призваны будутъ, безъ всякаго страха
 ибніе ихъ объявляли, и если по большимъ голосамъ про-
 тивъ чьего мнѣнія опредѣлится, то повиненъ онъ въ прото-
 колъ свое особно записать, а если то упустить и послѣ по-
 ричать будетъ, чтобъ мнѣ въ вину не причлось. 2) Яко въ
 бытность при оренбургской комиссіи, имѣлъ я точную ко-
 манду, какъ генераль-поручикъ, или повелѣно будетъ толь-
 ко съ военными имѣть сношеніе и представлять имъ совѣ-
 тить—прошу, чтобъ оное въ инструкцію было включено. 3)
 Сколько полковъ имѣть при себѣ и въ лагерѣ? 4) Будутъ
 ятные пріѣзжать и буду потчивать, необходимо ли быть му-
 жикъ и откуда? 5) Лекарства, въ случаѣ надобности, отку-
 да брать? 6) Столовыхъ приборовъ и питій гдѣ взять? 7)
 Въ Царицынѣ есть карета изъ-подъ персидскаго посла, не
 можно-ль ее употреблять для пріѣзда къ знатнымъ калмыц-
 кимъ владѣльцамъ?» На вопросы Татищева присланы были,
 чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отвѣты изъ кабинета:
 «1) Беклемишеву, Бобарыкину и другимъ, въ будущихъ
 съ вами совѣтахъ, поступать по посланнымъ о томъ къ
 вамъ указамъ, по данной вамъ инструкціи и по государ-
 ственнымъ правамъ и генеральному регламенту. 2) Хотя
 въ инструкціи и довольно изъяснено о войскахъ, но еще
 повторяемъ, что оными вамъ дѣйствительно командовать и

поступать по нашимъ военнымъ регуламъ и имѣющимъ у васъ указамъ. 3) Въ походѣ и лагерѣ соизволяемъ вамъ караулъ имѣть противъ дѣйствительнаго генераль-лейтенанта. 4) Музыку употреблять изъ будущей при васъ команды. 5) Лекарства, для обрѣтающихся при васъ подкомандныхъ людей, употреблять отъ полковыхъ лекарей и отъ лекаря Клерка, что при полковникѣ Бобарыкинѣ; въ случаѣ недостатка требовать изъ астраханской аптеки. 6) Въ 1724 году при Петрѣ Великомъ Волынскому разрѣшено было брать пиво и вино съ кабаковъ; чтобъ владѣльцевъ и зайсанговъ трактовать подъ именемъ нашимъ, можете употребить своихъ поваровъ и посуду, а для прочихъ купить деревянной посуды, пищу же покупать на имѣющіяся при васъ казенныя деньги. 7) Въ Саратовѣ отъ персидскихъ пословъ остались два берлина, и, ежели есть годный, вамъ для себя употреблять соизволяется ¹¹⁸).

Около половины октября прибылъ Татищевъ въ Царицынъ; тотчасъ же пригласилъ на совѣтъ генерала Тараканова и Больцова, отправилъ призывные листы ко всемъ калмыцкимъ владѣльцамъ. На совѣтѣ Татищевъ узналъ объ общемъ положеніи дѣлъ въ Низовомъ краѣ. Черный-Яръ не задолго передъ тѣмъ сгорѣлъ; форпосты, разставленные по Волгѣ, были слабы. Татищевъ предложилъ устроить ниже яицкаго городка, къ горамъ Индерскимъ, городокъ; по Волгѣ, между Астраханью и Царицынымъ, шесть городковъ; жителей называть съ Дона и Украины. Во всѣхъ волжскихъ мѣстахъ, говорилъ онъ, немалой казенный рыбный промыселъ, дающій не менѣе 20,000 рублей въ годъ; для калмыковъ же останется Ахтуба и промежутки среди казенныхъ улусовъ по Волгѣ. Настоящій порядокъ волжскихъ казаковъ не столько полезенъ, сколько вредителенъ; защищая свои привилегіи, они наносятъ великій ущербъ Саратову, Царицыну и

Дмитріевску своими торгоми, кабаками и рыбными промыслами; между ними поселилось много бѣглыхъ русскихъ, ихъ-то и надо вывести и поселить ниже Царицына; между Саратовымъ и Дмитріевскимъ тоже надо построить городокъ и вызвать жителей и купцовъ извнутри. За тѣмъ перешли къ разсужденіямъ о калмыцкихъ смутахъ. Представили Татищеву докладъ изъ семи донесеній Бобарыкина «о учиненныхъ и находящихся противностяхъ калмыцкой ханши и ея согласниковъ». Послѣ того, какъ умеръ Дондукъ-Омбо, произошли многія смятенія въ калмыцкихъ улусахъ; старшій сынъ покойнаго хана былъ убитъ; ханша Джана хотѣла уйти сперва за Яикъ къ тухмепцамъ и хивинцамъ, потомъ чрезъ нагорную сторону Волги въ Кабарду; хотѣла поймать и убить старую ханшу, вдову Аюки, Дарму-Балу; думая уйти чрезъ Волгу, намѣревалась атаковать Бобарыкина; приготовлено было 300 лодокъ, войско посажено на лошадей, верблюдовъ и быковъ; несмотря на представленія Бобарыкина, сторонники Джаны напали на другихъ владѣльцевъ, убили двоихъ, захватили ихъ улусы; теперь ханша съ своей партіей кочуетъ въ Рынь-Пескахъ, а сына хочетъ отправить въ Кабарду. — Въ совѣтъ рѣшили увѣщевать ханшу всякими мѣрами, неприбѣгая къ насилію, разделить ея сообщниковъ разными обѣщаніями, задарить ихъ, подкупить и перевести отъ нея на нагорную сторону; и только въ случаѣ явнаго сопротивленія, дѣйствовать силою при помощи оренбургскихъ, самарскихъ, алексѣевскихъ и яицкихъ казаковъ, вѣрныхъ калмыкъ, регулярныхъ полковъ, астраханскаго и форпостныхъ гарнизоновъ, чтобъ всѣмъ имъ сблизиться между собою и, окруживъ ханшу съ ея сторонниками, переловить. Но тутъ же генералъ Таракановъ сказалъ Татищеву: «а чтобъ мнѣ изъ команды моей полки вашему превосходительству давать, о томъ ни откогда указа не имѣю». Татищевъ

на другой день написал о томъ Остерману и въ ноябрѣ полученъ былъ изъ Петербурга выговоръ Тараканову ^{***}).

15 октября Татищевъ выѣхалъ изъ Царицына и 22-го прибылъ въ Селитряной горокъ на р. Ахтубѣ. Ханша кочевала въ 50 верстахъ отъ городка съ 1000 человекъ, да не вдалекѣ было еще 2000. Тотчасъ же явился къ Татищеву посланецъ отъ нея, важное духовное лице, Нима-Гелюнгъ. Онъ началъ свою рѣчь съ того, что Петръ Великій всегда держалъ въ милости хана Аюку; когда тотъ сказалъ, что если Волги не лишите, то вѣчно вѣрны пребудемъ, царь поцѣловалъ его въ голову. Служба хана Дондукъ-Омбо, мужа ея, также извѣстна. Но потомъ произошли смятенія, наговоры, неудовольствія. Говорятъ, что ханша хочетъ бѣжать, да идти некуда; къ чжунгарамъ никакъ невозможно, они пришельцевъ грабятъ всѣхъ безъ остатку и держатъ въ бѣдности; съ киргисъ-кайсаками хотя и заключенъ миръ, но ханша имъ не вѣритъ.—Татищевъ выговаривалъ за междоусобіа и великое воровство по Волгѣ: «о томъ весьма сожалѣть должно, говоритъ онъ, но когда уже учинилось такое, чего возвратить не можно, то и думать не о чемъ, а впредь вѣрность и покорность надо изъявлять». Въ случаѣ, если ханша опасается пріѣхать къ нему для свиданія, Татищевъ соглашается самъ ѣхать къ ней. За тѣмъ посланецъ былъ трактованъ вишневою и коврижками. Татищеву же представлены отъ ханши въ даръ тулупъ и четыре лошади, да отъ гелюнга лошадь. Послѣ открытаго свиданія перешли къ разговору наединѣ. «Какіе улусы пойдутъ сыну Дондукъ-Омбо? кто будетъ ханомъ?» спрашивалъ посланный. Татищевъ отвѣчалъ: «не знаю, кто ханомъ будетъ; велѣно выбрать намѣстника ханству, и можетъ оное продолжится до совершеннолѣтія Дондукъ-Омбинныхъ сыновей: а кто достоинъ намѣстничества, того еще онъ подлинно не вѣдаетъ.»

Вскорѣ пріѣхалъ и Дондукъ-Даши. На встрѣчу ему была отправлена шляпка. Татищевъ убѣждалъ будущаго намѣстника вести себя ласково и снисходительно ко всѣмъ. Дондукъ-Даши также видѣлся съ Нима-Гелюнгомъ. Послѣдній спрашивалъ его: «кто будетъ ханомъ? если онъ, то всѣ они рады; а хотя бъ которые и не были рады, мы ихъ оставимъ». Дондукъ-Даши отвѣчалъ: хана не будетъ, будетъ намѣстникъ, а кто—не объявлено». Гелюнгъ продолжалъ: «слусы, кто которыми нынѣ владѣеть, не отымутся-ли у ханши и дѣтей ея?» Ни у кого не отымутся, былъ отвѣтъ: дѣти отцовы наслѣдники. «Не возьмутъ-ли ханшу и съ дѣтьми за караулъ, или не убьютъ-ли ихъ?» добивался посланный.— «Сіе напрасно вы думаете, прервалъ Татищевъ, тутъ же находившійся: еслибъ государь хотѣлъ ружьемъ васъ смирять, тобъ ему способовъ не оскудѣло.»— 29 октября привезена была въ лагерь музыка. Въ тотъ же день Нима-Гелюнгъ, послѣ долгихъ и дальнихъ разговоровъ, высказалъ тайное желаніе своей ханши, что для успокоенія калмыцкаго народа хорошо бы женить Дондукъ-Даши на ханшахъ Джанѣ и Диеджитѣ, вдовѣ Черенъ-Дондука; ибо въ томъ калмыцкому закону противности нѣтъ и обычно братъ послѣ брата береть женъ. Его отпустили, подаривъ сукна на кафанъ и чинъ полкирпча. Казацкій старшина Поздѣевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ ханшѣ звать ее на свиданіе.

Между тѣмъ безпрестанно приходили въ лагерь Татищева вѣсти, что собираются къ нему и другіе владѣльцы. Въ ожиданіи своихъ гостей, Татищевъ послалъ въ Астрахань просить 200 ведеръ меду и вина, 1500 четвертей муки, 3000 овса. 1 ноября пріѣхала въ лагерь самая старая между всѣми владѣтелями калмыцкими, ханша Дарма-Бала, съ 400 человекъ. На другой день происходило торжественное свиданіе Татищева съ нею и съ Дондукъ-Даши, при чемъ

соблюденъ былъ до послѣдней мелочи весь верблю-
лупный церемональ, льстившій самолюбію степи-
менитостей. Татищевъ трактовалъ ихъ водкою и
иными винами съ довольною пищею; они подчивали
ихъ чаемъ. Дарма-Бала говорила: «какъ государь им
Петръ Великій былъ здѣсь, то и онъ нашъ чай
Татищевъ отвѣчалъ: «и я не отрекся.» Ханша сама
ему чашку. За обѣдомъ предложено было десять
въ томъ числѣ за успокоеніе калмыцкаго народа, за
намѣстника ханства, а потомъ за Дондукъ-Даши. Пос-
подавали конфекты, чай и кофе. — Все болѣе и бо-
бывало улусныхъ владѣльцевъ. Лагерь превратилъ
селенное мѣсто. Кибитки, верблюды, стада перевед-
ли далѣе. Прибывшіе владѣльцы дарили Татищева
ко скотомъ, но и калмычатами, мальчиками и дѣвоч-
8 до 12 лѣтъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоров
доразумѣній, Джана рѣшилась на свиданіе съ Тати-
который встрѣтилъ ее воспоминаніями о служ-
и Дондукъ-Омбо, о послѣднихъ смятеніяхъ. Ханша
о волненіяхъ, объясняла, что должна была защищ
родственниковъ, хотѣвшихъ погубить ее. «Побиты
выми суда дать невозможно, отвѣчалъ Татищевъ;
думать о будущемъ», — и требовалъ общаго съѣзда
владѣльцами. Ханша изъяснила опасенія; Татищевъ
что нечего опасаться, а надо слѣшить окончаніе
близится зима, и онъ оставитъ ихъ тогда въ поко
совѣтъ. Джана отвѣчала на это дерзостью, ска:
сердечно радуется, если онъ хочетъ оставить калм
родъ въ покоѣ. — «Это состоитъ въ вашей волѣ», з
Татищевъ и перешолъ къ угощенію ханши. По о
изъ лагеря, отданы были приказы, предписывавші
дность, исправность, чистоту, готовность къ цер

Но надежды Татищева на примиреніе дикарей между собою
 были напрасны. Всѣ ихъ интересы сосредоточивались на за-
 влѣ другъ у друга улусовъ, на усиленіи одного на счетъ
 другого, на взаимныхъ угощеніяхъ бараниной, кониной, на
 дозволеніи быть трактованными отъ представителя импе-
 раторской власти водкою, романею, вшневкою, коврижками
 и другими яствами и питіями. Чуть Татищевъ оказывалъ кому-
 либо изъ нихъ большее вниманіе, стоило только сказать кото-
 рому-нибудь лишнее любезное слово, поднести лишнюю чарку
 вина; остальные тотчасъ же начинали сплетничать на того
 Татищеву, пугать обласканнаго какими-нибудь подозрѣніями;
 особенно наговаривали на Джану, а равно и ей на Татищева,
 приписывая ему самыя враждебныя намѣренія. Татищеву пе-
 редили слова ханши: «ежели де тайный совѣтникъ Дондукъ-
 Даши на ней женить, то милость его императорскаго вели-
 кая неизмѣнна; ежели же де того не учинить, то знакъ
 милости;» говорили о ея желаніи, чтобъ оставили ей
 жить можно болѣе улусовъ. Но тѣже желанія питалъ и Дон-
 дукъ-Даши. Изъ Петербурга же приходили указы о томъ,
 чтобъ не усливать особенно на счетъ другихъ будущаго
 вѣстника ханства, чтобъ манить Джану выдачею ея
 вѣстника, на самомъ дѣлѣ препятствовать тому; что намѣ-
 раніе ханши бѣжать, въ случаѣ неудачи, къ Янку не пред-
 ставляетъ вѣщей противности государственнымъ интере-
 самъ, потому что оттуда удобнѣе будетъ отвратить отъ нея
 вѣстника улусы. Вѣрно было также пріохочивать кал-
 мукъ къ поселенію городами и слободами по Волгѣ, по-
 строить крѣпостцу съ хоромами и церковью для Дондукъ-Даши,
 вѣстникомъ назначить Бобарыкина; она будетъ и для рус-
 скихъ пристань и убѣжище. Особенно же долженъ былъ ста-
 раться Татищевъ уговаривать владѣльцевъ отдавать своихъ
 сыновей въ русскіе города и ко двору, а сына Дондукъ-Даши

содержать въ Астрахани во всякомъ довольствѣ. Въ та
 обстоятельствахъ поѣхалъ Татищевъ къ Джанѣ отдать
 визитъ. По обычаю, свиданіе началось потчиваньемъ. Ти
 щевъ сказалъ ханшѣ: водку пить очень горячо, не изво
 ли лучше виноградное пить?—Я и до него неохотница
 вѣчала Джана, однако, сколько могу, пить буду. Пили
 жду прочимъ за успокоеніе калмыцкаго народа. Разгов
 орая потомъ наединѣ, ханша просила присланную съ Ти
 щевымъ грамоту. Татищевъ говорилъ, что можетъ отда
 только на общемъ съѣздѣ. На новыя, усиленные про
 объявилъ, что неволень въ томъ, и что она напрасно
 сается наущничества родственниковъ; чтобы они ни
 рили, она прежде, нежели на то отвѣтитъ, не можетъ
 судима и признана виновною. Вопросы о сватовствѣ ко
 ся только въ видѣ намековъ. А пока Татищевъ перего
 вался съ Джаной, его спутники разговаривали съ та
 ми, новокрещенными и некрещеными калмыками, нах
 шимся возлѣ кибитки ханши, и тѣ говорили имъ, что
 ханши съ владѣльцами ея партіи положено улусами не
 ступаться. Провожая Татищева изъ своей ставки, Д
 общала пріѣхать къ нему обѣдать на другой день; но
 сто того улусы ея стали откочевывать далѣе, а сама она
 Татищеву не бывала. Тайный совѣтникъ собралъ совѣ
 спрашивалъ его: что дѣлать?—Войскъ достаточныхъ не
 да и тѣ худоконные, можно будетъ оторвать лишь нѣс
 ко кибитокъ; а наступить зимнее время и ханша переѣ
 на нагорную сторону Волги, откуда легко бѣжать къ
 или на Кубань. Рѣшили: отписать Тараканову, чтобы по
 говился не пропускать ее. Но на другой день, 11 по
 когда собрались къ Татищеву почти всѣ калмыцкіе вла
 цы, отъ Джаны пріѣхалъ Нима-Гелюпгъ съ пись
 гдѣ говорилось, что она готова вытти за Дондугъ-Даши

ли тотъ дастъ присягу, что: «будетъ содержать ее, яко честную жену, въ нелицемѣрной любви, а дѣтей ея, яко своихъ рожденныхъ; никакихъ улусовъ отъ нея не отыметъ и никому не отдастъ; имѣющихся при ней зайсанговъ будетъ содержать въ милости и не отдастъ никому. Ежели же Дондукъ-Даши на ней не женится, то калмыцкій народъ между собою намѣрены учинить брань; потому что одна половина желаетъ при Волгѣ неотлучно быть, а другая готова къ побѣгу за Яикъ.» Просила, чтобъ Татищевъ поручился въ исполненіи всѣхъ ея требованій. Татищевъ долженъ былъ стозваться неимѣніемъ указа. Прошелъ еще день. Явился братъ Дондукъ-Даши, владѣлецъ Бодонгъ, небезгрѣшный въ пріехавшихъ до прибытія Татищева смятеніяхъ. Татищевъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что пріѣхалъ позднѣе: «калмыцкій народъ, говорилъ онъ, въ ссорахъ вашихъ пришелъ въ крайнее раззореніе и ужь владѣютъ улусами дѣда, отца и братьевъ твоихъ ваши холопы.»—То сама правда, тупо замѣтилъ калмыкъ; а на другой день сталъ просить, чтобъ его отпустили къ Джанѣ. Татищевъ и Дондукъ-Даши вышли изъ кибитки посоветоваться о томъ. Татищевъ говорилъ: «удержать неудобно, а лучше отпустить.» Дондукъ-Даши отвѣчалъ: «надо велѣть притти ему къ шатъ въ лагерь, а улусы свои отдалить отъ ханшинныхъ.» Возвратившись въ ставку, Татищевъ сказалъ Бодонгу, что по просьбѣ брата только, а онъ самъ того недостойнъ, отпускаетъ его, съ условіемъ оставаться вѣрнымъ. Въ это время пріѣхали новые послы ханши и требовали присяги отъ Дондукъ-Даши по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ будетъ поступать впредь по волѣ государя и Джану съ дѣтьми ея не умертвить и не обидить. Дондукъ-Даши согласился на это, но упрямялись его зайсанги; Татищевъ и Беклемишевъ велѣли дать присягу. Послѣ присяги, Татищевъ сказалъ

посланнымъ ханши: «пусть она и съ дѣтьми неотмѣн
 уповаешь на милость его императорскаго величества, и е
 бы страхи изъ головы своей отложила, пріѣхалабъ пос
 завтра со всѣми владѣльцами и знатными въ его ставк
 Посланные отвѣтили: «сыскавъ счастливый день, ханша п
 ѣдетъ безъ всякаго страха.» Татищевъ на это возрази:
 «доброевѣстнымъ всякой день есть счастливый, бессо
 стнымъ же и противникамъ воли его императорскаго вели
 ства всегда несчастливый.» Тѣ обѣщали дать отвѣтъ на д
 гой день. По отъѣздѣ ихъ, еще разъ повторены были п
 казанія по лагерю, артиллерію велѣно было заряди
 чтобъ фитили съ огнемъ и днемъ и ночью были въ готов
 сти; чтобъ всюду разѣзжали конные пикеты. Долго жда
 на другой день обѣщаннаго отвѣта о счастливомъ днѣ,
 который явится на общій съѣздъ ханша; наконецъ пос
 ли къ ней съ письмомъ дворянина Ваулина. Тотъ нашел
 Джаны четырехъ знатныхъ киргизъ-кайсаковъ, явивши
 ся къ ней съ 400 человекъ и съ табуномъ изъ 2000
 ловъ, для выкупа своихъ родственниковъ и для покуп
 верблюдовъ, въ то же время они звали ханшу соединиться
 ними и бѣжать за Яикъ. Ваулину дали прежній отвѣтъ: хан
 выбираетъ счастливый день и приказано уже духовнымъ
 кать въ книгахъ своихъ. Въ лагерѣ Татищева послѣдова
 новыя приготовления къ торжеству объявленія намѣстни
 калмыцкаго ханства. Между прочимъ дворяне Потаповъ
 Толпыгинъ должны были поставить кадки съ питьемъ
 ѣжей по обѣ стороны шатра: по правую — *для нашихъ*
 калмыкъ, по лѣвую для Джановыхъ, на разстояніи отъ ш
 тра въ 50 саженьхъ; къ шатру велѣно пускать только ва
 дѣльцовъ, духовныхъ и зайсанговъ; въ самомъ шатрѣ п
 ставить два кресла, два стула, да столъ съ грамотой поср
 ди ихъ. Но въ ночь пришло донесеніе отъ Бодонга, ч

часть владѣльцевъ и зайсанговъ ханши хотять жить при Волгѣ, другіе уговариваютъ ее бѣжать, и что ночью между знатными ханшиной партіи быть великой ссорѣ. Дондукъ-Даши требовалъ идти съ войскомъ къ кибиткамъ Джаны, ее убить, непокорныхъ переловить. Татищевъ, какъ и всегда поступалъ въ трудныхъ случаяхъ, созвалъ совѣтъ и передалъ на его обсужденіе требованіе Дондукъ-Даши. Рѣшили: можетъ быть ложное затѣваютъ, и потому туда не ходить, а быть только на готовѣ. Утромъ посланъ былъ къ ханшѣ Поздѣевъ съ приказаніемъ, чтобъ безъ всякаго продолженія пріѣзжала завтра. Между тѣмъ возвратился отъ нея Бодонгъ и сказалъ Дондукъ-Даши, а тотъ Татищеву: будто бы ужъ на отъздѣ догналъ его ханшинъ казначей и сказалъ: она-де видѣлась съ тайнымъ-совѣтникомъ двоекратно, и нынѣ сама для слушанія его императорскаго величества указу не будетъ, а пришлетъ одного сына своего. Татищевъ говорилъ; «и того довольно!» Оказалось, что поѣздки Бодонга были не безъ цѣли: ему удалось отговорить отъ ханши къ своему улусу нѣсколько зайсанговъ. Другіе переслались съ Дондукъ-Даши изъявленіемъ готовности перейти къ нему, только боятся наказанія за убійство Галданъ-Данжина и другихъ нойоновъ, по смерти Дондукъ-Омбо. Имъ отвѣчали, чтобъ не отходили и ссоръ не начинали, доколѣ ханша дѣйствительно не окажетъ противности. Явились третьи перебѣжчики и допели, что ханша уже намѣрена за киргизъ-кайсацкихъ владѣльцовъ обѣихъ своихъ дочерей выдать, что у нея самыхъ вѣрныхъ не болѣе 5000 человекъ, звали Татищева съ войскомъ къ ея улусамъ, общая тогда отъ нея отстать. Собранъ былъ новый совѣтъ, который рѣшилъ, что вѣсти эти недовольно надежны и вѣрить имъ не можно, какъ то учинилось съ Галдапъ-Данжинымъ, что его обнадеживая звали, а какъ пришелъ, то все оставя его пору-

Джані. Татищевъ созвалъ совѣтъ, которому и предложилъ такой вопросъ: не хитрость-ли это со стороны Дондукъ-Даши,—чтобъ только ханшу въ страхъ привести, принудить къ побѣгу, и по той противности улусы себѣ отнять; точно того же требовалъ онъ и о братѣ своемъ Бодукѣ, чтобъ и ему не объявляли о пожалованныхъ улусахъ?

Рѣшили: послать для личныхъ объясненій съ Дондукъ-Даши колковника Беклемишева: въ инструкціи-де у нихъ сказано, хотъ сама ханша и не будетъ, грамоту все-таки отослать, безъ чего ей нельзя присяги учинить; противнаго же имъ сдѣлать не смѣемъ, да и пользы никакой изъ того не видно. Дондукъ-Даши отвѣчалъ: если всѣ узнаютъ о грамотѣ, то останутся при ней и она будетъ въ силѣ. Беклемишевъ замѣтилъ: все одно, прочтутъ же грамоту предъ всѣми. Дондукъ-Даши просилъ отложить на три дня. Нельзя, былъ отвѣтъ, ужъ повѣстка учинена. Дондукъ-Даши возражалъ: отговоритесь тѣмъ, что не всѣ собрались, а чрезъ три дня останутъ навѣрно отъ ханши всѣ улусы и она будетъ безсильна. Татищевъ, узнавъ о результатахъ переговоровъ Беклемишева съ Дондукъ-Даши, потребовалъ послѣдняго къ себѣ и сказалъ, что пожалуй грамоту Джанѣ отдасть завтра; но вѣдь сегодня будутъ прочитаны грамоты всѣмъ остальнымъ, гдѣ говорится и о ханшѣ. Дондукъ-Даши отвѣчалъ: такъ ужъ лучше публиковать и ей. Тогда Татищевъ, Беклемишевъ и Бобарыкинъ положили: тотчасъ же ослабить Дондукъ-Даши намѣстникомъ, а отсылкой грамоты Джанѣ обождать; за сыномъ же ея Асараемъ послать Ваулина.

Когда получена была вѣсть, что Асарай ѣдетъ, началось давно приготовляемое торжество объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Тайный совѣтникъ и представитель императорской власти, Татищевъ сидѣлъ въ берлинѣ, оставшемся послѣ персидскихъ пословъ, подлѣ

него по лѣвую руку представитель и глава всего калмыцкаго народа, кочующаго въ низовьяхъ Волги; ихъ везли цугомъ. По сторонамъ берлина ѣхали верхами Бобарыкинъ и Беклемишевъ. Вся команда была въ сборѣ. Среди ея прошелъ весь поѣздъ. Въ шатрѣ Татищевъ и Дондукъ-Даши сѣли въ кресла: первый по правую сторону, второй— по лѣвую; на стульяхъ помѣстились Беклемишевъ и Бобарыкинъ. Калмыцкіе владѣльцы заняли ковры. Потомъ пріѣхала ханша Дарма-Бала съ владѣльницею Соломой; за ними Асарай съ владѣльцомъ Галданъ-Нормой, духовные и заисанги въ числѣ 200 человекъ; въ шатеръ вошли не все. За малолѣтняго сына Дондукъ-Омбо говорилъ рѣчь его дядька; содержаніе ея было такое: мать прислала его вмѣсто себя, потому что большой сынъ ея Арандаль при войскѣ далеко, а другой — боленъ. Окончивъ рѣчь, калмыцкій менторъ подвелъ своего воспитанника къ старшей ханшѣ Дармѣ-Балѣ, которая, поцѣловавъ своего правнука, прижала его къ себѣ и посадила подлѣ. Татищеву подали отъ Джаны письмо къ ней гр. Остермана, въ которомъ говорилось о комиссіи, порученной ему. Татищевъ подтвердилъ, что все исполнить. Начался церемоніаль объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ ханства и приведеніе его къ присягѣ, послѣ чего перешли къ пиршеству. Яства и питье были разобраны калмыками съ драгомъ; а было ихъ всѣхъ около 800 человекъ. Для знатныхъ приготовленъ былъ столъ. Уже во время обѣда пріѣхала ханша Джеджитъ съ дочерью, которая была замужемъ за Галданъ-Нормой, и, подошедши къ Дармѣ-Балѣ съ великимъ почтениемъ, обняла ее; а та, обнявъ внуку свою, долго плакала и посадила ее подлѣ себя. За столомъ провозглашены были четыре тоста, при 21, 13 и 7 выстрѣлахъ; послѣдній былъ за намѣстника ханства; потомъ много было тостовъ безъ стрѣльбы. Долго тянулось пированье, какъ вдругъ кто-то во-

шелъ въ ставку и началъ что-то говорить Дондукъ-Даши; а тотъ сказалъ Татищеву, что Джана можетъ отъ замедленія сына придти въ страхъ, могутъ ей и солгать что-нибудь. Татищевъ обратился къ Асараю со словами: «ты здѣсь по милости его императорскаго величества съ прочими веселишься, а мать, можетъ быть, невѣдая того, печалится; и если вы еще не дали ей знать о себѣ, то лучше бы послать;» а Нина-Гелюнгъ велѣлъ исполнить это приказаніе. Тогда Дондукъ-Даши наклонился къ Татищеву и тихо сказалъ ему, что ханша совсѣмъ ушла; и тотчасъ изъ-за стола всѣ встали. Нина-Гелюнгъ сталъ говорить: «слышимъ де, что ханша пошла къ улусамъ, надо и намъ поспѣшать.» И съ этими словами, всѣ присутствовавшіе, будучи довольно пьяны, къ часу въ девятомъ по полудни разъѣхались. А намѣстникъ, съ ханшею Джеджитъ и съ дочерью ея, отправился для трапезы къ себѣ домой. Татищевъ послалъ имъ по барану, по ведру вина и меда, и конфетъ. Бодонгъ тоже выпросилъ себѣ барана. Такъ кончилось давно жданное торжество, которое стоило Татищеву столькихъ усилій, переговоровъ, выжиданій и генеральныхъ совѣтовъ.

Ночью получены были вѣсти, что ханша точно бѣжала и ея улусники стали другъ друга грабить, а иные вовсе отъ нея отставать. Дондукъ-Даши требовалъ послать за ней въ погоню. Уже велѣно было изготавиться казакамъ; какъ вдругъ утромъ пришло письмо отъ Джаны. Ханша писала тайному совѣтнику, что, услышавъ лживое утрашеніе, сильно перетревожилась; однако увѣдомившись, что то напрасно, остановилась: сынъ ея съ духовными и зайсангами взять былъ въ шатеръ для угощенія, но ей, незнающей русскихъ обычаевъ, стоявшій на караулѣ калмычанинъ объявилъ плаче, чего испугавшись и поочевала; узнавъ же, что все это ложь, остановилась, и просить, чтобъ непричтено было

то ей въ подозрѣніе. Посланный прибавилъ отъ себя, что всѣмъ объ арестѣ ея сына была принесена человѣкомъ недобрыя вѣсти, что ханша готова все исполнить и готова даже по указу всѣхъ улусы отдать и что завтра пришлетъ для переговоровъ чети- тырехъ знатныхъ. Татищевъ отвѣчалъ: напрасно ханша слушаетъ такихъ и такъ себя тревожить и всѣ улусы въ безпокойство приводитъ; завтра же пошлю ей грамоту. Дѣйствительно грамоту повезъ на другой день капитанъ Супоневъ. Между тѣмъ Дондукъ-Даши и Дарма-Бала требовали отъ Джаны улусовъ; Татищевъ послалъ къ ней Поздѣвымъ запросъ о томъ. Ханша отвѣчала откочеваніемъ, будто-бы за недостаткомъ корма. Между тѣмъ Ахтуба и малыя рѣчки стали. Тараканову, Кольцову и другимъ командирамъ волжскихъ отрядовъ дано было знать, чтобъ форпосты приготовились не пропускать Джаны на северную сторону. Хотѣли было еще разъ отправить Поздѣва къ ханшѣ; но Дондукъ-Даши сказалъ, что она уже у Рынь-Поздѣвовъ, а можетъ быть и къ Яику пошла. Наконецъ 18 ноября вернулся Супоневъ съ извѣстіемъ, что Джана приняла присягу; а между тѣмъ разговорами съ нимъ просила совета: можетъ-ли отправить ко двору сына съ изложеніемъ всѣхъ своихъ нуждъ? — Добившись такимъ образомъ какихъ-нибудь результатовъ, Татищевъ, Беклемишевъ и Бобарыкинъ возвратились изъ лагеря въ Селитряный городъ. На прощанье былъ обѣдъ у Татищева: ханъ, ханша, владѣльцы, знатные духовные и зайсанги были угощаемы на славу; разбѣжая по улусамъ, каждый изъ нихъ выпрашивалъ себѣ: кто барана, кто водки, кто коврижекъ. Съ Татищевымъ уѣхалъ одинъ намѣстникъ.

Базалось, все успокоилось. Но прошла недѣля, и 25 ноября, когда уже пробили вечернюю зорю, пришелъ къ Татищеву Дондукъ-Даши и потребовалъ свиданія по очень важ-

му дѣлу. Тотъ велѣлъ впустить его. Намѣстникъ вошелъ
 въ предѣльный и сѣлъ, повѣся голову. Татищевъ обратился къ
 нему съ вопросомъ: не имѣешь-ли что тайное говорить? —
 Бабѣ, отвѣчалъ Дондукъ. Полковники Беклемишевъ и Боба-
 рыкинъ вышли. Тогда намѣстникъ началъ: «ты, чаю, не
 знаешь, какое мое несчастье. Бабѣ моей Дармѣ-Балѣ сказали,
 будто сынъ ея Галданъ-Данжинъ живъ, но, по моей просьбѣ,
 спрятать ты его въ тайное мѣсто. А про то сказывалъ ей вре-
 мени татаринъ Шараха, что былъ здѣсь при ней, и такъ
 мнѣ тотъ увѣрилъ, будто онъ его самъ видѣлъ; и взялъ
 у нея, будто по приказу Галданъ-Данжина чарку, оправ-
 ланную золотомъ и трубку табачную оправленнуюжъ. Отъ
 этого ханша, бабка моя, скрывая на меня злобу, ни одного
 слова ни о сынѣ своемъ не говорила; а какъ о томъ многимъ
 известно стало, то я весьма опасаюсь, чтобъ какого вели-
 каго вреда не произошло. Говорила она тебѣ, что о сынѣ?»
 Татищевъ сказалъ, что ни одного слова не слышалъ. Поз-
 вольно были полковники и стали увѣщевать намѣстника, что
 о такихъ вздорахъ не печалился; обѣщали поймать
 ханшу и тутъ же отправили указъ въ Астрахань схватить
 преступителя. У Татищева уже былъ одинъ подсудимый въ
 Астраханскомъ городкѣ: пойонъ Сербеть, смутившій ханшу
 своимъ извѣстіемъ о томъ, что ее хотѣлъ арестовать Бо-
 барыкинъ. Онъ же былъ и убійцею Галданъ-Данжина. Его до-
 вѣдали сперва добровольно, потомъ съ пристрастіемъ.
 Въ вѣстьми онъ сдѣлалъ показаніе, что вѣсть о томъ, буд-
 то полковникъ Бобарыкинъ хотѣлъ арестовать ханшу съ
 сыномъ, владѣльца Бодонга, самого Сербетя и зайсанговъ
 другихъ, человекъ съ сорокъ, передана была ему Ваули-
 нъ. Ваулинъ отрекся и Сербетю не повѣрили. Теперь
 вѣстенокъ Седитрянаго городка ждалъ новаго подсуди-
 мого.

Между тѣмъ, продолжая разговаривать съ Дондукъ-Даши Татищевъ сказалъ ему: «вчера была у меня Галданъ-Норинъ жена съ сыномъ, говорить, что у нея три сына малолѣтнихъ а изъ улусовъ отцовскихъ ничего имъ недано; такъ нельзя ли дать часть изъ улусовъ дѣда ихъ Дондукъ-Омбо, следуящую имъ по калмыцкимъ законамъ, на что я ей сказала, чтобъ она просила о томъ у его императорскаго величества посовѣтовавшись съ вами.» Намѣстникъ отвѣчалъ: «мнѣ отъ того не говорила, а по нашимъ правамъ отцу ихъ надлежитъ больше, нежели другимъ братьямъ дать; только ханша Джана нынѣ не дастъ.» Татищевъ на это замѣтилъ: «ханша принуждена будетъ дать, когда указомъ велѣно будетъ; да хотябъ и указа не хотѣла послушать, то мы знаемъ, что любя отца ихъ и увѣдавъ объ указѣ, сами къ ней многіе отъ нея отойдутъ». Дондукъ-Даши говорилъ: «все это хорошо, еслибъ такой указъ скорѣе былъ присланъ, чтобъ она не была въ силѣ мнѣ противиться; а если у улусовъ не убавить, то она еще сильнѣе меня будетъ.» Татищевъ спросилъ: «а что ты думаешь о тѣхъ ея улусахъ, которые къ тебѣ пришли?» намѣстникъ сказалъ: «мы писали, коли пріѣдетъ сама; то собравъ все ея, ей отдадимъ.» Татищевъ возразилъ: «какъ же ты желаешь, чтобъ она противъ тебя не сильна была; а хотя сама и не будетъ, да когда на пришлетъ за себя, то мы отдать ей оныя принуждены будемъ, чѣмъ она паче укрѣпится, оныхъ же отходившихъ по приказу твоему зайсанговъ погубить, и впредь ужъ никто не будетъ тебѣ вѣрить; еслижъ ей просто отказать, то она насъ правильно преступниками обѣщанія и нарушителями покоя называть можетъ.» Дондукъ-Даши не сказалъ ни слова. Ему нечего было говорить; а Татищевъ, зная, что между намѣстникомъ и ханшею заключенъ былъ свой тайный договоръ объ улусахъ, еще 19 ноября, и

сказалъ: «я вамъ скажу мое намѣреніе: оныхъ улусовъ, хотѣла бы она сама пріѣхала, не отдавать, доколѣ указъ полученъ будетъ; а сказать, что оныя улусы пришли не къ тебѣ, а къ ихъ природнымъ владѣльцамъ, Гааданъ-Норминымъ братьямъ; а ты содержи ихъ при себѣ и довольствуй; то она не можетъ правильно нарекать не можетъ». Лицо намѣстника при такомъ веселомъ видѣ и онъ сталъ просить Татищева постараться получить такого указа. Татищевъ продолжалъ свое, выводя образъ мыслей собесѣдника: «я такъ мню, говорилъ тебѣ, что надобно, дабы ханъ одинъ сидѣлъ былъ, а другіе улусы не могли бы ему противиться; нынѣ же вижу, что Джанговъ улусъ, почитай всѣхъ сильнѣе, пожаловавъ брату своему Бодонгу, чего я, по твоей просьбѣ, не объявилъ ему: ты думаешь, отдать-ли ему по указу, или за лучшее разсудяешь оной улусъ при себѣ удержать, а ему малое что дать.» Дондукъ-Даши не могъ удержаться отъ радости и заговорилъ: «я давно думалъ тебя просить о томъ; брату я не вѣрю, ему довольно и того, что вина отпущена; пріѣхалъ онъ не по первому приказу, и не знаю, прямо-ли онъ отъ Джаны отпущенъ.» Татищеву пока было довольно и этого признанія. Онъ всталъ и закончилъ свою позднюю бесѣду съ незванымъ гостемъ: «я сіе токмо собою разсуждаю; а сдѣлать по указу ничего не смѣю.»

Разлакомившійся отъ общаній Татищева, намѣстникъ отъ не каждый день сталъ обращаться къ нему то съ письменными, то со словесными просьбами о прибавкѣ улусовъ, объ отнятій ихъ у ханши. Татищевъ повторялъ прежнія рѣчи. Дондукъ-Даши написалъ ему грубое письмо, въ которомъ возводилъ на него обвиненіе въ недѣятельности. Татищевъ призвалъ на совѣтъ полковниковъ и втроемъ съ ними составилъ такой отвѣтъ обвинителю: «пишете вы,

якобы мы здѣсь веселимся и надлежитъ ханшѣ Динѣ съ дѣтьми также здѣсь быть; но мы здѣсь въ тае пустынѣ, претерпѣвая во всемъ недостатокъ и безпоянсти веселія никакого не видимъ, развѣ что, за честь его императорскаго величества, васъ намѣстника съ прочими вѣдѣльцы послѣднимъ трактуемъ. И на письмѣ, и на слова говорите, якобы, по обычаю вашему, надлежитъ мирити за однимъ столомъ и съ одного блюда ѣсть, оное учини весьма неудобно, понеже она нынѣ съ улусами выше Чернаго-Яра. Представляете, чтобы ее поймать или, выгнави съ дѣтьми, улусы отнять, онаго учинити мы причинъ видимъ, понеже она все по указамъ исполняетъ, улусы в кромѣ самой малой и то сумнительной части, отпусти панцырь и ружье, о которомъ такой великій споръ бы отдала и остальное, отыскавъ, отдать обѣщаетъ. Сіе вѣ требованіе съ указами его императорскаго величества согласуетъ, въ чемъ вы сами при разсужденіи признавали а лучше послать въ Черный-Яръ къ полковнику Меркелю ордеръ, чтобы онъ ее спокойно черезъ Волгу перепустиль и, куда пойдетъ, насъ увѣдомилъ.» Получивъ ордеръ, Дондукъ-Даши, какъ истый дикарь, струсиль, и прінался въ существованіи тайнаго договора съ ханшѣй, съчетъ захваченныхъ ею во время смятеній улусовъ.

Наступилъ декабрь и Татищевъ, за недостаткомъ дрѣв и провіанта, выѣхаль 2-го числа изъ Ахтубинскаго Селеннаго городка, а 4-го былъ въ Астрахани. 5-го ханшѣ перешла Волгу ниже Чернаго-Яра. Вскорѣ послѣ нея перешли на нагорную сторону улусы и другихъ владѣльцевъ Кибитки Дондукъ-Даши кочевали ближе всѣхъ къ Джанамъ. Намѣстникъ воспользовался этимъ и сталъ переносити ея улусниковъ къ себѣ. Часть склонилась на общанія. Отъ Джаны явились къ Татищеву зайсанги съ

любили на Дондукъ-Даши. Татищевъ отвѣчалъ, что спорные улусы отошли не къ нему, а къ дѣтямъ своихъ прежнихъ владѣльцовъ, прибавивъ: надобно, чтобъ ханша ко двору для прошенія о своихъ нуждахъ отправила сына своего, чрезъ что можетъ получить великую милость.» Одинъ изъ посланныхъ отвѣчалъ, что ханша съ тою именно цѣлю и просила о жалованьѣ, чтобъ сшить сыну приличное платье для поездки въ Петербургъ, что даже назначены спутники ему, старшій зайсангъ, да человекъ съ двадцать дѣтей. Но, постоявъ немного, прибавилъ: «мы опасаемся, не жеть-ли вамъ кто какихъ бездѣлицъ на ханшу и на насъ; я прошу, чтобъ вы не изволили вѣрить; а мы васъ вѣрно обнадежимъ, что ханша и мы ничего дурнаго не мыслимъ.» Татищевъ отвѣтилъ: «я ни отъ кого ничего не слушаю, что доказательно и никому въ томъ не повѣрю; только слышу, якобы нѣкоторые недоброжелательные совѣтуютъ ей отпочевать въ Кабарду, да и тому не вѣрю, ибо она не такъ безумна, чтобъ на такую свою бѣду и улусовъ разоренье дерзнула; а для того надобно вамъ ей говорить, чтобъ она, не слушавъ совѣтовъ недоброжелающихъ людей и не опасаясь ничего, кочевала съ покоемъ и имѣла надежду, что высочайшею милостию оставлена не будетъ.»

Но, въ видахъ предосторожности, все-таки отправилъ вслѣдъ за посланцами Джаны гарнизоннаго поручика съ казаками. А намѣстникъ продолжалъ приставать къ Татищеву, требуя себѣ еще улусовъ; просилъ также о постройкѣ для него города при Волгѣ, а для больной жены своей просилъ двора въ императорскихъ садахъ, что подъ Астраханью, который отданъ былъ иностранцу Бассету; другихъ дворовъ не хотѣлъ брать, потому что и сынъ его поселенъ былъ среди придворныхъ же садовъ, да и кибитки тутъ удобнѣе можно было ставить. Обо всемъ этомъ Татищевъ донесъ въ

Петербургъ, спрашивая: какъ ему впредь, по такимъ обстоятельствамъ, съ намѣстникомъ поступать, а сына ханши отъ править-ли ко двору или удержать, для избѣжанія сумнительствъ оной, въ какомъ-нибудь городѣ? ¹¹⁹).

Но въ Петербургѣ въ это время совершился переворотъ: низведшій брауншвейгскую фамилію съ русскаго престола, и возведшій на него Елизавету Петровну. Пала нѣмецкая партія; пали враги Татищева. Всюду слышались возгласы о побѣдѣ партіи русской, призывы къ прославленію дѣяній Петра Великаго, къ радости о торжествѣ его дочери. Всѣ патріоты ждали лучшаго для себя времени, могли надѣяться занять свободныя теперь мѣста недавнихъ противниковъ. Пострадавшіе въ царствованіе Анны Іоанновны, въ правленіе Бирона, имѣли право думать, что отнынѣ имъ будетъ принадлежать важнѣйшая дѣятельность въ государствѣ. Но новое царствованіе выводило съ собою и новыхъ людей. Новые патріоты не походили на старыхъ; они ни въ чемъ не напоминали ихъ. То были люди, воспитанные реформами Петра, приученные къ неутомимой работѣ, способные на самыя обширныя предпріятія; но 25 ноября 1741 года обошло ихъ, и старые сотрудники преобразователя, бойцы 1730 года, остались чужды выступавшему теперь поколѣнію. Ихъ оставили въ покоѣ; имъ дали невидныя, но трудныя занятія. Неплюевъ, управлявшій малороссійскими дѣлами, сперва былъ арестованъ, потомъ посланъ въ дальній Оренбургъ начальникомъ тамошней экспедиціи. Соймоновъ, участвовавшій въ персидскомъ походѣ, въ описаніи Каспійскаго моря вице-губернаторъ астраханскій, товарищъ Татищева по усмирению башкирскаго возмущенія и пострадавшій по дѣлу Волинскаго, не получилъ даже должнаго вознагражденія за свои прежнія заслуги. Положеніе Татищева, который былъ выше и по своимъ свѣдѣніямъ и по прежней дѣятельности обоихъ

срокъ знаменцевъ, было не лучше; его оставили при калмыцкой комиссіи, а потомъ прибавили управление астраханской губернію.

Первое извѣстіе о переимѣнѣ царствованія Татищевъ получилъ, уже приѣхавъ изъ Селитрянаго городка въ Астрахань. Ему велѣно было привести къ присягѣ подкомандныхъ и весь калмыцкій народъ, отправить благодарственную службу съ пальбою, и дать совѣтъ Дондукъ-Даши, чтобъ онъ отправилъ депутацію въ Петербургъ съ поздравленіями, но небольшую, человекъ въ 20 или 25 «ради великихъ убытковъ»; Дондукъ-Даши выслана была жалованная грамота отъ имени новой императрицы, калмыцкому также особая грамота. Потомъ посыпались печатные манифесты, указы и извѣщенія о судной комиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ, Темирязевымъ и другими; о возвращеніи старшинства дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Бестужеву, о прощеніи А. Черкасова, Долгорукихъ и иныхъ; о томъ, не имѣетъ ли кто жалкихъ донесеній на фрейлину Менгденъ, или претензій на ея имущество и т. под. Наконецъ 15 декабря состоялся указъ, въ которомъ объявлено было Татищеву удовольствіе этого правительства за его дѣйствія по калмыцкой комиссіи назначеніе астраханскимъ губернаторомъ. Съ этихъ поръ перестали его беспокоить и запросами изъ судной комиссіи по имперскимъ дѣламъ. 27-го дек. Татищевъ донесъ, что привелъ всѣхъ подчиненныхъ къ присягѣ на имя новой императрицы. Казалось, калмыцкій народъ былъ успокоенъ, по крайней мѣрѣ на время; войска размѣстились по зимнимъ стоянкамъ, близъ Царицына; только на Кругломъ и Песчаномъ островахъ, на Волгѣ было поставлено по 200 драгунъ, въ Черны-Яру 300 казаковъ, въ Красномъ—200; 1000 донскихъ казаковъ распущены по домамъ. Первою мыслию послѣ этого

у Татищева была мысль объ увольненіи отъ калмыцки дѣль. Онъ исполнилъ свое порученіе: объявилъ Донду Даши намѣстникомъ, остановилъ волненіе; и потому правѣ былъ просить, чтобъ комиссія передана была ко нибудь другому, но ему отказали. Татищевъ отвѣчалъ че битною, отъ 20 генваря 1742 года, о выдачѣ удержани у него половиннаго противу военныхъ чиновъ жалован въ которой онъ между прочимъ говорилъ: «Въ прошле 1739 г., по злобѣ на меня бывшаго герцога курляндска безъ всякаго суда и явнаго показанія вины, отрѣшенъ я е дѣль и жалованья по отправленіе мое сюда чрезъ полтре! (2¹/₂) года безвинно мнѣ не давали; а багажъ мой, быви въ Самарѣ, частію распроданъ за безцѣнокъ, частію разб ники въ пути ограбили, и оттого я понесъ великое разорені!

Прежде чѣмъ могъ придти отвѣтъ на его челобитцѣ узналъ Татищевъ о новыхъ смутахъ въ калмыцкихъ у сахъ. Дондукъ-Даши не переставалъ подсылать своихъ е ронниковъ къ улусникамъ, оставшимся при Джанѣ, и е нивать ихъ къ себѣ. Ханша, уже обезсиленная прежни отдѣленіемъ одной части ея кибитокъ, покочевала теперѣ Бабарду, къ тамошнимъ владѣтельнымъ князьямъ. Правдѣ попытка удалась неполнѣ: съ нею ушло всего до 100 че вѣгъ въ 20 кибиткахъ, всѣ остальные улусы прикочевали намѣстничьимъ. Уходя, Джана говорила поручику Гагу, е дившему за всѣми ея движеніями, что принуждена бѣжѣ отъ обидъ Дондукъ-Даши, спасая животь свой, но что, взирая на то, пришлетъ ко двору сына для оправданія. Бри калмыковъ, при ханшѣ кочевали еще татары тогмуты; у дя вмѣстѣ съ нею, они съ перваго же становища бѣжѣ на Кубань. Получивъ подробное донесеніе о случившемъ Татищевъ тотчасъ же отправилъ письмо къ братьямъ И ши о томъ, чтобъ они посовѣтовали ей самой явиться!

Бизляръ, а сына послать въ Петербургъ; къ прочимъ же кабардинскимъ и салтанаульскимъ князьямъ, бывшимъ въ недружбѣ съ братьями Джаны, писалъ, чтобы они старались поймать ее, или по крайней мѣрѣ, отобравъ отъ нея остальныхъ людей, переслать въ Астрахань. О тогмутахъ просилъ князя Репнина снестись съ кубанскимъ сераскимомъ. На требованіе Татищева кабардинцы и ханша отвѣчали повтореніемъ того объясненія, которое было дано ему. Ханша прибавляла отъ себя просьбу, чтобы ей возвратили улусы дѣтей ея, и дозволили кочевать при Терекѣ. Татищевъ писалъ имъ, что рѣка Терекъ дальнее кочевье, но отъ ея упорства могутъ снова подняться вражда и междоусобія въ калмыцкомъ народѣ. Но, донося о побѣгѣ ханши и своихъ переговорахъ съ нею въ Петербургъ, Татищевъ указывалъ также и на дѣйствія Дондукъ-Даши: «намѣстникъ, писалъ онъ, не только братьямъ своимъ улусовъ дать не хочетъ, но и прочіе къ себѣ забираетъ и усиленно требуетъ; какъ пришли къ нему улусы ханши Джаны, то немедленно послалъ туда своихъ зайсанговъ и велѣлъ пойти собирать и пограбленное въ прежнихъ ссорою взыскивать; тогда какъ обѣщано было не дѣлать того съ ними.» Татищевъ говорилъ, по поводу этого, и съ Дондукъ-Даши; тотъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все это Дарма-Бала, та сговаривала свою вину на своихъ зайсанговъ; зайсанги обвиняли министника, который будто бы, по приходѣ улусовъ ханши, тотчасъ же послалъ забрать оставшееся послѣ нея платье, обратъ по гривнѣ съ лошади, да по алтыну съ барана. Татищевъ обратился къ Дондукъ-Даши; тотъ сталъ записываться, увѣряя въ то же время, что по ихъ калмыцкимъ законамъ грабленнаго возвращать не должно; а грабителей не выдать: «и я болѣе принуждать его не смѣю», доносилъ начальникъ калмыцкой комиссіи и астраханскій губернаторъ,

имѣвшій власть надъ войсками, расположенными по Волгѣ. Но всѣ эти переговоры были источникомъ только новыхъ долгихъ споровъ. Сперва явились къ Татищеву нѣкто владѣльцы, зайсанги съ просьбою, чтобъ онъ объявилъ помыслимъ улусамъ, что никого въ обиду давать не будетъ «кого же вамъ обида и утѣсненіе?» спросилъ ихъ Татищевъ: «Пока еще ни отъ кого не терпимъ, былъ отвѣтъ, а впродолженіе томъ донесемъ». Вскорѣ явился къ нему старшій зайсангъ Джаны Чаганъ и сталъ просить его, чтобъ отпустилъ его ханшѣ съ предложеніемъ возвратиться въ свои улусы. Ко Татищеву спросилъ его: «да можно ли тому вѣрить?» Чаганъ заплакавъ, сказалъ: «Живу я близъ 90 лѣтъ, а такого хана не видывалъ, что нельзя вѣрить калмыкамъ, все де лгутъ и обманываютъ тебя, и ссориваютъ; сегодня шестой день тому, какъ одинъ плутъ сказалъ тебѣ, будто мы съ Богомъ бѣжать хотимъ, и мы для этого велѣли приковать улусамъ своимъ ближе къ Волгѣ; чтобы на насъ такъ случать не было; и когда я поѣду къ ханшѣ, то скажу ей, что русскихъ войскъ опасаться нечего, а ушла ханша отъ того, что нѣкоторые плуты сплели великіе страхи.» Татищевъ съ трудомъ уговорилъ старика не ждать послѣдствій отъ тѣхъ переговоровъ, которые вѣдалъ самъ съ ханшею. А между тѣмъ распорядился отдавать оставшихся ея улусовъ дѣтямъ Галданъ-Нормы, внучатъ Дондукъ-Омбо; хотя намѣстникъ и приставалъ, чтобъ дать имъ только пятую часть, а все остальное ему одному. Управление спорными улусами поручено было лучшимъ сангамъ. И въ то же время Татищеву приходилось разбирать безпрестанныя жалобы Дармы-Балы и Дондукъ-Даши другъ на друга. «Какъ поступать мнѣ въ такихъ обстоятельствахъ» спрашивалъ Татищевъ императрицу, наученный горькимъ опытомъ по дѣламъ башкирскаго возмущенія, что пол-

мочь всегда даетъ право на самостоятельный образъ дѣйствій. «Я и то подѣ предлогахъ киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ держу на Волгѣ много войска; а губернскія дѣла не позволяють сѣздить въ улусы. Неизволите ль ваше императорское величество передать калмыцкую комиссію генералъ-поручику Тараканову?» Изъ Петербурга отвѣчали указомъ: намѣстника ханства такъ содержать, чтобъ онъ другихъ владѣльцовъ былъ немного посильнѣе, а сверхъ того другихъ улусовъ ему забирать къ себѣ не давать; всѣхъ калмыковъ перевести на луговую сторону, чтобъ не соблазнулись примѣромъ Джаны и не ушли въ Кабарду, и чтобъ кабардинскіе князья не напали на нихъ. На просьбу же передать комиссію въ руки Тараканова, было сказано: «и мы этого не апробуемъ, управлять вамъ по прежнему калмыцкими дѣлами, немѣшая ихъ съ губернскими; на случай же отъѣзда вашего въ улусы, губернію управлять вице-губернатору князю Борятинскому.»

Получивъ указы, Татищевъ воспользовался однимъ изъ калмыцкихъ праздниковъ, поѣхалъ въ улусы, былъ угощенъ намѣстникомъ и ханшей Дарма-Балой. Тутъ онъ сталъ говорить Дондукъ-Даши, что пора бы перейти калмыкамъ на луговую сторону Волги. Намѣстникъ отвѣчалъ, что на лѣвой сторонѣ кочевать во всемъ довольствѣе, только опасно отъ киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ. Татищевъ говорилъ на это, что можетъ дать 4000 яицкихъ и 4000 донскихъ казаковъ. Намѣстникъ сказалъ, что достаточно будетъ однихъ яицкихъ; и прибавилъ, что ему и самому давно хочется на луговую сторону, гдѣ скорѣе можетъ успокоить несогласныхъ калмыковъ. Татищевъ, понимая значеніе такихъ словъ въ устахъ намѣстника, которому легче было грабить улусниковъ за Волгой, нежели подѣ Астраханью, въ степяхъ между нею и Дономъ, откуда они все-

гда могли уйти отъ него къ Кумѣ и далѣе, долженъ былъ вопреки указу, сказать Дондукъ-Даши: «надо дожидаться лѣта; а то нѣтъ ни для войскъ кибитогъ, ни для лошадей коуму.» Какъ и всегда, и этотъ прїѣздъ Татищева въ улусъ не обошелся безъ взаимныхъ сплетенъ калмыговъ другъ на друга. Пришли къ нему нѣкоторые зайсанги и объявили, будто Нима-Гелюнгъ, отставъ отъ Джанъ, похвалялся тѣмъ, что далъ знать ханшѣ: «чтобъ какъ возможно себя предостерегала, ибо отъ русскихъ жалованье хотя ей и выдано, и во всемъ обнадеживаютъ, и говорятъ ласково; но все то явный обманъ, а намѣрены де ее ханшу и съ дѣтьми черезъ то къ себѣ призвать и, поймавъ, умертвить»; а предостерегалъ, памятуя милость къ себѣ мужа ея, хана Дондукъ-Омбо. «Татищевъ призвалъ Нима-Гелюнга; тотъ отозвался тѣмъ, что ничего не вѣдаетъ. Допрашивать его съ пристрастіемъ было нельзя: онъ былъ немаловажнымъ лицомъ между калмыцкими духовными. Татищевъ былъ между двухъ огней: изъ Петербурга велятъ схватить Джану; е сторонники догадываются о томъ; а тутъ еще надо казнить ихъ за то, унимать намѣстника отъ грабежа и насилїя. Но послѣдній не унимался. 12 марта бѣжалъ въ Кабарду братъ его Бодонгъ и съ сыномъ самъ-десять, оставивъ жену. Дондукъ-Даши, увѣдомляя объ этомъ Татищева, который былъ уже въ Астрахани, требовалъ позволенїя, чтобъ ушедшихъ грабить и брать подъ караулъ. Татищевъ никакъ не могъ отговорить ему того и позволилъ съ нѣкоторою отнѣсною въ требованїи. Но въ то же время поручикъ Гама находившійся при намѣстникѣ для надзора за нимъ, донесъ, что самъ Дондукъ-Даши велѣлъ Бодонгу бѣжать; калмыки же говорили, что Бодонгъ бѣжалъ отъ страхованїя, которыя распускалъ стороною самъ намѣстникъ. Но Дондукъ-Даши не ограничивался этимъ: онъ не пускалъ къ Татищеву ни

ныхъ клятвоу отъ Джаны, все у нихъ обокрасть, грабить оставшіея послѣ ушедшихъ владѣльцевъ улусы, ссылаясь на то, что калмыки, еще не успокоились. Татищеву пришлось и вести переговоры съ бѣжавшими, и ладить съ наѣстникомъ.

За бѣжавшими посланъ былъ сынъ Татищева Евграфъ, который служилъ въ пермскомъ драгунскомъ полку, когда отецъ его управлялъ горными заводами и оренбургской экспедиціею, но въ 1741 году билъ челомъ, чтобы его за ссорю съ майоромъ того полка, перевели въ иной; когда Татищевъ послалъ въ калмыцкую комиссію, то онъ выпросилъ, чтобы сына его перевели въ низовые полки и прикомандировали къ нему. Теперь онъ былъ произведенъ отъ фельдмаршала Ласси въ секундъ-майоры. Посылая сына въ Кизляръ съ конвоемъ, кабардинскими посланными и двумя зайсангами изъ улусовъ Джаны, Татищевъ далъ ему приказъ: ѣхать тебѣ съ исполненіемъ, поступать обще съ кизлярскимъ комендантомъ премьеръ-майоромъ фонъ-Зейдеромъ, писать кабардинскимъ князьямъ Мамбекъ Кургокину, Асаю-Атажукину съ братьями, Арасланъ — беку съ братьями же и къ Джанѣ, чтобы, съѣхавшись съ вами, отпустили сестру свою безъ всякаго опасенія, что за убійство кубанскаго Бахты-Гирея Дондукъ-Даши мѣбу отрѣшилъ, и чтобы Джана возвращалась въ Астрахань безъ страха; говорить ей, что далече отъ Волги, между Буной и Кизляромъ, кочевать ей не можно; чтобы старшаго сына своего отпустила ко двору; если же братья ее отпустить и она согласится, привести ее въ Астрахань и съ дѣтьми. Не безъ приключеній достигъ цѣли своего путешествія — Кизляра, сынъ Татищева. Съ урочища Зинзали онъ доносилъ отцу своему, что, въ недалекомъ разстояніи отъ этой мѣстности, наѣхалъ на него зайсангъ Дондукъ-Даши Манхожи съ 20 человекъ и объявилъ, что наѣстникъ

велѣлъ ему осмотрѣть ѣхавшихъ при немъ посланцевъ
ши, нѣтъ-ли съ ними излишнихъ торговыхъ товаровъ
негъ, и, если что явится излишнее, отобрать для Дона
Даши. Евграѣъ Татищевъ замѣтилъ, что надо имѣть
дозволеніе его превосходительства. Зайсангъ сказалъ:
вы мнѣ того дѣлать не позволяете, но я и самъ съ
управиться могу и осмотрю;» насильно остановилъ посланца
велѣлъ развязать съ верблюдовъ вьюки, и съ дракою
порядочно хватали ихъ кормъ и питье. Тогда посланцы
Джаны съ плачемъ подошли къ Татищеву и говорили: «види-
те сами, что при васъ дѣлаютъ; такимъ же образомъ и дру-
гихъ, пріѣхавъ отъ намѣстника, подъ видомъ осмотра, раз-
грабили.» Татищевъ велѣлъ осматривать самому зайсангу
оказалось, что излишняго не было ничего. Несмотря на то
уѣзжая зайсангъ грозилъ посланцамъ: «за васъ теперь русскіе
ветупились, впередъ будете въ нашихъ рукахъ;» а его спут-
ники прибавили: «и еще напередѣ у насъ есть заставы, ко-
торыхъ вы не минуете.»

Пока молодой Татищевъ добирался среди затрудненій и
препятствій до Кизляра, въ Кабардѣ и на Кубани все вол-
новалось. Кабардинскіе князья писали кизлярскому воеводѣ,
по пріѣздѣ къ нимъ Джаны: «мы у государыни имѣемъ въ
вѣрности, и видно, что вы вѣрности нашей не знаете, чего
ради принуждены мы плакаться государынѣ, ибо вы насъ
почитаете, яко и невѣрныхъ.... Извѣстились мы, что Дон-
дукъ-Даши поставленъ ханомъ, а понеже мы убили до смерти
Бахты-Гирея, а въ то время оный Дондукъ-Даши былъ съ
нимъ въ согласіи и за убійство нами Бахты-Гирея намѣренъ
былъ искать у насъ кровь; того ради мы въ томъ не вѣримъ,
и миру съ нимъ потому у насъ не видать, а ханша Джанъ
намъ съ родства и для того сумнѣваться не изволите, что
мы доносили на Дондукъ-Даши якобы по ненависти.» Ста-

ригъ Татищевъ отвѣчалъ имъ на то, что «Бахты-Гирей убить
 за его безпутныя поступки и Дондукъ-Даши злобиться и
 истить причины нѣтъ, и онъ дружбу съ вами по прежнему
 имѣть не отрицается; съ сестрою же вашею у нихъ злобѣ
 бытъ не за что, да и я ихъ обидѣть одному другаго не допу-
 шу.»—А между тѣмъ, отъ прихода въ Кабарду калмыковъ,
 возмолвились салтанаульскіе и ногайскіе татары и хотѣли
 бѣжать на Кубань. Сераскиръ кубанскій собралъ уже 2000
 воиновъ, чтобъ пособить имъ въ этомъ намѣреніи; но его
 остановилъ крымскій ханъ, сказавъ, что между оттоманскою
 портою и русскимъ кабинетомъ заключенъ вѣчный миръ;
 Сераскиръ впрочемъ поговаривалъ: «хотя штрафъ приму, и
 сераскирство потеряю, а будущаго мѣсяца, какъ народит-
 ся, въ Кабарду пойду;» отправилъ даже пословъ къ Дондукъ-
 Даши, съ предложеніемъ помощи противъ Джаны, за что
 истинникъ долженъ былъ помочь ему перезавать салтанау-
 льцевъ. Дондукъ-Даши увѣдомилъ Татищева письмомъ, что
 намѣренъ идти на черкесь и Джану, Татищевъ удержалъ
 его отъ союза съ сераскиромъ, совѣтовалъ уговаривать и
 его не ходить въ Кабарду. Обо всемъ происшедшемъ донесено
 было въ Петербургъ, откуда отвѣчали: что распоряженія
 Татищева апробуются; потому что сераскиръ могъ увести
 съ собою на Кубань не только салтанаульцевъ, но и Джану,
 о которой уже носились слухи, будто хочетъ выдать одну
 изъ дочерей своихъ за сераскира, другую за сына персид-
 скаго шаха, воевавшего тогда Кавказъ; увести всѣхъ ихъ
 на Кубань или въ Крымъ, и оттуда производить въ калмы-
 цкомъ народѣ развращеніе и возмущенія. Надо также забо-
 титься, по случаю приближенія персидскаго шаха къ рус-
 скимъ границамъ, чтобъ кабардинцы и калмыки оставались
 въ согласіи, чтобъ первые не были приведены въ безсліе
 отъ турокъ. Разрѣшалось и самому Татищеву переписаться

съ сераскиромъ. Если же калмыки побѣгутъ на Кубань, — при ханшѣ уже набралось въ то время болѣе 1000 котлов калмыцкихъ, вмѣстѣ съ киргизъ-кайсацкими, — то стараться раззорить ихъ еще въ нашихъ границахъ. Если же случится наоборотъ, вернутся они изъ Кабарды къ Волгѣ, и Джаи станетъ снова просить выдать ее за Дондукъ-Даши; то по лѣдняго удерживать отъ того всякими мѣрами: Джана к бардинка, магометанскаго закона, во всѣхъ случаяхъ добръ желательница татаръ; Дондукъ-Даши, полагаясь на новыхъ родственниковъ, можетъ уходить къ нимъ каждый разъ, если что нибудь случится не по его хотѣнію, какъ это дѣлывалъ Дондукъ-Омбо. Черезъ нѣсколько дней пришелъ другой указъ гдѣ уже прямо говорилось: если Джана возвратится, то и причинѣ ея силы, отношеній къ калмыцкимъ владѣльцамъ къ кабардинскимъ князьямъ, персидскому шаху и киргизъ-кайсацкимъ ханамъ, оказать ей сперва во всемъ «чрезвычайное удовольствіе», а потомъ представлять, что ей надо отъ улусовъ, впредь до удобнаго времени, отлучиться, потому что примирить ее съ другими владѣльцами трудно и что она можетъ ѣхать ко двору; если не хочетъ, отправить въ Москву подъ честнымъ карауломъ; а если сама появится в Астрахань, то переловить и съ сыновьями, назначивъ и имъ награжденіе, и отправить въ Казань, распусти вездѣ слухи, что «за всѣ ея поступки вы, яко главный и тамошней краѣ командиръ, слыша о томъ заподлинно, пруждены нашлись, и неотписывая ко двору нашему, такъ с нею поступить.» Вѣрно было переловить и сомнительныхъ зайсанговъ.

Трудно было старику Татищеву исполнить всѣ эти указы; трудно было и молодому сыну его исполнить данное ему отъ отца порученіе. Только послѣ долгихъ заискиваній пересылокъ и переписокъ, Евграфу Татищеву удалось и

бится личнаго свиданія съ ханшею, ея братьями и Бодонгомъ. Начались переговоры; ханша торговалась, Татищевъ дѣлалъ уступки; послѣ чего ханша начинала новые запросы, Татищевъ долженъ былъ отказывать въ нихъ; тогда ханша въ свою очередь становилась уступчивою; дѣло повидимому сживалось, а на другой день слѣдовали новыя подозрѣнія, новыя требованія. Сперва ханша и слышать не хотѣла о томъ, чтобы кочевать съ Дондукъ-Даши, просила позволенія жить между Кумою и Манкомъ; говорила, что возвратится лишь тогда, какъ ей отдадутъ всѣ отобранные у ней улусы. Чтобы видѣться съ ея братьями, Евграфъ Татищевъ долженъ былъ ѣздить до самыхъ горъ. Съ Бодонгомъ видѣлся 18 апрѣля; но въ началѣ съѣзда тотъ болѣе четверти часа сидѣлъ въ забытїи отъ страха; потомъ уже видя, что его жестоко уговариваютъ, сталъ видѣться каждый день. 20 апрѣля видѣлся съ Джаной, которая кочевала подлѣ Баистонскихъ горъ близъ Кумы по залукѣ рѣки, на самой верхней дорогѣ въ Кубань. Были и перебѣжчики отъ Джаны въ лагерь Татищева, но онъ выдавалъ ихъ ей. Несмотря на то, бывшіе при ней тогмутскіе татары и киргизы поднялись на Кубань; произошелъ бой, кабардинцы и солдаты Татищева разбили возмутившихся. Джана и ея братья получили всю добычу. Пересылки между ханшей и молодымъ Татищевымъ тянулись съ мѣсяцъ. Старикъ Татищевъ неразъ требовалъ отъ сына положительнаго донесенія о ходѣ переговоровъ. Вотъ какъ отвѣчалъ отцу своему въ началѣ мая секундъ-майоръ. «Что изволите, государь, напоминать объ укосненїи отъ насъ писемъ, то не иная причина тому, какъ здѣшнихъ народовъ вѣтреное состоянїе. Ни на какихъ словахъ утвердиться и вамъ за правильно донести не смѣемъ: ибо одно дѣло въ толкованїи, не только на другой день, но въ тотъ же часъ два или три раза переимѣнять, а хотя то и обличится,

въ стыдъ себѣ жи не почитаютъ; а для того раза три четыре увѣряся, едва можемъ вамъ за истину донести требованій ханшинныхъ: въ чемъ нынѣ отречется, назавтра упорно требуетъ, и свои слова иначе, хотя и весьма нехстати, толкуеть. Напримѣръ, 29 числа, съ восхожденія солнца до третьяго часа по полудни сидя съ нею, окомчили, что она совсѣмъ отдается въ мою волю и къ Волгѣ пойдетъ, невводя никакихъ оговорокъ и требованій, и сына большаго отдасть, чтобы при мнѣ жилъ, доколѣ доидеть, только бы я далъ присягу. Но того жъ числа на вечеръ стала требовать, чтобъ вы государь присягу при себѣ зайсангахъ учинили, что я имъ съ надлежащимъ разсужденіемъ отвергнулъ; и съ тѣмъ она, опять договорясь, окомполуночи отѣхала. А сего мая перваго вздумала вновь дѣлать запросъ, чтобъ Дондукъ-Даши и сумнительные зайсанги его увѣрили ее присягою, противъ чего не могли мы болѣе спорить, принуждены были позволить ей къ нему послать, а ей идти къ Кизлярю, пока посланные ея возвратятся. На томъ положи, чтобъ я отобралъ у салтанаульцовъ взятое ими отъ калмыкъ и киргизовъ, чего намъ учинить и оныхъ оскорбить не можно. Еще требовать стала чтобъ внучатамъ Дондукъ-Омбо части изъ улусовъ не давать, и хотя имъ и ей самой толковалъ я, что оное отъ личности ея императорскаго величества зависитъ, и обѣщаніе никакъ не можно; но братья ея цѣлой день, какъ бѣсную шіеся, кричали и говорили: если по ихъ не сдѣлаю, то хоти всѣ помрутъ, а не уступятъ. И мы опасаясь, чтобъ чрезъ такія затрудненія изъ рукъ ее не упустить, вознамѣрили нѣсколько ее утѣшить; но притомъ, не хотя васъ пространно утруждать, мнѣніе наше доношу, что если баксаданской партіи князья (противники братьевъ Джаны) будутъ въ удовольствіи содержаны, то по Тереку живущимъ казакамъ

малая помощь и никто ихъ обидѣть не можетъ; о ихъ же храбрости я довольно изъяснить оставлю, но то всё засвидѣтельствуютъ, что киргизовъ болѣе они побили. Въ бою же семь едва мы не обманулись, что, пославъ къ нимъ договариваться, хотѣли съ коней сойти; но я рассудилъ лучше быть готовымъ къ нападенію на нихъ, кой часъ откажутъ, ибо намъ нашимъ товарищамъ вѣрить было весьма опасно. Того ради мы Бодонга съ калмыками и салтанаулцами на правое крыло неблизко поставили, подлѣ нихъ стояли баксайцы, а мы на лѣвомъ крылѣ: и едва успѣли наши солдаты и казаки приготовиться, какъ тѣ вѣроломные киргизы съ великимъ окрикомъ напускъ прямо на насъ учинили, но отъ нашего залпа тотчасъ тылъ дали, и какъ наши казаки, я съ ними, въ нихъ скочили, тогда и наши товарищи всё выгнули; однакожь большая ихъ часть на обозъ и скотъ бросились, отъ котораго ихъ удержать неудобно, только баицы, гнався за киргизы, почитай ничего или весьма мало лошадей, сѣделъ и платья съ побитыхъ достали. Я съ бою того себѣ ничего не взялъ, хотя люди мои взяли было нѣсколько скота и лошадей, только я отдалъ все солдатамъ и казакамъ; а хотѣлось взять мнѣ двоихъ робять, только, если вы государь не поведите, и тѣхъ отдамъ». Съ киргизами дѣйствовали за одно и Тогмуты, предъ битвой они говорили Евирафу Татищеву: «развѣ вы пріѣхали съ нами торговаться, и что вамъ насъ жалъ? извольте поступать съ нами какъ надобно; мы уже довольно слышали, что баксайскою князья насъ въ руки русскимъ хотятъ отдать, а вы, приводя къ Волгѣ, старшинъ нашихъ всёхъ побить хотите». Одобряя дѣйствія сына относительно переговоровъ съ набардинцами, Татищевъ писалъ ему, чтобъ онъ не бралъ взятокъ. Сынъ отвѣчалъ ему: «Премилосердный государь батюшка! получилъ милостивое вашего государя моего ро-

дителя по прошедшей почтѣ письмо, въ которомъ вы государь мнѣ осторожность имѣть отъ взятокъ приказать изволили; я будучи въ Кабардѣ, барановъ 10 получилъ, а собственныхъ моихъ денегъ близь сороку рублей имѣ на питье и на столъ издержалъ не для мотовства, ради славы, государь, вашей. Онижъ мнѣ, по своему обычаю, почтеніе нынѣ кажутъ довольное; я слышу отъ дворянъ нашихъ, что князья ихъ спрашивали, чѣмъ меня дарить: кобылами или конями, однако я имѣ на то не отвѣчалъ».

Наконецъ 12 мая Татищевъ договорился окончательно съ Джаной относительно ея возвращенія на Волгу. Зайсанги, говорившіе отъ ея имени, по своему объясняли все прошедшее поведеніе Джаны. Оно было слѣдствіемъ того, что отъ устраиванія со стороны Дондукъ-Даши отошли отъ нихъ многіе улусы; Галданъ-Норба, за непослушаніе отцу своему Дондукъ-Омбо, былъ взятъ подъ караулъ; жена и дѣти его лишены законнаго наслѣдства, а теперь имѣ отданы улусы, что противно калмыцкимъ законамъ; Дондукъ-Даши не допускалъ ни ко двору, ни къ правителямъ посланцевъ отъ Джаны; и вздумали они всё, что просить государыню не черезъ кого, и очи ея за дальностію видѣть невозможно, и принуждены себя нашли къ вѣрнымъ поданнымъ ея, а къ своимъ свойственникамъ, идти, чтобъ они просили за нихъ; а къ шаху послали, чтобъ просилъ императрицу о нуждахъ и обидахъ, но братья ханши съ немалымъ выговоромъ отъ того уняли; старшаго сына ханши Арандала согласились отпустить ко двору. Но только 15 го іюня явилась ханша съ Бодонгомъ подъ Кизляръ и, послѣ долгихъ споровъ о томъ, что одного сына надо оставить у братьевъ, покочевала 23 къ Астрахани, а съ нею одинъ изъ кабардинскихъ князей, Магометъ Атажукинъ. За Джаной крались, ушедшіе прежде на Кубань, Тогмуты съ Тамиргой-

нами, но были открыты и ушли ненастигнутые. 9 июля ханша пришла къ Астрахани; Татищевъ тогда же видѣлся съ нею. На другой день былъ обѣдъ у него, причѣмъ Джана просила жалованья, по причинѣ оскудѣнія въ деньгахъ и въ платѣ. Около десяти дней продолжались трактованія и удовольствія. Дѣло было близко къ концу, хотя намѣстникъ и путалъ всѣхъ безпрестаннымъ своимъ вмѣшательствомъ. Вдругъ, въ ночь на 21 июля, Бодонгъ, учиня тревогу и перелова тотчасъ лошадей, оставя всѣ кибитки и верблюдовъ, взявъ только своего сына, да дѣтей ханши, опять побѣжалъ въ 150 человекъ на Кубань; причиною бѣгства оставилъ отказъ въ женитьбѣ на Жанѣ, въ отдачѣ всѣхъ улусовъ и въ вочевьѣ вмѣстѣ съ ханшей. Послѣдняя въ ту ночь была въ Астрахани. Евграфъ Татищевъ посланъ былъ въ погоню, но за усталю лошадей, не могъ догнать. Страха, находившаяся при улусѣ Бодонга и Джаны, показала: «почитай всегда по вечерамъ у всѣхъ калмыкъ было богомолье, какъ и въ тогдашнюю ночь тожъ происходило; лошадей и верблюдовъ имѣли по ночамъ всегда у кибитокъ, караулъ были всегда въ 40 саженьяхъ отъ тѣхъ кибитокъ, и по окончаніи ихъ моленія, спустя съ два часа, вдругъ учиня тревогу, сквозь карауловъ бѣжали; что де въ такой скорости и великой тревогѣ никакъ удержать было не можно.» Настоящею причиною побѣга былъ слухъ, что ханша арестована въ Астрахани. Но, покочевавъ дня съ четыре, бѣглецы вернулись сами, и капитанъ Борковъ пропустилъ ихъ въ улусы Дондукъ-Омбины, что возбудило зависть другихъ владѣльцевъ. А между тѣмъ 2 августа Татищевъ самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Джаной къ Черному Яру. Впереди шли полковникъ Бобарыкинъ и капитанъ Борковъ; велѣно было поступать осмотрительно; но Бобарыкинъ, вѣря пустымъ извѣстіямъ, приносимымъ отъ калмыковъ, принадлежав-

шимъ улусамъ Дармы-Балы, противныхъ Бодонгу, пошелъ къ нему навстрѣчу, хотя окружить его кибитки. Бодонгъ бѣжалъ снова, а Бобарыкинъ отправилъ за нимъ погоню которая отбила 100 верблюдовъ, 500 лошадей, 50 женщинъ и дѣтей. Самъ Татищевъ, донося въ Петербургъ объ всѣхъ этихъ происшествіяхъ, говорилъ, что, «по калмыцкимъ обыкновеніямъ, вѣтрянымъ и часто претѣннымъ поступкамъ, ни на которыхъ вѣдомостяхъ Бодонгу подлинно утвердиться было не возможно.» Нѣкоторые калмыки говорили что Дондукъ-Омбо, при смерти своей, поручилъ всѣ дѣла Бодонгу и потому ханша обязалась съ нимъ дѣлать худое и доброе вмѣстѣ, и правленіе улуса на него положено; сверхъ же того ханша имѣетъ быть его женой. Бѣжавшіе писали что, извѣдавъ объ арестѣ Джаны, послать въ Астрахань и только 10 человекъ, но и десять копѣекъ воли не имѣютъ Татищевъ и Джана писали бѣглецамъ, чтобъ они вернулись. Начались волненія и въ другихъ улусахъ. Владѣльцы, особенно Нимба, стали грабить отбитые у Бодонга и дѣтей Джаны улусы. Нимба сталъ дарить Бобарыкину верблюдовъ и барановъ изъ награбленнаго. Бѣглецы не возвращались. Приѣхавъ въ Черный-Яръ, Татищевъ сталъ дѣйствовать рѣшительно, не соглашался ни на какія предложенія Бодонга, требовалъ всѣхъ сыновей Джаны и хотѣлъ даже отправить владѣльца Лабанъ-Дондука для поимки ихъ. Дочь Джаны приѣхала первая и проговорила, что ханша писала сама тайно Бодонгу и одобряла его дѣйствія. Татищевъ объявилъ Джанѣ, что ее пошлютъ въ верховые города, а улусъ ея подѣлятъ между разными владѣльцами. Послѣ этой угрозы привезенъ былъ 23 августа старшій сынъ ханши Отпуская Арандула, Бодонгъ требовалъ, чтобъ отпустила ханшу къ нему въ улусы: осудивъ всѣмъ, онъ грозилъ итаться грабежемъ и кражею отъ русскихъ жилищъ. Тати

цевъ рѣшился или поймать, или убить Бодонга; велѣлъ
 часть вѣрныхъ улусовъ впустить внутрь царицынской ли-
 нии; самъ поднялся вверхъ по Волгѣ до острова Вязовки;
 часть улусовъ Джаны отдалъ на имя дѣтей Дондукъ-Омбо.
 Зайсангамъ улусовъ Дондукъ-Омбинныхъ объявлено было
 оминахъ ханши; управленіе ими поручено было нѣсколь-
 кимъ владѣльцамъ, кочевать велѣно между Волгой и До-
 номъ.—Дондукъ-Даши все просилъ себѣ: и улусы, и опеку
 надъ дѣтьми Джаны, и ея вещей. Самъ онъ жилъ подъ Ас-
 триханью, чтобъ быть поближе къ сыну своему, находив-
 шемуся тамъ. Внутри царицынской линии калмыки вошли
 безъ него: одни стали распускать слухъ, что его держать
 надъ карауломъ; другіе—что онъ умеръ. Намѣстникъ, поль-
 зуясь затруднительнымъ положеніемъ Татищева, слалъ къ
 нему требованіе за требованіемъ: дай того, дай другаго. Та-
 тищевъ совершенно оставилъ свою выжидательную поли-
 тическую рѣшился прикринуть на него. Видѣлся съ нимъ самъ
 и, разсуждая о бѣдственномъ положеніи калмыцкаго наро-
 да, между прочимъ сказалъ: «всѣ вы намѣстники одинаковы.
 Или Дондукъ-Омбо получаемую въ жалованье мѣду отда-
 вать калмыцкому народу за великую цѣну изъ росту, отъ
 чего Калмыцкій народъ пришелъ въ наивысшее раззореніе
 и скудость, чегобъ хану чинить не надлежало, и тотъ его
 поступокъ весьма неправиленъ. У насъ же русскихъ шля-
 хетство бѣдныхъ своихъ крестьянъ не только отъ своихъ
 доходовъ на время увольняетъ, но своимъ безъ заплаты
 сужаетъ, а часто и въ государственную казну подати за
 нихъ платитъ. Вотъ и ты все себѣ просишь: а зачѣмъ? Слѣ-
 довало бы тебѣ, какъ благоразсудному владѣтелю, оставя
 суетвѣрства, обыкновеній поповскихъ не слушать, которымъ
 такъ многое имѣніе какъ жалованное, такъ и собранное съ
 убогихъ улусовъ, на молебны тысячами туне раздаешь; а

употребилъ бы получаемый хлѣбъ на вспоможеніе бѣдн для завода скотомъ.» Дондукъ-Даши промолчалъ, ограни шись общими разсужденіями объ исправленіи калмыцъ убѣжищъ. Разъ вошедши въ роль укротителя, Татищевъ тѣлъ остаться вѣрнымъ ей до конца. Онъ издалъ объявл ко всему калмыцкому народу, на калмыцкомъ и русск языкахъ. Напомнивъ калмыкамъ славу ихъ во время А хана, имѣвшаго вліяніе на киргизъ-кайсаковъ, трух цевъ, горскихъ, кубанскихъ и крымскихъ татаръ, об леніе говорило: «а теперь одинъ червь, вкрадшись въ древо, все источилъ; за сего червя ханшу Джану дол разумѣть.» Затѣмъ пересчитаны были всѣ возможны преступленія: держала законъ магометанскій, а не вѣ бурханамъ калмыцкимъ; держала при себѣ татаръ и по нѣсколько владѣльцевъ калмыцкихъ, клеветала на друг по смерти Дондукъ-Омбо, мимо Галданъ-Данжина, захот объявить сына своего Арандула ханомъ, къ далай-л о томъ писала; оной же сынъ не Дондукъ-Омбинъ, а нѣк черкеса, каковыхъ она при себѣ довольно имѣла; яко стная змѣя, засылала къ Лабанъ-Дондуку свататься и по от его убила; продала въ Кубань, Крымъ, Кабарду и Пе многія тысячи калмыкъ; подговаривала улусы бѣжат киргизъ-кайсакамъ и трухменцамъ, другихъ на Куба въ Крымъ; всчинала междоусобія между калмыками; сва своихъ дѣтей за киргизскихъ хановъ, персидскаго и татарскихъ князей; не вѣрила обнадеживаніямъ Татиц бѣжала въ Кабарду; возвратившись къ Астрахани, требо многихъ улусовъ и не хотѣла исполнять требованій д ссорилась съ Бодонгомъ и хотѣла еще разъ снести персидскимъ шахомъ: и за все то она арестована. Запр но было подъ страхомъ смерти пересылаться съ нево тившимися ея зайсангами. А Бодонгъ бѣжалъ въ Каба носились даже слухи, будто онъ добрался до Персіи ¹²⁰⁾

Вся эта переписка Татищева въ отношеніяхъ его къ калмыцкимъ владѣльцамъ, отвѣчавшая, повидимому, желаніямъ правительства, не обошлась однакоже ему даромъ. Арестованную ханшу надо было отправить въ Петербургъ; но бѣгство Бодоуга съ нѣкоторыми изъ дѣтей Джаны не оканчивало маленіи калмыцкихъ; намѣстникъ обидѣлся вслѣдствіе наставленій, полученныхъ отъ Татищева, и просился въ Петербургъ подѣ предлогахъ поздравленія новой императрицы, итѣмъ намѣреваясь жаловаться на крутое управленіе астраханскаго губернатора; наконецъ, дѣйствуя рѣшительно, Татищевъ столкнулся съ нѣкоторыми изъ своихъ сослуживцевъ.

Неудовольствія прежде всего начались съ тѣмъ самымъ Барановымъ, который когда-то получилъ выговоръ изъ-за Татищева. Недоразумѣнія между ними продолжались и по назначеніи Татищевымъ астраханской губерніи въ свое управленіе. Онъ тогда еще писалъ въ Петербургъ: «будучи въ Оренбургской экспедиціи, когда имѣлъ команду, какъ генераль-поручикъ, видѣлъ я, какъ генераль-маіоръ Соймоновъ всѣ колки, пережѣня пароль и лозунгъ, принималъ; такъ и теперь комендантъ астраханскій, полковникъ Кнутовъ, говоритъ, что пароль и лозунгъ получить изъ Царицына отъ генераль-поручика Тараканова; хотя сіе мнѣ не безъ обиды, потому что генераль-поручикъ Таракановъ въ дальнемъ отсюда отлученіи и, въ случаяхъ нужды, особливо къ оборонѣ отъ киргизъ-кайсаковъ, мнѣ нужно повелѣвать и управлять; я же тремя годами прежде команду генераль-поручика дѣйствительно имѣлъ; однакожь безъ точнаго указу того требовать и здѣсь собою въ команду несмѣя вступить для избѣжанія непорядковъ, чтобъ въ одномъ городѣ два пароля не было, велѣлъ отъ него коменданту принимать, а впередъ прошу на то опредѣленія.» Татищевъ не ошибся:

бѣгство Джаны и Бодонга въ Кабарду, слухи о набѣгах киргизъ-кайсаковъ, походы команды изъ Визляра въ Кабарду заставляли его неразъ прибѣгать къ помощи не только кабардинскихъ, волжскихъ и донскихъ казаковъ, но и вообще степныхъ полковъ, которыми управлялъ Таракановъ; но тогда было время увѣдомлять о томъ послѣдняго. Таракановъ жаловался на то военной коллегіи, которая давала дѣла коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чтобъ «безъ крайней необходимости не командировать казаковъ и солдатъ непристойными командированіями отягощали;» а вопросъ о старшинствѣ Татищева и Тараканова рѣшила въ пользу послѣдняго: «онъ де старшій по своему чину.» Но когда дѣло Джаны затянулось, Таракановъ послалъ донесеніе въ военную коллегію, въ которомъ говорилъ: «уповаю, что отъ астраханскаго губернатора въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ донесено, являющаго калмыцкій народъ имъ весь успокоенъ и никакихъ опасностей и опасности отъ нихъ не имѣется, о чемъ и колегіи отъ него сообщено;... а по успокоеніи его бывшая Донская Ойма ханша Джанъ, отъ которой всей калмыцкой ордѣ опасеніе учинено, съ тысячею кибитокъ въ Кабарду ушла; потомъ ея согласникъ, нахѣстникъ Дондукъ-Даши бѣжалъ, а Бодонгъ съ ней ушелъ и оттолкъ ищутъ шаха персидскаго протекціи, но и прочіе многіе улусы въ уходѣ были дозрительны, о чемъ я Татищеву писалъ, что на южной сторонѣ Волги калмыкамъ кочевать опасно, да и прочіе съ оною ханшею согласные улусы не ушли, и удержать было невозможно, дабы всѣхъ калмыкъ на северную сторону перевелъ, о чемъ и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ я доносилъ; а хотя моего соображенія Татищевъ не принялъ, но потомъ, получивъ указъ, перешелъ, держать на Волгѣ сильныя форпосты, а во мно-

куда не иѣтся, а войска въ степи напраснымъ утрусениемъ въ несостояніе приводитъ не надлежить: о всемъ этомъ я ему писалъ, только онъ всѣ мои совѣты уничтожаетъ.» Странное донесеніе! Сперва жалобы на недѣятельность Татищева, потомъ неудовольствіе на излишнее будто бы усердіе его. Первыя, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ справедливы; за то понятно второе. Обстоятельства безпрестанно сталкивали Тараканова съ Татищевымъ. Такъ въ мартѣ Таракановъ требовалъ 2000 донскихъ казаковъ къ Бизяку, а Татищевъ къ себѣ до 1000 конныхъ и оружныхъ. Но деньги по бѣдности лошадыми, платьемъ и оружіемъ исправиться не могли, били челомъ военной коллегіи, чтобъ ихъ въ наряжали въ походъ. Коллегія велѣла Тараканову исправиться своими драгунскими полками, терскими и гребенскими казаками; а Татищеву волжскими, командой Бобарыкина, да еще помощью отъ драгунъ Тараканова.—Когда разыгралась исторія, столкновенія обоихъ начальниковъ должны были повторяться чаще, — и 7 іюля Таракановъ еще разъ писалъ военной коллегіи, что Татищевъ, несносясь съ нимъ, напрасно и безъ всякой нужды ищетъ полку, ищетъ двухъ требуетъ; и сообщаемыхъ ему противныхъ резоновъ не принимаетъ. Татищевъ не оставался въ долгу у своего противника и жаловался въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что Таракановъ постоянно отказываетъ ему въ помощи. Узнавъ о жалобѣ Татищева, Таракановъ писалъ, что начальникъ казанской комиссіи самъ виною волнений; но желая скрыть это, и «по обыкновенной своей злости, ища на него гѣва, писалъ напрасно.» 5 августа писалъ, что отъ всѣхъ этихъ волнений войскамъ «многой и напрасной трудъ быть можетъ;» а 9-го донесъ о новомъ бѣгствѣ Бодонга въ Кабарду, о новыхъ требованіяхъ Татищевымъ помощи отъ драгунъ: «да Волга упадетъ, прибавлялъ онъ, покроется льдомъ, тогда

и болѣе требованій будетъ; отъ чего, стоя въ степи б всякаго прикрытія, принуждены будутъ люди отъ стужи лошади отъ безкормицы тернѣть крайнюю нужду.» Воен коллегія обо всемъ этомъ относилась промеморіями въ 1 легію иностранныхъ дѣлъ, которая, въ свою очередь, о вывааясь на разныхъ рапортахъ Татищева, письмахъ къ н бригадира Фролова-Багрѣва и донесеніяхъ царицынск коменданта бригадира Кольцова, жаловалась сенату на то, «Таракановъ» съ отговоркою и отрицаніями и то недоста ное вспоможеніе командою чинилъ, а чрезъ подходящую му команды его людей на форпостахъ и содержать вес отрекъ.» Жалобы коллегіи на Тараканова были также час какъ ссоры его съ Татищевымъ. Въ ноябрѣ коллегія до сила сенату, что генераль вступается и мѣшается въ 1 мыцкія дѣла, переписывается съ намѣстникомъ ханств путается въ сношенія съ нимъ Татищева, вслѣдствіе ч просила наирѣпчайшаго указа Тараканову, чтобъ т впредь не чинилъ. Между тѣмъ Татищевъ заболѣлъ, бри диръ Кольцовъ призванный имъ къ разсмотренію дѣ увидѣлъ, что Бодонгъ отогнанъ былъ полковникомъ Бо рыкинымъ, и представилъ Татищеву, чтобъ арестовать за то; но Татищевъ, хотя и прежде дурно отзывавшійс Бобарыкинѣ, нерѣшительно и только съ согласія колле иностранныхъ дѣлъ назначилъ на его мѣсто маіора Аксе кова. Между тѣмъ Бобарыкинъ былъ покровительству Таракановымъ. Другой разъ, когда Татищеву велѣно б привести съ Кубани салтанаульскихъ татаръ, снова при шихъ подданство Россіи, онъ потребовалъ 2000 казак Таракановъ не далъ ему ихъ. Татищевъ донесъ колле та сенату. Сенатъ потребовалъ болѣе подробныхъ свѣ ній объ отношеніяхъ ссорившихся начальниковъ. Колле отвѣчала, что: «1) во время небытія губернатора въ Ас:

дани, когда его должность исправлялъ комендантъ полковникъ Клутовъ, Таракановъ требовалъ получаемаыя Татищевымъ отъ нашего резидента въ Персїи Калущкина, изъ Кизилера и отъ другихъ о персидскихъ дѣлахъ извѣстія, незадерживая ни часа, отсылать къ нему оригинальные, а мимо него никуда о томъ не доносить, подъ опасеніемъ суда; 2) на отъѣздѣ изъ Царицына оставилъ для охраненія жены своей 300 драгунъ, а Татищеву, несмотря на указы, отказывалъ въ помощи; 3) вмѣсто Больцова назначилъ, помимо указа изъ военной коллегіи, командиромъ царицынской линии полковника Фонъ-Остъгофа; 4) всѣмъ семействамъ офицерскимъ назначилъ квартиры въ одномъ Царицынѣ, городѣ убогомъ и малолюдномъ; 5) не далъ для провожанія ѣхавшаго тогда въ Петербургъ персидскаго посольства бригадиру Фролову-Багрѣеву надлежащей команды, а самъ воспріять маршъ за тѣмъ посольствомъ съ немалою командою. Сего сдѣлавъ съ своей стороны запросъ военной коллегіи и, въ ожиданіи новыхъ споровъ, отложилъ дѣло Тараканова въ долгій ящикъ.

Въ это время Дондукъ-Дашинъ былъ уже въ Петербургѣ, а старшій сынъ Джаны Арандулъ и дядя его кабардинскій князь Магометъ Атажугинъ—въ Москвѣ. Намѣстникъ не первый разъ посѣщаль столицу Россіи: еще владѣльцемъ онъ ѣздилъ туда въ 1738 году, а потомъ былъ 1741 г. для именованія его въ званіе калмыцкаго правителя. Теперь онъ вступилъ въ переговоры съ великимъ канцлеромъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Просьбы его были именованны. Онъ добивался прежде всего позволенія отправить къ далай-ламѣ пословъ отъ себя и съ грамотою отъ двора къ китайскому богдыхану о пропускѣ ихъ въ Тибетъ. За тѣмъ просилъ соединить съ улусами волжскихъ кочевыхъ улусы дербетовскихъ, кочевавшихъ на Дону, по-

тому что число первыхъ значительно уменьшилось. Говорилъ о порядкѣ суда въ дѣлахъ, касавшихся русскихъ калмыковъ: «понеже между ними въ большихъ и малыхъ, явныхъ и тайныхъ дѣлахъ судъ и расправа произдятся неодинаково, но разными образы и по подобію жребія, отъ чего калмыцкій народъ несетъ великую тягость, хотя россияне нашего человека явнымъ образомъ убью до смерти, то мы въ томъ справедливости получать не имеемъ: того ради прошу для произведенія между ними суда и расправы, во всѣхъ мѣстахъ единымъ, а не разными образомъ, пожаловать выдать письменное право; а волжскимъ городомъ командируемъ указомъ наискрѣпчайше подтвердить дабы оныя потому судъ производили безъ продолженія во мнѣ.» Не менѣе важна для матеріальной стороны калмыцкаго быта была просьба о рыбныхъ ловляхъ калмыцкии «калмыцкій народъ, говорилъ намѣстникъ, пришелъ нынѣ въ крайнее убожество и кромѣ рыбы иного пропитанія поживленія не имѣетъ, только излишнюю рыбу, которая пропитаніемъ ихъ остается на базарѣ, продавать имъ запрещено, и велѣно имъ жительство имѣть при ватагахъ излишнюю рыбу продавать тѣхъ ватагъ хозяевамъ, которъ наприимѣръ за какую рыбу даютъ имъ по одной копѣйкѣ, на базарахъ или другимъ охочимъ людямъ ту же рыбу и гутъ продавать за пять или за шесть копѣекъ, отчего онымъ убогимъ нашимъ людямъ немалая польза быть имѣетъ; и хотя всѣмъ убогимъ нашимъ людямъ и приказа жить при ватагахъ, и я желаю, чтобъ охочіе изъ нихъ и ватагахъ не жили, но только прошу, дабы повелѣно бы имъ на базарѣ и въ другихъ мѣстахъ рыбу продавать безъ запрещенія.» Другія просьбы Дондукъ-Даши состояли въ слѣдующемъ: позволить ему производить судъ между калмыками самому тѣмъ же порядкомъ, какъ производили прадѣды

дѣтъ, и отецъ его, донося государынѣ только о важныхъ дѣлахъ; перевести въ другое мѣсто приписанныхъ въ астраханскіе казаки калмыкъ, отъ которыхъ некрещенымъ происходятъ многія обиды и воровство, что имъ поистинѣ вѣсти весьма трудно; возвратить къ Волгѣ калмыковъ умершихъ на Донѣ и Яикѣ во время междоусобій съ 1734 года; вернуть бывшіе Дондукъ-Омбинны улусы, зайсанги которыхъ отличаются надменностію, между вѣрными владѣльцами; построить на Яикѣ у Индерскихъ горъ, гдѣ обыкновенно переходятъ рѣку киргизъ-кайсаки, крѣпость, а на Волгѣ городокъ для зимовокъ самого намѣстника. Изъ другихъ пунктовъ просьбы Дондукъ-Даши видно было, что онъ привезъ съ собой нѣсколькихъ дѣтей владѣльческихъ съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ при дворѣ; что при Аюкѣ всѣхъ калмыкъ было до 70,000 кибитокъ, а въ 1742 году, послѣдствіе долговъ междоусобій, осталось только 20,000. По поводу вторичнаго побѣга Бодонга съ сыновьями Джаны въ Кабарду, Дондукъ-Даши требовалъ ихъ поимки, заточенія въ крѣпость и отдаленное мѣсто: «и хотя нѣкоторые люди, объясаятъ намѣстникъ, могутъ на меня нарекать, что я самъ представленіемъ Бодонга, яко моего роднаго брата, и Джановыхъ сыновей, яко младенцевъ еще ничего незнающихъ, во щаду, якобы по одной моей злобѣ на нихъ; однакоже я сою съ ними поступокъ для цѣлости всего нашего народа считаю въ легкій грѣхъ, нежели всѣмъ улусамъ нашимъ придти оттого въ раззореніе. Сверхъ того, ежели оные будутъ жить вмѣстѣ со мною, то я опасеніе имѣю, чтобы они моего живота не лишили; такъ и тѣ владѣльцы, которые вступали со мною за едино, отъ нихъ весьма озлоблены, и не съ ними обще жить не могутъ затѣмъ, что изъ оныхъ одинъ другаго тайнымъ образомъ умерщвлять способовать не оставятъ. Я уповаю, что легче десяткамъ дват-

цати человекамъ страдать, нежели всѣмъ улусамъ | риться.» Такъ переводили толмачи въ коллегіи иносныхъ дѣлъ съ калмыцкихъ листовъ намѣстника. Кромѣ: оффиціальныхъ просьбъ, Дондукъ-Даши не забывалъ въ ра: рахъ съ великимъ канцлеромъ пожаловаться на нѣко: дѣйствія Татищева. Его жалобы отозвались въ указахъ торые посланы были въ Астрахань. «Представленія | писали изъ коллегіи Татищеву, о раздѣленіи калмыцка: рода на двое, апробовать не можемъ: Дондукъ-Даши в вѣрность оказывалъ, не сходясь съ Дондукъ-Омбой, от сына въ Астрахань, ѣздя въ Петербургъ безъ опасе: спесивства. А что вы, яко главный въ тамошнемъ командиръ, намѣстнику ханства говорили о ихъ попа сего здѣсь такожде не апробуется; понеже тѣмъ ихъ вѣрства перевести не можете, а только ихъ озлобите подадите сумнѣніе, яко вы то чините не по указу на: развѣ бы о семъ велѣли внушить ему кому другому слегка, понеже сіе принадлежит до ихъ закона и имъ противности быть не можетъ; а впредь надобно вамъ поповъ, которые во владѣльцахъ и въ ихъ народѣ силу ютъ, ласкать и приводить въ нашу вѣрность, чтобъ | нихъ удобно было что въ пользу интересовъ нашихъ лать.» Въ примѣръ вѣрности представленъ былъ Ша лама. Относительно смѣснаго суда калмыковъ съ рус: послана была Татищеву особая грамота, при которой п женъ былъ переводъ съ калмыцкаго и мунгальскаго п постановленнаго въ 1640 году. «У нихъ, замѣчено бы: грамотъ, за убійство человека положена плата, а с: нѣтъ; за кражу вмѣсто наказанія ворами великаяжъ п ежели кто покраденнаго скота слѣдъ приведетъ въ чей у который того слѣда въ другое мѣсто не отведеть, то платитъ повиненъ. А въ новомъ правѣ для суда калмы:

русскими, кажется, надобно постановить, объ убійствѣ по вышнимъ правамъ, изъясня при томъ бываемые случаи; за краденыхъ съ обѣ стороны лошадей и другой скотъ написать пеналу цѣну, дабы тѣмъ бываемое предъ симъ калмыцкое обыкновение, что они вмѣсто всякой лошади, котораябъ хотя и великой цѣны была, платили лошадь за лошадь и таковыя, которыя меньше двухъ рублей стоили; сверхъ сего весьма надобно включить, дабы и ворами за отгонъ иза кражу чинить жестокое наказаніе. А третій пунктъ оставить въ вышензображенной силѣ, только оной гораздо изъяснить. Прочее же предается на ваше разсмотрѣніе и искусство; и когда такое право сочинено будетъ, оное для разсмотрѣнія прислать сюда въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.» Вотъ все, чего добился Дондукъ-Даши во время своего пребыванія въ Петербургѣ. За то онъ не могъ быть недоволенъ тѣми большими подарками, которые поднесены были ему отъ имени Елизаветы Петровны, голштинскаго принца и членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Отпустили намѣстника изъ Петербурга; повезли туда въ Москву старшаго сына Джаны, Арандула, и дядю его Магомета Атажукина. Арандуль привезъ императрицѣ въ даръ двухъ дѣвочекъ татарской націи: Балтавъ 13 лѣтъ, Латавъ 16. Но рѣшеніе его дѣла было отложено вдаль: боялись сослать ханшу и сына ея въ дальніе города, чтобъ не раздражить кабардинскихъ князей, необходимыхъ для борьбы съ персидскимъ шахомъ, если онъ двинется далѣе къ границамъ русскимъ. Не удалось Дондукъ-Даши добиться своихъ желаній относительно Джаны и ея дѣтей; объявленіе Латышева къ калмыцкому народу, гдѣ ханшу честили злостной змѣей, оказалось преждевременнымъ. За то все было сделано, чтобъ поставить намѣстника кочевой орды и губернатора астраханской губерніи во враждебное положеніе

другъ къ другу. Дондукъ-Даши получилъ дозволеніе снѣтся съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ помимо Татища, не смотря на то, послѣдняго не избавили отъ обязанно управлять калмыцкою комиссіей, слѣдить за дѣйствіемъ намѣстника. Самые важные вопросы въ жизни калмыковъ объ отношеніяхъ къ кубанцамъ, кавказскимъ горцамъ, киргизъ-кайсакамъ, о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ о внутреннемъ управленіи всего народа и о судѣ между калмыками и русскими, о рыбныхъ ловляхъ по Волгѣ и притокамъ, не могли быть рѣшаемы безъ вѣдома Татища. Между взглядомъ на всѣ эти вопросы астраханскаго губернатора и калмыцкаго намѣстника не могло быть ничего шаго; еще менѣе было надежды на то, что могутъ сойтись между собой такіе люди, какъ строгій къ себѣ и къ другимъ Татищевъ и хитрый, но трусливый дикарь Дондукъ-Даши. Послѣдній не былъ похожъ на сильнаго хана Аюку или на рѣпаго Дондука-Омбо; первый не походилъ ни на Волынскаго привыкшаго дѣйствовать произвольно и самоуправно, на Тараканова, льстившаго намѣстнику изъ личныхъ побужденій¹²¹).

Наступилъ 1743 года и съ самаго начала его ясно было, что между Татищевымъ и Дондукъ-Даши дойдетъ дѣло до полного разрыва. Правитель комиссіи слишкомъ вѣрно понималъ данную ему при отъѣздѣ въ Астрахань инструкцію намѣстникъ ханства слишкомъ усердно желалъ высвободиться изъ-подъ его опеки и напомнить калмыкамъ время Аюки и Дондука-Омбо. Ему хотѣлось самому раздѣлаться съ кабардинцами, и съ салтанаульцами, и съ Бодоингами перевѣдаться съ киргизъ-кайсаками, подѣлать между ними улусами богопехуровскіе улусы, оставшіеся послѣ Дондука-Омбо. Онъ сталъ собирать войско. А въ это время шла о приближеніи персидскаго шаха къ русскимъ гѣ

ния все болѣе и болѣе усиливалась. Между волжскими
 поселеніемъ носились слухи, что шахъ природный калмы-
 чинъ и хочетъ освободить калмычій народъ. Русское пра-
 вительство усиливало войска, находившіяся въ Кизлярѣ.
 Вооруженію Дондукъ-Даши много помогло и то, что Тараканъ
 потребовалъ отъ него небольшой помощи изъ калмыкъ
 и вообще совѣтовалъ быть наготовѣ. Татищевъ, узнавъ,
 что приготовления Дондукъ-Даши принимаютъ слишкомъ
 широкіе размѣры, требовалъ отъ него свиданія; намѣстникъ
 не халъ, звалъ къ себѣ Татищева, который отговаривался
 своею болѣзнію. Дондукъ-Даши отвѣчалъ, что не ѣдетъ
 изъ лѣтностію, а за дѣлами, пишетъ торопко донесеніе къ ея
 императорскому величеству и его высочеству великому
 князю, собираетъ войско, а то, вмѣсто гульбы, и для свиданія
 съ сыномъ пріѣхалъ бы въ Астрахань. А между тѣмъ
 Кошунъ Кошунинъ, собравшій свѣдѣнія о дѣйствіяхъ
 Дондукъ-Даши, явился 23 января къ Татищеву и донесъ
 ему словесно, что намѣстникъ, собиравшій войска противъ
 Кошунъ, очень хорошо знаетъ, гдѣ тотъ находится, даже
 состоитъ съ нимъ, вывѣдывая, какія его намѣренія; войска
 собираетъ жестоко, грозясь раззорить того, кто не явится,
 тѣмъ усиливаетъ противъ себя злобу старой ханши Дармы-
 Ханъ, выкрадываетъ въ свои улусы скудныхъ калмыкъ,
 пришедшихъ по Волгѣ изъ другихъ улусовъ; думаетъ вы-
 ѣхать изъ Астрахани и сына своего Асарая. Черезъ два дня
 явился къ Татищеву одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ,
 Галданъ-Норбо, мать котораго была сестрою намѣстника,
 жила съ своею кибиткою подлѣ улусовъ Дондукъ-Даши
 и пользовалась особенною благосклонностію намѣстника,
 который любилъ ее не только болѣе другихъ, но и болѣе
 разумно разсуждалъ съ нею и вѣрилъ ей. Этотъ Галданъ-Норбо
 пересказалъ Татищеву, что передала ему подъ секретомъ

его мать: когда шахово войско дѣйствительно вступитъ Россію войною, въ такомъ случаѣ кто окажется сильнѣе на ту сторону и станетъ намѣстникъ; наблюдаетъ прилѣжно, чтобъ съ російской стороны ему обману какого не произошло, а самъ болѣе замышляетъ, чтобъ русскихъ чѣмъ-ни обмануть; покойнаго Бахты-Гирея сынъ Арасланъ-Ги прежде былъ въ великой дружбѣ и братствѣ съ намѣстникомъ, потому что ихъ обоихъ воспитала одна кормилица; если приключится съ русской стороны ему намѣстникъ какое-нибудь оскорбленіе, то онъ уйдетъ къ Арасланъ-Гирею и, соединясь съ нимъ, стоя за едино по братской дружбѣ помрутъ; что же касается сына намѣстникова, который находится въ рукахъ у русскихъ, то можно или выкрасть или въ случаѣ трудности оставить, ибо разстаться съ намѣстникомъ не сочтеть за тяжкое преступленіе. На просьбы Татищева Галданъ-Норба отвѣчалъ разными сносками о томъ, кто въ милости у Дондукъ-Даши, и кто въ милости. Обо всемъ этомъ Татищевъ донесъ въ Петербургъ и въ донесеніи своемъ прибавилъ, что кто-то или для вреденія государственнаго интереса, или для нанесенія ему обиды, ссорить его съ намѣстникомъ, быть можетъ Дарма-Бала и ея зайсанги, злобствующие на Дондукъ-Даши. Случилось, что кто-то въ это самое время донесъ объ укрывшихся разбояхъ калмыковъ по Волгѣ. Изъ Петербурга прислали замѣчаніе намѣстнику; тотъ вообразилъ, что несеніе шло отъ Татищева, сдѣлалъ ему запросъ; Татищевъ въ свою очередь спросилъ коллегію, кто донесъ о разбояхъ; оказалось, что Таракановъ, который былъ совершенно правъ потому что курьеры съ трудомъ могли ѣздить в 1743 года между Царицыномъ и Кизляркомъ. Между Дондукъ-Даши все собирався идти на кабардинцевъ съ полкомъ; отнять у нихъ дѣтей Джаны и отбить салтанаульскихъ татаръ.

Передъ самымъ походомъ сталъ просить о томъ, чтобы отдали ему въ улусы остатки татаръ джамбуйлуцкихъ и еднсанскихъ, жившихъ подъ Астраханью и зависѣвшихъ отъ астраханскихъ мурзъ и головъ «не въ ту мѣру, чтобъ онъ государя милостію и жалованьемъ былъ еще недоволенъ, или чтобъ тѣмъ себя усилить; но потому что подобно распоряженіе со справедливостію сходственно». Татищевъ внесъ это дѣло въ губернскую канцелярію и та отвѣтила, что грухменцы, еднсанскіе, джамбуйлуцкіе и тогуцкіе татары, которыхъ въ Астрахани и Черномъ-Яру считается до 526 кибитокъ, пришли изъ давнихъ лѣтъ съ равныхъ мѣстъ своею волею и отдать ихъ калмыкамъ нельзя, хотя о томъ просилъ еще Дондукъ-Омбо. Дондукъ-Даши и въ этомъ отказѣ видѣлъ вражду къ нему Татищева и писалъ о томъ частнымъ образомъ къ великому канцлеру; тотъ промолчалъ. Просилъ Дондукъ-Даши еще о построеніи ламайскаго храма въ Астрахани. На донесеніе Татищева о томъ въ Петербургъ, оттуда отвѣчали: «по здѣшнему разсужденію такого каменнаго публичнаго капища для приношенія идоловъ жертвы въ державѣ его императорскаго величества, такъ наипаче казеннымъ капиталомъ, строить непристойно; и ради, ежелибъ намѣстникъ ханства калмыцкаго Дондукъ-Даши о строеніи такого капища еще сталъ упоминать, въ такомъ случаѣ вамъ возымѣть отъ него пристойную отговорку, объявляя, яко ему въ томъ нужды не будетъ; ибо мольбы свое мольбище исправлять въ нарочно сдѣланныхъ для того въ новоостроющейся крѣпости хоромахъ». Наконецъ Татищевъ проговорился посланцу Дондукъ-Даши, что русское правительство желаетъ перевести салтанаульцевъ подъ Самару и что намѣстникъ можетъ принять участіе въ этомъ походѣ. Посланецъ очень обрадовался услыхавъ о томъ, и сказалъ, что убогимъ калмыкамъ будетъ знатная добыча отъ

нихъ: «зѣло сожалѣтельно, отвѣчали изъ Петербурга на до-
сеніе о томъ Татищева, что вы отъ того до времени не уди-
жались и намѣстнику ханства сообщили; но когда уже
учинено, нынѣ вамъ нужно стараться, дабы со всякою цѣ-
лосторожностію поступлено было». А о разговорѣ съ Гадаг
Норбою сказано было: «когда вамъ впредь о примѣчаніи і
мѣреній и обращеній намѣстника случится съ калмыка
имѣть разговоры, въ томъ поступать съ лучшею предост-
рожностію; ибо въ самомъ дѣлѣ за калмыками несодержа
секрета примѣчено: ибо кому, что о пользѣ его было гово-
рено, оной другимъ, тѣмъ похваляся, секретъ открывал
что и вамъ надо содержать въ вашей памяти, не употреби
при томъ ничего партикулярнаго, какъ вы и нынѣ стро
изыскиваете, вѣдать о свиданіи и разговорахъ генералъ-ле
тенанта Тараканова съ онымъ намѣстникомъ ханства». Е
конецъ велѣно было Татищеву лично видѣться съ намѣ
никомъ, и помириться съ нимъ. Татищевъ исполнилъ указ
но вернулся съ дороги, потому что «за великимъ морозомъ
и снѣгомъ по слабости своей доѣхать до намѣстника не мо
(Дондукъ-Даши былъ въ 90 верстахъ отъ Астрахани); :
тому жъ и намѣстникъ самъ помню, говорилъ Татищевъ, от
звался, что ему со мною видѣться времени нѣтъ и для то
возвратился я въ Астрахань». Письмо Дондукъ-Даши, і
которомъ онъ отказывался отъ свиданія съ Татищевымъ, бы-
также послано въ Петербургъ. Вотъ оно: «за сборомъ войскъ
удосужиться время не имѣю; къ тому же какъ вы покалмы
ки, такъ и я пороссійски, разговоры незнаемъ; хотя и
бы вы и сами со мною видѣлись и словесно что объявили
а интересъ состоитъ въ великой важности, то въ такомъ
случаѣ какъ поступить, невзявъ отъ васъ обстоятельна
писменнаго виду, то дѣло всчинать я опасенъ». Изъ это
отказа видѣться съ нимъ Татищевъ не выводилъ на это:

нъ заключенія о злобѣ на него намѣстника, и въ письмѣ
 и ни государыни говорилъ, «что же злобы между мною и
 Дондукъ-Даши касается, то я оной никакой причины, ниже
 знаю въ тому вижу, токмо дознаюсь, что къ тому посто-
 янно, какъ бы насъ поссорить, трудъ прилагали; а особ-
 енно генералъ-поручикъ Таракановъ, злобствуя мнѣ, наслѣд-
 ству о мнѣ нѣчто внушалъ, какъ онъ и самъ здѣсь будучи
 о мнѣ при многихъ сказывалъ, что онъ съ намѣстни-
 комъ довольно о мнѣ говорилъ, и намѣстникъ нѣсколько
 отстался о томъ; съ другую сторону, ханша Дарма-Бала
 была на него злобна за то, что онъ у нея по указу вашего
 императорскаго величества ненадлежащую власть въ прав-
 леніи улусовъ отнялъ; а главнаго ея зайсанга, облича въ
 крадѣ на Кубань паспорта, отъ зайсангства отрѣшилъ; онъ
 же противъ ея воли съ Деджитою женился и, другія малыя
 удовольствія себѣ приемя, о которыхъ присылаемые отъ
 васъ разговорами показываютъ, мнѣ, что она чрезъ людей
 шурша Галданъ-Норбу на намѣстника тѣ клеветы сплести,
 которыя я слышавъ въ страхѣ находилъ; оной же Галданъ-
 Норбѣ нѣтъ причины злобы ту, что намѣстникъ не токмо
 не далъ ему опредѣленнаго улуса умедлилъ, но и ушедшую
 отъ него жену, а нынѣ падчерицу у себя удержавъ ему не от-
 далъ, и хотя я оному Галданъ-Норбѣ, пресѣкая вражду, до-
 вольно рассудилъ, что въ оныхъ ево жалобахъ намѣстникъ
 ни мало невиненъ, и онъ то довольно выразумѣлъ, токмо
 жестокость Дармы-Балы въ немъ дѣйствуетъ и я, хотя его
 приношенія приемя, записываю, но вѣрными почитать не
 могу: ибо болѣе въ томъ увѣряюсь, что Дондукъ-Даши
 никакой причины къ злобѣ и къ противнымъ поступкамъ
 не имѣеть».

Выходъ Дондукъ-Даши подъ Кизляръ начался въ поло-
 вину марта. Между княземъ Долгорукинымъ, кизлярскимъ ко-

мендантомъ фонъ-Зейдеромъ, капитаномъ Горюшкини кабардинскими и салтанаульскими князьями уже шли говоры о выдачѣ Бодонга, дѣтей Джаны, о переселеніи танаульцевъ на Волгу. Между кабардинскими князьями: Магометъ-Курюкинъ, Касай-Атажукинъ, Магомет жукинъ, братья Джаны; изъ салтанаульскихъ: Саадеть-Салтанъ. Отъ послѣдняго ушли на Кубань 4000 кибъ съ врагомъ Атажукиныхъ Арасланбекомъ. При Саадеть-осталось всего 80 ауловъ при осьми мурзахъ, кибъ было 2151, изъ нихъ 910 военныхъ. Не за долго до влеченія Дондукъ-Даши въ походъ, до Татищева дошли будто капитанъ Горюшкинъ, будучи у кабардинскихъ зей, употребилъ «странныя слова: есть ли де они ихъ дѣтей не дадутъ; то братъ ихъ Магометъ-Атажукъ въ Москвѣ быть удержанъ.» А дворянинъ совъ, жившій между Салтанаульцами доносилъ, что и въ нихъ, и въ кабардинцахъ мало надежды, народъ ной и не любятъ, чтобъ ихъ переселяли на другія и подтверждаалъ свое мнѣніе письмами одного изъ салтанаульскихъ мурзъ къ себѣ и къ Татищеву, переславъ послѣднему. Въ письмѣ Татищеву говорилось: «мы с и сродственники изстари съ кабардинцами, хотя мы одному и обиду покажемъ; за то между собою раздѣлимъ и отъ калмыкъ обидѣ не видали. Одинъ маюулъто и до осени съ нами стоялъ, никакой обиды мы не видали; а осенью къ намъ подполковникъ Це прибылъ и донское войско, и мы того убоясь, просили войско возвратить, и оною общалъ ихъ возвратить, а и стали спрашивать, для чего оно войско не возвратили, мнѣ на то сказалъ, жду-де я изъ Кизляра человѣка, котораго мнѣ войско возвратить невозможно; но и услышали мы, якобы изъ Астрахани и изъ Кизляра

войско идти, то мы въ старыя мѣста свои перешли, на которыхъ мѣстѣ Данилѣ (т. е. Ефремову, донскому старшинѣ) и Дондукъ-Омбо присягали и аманатовъ дали, между Кубани и Буки общались кочевать и жить, понеже оныя изстарины мѣста, отцы наши и дѣды тутъ государямъ присягали.» Мурза не ошибся: изъ-подъ Астрахани шелъ Дондукъ-Даши съ 1000 калмыкъ, посажавъ ихъ на верблюдовъ и вѣдъ вѣшнымъ образомъ. По дорогѣ къ Кизляру, передовыя части его встрѣтились съ Бодонгомъ и разбили его; тотъ бѣжалъ на Кубань. За тѣмъ Дондукъ-Даши захватилъ кондурскихъ татаръ въ 280 арбахъ, нѣсколько человекъ кубанцевъ, кабардинцевъ и салтанаульцевъ. Наконецъ вся армия калмыкъ перевалила за Куму. Тогда кабардинскіе владѣльцы явились къ Долгорукому и требовали, чтобъ онъ не отдалъ дѣтей Джаны Дондукъ-Даши, потому что у него есть намѣреніе умертвить ихъ. Салтанаульскіе же татары, оставивъ Калмыкъ, оставили рѣку Манку съ ея лѣсами и добровольно покочевали на отведенныя имъ русскими правительственными мѣста. Дондукъ-Даши не вытерпѣлъ и хотѣлъ напасть на нихъ; бригадиръ Оболенскій не допустилъ его до этого, не смотря на то, калмыки успѣли нагнать нѣкоторые улусы. Дондукъ-Даши писалъ Татищеву съ дороги, жалованъ на Оболенскаго: «что впредь для великихъ дѣлъ съ калмыками людьми будучи, исполненіе чинить не возможно.» А возвратившись въ свои улусы послалъ письмо, начинавшееся словами: «вы здравствуете ль? Увѣдомьте о благополучіи ея императорскаго величества пребываніи и прощаніи ея съ шведами, персіанами, кайсаками, кубанскими татарями и другими народами.» Походъ кончился, но цѣль его не была вполнѣ достигнута Дондукъ-Дашей. Бодонгъ жилъ у кубанскаго сераскира; дѣти Джаны получили, послѣ долговѣстныхъ споровъ и переписки Татищева съ Петербургомъ, свою

долю изъ отцовскихъ, такъ-называемыхъ богоулюсовъ ¹²²).

Дондукъ-Даши видался съ Татищевымъ рѣдко. торжественные дни, когда онъ обязанъ былъ я Астрахань для принесенія поздравленій;—но горшла переписка между намѣстникомъ и губернаторомъ было о чемъ и поговорить, и поспорить; было много по поводу чего приходилось дѣлать другъ другу пріятности: въ иноиъ помириться, въ другомъ советойтись, а за что такъ и жестоко поссориться, поидругъ на друга въ Петербургъ. 25 апрѣля былъ нации Елисаветы Петровны, Дондукъ-Даши и Астрахань и видѣлся съ Татищевымъ. Разговоръ начался со взаимныхъ жалобъ. Намѣстникъ жаловался князя Оболенскаго, такъ самостоятельно распоряжался по поводу переселенія салтанаульцевъ; Татищевъ жаловался что калмыцкіе воровскіе люди, несмотря на воеводы грабятъ, и побиваютъ русскихъ, наприимръ чичищъ Коровей-Лугъ, въ урочищъ Башмаковъ. Татищевъ не сказалъ, что въ послѣднемъ русскіе нашли дотого крещеныхъ калмыкъ, жившихъ между ними и что ихъ велѣно было хватать, когда они явятся нибудь городъ. Дондукъ-Даши отвѣчалъ, что такъ происходить болѣе отъ скудныхъ калмыкъ, что беретъ ихъ всѣхъ и потомъ раздѣлитъ по разнымъ частямъ; что приставятъ къ нимъ смотрителей; другаго спс Татищевъ замѣчалъ, что все это хорошо, но не надлежитъ для лучшаго тѣхъ воровскихъ замьсѣченія запретить калмыкамъ лодки на четырехъ веслахъ имѣть, ибо для ловли рыбы довольно стныхъ; и во многочислѣ отнюдь бы не ѣздили; за тѣмъ будутъ ѣздить въ лодкахъ многочислы

призвать за воровъ. За тѣмъ разговоръ перешолъ къ суду между русскими, калкыками и татарами. Дѣло въ томъ, что Татищевъ обращалъ особенное вниманіе на этотъ судъ, дорожилъ его репутаціей. До него судьей былъ капитанъ Лука Шихматовъ, опредѣленный еще въ 1737 году: астраханскому губернатору велѣно было имѣть за нимъ прилѣжное смотрѣніе, чтобъ отправлялъ судъ между инвѣрцами правдиво безъ всякихъ налоговъ и нападковъ безволокитно, подъ опасеніемъ немалого штрафа въ случаѣ неисправности. Призвалъ Татищевъ, славившійся безкорыстіемъ и строгостію; на Шихматова посыпались жалобы. «Казанскіе выборные татары Курманъ-Куручевъ съ мирскими людьми билъ челомъ, что онъ Шихматовъ одинъ изъ ихъ мирскихъ дворовъ, другое дворовое мѣсто самъ собою отнял и отдалъ проѣзжему черкешенину Доюну и татарину Самбеку, и хотя-де они у него о томъ просили, но за ревностію взятовъ рѣшенія не учинилъ и беретъ отъ нихъ каменщиковъ и плотниковъ, къ себѣ на дворъ въ услугу; и если кто къ тому дѣлу за необыкновеніемъ или за болѣзнію идти не можетъ, велитъ нанимать, а за труды ничего не платитъ, ниже выморитъ хлѣбомъ; между тѣмъ, какъ и за казенныя работы даются деньги. Тѣже челобитчики, старшины и мирскіе люди жаловались, что послѣ подачи вышеписанной челобитвой. Шихматовъ, не принявъ страха, наипуще на нихъ наидаетъ и беретъ съ нихъ къ себѣ въ домъ ходоваго работника и, захватя изъ нихъ двухъ старшинъ; билъ батожь-ствъ немилостиво, приговаривая, что они челобитчики. Далѣе Юртовскій ясашный татаринъ Дасакай-Такіевъ жаловался на то, что Шихматовъ держалъ его подъ карауломъ въ козлѣхъ безвинно и, взявъ съ него денегъ 20 рублей, изъ-подъ караулу освободилъ. Юртовскій же татаринъ Джанонай-Сарикѣевъ билъ челомъ во взятѣ у него Шихматовымъ

одного волжскаго судна цѣною въ 20 рублей; юртовскіе ясашные татары Алегукъ-Мамбетевъ съ товарищами — во вѣхъ съ нихъ въ видѣ взятки 30 рублей. Толмачъ, он дѣленный къ переводчику Братишеву, татаринъ Асагъ-Аслановъ — во взятѣ имъ же Шихматовымъ, во время отлучки, жены его подъ караулъ; а безъ нея скарбъ в его невѣдомо кѣмъ былъ растащенъ. Персидскаго по Измаиль-Бека служитель Морохванъ-Шагеремовъ билъ ломъ, что Шихматовъ, держа его въ конторѣ подъ карломъ въ колодѣ, вымучилъ у него денегъ сто рублей съ во взятку, по поводу его иска о пожиткахъ съ жителя гиланскаго двора Мамасалиемъ Миротворцевымъ, и проси показанныя взятки отъ него возвратить; а за разныя падки и раззоренія смѣнить его, объявляя, что будутъ и гіе челобитчики. Татищевъ приказалъ навести справки дѣлахъ астраханской губернской канцеляріи; оказалось, еще въ 1740 году предписано было разсмотрѣть, какія гости и обиды чинилъ Шихматовъ татарамъ и учинить бернатору вмѣстѣ съ канцеляріею рѣшеніе по указамъ. татищевъ рѣшилъ отставить возбудившаго общую проти себя ненависть Шихматова и опредѣлить на его мѣсто астраханскаго гарнизоннаго капитана Владимира Копытовскаго на котораго указывали татары. Послѣ смѣны судьи взятника и притѣснителя, дѣла пошли лучше. Самъ Татищевъ входилъ въ распри русскихъ съ калмыками и вовсе не бы пристрастенъ къ своимъ. Намѣстнику нельзя было въ эти отношенія жаловаться на него. У Татищева тотчасъ же и лись бы доказательства въ свою пользу. Такъ въ книгѣ судной палаты за февраль 1742 года, можно было проче слѣдующіе факты. 6-го, одинъ изъ калмыковъ, пріѣхавши въ Астрахань на базаръ, всмотрѣлся въ одного калмыча и узналъ въ немъ двоюроднаго брата своего, украдени

астраханскимъ бобылемъ Масловымъ, который и былъ за то битъ плетьюми. 8-го, явился въ комиссію зайсангъ Дондукъ-Даши Ботохой, привелъ съ собою священника владимирскаго драгунскаго полка Іосифа Алексѣева, жалуясь, что онъ его безъ всякой причины ударилъ своею тростью по глазу и расшибъ до крови, въ чемъ священникъ и извинился предъ зайсангомъ; несмотря на то, по просьбѣ обиженнаго, который неудовлетворялся однимъ извиненіемъ, отнюдь былъ къ астраханскому архіепископу Иларіону и тѣмъ, въ присутствіи зайсанга, наказанъ тѣлесно. 27-го, воевой служитель боцманъ-мать Никита Змѣевъ, за битые шмыговъ на улицѣ въ пьяномъ видѣ, наказанъ былъ въ своей командѣ кошками. Теперь, коснувшись въ разговорѣ съ Дондукъ-Даши суда, Татищевъ похвалился имъ предъ намѣстникомъ: «вамъ извѣстно, говорилъ онъ, что до приѣзда моего здѣсь въ тюрьмахъ содержалось множество, изъ которыхъ большая часть помирала, но при мнѣ оное весьма уменьлось, и только содержатся здѣсь въ дѣланіи воровскихъ денегъ и въ смертномъ убійствѣ Калмыкъ съ шесть человѣкъ, которые показываютъ, будто они въ тѣхъ дѣлахъ не точно винны, а винны другіе калмыки, которые нынѣ живутъ въ улусахъ, и о сыску ихъ къ вамъ было отъ меня писано, но и понынѣ неприсланы; и за тѣмъ тѣ калмыки здѣсь подъ карауломъ продолжаютъ. Дондукъ-Даши объявилъ, что прикажетъ спросить содержащихся въ тюрьмѣ калмыкъ и на кого они покажутъ, велитъ тѣхъ отыскать. Потомъ намѣстникъ перешелъ въ разговоръ къ калмыкамъ, жалованнымъ съ ихъ женами, дѣтьми, скотомъ, и разнымъ скарбомъ на рыбной ватагѣ астраханскаго купца Лаврентья Иванова, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы хотѣли бѣжать въ Персію. Татищевъ отвѣчалъ: «о намѣреніи ихъ уйдти въ Персію не слыхалъ ни отъ кого, а жаловался хозяинъ, что

они хотѣли его ватагу разграбить; впрочемъ дѣло захваченныхъ назначено къ розысканію; а было ли имъ какое и бительство, того я не слыхалъ, да и бодокчей не ставали.» Бодокчеями въ астраханской судной палатѣ были путаты, выбранные изъ всѣхъ инородцевъ, населявши губернію. Татищевъ-жаловался намѣстнику, что бодокчей не являются въ палату. Два дня цировалъ Дондукъ-Даши Татищева; на третій день гость сдѣлался хозяиномъ и принималъ въ садахъ, гдѣ жилъ сынъ его, строгаго губернатора. На этотъ разъ присутствовали и зайсанги намѣстника шла рѣчь о трехъ вопросахъ: о продажѣ калмыцкими владѣльцами калмыцкихъ дѣвочекъ и мальчиковъ въ Крымъ за Кубань и киргизъ-кайсакамъ; о спорахъ по поводу и ценныхъ калмыкъ, о построеніи Енотаевской крѣпости.

Еще когда Татищевъ ѣхалъ управлять комиссіею, коллегія иностранныхъ дѣлъ совѣтовала ему обратить особенное вниманіе на торговлю калмычатами и калмыцкими ясыреями, который состоялъ большею частію изъ взрослыхъ людей, велѣно было войти въ сношенія съ крымцами и кубанцами, выкупать у нихъ плѣнниковъ и проданныхъ по той же причинѣ, по какой они достались татарамъ. Деньги Татищевъ бралъ изъ суммъ комиссіи. Но денегъ не хватало: владѣльцы, ихъ жены, а иногда и зайсанги продолжали торговать своими улусниками. Татищевъ сталъ править выкупные деньги съ самыхъ продавцевъ; у владѣльцевъ сталъ вытаскивать ихъ изъ жалованья; наконецъ въ разговорѣ съ намѣстникомъ предложилъ выдавать татарамъ головою самихъ продавцевъ, или ссылать ихъ въ каторжную работу. Дондукъ-Даши считалъ возможнымъ оправдывать владѣльцевъ крайнею скудостію ихъ содержанія. По поводу крещеныхъ калмыкъ споры были стольже часты, какъ и по поводу продажи ихъ. Все прикидывало бѣдныхъ кочевниковъ къ до

ровольному принятію православія: подарки, льготы, лучшая
 жизнь; иногда убійца, воръ или человѣкъ, совершавшій ка-
 кое-нибудь другое преступленіе, бѣжали въ русскіе города
 и тамъ крестились, избывая наказанія. Разговаривая съ
 Дондукъ-Даши объ этомъ вопросѣ, Татищевъ объяснялъ
 ему: «приходящихъ для крещенія калмыкъ всегда я спра-
 шиваю при ихъ бодокчехъ, добровольно-ль они креститься
 желаютъ и не имѣютъ ли отъ кого въ томъ принужденія, и
 которые объявляютъ, что креститься не желаютъ, такихъ
 отпускаю возвратно, а желающимъ приказываю крестить-
 ся». Намѣстникъ въ отвѣтъ на это ограничился только во-
 просомъ: «тѣ калмыки, оставя свой законъ, крестятся, а по-
 томъ возвратно уходятъ, и въ томъ какая есть польза.»
 Вопросъ о построеніи Енотаевской крѣпости шелъ уже да-
 вно, еще со времязъ втораго путешествія Дондукъ-Даши въ
 Петербургъ. Долго спорили о мѣстѣ построенія крѣпости;
 намѣстникъ предлагалъ одно, астраханскіе торговые и свѣ-
 дѣнныя люди — другія, пока не остановились на Енотаев-
 скомъ урочищѣ. Татищевъ усердно переписывался съ кол-
 лѣгиемъ о планѣ будущаго города, о строительномъ матеріа-
 лѣ, о расходахъ на постройки. Онъ былъ также хлопотливъ,
 какъ и при постройкѣ Ставрополя на Волгѣ. Енотаевъ
 строилъ генералъ Дебриній. Когда крѣпость была заложена,
 распредѣлены всѣ ея части на картахъ и на мѣстѣ, Татищевъ
 писалъ подробное донесеніе, о своихъ распоряженіяхъ от-
 носительно новаго города: «Енотаевская крѣпость, говорилъ
 онъ, не для одного калмыцкаго хана надобна, но и для того
 весьма потребна, чтобъ ѣздяшіе Волгой россияне, на та-
 комъ дальнемъ отъ Чернаго-Яру до Астрахани разстоя-
 ніи, какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, могли имѣть
 пристань и убѣжище отъ непріятельскихъ набѣговъ;
 сверхъ того, будущими въ той крѣпости людьми способнѣе

будеть и рыбнымъ промысламъ близъ оной крѣпости нах щимся защищеніе чинить; а паче во время нужды раз ленные по Волгѣ форпосты въ зимнее время не на пуст мѣстѣ будутъ. Калмыцкаго хана, владѣльцевъ и всѣхъ мыкъ къ поселенію городомъ и слободами весьма приох вать надобно, ибо тогда ихъ удобнѣе будетъ содержать послушаніи, и тамошнія пустыя мѣста оживятся, къ ихъ при другомъ ханѣ, который къ тому охоты не в мѣсть, приводить будетъ не удобно. Надо оную крѣп отъ всѣхъ казенныхъ споровъ освободить. За тѣмъ и слялъ всѣ расходы необходимые при построеніи Енотаеи и указывалъ на источники, которыми можно было покъ эти расходы. Гораздо менѣе принималъ къ сердцу бу ность енотаевского поселенія калмыцкій намѣстникъ: несовсѣмъ довѣрялъ тому, что новая крѣпость стро для блага калмыцкаго народа. Для него гораздо важ былъ вопросъ о рыбныхъ промыслахъ по Волгѣ, из которыхъ велись давніе и долгіе споры между русскими калмыками, о которыхъ включались условія въ договоу записи русскаго правительства съ ханами и намѣстниками 1737 году имъ отведено было, по указу изъ сената, у ное для ловли мѣсто, съ обязательствомъ не приходитъ казенные и откупные промыслы. По прїѣздѣ своемъ Астрахань, Татищевъ занялся и этимъ дѣломъ. Въ ян 1742 года, вмѣстѣ съ Кнутовымъ, Беклемишевымъ и у вителемъ рыбной конторы маіоромъ Соймоновымъ, по со съ Дондукъ-Даши и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ а ханскихъ промышленниковъ, постановилъ довольно по ныя правила о пользованіи рыбными ловлями по Волгѣ, спійскому морю и Яику для калмыковъ, о защитѣ отъ русскихъ промысловъ и о защитѣ ихъ отъ насилій руссک промышленныхъ. Намѣстникъ былъ доволенъ этими

инии. Незадолго до описываемаго здѣсь свиданія они
 были утверждены и государыней. Несмотря на то, калмы-
 ки являлись многолюдствомъ на казенныя и откупныя во-
 дя, соединялись съ ватагами частныхъ владѣльцевъ, пре-
 нущественно астраханскихъ купцовъ, ходили въ морскія
 долины и степные протоки, гдѣ уже были построены
 улоги и забойки, ловили тамъ всякую рыбу неустановлен-
 ными снастями, самоловными удами и переметами, части-
 мыми большими волокушами; такъ что, гдѣ прежде по
 глубинамъ мѣстамъ лавливались бѣлуги матерья въ нема-
 лень числѣ, рыба стала переводиться. Потомъ калмыки не-
 стращивались такимъ запретнымъ ловомъ: выбирая са-
 ния дорогія части рыбнаго улова, они бросали остальное
 и самыхъ учугахъ и промыслахъ; брошенная рыба, преда-
 нная гниенію, заражала воздухъ. Спускаясь по Волгѣ на
 многовесельныхъ лодкахъ, они иногда разоряли казенныя и
 частныя ватаги, чинили смертныя убійства и грабежи. Ко-
 снувшись въ своемъ разговорѣ съ намѣстникомъ этого во-
 проса, Татищевъ говорилъ: «Вы, господинъ намѣстникъ, из-
 волите объявлять, что калмыки изубожѣли, и безъ свобод-
 ного въ рыбную ловлю допущенія поправить и скотъ заве-
 сти невозможно, а безъ скота они въ услуги ея император-
 ского величества негодны, что сущая правда; однакожь здѣ-
 шніе купцы, какъ довольно свѣдомые о состояніи калмыкъ,
 представляютъ, что ихъ ловлю рыбы при нынѣшнемъ поряд-
 къ не поправить и скота не завести для того, что при вата-
 гихъ калмыки хотя въ годъ столько выработываютъ, что
 великіи лошади купить могутъ, токмо не купятъ затѣмъ, что
 вадѣльцы, зайсанги и посланцы ихъ грабятъ немилостиво
 и деньги у нихъ и скотъ отнимаютъ и выманиваютъ, и такъ
 иногда ничего собрать не могутъ. При здѣшнихъ ватагахъ
 калмыкъ въ работахъ можетъ употребиться свободно 1500 и

до 2000 и всякой столько может выработать, что чрезъ года лошадь и скотину купить; и для того вамъ нашъ совѣщаемъ, что на всѣ ватаги опредѣлить добрыхъ надзирателей и велѣть отъ промышленниковъ деньги, прини каждому токмо на крайнюю нужду давать, а затѣмъ, что берется, то велѣть купить скотину, и такъ можете въ какое время всѣхъ со скотомъ сдѣлать; о грабленіяхъ и обманахъ покрѣпче запретить». Дондукъ-Даши отвѣчалъ: «сіе весьма изрядно». Но когда Татищевъ требовалъ и сылки всѣхъ лодокъ калмыцкихъ въ Астрахань, гдѣ на нихъ будутъ положены клеймы, а многовесельныя лодки будутъ изрублены: ибо безъ того воровство не пресѣчется; Дондукъ-Даши просилъ льготъ для калмыковъ. Татищевъ не смѣлъ еще разъ подумать о столь важномъ для всего волжскаго и особенно астраханскаго населенія вопросѣ. Разставаясь съ намѣстникомъ, Татищевъ подарилъ ему ребриную кружку китайской работы, да зрительную английскую трубку, Дондукъ-Даши принялъ подарки, посмотрѣлъ на нихъ и попросилъ въ замѣнъ старинную саблю рубо сто. У Татищева не нашлось такого подарка¹²²).

Съ тѣхъ поръ Дондукъ-Даши не показывался въ Астрахань, не смотря на то, что тамъ жилъ единственный сынъ его Асарай. У этого Асарая былъ свой дворъ, свои займиги, гелюнгъ, служители изъ простыхъ калмыкъ; были и скіе надсмотрщики; иностранный лекарь. Иногда навѣщава его Татищевъ, чрезъ него подавали свои челобитныя имя намѣстника или губернатора убогіе калмыки. Его учили ламайскому закону и калмыцкимъ обычаямъ; для знакомства съ русскимъ бытомъ возили въ городъ и показывали ему все достойное вниманія. Изрѣдка пріѣзжали къ нему сланные отъ отца навѣдаться о его здоровьѣ, и привозили съ собой гостинны калмыцкаго издѣлія. Асарай часто

валъ боленъ, и тогда окружавшіе его калмыки старались лечить домашними средствами, на что лекаръ приносилъ жалобы Татищеву. Послѣдній уговаривалъ усерднаго нѣмца оставить въ покоѣ калмыченка и его знахарей, — и ограничивался только извѣщеніемъ отца о болѣзни сына, потомъ о его выздоровленіи, о его прогулкахъ и занятіяхъ. Такія же донесенія посылались ежемѣсячно ко двору. Дондукъ-Дами, повидимому, не очень заботился объ участи сына; но его безпокоила зависимость Асарая отъ ненавистнаго и строгаго губернатора, нарѣканія отъ другихъ владѣльцевъ, отъ зайсанговъ и простыхъ калмыкъ, что намѣстникъ черезъ чуръ усердствуетъ русскому правительству, отдалъ въ знатны своего единственнаго сына. И дѣйствительно, когда сестра Дондукъ-Дами съ Татищевымъ зашла далѣе, онъ написалъ письмо къ графу А. П. Бестужеву, прося отпустить къ нему Асарая, потому что имѣеть зазрѣніе себѣ отъ постороннихъ людей. Бестужевъ отвѣчалъ: «зазирать могутъ только люди неразумительные, а между тѣмъ въ Астрахани Асарай можетъ узнать русскій языкъ, обыкновенія и обхожденія, неоставляя калмыцкихъ; а вѣдая вашъ умъ и добрыя разсужденія не могу тому повѣрить, чтобъ вы о разлученіи вашего сына могли печалиться, ибо сіе сходственно считать однимъ только матерямъ, а не отцамъ, и не такимъ, какъ я о васъ разумѣю: ибо тотъ сынъ вашъ отъ васъ не въ дальнемъ разстояніи и по случаямъ нерѣдко съ нимъ свидѣніе имѣете. Выжъ вѣдаете, что здѣшніе князья и другія знатныя персоны, которыя, хотя по одному сыну имѣють, да и тѣхъ для наукъ въ дальнія государства посылать не жалѣють; а потому и вамъ, яко другу моему, еще и сіе соображу, чтобъ вы того сына вашего черезъ нѣкоторое малое время здѣсь въ резиденціи подержали, чѣмъ оной можетъ великую милость получить, что впредь для будущихъ слу-

чаевъ особливую ему пользою быть можетъ; да и я того сына могу призирать. Но сіе все на ваше собственное разсужденіе предаю.» Дондукъ-Даши послѣ этого письма разу не напоминалъ объ Асараѣ, будто совсѣмъ забылъ. Зато переписка намѣстника съ Татищевымъ болѣе и болѣе расталась, постоянно наполняясь жалобами. Такъ еще сороги отъ Астрахани онъ писалъ, что русскіе на ватагахъ и дныхъ калмыкъ женъ крестятъ силой и отнимаютъ; у и просто насильничаютъ. Потомъ 4-го мая уведомлялъ «вшедшей осени, передъ прїѣздомъ моимъ изъ Москвы, на одного человѣка дочь одинъ калмыченинъ да татаринъ зорили, отъ чего она и умерла, а нынѣ тотъ калмычъ сысканъ, и я его послалъ къ вамъ для показанія его лица татарина: а тотъ де татаринъ вѣдомства Адиль-мурзы и вы по показаніи онаго калмыченина, татарина сыска судъ надъ нимъ произвести опредѣлите; а калмыченинъ послѣ показанія, приказалъ я привести къ себѣ; а что жъ учинено не по человѣчеству, того для за такую вину и жить жесточайше наказывать. Да и Адиль-мурза самъ томъ участвовалъ, про что знаетъ и вамъ обстоятельно можетъ показать той умершей дѣвки мать, отъ которой давъ, Адиль-мурзу и съ товарищами судить прикажите». Татищевъ отвѣчалъ, что приказалъ въ татарской конторѣ съ обще съ калмыцкимъ бодокчеемъ, немедленно изслѣдовать и виновнымъ упущено не будетъ. Дондукъ-Даши сильно мѣлся требованіемъ Татищева переклеймить малыхъ калмыковъ, а большія даже сжечь; и потому 10 мая онъ послалъ къ Татищеву объясненіе, котораго не рѣшился высказать въ лицо: «прежде сего, чтобъ намъ всякій свой скажетъ клеветать, такого обыкновенія не бывало. Ску наши калмыки въ Царицынѣ, въ Черномъ-Яру, въ Гурьевомъ городѣ, такожъ по Волгѣ, по Дону, въ косахъ, моча

и наморских учугахъ, вездѣ, гдѣ прилучится, всегда лодки покупать, которыми такъ изъ далекнихъ мѣстъ, когда и въ которое время, для клейменія лодокъ въ Астрахань, по такимъ ихъ надобностямъ, оное учинить истинно за невозможность я признаю. Того ради я рассудилъ, чтобъ приличившихся въ воровствѣ отдавать къ вамъ въ тюрьму». Татищевъ отвѣчалъ рѣшительно: «чтобъ у калмыкъ всякій скотъ и скоть клеймить указу я не имѣю, и отъ меня къ вамъ неточію было писано, но и въ бытность вашу здѣсь представленія не было; окромѣ того какъ для пресѣченія воровства у калмыкъ лодки убавить, оставить для одной ихъ нужды, и тѣбѣ лодки заклеить. И для того я совѣтую вамъ, какъ о томъ ея императорскаго величества указъ повелѣваетъ, учинить. А клеймить лодки во всѣхъ городахъ.» Идугъ-Даши не возражалъ на это, но, узнавъ случайно, что въ Астрахани составляютъ исторію походовъ ханши Джамы и ея дѣтей, просилъ прислать къ нему рукопись для просмотра и дополненій. Татищевъ въ свою очередь промолчалъ на это требованіе: онъ отправлялъ въ это время ханшу со всею семьей ея въ Москву. — 21 іюня намѣстникъ прислалъ новую жалобу, что у находящихся по Волгѣ при станахъ калмыкъ, русскіе люди, обыскивая соль и рыбій клей, отбираютъ, а ихъ самихъ бьютъ и увѣчаютъ, а прежде такого обыкновенія не бывало; да требуютъ съ нихъ заводы денегъ, а имена всѣхъ тѣхъ калмыкъ одинъ русскій человекъ переписалъ на листъ. Татищевъ замѣтилъ, что калмыкамъ запрещено продавать соль русскимъ, а рыбій клей про себя готовить дозволено. Нежелая остаться и самъ въ долгу у калмыцкаго намѣстника, онъ прибавилъ и съ своей стороны жалобу: «а ваши калмыки по Волгѣ, не точію по четверемъ, по тремъ, но и по двоимъ весла, совокупясь лодокъ по пяти и по семи, въ многолюдствѣ съ ружьемъ, саадаками

и острогами разѣзжая, на ѣдущихъ по рѣкѣ почтовыхъ солдатъ, казаковъ, рыбаковъ, дровениковъ и на всякихъ проезжающихъ людей воровски нападая, разбой, грабежи и смертныя убійства умножили, и нѣсколькихъ ранили, иныхъ перебили, а кого и до смерти побили; военные же разѣзды за нынѣшнею полою водою и великимъ разливомъ извѣхаты ихъ никакъ не могутъ.»

Всѣ эти взаимныя жалобы были однакожь ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что написалъ Дондукъ-Даши о Татищевѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Прошеніе его на имя императрицы написано было тотчасъ по возвращеніи съ похода на салтануальцевъ, быть можетъ передъ самымъ свиданіемъ съ Татищевымъ въ Астрахани и подано въ Петербургъ зайсангомъ Бордономъ 15 мая. Дондукъ-Даши обвинялъ Татищева чуть не во всѣхъ несчастіяхъ калмыцкаго народа. «При правленіи моемъ калмыцкимъ народомъ, Татищевыя поступки и обычай весьма тяжки являются, писалъ онъ; ибо съ 29 октября 1741 года, по первомъ свиданіи моемъ съ нимъ въ Ахтубинскомъ Селитрянномъ городѣ, до сего времени произошло отъ него слѣдующее;» — и за тѣмъ обвинялъ Татищева въ томъ, что онъ съ перваго же разу позволилъ Джанѣ обмануть себя и не захватилъ ее, вопреки совѣтамъ намѣстника; отдалъ ей грамоту, неслушая его же требованій; допустилъ ханшу бѣжать къ кабардинскимъ князьямъ, а за нею и Бодонга. «Чаялъ я, продолжаетъ въ своей просьбѣ намѣстникъ, что онъ то чинить, яко челоувѣкъ новой, невѣдая обращеній здѣшнихъ народовъ; а когда здѣшнее состояніе будетъ знать, то онъ такіе свои поступки премѣнить.» Но Татищевъ не унимался: опустилъ Тогмутовъ; по возвращеніи Джаны, ея дѣтей и Бодонга къ Астрахани, не задержалъ ихъ всѣхъ въ городѣ и чрезъ то далъ возможность снова бѣжать къ черкесамъ; не чинилъ

конску и не позволялъ переловить богоцохуровскихъ улу-
совъ, бывшихъ за Дондукъ-Омбинными дѣтьми, вопреки тре-
бованію намѣстника; ни въ чемъ не принималъ внушеній
Дондукъ-Даши: «и такъ ежели бы онъ Татищевъ не все на
своемъ мнѣніи утверждался; а принималъ бы притомъ и
другихъ совѣты; тобъ дѣла наши до сего времени съ каж-
догоднымъ убыткомъ продолжаться не могли, но давнѣе
окончаніе свое получили и мыбъ жили съ покоемъ.» Вино-
вать былъ Татищевъ даже въ тѣхъ потеряхъ скотомъ и
сларбомъ, которыя понесли калмыки во время своихъ меж-
доусобій. «И я вышеозначенныхъ его Татищева безъ моего
совѣта, но по своей волѣ, чинимыхъ дѣлахъ кратко описалъ
въ ту шѣру, говоритъ намѣстникъ, что указомъ вашего ве-
лчества повѣлено ему Татищеву въ калмыцкихъ дѣлахъ
поступать съ моего совѣта, и чтобъ тѣ его собственные по-
ступки не причтены были къ моему съ нимъ совѣту.» На-
воонецъ Дондукъ-Даши заявляетъ въ своей челобитной край-
нее неудовольствіе на то, что Татищевъ производитъ судъ
необыкновеннымъ образомъ: «когда людей нашихъ явно
убьютъ до смерти, и тѣхъ убійцъ, поймавъ, къ нему приве-
дутъ; то онъ мѣсяца два и три волочить, и приказываетъ
сидать, общая то дѣло рѣшить, но такъ безъ рѣшенія
и оставить; и хотя я съ представленіемъ о семъ и для иску
посылалъ отъ себя къ нему трехъ монхъ зайсанговъ, но
и по тому ничего не чинить, только словами обнадеживаетъ,
что рѣшеніе будетъ.» Мало того, Дондукъ-Даши казалось,
что Татищевъ дѣлалъ много такого, чего прежде и въ обы-
чай не было. Сюда намѣстникъ относилъ взиманіе пошлинъ
съ продажи калмыками на астраханскомъ базарѣ рыбы, съ
покупокъ или овецъ у киргизъ, пріѣзжающихъ въ Астрахань.
Герасдо страннѣе было обвиненіе въ томъ, что Татищевъ
во выкуналъ на казенныя деньги у крымскихъ и кубанскихъ

татаръ проданныхъ имъ владѣльцами калмыковъ, и былъ ему о томъ указъ, да и намѣстникъ далъ за другихъ нойоновъ заемное письмо на три года въ тѣхъ гахъ; побужденіемъ къ такому поступку Дондукъ Дап ставлялъ то, что Татищевъ взялъ съ татаръ въ подарокъ калмыкъ. И кромѣ того, сказано въ челобитной, «чуждые люди, живучи въ Астрахани, нашихъ людей крадутъ собой увозять, о чемъ я къ нему Татищеву писалъ, которъ томъ и разсмотрѣніе учинить обѣщалъ; но учинилъ-я о томъ мнѣ не сообщилъ.» Далѣе шло обвиненіе въ что Татищевъ, вопреки указу, запрещавшему продавать сіанамъ, черкесамъ, калмыкамъ и кубанцамъ лошадей, верблюдовъ, дозволилъ татарину Юсуфу Муллаѣ отвеситъ самое войско персидскаго шаха 900 лошадей, которыя были проданы по страшно дорогой цѣнѣ, между тѣмъ калмыки не были до того допущены: «и буде онъ Татищевъ говорилъ въ заключеніе всего намѣстникъ, и впредь такимъ образомъ будетъ поступать, то я изъ его мнѣ объявлю уже не могу разобрать, что подлинно будетъ указъ величества, и что собственное его мнѣніе; ибо онъ вѣкъ самоуправный и поступаетъ по своему произволу и для того по указу вашего величества порученныя мнѣ на общее съ нимъ управлять весьма трудно; къ тому онъ за тяжкимъ его нравомъ калмыцкому народу явленъ неполезенъ.» А черезъ двѣ недѣли явился новый писецъ отъ Дондукъ-Даши въ Петербургъ съ жалобой, что Татищевъ и Оболенскій не дозволили калмыкамъ раззорити танаульцевъ, хотя прежде и говорили о томъ; особеннымъ билемъ намѣстникъ на Оболенскаго за то, что онъ смотритъ на Дондукъ-Даши, какъ на своего подкоманднаго и не палъ по своей волѣ. Оба раза вмѣстѣ съ оффиціальными челобитными, намѣстникъ посылалъ письма совѣтны

каллегіи иностранныхъ дѣлъ, Ив. Ив. Топильскому и Петру Вас. Курбатову, прося ихъ приложить свое стараніе о его дѣлахъ. Всѣ эти сношенія Дондукъ-Даши съ Петербургомъ тянулись до половины іюля; переписка его съ Татищевымъ была приостановлена въ это время. Къ тому же въ продолженіе всего лѣта намѣстникъ занятъ былъ мыслию о походѣ противу киргизъ-кайсаковъ, которые нарушили свое обѣщаніе хранить миръ на дѣсять лѣтъ и сдѣлали нѣсколько набѣговъ изъ-за Яика на калмыцкіе улусы. Татищевъ пошелъ калмыкамъ, выславъ на луговую сторону Волги нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, но въ августѣ Дондукъ-Даши рѣшился мстить своимъ сосѣдямъ. Потомъ сталъ переписываться съ крымскимъ ханомъ и кубанскимъ сераскиромъ и вынудилъ Бодонга и плѣнныхъ калмыкъ, отсылая поутраченные оттуда отвѣты къ Татищеву для перевода на русскій языкъ и сообщенія въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Въ сентябрѣ переписка намѣстника и губернатора возобновилась. Дондукъ-Даши жаловался, что «за Краснымъ-Яремъ, въ которыхъ поляхъ при Аюкѣ ханѣ калмыки сѣяли арбузы, нынѣ, де красноярскіе обыватели не допускаютъ ихъ до того». Въ этому присоединилъ прежнюю жалобу свою на продолжительность суда между русскими и калмыками. Татищевъ, болѣе всего стоявшій за достоинство своего суда, успѣшилъ объяснить своему обвинителю, что медленность суда зависитъ отъ его же бодокчеевъ, которые не смѣютъ ставить къ допросамъ своихъ калмыкъ, ссылаясь на медленность ихъ кочевьевъ; а если случится дѣло объ убійствѣ, то стараются сами помирить обиженную сторону съ преступниками, помимо вѣдома Татищева; приводилъ въ доказательство того мировую запись въ 20 рубляхъ между нимъ и работникомъ астраханскаго купца Тихона Лошкарева, убившимъ одного калмыка. Между тѣмъ возникло дѣло

по поводу убійства русскими рыбными ловцами трехъ мыкъ, ѣхавшихъ въ Енотаевскъ съ медвѣдемъ намѣстнику Бодончей и тутъ долго не представляли всѣхъ, необходимыхъ для рѣшенія тяжбы, подробныхъ доказательствъ. Ловцы сидѣли подѣ карауломъ; енотаевскій комендантъ жаловался на то Татищеву. Доказательства на то все не были представлены. Обвиняемыхъ трижды разыскивали кнутомъ и сгнемъ; пытаемые объясняли дѣло такъ: они на сѣнокосѣ въ шестеромъ, и въ это время прикочевали къ нимъ калмыки въ 30 кибиткахъ, напустили скотъ на скошенную траву и та поѣла много сѣна; русскіе приказали калмыковъ отогнать скотъ, но послѣдніе вмѣсто того свистали и били, а на другой день, оставя при своей скотинѣ кибитку съ людьми, отошли; тогда сѣнокосчики, выйдя изъ пути, захватили изъ той скотины двухъ козъ съ тѣмъ, чтобы калмыки заплатили имъ за поправу сѣна; изъ кибитки выскочили два калмыка и калмычка съ собаками въ рукахъ и стали бить сѣнокосчиковъ, которыми щипаясь палками, а не другимъ какимъ оружіемъ, убили; а кто именно убилъ, того точно не знаютъ; медвѣдника никакого не видали, а прочіе бывшіе въ той дракѣ разбѣжались и пропали безвѣстно. Убійцъ, вырвавъ изъ нихъ поздри, сослали навсегда въ селитренную работу. Бодончевъ уведомилъ Дондукъ-Даши, что такое наказаніе больше не выслушатъ. Намѣстникъ не довольствовался тѣмъ: ему не нужно было смерти обвиняемыхъ; онъ разчитывалъ получить деньги за убитыхъ, за cadaго по 50 рублей. Татищевъ писалъ ему, что по русскимъ законамъ за убійство деньгами не платятъ, но казнятъ смертію, если кто дѣйствительно виноватъ въ томъ явится: «Что же, якобы многія дѣла, по указамъ намѣстника сообщеніямъ, нерѣшены чрезъ долгое время, то можетъ быть и правда; точію умедленіе происходитъ»

калмыковъ, что по требованію неоднократно нужныхъ
 къ доказательству или обличенію людей не присылаютъ
 и за тѣмъ дѣлъ рѣшить не можно; а тайный совѣтникъ мо-
 жетъ похвалиться, что прежде его давно столько калмыц-
 ныхъ дѣлъ не было рѣшено, сколько рѣшено при немъ. На-
 мѣстникъ и самъ довольно знаетъ, что онъ Татищевъ ни-
 когда не допускаетъ обидѣть калмыкъ; когда и малая жалоба
 пишется, жестоко обидящихъ не наказываетъ, чего прежде
 его не бывало». Дондукъ-Даши отвѣчалъ жалобой, что тай-
 ный совѣтникъ калмыцкаго уложенія не сочиняетъ, а безъ
 него въ разобраніи дѣлъ происходитъ остановка. Татищевъ
 возражалъ, что самъ намѣстникъ тому виной, до сихъ поръ
 не сообщалъ выписокъ, какіе изъ пунктовъ въ ихъ уложе-
 ніи отбѣнены, какіе вновь узаконены. Дондукъ-Даши оправ-
 дывался тѣмъ, что калмыцкое уложеніе въ междоусобную
 ссору утрачено, а еслибъ старинный уставъ весь былъ
 дѣлъ, то непременно прислалъ бы его. Татищевъ писалъ:
 сколько есть пунктовъ прислалъ бы, или бы спросилъ ста-
 ршихъ людей; могутъ они о томъ на память сказать, и, на-
 писавъ, все бы ко мнѣ прислалъ. Въстѣ съ этимъ пись-
 момъ Татищевъ отправилъ къ намѣстнику, такъ часто на-
 мѣстнику своимъ безосновательными жалобами, экстрактъ
 въ книгу судной палаты за цѣлый годъ, какіе отъ калмы-
 ковъ русскимъ людямъ учинены были разбои, грабительства
 и смертоубійства, и какія рѣшенія послѣдовали на эти дѣ-
 ла. Дондукъ-Даши испугался такой улики, и отвѣчалъ Та-
 тищеву длиннымъ письмомъ, въ которомъ, изобразивъ пе-
 чальное состояніе калмыцкаго народа, благодарилъ своего
 противника за его дѣятельность, добрый порядокъ, вниманіе
 къ калмыкамъ, желалъ, чтобъ и впредь такъ шли дѣла, на-
 мѣнающія ему лучшее время калмыцкаго народа, время
 Аши хана. «А требуютъ вы, говорилъ онъ въ заключеніе

своего письма, чтобъ уложеніе и почему у насъ судъ нынѣ происходитъ написавъ къ вамъ прислать; и мы нынѣ судимъ по нижеслѣдующему: ежели что явное, то потому такъ и рѣшимъ, а буде же что неявное, то смотря по свидѣтельству; ежели хорошій свидѣтель, то по его словамъ, а будетъ незнатной свидѣтель, то смотря по дѣлу рѣшимъ присягами. Полное наше уложеніе во время междоусобія нашего утрачено; однакожь оставшееся отъ него буду отыскивать, и какъ отыщу, то до васъ пришлю; а половина того уложенія имѣлась у assessора Василія Бакунина, котораго полнѣе и у насъ сыскать не уповаю». Въ слѣдующемъ письмѣ предлагалъ рѣшить всѣ дѣла по законамъ Петра Великаго, не слушать злыхъ смутителей, обличать ихъ и наказывать: и особливожь, какъ вамъ ханскимъ намѣстникомъ, такъ и мнѣ астраханскимъ губернаторомъ учиниться невозможно; того ради какъ для интереса ея императорскаго величества, такъ и для собственной нашей пользы, конечно я признаю, что лучше намъ жить въ совѣтѣ и дружбѣ. Дондукъ-Даши явно шелъ на мировую; Татищевъ очень былъ не прочь отъ нея: но двѣ власти, взаимныя отношенія которыхъ не были строго опредѣлены, при непостоянномъ характерѣ калмыка, и при строгомъ пониманіи своего дѣла со стороны русскаго губернатора, неизбежно должны были сталкиваться между собой. Надо было или переименить кѣловой языкъ Татищева на угрожающій, вмѣсто убѣжденія дѣйствовать страхомъ; или рѣшиться заранѣе на всевозможныя уступки. Татищевъ неспособенъ былъ на послѣднее средство; средняго же пути онъ ни въ чемъ не зналъ. Просить увольненія отъ калмыцкихъ дѣлъ въ третій или четвертый разъ было противно тому правялу, которое далъ ему отецъ, отпуская на службу: ни отъ чего не отрекаться и ни на что не напрашиваться. Петербургскіе правители, по-

людиному, не раздѣляли мнѣнія Татищева о необходимости строгаго управленія Низовымъ краемъ, и каждый разъ, когда дѣло касалось щекотливыхъ вопросовъ, писали ему: «вы, яко главный командиръ въ тамошнемъ краѣ, имѣете представлять имъ о томъ дѣлѣ въ разговорахъ, якобы отъ себя, а не отъ имени ея императорскаго величества, и вообще поступать по тамошнимъ обстоятельствамъ и вашему разумѣнію». Но отвѣтственность за такое разумѣніе, конечно, падала на одного Татищева и, въ случаѣ жалобы намѣстника на распоряженія губернатора, Петербургъ или отступался отъ него, или выражался кратко: «и тотъ вашъ поступокъ здѣсь весьма не апробуется». Оставалось ждать обстоятельствъ, которыя бы избавили отъ столь двусмысленныхъ обязанностей. Татищевъ такъ и сдѣлалъ.

Споры продолжались и въ 1774 году: то русскіе окрестить калмыкъ, будто бы нежелавшихъ того; то Татищевъ запретить владѣльцамъ продавать подлой народъ, рабовъ и рабынь въ черкесы и Кубань; то поссорятся владѣльцы между собою и поѣдутъ разбираться въ Астрахань, а не къ намѣстнику; то донскіе казаки разграбятъ калмыцкую ватагу; то калмыки сдѣлаютъ нападеніе на проѣзжающихъ русскихъ. За все это сильно доставалось Татищеву отъ намѣстника. Сперва поссорился владѣлецъ Тукчи съ женой своей Эсенею за намѣреніе ея бѣжать въ Джунгарію, когда мужъ взялъ себѣ еще другую жену, дочь Черенъ-Дондука, падчерицу Дондукъ-Даши. На этотъ разъ намѣстникъ самъ просилъ суда надъ Эсенею. Но открылось, что владѣльчичка просто хотѣла уйти въ русскій городъ и принять тамъ крещеніе. Дондукъ-Даши, узнавъ о томъ, писалъ Татищеву, что въ сердцѣ Эсени вселился дьяволъ; но тутъ же прибавлялъ сознаніе: «и вы извольте повѣрить, что Тукчи и гулусъ его съ Эсенею вмѣстѣ жить не могутъ; ибо Тукчи

и напредъ сего, за склонностію моею къ Эсени едва жить могъ. А когда нынѣ оной Эсени такое дьявольское намѣреніе открылось, то я къ поправленію того никакого способа изыскать не могу». Тучки на всѣ вопросы Татищева отвѣчалъ: «по нашему калмыцкому обыкновенію, кто кому нравенъ, того и беретъ, а кто не нравенъ, отпущаетъ; и нынѣ сомной, что хочешь, то и чини». Татищевъ, за незнаніемъ калмыцкихъ церковныхъ законовъ, не хотѣлъ судить Тучки. Правительство также нашло, что продолжать розыскъ такого дѣла несомвѣстно съ пользою калмыцкаго народа.—Потомъ случилась болѣе непріятная исторія. Одинъ изъ владѣльцевъ, кочевавшихъ ближе къ Дону, донесъ, что казаки нижегородской станицы, въ числѣ 18 человекъ, разломали деревянную мечеть и взяли изъ нея 150,000 бурхановъ, денегъ положенныхъ по обѣщаніямъ 134 руб. 50 коп.; одну жемчужину, десять корольковъ, три хорошихъ шапки; а ту мечеть дѣлали 300 человекъ 45 дней, которымъ за работу и на прокормленіе было дано не малое число денегъ. Начался розыскъ. По осмотрѣ капища на мѣстѣ оказалось, что оно величиною въ стѣнахъ обѣихъ не болѣе одной сажени съ половиною, а бурханы глиняные и понынѣ на томъ мѣстѣ лежатъ, но многіе отъ дождя уже и развалились. Отискался и оскорбитель калмыцкой святыни; то былъ казакъ Никита Братчиковъ. На допросѣ онъ показалъ, что ѣздилъ одинъ для звѣриной ловли въ январѣ и наѣхалъ на это мольбище: «островерховато, безъ дверей, съ четырьмя окнами и около него по сторонамъ и стѣнамъ повѣшено было на ниткахъ бараньихъ кожъ, доскутьевъ всякихъ и вертушекъ деревянныхъ немалое число, на которыхъ было ихъ калмыцкими письменами на всякой незнаемо что написано, а въ срединѣ ея въ окнахъ наметано было глиняныхъ бурхановъ треть мечети, такожъ щипанныя отъ старого

платья лоскутки малые, и лошадиные, и верблюжьи, и коровьи изъ гривъ и хвостовъ волосы. А увезъ онъ къ себѣ въ станицу одно только строеніе того мольбища, потому что стояло тогда оно въ степи въ забросѣ, безъ всякаго присмотра, и могло сгорѣть отъ лѣтнихъ степныхъ пожаровъ. А денегъ и другаго чего не только не бралъ, но и не видалъ; а бурханы глиняные и протчая гнусность всѣ остались на томъ мѣстѣ, гдѣ то ихъ капище было. Но челобитчики утверждали, что при постройкѣ капища вышло на рабочихъ: 4500 рублей, 90 коровъ, 180 овецъ, 225 пузырей масла, 225 мѣшковъ ржаной муки, чихирю 4500 бурдюковъ. Старшина станицы писалъ Татищеву, что въ жалобѣ калмыкъ правдѣ быть не чаеть, что у казака нашли только дерево, что стало все одна затѣйка. Казака присудили къ казанию въ войсковомъ кругу за продерзностное поведеніе. Некалмыки отомстили посвоему: при удобномъ случаѣ напали въ степи на казаковъ пятиизбенской станицы, нѣкоторыхъ убили, нѣкоторыхъ пограбили.

Въ астраханской судной палатѣ продолжали сталкиваться калмыцкія понятія съ русскими. Такъ однажды всѣ члены губернской канцеляріи, заисключеніемъ больного Татищева, явились въ застѣнокъ и хотѣли приступить къ пыткѣ одной калмычки, у которой нашли чепецъ, принадлежавшій женѣ русскаго сенцера, погибшей отъ воровскихъ калмыкъ во время маршеденія ихъ на казенный обозъ подъ Астраханью. Зайсангъ намѣстника, который былъ членомъ судной избы, Бордонъ, видя обычныя приготовленія къ розыску, вышелъ изъговора ни слова; но, послѣ долгаго званія, вернулся и объявилъ, что ту женку пытать не надлежитъ, что она кумыла на базарѣ у русскихъ и еще другія платья, а у кого именно указать не можетъ. Присутствующіе говорили, что въ указанъ надо покупать на базарѣ съ порукою и зани-

свою. Бодонъ сказалъ, что того не знаетъ, но все-таки со-
вѣтуетъ на этотъ разъ спросить намѣстника. Впрочемъ,
если по русскимъ законамъ должно пытатъ ее, то пусть
пытають, а онъ не будетъ при томъ. Присутствующіе не рѣ-
шились пытатъ и, оставивъ застѣнокъ, пошли объявить
о томъ губернатору. Татишевъ отписалъ обо всемъ въ Пе-
тербургъ. Непотакая русскимъ, онъ не могъ щадить и кал-
мыкъ; но тогда же по жалобѣ Дондукъ-Даши, разжаловалъ въ
рядовые одного капрала за неправильное донесеніе на кал-
мыкъ.

Все клонилось однако къ тому, чтобъ произошелъ окон-
чательный разрывъ между губернаторомъ и намѣстникомъ.
Вернулся съ Кубани Бодонъ, другіе владѣльцы, узнавъ о
ссорѣ Дондукъ-Даши съ Татишевымъ, стали приносить на
перваго свои жалобы, которыя до тѣхъ поръ скрывали, осо-
бенно мучилъ Галданъ-Норба; наконецъ 24 іюля, Асарай
заболѣлъ горячкою, сталъ лѣчить его морской гошпиталь-
ный лѣкарь Конъ, но 15 авг. сынъ Дондукъ-Даши умеръ: «в
ему въ болѣзни отъ духовныхъ дано было имя Убуши.» Скоро
стали ходить между калмыками слухи, что вмѣсто Асарая
возмутъ или самого Дондукъ-Даши, или Бодонга: слухи эти
передавались и на астраханскомъ базарѣ, и въ калмыцкихъ
улусахъ, и на волжскихъ учугахъ, и на морскихъ ильменяхъ.
Дондукъ-Даши выходилъ изъ себя и подозрѣвалъ въ Тати-
щевѣ злые замыслы. Черезъ подполковника Спицына, неза-
долго передъ тѣмъ приставленнаго къ нему съ двусмыслен-
ною обязанностію наблюдать за его дѣйствіями и доносить
о перепискѣ съ нимъ Татищева, намѣстникъ сталъ пересы-
лать въ Петербургъ свои жалобы. Въ ноябрѣ получена была
его челобитная: «мнѣ уже явно открылось, что Татишевъ,
самыхъ злыхъ людей принявъ къ себѣ въ согласіе, казни
мнѣ, такъ и подданнымъ вашего величества калмыкамъ

ищетъ учинить вредъ; того ради всеподданнѣйше и всепокорнѣйше прошу: 1) повелѣть помянутаго Татищева отъ насъ отрѣшнить, а вмѣсто его для управленія астраханской губерніей и калмыцкаго народа дѣль опредѣлить другаго человѣка. 2) Татищевъ всежѣрно на меня имѣетъ злобу, и для того я видѣться съ нимъ и пищи его ѣсть и питья нить не могу и хотя признаваю, что онъ по высочайшей вашего императорскаго величества ко мнѣ милости, явнаго вреда учинить мнѣ не можетъ, точію учинить того тайнымъ образомъ не оставитъ; и для того я отъ пищи и питія его нѣмъ подозрѣніе и опасеніе; и такъ будучи мнѣ съ нимъ съ Татищевымъ вмѣстѣ, дѣла отправлять весьма трудно. 3) И понеже я о склонности его ко взяткамъ извѣстенъ, и, вѣдаю, что онъ для того всякія дѣла чинитъ, интересамъ вашего величества противныя; и для того невытерпя онаго, вашему величеству о томъ доносилъ, по сему онъ и злобу на меня возымѣлъ; а ежели бы и я ко взяткамъ имѣлъ съ нимъ соглядисію, то бы онъ мнѣ непременно былъ пріятель.» Тоже самое повторилъ Дондукъ-Даши и въ своемъ письмѣ къ Бестужеву, прибавивъ другія болѣе мелкія обвиненія на Татищева, приписывая всѣ свои неудачи лживому, поносительному и тайному образу дѣйствій его: сюда относилъ между прочимъ и то, что астраханскіе татары, бухарцы и русскіе перестали калмыкамъ давать въ долгъ хлѣба и ссужать въ заемъ деньгами, что послы его къ далай-ламѣ не были пропущены китайскимъ правительствомъ. Между тѣмъ Татищевъ донесъ въ Петербургъ, что Дондукъ-Даши очень склоненъ къ персидскому шаху, воевавшему тогда Кавказъ: донесеніе свое основывалъ на показаніяхъ владѣльца Гаданъ-Шорба и нѣсколькихъ зайсанговъ. Незадолго передъ тѣмъ намѣстникъ просился за болѣзнію къ горячимъ ключамъ визларскихъ. Это внушило въ Петербургъ сильное подозрѣніе на-

счетъ намѣреній Дондукъ-Даши. Спицыну велѣно было: «никакихъ постраховъ намѣстнику не подавать, и по пристойности онаго ласкать, наипаче же отъ ссоръ съ нимъ во всякой возможности уклоняться, а впрочемъ поступки его искуснымъ образомъ наблюдать.» Спицынъ въ отвѣтъ на это, сперва донесъ, что за Дондукъ-Даши никакихъ противныхъ намѣреній не усматриваетъ; а послѣ и самъ сталъ подозрѣвать его въ намѣреніи бѣжать къ шаху. Самъ Татищевъ откровенно писалъ въ Петербургъ о своихъ отношеніяхъ къ намѣстнику: «хотя я ни малѣйшаго повода къ озлобленію ему ни письмомъ, ни словесно не показываю, но поступаю, яко надлежитъ, ласково и въ чемъ потребно, по прошенію его, довольство чиню; но онъ, непринимая момъ всѣ къ нему благосклонности, какъ изъ писемъ его видно, безвинно меня бранить и къ начинанію ссоры всячески прискиваетъ и напрасныя жалобы приносить, дабы меня чѣмъ ни есть повредить, а иногда привлекаетъ меня въ дѣла, весьма до меня непринлежащія (слѣдуетъ указаніе на нѣкоторыя ссоры Дондукъ-Даши съ владѣльцами и послѣднихъ между собою). Хотя я удаляюсь ссоры, ни малаго вида къ озлобленію не подаю, но оной чаятельно, если особливимъ указомъ ему воспрещено не будетъ, того прискивать никакъ не оставитъ, и что съ нимъ чинить не знаю.» Въ Петербургѣ не думали ни о смѣнѣ намѣстника, что было довольно трудно; ни объ увольненіи Татищева, что было очень нетрудно.

А оставаясь на должности, Татищевъ, вѣрный своему образу мыслей и дѣйствій, продолжалъ поступать по прежнему. Незная, что чинить съ намѣстникомъ, онъ не хотѣлъ упустить ни одного поступка его безъ порицанія, если считалъ этотъ поступокъ вреднымъ для всего калмыцкаго народа. Прежніе споры по поводу суда и уложенія обратились въ перебранку. Послѣ одного изъ преслѣдованій грабившихъ

но Волгѣ калмыкъ, Дондукъ-Даши написалъ Татищеву: «сіе все напрасно вы затѣваете.» Татищевъ отвѣчалъ: «что я писалъ къ вамъ о многихъ калмыцкихъ воровствахъ, а вы признавая якобы я оныя на калмыкъ затѣваю, симъ изволите бранить меня напрасно, что вамъ чести неприлично.» Потомъ зайсангъ Бордонъ зашелъ къ Татищеву и отъ имени намѣстника сказалъ ему: напрасно-де вы слушаете злыхъ людей. Татищевъ отвѣчалъ: «не одни злые люди причиною нашей ссоры, но и разбои калмыцкіе, которые происходятъ отъ небреженія скотоводствомъ, отъ желанія перейти къ рыбнымъ промысламъ. На замѣчаніе Бордона, что калмыцкое скотоводство упало вслѣдствіе междоусобій, частыхъ падежей и еще болѣе частыхъ молебныхъ пѣній во время несчастій, Татищевъ говорилъ: «мнѣ до вашего закона и молитвъ дѣла нѣтъ. Однакожь, какъ слышу отъ многихъ знатныхъ и умныхъ калмыкъ въ разговорахъ, что отъ сихъ молитвъ великое калмыцкому народу разореніе чинится; слышу, что за поминованіе намѣстникова сына духовнымъ калмыкамъ роздано съ 9000 рублей, а всѣхъ со вступленія намѣстника болѣе 30000, которое сбпрается съ народа и дается имъ духовнымъ, что видя другіе калмыки, хотя не знаютъ закона, но для великаго подаенія всѣ тщатся духовной на себя чинъ принять, которыхъ уже умножилось близко 40,000, а къ нужному случаю военнаго народа едва 20,000 собраться можетъ. И когда тѣмъ духовнымъ кто добродотно не подаетъ, въ неволю скотъ и другое отнимаютъ; и хотябъ тѣ рыболовные калмыки каждый болѣе 20 рублей промыслить и скотинубъ завѣсть могъ, токмо за помянутою величию на молебны податю никто скота имѣть не хочетъ и скудные калмыки себя никакъ поправить не могутъ. И для того вамъ зайсангамъ въ пользу калмыцкаго народа должнобъ разсудя, что изъ того великой вредъ, намѣстнику представ-

лять; особливо большой вредъ въ томъ состоитъ, что ваши манжики женъ не имѣютъ, то и дѣтей отъ нихъ не деть: слѣдственно отъ размноженія ихъ калмыцкому на умаляться и худѣть нужно.» Бордонъ отвѣчалъ: «все то п да; прежде дача духовнымъ была побольше, а почти все (спору, теперъ же непрочно, а отъ чего и сами не знаи прежде нельзя было получить духовнаго чину безъ влад ческаго позволенія, а теперъ ихъ такъ умножилось, что санги давно уже между собой поговариваютъ. Подобные говоры только раздражали калмыкъ: проповѣдь Тати падала на неблагогодарную почву. Бордонъ, разумѣется, говаривался о своихъ бесѣдахъ съ Татишевымъ. Донд Даши придирался зато къ Татишеву во всѣхъ мелоч зачѣмъ выпустилъ изъ тюрьмы нѣсколькихъ калмыкъ за чѣмъ такого-то калмыка отпустилъ безъ наказанія за чѣмъ въ обоихъ случаяхъ не снесся предварительч нимъ? Татишевъ отвѣчалъ: «остается мнѣ приличившихс шихъ воровъ при себѣ наказывать; а выпускалъ нѣктор во время болѣзни Асарая, по его просьбѣ, какъ и вы о бодили тогда нѣкоторыхъ отъ смертной казни». Дондукъ-Д требовалъ въ доказательство письма за рукою сына, гов что бывше при немъ люди называютъ показаніе Тати неправдой. Татишевъ отвѣчалъ: «съ малолѣтнаго реб просить письма не разсудилъ, тѣмъ болѣе, что вы т могли бы назвать письмо подложнымъ. Сами извольте судить, ежелибъ его прошенія о томъ не было, для чег мнѣ освободать; а ежелибъ то не правда, пристойн такого малаго ребенка клепать: однакожь предаю вамъ разсужденіе, хотя повѣрите или неповѣрите.» Разсержен придиричивостію и подозрительностію намѣстника, онъ и же прибавилъ: «о правахъ вамъ объявляю, — хотя я сочиняю, но тщетно законы писать, ежели ихъ не

итъ, какъ и нынѣ по многимъ дѣламъ требуютъ отъ васъ
 милыя, а вы не присылаете; а затѣмъ въ дѣлахъ остановка
 чинится и я всякія дѣла по правамъ государственнымъ сужу,
 а не такъ какъ вы изволите толковать, яко бы по бросанію
 мѣстѣ, на чемъ вскроется.» Дондукъ-Даши отвѣчалъ на это
 длиннымъ браннымъ письмомъ, гдѣ безпрестанно повторя-
 лись выраженія: «все то ложь;—сами вы продолжили сочи-
 ніе уложенія; — на меня какое-нибудь возмущеніе под-
 нигнуть домогаетесь; — ложно ссылаетесь на продолжитель-
 ную болѣзнь; — вы мнѣ недоброжелательны; — и молчать
 стою не буду.» Татищевъ переслалъ это письмо въ Петер-
 бургъ и прекратилъ переписку съ намѣстникомъ. Въ доне-
 сеніи коллегіи прибавилъ, что Бордонъ сообщилъ ему, будто
 Дондукъ-Даши наносится на оскорбленіе со стороны Тати-
 щева, а потому и пишетъ такія непригожія слова. Въ-
 сѣтъ съ тѣмъ просилъ себѣ увольненія отъ службы. Намѣст-
 никъ, узнавъ о томъ, хотѣлъ бѣжать на Кубань. Бодонгъ,
 пользовавшійся случаемъ, взволновалъ нѣкоторые улусы,
 которые и поочевали къ Кумѣ. Татищевъ двинулъ войска,
 которые остановили бѣжавшихъ; за тѣмъ обо всемъ донесъ
 въ коллегію и еще разъ просилъ себѣ отставки. Изъ Пе-
 тербурга пришелъ приказъ Спицыну разобрать ссору Тати-
 щева съ намѣстникомъ. Спицынъ открылъ виновныхъ, кото-
 рые будто бы старались поссорить ихъ; между ними былъ
 казалецъ Галданъ-Норба, питавшій страшную злобу къ
 Дондукъ-Даши за разныя оскорбленія; его сперва допросили
 въ ставкѣ намѣстника, потомъ отправили въ Петербургъ,
 гдѣ онъ былъ высѣченъ плетью въ присутствіи коллегіи
 иностранныхъ дѣлъ и послѣ сосланъ въ дальній городъ.
 Далѣ въ числѣ преступниковъ оказалась злостная змія
 Дана съ ея дѣтьми; ихъ также взяли въ Петербургъ и
 такъ окрестили: сама ханша названа была Вѣрою, сыновья—

Петромъ, Алексѣемъ, Іоною, Филиппомъ, дочери—Наде и Любовью. Имъ дали фамилію князей Дондуковыхъ. Кни подаренъ былъ въ Москвѣ домъ, конюшканный у Квасникова; а впоследствии пожалованы деревни и Сыновья помѣщены въ кадетскій корпусъ. Княжна Ля вскорѣ умерла; на Надеждѣ женился новокрещенный мыкъ, князь Иванъ Дербетевъ. Бодонгъ былъ арестованъ и отданъ намѣстнику; онъ повинился, что взволновалъ сы слухами: «якобы у калмыгъ велѣно дѣтей обир крестить, а дѣвогъ отдавать за солдатъ.» Старуха Дарма также повинилась, что хотѣлось ей сдѣлаться главой для того подсылала она къ Татищеву своего зайсани немалымъ мѣшкомъ денегъ, да малолѣтней дѣвочкой в дарокъ; но онъ, тайный совѣтникъ, сказалъ: «я ст ей ханшѣ не заслужилъ и принять не для чего.» — Д смутители: астраханскій татаринъ Касай—мурза Урусотабунный голова мурза Булатовъ, были наказаны тѣмъ Татищевъ уволенъ отъ калмыцкой комиссіи; на его назначенъ туда генералъ-маіоръ Еропкинъ, несмотря усиленные отказы съ его стороны ¹²⁴).

Такъ совершилось усмиреніе калмыцкаго народа, на Татищевымъ и конченное распоряженіями канцлера Бжева. Дондукъ-Даши избавился отъ строгаго блюстителя коновъ, добился уничтоженія враждебныхъ ему владѣній; русское дворянство наполнилось новыми аристократическими фамиліями, а укрестьянъ явились новые помѣщики съ прозвищами, напоминавшими Азію. Самыхъ калмыковъ во всѣ эти междуусобія много поубавилось. Но они и теперь оставали быть все такими же ворами и грабителями, и во времена знаменитаго хана Аюки. Низовый край и въ нихъ неблагоударное населеніе, постоянно волновалъ непривычное къ осѣдлому быту, нехотѣвшее совер-

отделиться от кочевыхъ народовъ. Попытки Татищева вве-
 сти къ нимъ порядокъ не удались. При первой тревогѣ, не-
 щадно до-путачевского бунта, именно въ 1774 году, почти
 весь калмыцкій народъ, жившій по Волгѣ, вспомнилъ о
 нѣмъ ойратовъ, память о которой хранилась въ его предани-
 яхъ, инокочевалъ за Янгъ подъ начальствомъ сына Дон-
 дукъ-Даши, — Убуши, названнаго такъ въ память Асарая.
 Они же ожидали въ Азіи страшныя бѣдствія и власть Китая.
 Русскіе долго гнались за ними въ глубь киргизскихъ степей,
 истребили много людей и скота, павшихъ отъ голода; этотъ пла-
 чущій походъ оставилъ по себѣ нѣсколько грустныхъ стра-
 нныхъ въ запискахъ Петра Рычкова. Скоро дикарей смѣнили
 французскіе выходцы и русскіе переселенцы изъ внутреннихъ
 губерній: съ тѣхъ поръ Низовый край во многомъ измѣнился.
 Прочтите рассказы путешественниковъ, бывшихъ за сто лѣтъ
 назадъ на Волгѣ и сравните ихъ съ современными описани-
 ями, мы, пожалуй, поѣзжайте сами видѣть Низовье: и вы
 увидите сколько развитія и жизни принесли съ собой на
 эту славянское и германское племена, въ воспоминаніяхъ
 которыхъ имена Аюки, Дондукъ-Омбо, Дондукъ-Даши давно
 забыты; память о Татищевѣ также исчезла. И только въ ар-
 хивахъ мы скрываемся переписка намѣстника съ строгимъ
 генераломъ, который писалъ для калмыковъ уложеніе,
 дозволяя имъ грабежей и воровства, заботился о ихъ
 земледѣльчьемъ промыслѣ, толковалъ имъ о скотоводствѣ и туне-
 лавствѣ манжиговъ, гелюнговъ и нойоновъ.

ГЛАВА VI.

АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Астраханская губернія того времени, о которомъ идетъ насъ рѣчь, не походила на нынѣшнюю. Она вмѣщала въ себѣ почти все Низовье и захватывала прикавказскій край нижнее теченіе Яика. Саратовъ, Дмитріевскій, Петровгородки, Царицынъ, Черный и Красный Яры, Яицкій, Гевъ городокъ и Терекъ тянули къ Астрахани по своему теченію. Болѣе, чѣмъ на 1000 верстъ, отстояли иныя мѣстности отъ губернскаго города. Несмотря на такое обширное пространство, населеніе губерніи было ничтожно. При открытіи, считалось въ ней всего 6863 ясачныхъ дворовъ и 1225 крестьянскихъ. Все остальное населеніе, за исключеніемъ городскихъ жителей, состояло изъ инородцевъ, и преимущественно калмыкъ, занимавшихъ большую часть степей. Правда въ 20 лѣтъ, благодаря стремленіямъ Петра на югъ въ послѣдніе годы его жизни и переселенію раскольниковъ на Иргиизъ, населеніе края нѣсколько увеличилось, но оно все-таки было ничтожно въ сравненіи съ внутреннею Россією. Правда, вся губернія покрыта была слѣдами существованія прежнихъ народовъ: остатки городищъ, валы

тургановъ, стѣнъ, окоповъ свидѣтельствовали о томъ, что тутъ издавна совершалась историческая жизнь; что тутъ проходили военный и торговый путь съ Востока въ Россію. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, спускаясь внизъ ю Волгѣ изъ Казани, путешественникъ не часто встрѣчалъ населенныя мѣстности, прерываемыя огромными промѣ-
 лутками пустырей. Только побережье Волги казалось нѣ-
 сколько оживленнѣе: но таже рѣка, дававшая жизнь краю, но-
 сила на себѣ струги съ разбойниками, грабившими торговые
 караваны и выжигавшими окрестныя селенія. Форпостовъ
 на Волгѣ было немного; они не входили въ счетъ городовъ.
 Торговый, правительственный и военный центръ всего края
 выходилъ почти на оконечности губерніи, въ Астрахани.
 Этотъ городъ, гдѣ жилъ губернаторъ, былъ окруженъ ка-
 менною стѣною съ десятью воротами, названія которыхъ
 упоминали собою отчасти московскія: Никольскія, Житныя,
 Вознесенскія, Спасскія; кромѣ того были Кабацкія, Крас-
 ныя, Татарскія. Послѣдними отдѣлялась татарская слобода
 отъ остальнаго города. Почти все городскія зданія были
 плохой деревянной постройки, за исключеніемъ крѣпост-
 ныхъ строеній, собора, церквей и нѣкоторыхъ частей база-
 ра. Домъ губернатора построенъ былъ изъ дерева, окру-
 женъ деревянною стѣною съ двумя воротами, спереди и
 сзади. Онъ имѣлъ свою домовую церковь. Внутренній дворъ
 губернаторскаго дома былъ довольно обширенъ. Въ самомъ
 домѣ было немало свѣтлыхъ, хорошо устроенныхъ комнатъ;
 въ большаго зала представлялся красивѣйшій видъ на все
 мѣсто города и его окрестности. Какъ при губернаторскомъ
 домѣ, такъ и въ крѣпости, постоянно находился довольно
 сильный гарнизонъ. На право отъ воротъ, чрезъ которыя
 въѣзжали въ крѣпость, стояло каменное зданіе, гдѣ помѣ-
 щалась губернская канцелярія. Крѣпость называлась ка-

меннымъ городомъ, прочія части—деревянныя. Что касается самаго города, то онъ для непривычныхъ глазъ европейца казался болѣе азіатскимъ, нежели русскимъ. Татарскіе и армянскіе базары, индѣйскіе и персидскіе каравансарай, инородческое населеніе, толпившееся на улицахъ города, частыя слободы, которыми окруженъ былъ онъ, и въ которыхъ жили преимущественно азіатцы, давали основаніе такому отзыву. Городскія улицы были узки, дороги чрезвычайно сухи въ хорошую погоду и почти невозможны для проѣзда въ дождливую; почва пропитана солью, отчего въ ясные дни улицы казались свѣтящимися. И свойства почвы, и смѣсь разноплеменнаго населенія, и отсутствіе правильного городскаго присмотра имѣли неблагоприятное дѣйствіе на здоровье жителей. Вернувшійся въ 1733 г. изъ Астрахани генераль-лейтенантъ, князь Гессенъ-Гомбургскій представлялъ императрицѣ: «усмотрѣлъ онъ по тамошнему мѣсту и разныхъ въ городѣ народовъ наполненныхъ, отъ тамошняго тяжелаго воздуха, за несмотрѣніемъ чистоты, самый вредительный и язвительный смрадъ, отъ чего не моглобы быть людямъ впредъ вредительства, для чего потребно тамъ учредить полицію.» Окрестности города были богаты виноградными садами, большими огородами арбузовъ, яблоковъ и другихъ свойственныхъ мѣстности плодовъ ¹²⁵).

Управленіе городомъ, который былъ пограничнымъ съ Каспійскимъ моремъ и странами, лежащими при немъ, управленіе такою обширною губерніею не могли быть легки и несложны. До раздѣленія Россіи Петромъ Великимъ на губерніи, въ Астрахани были воеводы. Ихъ обязанности, имѣвшія много общаго съ обязанностями воеводъ другихъ городовъ, имѣли и свои особенности. Приказная палата съ ея дѣлами и печатями, съ государевыми наказами, грамо-

тани, уложенною книгою, новоуказными статьями, приходными и расходными списками; нарядъ пушечный и пищальный, порохъ и свинець, хлѣбные и другіе запасы, таможенный и кружечный дворы, тюремные сидѣльцы, стрѣльцы, служилые, посадскіе и гулящіе люди — все это было и въ другихъ городахъ, все это должны были принять и астраханскіе воеводы съ ихъ товарищами, по прїѣздѣ въ городъ, подобно всѣмъ другимъ воеводамъ. Но кромѣ того у нихъ были свои особыя обязанности: переписать на закладномъ дворѣ закладныхъ мурзъ и татаръ съ ихъ женами и дѣтьми, вртовскихъ татаръ, всѣхъ иноземныхъ, преимущественно восточныхъ купцовъ, и промышленниковъ; потомъ объявить ласку и привѣтъ всему окрестному инородческому населенію, оберегать ихъ и впоследствии отъ насильства и обидъ; собирать пограничныхъ государствъ вѣсти, турскія, грнскія, персидскія; также вѣсти съ Дону, изъ ногайскихъ и калмыцкихъ улусовъ, посылать съ этою цѣлью небольшія станицы изъ боярскихъ дѣтей, стрѣлцкихъ головъ и добрыхъ стрѣльцовъ вплоть до украинскихъ городовъ; принимать письма, гонцовъ и пословъ изъ Персіи, изъ Бухарь, Буренджа, изъ большаго Ногай и пересылать ихъ въ посольскій приказъ; аманатовъ отъ разныхъ окрестныхъ инородцевъ беречь накрѣпко; а кормъ и питье давать по указу, чтобъ имъ голоду не было; при перемѣнѣ ихъ стареться брать лучше прежнихъ, а поневолѣ и въ ту версту; принимать желающихъ креститься татаръ и записывать ихъ въ посадъ, а въ стрѣльцы и солдаты не писать. Далѣе много было постановлений, которыя касались торговли астраханской: запрещено было астраханскимъ жителямъ и прїѣзжимъ купцамъ продавать татарамъ хлѣбъ, муку, сахаръ, толокно, крупу; покупать у нихъ лошадей дозволялось для своихъ домашнихъ дѣлъ, на скупъ и на продажу

въ Русь, но не за границу: погромный ясырь, татарь и тарченковъ обоего пола продавать велѣно было на базаръ являя предварительно въ таможи и записывая въ кни въ рожу и въ примѣты, со взиманіемъ извѣстныхъ пошлинъ, но съ обязательствомъ оставить ихъ въ Астрахани, не высылать въ Русь. Иностранные купцы должны были являясь въ Астрахань, представлять проѣзжія грамоты изъ своихъ городовъ. Постановленія о торговлѣ, касавшія стрѣльцкихъ головъ, сотниковъ и самихъ стрѣльцовъ, были общія со всѣми другими мѣстностями. Немалыхъ заботъ стоило астраханскимъ воеводамъ смотрѣть, чтобъ не было между городскими людьми и окрестнымъ населеніемъ ссоръ и измѣнъ: астраханскій край любилъ частыя волненія. Въ случаяхъ сомнительныхъ и опасныхъ воеводы должны были дѣйствовать розыскомъ и пытками. Особенно подробно описывались въ наказахъ астраханскимъ воеводамъ и сношенія съ кочевниками всего поволжья. Наконецъ въ числѣ обязанностей правителей Астрахани была высылка въ Москву, про царской обиходъ, арбузовъ, дынь, яблокъ, и пограду, рыбы; также присмотръ за тузовыми деревьями которыя стали разводять тамъ современъ Петра, ловли присылка ко двору красныхъ гусей, которые на Эмбѣ ловятся, чапуръ красныхъ и бѣлыхъ, неклеиковъ, пѣтушко дикихъ и другихъ птицъ, какихъ около Москвы и на Украинѣ нѣтъ. Въ инструкціяхъ астраханскимъ губернаторамъ которые смѣнили собою воеводъ, повторялись почти вѣтъ же статьи, съ немногими измѣненіями; подробно определено было только то, какъ они должны поступать въ своихъ сношеніяхъ съ Персидой и калмыками, да велѣно имъ принять имъ въ руководство генеральный регламентъ, воинскій уставъ, инструкціи земскимъ камерирамъ и комиссарамъ. Потомъ въ послѣдніе годы царствованія Петра, и

Екатери́нѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Иоанновнѣ, въ разныя време-
на присоединены были къ прежнимъ занятіямъ губернато-
ровъ и воеводъ еще обязанности относительно заведе-
ніи аптеки и госпиталя, аптекарскаго огорода и конскаго
завода.

Когда Татищевъ назначенъ былъ астраханскимъ губер-
наторомъ, общія обязанности губернскихъ властей были чре-
звычайно неопредѣленны; власть судебная, исполнительная
и полицейская, неразграничены между собою; обязанности
и права губернаторовъ были не тѣ и гораздо обширнѣе, не-
жели во времена Петра. Еще при Екатери́нѣ I, указомъ 24
сентября 1727 года, которымъ уничтожены были всѣ лишніе
областные управители, канцеляріи и конторы, переданы
были въ руки губернаторовъ весь судъ и расправа въ ихъ
губерніи. Въ Наказѣ 12 сентября 1728, состоявшемъ изъ
52 пунктовъ, подробности губернаторской должности опре-
дѣлены были такъ: они должны были быть прежде всего вѣр-
ными, справедливыми и добрыми слугами государя, должны
всюду и во всемъ искать пользы и благополучія, а убытки
и опасности отвращать. Они клялись въ исполненіи такого
объщанія при назначеніи своемъ на мѣсто. Въ числѣ ихъ
обязанностей заключалась необходимость помнить всѣ ука-
зы и государственныя права. Порядокъ приема главнаго го-
рода, а чрезъ второстепенныхъ властей провинціальныхъ и
приписныхъ городовъ, совершался такимъ же образомъ, какъ
и во времена воеводъ. Губернаторъ командовалъ воеводами
этихъ городовъ съ ихъ штабъ-офицерами, штрафовалъ смо-
тра по винамъ и правамъ, но безъ указа не могъ перемѣ-
нить. Провинціальные воеводы смотрѣли за особливими во-
еводами приписныхъ городовъ. Губернаторы подчинены бы-
ли сенату, куда поступали и челобитныя на нихъ. Въ суд-
ныхъ розыскныхъ дѣлахъ они должны были сноситься съ

юстицъ-коллегією, чинить челобитчикамъ правое рѣшеніе безволокитно. Они имѣли право надзора за магистратскими и ратушскими дѣлами; къ нимъ поступали жалобы на бурмистровъ: такимъ образомъ губернаторы должны были охранять купечество отъ всякихъ постороннихъ обидъ и нападковъ. Тоже самое можно было сказать и о дворовыхъ и синодскихъ крестьянахъ съ ихъ управителями. Особенно строго велѣно было слѣдить губернаторамъ за татебными, разбойными и убійственными дѣлами. Губернаторы должны были утверждать приговоры преступниковъ къ ссылкѣ на галеры или къ смертной казни; развѣдывать и сыскивать шпионовъ, которые могутъ быть присланы изъ сосѣднихъ государствъ; отсылать въ сенатъ упорныхъ раскольниковъ и еретиковъ; исполнять указную статью Уложенія объ обрашающихъ православныхъ въ магометанство или иновѣрство; т. е. казнить ихъ смертію, или жечь безъ всякаго милосердія. Сборъ подушныхъ денегъ по окладнымъ книгамъ, губернской приходъ и расходъ, ежемѣсячные счета ихъ составляли обязанности губернаторовъ по финансовой части, при чемъ запрещалось имъ накладывать новые сборы подѣ страхомъ штрафованія; сюда же относились: отправленіе денегъ изъ губерній въ указныя мѣста, раздача жалованья, рапорты о разныхъ суммахъ, выдача квитанцій счетчикамъ и приходорасходчикамъ и другія подробности. Предосторожности отъ моровой язвы, смотрѣніе за строеніями въ городахъ и обереганіе ихъ отъ пожаровъ, надзоръ за чистотою въ городѣ и на улицахъ, въ товарахъ и мясныхъ рядахъ, за мѣрами и вѣсами, за подозрительными домами, за шатающимися на улицахъ и вообще за благочиніемъ городскихъ входили въ кругъ полицейскихъ обязанностей губернскихъ властей. Наконецъ губернатору и воеводамъ съ ихъ товарищами строго воспрещалось чинить уѣднымъ людямъ

никакі бы то ни было обиды и налоги, взятки, нападки и утѣсненія, никакихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей не посылать на свои собственныя работы, не принуждать ихъ на личныя себѣ услуги; не выѣзжать изъ своей губерніи или провинціи безъ указа; въ случаяхъ непредусмотрѣнныхъ регламентомъ, уставами, наказами, инструкціями сноситься съ сенатомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей губернаторскихъ правъ и обязанностей повторены были потомъ не разъ отдѣльными указами: чаще всего повторялись постановленія противу обидъ, притѣсненій и недоимокъ. Особенно заботились о сборѣ податей во времена Бироновскаго правленія. За все это время къ обязанностямъ астраханскихъ губернаторовъ прибавилось завѣдываніе яцкиими, гребенскими и терскими казаками, въ случаѣ отсутствія командующаго Низовымъ корпусомъ ¹²⁶).

Главнымъ двигателемъ всей жизни въ Низовомъ краѣ въ то время, разумѣется, была торговля. Внутренняя обогащалась преимущественно мѣстными произведеніями: рыбной ловлею и другими промыслами. Привозную поддерживали персидскіе, бухарскіе, индѣйскіе и армянскіе купцы. Сама Астрахань была центромъ всей этой торговли. Ея купеческое населеніе постоянно оставало свои права на рыбныя ватаги и учуги. Всѣхъ ватажниковъ во времена Татищева было 23 человекъ. У одного купца, на его ватагѣ промышляло до 1500 рабочихъ: таковы были Тихонъ Лошкарь и Федоръ Кобяковъ; также богатая рыбная ловля, принадлежала Спасскому монастырю. Въ Черномъ Яру было до 14 ватагъ. Губернатору приходило и, по важности этой отрасли, обращать особенное на нее вниманіе. Для этой цѣли была устроена особая контора съ своимъ смотрителемъ. Мы уже видѣли, какъ Татищевъ хлопоталъ о мирномъ раздѣлѣ рыбныхъ промысловъ между калмыками и русскими.

Еще болѣе брала у него времени торговля внѣшняя. Сохранились вопросы, которые были предлагаемы людямъ, бывавшимъ въ Хивѣ и Бухарѣ, о тамошней привозной и вывозной торговлѣ, о населеніи аральскаго края; о томъ—какіе русскіе товары болѣе спрашиваются въ тамошнихъ странахъ, какая гдѣ монета ходитъ; о торговыхъ путяхъ. Сохранились также и отвѣты на эти вопросы: до двадцати двухъ сортовъ различныхъ товаровъ русскихъ требовалось въ Хиву, Бухару и сосѣднія имъ земли; гораздо меньшее число названій принадлежало товарамъ, которые надо было привозить въ Россію. Неизвѣстно, къмъ именно предлагаемы были эти вопросы: но рукопись ихъ принадлежала Татищеву, и послѣ него досталась Академіи наукъ.

Кромѣ того Татищевъ досталъ себѣ рукопись какого-то Пьера Куки на французскомъ языкѣ, которая переведена была для него порусски, подъ заглавіемъ: «Примѣчанія (невыгодной) торговлѣ съ бухарцами.» Эти примѣчанія были составлены еще въ царствованіе Анны Іоанновны. Авторъ подробно изучилъ характеръ тогдашнихъ торговыхъ сношеній Россіи съ землями приаральскими и былъ противъ нихъ. Онъ основывалъ свое мнѣніе: на отсутствіи всякой гарантіи для торговыхъ каравановъ, шедшихъ изъ Россіи въ Хиву и Бухару; на несогласіи между самими русскими купцами; на вредѣ излишняго вывоза золота и серебра изъ Россіи вслѣдствіе этой торговли. Онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія торговаго баланса и выгодъ государственныхъ, забывая о выгодахъ частныхъ лицъ. Авторъ начинаетъ свой трактатъ разсмотрѣніемъ вопросовъ: о населеніи Бухаріи, о ея мѣстныхъ и привозныхъ товарахъ, о торговыхъ сношеніяхъ съ нею русскихъ купцовъ; потомъ переходитъ къ общимъ соображеніямъ о томъ: какиимъ образомъ подданные должны купечество производить, чтобы оти

него произошла генеральная польза государству? Какого образа дѣйствій долженъ держаться всякій самодержецъ относительно дозволенія и охраненія торговли? и, изъ приложенія этихъ общихъ началъ, которыя раздѣлялъ весь тогдашній экономическій мѣръ, къ состоянiю русской торговли съ Бухарой и Хивой, рѣшаетъ два важные вопроса: какія обиды приносятъ государству купцы въ несодержанiи въ добромъ порядкѣ купечества съ Бухарцами? Какимъ образомъ можно помочь тому? — Подъ именемъ Бухары, авторъ разумѣлъ всю западную половину средней Азiи, отъ Каспiйскаго моря до Китая; главная торговля народовъ, населявшихъ это пространство, сосредоточивалась около благородныхъ металловъ; русскiе купцы доставляютъ туда преимущественно привозные заморскiе товары; препятствiя торговлѣ этой заключались въ обманахъ прикащиковъ, которые возили товары, въ опасности самаго пути караваннаго отъ хищныхъ народовъ, — недостатокъ воды и дровъ въ пути и наконецъ то обстоятельство, что большая часть товаровъ, возимыхъ туда, скупаются русскими купцами чрезъ третья, четвертыя и даже пятыя руки. Таково было положенiе русской торговли съ Востокомъ, по словамъ Куки. Главными условiями выгоды для государства его внѣшней торговли, авторъ полагалъ: сбытъ въ сосѣднiя страны тѣхъ товаровъ, которые остаются отъ обихода собственныхъ подданныхъ; привозъ въ замѣнъ ихъ такихъ товаровъ, которые необходимы для государственнаго обихода и безъ которыхъ невозможно пребыть; ввозъ въ государство какъ возможно болѣе золота и серебра. «Весь свѣтъ согласенъ въ томъ, что золото да серебро даютъ людямъ, говоритъ Петръ Куки, средство быть всѣхъ сильнѣе и лучше для исправленiя всякаго дѣла и нужды, и чѣмъ больше будетъ въ государствѣ этихъ двухъ металловъ, тѣмъ боль-

шею силою оно будетъ пользоваться.» Отсюда авторъ выдѣлываетъ необходимое обязательство для тогдашняго русскаго купечества мѣнять долю своихъ товаровъ на золото и серебро, преслѣдуетъ привозъ ихъ за границы предметовъ роскоши и тщеславія, умышленную мѣну своихъ товаровъ на благородные металлы, а не на пухлые въ отечествѣ вары, изъ цѣлей корыстныхъ. Для устраненія такихъ ошибокъ, для правильнаго устройства торговли, согласно теоріи, авторъ совѣтуетъ самодержцу, чтобы онъ хитрымъ образомъ приводилъ всю прибыль въ свою казну, такъ чтобы купцы никогда не пришли въ чрезвычайное богатство. Предвидя два возраженія: примѣръ двухъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, Англіи и Голландіи, гдѣ купцы очень богаты и государство не тяготеетъ надъ частными выгодами, и еще мысль, что правила, высказанныя въ проектѣ вообще враждебны торговому сословію, — авторъ отчаетъ, что сила Англіи и Голландіи зависитъ отъ иныхъ причинъ, забывъ, что свободная торговля была также одна изъ этихъ причинъ; а купцамъ предлагаетъ совѣтъ, чтобы каждый гражданинъ долженъ трудиться всею мочію объ умноженіи выгодъ своего отечества. Онъ обвиняетъ русскихъ купцовъ въ томъ, что они не заботятся о привозѣ въ государство золота и серебра, а привозятъ товары или совершенно ненужные, или мало прибыльные странѣ. Для устраненія всѣхъ этихъ невыгодъ, онъ предложилъ дѣятельныя сношенія правительства съ ханами тѣхъ странъ, учрежденіе компаніи для торговли съ ними на условія выгодныхъ государству. А примѣръ Англіи и Голландіи, старающихся завести обширный торгъ съ Бухарой, показываетъ, что эта страна достойна того, чтобы отвѣдать, можно ли постановить важную торговлю съ нею. Татищевъ, какъ мы уже видѣли, не раздѣлялъ мнѣній автора. Онъ розыскивалъ толп

какимъ путемъ лучше вести торговлю съ Бухарой, сухимъ или чрезъ Каспійское море? и 15 октября 1743 года, отвѣтилъ на запросъ коллегіи, высказалъ мнѣніе, что допускать въ Астрахань для торговли можно лишь хивинцевъ, бухарцевъ и туркменовъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, и къ нимъ въ Тюкъ-Караганъ и Мангишлакъ моремъ суда съ товарами отпускать; а киргизъ-найсаковъ пускать только къ Оренбургу, къ яицкому казачьему городку, къ Гурьелу и къ имѣющему построиться близъ Индерскихъ горъ, въ Астрахань же пускать развѣ до тѣхъ поръ, пока еще не будетъ выстроено этотъ новый городокъ. Кромѣ того онъ проситъ разрѣшенія отпускать въ Хиву и Бухару торговые караваны сухимъ путемъ, чего не дѣлалось современъ удачной попытки Боковича. Въ 1745 году Татищеву удалось отпустить первый караванъ моремъ къ Мангишлаку. Точно также Татищевъ ничего не говорилъ противъ тѣхъ привилегій, которыми пользовались до него въ Астрахани Бухарцы, наравнѣ съ другими иноземными купцами, армянами, индѣйцами, персами и прочими. Еще Петръ во время персидскаго похода позволилъ всѣмъ имъ розничную торговлю наравнѣ съ оптовой, хотя прежде и было постановлено противное тому. При этомъ случаѣ оказалось, что русскіе купцы не могли бы скупить оптомъ привозныхъ товаровъ у иноземныхъ даже десятой доли. Пошлина съ этихъ иностранныхъ купцовъ шла: за постой на гостиныхъ дворахъ, въ канорахъ, зажитье въ юртахъ. Пошлина эта была выше той, которую брали съ русскихъ. Но принимавшіе подданство, сравнивались съ ними въ этомъ отношеніи. Вообще же старались не отягощать излишними поборами азіатскую торговлю; облегчали для купцовъ, жившихъ на бухарскомъ, тиланскомъ и агрыжанскомъ дворахъ, куплю дровъ, сѣна, провозъ воды; не ставили постоевъ на дворахъ выѣзжихъ

въ Астрахань купцовъ. При Татищевѣ повторено было чтобъ для армянъ, индѣйцевъ, бухарцевъ, гиланскаго и ашрыжанскаго дворовъ татаръ судъ и расправа чинены были по ихъ законамъ и прежнимъ обыкновениямъ, съ цѣлю придать имъ охоту къ астраханскому житію; не дѣлать имъ помѣшательства въ молитвахъ по ихъ закону и силою и крестить; не опредѣлять ихъ ни въ какия службы и не налагать на нихъ никакихъ другихъ тягостей, не брать и стоя съ ихъ домовъ, земли подъ дворы отводить имъ сабодами по народамъ. Если кто-нибудь изъ нихъ пожелалъ бы завести подъ Астраханью какия фабрики, то такіе могли входить въ сношенія о томъ съ мануфактуръ коллегіею черезъ губерпатора. Особенными льготами пользовались армяне. Ихъ торговая компанія, существовавшая еще въ XVII столѣтіи и потомъ уничтоженная на время при Петре, снова была вызвана къ жизни; ея привилегіи на внутреннюю торговлю въ Россію и транзитную съ другими государствами были возстановлены. Астраханскіе армяне особенно занимались шелководствомъ и продажею шелковыхъ матерій, для выдѣлки которыхъ у нихъ были свои станки. Въ Астрахани была даже церковь армянская. Всѣ эти иноземные купцы зависѣли не отъ магистрата, а прямо отъ губерпатора, хотя иногда по нуждѣ ихъ брали въ городскія службы въ помощь русскому купечеству. Торговля съ киргизами, кубанцами, горскими народами, ногайцами и другими кочевниками была непостоянна, главнымъ предметомъ были конскіе табуны и рогатый скотъ ¹²³).

Но незадолго до пріѣзда Татищева въ Астрахань все торговому движенію астраханскаго края стала грозить новая опасность. Первые вѣсти о ней пришли изъ Хивы и Бухары, черезъ киргизскія степи, и отъ нашихъ консула и резидента, жившихъ въ пограничныхъ съ русскими владѣніями

персидскихъ областяхъ. Опасность шла отъ Шаха-Надира, политическіе замыслы котораго взволновали въ то время всю переднюю Азію, отъ Индіи до киргизскихъ степей, отъ устьевъ Тигра и Евфрата до кавказскихъ горъ.

Въ 1740 году, вскорѣ послѣ подданства киргизскаго Абдуль-Хаиръ хана Россіи и послѣ признанія его со стороны аральцевъ хивинскимъ ханомъ ѣздили чрезъ его владѣнія въ Бухару и Хиву поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и толмачъ Усманъ Араслановъ. Вотъ съ какими извѣстіями вернулись они въ Россію. Въѣхавъ въ ноябрѣ въ хивинскія владѣнія, они встрѣтили на пути пустой городокъ Гурлю, жители котораго выбѣжали отъ страха персидскаго шаха, воевавшаго аральскія земли. Прибывши въ самую Хиву, Гладышевъ тотчасъ же послалъ Муравина и толмача къ шаху съ требованіемъ не ходить на Хиву, потому что Абдуль-Хаиръ ханъ русскій подданный, а Надиръ-Шахъ въ миру съ Россіей. Шахъ отвѣчалъ приглашеніемъ хана къ себѣ, обѣдживая всячески, что отдастъ ему Хиву. Тогда Гладышевъ рѣшился ѣхать къ шаху самъ съ ханомъ. Поѣхали они изъ города: Абдуль-Хаиръ, сынъ его Нурали-Султанъ, у котораго былъ лукъ съ напряженною стрѣлою, а съ ними до ста киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ и аральцевъ; подѣхали они къ городскимъ воротамъ, а тѣ завалены землею. Тогда Гладышевъ тутошнимъ хивинскимъ жителямъ, которыхъ было на улицахъ и на строеніяхъ близь 2000, сталъ говорить, чтобъ отперли ворота, что Ханъ ѣдетъ къ шаху для прошенія себѣ ихъ города. Тотчасъ же вынесли ключи, ворота отперли, землю отъ нихъ отвалили и выпустили изъ города хана совсѣми спутниками его. Но выбравшись въ поле, Абдуль-Хаиръ поскакалъ не въ ту сторону, куда надо было ѣхать къ шаху: «Не туда ѣдемъ», закричалъ ему Гладышевъ. «Я тебя не слушаю; ты въ мои»

рукахъ; ступай, куда велеть», — отвѣчалъ ему ханъ. Хивинцы вслѣдъ за бѣглецами палили изъ пушекъ и мелкаго ружья, но никого не убили; въ дорогѣ нападали на нихъ трухменцы; по мѣрѣ удаленія бѣжавшихъ изъ Хивы, разрознилось во всемъ краѣ междоусобіе. Только выдравшись за хивинскія границы, Абдуль-Хаиръ объявилъ Гладышеву, что шахъ подсылалъ къ жителямъ Хивы, чтобъ они задержали хана до пріѣзда, и показалъ Гладышеву письмо шахово. Абдуль-Хаиръ просилъ русскихъ построить городъ, на берегахъ Аму-Дарьи, для защиты отъ шаха. Но волненіе аральское отразилось и въ киргизскихъ степяхъ: Абдуль-Хаира болѣе уже не слушали его подданные. Муравинъ, бывшій у персидскаго шаха прибавлялъ, что цѣлю шаховыхъ завоеваній были Бухара, Хива, Туркестанъ и Ташкентъ; что, когда онъ представлялся шаху, то долженъ былъ надѣть персидское платье и «какъ привели ихъ предъ шаха, то за тридцать сажень недошедши остановили, гдѣ они поклонились дважды въ поясъ, прижавъ руки къ груди и снявъ шапки, обернуться чалмами, взглянули на небо и говорили: Али-ханъ делюль, то есть слава Богу». Почти въ то время пришла вѣсть съ Кавказа. 23 апрѣля 1744 года, доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, предшественникъ Татищева, астраханскій губернаторъ, князь Голицынъ, что шахъ пошелъ войной на лезгинцевъ, а киргизъ-кайсацкой сторонѣ отъ него опасности не чаеть. Едва пріѣхалъ въ Астрахань Татищевъ, какъ получилъ изъ Кизляра вѣсть, что персидскій шахъ приглашаетъ Саадеть-Гирея идти общемою войною на Россію.

Со временъ экспедиціи Бековича и персидскаго похода Петра, торговля астрахани была тѣсно связана съ судьбою аральскихъ и прикаспійскихъ областей; со временъ возмущенія Мирвейса и Авганцевъ, персидскій престолъ былъ

цѣлю исканія многихъ претендентовъ. Возстанія правителей по разнымъ провинціямъ не прекращались до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ — Надиръ-Кули ханъ не поразилъ всѣхъ остальныхъ исателей шахова титула и областныхъ правителей. Это случилось около 17 года. Онъ наказалъ за прежнія волненія афганцевъ, лезгинцевъ, грузинцевъ и всѣхъ племена, жившія на западномъ берегу Каспійскаго моря. Онъ заставилъ Россію отказаться отъ всѣхъ завоеваній Петра на Кавказѣ: ихъ и безъ того трудно было удерживать за собой. Частыми пораженіями онъ до того довелъ турокъ, что всѣ они, отъ султана до послѣдняго кулиса, страстно желали мира. Даже въ отдаленныхъ турецкихъ провинціяхъ, Сиріи и Египтѣ, распространился страхъ къ персидскому шеху. Войска, окружавшія Кули-хана, среди его побѣдъ, было слѣпо преданы своему вождю. Наконецъ на юго-востогъ отъ Аракса къ устьямъ Куры, въ плодородной, обильной водами долинѣ Моганъ, собралъ Кули-ханъ владѣтелей и правителей персидскихъ и завоеванныхъ имъ областей, мяонниковъ и мудрыхъ людей Персіи для того, чтобъ они разсудили о сиротѣвшемъ престолѣ шаховъ. Привыкшіи къ мстолобію, онъ превосходно разыгралъ здѣсь роль лицемера: «Шахъ Тахмасъ и шахъ Аббасъ», такъ заставляеть говорить своего героя одинъ изъ его персидскихъ биографовъ, Магади-Мазандеранскій, «были изъ дома Сефи; принцы изъ крови — наследники трона. Изберите себѣ въ повелители отпрыскъ изъ ихъ рода или какого-нибудь храбраго и доблестнаго мужа. Сознаніе того, что я сдѣлалъ, освободивъ столицу шаховъ и исторгнувъ государство изъ рукъ афганцевъ, русскихъ и турокъ, служить для меня лучшею наградой. Теперь я хочу отдохнуть у своего очага, насладиться покоемъ и дружбой.» — «Въ прахъ наши головы предъ вождемъ», послышалось отовсюду въ отвѣтъ: «Истинный шахъ

есть Надиръ, изгнавшій враговъ пламеннымъ мечемъ, и вергнувшій ихъ сверкающею молніей. Мы рѣшились не вращать нашихъ глазъ отъ праха ногъ». — «Желаніе тро и короны никогда не владѣло моимъ сердцемъ», отвѣчалъ новый шахъ. — Прошелъ еще мѣсяць и Надиръ опять свалъ всѣхъ приближенныхъ къ себѣ: «по опшествіи къ жизни нашего пророка—да будетъ надъ нимъ и его родо вѣчный миръ! — говорилъ шахъ, правили четыре хали съ такимъ блескомъ, что Индія, Анатолія и Туркеста признали ихъ господство. Измаиль, основатель дома (онъ, оставилъ правовѣрныхъ, поддался шіитской ереси,) которая есть источникъ гибели и слабости мусульманскіхъ народовъ. Персы, возвели меня въ повелители, такъ и винуйтесь моему желанію, моему приказанію. Сунна господствуетъ повсюду въ Иранѣ; да обладаетъ она всею землею. Собраніе отвѣчало единодушными криками, возвѣщавша новыя побѣды для ислама. Христіанскіе народы Кавказа: армяне и грузинцы, отторгнутые отъ русскаго вліянія, должны были войти въ составъ новаго персидскаго царства. Надиръ вызвалъ къ себѣ изъ Эчміадзинскаго монастыря армянскаго католикоса Авраама III и объявилъ ему, что армяне изъ всѣхъ странъ, гдѣ они страдаютъ отъ угнетеній, должны возвратиться въ Персію; они будутъ приняты новыми царемъ всѣхъ царей съ радостію, съ ними будутъ хорошо обходиться. 26 февраля 1735 года, украшенный драгоценною короною, сѣлъ на счастливый тронъ Персіи Надиръ. Въ слѣдующемъ году построенъ былъ новый городъ, куда переведены были жители древняго Кандагара, и названъ Надирабадомъ, въ честь шаха. Палъ Хоразанъ. Сынъ Надира, Риза-Кули, съ быстротою завоевалъ Балкъ, загналъ Узбековъ за его предѣлы, и разбилъ бухарскаго хана. Самъ шахъ предпринялъ свой баснословный походъ въ Индію

Ошии обольстительные слухи разнеслись по всей Персїи и Малой Азіи о подвигахъ Надира, который достигъ Дели. Вѣкъ трехъ лѣтъ воевалъ падишахъ Индію; много богатствъ вывелъ изъ нея къ себѣ въ Персїю. Пока онъ воевалъ противу великаго Могола, въ Персїи носились слухи о его смерти. Оставленный правителемъ, сынъ его Риза-Кули, дѣйствовалъ какъ тиранъ, ослѣплялъ, умерщвлялъ плѣнниковъ отъ, родственниковъ прежнихъ шаховъ и думалъ овладѣть персидскимъ трономъ. Но, получивъ извѣстіе отъ отца о его побѣдахъ и скоромъ возвращеніи, подкупилъ одного изъ слугъ къ Надиру убить его; попытка эта не удалась. Тогда распушены были слухи, что славолюбивый шахъ изволенъ одною славою азіатскаго деспота, велѣлъ перевести на персидскій языкъ евангеліе, пятикнижіе Моисея, псалтирь и алкоранъ и шлетъ блестящее посольство въ Россїю просить руки Елисаветы Петровны. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще не видали въ Астрахани такого огромнаго и блестящаго посольства, какое явилось изъ Персїи незадолго до вѣствованія на престолъ дочери Петра Великаго между тѣмъ рассчитывая на недовольство старой партіи противу шаха, сынъ его, во время похода отца въ Дагестанъ, снова подошелъ убійцу. Но тотъ былъ схваченъ, и среди истязаній, выдалъ настоящаго виновника преступленія. Риза-Кули былъ ослѣпленъ, по приказанію отца. Все это совершилось незадолго до прїѣзда Татищева въ Астрахань ¹²⁸).

Первымъ дѣйствіемъ русскаго правительства, приведеннымъ въ исполненіе Татищевымъ, была смѣна кизлярскаго коменданта, запрещавшаго горцамъ деревни Андреевки продавать запасы и лошадей на шаха: «повидимому въ исправленіи Кизлярскаго коменданта, яко незнающаго интересовъ нашихъ, говорилось въ указѣ, никакой надежды имѣть невозможно, — потому отправить туда искуснаго штабъ-офи-

цера, и вообще наблюдать, чтобъ съ нашей стороны ни кихъ противныхъ и огорчительныхъ шаху поступковъ было». Въ случаѣ приближенія или набѣга шахова войкъ русскимъ границамъ, гдѣ стояли гребенскіе городи горскія деревни: Аксайская, Костиговская, Андреевская, велѣно было за нихъ явно заступаться, а только чрезъ сылку искусныхъ людей дружески, пристойными предвѣненіями отвращать, но прямыми русскими подданными не называть. Андреевцы же и ихъ сосѣди просили въ случаѣ нашествія персіанъ, перепустить всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми за Терекъ. Персія требовала выдачи бѣжавши въ Кизляръ и его окрестности персіанъ, армянъ и грузинцевъ съ 280 дворовъ. Велѣно было справиться: есть-какая прибыль отъ нихъ русской сторонѣ? Но точныхъ границъ между нашими и персидскими владѣніями не бы. Персы и прежде сильно домогались объ отдачѣ имъ крѣсти Св. Креста, которая и была оставлена впустѣ. «И той причинѣ, говорилось далѣе въ томъ же указѣ, не надно нынѣ персіанамъ о тѣхъ границахъ упоминать, или ними изьясняться; однакожъ тѣхъ деревень жителямъ нудь того не сказывать, а содержать сіе въ пушемъ кретѣ, ласкать по прежнему и отъ протекціи нашей нелучать». А между тѣмъ эти жители ограбили посланнышахомъ людей для покупки лошадей; велѣно было убѣдихъ возвратитъ пограбленное. Вообще въ началѣ стали исполнять всѣ желанія шаха: послано было въ лагерь для продажи 1138 калмыцкихъ лошадей и вербидовъ; въ Астрахани заказанъ былъ для него хлѣбъ; для приѣма приѣзжалъ мирза Джелюль, велѣно было перевезтотъ хлѣбъ безъ платы до Дербента. Но въ Дербентѣ случилось происшествіе, которое на первыхъ же порахъ нашало добрымъ отношеніямъ Персіи съ Россіей. Постави

ный вновь въ Гилянской провинціи отъ шаха командиръ шедъ судами, называемый Халиль, прибывъ туда, показалъ въ русской сторонѣ великія обиды и ругательные поступки. Тогда русскій консулъ Араповъ послалъ къ нему отъ себя переводчика съ поздравленіемъ, то Халиль консула неслышанною бранью ругалъ, а тотъ толмачъ передъ нимъ былъ жестоко битъ палками, и тѣми жъ палками со двора его прогналъ. Поѣхалъ потомъ Халиль въ морскую янчискую пристань и, увидѣвъ тамъ одно судно астраханскаго купца Андрея Сыченкова, забралъ съ него съ ругательствами янчиска и прочихъ людей, посадилъ всѣхъ за караулъ въ ялуди и билъ, а потомъ и судно въ свою власть взялъ, много съ него вещи и припасы пограбилъ; а сверхъ того янчиска и прочихъ людей принуждалъ съ побоями и угрозою смертной казни принять персидскій законъ. Какъ видно, Халиль помнилъ воззваніе Надира о распространеніи чумы по всей землѣ. Едва по стараніямъ консула и ретинскихъ управителей, освободилъ своихъ плѣнниковъ изъ заключенія. И хотя шахъ, узнавъ о случившемся, велѣлъ возмездіе русскимъ всѣ вещи, и Халиля позвалъ къ себѣ на судъ; но изъ Петербурга писали, что въ отмщеніе за такой поступокъ, лучше до времени удержаться отъ посылки въ Персію просимыхъ Надиромъ судовъ: «въ прошломъ году», говорилось въ указѣ, «тоже былъ удержанъ купеческій караванъ, и тогда, при дворѣ шаховомъ и вездѣ, персіане очень ссорились; и тѣмъ можно шахову гордость усмирить и персіанъ принудить въ Астрахань за товарами ѣздить; а въ ласки, которую до сихъ поръ оказывали шаху, проку никакого еще Россіи не было.

Впрочемъ подобныя выходы со стороны русскихъ властей были не надолго. Комендантъ кизлярскій, узнавъ, что ему грозятъ смѣна за прежній отказъ шаху относительно за-

купки лошадей и верблюдовъ, самъ теперь чрезъ писемъ предложилъ ему свои услуги, въ которыхъ прежде отказывалъ. Это разсердило нашего резидента Калущкина, котораго видѣлъ въ поступкѣ коменданта Засѣцкаго подрывъ своего кредиту у шаха. Резидентъ сталъ проситься за тяжкою необходимостью къ кизлярскимъ водамъ: у него было намѣреніе сдѣлаться руководителемъ новаго коменданта. Видѣвъ просьбою о поѣздкѣ къ водамъ, резидентъ писалъ Татищеву, что шахъ имѣетъ великую охоту къ фруктамъ; рѣшено было послать изъ Астрахани 2000 дынь и арбузовъ, котораго вкусомъ своимъ въ Персіи славны. Тогда же назначили и слать Калущкину изъ астраханской губернской канцеляріи 4000 рублей для отпразднованія при персидскомъ дворѣ и коронованія Елизаветы Петровны. По дѣлу Андреевцевъ Татищевъ посылалъ въ лагерь шаха капитана Тебелева. Министръ Надира требовалъ, чтобъ шахъ самъ имѣлъ приказъ наказывать Андреевцевъ, чтобъ для того главные андреевцы владѣльцы были присланы съ повинною головою. Татищевъ приказывалъ на это пограничнымъ властямъ нашимъ: исполнить того невозможно, а надо требовать у Андреевцевъ, чтобъ пограбленное все возвратили, лезгинцамъ не помогали провіантамъ, ни порохомъ и свинцомъ, ни приѣмомъ бѣлеть; а для того учредить форпосты и содержать ихъ того времени, пока шахъ пробудетъ съ своими войсками Дагестанѣ и Ширвани. Но при этомъ не надо забывать о палчивости и взмѣрчивости шаха. Между тѣмъ отъ резидента, отъ кизлярскихъ властей и чрезъ горныхъ лазутковъ безпрестанно приносились вѣсти о дѣйствіяхъ шаха на Кавказѣ. Число его войскъ увеличивалось въ такіе показанія, отъ 100,000 до 200,000 и болѣе человекъ. «А въ бытность нашу, говорили люди, возвратившіеся изъ горъ въ Кизляръ 30 апрѣля, пришло въ лагерь изъ Хо

шахи персіанъ, индѣйцевъ, араповъ, бухарцевъ и другихъ
 народовъ множество и при нихъ командиромъ шаховъ пле-
 менитъ Али-Кулиханъ; у пришедшаго войска имѣются то-
 поры и сабли, а у другихъ саадаки съ стрѣлами, а у иныхъ
 опилками ружья, и обучаются стрѣлять по примѣтѣ; гор-
 снѣхъ мадѣльцевъ, которые пришли къ шаху въ под-
 данство, принуждаетъ онъ дачею на войска свои провіанта,
 почему тѣ собираютъ и даютъ; но тавлинцы послали ска-
 зать шаху, что лучше-де итти намъ въ подданство къ рус-
 снѣхъ, нежели-де къ тебѣ. Изъ Индіи привезено къ нему
 шаху денежной казны въ два раза: въ первый на тысячѣ,
 въ другой на пяти стахъ вьючныхъ верблюдахъ; шаховы
 ошovesя имѣются одинъ въ Бухарѣ, другой въ Хоразанѣ,
 оба со множествомъ войска, и первый бухарскаго хана убилъ
 до смерти; да въ Тавридѣ 30,000 человекъ. И разглашается
 посподу, что шахъ имѣеть намѣреніе итти въ Кабарду и
 Крымъ для раззоренія, а оттуда въ Царьградъ, чтобы его въ
 подданство свое взять, и взявъ итти къ Кабѣ, то есть къ
 Ахтевой пропасти, молиться Богу по закону своему; и
 послалъ шахъ тарковскаго жителя мурзу Абшита, давъ ему
 въ дорожный путь 500 рублей, въ Крымъ и Царьградъ,
 для развѣдыванія о трактѣ и о довольствіи кормами скота
 во прочемъ, и какимъ образомъ способно будетъ взять объ-
 явленный Царьградъ. А турецкія войска стоятъ на границахъ
 своихъ, въ городѣ Багдадѣ да на рѣкѣ Арпачаѣ, при кото-
 рыхъ имѣются и персидскія войска, только ссоры ниваной
 между собою не имѣютъ. А купцы съ турецкой стороны
 яздятъ въ Персію завсегда и объявляютъ, что мы-де съ
 Россією замирились, и ежели-де персіане будутъ съ нами
 вѣдѣть войну, то русскіе будутъ намъ помощники, а когда
 въ Россію шахъ пойдетъ, то съ нашей-де стороны будетъ
 помощь Россіи». Другіе лазутчики показывали: «въ лагерѣ

шаха спрашивали у насъ, что замирились-ли русскіе съ туркомъ, такожь есть-ли-де въ Астрахани и Кизлярѣ при бывшее войско, мы де слышали, что есть; на что мы имъ объявили, что въ Астрахани, на Дону и вездѣ войска государевы всегда и неприбылыя имѣются. Да слышалижь-де мы, говорили персіяне, что у васъ и судовъ въ морѣ много, и мы имъ по разговорамъ объявилижь, что въ морѣ судовъ всегда бываетъ для потребностей немало. Бухарцы всѣ гдѣ случай допустить, намѣрены отъ войска шахова удалиться, только такого не найдутъ случая; а персіяне разговариваютъ, что за безпокойствомъ ему шаху нерады усмейцы и тавлинцы шаха дожидаются и говорятъ, что мы до послѣдняго человѣка съ нимъ драться готовы. А въ войскѣ шаховомъ хотя и говорятъ, что съ 200,000; только въ то число считаютъ холопей, бабъ и малыхъ ребятъ; военныхъ людей, которые ходили съ нимъ для разоренія горскихъ деревень, видимо было тысячъ до сорока, и въ лагерѣ оставались самые негодные и безоружные. Въ шиховомъ же лагерѣ разговариваютъ, что-де намъ русскіе люди друзья, и съ ними мы въ замиреніи.» Донесенія резидента Калушкина дополнили эту картину дѣйствій Надира на Кавказѣ, но рисовали его положеніе болѣе слабымъ. «Шахъ, писалъ онъ, началъ упражняться въ отгонѣ скота у дагестанцевъ, при чемъ персіяне, пользуясь свободностію на просторѣ, пастуховъ съ малолѣтними дѣтьми изгубляютъ. Войска его инья ружья не имѣютъ, но только съ дровинами, инья и безъ копей съ простыми жердями находятя; и на такія сбродныя силы уважать не для чего, ибо гнусныхъ ихъ дѣйствій и неправности довольно свѣдомо. Шахъ не въ такомъ состояніи обрѣтается, что слѣдъ быль съ важностію на него взирать, понеже самое искусство разслабленныя и злыя дѣйства войска его, недостаточно

и гнусное въ военномъ порядкѣ поведеніе уничтожаетъ то непамятое примѣчаніе, которое персіяне прежде издалека вслали въ свѣтъ о себѣ, и нынѣ наказанные отъ нихъ и отъ предводителя ихъ опороченные опыты на другое, весьма отливное мнѣніе обратить принуждаютъ. И хотя шахъ какое противъ Россіи предпріятіе учинить возмечтывостію своею преодоленъ будетъ, то при помощи Божіей всю его замерзлую саранчу въ прахъ истребить легко можно.

Несмотря на то, въ Астрахани сильно безпокоились по поводу происшествій на Кавказѣ. Двинуть былъ въ Кизляръ Таракановъ съ 3000 отрядомъ, потомъ замѣненъ кн. Долгорукимъ. Изъ Петербурга явился грузинскій царевичъ, генералъ-лейтенантъ Бакаръ; его послали въ Кизляръ ради того кредиту, которымъ онъ пользовался у горскихъ народовъ, и для того, чтобъ сноситься съ ними и помогать имъ. Это дѣйствительно было необходимо: всѣ пограничные горскіе народы были непостоянны и, смотря по надобности, называли себя то русскими, то персидскими подданными, а службы никакой не отправляли и въ послушаніи у командировъ не находились. Велѣно было также разглашать въ персидскомъ лагерѣ и среди горцевъ объ успѣхахъ русскаго оружія противу шведовъ. Мало того: на всякій случай стали готовить морскую силу. Давно забытый, почти заброшенный по смерти Петра астраханскій портъ снова обнаружилъ жизнь. Зоркій глазъ и дѣятельная рука преобразователя назначили мѣсто этому порту на берегу рѣчки Кутушовой. Царь-строитель предвидѣлъ, что постоянное мельчаніе Волги, ея измѣнчивое русло могутъ попортить со временемъ отведенное подъ портъ мѣсто; и выслалъ образцы грабель, которыми каждую весною слѣдовало расчищать устье рѣчки, велѣлъ обдѣлать берегъ фашинами, ежегодно распространять строеніе, копать рвы и ставить плотны

противу разлива. Но ни эти работы, ни суда, строившіяся въ Нижнемъ и Казани, не были кончены въ томъ видѣ, какъ задумалъ Петръ. Правда, въ 1725 году астраханская флотилія состояла изъ 177 судовъ разныхъ наименованій, команда ея изъ 1050 человекъ матросовъ и другихъ рабочихъ; отпускалось на содержаніе порта 147,882 рубля 6 ½ коп., расходовалось 80,500 р. 17 ½ коп. Но, по смерти Петра, портъ былъ застроенъ на новомъ мѣстѣ; флотилія стала уменьшаться; въ Казани и Нижнемъ почти прекратили постройку судовъ; пристань, которую Петръ велѣлъ устроить у острова Четырехъ Угловъ, разошло напоромъ воды; суда, стоявшія въ ней, разбило; ее перенесли на островъ Съдлстый; маяки, которые Петръ велѣлъ поставить на пяти островахъ, строились медленно. Послѣ возвращенія завоеванныхъ у Персіи областей, послѣдовалъ рядъ опредѣленій кабинета, которыми было повелѣно содержать только три почты—бота для корреспонденціи и два гекбота для сыску воровъ, остальные суда продать или раздать купцамъ даромъ; новыхъ судовъ не строить, команды оставить только необходимое число, а прочихъ людей распустить. Но нагрянулъ шахъ Надиръ на Кавказъ; Эльтонъ перешелъ въ его службу; тогда снова принялись додѣлывать, чинить и поправлять учрежденное Петромъ. 23 ноября 1742 года пришелъ указъ Татищеву вѣдать и адмиралтейство «для нынѣшнихъ крайнихъ нуждъ». Татищевъ тотчасъ же вооружилъ всѣ наличныя суда: пять гекботовъ, и пять шмаковъ, для которыхъ однакожь не сыскалось въ портѣ болѣе 14 пушекъ, да и то четырехъ и шести фунтоваго калибра. Въ Казани велѣно было строить три дубовыхъ гекбота о 24 пушкахъ 24 фунтоваго калибра. Выставить болѣе полную флотилію Татищевъ не имѣлъ средствъ.

А между тѣмъ все чаще и чаще стали приходять вѣсти о подвигахъ шаха. Еще въ концѣ мая прибылъ изъ Тифлиса въ Кизляръ грузинскій армянинъ Петръ Гавриловъ и объявилъ: «Тифлискій ханъ (губернаторъ) требовалъ имѣть шаха въ холопство чистыхъ двѣсти дѣвочекъ, да двѣсти мужскаго полу робятъ и главныхъ князей, якобы для нѣкотораго дѣла ему потребны, что услышавъ тѣ князья и прочій народъ рѣшили не давать полону и лучше умереть». Христіанская Грузія поголовно возстала противу мусульманскихъ фанатиковъ Надира и отложила отъ персидскаго подданства. Шахъ велѣлъ привести къ себѣ тифлискаго губернатора скованнаго и грозилъ казнить его. А единовѣрная съ Грузіей Россія медлила своею помощію. Не интересовало другое въ сношеніяхъ съ Грузіей: тамъ печатались библія, церковныя книги на грузинскомъ языкѣ, въ предисловіи упоминались имена русскихъ государей и синода. Правительство Елизаветы Петровны съ такимъ усердіемъ преслѣдовавшее персоны и имена брауншвейгской принцессы на всѣхъ актахъ того времени, послало и въ Грузію, тѣсному шахомъ, требованіе вырѣзывать предисловія въ изданныхъ въ ней книгъ, если въ нихъ упоминалось о Іоаннѣ Антоновичѣ. Въ іюлѣ толмачъ Братисевъ, зажившій умершаго Колушкина, доносилъ, что его шахово вѣличество, употребляясь самъ, въ партіяхъ ѣздитъ и непрестанно себя упражняетъ въ опустошеніи деревень, въ разленіи новыхъ хлѣбовъ, а обывателей бѣдныхъ и нищихъ отчасти вырубаетъ». Въ промежуткахъ между такими вѣстіями, у Татищева часто обѣдывалъ знатный персіянинъ, присланный шахомъ въ Астрахань для закупки провіанта и лошадей. Татищевъ каждый разъ поучалъ его разсказаніи изъ исторіи владычества Россіи надъ Низовымъ краемъ и однажды сказалъ ему: «по древнимъ исторіямъ

известно, что кавказская сторона принадлежала къ имперіи российской, даже до нашествія татаръ, которому нынѣ съ малымъ 500 лѣтъ, что довольно древнія на гробахъ христіанскія надписи и знаки свидѣтельствуютъ; потомъ, безъ малаго 200 лѣтъ по взятіи Астрахани, какъ въ подданствѣ российскаго государства принята, и русскими Андреевская деревня построена и именована тѣмъ именемъ, кто ее строилъ, а не дагестанцами, персидское же государство никогда на оную претензіи правильной не имѣло». Персія и не думала впрочемъ считать Андреевцевъ своими подданными. Вскорѣ послѣ этого разговора, вернулся Тебелевъ и министръ шаха. Галиль-мурза прислалъ съ нимъ объясненіе что Надиръ, невидя со стороны русскаго правительства никакого удовлетворенія за грабежи Андреевцевъ, самъ рѣшился наказать ихъ за такую дерзость и доправить на нихъ разграбленное; но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ, что гилійскій командиръ за свои поступки съ русскими удушенъ. Тебелевъ на прощаньи получилъ отъ министра въ почетъ 250 рублей, мурза, бывший съ нимъ, 100, толмачъ 50 за то, что были присланы съ письмами отъ Татищева къ нему, а не прямо къ шаху. Арбузы и дыни были приняты съ великою честью и благодарностью. За то министръ домогался купить въ Астрахани трехъ калмычатъ; Татищевъ послалъ ему чрезъ Братищева двухъ своихъ, объяснивъ, что указами запрещено продавать ихъ. Тебелевъ мало рассказывалъ о состояніи персидскаго лагеря: онъ замѣтилъ въ немъ только страшную дороговизну жизненныхъ припасовъ и слѣды мороваго повѣтрія; войска всего насчиталъ до 66,000 чело-вѣкъ. Но въ сентябрѣ получено было извѣстіе, что «дагестанцы изподтиха бить, скотъ отгонять и пулями ихъ самихъ подчинять не оскудѣваютъ. А персидское войско во всѣхъ съѣстныхъ вещахъ крайній голодъ претерпѣваетъ, и

многіе числомъ умираетъ, многіе знатные люди серебряные уборы и золотые ножи за безцѣнокъ бросаютъ, да никто того не покупаетъ, ибо всякому до собственнаго пропитанія пришло, а не до корысти. Да притомъ и шахъ ихъ безъ пощады, привязываясь ни за что, казнить не перестаетъ, заливная вдругъ по 20 человѣкъ и болѣе». Въ одну изъ такихъ минутъ, шахъ задавилъ до смерти адъютанта, ѣздившаго отъ него при посольствѣ въ Россію, а секретарю выкололъ глаза. Вскорѣ дагестанскіе владѣльцы, нестерпя нахovýchъ мучительствъ, прислали въ Астрахань пословъ просить о принятіи ихъ въ русское подданство. Болѣе 1500 головъ, имѣвшихъ около 65,700 населенія со всѣми своими старшинами, били челомъ объ избавленіи ихъ отъ персидскаго ига. Татищевъ не могъ своею властію рѣшить столь важнаго вопроса, и послалъ въ Петербургъ подробную роспись дагестанцамъ съ приложеніемъ ихъ просьбы. Исполнить эту просьбу значило совершенно разорвать миръ съ нахомъ, который старались всячески поддержать. Уже боялись его мести за самой поступокъ дагестанцевъ. Но на восточнаго деспота нашла минута рыцарскаго великодушія. Поручику Крашеву удалось въ это самое время отыскать изъ пограбленнаго Андреевцами у шахова посланца, 2462 рублей и 109 лошадей. Шахъ все это отдалъ Крашеву въ награду за усердіе: «я только желалъ удовлетворенія отъ русскаго правительства, говорилъ онъ; получивъ его, жалью тебѣ все за услугу твою; достальное взыщу самъ съ Туртухамиста Аликея, когда онъ явится ко мнѣ въ лагерь, оставивъ Тарковскаго Шамхала». Какъ неожиданна была эта выходка со стороны Надира, также скоро произошла переѣзна въ его намѣреніяхъ. Спустя нѣсколько дней, пришелъ наспѣхъ изъ Кизляра въ Астрахань курьеръ съ извѣстіемъ, отъ Тараканова о скоромъ наступленіи шаха на

русскія владѣнія и съ требованіемъ полковъ. 27 декабря собранъ былъ у Татищева тайный военный совѣтъ, на который явились генераль-маіоръ князь Владиміръ Долгоруковъ, бригадиръ и астраханскій вице-губернаторъ князь Михаилъ Борятинскій и совѣтникъ губернской канцеляріи Юрій Хризоскулевъ. Татищевъ прочелъ имъ заранѣе приготовленное предложеніе. Сказавъ о недостаткѣ людей въ полкахъ, о неумѣннхъ большей части ихъ въ экзерциціяхъ, о скудости провіанта, подводъ, о бѣдности казаковъ, Татищевъ читалъ: «А что нынѣ по письмамъ Братищева хотимъ о великой опасности отъ шаха разсуждать; то я его письма нахожу весьма сумнительными: потому что всегда перемиѣняя, или обнадеживаетъ, или великіе страхи предписываетъ, но не всегда, какъ мнится, со основаніемъ и добрымъ порядкомъ, наиболѣе страннымъ многорѣчіемъ и бранью персіянъ неприличною наполняетъ; почему можно разумѣть, что онъ человекъ молодой, въ дѣлахъ такихъ необыкловой, свѣдственно и сообщенія его не весьма вѣроятны. Сперва писалъ, что намѣренія шаховы къ нападенію, какъ ледъ станеть, потомъ слагаетъ до марта, и то еще все такожь сумнительно, а паче даетъ причину сомнѣваться; какъ изъ его Братищевыхъ, такъ и другихъ для развѣдыванія посланныхъ извѣстій видимъ, что шахъ всенародно ненавидимъ и что многіе желаютъ подъ властью Россійскою быть; то такіе для возмущенія легко могутъ, вѣдомости вымышляя на зло шаху, къ Братищеву приносить, а Братищевъ весьма неразумно въ письмахъ генераль-поручику Тараканову и мнѣ объявляетъ. Его разсужденіе съ великимъ желаніемъ, чтобъ въ нападеніи на шаха намъ упредить и провинціи подъ власть Россіи привести, чего никто искусный и свѣдущій въ обстоятельствахъ не апробуетъ. Да хотя бѣ онъ и все слышанное право писалъ, то (по) раз-

сужденію никакъ вѣрить не можно, чтобъ шахъ въ январѣ или февралѣ, за необыкновенностію его войска, въ такія стужи перануть что либо знатное предпріять, меньше же зла намъ учинить. Но если шахово подлинно намѣреніе къ нападенію на Россію есть, то не прежде марта, какъ онъ и другіе разсуждаютъ. А посему нынѣ войскъ въ такое опасное отъ морозовъ и вьюгъ время посылать нахожу неполезно, а надѣжиться удержать до февраля здѣсь и ждать ближайшихъ вѣстій; а между тѣмъ полки готовить и снабжать нужнымъ». Присутствующіе просили прочесть послѣднія письма Тараканова и донесенія Братищева. Таракановъ писалъ такъ: «внушилось шаху, что пришло російскаго войска къ Баляру немалое число, а потому онъ и разсуждалъ,—ежели паче чаянія Россія со мною миръ разрушить и объявитъ войну, тогда о полевомъ бою въ волю Болкію положусь. Только немалый страхъ имѣть, чтобъ морская флотилія безвременно Дербента, Баки и прочихъ подлѣ моря лежащихъ городовъ не побрала». А Братищевъ совѣтовалъ предупредить шаха, сокрушить его при самой границѣ и всѣ его сбродныя силы въ прахъ обратить, и потомъ прямо въ Персію російскія войска походы продолжать невозбранно могутъ; ибо къ завоеванію городовъ и провинцій даже до Испагани ни единого затрудненія не усматривается. По прочтеніи этихъ документовъ, всѣ согласились съ мнѣніемъ Татищева.

Татищевъ не ошибся. Преобразователю персидскаго царства, побѣдителю великаго могола, покорителю аральскихъ странъ не везло на Кавказѣ. Вслѣдъ за возстаніемъ Грузіи, онъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ отъ одного изъ горскихъ владѣльцевъ. Промежъ великихъ горъ, въ крѣпкомъ мѣстѣ, въ усмейскомъ владѣніи, извѣщали Татищева, есть деревня Керъ-Бунъ; въ ней жили мастеровые люди всякаго

художества, полезнаго воинскому дѣлу, дѣлали порохъ, ружья и свинець, лили пули. Кругомъ этого селенія есть немало другихъ деревень по ущельямъ. Сюда-то, заслышавъ о приближеніи шаха, сошлось до 14,000 военныхъ людей. Шахъ потребовалъ подданства. Усмейскій владѣлецъ не отвѣчалъ. Шахъ вступилъ въ горы. Усмей выслалъ своего кади (архіерея); шахъ объявилъ ему, что требуетъ добровольнаго подданства. Усмей опять ничего не отвѣчалъ. Шахъ послалъ Усмею тарковского шамхала Казбулата. Но Усмей въ подданство не идетъ, аманатовъ не даетъ, говоритъ, чтобъ шахъ всѣ разоренныя имъ деревни починилъ, а изъ области его выступилъ, въ то время онъ и помирился готовъ; а ежели шахъ не согласится, въ томъ-де воля Божія: либо я пропаду, либо онъ, а безъ того къ нему въ подданство нейдутъ. Скоро у Усмея нашелся сильный покровитель: то была Турція. Шахъ понялъ, что гибель его войскъ среди кавказскихъ высотъ, изрытыхъ ущельями, покрытыхъ въковымъ снѣгомъ, среди стужи, голода и мороваго повѣтрія, совершенно бесполезна и объявилъ въ январѣ 1743 года, что покидаетъ Кавказъ для войны съ Турціей, что уже его войска осадили Багдадъ. Русскіе резиденты въ Персіи, правители Кизляра и Астрахани вздохнули свободнѣе. Они и не ждали, что вскорѣ появится болѣе безпокойный человекъ, нежели самъ Надиръ-шахъ, надѣлаеть имъ болѣе хлопотъ и опасеній, нежели вся грозная рать персидскаго завоевателя. Этотъ человекъ былъ предприимчивый морякъ и купецъ, искатель приключеній, уже знакомый намъ по оренбургской экспедиціи, гдѣ онъ помогалъ Татищеву въ строеніи крѣпостей самарской линіи, англичанинъ Эльтонъ ¹²⁰).

Еще въ началѣ 1742 года стали носиться между морями, служившими въ каспійской флотиліи, слухи, что Эльтонъ перешелъ въ службу шаха, обѣщалъ ему настроить

кораблей, содержать сообщеніе между тухменскими, персидскими и кавказскими береговыми областями, снабжать его войска жизненными припасами и боевыми снарядами. Все это дѣлалъ онъ подѣ предлогомъ выгодъ англійской торговой компаніи, которая находилась подѣ особливимъ покровительствомъ Россіи и должна была о всѣхъ своихъ нуждахъ сноситься съ мѣстными властями низоваго края, преимущественно съ астраханскимъ губернаторомъ. Но не одни русскіе, нѣкоторые изъ англичанъ подозрѣвали Эльтона если не въ корыстолюбивыхъ, то въ самолюбивыхъ нахреніяхъ. Ему приписывали страстное желаніе добиться почетнаго титула просвѣтителя Персіи, хотя и сомнительно, чтобъ подобное мнѣніе имѣло твердое основаніе. У Эльтона не было для того ни достаточныхъ силъ и свѣдѣній, ни средствъ и времени. Его предприимчивая, неустанная дѣятельность не имѣла такой непосредственной цѣли; она была просто потребностію его кипучей, страстной природы, удовлетворяла его даннымъ привычкамъ авантюриста. Тѣмъ не менѣе много хлопотъ онъ надѣлалъ и губернатору Татищеву и консуламъ Арапову и Бакунину, которые замѣнили Братищева. Странными, подозрительными глазами смотрѣло все русское населеніе Астрахани на подвиги англичанина.

Прежде всего пожаловались на Эльтона Арапову служившіе на его суднѣ русскіе матросы и мазуры, что не даетъ имъ прѣсной воды въ морѣ по надлежащей порціи, а иногда и бьетъ ихъ понапрасну. Потомъ узнали, что Эльтонъ свезъ на берегъ въ Рештѣ олова 15 плитокъ, по 12 пудовъ каждая, до 40 бочекъ по 20 пудовъ, а въ чемъ неизвѣстно, и переправилъ въ лагерь шаху. Другіе англійскіе купцы говорили ему, чтобъ сносился съ консуломъ; Эльтонъ отвѣчалъ, что консулу дѣла до него нѣтъ. Араповъ доносилъ, что Эльтонъ грозитъ всѣхъ русскихъ перестрѣлять, объ-

щаетъ указать шаху путь въ Россію; нерѣдко перевозитъ на своихъ судахъ персидскихъ военныхъ людей; обѣщавъ шаху выстроить два судна для него по 34 аршина въ длину, сковать для нихъ якоря; ищетъ удобнаго къ тому мѣсту. Шахъ далъ ему по 2000 рублей въ годъ. Татищевъ снесся съ Петербургомъ о жалобахъ на Эльтона. Въ Петербургѣ жаловались англійскому посланнику, требовали арестовать безпокойнаго морехода, грозя въ противномъ случаѣ уменьшить привилегіи англійской компаніи. Татищеву же дали знать, чтобъ онъ арестовалъ Эльтона, когда тотъ завернетъ по дѣламъ въ Астрахань. Но Эльтону не за чѣмъ было заглядывать въ негостепримный для него городъ. Оставалось удовольствоваться одними наблюденіями за нимъ. Стали прижимать англійскія факторіи, стѣснять пересылку въ персидскія конторы ихъ англійскихъ плотниковъ и корабельныхъ мастеровъ. Тогда директоры петербургской конторы стали хлопотать чрезъ парламентъ и своего посланника въ Петербургѣ Выга (Wygh), чтобъ имъ позволили отправить въ Ресхъ агента для ревизіи дѣйстви Эльтона и пересмотра его счетовъ и книгъ. Имъ позволили. Отправленъ былъ Ганвей, впоследствии прославившійся подробнымъ описаніемъ своего путешествія, торговли Каспійскаго моря, походеній Эльтона, любопытными замѣтками о Россіи и полной исторіей Надиръ-шаха. 12 сентября 1743 года дано было знать Татищеву, чтобъ онъ пропустилъ Ганвея въ Гилянъ, для наилучшаго утвержденія коммерціи съ Персіей и для поправленія нѣкоторыхъ фальшивыхъ поступковъ тѣхъ англійской компаніи купцовъ, кои тамъ употреблены, и особливо для отвращенія ихъ отъ такихъ предпріятій, которыя предосужденіе коммерціи нанести могли-бы. — Уже на пути къ Астрахани Ганвей заштилъ, что всѣ власти низоваго края настроены противу На-

дир, и отзываются подозрительно объ Эльтонѣ. Путешествіе его по Волгѣ, внизъ отъ Царицына, было не безопасно отъ разбойниковъ, и воровскихъ калмыкъ. По приѣздѣ въ Астрахань, Ганвей позванъ былъ къ Татищеву, которому онъ поднесъ отъ имени англійскихъ купцовъ дорогой подарокъ. Они долго разговаривали о дѣлахъ компаніи. Татищевъ обещалъ съ своей стороны сдѣлать все, что зависить только отъ него, въ пользу компанейщиковъ. Онъ даже коснулся рѣшительныхъ предположеній, которыя могли-бы принести взаимную пользу Англій и Россіи. Старикъ не удержался, чтобы не поговорить съ практическимъ англичаниномъ о своей прошлой жизни. «Этотъ старецъ, писалъ потомъ Ганвей, былъ нажемъ (?) при Петрѣ Великомъ (въ 1724 ?); давно управляя этимъ краемъ, онъ много сдѣлалъ для устрашенія татаръ; у него была особенная склонность къ наукамъ и торговлѣ. Въ искусствѣ благопріобрѣтенія онъ высказывалъ большую опытность и даже понадалъ за это въ немилость; у него было правило, которое онъ выражалъ такими словами: надо дать, надо и взять. Татищевъ сказывалъ мнѣ, что купилъ за пять тысячъ рублей брилліантъ, стоившій двѣнадцать, и поднесъ его знатнѣйшей въ имперіи женщинѣ. Между прочимъ онъ упомянулъ также, что около 25 лѣтъ трудится надъ русскою исторіей.... Этотъ старикъ былъ замѣчательнъ своею сократическою наружностію, изможденнымъ тѣломъ, которое онъ старался поддерживать долготѣннѣмъ воздержаніемъ, и наконецъ неутомимостію и разнообразіемъ своихъ занятій. Если онъ не писалъ, не читалъ, или не говорилъ о дѣлахъ, то перебрасывалъ жетоны изъ руки въ руку». Татищевъ высказывалъ Ганвею свои опасенія, не перешелъ ли дѣйствительно Эльтонъ въ службу Надиръ-шаха, что могло имѣть непріятныя послѣдствія для англійской торговли, могло вызвать гнѣвъ Петербургскаго

двора; онъ совѣтовалъ Ганвею, если еще непоздно, убѣди Эльтона оставить столь дерзкое предпріятіе. Потомъ разговоръ перешелъ къ армянскимъ купцамъ, которые особенно враждебно относились къ англійской компаніи. «Это хирѣйшіе люди въ цѣлой Азіи», живо заговорилъ Татищевъ «еслибъ имъ напримѣръ удалось получить 15 процентовъ позволительнымъ образомъ; то они не были бы такъ рады какъ еслибъ получили пять посредствомъ обмана; и эти пять процентовъ были бы для нихъ горяздо пріятнѣе, нежели тѣ 15». Ганвей и тутъ заподозрилъ источникъ такоу отзыва объ армянахъ: «канцелярія, говоритъ онъ, состоящая изъ вице-губернатора, секретаря и другихъ чиновниковъ, конечно есть большая сдержка для губернатора здѣшняго мѣста; но какъ безъ губернаторскаго позволенія купцы не могутъ ни ввести судна въ пристань, ни даже пощать его, то у него остается много удобныхъ къ благообращенію случаевъ». Свиданія Ганвея съ Татищевымъ бы часты и каждый разъ разговоръ ихъ обращался на Эльтонъ Татищевъ не могъ коснуться этого разговора безъ того, что снова не повторить своихъ опасеній на счетъ послѣдствій для каспійской торговли, если персіяне выучатся морскому искусству. Ганвей говорилъ на это, что онъ понимаетъ и желаніе Россіи, чтобъ Персія завела флотъ точно такъ какъ прежде не желала того Швеція для самой Россіи; обыкновенно прибавлялъ, что, по всей вѣроятности, паша и Эльтонъ ограничатся однимъ, двумя кораблями, тогда какъ русскіе всегда могутъ построить ихъ десятокъ; наконецъ Ганвей старался объяснить, что слухи о замыслахъ Эльтона, быть можетъ, преувеличены Араповымъ изъ личной вражды къ нему. Въ день отъѣзда своего Ганвей шло ходилъ къ Татищеву и получилъ отъ него наставленія относительно Эльтона. Татищевъ требовалъ при этомъ, что

Ганвей далъ за своей рукой письмо, что никто изъ англичанъ не перейдетъ въ службу шаха. Ганвей уже не нашелъ Арапова въ Рештѣ: на его мѣсто назначенъ былъ Бакунинъ. Оставляя мѣсто своего служенія, Араповъ доносилъ Татищеву, что Эльтонъ объѣхалъ на своемъ кораблѣ весь берегъ Каспійскаго моря отъ Гилани и Астрабата до той пристани на бухарской сторонѣ, куда изъ Астрахани купеческія суда съ товарами приходятъ, осматривалъ и описывалъ всѣ лежащія на берегу мѣста; приплывъ въ Мазандеранъ, нашелъ тамъ недалеко отъ города Форабата годный къ строенію пореходныхъ судовъ лѣсъ, и, сочиня обо всѣхъ тѣхъ мѣстахъ ландкарту, отослалъ ее съ своимъ служителемъ къ шаху». Донесеніе было основано на разказахъ русскихъ матросовъ, которые были на Эльтоновскомъ кораблѣ. А между тѣмъ Ганвей писалъ съ дороги Татищеву, что плаванье это было предпринято для пользы торговой компаніи, а вовсе не для выгодъ шаха. Татищевъ сообщилъ о томъ въ Петербургъ. Оттуда отвѣчали: «и сей Ганвей такой же интриганъ, какъ и Эльтонъ; оба служатъ одной и тойже английской компаніи, и потому въ ихъ поступкахъ чаятельно розни — быть не можетъ. А какъ Эльтоновы замыслы завести, въ противность нашимъ интересамъ, морскія суда для шаха обнаружились, съ какою цѣлью онъ уже вывезъ изъ Астрахани утайкою на кораблѣ своемъ немалое число карабельныхъ инструментовъ, а на парусы канифасу русскихъ фабрикъ: то вамъ надо прилѣжно развѣдывать о дальнѣйшихъ поступкахъ Эльтона и другихъ его компанейщиковъ англичанъ и втайнѣ принимать надлежащія мѣры для огражденія нашихъ интересовъ: то есть удерживать въ Астрахани английскихъ мастеровыхъ людей подъ приличными предлогами, также не выпускать оттуда якорей, канатовъ, парусовъ, смолы, канифасу, полотень и другихъ припасовъ, безъ ко-

торыхъ невозможно морское хожденіе. Опасенія эти оправдались. 13 января 1743 года Братищевъ донесъ Татищеву, что шахъ надѣлъ на Эльтона знатный халатъ, объявилъ его морскимъ командиромъ, обнадежилъ премногими награжденіемъ и обязалъ его учить персіанъ морскому дѣлу. Братищевъ вызывался, если пришлютъ къ нему изъ Астрахани два вооруженныхъ гербота, итти къ Апшерону и захватить Эльтона силой.

Но Эльтонъ самъ обратился къ Татищеву съ письмомъ (20/я янв. 1743), въ которомъ говорилъ, что обвиненія на него произошли конечно отъ интригъ другой англійской конторы, находившейся въ Рештѣ и побуждавшей Арапова и Братищева къ неудовольствіямъ на него; потомъ онъ переходилъ къ объясненію этихъ не удовольствій. Когда Эльтонъ прибылъ въ Зинзидей, тамъ былъ и русскій консулъ, жаловавшійся на то, что англичане не подняли флагъ, когда онъ пріѣзжалъ на одинъ изъ русскихъ шмаковъ, бывшихъ въ той гавани. Эльтонъ готовъ былъ съ большою радостію исполнить такое желаніе консула, и по уваженію къ имени ея величества, и по личному знакомству съ Араповымъ; но выгрузка товаровъ, которою они тогда занимались, помѣшала ему сдѣлать то; при томъ же нескоро усмотрѣли прібытіе консула на шмакъ, но лишь только замѣтили его ботъ, то флагъ былъ поднятъ. Вопросъ зашелъ о мелкихъ подробностяхъ морской салютаціи, и Эльтонъ успѣвши замѣтить, что шмакомъ командовалъ унтеръ-офицеръ, не имѣвшій вымпела, такъ что, еслибъ этотъ шмакъ стоялъ даже въ Британіи, въ какой либо гавани, и тоже безъ вымпела, то конечно бъ не удостоился чести быть салютованнымъ посредствомъ поднятія флага. Но съ тѣхъ поръ, присалъ Эльтонъ, Араповъ далъ повольность русскимъ матросамъ, находившимся на англійскихъ судахъ, къ волненіямъ,

подучилъ ихъ оставить Эльтона, задержалъ двоихъ на во-
 семь дней, посылалъ къ нему ругательныя письма, требуя
 подчиненія Эльтонскихъ судовъ себѣ на томъ основаніи,
 что часть экипажа ихъ состояла изъ русскихъ; на что Эль-
 тонъ отвѣчалъ, выставляя подобное требованіе противнымъ
 привиллегіямъ, дарованнымъ англійской компаніи отъ рус-
 ского правительства, впрочемъ, если Араповъ имѣетъ какой
 либо указъ, то показалъ бы его Эльтону. Оправдывая свои
 дѣйствія, Эльтонъ перешелъ къ разбору дѣйствій Арапова.
 Когда грузятся русскіе суда, товаромъ, говорилъ онъ, то
 ни малой бочки или кипы нельзя нагрузить безъ дозволе-
 нія консула, и потому купцы должны чинить ему немалые
 подарки; а когда русское судно грузится для шаха пшеномъ,
 то оное болѣе четверти занимается для консула и его слу-
 жителей: и отъ такихъ прибытковъ и взятковъ консулъ
 собралъ себѣ великую сумму денегъ, а тѣмъ учинился какъ
 о себѣ, такъ и о чинѣ своемъ забывчивъ». Кромѣ того Ара-
 повъ требовалъ чрезъ правителя города Решта денегъ за
 русскихъ матросовъ на судахъ Эльтона, денегъ за погрузку
 и выгрузку пшена для шаха, всего 65 рублей; послѣ долгой
 переписки о томъ, что ни въ какомъ контрактѣ не говорится
 о такой платѣ, товарищъ Эльтона послалъ часть денегъ
 Арапову, и тотъ перевелъ отъ нихъ еще одного русскаго
 матроса на русское судно. Потомъ консулъ послалъ на ан-
 глійскую пристань трехъ человѣкъ, вооруженныхъ дуби-
 нани и татарскаго муллу толмача, которые встрѣтили одно-
 го изъ Эльтоновскихъ служителей и стали бить его; тогда
 выскочилъ другой матросъ Эльтона, и, начавъ драку съ
 служителями Арапова, ранилъ слегка одного изъ нихъ. И
 хотя зачинщики были служители Арапова, но послѣдній на-
 ставалъ не только на арестъ этого матроса, но и на томъ,
 чтобъ онъ былъ битъ и чтобъ отрѣзали ему уши, что и не-

полнилъ рѣшскій правитель: однакожь, вѣроятно, собственныя уши правителя будутъ за то отвѣчать, когда узнае шахъ о случившемся». Мало того: по словамъ Эльтона, Апповъ грозился напасть на дома англичанъ и писалъ Братищеву, чтобъ онъ поступалъ съ ними такимъ же образомъ. И дѣйствительно, когда корабль Эльтона пришелъ къ Дебенту, гдѣ жилъ Братищевъ; то персидскіе люди, подученныя имъ, били людей Эльтона, выгружавшихъ пшено шаха пока армянинъ, подтолмачъ русской службы, не закричалъ полно. Англичане, впрочемъ, получили сатисфакцію тѣмъ что персидскій пріемщикъ товаровъ былъ дважды битъ пятами, и отрѣшенъ отъ должности. Наконецъ англійскіе люди, жившіе въ палаткахъ на берегу моря, близъ Дербета, подлѣ города, часто въ хорошую погоду выкидывали флагъ въ знакъ того, что съ корабля можетъ идти къ нимъ боть для нагрузки: и въ день рождества Братищевъ пріехалъ туда съ своимъ подтолмачемъ и персидскими слугами и приказалъ имъ снять тотъ флагъ, разломать бросить въ море, при чемъ служителей Эльтона побилъ. Даже когда самъ Эльтонъ сошелъ на берегъ, то армянинъ не разъ приходилъ къ его палаткѣ, насильно ложился на нее и когда служители не пускали его туда, ругался. Въ эти поступки русскихъ властей, писалъ Эльтонъ, и заставили меня искать протекціи у шаха, который оказалъ мнѣ честь пріятіемъ моей просьбы. Но пока я ѣздилъ въ лагерь шаха, армянинъ, персидскіе служители и русскіе солдаты Братищева пришли ко мнѣ въ палатку, взяли одного изъ моихъ служителей и съ бранью повели въ квартиру Братищева, отстоявшую за двѣ мили, гдѣ съ угрозами стали требовать у него 5 рублей, будто бы должныхъ мною одному русскому матросу, ушедшему съ моей эскадры, хотя у него была записка въ отдачу этихъ денегъ отъ самого Брати-

м. Что касается обвиненій о жестокомъ обращеніи съ матросами, прибавляя Эльтона, то всего лучше спросить у самихъ, когда англійскіе корабли придуть въ Астрахань чрезъ два мѣсяца. Что же до рѣчей моихъ, противныхъ русскимъ интересамъ, то я не только никогда не разговаривалъ съ Братищевымъ, но даже и не видалъ его; хотя, быть можетъ, кто-нибудь изъ служителей или бурлаковъ моихъ и сказалъ что-нибудь непристойное. За тѣмъ напоминалъ, что онъ, какъ британскій подданный, обязанъ отвѣчать за себя и подчиненныхъ поведеніе только персидскому шаху, во владѣніяхъ котораго находится, да своему королю; точно также какъ ни одинъ англійскій купецъ, проживающій въ Ивербургѣ, не долженъ отвѣчать за себя шведскому королю; и тѣ англичане, которые сражаются въ русской арміи противъ шведовъ, если попадутся въ плѣнъ, то вѣроятно будутъ приняты честно въ Стокгольмѣ; точно также и поселившимся въ Персіи нѣтъ обязанности торговать съ русскими. Этого требуютъ и генеральные интересы Великобританіи и партикулярные интересы британскихъ купцовъ. Да и отказать шаху въ личной службѣ было бы неразумно, онъ самовластенъ и могъ бы силою принудить къ тому; такія дѣла часто приключались судамъ остъ-индской компаніи въ Персидскомъ заливѣ. Но если я и рѣшился вступить въ службу шаха, то лишь вслѣдствіе притѣсненій отъ Арапова и Братищева, возбужденныхъ другою компаніею англійскихъ купцовъ въ Рештѣ. Но думаю, заключалъ Эльтонъ, что шахъ будетъ столь великодушень, не заставитъ меня предпринять что либо ко вреду россійской имперіи. Иначе объясняли причины вступленія Эльтона въ шахову службу и успѣхъ его кораблестроительной дѣятельности русскіе матросы, служившіе на его судахъ, при допросахъ, которые имъ дѣлали русскія власти, когда они сходили на берегъ.

крайне благо разумно, давъ привилегіи англичанамъ. Надѣюсь, что и нынѣшняя императрица за мои услуги англо-персидской торговлѣ такую же милость окажетъ, ибо усиліе каспійскаго торгова выгодно и для Россіи. — У Татищева выходила изъ головы мысль объ арестѣ Эльтона и въ половинѣ сентября онъ отвѣчалъ на его письмо увѣреніемъ, что такая усердная служба не можетъ остаться безъ награжденія; но всего лучше, еслибъ Эльтонъ явился самъ лично просить о томъ: «а заочно и чрезъ лучшихъ пріятелей дѣлать не безъ труда, особливо какъ вы объявляете, что на вашихъ непріятелей клеветали, что изъяснить и себя совершенно извинить удобнѣе персонально; и для того я весьма сожалѣю, что вы пріѣздомъ сюда умедлили. Впрочемъ можете вамъ и Ганвей истину засвидѣтельствовать, что въ вашемъ торгу всевозможное попеченіе имѣю.» Англичане поняли, что со старикомъ не створишь, и вотъ 10 ноября написалъ къ нему длинное посланіе Джонъ Ганвей, въ которомъ разхваливалъ искусство и умное разсужденіе г. Эльтона, его одолженія отечеству, его неусыпное радѣніе о распространеніи англійскаго торгова ради знатнаго интереса Россіи; говорилъ объ искусныхъ observaціяхъ береговъ Каспія, о битвахъ его съ береговыми разбойниками туркменцами, о расширеніи торговыхъ сношеній: «сіе доношеніе, писалъ Ганвей, ябы столь пространно и обстоятельно не учинилъ, ежелибъ не желалъ ваше превосходительство о самой правдѣ этого дѣла увѣдомить, и сколько можно опровергнуть всѣ тѣ подозрѣнія и тшетныя разглашенія, которыя уязвили нашъ новозаведенный торгъ, начатіе котораго мы должны приписать Эльтону; онъ ищетъ милости въ шахъ только для протекціи торговлѣ.» Далѣе онъ намекалъ, что въ случаѣ, если Россія перестанетъ покровительствовать англійской торговлѣ; то они принуждены будутъ

обратить свои мысли къ изысканію иныхъ путей для расширенія ея. Но и объясненія Ганвея подѣйствовали не болѣе объясненій Эльтона. Русскій посолъ въ Лондонѣ представлялъ министру иностранныхъ дѣлъ о предосудительныхъ и злостныхъ поступкахъ Эльтона и домогался отозванія его. Увѣдомля объ этомъ Татищева, русская коммиссія иностранныхъ дѣлъ прибавляла: «а такъ какъ онъ и до сего времени въ такихъ же предосудительныхъ къ нашей сторонѣ поступкахъ упражняется, то потребовано отъ коммиссіи не имѣть дѣла съ нимъ и не поручать ему никакого торга, а вамъ рекомендуется симъ не пропускать торговъ, адресованныхъ на его имя.» Запрещено было также нѣтъ на англійскихъ судахъ служителей англичанъ, только одинъ командиръ могъ быть англичанинъ; потому что позволено было нанимать русскихъ работниковъ, при томъ такихъ только, о которыхъ подлинно извѣстно, что они въ Астрахани или другихъ русскихъ городахъ женъ и дѣтей своихъ имѣютъ, для того чтобъ они самовольно въ Персію не оставались и въ шахову службу не вступали. Братищевъ и Арановъ представляли съ тою же цѣлію ограниченія англійской торговли, чтобъ въ Гилянѣ ѣздили купеческія суда: весною одно, лѣтомъ одно, осенью два, да къ зимѣ въ Баку одно, чтобъ при большемъ скопленіи судовъ, за неимѣніемъ достаточной работы, русскіе люди, будучи праздны, къ персіанамъ не уходили. Предложеніе это отдано было на усмотрѣніе Татищева. Татищевъ просилъ коллегію опредѣлить еще торговыхъ агентовъ по одному человѣку въ Дербентъ, Баку и Мазандерани изъ русскихъ студентовъ, составлялъ инструкцію новому консулу въ Гиляни, Бакунину и жаловался, что послѣдній медлитъ своимъ отъѣздомъ изъ Астрахани. Изъ Петербурга отвѣчали: выслать безъ отговорокъ; и объ умноженіи русскихъ агентовъ узнать чрезъ Братище-

ва; не противно ли то будетъ шаху. Татищевъ думалъ взять для службы на англійскихъ судахъ 200 человекъ русскихихъ и содержать ихъ на коштѣ судовыхъ хозяевъ. Коллегія отвѣчала на то, что такое дѣло, касающееся внутренней жизни государства, не относится къ ея вѣдомству, сносился бы о немъ съ сенатомъ. Переписка Татищева съ Ганвеемъ пріостановилась. Было одно письмо въ апрѣлѣ отъ Ганвея, въ которомъ онъ благодарилъ губернатора за пересылку его корреспонденціи съ петербургскими англичанами. Въ сентябрѣ 1744 года увѣдомили Татищева, что прекратили выдачу паспортовъ англійскимъ служителямъ для проѣзда въ Астрахань, не смотря ни на какія просьбы англійскаго посла, изъ опасенія, что Эльтонъ можетъ переманить ихъ въ службу шаха. Тогда англичане стали просить паспортовъ для четырехъ моряковъ, назначаемыхъ будто для сопровожденія каравана купческаго изъ Астрахани въ Петербургъ. Паспорты были выданы, но тогда же дали знать Татищеву, чтобъ не пускалъ моряковъ въ Персію, а помогъ бы въ отправленіи каравана. Англичане стали искать покровительства въ коммерцъ-коллегіи и та позволила англійскимъ принципаламъ посылать товары въ Персію, только на имя Ганвея, а не Эльтона. Но коллегія иностранныхъ дѣлъ, узнавъ о томъ, именовъ императрицы, подтверждала снова до будущаго указа не пропускать изъ Астрахани такихъ товаровъ: ибо Ганвей и Эльтонъ оба одну компанію имѣютъ; и надѣялись, что удержаніе товаровъ заставитъ компанію вызвать Эльтона изъ Персіи. Не переставали еще надѣяться, что Эльтонъ самъ отдастся въ руки, вернувшись изъ Гиляни въ Астрахань; совѣтовали Татищеву удержать тогда его подъ благовиднымъ предлогомъ, напримѣръ, заставить хоть для того подъ рукою мазуровъ, еслибъ они сами съ тѣмъ не вызвались, за непорядочное ихъ содержа-

не и обиды жаловаться; совѣтовали также хранить такое
молчаніе въ тайнѣ, не озлоблять англичанъ, чтобъ такимъ
образомъ заманить въ Астрахань и другой ихъ корабль,
идущійся нынѣ въ Персію, подъ командою Брауна. Нако-
нцѣ лордъ Тиравлей, министръ иностранныхъ дѣлъ Англій,
дѣлъ знаетъ русскому кабинету, что, по представленію нашего
посла въ Лондонѣ, Король велѣлъ отозвать Эльтона изъ
Персіи въ Англію, уже отданъ и паспортъ для свободнаго
прѣзда его чрезъ русскую имперію. Но не добились ни Эль-
тона, ни Брауна. Пріѣхалъ только Ганвей въ концѣ года и
идѣлся съ Татищевымъ. Онъ нашелъ его совершенно измѣ-
нившимся къ дѣлу англійской компаніи и къ нему лично.
«Я вижу, сказалъ Ганвей, что моя мнимая связь съ Эльто-
номъ повредила мнѣ въ Россіи; но въ нашихъ дѣлахъ нѣтъ
ничего общаго, у насъ даже различные взгляды на нихъ.»
Я понялъ изъ словъ Татищева (говоритъ Ганвей), что онъ
такое разъединеніе счелъ за политическую ловкость съ
всей стороны; и не смотря на то, онъ съ необыкновенною
ловкостію умѣлъ обойти всякое рѣзкое выраженіе въ этомъ
смыслѣ. Я явился къ нему не съ пустыми руками, и не смо-
тря на то, въ своихъ выраженіяхъ онъ едва переступилъ за
границы самой общей вѣжливости. Упрекъ, который, по всей
вѣроятности, былъ ему сдѣланъ, за благосклонность къ намъ,
говоръ такъ измѣнилъ его, что казалось онъ считалъ за
преступленіе вступаться въ нашу торговлю.» Такъ разска-
зываетъ Ганвей о своемъ свиданіи съ Татищевымъ по воз-
вращеніи въ Астрахань. Татищевъ доносилъ о томъ въ Пе-
тербургъ просто: «прибылъ съ моря англичанинъ Ганвей
и подалъ мнѣ письмо за рукою своею отъ 7 ноября. А въ
томъ письмѣ писано: Эльтонъ состоитъ комиссіонеромъ въ
Гиліани у англичанъ Крамонда, Тимермана, Бордевинга, Дан-
гели, Боуса, Вленкена. Три компанейскихъ корабля ихъ съ

грузомъ, подъ начальствомъ Эльтона, прибыли въ июль 1742 года въ Гилянъ; на исходѣ того года англійскій и русскій дворы были встревожены вѣстью, что онъ поступилъ къ шаху въ службу; въ сентябрѣ 1743 года дали Ганвей вѣрительное письмо, чтобъ произвести слѣдствіе. Въ декабрѣ онъ былъ въ Гиляни. Эльтонъ признался ему, что принужденъ былъ отъ обидъ бѣжать въ лагерь для протекціи шаха, и обѣщаль построить для него на европейскій манеръ два судна, и за то шахъ назначилъ ему особое жалованье: и такимъ поступкомъ онъ не болѣе домогался, какъ одну только протекцію себѣ и своему дѣлу получить. Потомъ поѣхалъ въ Астрахань съ небольшимъ грузомъ, но былъ ограбленъ туркоманскими разбойниками, что опять побудило искать протекціи шаха. Что касается строенія судовъ, то по неимѣнію въ Персіи лѣса и удобныхъ мѣстъ и рабочимъ людей, вести его съ успѣхомъ невозможно. Въ іюль Ганвей узналъ, что въ Астрахани не велѣно пропускать англійскихъ товаровъ, адресованныхъ на имя Эльтона. Амстердамская газета въ номерѣ отъ 1-го сентября объявила, что Эльтонъ получаетъ отъ шаха 2000 жалованья въ годъ и въ разное время подарковъ на 1500, и что у него одинъ военный корабль построень: и все то не правда. Вообще клеветы на Эльтона не заслуживаютъ вниманія по своему характеру: они происходятъ болѣе всего отъ армянъ, завидующихъ англичанамъ. Таковы были объясненія Ганвея послѣ сдѣланной имъ ревизіи ¹⁸⁰).

Но у Татишева было много другихъ заботъ и безъ англійскихъ коншанейщиковъ. Время было хлопотное. Обычный ходъ астраханской торговли былъ нарушенъ войною и моровымъ повѣтріемъ; сдѣлки торговля стали отыскивать другіе пути, необычныя въ мирное время; стѣснительныя, осадныя мѣры, которыя принимало правительство по поведи

величій на Кавказѣ и въ Персіи, подняли купеческое иностранное население на хитрости. За всѣми надо было глядѣть; всѣмъ угодить; всѣхъ уладить. Изъ Петербурга безпрестанныя приказанія; столь же частыя донесенія туда; переписки съ резидентами, консулами, переводчиками, командирами разныхъ вѣдомствъ; а тамъ ссоры кабардинскихъ князей за баранту; челобитныя дагестанцевъ, шамхала Усмей о подданствѣ Россіи; переселеніе трухменцевъ къ Волгѣ, набѣги киргизовъ, ссора съ Дондукъ-Даши, судъ надъ морскими разбойниками, размѣны плѣнныхъ съ Турціей, присмотръ за политическими арестантами; наконецъ слухи о новомъ движеніи Надиръ—шаха къ Кавказу: — всюду требовалось присутствіе губернатора, всюду нужны были его глубокое вниманіе и заботливая рука. А помощниковъ мало; въ иныхъ недостаточное усердія; большая часть въ ссорѣ между собою; и чаще всего рѣшительный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ людяхъ: такова была общая картина положенія Татищева, въ послѣдніе два года его губернаторства. Посмотримъ на ея подробности.

Турецкая война давно кончилась; а между тѣмъ въ Астрахани жили съ 1735 года тридцать человекъ плѣнныхъ, удержанныхъ по той причинѣ, что они пріѣхали предъ самымъ началомъ войны подъ видомъ купцовъ, а означились военныя люди, между которыми одинъ изъ знатныхъ начальниковъ надъ янычарами; а по своимъ поступкамъ и по взятымъ у нихъ письмамъ явились не только подозрительны, но и за самыхъ шпионовъ приняты, а нѣкоторые и розыску подвергнуты: но по заключеніи мира все то миновалось; надо было отправить ихъ въ Турцію; Татишевъ долженъ былъ снестись о томъ съ кубанскимъ сераскиромъ. Но этотъ дѣло о плѣнныхъ не кончилось: петербургскаго нахотнаго полку солдатъ Данила Львовъ былъ арестованъ

но причинѣ подметнаго письма, которое «въ нѣкоторыхъ литервахъ» клонилось къ сходству съ вынатымъ у плѣнныхъ турокъ письмомъ, вреднымъ для безопасности Астрахани; а чтобъ то подметное письмо его рукою было писано, въ томъ онъ не признался. Рѣшили: освободить его и отпустить въ команду, потому что письмо явилось неосновательное. Кончилось это розыскное дѣло, подошло другое: Персидскій армянинъ съезъ въ Астрахань дѣлавные въ горахъ воровскіе, подобныя русскимъ, пятикопѣечники на сумму въ 320 рублей 80 копѣекъ; его розыскивали трижды, долго держали подъ карауломъ, но потомъ освободили и избавили отъ кнута по просьбѣ персидскаго посла. Далѣе надо было рѣшить дѣло о морскихъ разбойникахъ, тянувшееся еще съ 1739 года, когда они были пойманы въ Персіи капитаномъ Голдобинымъ. Тутъ были и ясашины крестьяне изъ инородцевъ, и посадскіе, и монастырскіе, и пошѣщниковы люди, жители волжскихъ степей, низовыхъ городовъ, углицкаго монастыря, съ Дону, Яика, Камы, Оки, ихъ притоковъ. Одни пустились на разбой изъ Гурьева городка, гдѣ были на работахъ; другіе съ рыболовнаго стана, богатѣйшаго между астраханскими промышленниками, Тихона Лошкарева; третьи съ торговыхъ каравановъ, ходившихъ по Волгѣ; собрались они вмѣстѣ не вдругъ, сошлись на Каспійскомъ морѣ въ 44 человѣкахъ, пограбили до 13 судовъ, погибли изъ нихъ въ бояхъ 14 человѣкъ; 20 вернулись въ Русь; три ушли въ Персію; только семь попались въ застѣнокъ. Ихъ трижды розыскивали и съ тѣхъ розысковъ и съ огневинились они во многихъ разбояхъ и смертоубійствахъ. Губернская канцелярія подвела статьи разныхъ законовъ: «въ Уложеніи въ 24 главѣ, пункты 18 и 21; да въ инструкціи 1719 г. дек. 24 въ 4 пунктѣ, сказано то-то,— и знатно подлежатъ они смертной казни.» Татищевъ требовалъ отъ кол-

легія иностранныхъ дѣлъ указу о томъ. Коллегія отеклась, объявивъ спрашивавшему, что это дѣло внутреннее, не ея вѣдомства; и велѣла обратиться въ сенатъ. Вслѣдъ за тѣмъ явился въ Астрахань французъ Галиберъ, проѣхавшій изъ Индіи черезъ Персію и собиравшійся пробраться въ Европу черезъ Россію: прежде чѣмъ дать ему паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, надо было справиться у нашихъ агентовъ въ Персіи, не былъ-ли онъ въ лагерѣ у шаха и въ замыслахъ противу Россіи не подозрителенъ-ли. Потомъ нашелся одинъ добрый человекъ между поселившимися навсегда въ Россіи индѣйцами, сообщилъ Татищеву въ разговорахъ: «шахъ-де въ Индіи не малую себѣ пользу чрезъ шпионовъ получалъ; а болѣе въ тѣ шпионы употреблялъ изъ индѣйскихъ монаховъ или пустынниковъ для того, что изъ люди вездѣ болѣе вѣрятъ, ихъ не задерживаютъ, и о всемъ съ ними нескротно говорятъ, а простой народъ ихъ и слушаетъ; а сюда-де такихъ индѣйскихъ и персидскихъ пустынниковъ для милостыни пріѣзжаетъ не мало, и весьма отъ нихъ опасно, чтобъ какихъ плутней не произошло.» Надо было снестись о томъ съ коллегіей и потомъ пригласить пришельцевъ оставить Астрахань. — Возвратились изъ Петербурга слоновщики-индѣйцы, водившіе туда шаха слона въ даръ императрицѣ; главный изъ нихъ дима съ женою цыганской природы, и сынъ ихъ изъявили желаніе остаться въ Россіи и креститься, но съ условіемъ, чтобъ его сдѣлали главнымъ звѣровщикомъ въ Петербургѣ: надо было осторожно развѣдать, съ чего онъ то замыслилъ, самъ собою, или съ чьего подговору, и нѣтъ-ли какихъ писемъ съ нимъ и обо всемъ снестись съ коллегією. Далѣе пришлось хлопотать по давнему дѣлу армянина, Иліаса Мувешаха, а по прозвищу Эхъябека, сильно изобитеннаго въ царствованіе Екатерины I русскими министрами. Онъ ока-

заявъ разные услуги Петру во время персидскаго похода а прежде того выручилъ отъ казвинскаго владѣльца задержаннаго имъ русскаго секретаря оріентальной экспедиціи Флоріо Беневени, посланнаго Петромъ въ Бухару; вывезъ изъ Персіи 14 русскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ знаемаго московскаго жителя Алексѣя Волкова; но потомъ почему-то былъ заподозрѣнъ и задержанъ въ Астрахани. Несмотря на просьбы, поданныя Екатеринѣ I, не смотря и на обнадеживанія генерала Левашева, его посадили въ московскую тюрьму, въ какую воры и разбойники заключены бывають, потомъ перевели въ московскую, оттуда въ петербургскую, при чемъ на первомъ же станѣ отобралъ него Курбатовъ всѣ французскія, армянскія и персидскія письма. Послѣ его допрашивали въ коллегіи иностраннымъ дѣламъ Гаврило Головкинъ, Петръ Толстой, Василій Стеновъ, баронъ Остерманъ; просился онъ у нихъ во Францію но ему объявили, что не пустять; и только послѣ долгихъ вытарствъ могъ онъ выѣхать въ Польшу, нагъ и бѣденъ. Всѣхъ горестныхъ приключеній съ нимъ въ Россіи не можеть онъ ни словесно выявить, ни перомъ описать: «онъ отраву, писалъ онъ, дать мнѣ не убоялись, желая тѣмъ жизнь мою пресѣчь. Или у васъ за великій грѣхъ не почитается, и предъ всѣмъ свѣтомъ незазрительно быть являється, за добро зло дѣлать? Развѣ вашему государству слава и честь чрезъ такое поведеніе бываетъ? Мнѣ ничего теперь не надо; прошу только всѣ тѣ же взятія мои письма не удерживая изъ нихъ ни лоскутка, мнѣ возвратить: онъ надобны для моихъ торговыхъ счетовъ.» Татищевъ переслалъ въ Петербургъ челобитную обиженнаго армянина, не поминавшую собою походенія автора *Lettres Moscovites* но получилъ-ли челобитчикъ просимое, неизвѣстно. Жилъ у Татищева и три политическихъ персоны: бывшій персидскій

скій посоль Измаилъ-Бекъ, выѣхавшій въ Россію еще въ 1723 году, посоль хивинскаго хана, убитаго потомъ Надиромъ, и извѣстный персіянинъ (какъ выражаются о немъ въ акты) Гуссейнъ-ханъ. Первые двое содержались въ Астрахани и жили довольно свободно. Сынъ Измаилъ-Бека учился даже русскимъ обычаямъ, европейскимъ поступкамъ и военному дѣйству. Отецъ безпрестанно хлопоталъ у Татищева, какъ у своего пріятеля и единственнаго брата, о будущности своего Фетъ-Али-Бека. Татищевъ сдѣлалъ все, что могъ: опредѣлилъ его солдатомъ въ гарнизонный полкъ, а чрезъ семь дней произвелъ въ капралы, потомъ въ унтер-офицеры, и хотя имѣлъ право вести до поручика, но спросилъ указа о томъ. Указъ пришелъ, и новопроизведеннаго поручика отдали въ гарнизонную школу учиться письму и ариѳметикѣ. Хивинскій посоль недолго разсуждалъ, получилъ отъ Татищева надѣлъ пахатной и сѣнокосной земли, женился, обзавелся домомъ и пустился торговать въ астраханскомъ посадѣ. Гораздо хуже была доля извѣстнаго персіянина Гуссейнъ-хана. Это былъ самозванецъ во имя одного изъ предшественниковъ Надира. За то его и держали не въ Астрахани, а въ Петровскомъ городкѣ; за нимъ смотрѣлъ астраханскаго гарнизона капитанъ Дмитрій Сабанинъ, и велъ повседневныя записки случаемуся и высылалъ ихъ Татищеву, который составлялъ для коллегіи иностранныхъ дѣлъ извлеченія изъ нихъ. Содержаніе этихъ записокъ однообразно и печально. Интереснаго въ нихъ только и есть, что извѣстный персіянинъ находится въ великомъ оскудѣніи въ деньгахъ, которыя были, и тѣ всѣ издержаны; ничего у себя не имѣеть, и плащомъ верхнимъ и исподнимъ, и обувью, какъ онъ, такъ и свита его, обносились, и ходятъ почти наги и босы. Извѣстный персіянинъ просится въ Петровска, ничего-де нельзя здѣсь достать, и такая

жизнь ему не за обычай. Извѣстный персіянинъ не разъ просилъ, чтобъ отправили въ Москву находящагося при немъ грузинца Мартироса; и не смотря на запрещеніе капитана, тотъ уѣхалъ тайно; вызвались его везти пахатные города Петровска солдаты, за что и взяты подъ караулъ въ воеводскую канцелярію ихъ жены. Добился-ли чего въ Москвѣ посланецъ извѣстнаго персіянина, осталось неизвѣстно¹⁸¹).

1744 годъ былъ самый хлопотный для Татищева. Никогда еще не скоплялось въ губернской канцеляріи разомъ столько дѣлъ, какъ въ этомъ году: большая часть изъ нихъ была вызвана политическими событіями востока и перемѣною людей, окружавшихъ Татищева.

Прежде всего били челомъ персидскіе, индійскіе, ариянскіе и бухарскіе купцы о позволеніи вступать имъ въ русское подданство, для лучшаго размноженія торгова и фабрикъ персидскихъ подданныхъ, временно, а не вѣчно; жониться, покупать земли, строить дворы, торговать и фабрики заводить, въ Астрахани и Кизлярѣ, наравнѣ съ русскими; просили также опредѣлить сборы съ нихъ и ихъ привиллегіи; обѣщались выѣхать изъ Персіи въ Россію во множествѣ съ великимъ имѣніемъ. Кромѣ того у столь разныхъ народовъ, какіе живали въ Астрахани, были свои, очень разнообразныя понятія о торговлѣ, процентахъ и земныхъ писмахъ: надо было установить общія правила для всего этого. Татищевъ представилъ объ этомъ въ коллегію. Оттуда отвѣчали: переселеніе въ Россію изъ Персіи многихъ купцовъ не будетъ ли противно трактату 1735 года? Былъ случай, что у генерала Левашева шахъ требовалъ выдачи прежнихъ персидскихъ подданныхъ. Если ужъ позволять селиться, такъ только въ Астрахани, а не въ Кизлярѣ, гдѣ, по близости персидской границы, персіяне могутъ скоро увѣдать о томъ и объявить шаху, который, по взлѣрчивому своему

праву, не оставить сильныя требованія объ отдачѣ ихъ учинить. Что же касается процентовъ и заемныхъ писемъ, то Петербургъ, не зная народныхъ и мѣстныхъ обычаевъ астраханскихъ купцовъ, отказывался выдать для того общее постановленіе, и предлагалъ Татищеву самому попытаться составить отдѣльное вексельное право для Астрахани. Едва ли Татищевъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать для этой цѣли. Онъ рѣшилъ только одинъ случай. Въ пересылкѣ русскихъ денегъ изъ Астрахани къ резиденту и консулу въ Персію, на жалованье и расходы, и при обмѣнѣ ихъ на персидскія деньги, ежегодно происходилъ убытокъ казнѣ. Татищевъ, съ дозволенія коллегіи, рѣшился отпускать въ Персію грузы товаровъ и, продавая ихъ на добрыя ходячія персидскія деньги, выручку отсылать къ обоимъ агентамъ Россіи, непереставая исподволь вымѣнивать русскія деньги на персидскія и въ Астрахани. Не менѣе былъ важенъ вопросъ о взаимныхъ между Персіей и Россіей торговыхъ пошлинахъ. Поводомъ къ этому вопросу было открытіе, что армяне и индійцы иногда возили товары изъ Гиліани въ Астрахань съ подложными письмами отъ шаха, чтобъ не платить пошлинъ. Братищевъ не разъ представлялъ о томъ шаху. Надиръ сперва было и согласился, чтобъ брать съ нихъ пошлины, а съ русскихъ по прежнему не брать, но, по превратному своему праву, скоро возвратился къ противной оному резолюціи: надо было или брать пошлины съ персидскихъ купцовъ и давать съ своихъ, или дозволить торговлю безпошлинную съ обѣихъ сторонъ. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, положили узнать: съ которой стороны болѣе товаровъ въ привозѣ бываетъ, изъ Астрахани въ Персію или изъ Персіи въ Астрахань? и почему прежде съ русскихъ купцовъ брали пошлину? и равномѣрно ли съ обѣихъ сторонъ взятые пошлины производятся? или съ которой стороны въ чемъ

превосходство? По собраніи всѣхъ этихъ свидѣній хотѣлъ приступить къ рѣшенію вопроса: продолжать ли собирать пошлины или ввести беспошлинную торговлю? Татищевъ уже не успѣлъ собрать требуемыхъ данныхъ.

Торговля страдала не отъ одного только неуравненія пошлинъ, не отъ взмѣрчиваго только нрава персидскаго шаха, не отъ заносчивыхъ плановъ Эльтона, но и отъ взаимной вражды и грубости съ кушцами русскихъ консуловъ и резидента. Не успѣлъ Бакунинъ пріѣхать на мѣсто своего назначенія, какъ уже поссорился съ Братищевымъ. Еще на дорогѣ случилось съ нимъ несчастье. Вслѣдствіе непослушанія, пьянства и дурной команды на казенномъ суднѣ, на которомъ ѣхалъ Бакунинъ, судно сѣло на мель. Бакунинъ жаловался Татищеву на штурмана и подштурмана. Татищевъ просилъ коллегію приказать, чтобъ всѣ морскіе служители на казенныхъ судахъ, во время ихъ нахождения въ персидскихъ портахъ, были послушны русскимъ агентамъ и консуламъ: «какъ и вездѣ такіе служители національныхъ консуламъ послушны бываютъ». Но несчастье съ Бакунинымъ случилось въ открытомъ морѣ, а не въ портѣ; тамъ настоящими распорядителями должны были быть штурманъ и подштурманъ, а не чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По пріѣздѣ своемъ на мѣсто Бакунинъ познакомился съ персидскими властями. Въ Гилянн былъ уже новый судовой командиръ, родомъ трухменецъ, по имени Магометь. Прежній былъ смѣненъ по просьбѣ Эльтона, что все въ порядкѣ сидитъ и судоваго дѣла не смотритъ. Шахъ однакожъ ничего не сдѣлалъ смѣненному, потому что очень любилъ его. Новоприбывшій начальникъ принялъ Бакунина очень пріятно. Слышно, что онъ спрашивалъ персіянъ рабочихъ: много-ль сдѣлалъ Ельтонъ судовъ чрезъ столь долгое время?—Не точю сдѣлали, и не зачинали, отвѣчали ему персіяне:

воли англичанинъ не дасть; мы заложили было два судна, онъ прѣхалъ и разломалъ. — Тогда, избравивъ Эльтона, судовой командиръ, сказалъ: «онъ все васъ проводить и шаху невѣрно служить, судна ни одного не сдѣлалъ; а меня не обманеть». — «Слышно, доложилъ Бакунинъ Татищеву, что Магометь весьма нравной и запальчивый человекъ; а Эльтонъ гордости своей не оставить». Но это было не совсѣмъ справедливо. Скоро Бакунинъ узналъ, что Эльтонъ заложилъ въ Лангерутъ большой корабль и поладилъ съ Магометомъ. За то самъ Бакунинъ поссорился съ Братищевымъ. Бакунинъ доложилъ, что Братищевъ получаетъ отъ шаха различныя подарки, даетъ ему русскія суда для перевоза провіанта, заступаетъ за персидскихъ купцовъ изъ взятокъ, показываетъ ненависть и недоброхотство къ нему, русскому консулу въ Гилъяни, и всѣ его дѣла въ уничтоженіе приводитъ старается. Братищевъ жаловался, что Бакунинъ позволяетъ себѣ разные непорядочныя поступки съ купцами всѣхъ націй; однимъ только армянамъ, которые хитрѣе всѣхъ, является потаковникомъ, за ихъ великіе подарки. Дѣйствительно однажды Бакунинъ донесъ, что въ Астрахани портовой офицеръ, на внутренней гавани при отпускѣ армянскихъ купцовъ, снимаетъ съ ихъ рукъ перстни съ великимъ озлобленіемъ, а съ бешметей срѣзываетъ серебряныя пуговицы. При розыскѣ купцы показали противное и подписались въ томъ по-армянски 31 человекъ. Потомъ Братищевъ жаловался на Бакунина въ недоброжелательствѣ и злобѣ къ нему, выражавшихся въ томъ, что Бакунинъ пересылалъ къ нему казенныя деньги и жалованье не во время и съ крайнимъ небреженіемъ. Татищевъ собрался изслѣдовать ихъ споры; просилъ у коллегіи дозволенія послать для разбора дворянина Черкесова, знавшаго персидскій языкъ. Какъ вдругъ неожиданное происшествіе сильно возстановило про-

тивъ Бакунина англійскихъ купцовъ другой, не эльтоновской факторіи, поведеніемъ которой русское правительство не имѣло причины быть недовольнымъ. Весной 1744 года страшная буря свирѣпствовала въ юго-западной сторонѣ Каспійскаго моря; въ зинзилинскомъ портѣ поломало нѣсколько судовъ англійскихъ, русскихъ и персидскихъ; между прочимъ потонулъ одинъ русскій гекботъ, а англійскій корабль выкинутъ былъ на берегъ. Буря морская разразилась береговою. Ее поднялъ Бакунинъ: онъ отнялъ у того корабля русскихъ мазуровъ, работавшихъ надъ его разгрузкою и починкою. Блеэръ и Броунъ, командиры судна, жаловались своимъ компанейщикамъ. Ихъ жалобы повторены были: въ Астрахани—Татищеву купцомъ Томсономъ, въ Петербургѣ—коллегіи иностранныхъ дѣлъ англійскимъ консуломъ Вульфомъ. На ихъ жалобы русское правительство отвѣчало своими: оно требовало въ Лондонѣ вызова Блеэра, Броуна и Эльтона вмѣстѣ. А Татищеву писали, чтобъ онъ подговаривалъ лоцмановъ англійскихъ кораблей секретно приводить ихъ суда въ Астрахань, гдѣ можно было ихъ задержать, продать русскимъ купцамъ повольной цѣною, наконецъ просто тайкомъ съечь. Татищевъ отвѣчалъ на это, что отъ такихъ крутыхъ мѣръ съ англійскими купцами можетъ произойти безславіе Россіи и поводъ къ справедливымъ жалобамъ съ ихъ стороны на русское правительство, — и рѣшился развѣдать все случившееся подробно. За подробностями дѣла не стало. Оказалось, что ссора началась такъ. Когда англійскій корабль былъ разбитъ, Блеэръ пришелъ къ Бакунину и просилъ, чтобъ дали ему въ помощь съ русскаго потонувшаго судна, которое спасти не было никакой возможности, четырехъ рабочихъ: «своихъ рукъ не хватало, къ тому же нѣкоторые матросы Блеэра разбѣжались, а безъ людей на кораблѣ быть не можно». Бакунинъ отвѣчалъ: «вы пораску-

скажи всѣхъ, а нынѣ отъ меня требуется». Блеэръ замѣтилъ: «ниѣ что съ ними дѣлать. Ковать не смѣю; а они своевольно ушли, льстясь на деньги; а ежели не дадите русскихъ людей четырехъ человѣкъ, то мнѣ на корабль не можно въ Астрахань итти». Бакунинъ не далъ. Такъ говорили англичане. Бакунинъ доносилъ свое. При зинзилинской балкѣ погибъ гекботъ русскій, «съ него сняты были 15 мазуровъ и одинъ лоцманъ; за потопленіемъ и морскимъ волненіемъ могли достать только одинъ малый якорь, да маленькую пушку, три паруса, рупоръ мѣдный и лоть оловянный; а судно, лежащее на боку, сколько видно было изъ воды, сожжено и, что можно было, изрублено. Персидской помощи и силы не употребляли, чтобъ не подать поводу персіянамъ, какъ навязчивому народу, объявить свое право на то судно. Но Блеэръ и Броунъ и другіе злодѣйствующіе англичане объявили, что, якобы во всемъ свѣтѣ, есть такое генеральное право, странное и неслыханное, по которому каждое погибшее и разбитое судно, во всякомъ владѣніи берется и съ такелажемъ на казенное владѣющихъ употребленіе; почему персидскій судовоі командиръ поѣхалъ съ людьми на мѣсто крушенія, гдѣ и собирали остатки судна». «И по такимъ ихъ дѣламъ. сказано въ донесеніи, пришло намъ жить трудно, ибо они то въ персидскія головы вперяютъ, чего въ нихъ никогда не бывало; ихъ же много способствуютъ обращающіеся здѣсь іезуиты, которые совокупно всякія персіянамъ пограничныя и разныя вѣдомости сообщаютъ и въ безстрашіи быть помогаютъ, имѣя непрестанную переписку съ астраханскими корреспондентами своими, въ томъ числѣ съ капucinомъ Іоаннесомъ Баптистомъ и прочими римскаго беззаконія людьми: и такую безпутную и предосудительную ихъ корреспонденцію надо пресѣчь; понеже іезуиты натурально никакого доброхотства къ всероссійской имперіи имѣть

не могутъ. Сами они іезуиты ииѣ проговаривались, рассказывая съ подробностію о бывающихъ въ Астрахани такихъ дѣлахъ, о каковыхъ по истинѣ прежде ихъ я не вѣдалъ. А что они въ прислугу все то здѣсь сообщаютъ, и такъ яко англичане о всемъ съ презрѣніемъ о російской сторонѣ толкуютъ и внушаютъ, заподлинно уже вѣдомо; прежде сего они надежиѣ такую переписку чрезъ англійскія суда продолжали, а сухимъ путемъ изрѣдка письма чрезъ Дербентъ получали». Татищевъ, по полученіи донесенія, распорядился, чтобъ переписка персидскихъ іезуитовъ съ Іоаннесомъ и армянами, сообщающими о русскихъ дѣлахъ въ Персію была перехватываема. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Англичане не хотѣли оставить его безъ объясненія. Томсонъ передалъ Татищеву письмо отъ Броуна. Изъ письма было видно что пять дней спустя послѣ кораблекрушенія, былъ у нихъ отъ консула Бакунина студентъ, призвалъ къ себѣ матросовъ, сына капитана Блеэра зашибъ, билъ немилосердно персидскихъ подданныхъ, помогавшихъ при спасеніи англійскаго корабля. Блеэръ и Вальтеръ отправили переговорить съ консуломъ своихъ людей; но тотъ ихъ не слушалъ, велѣлъ всемъ русскимъ служителямъ оставить ихъ корабль. Англичане подавали ему прошенія на персидскомъ языкѣ; дѣйствовали чрезъ персидскихъ властей. Изъ перевода этихъ челобитныхъ, сдѣланнаго въ Астрахани, Татищевъ, увидалъ что они написаны были въ очень почтительныхъ выраженіяхъ. Несмотря на то, Бакунинъ не отдавалъ людей, говорилъ, что погибшій корабль не собственность Блеэрова. Между тѣмъ студентъ сжегъ русское судно, потонувшее съ сорочинскимъ пшеномъ, отчего произошло замѣшательство между русскими и персидскими властями. Броунъ умалчивалъ о постановленіи изъ морскаго права, которое они сообщали персіанамъ, а только говорилъ: «и поступилъ такимъ

образомъ консулъ не по человѣчеству, и я ваше превосходительство никакими рефлексіями трудить не могу, ибо дѣло само собою явственно». Скоро пріѣхалъ въ Астрахань и самъ Блеэръ. Въ Персіи было моровое повѣтріе и Блеэра задержали въ карантинѣ, откуда онъ писалъ Татищеву жалобу на господина консула въ Рештѣ: «я его господиномъ называю по причинѣ порученной ему ея императорскимъ величествомъ комиссіи; а ежелибъ оная отъ него взята была, то я могъ бы по справедливости его иначе назвать. Ничто мнѣ большаго удовольствія не подаетъ, какъ то, что я во первыхъ отвѣчать буду передъ вашимиъ превосходительствомъ; а какъ вы совершенно знаніе о дѣлѣ имѣете, то скоро усмотрите малополезные виды такихъ появившихся политиковъ, которые, когда свои предѣлы преступятъ; то изъ ума выходятъ и забываютъ себя самихъ и того, кто ихъ создалъ». За тѣмъ слѣдуетъ комическое описаніе разговора, который имѣлъ Блеэръ съ Бакунинымъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Астрахань: «началъ онъ сомной долгой и выученный разговоръ, спрашивая, кто мои хозяева въ Санкт-Петербургѣ; я отвѣчалъ, что господа Вульѣ, Непиръ и Газенелло. А спросилъ онъ меня: кто тебѣ далъ указъ строить корабль? я отвѣчалъ, что ея императорское величество. Онъ сказалъ: тому статья невозможно, понеже онъ еще до ея императорскаго величества времени построенъ. Я говорилъ, что я чужестранный человѣкъ въ государствѣ, а не хронологистъ коронованныхъ главъ; но ежели онъ изволитъ, то я ему покажу отъ сената російскаго паспортъ, по которому ходъ по Каспійскому морю свободенъ, на что онъ ничего не отвѣчалъ. Объ указѣ на постройку корабля я сказалъ, что можетъ найти его въ казанской адмиралтейской конторѣ, на что онъ, по министерски подумавъ, сказалъ, что ему надо его имѣть». Далѣе въ письмѣ говорилось

не могутъ. Сами они іезуиты мнѣ проговаривались, рассказывая съ подробностію о бывающихъ въ Астрахани такихъ дѣлахъ, о каковыхъ по истинѣ прежде ихъ я не вѣдалъ. А что они въ прислугу все то здѣсь сообщаютъ, и такъ яко англичане о всемъ съ презрѣніемъ о російской сторонѣ толкуютъ и внушаютъ, заподлинно уже вѣдомо; прежде сего они надежныѣ такую переписку чрезъ англійскія суда продолжали, а сухимъ путемъ изрѣдка письма чрезъ Дербентъ получали». Татищевъ, по полученіи донесенія, распорядился, чтобъ переписка персидскихъ іезуитовъ съ Іоаннесомъ и армянами, сообщающими о русскихъ дѣлахъ въ Персію была перехватываема. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Англичане не хотѣли оставить его безъ объясненія. Томсонъ передалъ Татищеву письмо отъ Броуна. Изъ письма было видно что пять дней спустя послѣ кораблекрушенія, былъ у нихъ отъ консула Бакунина студентъ, призвалъ къ себѣ матросовъ, сына капитана Блеэра зашибъ, билъ немилосердно персидскихъ подданныхъ, помогавшихъ при спасеніи англійскаго корабля. Блеэръ и Вальтеръ отправили переговорить съ консуломъ своихъ людей; но тотъ ихъ не слушалъ, велѣлъ всемъ русскимъ служителямъ оставить ихъ корабль. Англичане подавали ему прошенія на персидскомъ языкѣ; дѣйствовали чрезъ персидскихъ властей. Изъ перевода этихъ челобитныхъ, сдѣланнаго въ Астрахани, Татищевъ, увидалъ что они написаны были въ очень почтительныхъ выраженіяхъ. Несмотря на то, Бакунинъ не отдавалъ людей, говорилъ, что погибшій корабль не собственность Блеэрова. Между тѣмъ студентъ сжегъ русское судно, потонувшее съ сорочинскимъ пшеномъ, отчего произошло замѣшательство между русскими и персидскими властями. Броунъ умалчивалъ о постановленіи изъ морскаго права, которое они сообщали персіянамъ, а только говорилъ: «и поступилъ такимъ

образомъ консулъ не по человѣчеству, и я ваше превосходительство никакими рефлексіями трудить не могу, ибо дѣло само собою явственно». Скоро пріѣхалъ въ Астрахань и самъ Блеэръ. Въ Персіи было моровое повѣтріе и Блеэра задержали въ карантинѣ, откуда онъ писалъ Татищеву жалобу на господина консула въ Рештѣ: «я его господиномъ называю по причинѣ порученной ему ея императорскимъ величествомъ комиссіи; а ежелибъ оная отъ него взята была, то я могъ бы по справедливости его иначе назвать. Ничто мнѣ бѣльшаго удовольствія не подаетъ, какъ то, что я во первыхъ отвѣчать буду передъ вашимиъ превосходительствомъ; а какъ вы совершенно знаніе о дѣлѣ имѣете, то скоро усмотрите малополезные виды такихъ появившихся политиковъ, которые, когда свои предѣлы преступятъ; то изъ ума выходятъ и забываютъ себя самихъ и того, кто ихъ создалъ». За тѣмъ слѣдуетъ комическое описаніе разговора, который имѣлъ Блеэръ съ Бакунинимъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Астрахань: «началъ онъ сомной долгой и выученный разговоръ, спрашивая, кто мои хозяева въ Санкт-Петербургѣ; я отвѣчалъ, что господа Вульфъ, Непиръ и Газенселло. А спросилъ онъ меня: кто тебѣ далъ указъ строить корабль? я отвѣчалъ, что ея императорское величество. Онъ сказалъ: тому статья невозможно, понеже онъ еще до ея императорскаго величества времени построенъ. Я говорилъ, что я чужестранный человѣкъ въ государствѣ, а не хронологистъ коронованныхъ главъ; но ежели онъ изволитъ, то я ему покажу отъ сената російскаго пашпортъ, по которому ходъ по Каспійскому морю свободенъ, на что онъ ничего не отвѣчалъ. Объ указѣ на постройку корабля я сказалъ, что можетъ найти его въ казанской адмиралтейской конторѣ, на что онъ, по министерски подумавъ, сказалъ, что ему надо его имѣть». Далѣе въ письмѣ говорилось

о длинной конференціи, которую далъ Бакунинъ Блеэру вмѣстѣ съ Броуномъ, гдѣ много разговору напраснаго происходило. Консулъ угрожалъ потомъ армянскимъ, персидскимъ и индѣйскимъ купцамъ, если они будутъ грузить свои товары на англійскихъ судахъ. «То, что я сказалъ о консульскомъ поступкѣ, есть только комедія, заключаетъ Блеэръ; а что теперь говорить имѣю—печальная трагедія». Эта трагедія была описаніе крушенія англійскаго корабля, который однакожь потомъ выведенъ былъ въ море. Татищеву, какъ и купцамъ, не совсѣмъ нравились дѣйствія Бакунина, который велъ себя, какъ важный человекъ, пріѣхавшій изъ столичной коллегіи на видный постъ маленькаго провинціального деспота. Скоро отовсюду на него посыпались жалобы. Сперва подали на него челобитную 38 армянскихъ и 18 индѣйскихъ купцовъ въ томъ, что онъ удерживаетъ ихъ корреспонденцію и товары. Бакунинъ въ отвѣтъ на запросъ Татищева, предлагалъ, чтобъ переписка армянскихъ и персидскихъ купцовъ доставлялась русскимъ агентамъ незапечатанною, подъ растворчатыми печатями, по ихъ извѣлости природной къ плутовству. Татищевъ написалъ резолюцію: «сіе онъ, господинъ консулъ, требуетъ весьма неприличнаго дѣла; ибо купцы пишутъ къ своимъ корреспондентамъ о такихъ секретныхъ подробностяхъ, что ежели о томъ другой увѣдаетъ, то можетъ имъ въ капиталъ ихъ причиниться весьма немалая трата или и купечеству ихъ поврежденіе; и если ихъ къ тому принуждать, то конечно торгъ можетъ не только не размножиться, но и пресѣчься; опасаться же шпіонства ихъ никакой важной причины мы не имѣемъ; а къ нему консулу писать, чтобъ онъ отъ распечатыванія ихъ писемъ удержался». Несмотря на такое рѣзкое замѣчаніе, Бакунинъ донесъ, что у армянъ и грузинцевъ отобралъ предосудительныя книги и посылаетъ въ

велегив: 1) новѣйшее основаніе практики артиллеріи Ер-
 неста Броуна, капитана артиллеріи въ Гданскѣ 1682 года,
 напечатана въ Москвѣ 1709 г. въ сентябрѣ; 2) Новое крѣ-
 постное строеніе на мокромъ или низкомъ горизонтѣ и
 проч., господина барона фонъ-Кугорна, генерала артиллеріи
 1702 года, въ Леварденѣ, напечатана въ Москвѣ 1709 г.
 въ ноябрѣ. Бакунинъ, безъ сомнѣнія, боялся, чтобъ армяне
 или персіяне, руководствуясь этими книгами, не построили
 крѣпостей и береговыхъ батарей по всему Кавказу. Тати-
 щевъ опять далъ резолюцію, противоположную мнѣнію Ба-
 кунина: «писать къ господину консулу, что таковыя книги
 никакого подозрительства и вреда нанести не могутъ; поне-
 же оныя печатанныя публично и никому имѣть для себя не
 запрещено; что же онъ консулъ сомнѣвается, что по-
 смыслъ персіяне не могли научиться, то тому не слѣдуетъ:
 ибо если имъ потребны будутъ такія и подобныя другія
 книги, и лучше ихъ могутъ чрезъ англичанъ и голландцевъ
 достать; да и по указамъ воспрещенія о семъ нѣтъ». Потомъ
 Бакунинъ жаловался на русскихъ моряковъ, что не испол-
 няютъ его указовъ. Татищевъ велѣлъ отвѣчать: «на прика-
 зниковъ и морскихъ служителей отъ прежняго консула жа-
 лобъ не бывало, и все по ордерамъ его надлежащее испол-
 нили; теперь же взять съ нихъ обязательство въ повинове-
 ніи консулу». Татищевъ, видимо, рѣшился дать урокъ своему
 старому знакомому. Когда тотъ въ своихъ донесеніяхъ пу-
 галъ вооруженіями шаха, и строеніемъ судовъ Эльтонемъ;
 совѣтовалъ двинуть къ границамъ русскія войска; сообщалъ
 услышанныя подробности о моровомъ повѣтріи, между тѣмъ
 какъ, по донесеніямъ Братищева, смертность просто бы-
 ла слѣдствіемъ голода, дороговизны и недостатка припа-
 совъ;—Татищевъ велѣлъ отвѣчать: «о войскахъ ему, госпо-
 дину консулу, толковать и рассуждать нужды нѣтъ, понеже

все то, по получаемымъ вѣроятнымъ извѣстіямъ, такъ престоерегается, что опасности намъ имѣть не должно; е приличности болѣзни ему господину консулу весьма надлежитъ осторожно поступать, чтобъ не на однихъ басняхъ основываться». Наконецъ на Бакунина жаловались пріѣзжіе изъ Астрахани. Коллегія сдѣлала запросъ Татищеву. Татищевъ былъ не прочь сдѣлать замѣчаніе ошибочно поступавшему сослуживцу; но любилъ осторожность въ случаѣ рѣшительномъ и потому отвѣчалъ коллегіи: «жалобъ здѣсь на консула Бакунина весьма въ гордыхъ и неушѣренныхъ поступкахъ отъ купцовъ на словахъ хоть слышу довольно: только можетъ на письмѣ подать никто не согласится». — Тѣмъ и кончилось дѣло о Бакунинѣ ¹²³).

Оно прервано было внезапно полученными вѣстями, что шахъ разбитъ турецкимъ войскомъ при Арпачаѣ и идетъ снова на Кавказъ; что Крымскій ханъ, вернувшійся изъ Константинополя, собирается вступить въ кавказскія земли съ немалыми силами и идти противу шаха, что вся страна находится въ волненіи. Подобное извѣстіе было нестати. Кизлярская крѣпость была вѣтха, вооруженіе Астрахани и ея порта шло медленно, благодаря долгой перепискѣ между губернской канцеляріей, коллегією иностранныхъ дѣлъ, военною коллегією и сенатомъ. Ссора съ Эльтономъ, поступки Бакунина, жалобы персидскихъ купцовъ не могли привлечь расположенія шаха къ русскимъ властямъ. А между тѣмъ, во время отсутствія шаха, русскіе успѣли снестись и съ Грузіей, и съ Дагестанцами, завести переписку съ Шамхаломъ и Усмѣемъ: тайная мысль подчинить своему покровительству всѣ эти разрозненныя земли лежала въ основѣ такихъ сношеній. Переписка съ Усмѣемъ началась съ того, что въ его владѣніяхъ были ограблены толмачъ и татаринъ, посланные Братищевымъ въ Кизляръ. На тре-

бжаніе выдачи грабителей, Усмѣй оправдывался приключившимися у нихъ безпокойствами. Татищевъ велѣлъ пограничнымъ начальствамъ поступать осторожнѣе; а на первый разъ удержать въ русскихъ границахъ подвластныхъ Усмѣю яндовъ. Потому велѣно было одному изъ кабардинскихъ князей, подвластныхъ Россіи, писать Усмѣю, приглашая его въ подданство Россіи. Усмѣй, отбившійся отъ шаха, и рассчитывавшій на помощь отъ турокъ, отвѣчалъ давнему подданному Россіи, князю Эль-мурзѣ Бековичу Черкасскому, чрезъ его посланца, со всею наивностію восточнаго человѣка, на призывъ послѣдовать его примѣру: «мы съ тобою назвали, я тебѣ вмѣсто отца, ты мнѣ вмѣсто сына, и я россійскому государю вѣрю и тебѣ вѣрю во всемъ; только почерѣла стыдомъ моя рожа, и какимъ образомъ я буду генералу писать: взведена на меня напраслина въ грабежѣ толмачей и писемъ и будто тотъ грабежъ учинилъ я, и въ томъ яволь повѣрить, что я не виновать, понеже горскіе народы были всякой себѣ воеводою; а отселѣ обязуюсь, ежели на моихъ земляхъ, какая вреда въ проѣздѣ русскимъ людямъ учинится, то я безъ вины виновать буду, и отъ того грабежа доколѣ я себѣ оправданіе не принесу и пограбленныхъ не отыщу, до того времени писать въ Россію не буду. Когда же я выгнать былъ изъ своего владѣнія и жилъ одною головою во владѣніи аварскомъ, тогда ты ко мнѣ пріѣзжалъ и, объявляя мнѣ, требовалъ у меня письма, чтобъ быть мнѣ въ подданствѣ ея императорскаго величества, и самъ обѣщавъ о благополучіи моемъ быть ходатаемъ. Я говорилъ тогда тебѣ, что письма о томъ дать не могу; могъ бы и письмо дать, только письменно обязаться убоялся потому, ежели бы я назвалъ себя ея императорскаго величества слугою, а услуги бы никакой не оказалъ, то что было бы. Но я тебѣ при томъ объявилъ, и обязывался въ той силѣ:

ежели кто Дербентомъ будетъ владѣть, Россія или Османія, того я и слуга; а если вѣчно отъ сего времени останется Дербентъ въ Персидскихъ рукахъ, то мнѣ и владѣніе мое не нужно, и своей одной головою, гдѣ ни есть до смерти, въ турецкой или въ русской области, дни окончаю. А нынѣ въ извѣстіяхъ я всегда, чтобъ тебѣ въ Россіи было непо-стыдно, присылать буду подлинныя извѣстія, и ты ко мнѣ людей непрестанно посылай; а я бы тебѣ и на письмѣ обо всемъ написалъ, да вѣрнаго писаря не было. Что же я въ турецкую область писалъ и просилъ защищенія, а по-взятъи Дербента буду услугою оказываться къ россійской сторонѣ, въ томъ на меня Османія гнѣва имѣть не будетъ; отъ меня туда о томъ пространно писано». Усмѣя былъ правъ въ своей недовѣрчивости къ русскимъ властямъ; самъ Эль-мурза Черкасскій, житель Кизляра, отдавшійся подъ ихъ покровительство и приглашавшій теперь къ тому же Усмѣя, не могъ похвалиться пріятностью своего положе-нія. Доказательствомъ тому могла служить челобитная, которую онъ незадолго предъ тѣмъ подалъ Татищеву. Въ ней онъ говорилъ, что предки его поддались Россіи при ца-рѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и «несли съ тѣхъ поръ военныя службы со всякимъ усердіемъ, нещадя живота своего; что обидъ не было долгое время, а потому пограничные жители охотно переселялись въ Кизляръ; но теперь запретили имъ рубить лѣсъ, между тѣмъ какъ казаки, солдаты и другіе обыватели рубятъ его и продаютъ повольно; запретили ло-вить рыбу безъ билета, а въ дачѣ билетовъ чинятъ не ма-лыя препятствія; берутъ двойныя пошлины при вымѣнѣ холста и бязей на хлѣбъ; сборъ за перевозъ черезъ рѣку сталъ безпорядоченъ; берутъ пошлину и съ того съѣстна-го, что привозятъ для себя изъ горъ отъ родственниковъ своихъ; судъ и расправа между его подданными принадле-

жали прежде старшинамъ и духовнымъ, а теперь вмѣшиваются въ нихъ комендантъ и прочіе управители и мучатъ людей не по дѣлу; посылаютъ ихъ въ Персію и на Кубань именно Эль-мурзы, и при томъ безъ всякаго вознагражденія; за подводны или совсѣмъ не платятъ, или не доплачиваютъ; и ото всѣхъ этихъ несносныхъ тягостей, обидъ и притѣсненій многіе люди, нестерпя ихъ и оставя жилища свои, и съ дѣтьми бѣжали и бѣгутъ въ разныя мѣста безвѣстно; почему нынѣ въ Кизлярѣ отъ такихъ утѣсненій и налоговъ становится жителей весьма мало». А Шамхалъ Тарковскій и другіе кумыцкіе владѣльцы жаловались Татищеву на то, что въ русскихъ городахъ принимаютъ бѣжавшихъ отъ нихъ невольниковъ, калмыцкой, грузинской и прочихъ азіатскихъ націй; что подвластныхъ имъ людей не пропускаютъ въ Кизляръ, не продаютъ имъ скота и съѣстныхъ припасовъ. Кабардинскіе князья жестоко перессорились между собою и забросали жалобами другъ на друга мѣстныхъ начальниковъ, Татищева и коллегію иностранныхъ дѣлъ: Одни въ нихъ искали помощи и покровительства въ Крыму, другіе въ Россіи. Последніе просили у Татищева русскихъ войскъ, чтобы побить первыхъ; били челомъ о перемѣнѣ ихъ аманатовъ, о разобраніи ихъ ссоръ за баранту; о покражѣ лошадей у нихъ и тому подобныхъ мелочахъ: «и нынѣ ваше превосходительство покорно просимъ наши ссоры развести и прекратить, и въ томъ свое стараніе приложить». Уздени каждаго изъ владѣльцевъ по нѣскольку разъ объѣзжали у Татищева. Въ письмахъ къ царевичу Бакару, князю Долгорукову, дворянамъ Черкесову и Хризоскулѣву, къ Эль-мурзѣ Бековичу Черкасскому, повторялись тѣ же просьбы. Переписка была частая, перемѣнчивая, иногда лживая и бранная, иногда покорная и льстивая. Копіи со всѣхъ писемъ сходились въ губернской канцеляріи. Тати-

нцевъ, разобравъ эти матеріалы, составилъ обширное извѣ-
 ніе о кабардинскихъ князьяхъ и послалъ его въ коллегію.
 Изложивъ исторію кабардинскихъ отношеній и ссоръ между
 ними, Татищевъ предлагалъ: употребить военное вѣдѣ-
 нельство въ кабардинскія дѣла, прислать для того генерала
 съ полкомъ драгунъ и тысячею казаковъ терскихъ и дон-
 скихъ; склониться при этомъ преимущественно въ пользу
 партіи, которая держится Россіи; всѣхъ аманатовъ ихъ
 освободить, а брать только у тѣхъ владѣльцевъ, въ кото-
 рыхъ сила есть, и то съ перемѣною трехъ лѣтъ; вызвать
 ко двору человекъ 15 старшинъ и дать имъ на проѣздъ жа-
 лованье. Вся связь кабардинскихъ владѣльцевъ съ Россією
 ограничивалась ихъ служебными отношеніями во время
 крымскихъ походовъ, войнъ съ Персією, смуть въ Грузіи,
 Кахетіи и Мингреліи: «О службахъ ихъ во времена военныхъ,
 говоритъ онъ, хотя близъ двухъ сотъ лѣтъ Россія знатныя
 пользы чрезъ нихъ себѣ видѣла; награжденіе же сначала
 было весьма малое и суще по нѣскольку кастановъ только
 давано, но какъ стали деньгами давать, то они отъ времени
 до времени стали нынѣ болѣе требовать, различая въ ка-
 комъ когда людствѣ, и какъ долго во услугѣ были, а иногда
 и напередъ требовали. И для того невозможно-ль имъ то
 жалованье за военные походы учинить порядочнымъ, по чи-
 слу людей и времени; напримѣръ, князей раздѣлить на
 трое: старшій въ походѣ одинъ на мѣсяць 40 рублей; сред-
 нихъ или товарищей двумъ или тремъ по 20 руб., молод-
 шихъ пяти или шести по 10; потомъ узденямъ, сколько бу-
 деть, на мѣсяць по три рубля; подлымъ по 1 р. 50 коп.; и
 оное давать имъ отъ того числа, какъ комиссаръ ихъ въ
 Кабардѣ въ готовности къ походу пересмотритъ, и по числу
 отпуску, или какъ договоръ положить возможно; а князья
 сами своимъ людямъ дѣлать должны, кому какъ рассудятъ.

Но все это, для избѣжанія отъ турокъ, надобно такъ секретно сдѣлать, чтобъ одинъ только, а не болѣе двухъ, о томъ знали, и то не на письмѣ, но словесно утвердить; а когда съ турками придетъ до разрыва, тогда можно порядочною дипломомъ, а отъ нихъ присягою оное утвердить, которое имъ, что ихъ паче многихъ удержать или они отъ многого числа ихъ войска отрицаться не будутъ». Мелкіе владѣльцы, кунцкіе и чеченскіе, также ѣздили въ Астрахань, выпрашивали себѣ чрезъ Татищева хлѣбное и денежное жалованье; одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ костиковскимъ воеводой. Царевичъ Бакаръ, надѣясь отстоять Грузію отъ шаха, вздумалъ возмутить племянника Надирова, Али-Кули-хана, за котораго насильно была взята дочь нахетинскаго владѣтеля Теймураза Николаева, роднаго зятя Бакара. Татищевъ совѣтовалъ ему быть осторожнымъ, чтобъ не озлобить шаха противъ Россіи. Наконецъ, около того же времени поднялись ближніе турмены, или, какъ называли ихъ въ Россіи, трухменцы, жившіе на полуостровѣ Мангишлагѣ. Еще въ 1744 году, во время разворенія Хивы и Бухары шахомъ, весь трухменскій народъ въ 300,000 кибиткахъ переселился къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Тогда же они прислали, чрезъ калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо, просьбу о привозѣ къ Мангишлаку хлѣба на 500 судахъ: «мы люди не кочевные, говорили они, и приобыкли къ хлѣбу; а гдѣ хлѣбныхъ мѣстъ нѣтъ, тамъ житье не можеть»; изъявляли даже готовность быть въ русскомъ подданствѣ за одно съ калмыками. Посланъ былъ къ нимъ капитанъ Гаврило Тебелевъ съ небольшимъ запасомъ муки и другаго хлѣба. Ему велѣно было развѣдать искуснымъ образомъ: «о множествѣ того народа и военной ли оной, и какое оружіе имѣеть, а особенно въ какомъ состояніи и на мѣрѣи находится, и гдѣ пребываніе желаетъ имѣть».

Тобелевъ добрался до нихъ уже въ 1742 году; нашелъ при Мангшлакѣ всего 253 кибитки, остальные ушли обратно въ Хиву и Бухару, по возвращеніи шаха въ Персію; оружіе видѣлъ у нихъ фитильное и сабли; хлѣбъ мѣняли на пушныя товары, съ великимъ крикомъ и дракою; вообще туркмены показались Тобелеву народомъ дикимъ и своевольнымъ. Черезъ два года послѣдовало вторичное бѣгство туркменовъ изъ Хивы и Бухары, вслѣдствіе притѣсненій отъ новыхъ хановъ; бѣжали на этотъ разъ до 10,000 кибитокъ; нѣкоторые, перешли Яикъ и, въ числѣ 101 человѣка, соединились съ улусами Дондукъ-Даши. Въ послѣдній годъ губернаторства Татищева, весной 1745 года мангшлакскіе туркмены опять били челомъ о подданствѣ Россіи. Татищевъ отправилъ къ нимъ капитана Башытовскаго и съ нимъ казенной муки до 200 кулей. Копытовскій нашелъ при Мангшлакѣ шесть родовъ въ 1100 кибиткахъ; старшины желали быть рабами Россіи со всею ихъ землею. Но капитанъ говорилъ о нихъ: «народъ тотъ весьма непостоянный и безстыдный, можетъ въ одномъ часу имѣть нѣсколько разговоровъ, а потомъ тѣ разговоры пережѣнить или вовсе отъ нихъ отрѣчься, что онъ якобы того не говаривалъ, а буде изобличенъ уже будетъ, то и самъ скажетъ, что онъ говорилъ, только уже не хочетъ того слова сдержать, а потомъ не въ долгомъ времени паки на томъ обратится, и болѣе всего они завистливы къ подаркамъ, особливо къ муку для пропитанія своего; потому что весьма оны недостаточны и богатства никакого нѣтъ, кромѣ лошадей и верблюдовъ, а прочаго скота весьма мало и болѣе пропитаніе свое воровствомъ имѣютъ, потому что людъ оружейный; а старшины держатъ при себѣ такихъ людей, которыебъ умѣли лгать и тѣхъ слушаютъ, и по ихъ словамъ все дѣлаютъ, а буде другой придетъ да солжетъ, то и того послушаютъ, ктобъ ни при-

шелъ, да что сказалъ, всему вѣрять, и весьма тотъ народъ непостоянный, лживый и льстивый, всякой у нихъ болъшой по своему своевольствію, и такъ неподобострастный, что сынъ отца не боится, а отецъ сына долженъ бояться; а въ подданство ея императорскаго величества пришли, чтобъ съ голоду не померѣть, и просили построить на Мангшлакѣ городокъ и опредѣлить туда русскаго командира¹²²).

Съ такимъ обширнымъ міромъ народовъ средней и западной Азіи познакомило Татищева званіе астраханскаго губернатора; столько легкомысленныхъ, дикихъ и непокорныхъ племенъ пришлось ему вѣдать, разбирать, судить и управлять въ продолженіе пяти лѣтъ. Надъ всѣмъ этимъ міромъ жизни безразличной, однообразной и не исторической тяготѣла въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія своенравная воля шаха шаховъ Надира. Слава имени новаго Тимура наполняла всѣ страны отъ побережьевъ Аму-Дарьи, гдѣ стоитъ теперь Перовскій фортъ, до границъ нынѣшнихъ владѣній Англіи въ Остъ-Индіи, прежнихъ земель великаго могола; отъ Кавказскихъ горъ, гдѣ палъ недавно глава иуридизма, до предѣловъ передней Азіи, гдѣ въ послѣднее время враждовали друзы и марониты. Предъ нестройными толпами его полчищъ полегли въ развалинахъ Хива, Дербентъ, Шемаха, волновалось все Закавказье. Тѣми бѣдными средствами, которыхъ едва удавалось добиться послѣ долгихъ донесеній, представленій и мнѣній, отъ иностранной и военной коллегій, долженъ былъ отстаивать астраханскій губернаторъ русскія владѣнія, не имѣвшія точныхъ границъ съ персидскими. Англичане и армяне господствовали надъ всею каспійскою торговлею; надо было умѣрять ихъ коммерческіе замыслы, отвращать ихъ вмѣшательство въ планы шаха. А между тѣмъ внутри самой губерніи — калмыцкая неурядица, грабежи разбойниковъ, крайняя скудость въ

осѣдломъ, трудолюбивомъ населеніи. Степь преобладали надъ городомъ, кочевье надъ деревней. Города, какъ и въ древней Руси, все еще были огороженными, укрѣпленными мѣстами, гдѣ укрывались мирные жители отъ чуждаго или по своимъ занятіямъ кочеваго населенія, а не центрами торговыми и административными. Полувоенное, полудишло матическое управленіе отнимало большую часть времени и заботъ у губернатора; управленіе губернсое, городовое, гражданское, не находило себѣ надлежащей почвы. А Татищевъ былъ болѣе внимательный судья и дѣятельный администраторъ, нежели отважный воинъ и ловкій дипломатъ. Чтобы создать среду для занятій, болѣе плодотворныхъ и достойныхъ его ума и свѣдѣній, надо было прежде населити губернской городъ, колонизировать весь низовый край. (томъ думалъ еще первый губернаторъ Астрахани, Апраксинъ. Татищевъ также понималъ важность этого вопроса и результатомъ его пятилѣтняго знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ астраханской губерніи было нѣсколько проектовъ, касавшихся ея населенія. Намъ извѣстны два изъ нихъ. Одинъ посланъ былъ въ Петербургъ 31 ноября 1743 другой 11 ноября 1745 года.

Еще тотчасъ по приѣздѣ своемъ въ калмыцкую комиссію Татищевъ замѣтилъ несоразмѣрное съ потребностями края устройство волжскихъ казаковъ и тогда же заявилъ о томъ предъ совѣтомъ, составленнымъ изъ начальниковъ военныхъ отрядовъ, расположенныхъ по Волгѣ. Сдѣлавшись губернаторомъ, онъ еще легче могъ вникнуть въ подробности этого вопроса. Оказалось, что волжскіе казаки, несшіе сторожевую и станционную службу по Волгѣ, сдѣлавшися очень легкою послѣ проведенія царицынской линіи, послѣ учрежденія форпостовъ и послѣ смѣны бунтовавшихъ въ 1705 году астраханскихъ стрѣльцовъ драгунскимъ пол-

вѣкъ, отбившіе отъ почтовой и пересыльной гоньбы, послѣ передачи ея астраханскимъ юртовскимъ татарамъ, пользовались такими льготами, какихъ не имѣло городское население губерніи: они не платили кабацкихъ и таможенныхъ пошлинъ, не платили конскаго сбора, свободно пользовались рыбными промыслами; подрывали такимъ образомъ торгъ городскихъ жителей. И несмотря на то, они получали еще хлѣбное и денежное жалованье: всего около 25,000 рублей; между тѣмъ какъ число ихъ, и съ самарскими, относившимися къ казанской губерніи, не превышало 2380 человѣкъ; да и изъ этихъ едва ли десятая часть несла военную службу, немногіе умѣли владѣть ружьемъ и лошадью; болѣею частію жалованья овладѣвали атаманъ и старшина. Юртовскіе же татары, приписанные къ Астрахани, вскорѣ по завоеваніи ея, и гоняшіе почту и зимой и лѣтомъ между Киргизскими, Астраханью и Бизлярюмъ (около 1000 верстъ), которыхъ прежде насчитывалось болѣе 10,000, убавившись до 4000, страшно обѣднѣли и задолжали армянамъ, бравшимъ съ нихъ огромные проценты; а для уплаты долговъ стали прибѣгать къ кражѣ калмыцкихъ и татарскихъ ребятшекъ и продавать ихъ на Кубань. Иногда долги татаръ доходили до такой высоты, что имъ оставалось одно средство: самихъ бѣжать на Кубань, распродавъ свои участки, вопреки Уложенію, русскимъ, армянамъ и бухарцамъ. А между тѣмъ, не смотря на такое уменьшеніе юртовскихъ татаръ, число табунныхъ мурзъ и головъ, между которыми они были подѣлены для управленія, не убавилось; и всѣ они получали прежніе оклады жалованья. Главное управленіе ими, какъ и вообще инородцами астраханской губерніи, сосредоточено было въ татарской конторѣ: Татищевъ нашлъ въ ней безпорядки, судьей пьянаго, слабаго, всѣмъ надеждавшаго мурзу. Наконецъ, пользуясь тѣмъ, что сво-

бодной земли въ астраханской губерніи было непроходимо пространство, помѣщики симбирскаго и пензенскаго уѣздовъ выселили въ пустоши астраханскаго вѣдомства своихъ крестьянъ, приписавъ ихъ къ тѣмъ уѣздамъ, изъ которыхъ совершилось переселеніе, такъ что Пенза и Симбирскъ отстояли отъ новыхъ выселковъ болѣе, чѣмъ на 54 версты. И не смотря на то города и деревни попадались какъ рѣдкіе оазы среди обширной степи. Таково было состояніе ослѣдлаго народонаселенія губерніи, подчиненной Татищеву. Разумѣется, онъ не могъ оставить этого безъ вниманія, въ указанныхъ выше проѣктахъ, предложилъ слѣдующія мѣры: для общей колонизаціи края построить нѣсколько городковъ, кромѣ уже начатой имъ же Енотаевской крѣпости; геодезистовъ-инженеровъ, необходимыхъ для строенія задуманныхъ городовъ, выслать изъ Петербурга; наслать эти новыя мѣста волжскими казаками, крещеными казачками и приходящими изъ внутреннихъ губерній жителями; артиллерію для нихъ отпустить съ сибирскихъ заводовъ земли раздавать по указнымъ дачамъ, чтобъ напрасно не хватывать и корытоваться никто не могъ; пересмотрѣть оклады казацкаго и татарскаго жалованья; увеличить уравнивать почтовые и подводные прогоны; число табунныхъ головъ уменьшить до пяти; распроданныя татарами земли возвратити въ казну и отдавать въ оброкъ, послѣ особеннаго и яснаго сенатскаго указа о томъ; въ татарскую кибитку опредѣлить двухъ мурзъ и двухъ табунныхъ головъ грамотныхъ; и вообще приступить къ правильной описи и размежеванію земель, угодій и рыбныхъ ловель. Такъ какъ Татищевъ предлагалъ основать нѣсколько новыхъ населенныхъ мѣстъ; то число казаковъ и обязанныхъ службой людей въ одной астраханской губерніи должно было, по ея проѣкту, вырости до 3000 человекъ, почти съ 35,000 рублей годоваго жалованья ¹²⁴).

Но благимъ замысламъ Татищева не суждено было сбыться. Для того не доставало ему самыхъ необходимыхъ средствъ. Правительство временъ Елисаветы Петровны не было щедро на деньги, если ихъ требовали на подобные расходы; деньги шли на иные интересы тогдашней политической и придворной жизни. Потому крайній недостатокъ въ деньгахъ чувствовался вездѣ; въ нихъ нуждалась не одна астраханская губернія, но и всѣ прочія. Самъ же Татищевъ не могъ найти ни рукъ, ни матеріальныхъ средствъ, хотя и безпрестанно напоминалъ о крайней скудости въ томъ и другомъ сенату и коллегіи иностранныхъ дѣлъ. — Удивительно-ли, что ему безпрестанно приходилось жаловаться на недостатокъ путныхъ переводчиковъ съ калмыцкаго, киргизскаго и татарскаго языковъ, что англійскихъ переводчиковъ вовсе не было, и что письма Эльтона и Ганвея въ Татищеву отсылались въ Петербургъ, гдѣ уже ихъ переводили и потомъ копии съ перевода сообщали въ Астрахань. Татищевъ безпрестанно долженъ былъ жаловаться на недостатокъ въ чиновникахъ. Такъ вскорѣ по его пріѣздѣ въ Астрахань, велѣно было держать въ секретѣ всѣ, получаемыя изъ-за границы вѣдомости; потомъ велѣно было изъ отдельной отъ губернскихъ дѣлъ калмыцкой комиссіи командировать секретаря къ сочиненію калмыцкаго уложенія, а канцеляриста выслать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, всѣ же калмыцкія дѣла вести секретаремъ и подъячимъ губернской канцеляріи, донесенія изъ Персіи не смѣшивать съ другими и, предоставивъ особому чиновнику, немедленно съ величайшею тайною отсылать въ Петербургъ. Но у Татищева не велика была канцелярія, и онъ отвѣчалъ: «и такъ принужденъ получаемыя изъ за границы и калмыцкія секретныя вѣдомости въ губернской канцеляріи имѣть, но не безъ сумлѣнія нахожусь, что въ губернской канцеляріи

присутствуетъ вице-губернаторъ, прокуроръ, протоколъ регистраторъ и при нихъ подъячіе, и по журналамъ вѣдомости видѣть могутъ, чрезъ что опасно, чтобъ сшему секрету принадлежащее прежде времени не отлось». Ежегодно повторялъ Татищевъ просьбы о признаніи знающихъ офицеровъ, инженеровъ, геодезистовъ, студентовъ академіи и учениковъ изъ разныхъ школъ: и по ежегодной просьбѣ его оставались безуспѣшны. Кромѣ жалованья нисшимъ чиновникамъ было крайне ничтожно. Татищевъ не разъ напоминалъ о томъ: просилъ объ временныхъ наградахъ для геодезистовъ, учениковъ и офицеровъ, просилъ увеличить окладъ секретаря при астрономскомъ солянкомъ комиссарствѣ до 400 рублей. Въ 1745 года онъ получилъ замѣчаніе: «Понеже часто и великія нужнѣйшія донесенія изъ Астрахани сюда въ легію иностранныхъ дѣлъ присылаются, но для упомянуемаго въ оныхъ нехорошаго, связнаго и мелкаго писаря весьма немалое затрудненіе ихъ сіятельствамъ, государственнымъ министрамъ наносятъ; того ради потребно стараніе поступить, чтобъ такія доношенія, сколько возможно, чистымъ письмомъ писаны и къ тому лучшіе писцы употреблены были». Но въ Астрахани не только не было хорошихъ писарей, но и бумаги: Татищевъ не разъ обращался въ легію съ просьбой прислать къ нему съ курьеромъ двѣ три стопы бумаги для рапортовъ, ибо въ Астрахани купити негдѣ.

Таковы были обязанности и заботы астраханскаго губернатора въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны и таковы средства, при помощи которыхъ онъ долженъ былъ исполнять свой долгъ. Не смотря на то, Татищевъ былъ также, по прежнему, неутомимъ и дѣятеленъ. Извѣстный путешественникъ по Россіи, докторъ Лерхе, служи-

въ русской арміи, не разъ ходившій съ нею на Кавказъ, въ
 Финляндію, хорошо знакомый съ низовымъ кра-
 емъ, отправился въ 1745 году въ Персію, при русскомъ по-
 сльствѣ къ шаху Надиру. Онъ видѣлъ Татищева и оставилъ
 въ своихъ запискахъ такой отзывъ о немъ. «Въ Астрахани
 губернаторомъ былъ извѣстный и ученый Василій Никитичъ
 Татищевъ, который незадолго передъ тѣмъ устроилъ новую
 астраханскую губернію. Онъ говорилъ по-гѣмецки, имѣлъ
 большую библіотеку изъ лучшихъ книгъ и былъ свѣдушъ
 въ филосоіи, математикѣ и особенно въ исторіи. Относи-
 мьно религіи онъ держался особенныхъ убѣжденій, за ко-
 торыя многіе не считали его православнымъ. Онъ былъ бо-
 лѣзненъ и худощавъ и, не смотря на то, очень опытенъ
 въ управленіи во всѣхъ дѣлахъ, умѣлъ каждому дать доб-
 рый совѣтъ и помощь, особенно купцамъ, которыхъ онъ
 держалъ въ цвѣтущее состояніе. Но дѣлалъ это имъ неда-
 вно, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе сената, ко-
 торый прислалъ указъ объ его отставкѣ. 11 ноября пріѣхалъ
 новый губернаторъ, камергеръ Брылкинъ.» Такъ объя-
 снилъ Лерхе и, вѣроятно, многіе изъ астраханцевъ уво-
 лнн Татищева отъ должности губернатора. Намъ извѣстны
 неоднократныя просьбы Татищева объ оставкѣ, вслѣдствіе
 ссоры съ Дондукъ-Даши и болѣзненнаго состоянія его.
 Если бы то ни было, указомъ отъ 19 іюля Татищевъ полу-
 чилъ увольненіе и отъ астраханской губерніи, какъ не-
 давно предъ тѣмъ отъ калмыцкой комиссіи. Лишь только
 новый губернаторъ явился въ Астрахань, какъ Еропкинъ,
 свѣдѣвшій Татищева по дѣламъ калмыцкимъ, недовольный
 ссорой Дондукъ-Даши, сталъ бить челомъ о передачѣ ихъ
 Брылкину. Въ декабрѣ Татищевъ, оставилъ Астрахань:
 онъ былъ медленно; причиною долгихъ остановокъ въ
 пути была его болѣзнь. 25 февраля 1746 года, въ селѣ

Тетюшахъ, казанской губерніи, онъ получилъ бумагу съ выговоромъ отъ коллегіи за то, что не подписалъ своего донесенія отъ 27 декабря, и отвѣчалъ, что причиною того были болѣзнь его и недосмотръ челоуѣка, отославшаго съ курьеромъ неподписанное донесеніе, извѣщалъ, что ѣдетъ въ дмитровскую деревню свою, и просилъ всѣ указы на его имя отсылать въ его московскій домъ. Татищевъ пересталъ быть лицомъ нужнымъ и официальнымъ. Давно забытая судная комиссія надъ нимъ, по управленію дѣлами оренбургской экспедиціи, учрежденная Бирономъ, ожилъ снова; теперь она, имѣя въ виду вообще управленіе бакирскимъ краемъ разными командирами, получила болѣе широкое назначеніе. Учрежденная по представленію бригадъ ра Аксакова, бывшаго въ Уфѣ вице-губернаторомъ, она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ прокурора князь Трубецкаго, т. сов. князя Алексѣя Голицына, бригадиръ Ивана Глѣбова, капитанъ-командора Толбухина и ст. со Василья Демидова ¹³⁷). Такъ кончилось служебное прище Татищева, продолжавшееся болѣе сорока лѣтъ. Не кончалась съ тѣмъ вмѣстѣ его трудолюбивая жизнь. Не оставались другія, не менѣе дорогія ему занятія, которыми онъ не измѣнялъ со временъ молодости своей: то были интересны науки вообще и изученіе отечества въ особенности, какъ со стороны тогдашняго состоянія, такъ относительно прошедшихъ судебъ его.

ГЛАВА VII.

Ученые и литературные труды Татищева.

На проповѣдью Теофана Прокоповича, не сатирой князя Митири, не одой Ломоносова началась новая русская литература. Преобразования Петра Великаго съ первыхъ шаговъ своихъ шла рука объ руку съ переводами различныхъ сочиненій научнаго содержанія. Практическое направленіе реформы нуждалось въ подобныхъ пособіяхъ. Петръ самъ представлялъ переводить математическія, историческія и политическія сочиненія; иногда руководилъ переводчиками, участвовалъ въ составленіи предисловія къ ихъ изданіямъ. Въ смерти Петра, ученая дѣятельность проникла въ академію наукъ, учрежденную по его же мысли и плану. Переводчики: Тредьяковскій, Кондратовичъ и Волчковъ, обратились за совѣтами и помощію къ той же академіи, потому служили при ней. Въ продолженіе всей ученой дѣятельности Татищева преданія, оставшіяся отъ Петра въ русской литературѣ, не изсыхали. Къ тому времени, какъ онъ переехалъ изъ астраханской губерніи въ свое подмосковное село, наша ученая, преимущественно переводная, литература составляла уже порядочную бібліотеку. У Татищева, у самаго было не малое собраніе книгъ. Еще уѣзжая изъ

Екатеринбурга въ оренбургскую экспедицію, онъ оставилъ тамъ до тысячи книгъ, собранныхъ имъ въ разное время въ Петербургѣ, Москвѣ, на Аландѣ, куда онъ ѣздилъ вместе съ Брюсомъ, во время путешествій по Швеціи и Германіи¹⁸⁶). Потомъ онъ пользовался обширною бібліотекою князя Д. М. Голицына, находившеюся въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, гдѣ кромѣ переводовъ иностранныхъ сочиненій, много собрано было рукописныхъ источниковъ русской исторіи. Далѣе Татищеву самому удалось во второй разъ составить большую бібліотеку, которая сгорѣла, вместе съ собраніемъ разныхъ рукописей уже по смерти владѣльца. Составъ погибшаго книгохранилища неизвѣстенъ; но о его характерѣ не трудно судить по именамъ авторовъ, которыхъ Татищевъ цитуетъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ. Такъ, кромѣ греческихъ и римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ лѣтописцевъ, которые были известны или въ русскихъ рукописныхъ переводахъ, или изъ другихъ сочиненій, чрезъ вторыя и третьи руки, Татищевъ ссылается на *Вальза* лексиконъ философскій; *Будды* лексиконъ историческій, въ шести книгахъ; *Гейнсіуса* и *Мартиньера* лексиконъ географическій въ десяти книгахъ; *Баилевъ* лексиконъ критическій въ четырехъ книгахъ; *Вольстія* лексиконъ географическій; *Юхера* лексиконъ ученыхъ; на лексиконъ святыхъ, на лексиконъ математическій, на астрономическій календарь. Кромѣ этихъ справочныхъ книгъ, у Татищева были подъ руками: *разсужденіе* о безбожій, Феодана Прокоповича, и другія его сочиненія; *Баронія* дѣянія церковныя и гражданскія отъ рождества Господа нашего, переводъ съ польскаго (М. 1719) *Томазія*, правоученіе; *Гаутрузія* о идолахъ и богослуженіи; *Далевы* оракулы и о древнихъ жрецахъ, обманутыхъ народъ, въ переводѣ Кондратовича; *Фонтенелля*, о

оранулахъ; *Фабріуса*, исторія міра; *Себастіана Минстера*, космографія и географія; *Вольфа*, элементы географіи, ошана (въ перев. Ломоносова?), мнѣніе о естественныхъ приключеніяхъ; *Вареня* генеральная географія въ русскомъ переводѣ Фед. Поликарпова (М. 1718); путешествія *Таверны*, *Улферцхата*, *Избранта*, *Ташара*, *Кирхера* *China illustrata*; *Гибнера*, родословная табель и географія, или краткое описаніе земноводнаго круга, въ русскомъ переводѣ (М. 1719); разныя ландкарты, въ томъ числѣ знаменитый въ свое время атласъ *Гомана*; *Трейера*, введеніе въ русскую исторію; *Фриша*, о глаголитѣ; *Филиппа Клюверія*, о Сасавахъ и Сарматахъ; *Петреуса* о Цимбрахъ; *Шефера*, о мпландцахъ; *Сменера*, древняя Германія; *Лешера*, сельская литература; путешествія по Россіи *Страленберга*, *Перри*, *Рычкова*, *Гербера*, *Миллера*, *Олеарія*, какая-то вымышленная исторія; сибирская исторія *Станкевича*; архіепископа сибирскаго Филофея, крещеніе Остяковъ; *Sammlung Russischer Geschichte*; *Theatrum Europaeum*; *Де-ту*, *Кевендильера*, *Слейдана*; *Имофа*, заглъ историческій. Изъ сочиненій эмискоескаго и политическаго содержанія Татищевъ приводитъ: *Пуффендорфа*, о должностяхъ челоѣка и гражданина; *Локка*, правленіе гражданское; *Гобезіеса* Левиаѳанъ, *Лавиаселли* II principie, въ русскомъ рукописномъ переводѣ; сочиненія Декарта, Ньютона, Галлея; ссылается также на *Гесселя* кометоописаніе; описаніе Спб. кометы 1744 года; на академическія примѣчанія и календари разныхъ годовъ; на словари литовскій, шведскій, польскій; на собраніе диссертаций *Гревія* и *Гроновія*, извѣстное ему въ переводѣ Бондратовича; на примѣчанія *Бержерона* къ путешествіямъ Иламо-Карпини, Асцелгина, Рубруквиса, переведенныя на русскій языкъ; на какую-то шиолу повитушекъ, и проч. ¹²⁷). Но, какъ извѣстно, Татищевъ не ограничи-

вался одними печатными пособіями. Онъ усердно и отовсюду собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрья, старинныя ландкарты; а во время частыхъ странствій своихъ изъ одного конца Россіи въ другой по обязанностямъ службы, не опускалъ ни одного удобнаго случая научиться чему-нибудь. Такъ онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разнощиковъ; читаетъ у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Феодоровича къ Федору Шереметьеву, у князя А. М. Черкаскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ князю И. Бор. Черкасскому; разъѣзжая по уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; спрашиваетъ поясненія слова: татарь, у бухарцевъ; о томъ же спрашиваетъ Дюндукъ Даши, его абу-гелюнга; чрезъ оренбургскаго ассессора Рычкова спрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о лютскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваша, черемисы толкуютъ ему свои собственные имена; о томъ же спрашиваетъ онъ Вогуличей черезъ переводчиковъ; говорить съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слышныя знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулу, Пронѣ и посылаетъ съ тою же цѣлію офицеровъ и геодезистовъ; жида ему показываютъ свои библии въ сверткахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія надъ солнечными затмѣніями, записываетъ себѣ на память годы, когда было сѣверное сіяніе, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записываетъ

есть различныя повѣрья; въ Швеціи осматриваетъ кости Олава Магнуса; у казеннаго въ 1724 году Вилліама Монса смотритъ сорочку, въ которой тотъ родился и которую тотъ носилъ съ собой; у Татищева по всему восточному краю Россіи разбросано было немало крестниковъ изъ ино-родцевъ, которымъ онъ же давалъ русскія прозвища вмѣсто собственныхъ именъ, и которые иногда навѣщали его и вели съ нимъ разговоры о своемъ бытѣ, и т. д. ¹²⁸). Много бы можно было собрать подобныхъ подробностей и меляихъ, иногда случайныхъ, чертъ изъ жизни Татищева, отличающихъ его любознательность, еслибъ мы уже не знали изъ прежнихъ главъ объ обычной его дѣятельности. Татищевъ иждъ и всегда былъ трудолюбивъ; весь — вниманіе и любознательство, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для пополненія запаса своихъ свѣдѣній.

Въ началѣ его занятія направлены были на изученіе русской географіи: мысль, внушенная ему гр. Брюссомъ! Географическихъ знаній нечужда была и древняя Россія: различные отрывки географическаго содержанія попадающіеся въ лѣтописяхъ, сказанія о ходу въ сосѣднія Россіи земли, старыя списки пословъ и посланниковъ московскихъ, жившихъ преимущественно въ XVII вѣкѣ на западъ Европы служатъ тому доказательствомъ. Для собственно русской географіи тоже было кой-что сдѣлано: книга Большаго Чертежа и позднѣйшія дополненія къ ней были первыми географическими сочиненіями о Россіи, въ которыхъ номенклатура городовъ, рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ преобладала надъ остальнымъ матеріаломъ. Картографическая часть, если принимать въ расчетъ ландкартъ Россіи, составленныхъ иностранцами, была крайне слаба до Петра. Только со времени преобразователя началось пристальное изученіе Россіи, посредствомъ экспедицій, помимо вліянія Лейбница и вну-

шеній Брюса. Путешествія медика Готлиба Шобера волжье, Каспійское приморье и часть Кавказа, навигаторов Евреинова и Лунина на Курильскіе острова, капитанов Вердена и лейтенанта Соймонова по окраинам Сибирскаго моря, рудознатца Блюера, генерала Генриха Данила Готлиба Мессершмидта въ Сибиріи относятся ко времени Петра. Въ инструкціи послѣднимъ отмѣтили предметы наблюденія, въ кругъ которыхъ вмѣстѣ съ географіей въ тѣсномъ смыслѣ входили физіка, естественныя науки и древности. Лоренцъ Ланге Савва Владиславичъ Рагузинскій, вздвигшіе въ Китаѣ знакомцами Татищева.

Рядъ экспедицій, которыя назначалъ Петръ, продолжался и въ послѣдующія царствованія до временъ Елизаветы, обращавшей больше вниманія на религіозныя и ученые мисіи. Татищевъ былъ въ Екатеринбургѣ когда проѣхала въ Сибирь и къ берегамъ Ледовита великая сѣверная экспедиція, въ которой участвовали профессоры академіи; на заводахъ, находившихся по пути, отлиты были нѣкоторыя вещи, необходимыя для дѣйствій экспедиціи. Кромѣ моряковъ: Муравьева, Панаева, Овцына, Прончищева, Челюскина, Минина, тогдашнихъ академиковъ и ихъ учениковъ: Ж. Н. Делиля, Л. Делиля, Кройера, Гер. Фридриха Миллера, И. Эбера Финшля, Крашенинникова, Стеллера. Татищевъ уже былъ въ вѣстѣ тогда, какъ человѣкъ занимающійся науками и искусствами. Такъ когда Анна Іоанновна, вскорѣ послѣ своего вступленія на престоль, задумала основать академію съ 12,000 рублями ежегоднаго содержанія; нѣмъ въ отдѣленіи архитектуры хотѣла сдѣлать Татищевъ въ отдѣленіи механики — Растреллі, въ отдѣленіи писемъ — Еропкина, по скульптурѣ — Коровина. Но Ос-

покинулъ исполненію этого проекта и «по нѣкоей ненависти указъ, приготовленный къ подписанію, уничтожилъ, и тако, говоритъ Татищевъ, сіе весьма полезное государству дѣло въ забвеніи осталось»¹³⁹). Теперь Татищевъ рѣшился сдѣлать *Предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи российской*. Въ предисловіи къ нему, онъ объяснилъ значеніе наукъ историческихъ и географическихъ; послѣднія, по его мнѣнію, необходимы для всѣхъ, зачавъ отъ наивысшаго въ государствѣ правленія до послѣднихъ и земскихъ управителей;—мысль, которую онъ повторялъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: въ изъясненіи на посланные начала историческія, въ напомниміи на присланное описаніе высокихъ и низкихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ. Самое содержаніе состояло изъ трехъ раздѣловъ: первый относился ко всѣмъ губерціямъ; второй лишь къ тѣмъ, въ которыхъ жили инопородцы идолопоклонники; третій къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населены были магометанами. Во всѣхъ этихъ раздѣлахъ помѣщены были вопросы, на которые отвѣты должны были дать генералъ-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и прочіе управители. Свѣдѣнія, которыя требовались въ первомъ раздѣлѣ, касались древнихъ названій различныхъ мѣстностей, границъ ихъ, свойствъ воздуха, описанія водъ, природнаго состоянія земли, подземностей, жителей, жилищъ. Кромѣ того въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ обращено было вниманіе на этнографическіе и лингвистическіе вопросы. Въ этотъ обширный планъ входили всевозможные вопросы, какіе могли только представиться Татищеву, при его намѣреніи составить русскую исторію и географію. Такъ онъ совѣтовалъ привести въ порядокъ во всѣхъ городахъ древніе архивы: «ибо изъ одного указа или записки разные люди могутъ ко изъясненію исторіи разныя обстоятельства обрѣсти и въ об-

щую пользу оставить, чрезъ что многіи недознанія изъясняются, а погрѣшности исправятся» (вопр. 4). Говоря о дѣйствіи воздуха, онъ предлагаетъ запросы о продолжительности и силѣ зимы, о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, о дождяхъ, градѣ, громѣ, молніи, зарницѣ, сѣверномъ сіяніи, о примѣтахъ, какія въ разныхъ мѣстахъ употребляются для узнанія погоды. Въ отдѣлѣ водъ идутъ вопросы о моряхъ, ихъ заливахъ, пристаняхъ, объ островахъ и судоходныхъ рѣкахъ, объ озерахъ, колодезяхъ, цѣлебныхъ ключахъ, каналахъ. Въ слѣдующей главѣ требуются свѣдѣнія о почвѣ и ея произведеніяхъ, при чемъ Татищевъ дѣлаетъ указанія на мѣстности, славящіяся тѣмъ или другимъ родомъ хлѣба, овощей, травъ, деревьевъ, звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ. Въ вопросахъ о произведеніяхъ царства ископаемаго перечислены извѣстные тогда въ Россіи виды металловъ и минераловъ. Спрашивая о населеніи, Татищевъ дѣлаетъ его по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, по роду занятій и управленія; требуетъ свѣдѣній о томъ, какаѣ мѣстности славятся тѣмъ или другимъ ремесломъ, о сборѣ ясака съ инородцевъ, о мѣстныхъ болѣзняхъ. Болѣе тридцати вопросовъ относится къ даннымъ о городахъ и поселеніяхъ, городищахъ, курганахъ и древнихъ могилахъ. Почти девяносто вопросовъ посвящено различнымъ подробностямъ изъ быта инородцевъ: особенное вниманіе обращено на различныя суевѣрія, заговоры, примѣты, обряды, обычаи, религіозныя вѣрованія. Всѣ эти подробности Татищевъ совѣтуетъ узнавать безъ принужденія, но ласкою, при помощи искусныхъ людей, понимающихъ силу самыхъ вопросовъ и языкъ инородцевъ; совѣтуетъ спрашивать не однажды у разныхъ людей; собранныя свѣдѣнія — изъ ближайшихъ къ столицѣ губерній доставлять въ академію наукъ, изъ сибирскихъ ему, дѣйствительному статскому совѣтнику Тати-

шеву, или профессорамъ, участвующимъ въ экспедиціи, за что всѣмъ трудившимся обѣщаетъ надлежащее награжденіе. Было присоединено и предостереженіе о томъ, чтобъ не поддаваться ложнымъ показаніямъ и хвастовствамъ, которыми нѣкоторые люди ищутъ себѣ честь или пользу приобрѣсти. Наконецъ Татищевъ совѣтовалъ прилагать къ описаніямъ снимки одеждъ и другихъ вещей, употреблявшихся у разныхъ народовъ. Словомъ, его предложеніе, состоявшее изъ 198 вопросовъ, было обширною программою для трудовъ многихъ ученыхъ, многихъ экспедицій, многихъ поколѣній¹⁴⁰⁾. Оно представлено было въ академію наукъ; ему придали социальное значеніе и разослали по областнымъ правителямъ и канцеляріямъ. Но Татищевъ и самъ наблюдалъ за исполненіемъ своего предпріятія. Будучи горнымъ начальникомъ, онъ посылалъ для описанія рудныхъ мѣстъ геодезистовъ, служившихъ при немъ. Такъ въ бумагахъ Татищева, пожертвованныхъ потомъ въ академію наукъ, находится экстрактъ о ѣздѣ геодезиста Василя Шишкова, ѣздившаго въ томское и кузнецкое горныя начальства, и опредѣленіе Татищева на донесенія Шишкова, представившаго пробы разныхъ минераловъ и описаніе аблайкитскихъ палатъ въ семи-валтинской области¹⁴¹⁾. Кромѣ того, въ отвѣтъ на предложеніе Татищева были присланы описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, Татищевъ также передалъ ихъ въ академію. Между ними были: 1) Журналъ сибирскаго описанія, или вѣдомости, сочиненныя въ Tobольскѣ къ исторіи и присланныя изъ городовъ: Пелыми, Верхотурья, Тары, Томска, Нарыма, изъ Юцкаго, Кузнецкаго, Исецкаго дистрикта, по требованію тайнаго совѣтника г. Татищева, на 204 листахъ. 2) Описаніе въ Сибири томскаго и кузнецкаго уѣздовъ, по даннымъ при наказѣ пунктамъ отъ его превосходительства тайнаго совѣтника В. Н. Татищева, писаннымъ въ 1739 году марта

17 дня, описано въ Томскѣ геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ въ 1739 — 1743 годахъ ¹⁴²). Кондратовичъ, жившій также на уральскихъ заводахъ, составилъ краткіе словари для языковъ тѣхъ инородцевъ, которые населяли уральскій и оренбургскій край ¹⁴³). Разбирая всѣ эти описанія, Татищевъ замѣчалъ въ нихъ ошибки и писалъ новыя, болѣе подробныя наставленія, для собранія этнографическихъ данныхъ ¹⁴⁴). Тогда же переведено было для Татищева сочиненіе Страленберга, на которое онъ написалъ свое примѣчаніе, касающіяся преимущественно восточнаго края, а потомъ и самъ сталъ составлять записки о живущихъ въ Сибири народахъ ¹⁴⁵).

Оставивъ оренбургскую экспедицію и пріѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ учреждена была судная коммиссія надъ нимъ, Татищевъ хотѣлъ поднести Аниѣ Іоанновнѣ старинныя, найденныя имъ въ Сибири, ландарты; но отдалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими, въ академію наукъ, а потомъ представилъ съ академикомъ Делилемъ упомянутое выше предложеніе о сочиненіи географіи. Продолжая заниматься собираніемъ этнографическихъ данныхъ, онъ тогда же получилъ отъ одного финскаго пастора списокъ болѣе ста словъ, сходныхъ съ кельтскимъ и финскимъ языками ¹⁴⁶). Большая часть тогдашнихъ областныхъ правителей имѣли подлѣ себя геодезистовъ, которые вынесли на своихъ рукахъ всѣ подготовленные тщательно труды, легшіе въ основу атласа Россійской имперіи, изданнаго въ 1745 году ¹⁴⁷). Татищевъ также во время всей службы своей окруженъ былъ геодезистами: въ Сибири, на Уралѣ, въ Башкиріи, всюду слѣдовали они за нимъ. А въ 1741 году, составляя замѣчанія на инструкцію, которую дала ему коллегія иностранныхъ дѣлъ, по случаю смуты въ калмыцкой Ордѣ, Татищевъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ просилъ: «8) При прежнихъ порученныхъ мнѣ дѣлахъ

трудился я о сочиненіи Россійской исторіи и географіи и
 чрезъ 21 годъ немало собралъ, а для совершеннаго окон-
 ченія по указу отправилъ въ многія провинціи геодезистовъ,
 которымъ хотя достаточныя даны инструкціи; но какъ они
 въ исторіи и математикѣ не довольно искусны, то имъ мно-
 гое сумнительства являются, для котораго требовали наста-
 мненія отъ опредѣленнаго на мое мѣсто генераль-поручика
 пина Урусова, только онъ отрекся, якобы точнаго о томъ
 ума не имѣеть и велѣлъ имъ ко мнѣ писать, токмо и я
 безъ указа вступить въ то не могъ, и они большею частію
 бесплодно въ тѣхъ провинціяхъ третій годъ живутъ. Нынѣ
 же я посылаю въ такія мѣста, гдѣ немало разоренныхъ
 городовъ, такожъ идиоловъ и камней съ надписями находится,
 исторіи, не знаю можно ли достаточное извѣстіе сы-
 скать; и для того не соизволено будетъ опредѣлить со-
 мною одного геодезиста и отъ академіи наукъ ученика жи-
 вившаго изъ тѣхъ, которые отъ оренбургской комиссіи
 для того нарочно въ обученіе посланы. 9) Тѣмъ геодезистамъ
 писано было въ нѣкоторыхъ городѣхъ искать въ архивахъ
 древнихъ писемъ, нужныхъ до исторіи по 121 (то есть
 1613) годъ, по которому немало весьма нужныхъ собра-
 чено; а по отлученіи моемъ, чаю, вездѣ оставлено какъ о томъ
 въ Казани поручикъ Пестриковъ ко мнѣ писалъ: не соиз-
 млено ли будетъ о томъ подтвердить, кому оное поручено
 будетъ. Коллегія отвѣчала: «искуснаго геодезиста и живо-
 писца къ вамъ отправить велѣно и вы имѣете тамошнимъ
 гистамъ, а особливо между Царицынымъ и Астраханью и до
 пятирехъ бугровъ по Волгѣ, и всѣ тѣ мѣста, гдѣ вамъ и въ
 степи быть случится, сдѣлать акуратное описаніе и сочинить
 исправную ландкарту и одну доставить сюда, а другую оста-
 вить въ астраханской губернской канцеляріи, а третью въ
 Царицынскою канцеляріи»¹⁴⁸). Какъ прежде Татищевъ съ

Урала и изъ Башкиріи привезъ въ академію ландкарты, такъ и теперь, кромѣ урочищъ, избранныхъ подъ Енотавскую крѣпость, составлены были геодезистами и посланы Татищевымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ ландкарты большой и малой Кабарды и кумыцкихъ мѣстъ, низярскаго крѣпости и степи между нею и Астраханью, на 350 верстъ по теченію Кумы: запусѣлаго городища Можаръ, Кызларъ, Гребенскаго, Шадринскаго, Новогладковскаго, Старогладковскаго, Курдякова, Семенова, Бартамышскаго, Дубовскаго, Баргузинскаго городковъ ¹⁴⁹). Наконецъ когда уже Татищевъ жилъ въ деревнѣ, Петръ Рычковъ, ассессоръ оренбургской губернской канцеляріи, выслалъ ему рукописное краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумеются, собранное въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей, къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія ¹⁵⁰).

Собирая отовсюду матеріалы, Татищевъ приступилъ наконецъ и самъ къ составленію русской географіи. Теоретическая часть землѣзнанія въ то время не была развита. Собственный же взглядъ Татищева на предметъ географіи отчасти высказался въ его предложеніи и планѣ собиранія матеріаловъ для нея. Русская литература того времени могла представить только переводныя географическія сочиненія, въ которыхъ о Россіи говорено было мимоходомъ. Даже въ «краткомъ руководствѣ къ географіи» и въ «краткой политической географіи ко изясненію изданнаго на російскомъ языкѣ меньшаго атласа» напечатанныхъ въ 1742 и 1745 годахъ въ пользу и для употребленія юношества, учившагося въ гимназій при тогдашней академіи, не было ни слова о Россіи. Географія опредѣлена

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАГО
УЧИЛИЩА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ИЗДАНИЕ
1880 ГОДА
№ 1000

была такъ: «географія есть знаніе о имперіяхъ, королевствъ, княжествахъ, графствахъ, провинціяхъ, городахъ, шрихъ, озерахъ, рѣкахъ, горахъ и другихъ примѣчанія достопыныхъ мѣстахъ, всего земнаго круга» ¹⁵¹). Географическихъ лексиконовъ, которые могли бы со временемъ послужить для составленія полной русской географіи, также не было. Но у Татищева собрано было немало такихъ матеріаловъ; и онъ приступилъ къ составленію и географіи, и лексикона. Его географія носила такое заглавіе: «Введеніе въ историческому и географическому описанію великороссійской имперіи, часть первая: какъ древнее, такъ и нынѣшнее состояніе того великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ и другія къ вѣдѣнію принадлежащія обстоятельства по возможности и на первый случай къ сочиненію нравнѣйшей и обстоятельнѣйшей гисторіи вновь собрана кратко описана». Въ первой главѣ говорилось: о имени сего великаго государства и о древнемъ онаго раздѣленіи; во второй: о границахъ всероссійской имперіи по ея нынѣшнему состоянію; въ третьей: о великости имперіи; въ четвертой: о водахъ; въ пятой: о знатнѣйшихъ горахъ; въ шестой, о внутренностяхъ земли; въ седьмой: о растеніи и плодахъ земныхъ; въ осьмой: о животныхъ; въ девятой: о жителяхъ имперіи; въ десятой: о силѣ воинской; въ одиннадцатой: о доходахъ государственныхъ; въ двѣнадцатой: о заводахъ, о фабрикахъ и мануфактурахъ; въ тринадцатой: о академіяхъ и училищахъ; въ четырнадцатой: о правленіи духовномъ и политическомъ, о раздѣленіи епархіальномъ и губернскомъ. Всѣ эти извѣстія были изложены кратко; только, говоря о Сибири, авторъ пустился въ нѣкоторыя подробности. Есть еще небольшой отрывокъ историко-географическаго содержанія: Россія или какъ нынѣ зовутъ Руссія, приписываемый Татищеву ¹⁵²). Но всѣ эти попыт-

ки написать русскую географію не привели къ жел результату. Трудность дѣла взяла свое и Татищевъ завѣсивъ отъ него, принялся за составленіе: *Лета Россійскаго, историческаго, географическаго, тическаго и гражданскаго*. Здѣсь предметъ захи шире: помимо всякаго заранѣе обдуманнаго плана, и всякихъ узкихъ рамокъ, Татищевъ бралъ въ свой лекс по алфавитному порядку, слова, взятая изъ государ наго, административнаго и общественнаго быта тогда Россіи, имена и названія историческія, географическія графическія, изъ области археологіи и художествъ, и единая къ нимъ свои объясненія. Списокъ собра имъ словъ былъ далеко неполонъ; объясненія не всег робны; самый лексиконъ прерванъ на буквѣ К. Но в есть нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собети жизни автора и его личныхъ наблюденій. Наконецъ конъ Татищева можетъ быть разсматриваемъ, какъ в опытъ въ этомъ родѣ, какъ трудъ, предшествовавші варямъ Полунина, Щекатова и академи (132).

Таковы были географическіе труды Татищева. I первую цѣлю его занятій, они однакожъ менѣ брали времени, нежели труды историческіе, перейдя къ кот онъ долженъ былъ поставить на второй планъ мысль графіи. Занятія русской исторіей взяли у него цѣлую ж понятно почему: Татищевъ былъ первымъ русскимъ уч который обращалъ свое вниманіе на нее. Ему пришло чать съ простаго сбора матеріаловъ и ограничиться сл ихъ. Еще Петръ, проѣзжая въ 1716 году, чрезъ Кениге подалъ примѣръ такого собиранія: осматривая кенигскую бібліотеку, онъ велѣлъ переписать для себя, ка жно точнѣе, радзивилловскій списокъ лѣтописи; а, и шесть лѣтъ приказалъ всѣмъ епархіямъ и монаст

испытать въ синодѣ имѣющіяся у нихъ лѣтописи и хронограммы, обѣщая возвращать ихъ, по снятіи списковъ. Петръ слѣдовалъ иногда и съ Татищевымъ о русской исторіи; а отправляясь въ персидскій походъ, бралъ у него одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ. Находясь въ Сибири, Татищевъ продолжалъ собирать историческіе матеріалы. Но первый разъ заявилъ официально о своихъ занятіяхъ русской исторіей въ 1738 году: увѣдомляя коллегію иностранныхъ дѣлъ, что начатые имъ еще въ 1727 году труды нуждаются въ некоторыхъ манускриптахъ, хранящихся въ коллегіи и въ синодѣ, просилъ выслать послѣдніе къ нему. Просьба Татищева писана была за четыре года предъ тѣмъ, какъ ищущія наукъ пыталась приступить къ изданію лѣтописей, и встрѣтила неудачу со стороны синода ¹⁵⁴).

Во времена Трейера, Коля и Байера началъ свой трудъ Татищевъ: первые двое ограничились составленіемъ введеній въ московскую и славянскую исторію; Байеръ остановился на синахъ и сарматахъ, на вопросѣ о происхожденіи враговъ. Лишь одинъ изъ современниковъ Татищева могъ отчасти поспорить съ нимъ въ знаномствѣ съ Русской исторіей: это былъ Миллеръ, впоследствии издатель сочиненія Татищева. Миллеръ началъ тѣмъ, что, въ первомъ выпускѣ своего извѣстнаго сборника «Sammlung Russischer Geschichte», напечаталъ: «Eröffnung eines Vorschlages zur Verbesserung der russischen Historie etc.», тогда же изданное и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Объявленіе предложенія до исправленія Россійской исторіи касающагося, которое можетъ учиниться частнымъ изданіемъ собранія вслѣдствіи извѣстій до исторіи Россійскаго государства принадлежащихъ» (въ Спб., при Имп. акад. наукъ, 1732 года). Объявленіе это было слѣдующаго содержанія: «Понеже исторія Россійскаго государства и присовокупленныхъ къ оно-

му земель и провинцій по нынѣ еще толь многими трудностями подлежитъ, что въ 20 лѣтъ или больше невозможно кажется оную въ надлежащій порядокъ привести, того ради въ академіи наукъ воспріято намѣреніе, въ пользу охоты намъ до історіи принадлежащихъ краткихъ описаній и календариковъ сочинить, и оныя на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ по частямъ издавать. — Общее намѣреніе при семъ тожь самое есть, которое и при історическихъ и дипломатическихъ собраніяхъ другихъ государствъ бывають, то есть чтобъ оное къ будущему совершенному історическому сочиненію матерію подала, а къ тому жь бы и тѣхъ, которые нѣчто до сего намѣренія касающагося уже собрали, въ произведеніи ихъ труда къ общей пользѣ ободрило. Осоближе сей трудъ къ тому склоняется, чтобъ все то, что иностранцами о Россійской історіи по сіе время еще не извѣстно, или въ печатныхъ історіяхъ не довольно изслѣдовано или не очень изъяснено, тутъ отъ времени до времени собирать можно было. Сего ради приеѣмлетъ здѣсь історія Россійскаго государства во всемъ своемъ пространствѣ, такъ что до оныя не только гражданскія, церковныя, ученныя естественныя приключенія принадлежать имѣють, но такъ и древности, знаніе монетъ, хронологія, географія, и въ Россійскаго государства, и сіе не только свойственно такъ называемой Россіи особливо, но и всѣхъ прочихъ Россійскому скипетру подверженныхъ, также и ближнихъ и граничныхъ южныхъ татарскихъ земель и провинцій. Первая часть, которая вскорѣ выдана будетъ, пускай отвѣдаетъ какова сіи труды отъ благоразсудныхъ принятія удостоится. И тогда можно будетъ по вся мѣсяцы оныя продолжать такъ что въ годъ способная книжка въ 8 долей листа и братья можетъ, которая изъ 12 частей, съ приложенными въ концѣ послѣдней части полнымъ реестромъ, состоя

будетъ. Между тѣмъ, которые что нибудь къ сему намѣренію служащее имѣютъ; и оное либо съ подписаніемъ, либо съ уполчаніемъ своего имени, какъ имъ самимъ угодно, съему сообщить хотять, просятъ оное на русскомъ, или и другомъ какомъ нибудь языкѣ прислать въ канцелярію нашихъ наукъ, какъ и изъ приложенной при семъ росписи, видѣть можно, какія исторіи въ намѣренномъ собраніи могутъ изъяснены и предложены быть, въ Санктпетербургѣ сентября 9-го дня, 1732 года.»

Къ этому объясненію приложена была «роспись оныхъ исторій, которыя въ приложенномъ собраніи всякихъ до исторіи и географіи російскаго государства принадлежащихъ извѣстій и подлинныхъ документовъ отъ времени до времени описаны и предложены быть могутъ». Въ ней въ началѣ параграфъ (всѣхъ ихъ 12) поставлены: «сокращенія и переводы изъ всѣхъ историческихъ рукописныхъ книгъ и хрониковъ о Россіи, сколько оныхъ теперь имѣется или впродъ найтись можетъ».... «Напримѣръ изъ степенной книги, изъ хроника или синописа кievскаго, изъ хроника игумена Феодосія кievскаго (такъ называлъ сперва Миллеръ автора кievской русской лѣтописи), изъ хроника Варлаама Палимова, изъ нѣкоторыхъ хрониковъ безъимянныхъ и прочая». Объявленіе, выписанное здѣсь предсказало собою появленіе двухъ сборниковъ: одного — на нѣмецкомъ языкѣ, *Sammlung Russ. Gesch.*, начавшаго издаваться въ томъ же 1732 году; другаго — на русскомъ: ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія, появившагося уже по смерти Татищева. А между тѣмъ въ 1739 году Татищевъ уже привезъ въ Петербургъ свою исторію, которая была встрѣчена различными замѣчаніями и нарѣканіями то со стороны ревнителей старины, считавшихъ дерзостію критическій разборъ старинныхъ лѣтописей, то со стороны любителей

эмиссѣи. Въ нѣсколько приемовъ составлялась эта исторія: въ самомъ предъизвѣщеніи къ ней нельзя не замѣтить позднѣйшихъ прибавленій. Такъ въ одномъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «сіе предъизвѣщеніе принужденъ я по первому моему намѣренію распространить, и изложенныя въ немъ обстоятельства, по требованіямъ нѣкоторыхъ любопытныхъ, показать, а можетъ кому либо не понравится; то я знаю, что на нравы и разсужденія всѣхъ людей угодить не можно ¹⁵⁵). Не только это предъизвѣщеніе, но и цѣлыя главы исторіи переписывались и составлялись по нѣсколькимъ разамъ. Рукописи, въ которыхъ сохранились эти передѣлки, довольно многочисленны. Онѣ хранятся, большею частію, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ извѣстны были слѣдующія:

1) *Предъизвѣщеніе къ исторіи російской*, листы 1—111 писаны чужою рукою съ поправками и помѣтками самого Татищева. Конецъ рукописи и нѣкоторые листы въ среднѣй потеряны. Это предъизвѣщеніе полнѣе печатнаго; потому что въ него вошли цѣлыя главы перваго тома.

2) *Примѣчанія на часть вторую исторіи русской*, въ трехъ спискахъ; первый изъ нихъ стараго письма на 11 листахъ, съ собственноручными поправками Татищева; второй на 8 листахъ, и третій на одномъ, оба писаны на вѣйшимъ почеркомъ. Первый списокъ прерывается на 7 примѣч.; во второмъ всего 31 примѣчаніе, послѣднее отвѣчаетъ 43-му предыдущаго списка; въ третьемъ списокѣ лишь 4 примѣчанія. Содержаніе всѣхъ трехъ списковъ совершенно сходно съ содержаніемъ напечатанныхъ примѣчаній, и которыя даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ полнѣе архивныхъ списковъ.

3) Краткое показаніе о рожденіяхъ, бракахъ и кончинахъ князей російскихъ обоюбого пола, съ 875 по 1463 г. и слѣд.

къ митрополитовъ до 1464 г. на 14 листахъ, съ собственноручными поправками Татищева. Часть сего напечатана и II т. исторіи російской.

4) Изображеніе княжескихъ въ Россіи наименованій по грамотѣ, на 4 листахъ;—подготовительная и неоконченная раба для исторіи російской, написанная самимъ Татищевымъ.

5) Прииѣчаніе объ Олельковичахъ, произшедшихъ отъ шгерда князя литовскаго, отъ 1387—1444 г.;—собственноручныя выписки Татищева изъ разныхъ историческихъ мѣстностей, на двухъ листахъ.

6) Выписки изъ російской исторіи о княженіяхъ великихъ князей Іоанна Васильевича, Василія Іоанновича и Іоанна Васильевича,—сходно съ напечатаннымъ въ Чтеніяхъ общества историческаго.

7) Выписки изъ російской исторіи съ начала царствованія государя Θεодора Іоанновича, царя Бориса Годунова и Филіппа самозванца.

8) Записки о царствованіи государя Михаила Θεодоровича; тутъ же о началѣ и устроеніи Москвы.

9) Заиѣчанія къ I части исторіи російской: о древности языка славянскаго, о идолослуженіи, о крещеніи Россіи въ князія времена, о епископѣ Іоакимѣ и о Геродотѣ, на одномъ листѣ, собственноручныя замѣтки Татищева, по поводу оглавленія 1—5 и 12 главъ первой части исторіи російской.

10) Отрывокъ изъ исторіи російской о древнемъ Россіи иудѣленіи: на Великую Русь, Малую Русь, Бѣлую Русь, Рязанскую Русь и Черную Русь, также на Поморье и на Болгары, съ показаніемъ въ каждой изъ оныхъ, какія были истинныя и удѣльныя княженія границы, гербы и пр., на листахъ безъ конца, собственноручный. Это 44 глава перваго изданія.

Наконецъ 11) въ портфель подъ № 53 есть статья, по заглавіи: жизнь царя Феодора Алексѣевича, приписываемая также Татищеву¹⁵⁵).

Источниками, при составленіи русской исторіи, служили для Татищева: начальная лѣтопись съ ея продолжателемъ псковская и новгородская лѣтописи, Никоновскій списокъ церковные степенные хронографы, царственные лѣтописи четіи-миней, прологи. Списки нѣкоторыхъ изъ нихъ Татищевъ получалъ отъ князя Дм. М. Голицына, отъ А. П. Влѣдскаго, совѣтника Хрущова, архитектора Бропкина, и страдавшихъ въ царствованіе Анны Іоанновны. По отношенію къ нашему времени, вопросъ объ источникахъ Татищевской исторіи интересенъ лишь по тѣмъ спискамъ, которыя были въ рукахъ автора и потомъ затеряны. Онъ самъ говоритъ: «лѣтописи или манускрипты, которые я въ собраніи своемъ употреблялъ, имѣлъ изъ разныхъ мѣстъ, изъ нихъ нѣкоторые досель въ библіотекѣ академической, другіе отыскать можно, а иныхъ чаю уже достать не надежно». Первый списокъ полученъ былъ Татищевымъ въ 1720 году чрезъ Брюса отъ гофъ-интенданта Мошкова и легъ въ основаніи его свода; второй въ Сибири отъ одного раскольника въ 1724 году, на пергаментѣ, весьма древняго изданія; третій былъ извѣстный Радзивилловскій или кенисбергскій списокъ; четвертый — изъ библіотеки князя Дм. Мих. Голицына: «у сего весьма любопытнаго министра, замѣчаетъ въ этомъ Татищевъ, многое число такихъ древнихъ книгъ собрано было, изъ которыхъ при опискѣ растащено; да и послѣ я по описи многихъ не нашелъ, и увидѣлъ, что лучшіе бывшіи герцогъ курляндскій и другіе расхитили». Пятый списокъ взятъ былъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отданъ въ синодскую библіотечу; шестой былъ новгородскій лѣтописецъ, отданъ Татищевымъ въ библіотечу акаде-

ни наукъ; седьмой—псковскій лѣтописецъ, поступилъ туда же; осьмой отъ извѣстнаго Крекшина; девятый—Никоновская лѣтопись изъ воскресенскаго монастыря, о которой Татищевъ замѣчаетъ: «видится особливо Никонъ самъ велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что ко уничтоженію власти духовной въ другихъ находится, въ немъ вышнута или переиѣнены и новымъ порядкомъ вписаны. Десятый полученъ былъ изъ Нижняго Новгорода, отданъ Татищевымъ въ академію наукъ. Одиннадцатый изъ ярославскаго монастыря съ помѣткою архимандрита Іосифа, отданъ въ лондонское королевское общество, а копія съ него въ академическую бібліотеку. Стало быть очень немногія изъ названныхъ Татищевымъ рукописей погибли безвозвратно. Большая часть изъ отданныхъ куда-нибудь попали въ академію наукъ; но ихъ нѣтъ въ русской бібліотекѣ академіи, во всей вѣроятности, ихъ надо искать въ архивѣ ея. Лишь въ раскольничьемъ и Голицынскомъ спискахъ, отчасти сходныхъ между собой, можно думать, что они погибли; да и то въ описаніи рукописей Толстова, въ собраніе котораго вошла архангельская бібліотека, упоминаются нѣсколько списковъ лѣтописей. Но и оканчивая свой трудъ, Татищевъ продолжалъ получать лѣтописи: «Всякій трудолюбивый, говоритъ онъ въ концѣ седьмой главы, посвященной обзору источниковъ, если впредь гдѣ какую лѣтопись сыщеть, въ которой большія, яснѣйшія обстоятельства обрящеть къ дополненію сего, академіи сообщить можетъ, дабы при другомъ изданіи могли пополнить и переправить, какъ то со старыми древними исторіями чинится, какъ уже и мнѣ по написаніи второй части на бѣло, отъ нѣкоторыхъ любопытныхъ и объ умноженіи чести отечества прилежащихъ, нѣкоторыя извѣстія и выписки, яко же и цѣлыя манускрипты сообщены, которые, если Богъ соизволитъ, собравъ въ по-

рядокъ къ дополненію второй части приобшу, для котораго надѣюся вскорѣ обѣщанные мнѣ два манускрипта получить». Вотъ тѣ главные матеріалы, изъ которыхъ Татищевъ составилъ свой сводъ лѣтописныхъ извѣстій. Съ тѣхъ поръ число историческихъ источниковъ значительно увеличилось, кругъ свѣдѣній о древней Россіи расширился; но и до сихъ поръ еще въ исторіи Татищева можно найти нѣсколько данныхъ, которыхъ не встрѣтишь въ извѣстныхъ теперь изданіяхъ. Но чѣмъ дальше вель свою исторію Татищевъ, тѣмъ скуднѣе были его источники, и въ недавно изданныхъ описаніяхъ царствованій Иоанна III, Василія Іоанновича, Иоанна IV, пробѣлы становятся замѣтнѣе. Татищевъ готовилъ исторію и XVII столѣтія; но это уже были отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ событіяхъ, преимущественно изъ царствованія Михаила Феодоровича и отчасти его ближайшихъ преемниковъ ¹⁵⁶).

Каково же было мнѣніе Татищева собственно о Несторѣ и его начальной лѣтописи? «Между явными намъ Русскими историками—такъ начинается Татищевъ 5 главу— есть древнѣйшій Несторъ, бывший монахъ Печерскаго монастыря, родился на Бѣлѣозерѣ и, по сказанію Ниѳонта въ Патерикѣ, проживъ лѣта довольно преставился. По исчисленію въ монастырь онъ пришелъ въ 1003 году 17-ти лѣтъ, убо родился въ 1056. Исторію кончилъ 1093 когда былъ 37 лѣтъ». За тѣмъ приводитъ свидѣтельство Симона епископа, сохранившееся въ Патерикѣ, о искаженіи лѣтописи Нестора позднѣйшими переписчиками. Самъ Татищевъ въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи нѣсколько разъ указываетъ на мѣста, которыя, по его мнѣнію, или искажены или вставлены переписчиками. Особенное его вниманіе обращаетъ на себя то мѣсто, гдѣ говорится о крещеніи Владиміра: «наипаче о мѣстѣ крещенія Владимірова сумнительство невѣроятное по-

людею; понеже Нестору подлинно знать было можно по-
тому, что въ его время могли быть люди присутствующіе
тому крещенію, и подлинное мѣсто крещенія Владимірова
сказать, особливо Ярославъ сынъ Владиміровъ не задолго
предъ нимъ умеръ; и сіе можетъ быть отъ Нестора прямо
и точно положено было, да послѣ утрата истинное по ска-
занію кто либо внесъ». Точно также говоритъ онъ и о пред-
ложеніи императоромъ Константиномъ своей руки великой
княгинѣ Ольгѣ? «мнѣ, что о семъ сватаньѣ нѣкто, не раз-
смотря лѣтъ, выдумалъ, къ похвалѣ Ольги и послѣ Не-
стора внесъ, или самъ Несторъ повѣрилъ неразумному ска-
занію». Въ концѣ главы замѣчается, что всѣ манускрипты
въ началѣ сходны, «но въ продолженіи ни единъ съ дру-
гимъ точно несходенъ, въ одномъ то, въ другомъ другое
прибавлено или сокращено».

Что до источниковъ, которыми пользовался Несторъ, то
Татищевъ называетъ греческихъ писателей. Такъ по по-
воду географическихъ извѣстій, сообщаемыхъ Несторомъ, Та-
тищевъ замѣчаетъ: «Несторъ здѣсь описалъ народы прежде
его и прѣ немъ бывшіе, сколько ему о которомъ извѣстно
было;..... что же сущихъ мѣстъ онъ не всѣхъ показалъ, то
не дивно, что..... ему, яко отъ *Грека учившемуся*, у кото-
рыхъ уже всѣ пауки угасли, меньше знать способно было».
Между прочимъ Татищевъ указываетъ и на Кедрина. Дого-
воръ съ греками считаетъ возможнымъ «по обстоятельствамъ
тогдашнихъ временъ» и думаетъ, что они были извѣстны
Нестору въ переводахъ славянскихъ, именно на болгарскомъ
нарѣчій. Говоритъ также о возможности преданій. Что ка-
сается до причинъ, по которымъ Татищевъ такъ ограни-
чилъ лѣтопись Нестора, сказавъ, что онъ кончилъ писать
въ 1093 году; то вотъ его собственныя слова: «О концѣ
же лѣтописи Несторовой сказать точно не можно, для того

что Сильверстъ и другіе продолжающіе по Несторѣ хотя в—
надписаніи имя Несторова полагали, но своего начала от—
Несторова окончанія не отличали, или послѣ списывателя
отъ неразсудности въ томъ погрѣша смѣшали. Однако
жнится, что оное въ 1093 году, гдѣ онъ пиша о казне
божескихъ за грѣхи кончить рѣчь такимъ порядкомъ, какъ
обыкновенно книги русскія кончатся, *аминь*, что и послѣ—
дователь его Сильвестръ во скончаніи своего лѣтописи ра—
ноу положилъ. Но Татищевъ и самъ не былъ твердо увѣ—
ренъ въ справедливости своего мнѣнія; ибо доказате—
ствомъ его онъ взялъ признакъ чисто внѣшній, случайный.
потому продолжалъ: «Сіе видится нѣчто можетъ проти—
вечено тѣмъ, что Несторъ, по сказанію Нифонта, жилъ лѣ—
довольна, а по исчисленію лѣтъ его сказанія онъ въ
время былъ меньше сорока лѣтъ, то надобно думать, что онъ
долъ жилъ и лѣтопись продолжилъ; другое что во всѣхъ лѣ—
писцахъ въ нарѣчіи и слогѣ никакой разности нѣтъ, поче—
наиболѣе разность писателей познавается. Но сіи сум—
тельства тѣмъ могутъ отрѣшиться: о первомъ, что Несто—
90 лѣтъ жилъ, но лѣтопись за чѣмъ либо не до конца
зани своея продолжилъ, какъ то и о всѣхъ видимъ, гдѣ
единъ до дне смерти своей продолжалъ. Онъ же труда
описать житія преподобныхъ Печерскихъ можетъ не имѣ—
времени оную продолжать, или болѣзни и другія неуд—
ства повредили, какъ то и Сильвестръ учинилъ, что
долго прежде смерти своей дѣянія окончалъ, а може—
быть, что настоящихъ временъ и писать опасался, ибо
того писателемъ многократно бѣды приключаются..... ч—
же до различія нарѣчія принадлежитъ, то оное, естли
списывателями перемѣнено и переправливано небыло, то
конечно достовѣрно рѣшить можно, но нынѣ яко по бол—
шей части въ нарѣчіи переправливанное, той разности по—
казать не можетъ» ¹⁵⁷).

В
В
Д
В
В

Главный же вопрос, какой долженъ былъ прежде всего представляться Татищеву при составленіи свода лѣтописныхъ извѣстій, — вопросъ о томъ, дѣйствительно ли всѣ разбросанныя имъ извѣстія принадлежать Нестору, — можно сказать, для него не существовалъ вовсе. Онъ даже удивляется, какъ «Петру Могила, митрополиту кievскому, яко великому рачителю собранія древностей,..... Несторова лѣтопись незнаема была, развѣ потому, что имя Несторова въ надписаніи или заглавіи не было положено, какъ и я въ сочиненію сея много изъ разныхъ мѣстъ имѣлъ, а между всѣми токмо въ трехъ древнѣйшихъ и надежнѣйшихъ имя его объявлено такъ, какъ здѣсь въ заглавіи положено; однакожь есть ли бы и не видѣлъ имени его, то, по сказанію о Несторѣ въ Патерикѣ и по согласнымъ обстоятельствамъ въ лѣтописи, безъ сумнѣнія доказывается, что оная Несторова лѣтопись есть».... и привелъ свидѣтельство о Несторѣ изъ житія его, помѣщеннаго въ Патерикѣ о пришествіи Нестора въ монастырь на 18-мъ году жизни и объ ископаніи имъ мощей Феодосія, сравнивъ эти извѣстія съ мѣстами изъ лѣтописи, гдѣ говорится о томъ же, Татищевъ прибавляетъ: «и тако безъсумнѣнно есть, что Несторъ творецъ тоя лѣтописи» (стр. 53). Наконецъ еще въ предъизвѣщеніи своемъ Татищевъ такъ отозвался о Несторѣ: «Несторъ преподобный, видно довольно, что немного учень былъ, и притомъ недовольно могъ въ точности разсудить: но за его трудъ вѣчной похвалы и благодаренія достоинъ» (стр. XV). За тѣмъ однимъ изъ давнихъ историческихъ вопросовъ, когда рѣчь пойдетъ объ источникахъ исторіи Татищева, всегда былъ вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи. Мнѣніе Татищева о томъ, что Несторъ не былъ первымъ лѣтописцемъ нашимъ, что до него «писатели были, да книги тѣ погибли, или еще гдѣ хранятся, или какихъ либо обсто-

ятельствъ ради отъ неразумныхъ презираемы, составилось не вдругъ. Окончательно перешелъ онъ къ нему только по полученіи отрывка изъ Іоакимовской лѣтописи: «Сія, говоритъ онъ, мнится совершенно древняго писателя болѣе, нежели Несторъ свѣдущаго, и не иначе какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто необыкновенное по тогдашнему обычаю внесено». За тѣмъ приводитъ доказательство о существованіи Іоакима и о большей точности его сказаній; ибо находить въ нихъ то, чего не нашель въ рукописяхъ лѣтописи Несторовой, но что можно найдти въ прологахъ и польскихъ писателяхъ. Далѣе, рассказавъ исторію открытія этой лѣтописи, Татищевъ сообщаетъ извлеченіе изъ нея. Между прочимъ на той страницѣ, гдѣ помѣщено письмо архимандрита Мельхиседека Борщова, доставившаго Татищеву рукопись, встрѣчаются два выраженія, заставившія усумниться въ подлинности Іоакимовской лѣтописи. Первое, помѣщенное въ приѣчаніи къ имени монаха Веніамина, на котораго ссылался Борщовъ, такого рода: «Веніаминъ монахъ токмо для закрытія *вымыслена*.» Второе — это самое начало рукописи, доставленной въ руки Татищева «о князѣхъ русскихъ старобытныхъ, Несторъ монахъ недобрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ *Славянъ* въ Новѣ градѣ, а святитель Іоакимъ добрѣ свѣдомый напса». Вымысль Мельхиседека, желавшаго ввести въ отношенія между собой и Татищевымъ третье лице отнесли къ самому Татищеву. Выраженіе: у насъ *Славянъ*, принадлежащее переписчику, сочли выраженіемъ составителя лѣтописи, который, очевидно, не могъ такъ выразиться. Еще болѣе сомнѣній вызвало содержаніе отрывка.

Осторожный издатель Татищева, Миллеръ, въ предисловіи къ 1 книгѣ, отстранилъ отъ себя обязанность произне-

сти судъ надъ «мнѣніями Татищева, начало Россійской Исторіи иначе, нежели какъ преподобнымъ Несторомъ описано, представляющими», то есть, именно надъ тѣми, которыя основаны на Іоакимѣ. Горячую полемику, по поводу отрывка, подняли въ прошломъ столѣтіи Болтинъ и Щербатовъ, хотя и не рѣшили спорнаго вопроса, не смотря на долгия пренія. Елагина II приняла Іоакима въ свои «записки касательно Россійской Исторіи» и въ послѣдствіи основывалась на немъ, написала двѣ драмы: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» и «Начальное правленіе Ольги.» Болтинъ сдѣлалъ примѣчанія ко второму изданію первой (1793 г.), взятыя имъ изъ Іоакимова отрывка. Фѣлкнеръ перевелъ эту драму на нѣмецкій языкъ и въ предисловіи своемъ старался доказать достовѣрность Іоакимовыхъ извѣстій ссылками на подобныя же извѣстія Снорро Стурлэзоновъ и Стрыйковскимъ. Шлецеръ сказалъ, что отъ такихъ доказательствъ испугаться можно. Кромѣ того Фѣлкнеръ ссылался на Крекшина, который будто бы самъ нашелъ послѣ Татищева списокъ Іоакимовой лѣтописи. Вслѣдъ, за Фѣлкнеромъ сталъ утверждать тоже извѣстіе и Елагинъ: онъ говорилъ, что Крекшинъ нашелъ всю рукопись сполна, между тѣмъ какъ Татищевъ имѣлъ изъ нея только отрывки. «Но—продолжаетъ Елагинъ—и сей списокъ утраченъ и буде неложно его свидѣтельство, то утратился онъ или у наслѣдниковъ Крекшина, или между рукъ Тауберта и Миллера.» Трудно повѣрить словамъ Елагина, если принять въ соображеніе характеръ собственнаго его сочиненія, основаннаго на ложномъ желаніи блеснуть краснорѣчіемъ и знаніями. Онъ сперва думалъ докончить Татищева, но потомъ передѣлалъ, конечно къ худшему, и немудрено, что онъ не хотѣлъ разбирать средствъ, желая доказать подлинность Іоакимовой лѣтописи, что было его любимую мыслію. Шлецеръ

назвалъ Іоакимовскую лѣтопись «брѣднями», а автора ея «с-вернымъ грѣшникомъ»; Карамзинъ, слѣдуя Шлецеру, называлъ отрывокъ «шуткою, вымыслами». Така называемая школа скептиковъ, поднявшая вопросъ о достовѣрности Несторовой лѣтописи, конечно даже и не упоминала о Іоакимѣ. Между отвѣчавшими на сомнѣнія относительно лѣтописи Несторовой, съ наибольшимъ довѣріемъ говорилъ о лѣтописи Іоакимовой, Бутковъ. Онъ защищалъ ее, оправдывая вѣсть съ тѣмъ и Татищева. Между прочимъ въ доказательство добросовѣстности показаній Татищева, Бутковъ приводитъ слѣдующія обстоятельства: «Покойный Карамзинъ не довѣрялъ Татищеву въ узаконеніяхъ 1597, 1601 и 1606 годовъ о крестьянахъ; а теперь найдены не токмо современныя списки о нихъ, граматы, но и самый подлинникъ одной изъ нихъ. Безъ сомнѣнія не повѣрили бы также извѣстію Татищева, что Іоаннъ III издалъ разные законы, если бы экземпляръ оныхъ, до селѣ единственный, не былъ въ 1817 году отысканъ». Онъ говоритъ, что нельзя обращать большаго вниманія на тѣ противорѣчія, какія нерѣдко встрѣчаются между текстомъ и примѣчаніями Татищевскаго сочиненія: ибо оно «издано не съ подлинника, который потерянъ, а съ весьма несправнаго и даже худаго списка, одного изъ бродившихъ по рукамъ около 30 лѣтъ». Кромѣ того, Бутковъ готовилъ и подробный разборъ Іоакимовской лѣтописи и мнѣній о ней Карамзина, который остался въ рукописи. Наконецъ г. Лавровскій въ своей диссертациі: объ Іоакимовской лѣтописи, раздѣлилъ отрывокъ на двѣ половины. Въ первой указаны имъ баснословныя извѣстія, которыя могли быть заимствованы изъ Польскихъ и Чешскихъ писателей, сочиненія которыхъ полны басенъ о начальной Славянской исторіи; во второй, вслѣдъ за современною намъ историческою литературой, онъ отмѣтилъ правдоподобныя извѣстія. Боль-

ни часть этихъ извѣстій касается введенія христіанства въ Россію. Таковы: 1) извѣстія о крещеніи Аскольда и вслѣдствіе этого неудовольствіе на него Кіевлянъ-язычниковъ, иривніе ими Олега и занятіе послѣднимъ Кіева; 2) глухая борьба языческой партіи при Олегѣ и Святославѣ съ поборниками истинной вѣры; 3) переходъ Ярополка на сторону христіанъ и торжество языческой партіи въ лицѣ Владимира, занявшаго подобно Олегу кіевскій столъ; 4) вліяніе Болгаръ на распространеніе у насъ христіанства и просвѣщенія, и 5) подробности, какія разсказаны о крещеніи Изгородцевъ повидимому очевидцемъ событія. О послѣднихъ жалѣлъ даже самъ Карамзинъ, что не можетъ принять ихъ за положительно вѣрныя ¹³⁸).

Что касается заимствованія переписчикомъ Іоакимовской лѣтописи баснословныхъ извѣстій изъ Польскихъ и Чешскихъ лѣтописцевъ; то оно легко объясняется тою мѣстностію, изъ которой вышелъ самый отрывокъ. Мелхиседекъ Борщовъ, доставившій его Татищеву, былъ архимандритомъ Бизюкова монастыря, лежавшаго въ Дорогобужскомъ уѣздѣ. Бизюковъ монастырь былъ основанъ въ то время, когда Смоленскъ съ его окрестностями составлялъ часть Литвы, соединенной съ Польшею: основателемъ его былъ одинъ изъ Салтыковыхъ той линіи, которая наклонна была къ Польскому просвѣщенію. Время основанія Бизюкова монастыря относится къ эпохѣ короля Владислава IV; а магнаты, основывая какой-либо монастырь, имѣли привычку снабжать его книгами и рукописями. Польская же литература XVII вѣка, была богата составителями апокрифическихъ лѣтописей, вносившими въ свои компіляціи баснословныя извѣстія изъ различныхъ источниковъ. Свѣдѣнія объ этомъ цѣлѣ сказочныхъ лѣтописей, собраны въ извѣстномъ сочиненіи Оссолинскаго о Винцентѣ Кадлубѣ, переве-

денномъ на нѣмецкій языкъ и дополненномъ Самуиломъ Линде. Изъ описаній нашихъ книгохранилищъ: Румянцева, Тажстаго, Царскаго и другихъ, извѣстно, что и Русская литература въ XVII и даже первой половинѣ XVIII вѣка, небднн была заимствованіями подобныхъ баснословій изъ Польской литературы: въ этомъ смыслѣ, первая половина Іоакимовскаго отрывка, не будетъ единственнымъ примѣромъ или исключеніемъ изъ общаго правила. Не представляя для Русскаго историка существеннаго интереса своимъ содержаніемъ, она не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни подозрѣнія на извѣстія, находящіяся во второй половинѣ отрывка. Послѣднія достаточно подтверждаются ихъ согласіемъ съ извѣстіями, находящимися въ другихъ источникахъ ¹⁵⁹).

Кромѣ Іоакимовскаго отрывка въ исторіи Татищева встрѣчается еще нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ сомнѣніе своимъ содержаніемъ. Таковъ отрывокъ изъ исторіи полоцкаго княжества, вставленный Татищевымъ въ его исторію подъ 1217 годомъ. Въ немъ разсказывается исторія княжны Святохны, дочери Казимира Померанскаго, которая, вышедши замужъ за Бориса Давидовича, князя полоцкаго, втайнѣ держалась католицизма, хотя явно приняла греческое исповѣданіе, гнала своихъ пасынковъ Василька и Вячка, любимыхъ народомъ, выставляла впередъ своего сына, Владимира-Войцеха, была хитра и коварна, возбудила своимъ поведеніемъ бунтъ въ полоцкомъ населеніи, кончившійся ея заключеніемъ и изгнаніемъ поморянъ изъ полоцкой области Татищевъ въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту говорить «сіе выписано изъ лѣтописца Еропкина, который видно, что пополниванъ въ Полоцкѣ; ибо въ немъ много о полоцкихъ витебскихъ и другихъ литовскихъ князехъ писано, токмо я не имѣлъ времени всего выписать, и потомъ его видѣти не досталъ, слыша, что отданъ списывать». Г. Лыжинъ въ

своей статьѣ: два памфлета времени Анны Иоанновны, считающіе этотъ отрывокъ составленнымъ въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежали Волинскій, Еропкинъ, Хрущовъ, и направленнымъ противу правленія Бирона. Такимъ образомъ упрекъ падаетъ только на излишнюю довѣрчивость Татищева къ мутному источнику, а не на его собственную свѣсть. Но съ другой стороны, объясненіе этого отрывка, предложенное г. Лыжиномъ, слишкомъ произвольно и основывается лишь на судьбѣ Волинскаго съ его товарищами, на его безумныхъ планахъ и литературныхъ занятіяхъ. Волинскій и его товарищи могли смотрѣть на этотъ отрывокъ какъ имъ было угодно; но историческое существованіе лицъ, выведенныхъ въ немъ, подтверждено отчасти самимъ Лыжинымъ, а самое событіе, рассказанное въ немъ, нисколько не противорѣчитъ исторіи полоцкаго княжества, которое уже по самому географическому положенію своему, должно было встрѣчаться враждебно съ своими сосѣдями. Иначе мы должны точно также заподозрить и другое извѣстіе о походѣ смоленскихъ князей на полоцкихъ въ 1167 году, о которомъ Татищевъ говоритъ въ примѣчаніи: «сей походъ на князей полоцкихъ находится въ одномъ Годицкомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же мѣста рукою отмѣчено: здѣсь утрачено». Не менѣе любопытно, въ этомъ отношеніи и то извѣстіе, которое сообщилъ Татищеву Хрущовъ, о предложеніи галицкаго князя Романа касательно наслѣдія великокняжескаго престола. По этому извѣстію, Романъ, пріѣхавъ въ 1203 году въ Кіевъ, предлагалъ остальнымъ князьямъ и ихъ боярамъ слѣдующее: «мы братія извѣстны о томъ, что Кіевъ есть старѣйшій престолъ во всей Русской земли, и надлежитъ на ономъ быть старѣйшему и мудрѣйшему во всѣхъ князѣхъ русскихъ, чтобъ могъ благоразумно управлять, и землю рус-

скую отовсюду оборонять, а въ братіи князьяхъ русскихъ доброй порядокъ содержать, дабы единъ друга не могъ обидить, и на чужія области наѣзжать и разрять; нынѣ же видимъ все тому противное, похищаютъ престолъ молодшіе и несмысленные, которые не могутъ не токмо другихъ распорядить, и братію во враждахъ разводить, но сами себя оборонять не въ состояніи, часто встаетъ война въ братіи, приводятъ поганыхъ половцевъ, и разоряютъ землю русскую, чѣмъ напаче и въ другихъ вражду всѣвають: того ради и Рюригъ явился виненъ, и лишился его престола, дабы покой и тишину русской земли приобрести, доколѣ всѣ князи Русскіе, разсудя о порядкѣ русскаго правленія, согласно положатъ и утвердятъ, о чемъ прошу отъ каждаго совѣта, кто какъ наилучше вздумаетъ. Мое же мнѣніе, ежели принять хотите, когда въ Киевѣ великій князь умретъ, то немедленно мѣстные князи суздальскій, черниговскій, галицкій, смоленскій, полоцкій и разанскій согласятся изберуть старѣйшаго и достойнѣйшаго себѣ великимъ княземъ, и утвердятъ крестнымъ цѣлованіемъ какъ-то въ другихъ добропорядочнымъ государствахъ чинится; младшихъ же князей къ тому избранію непотребно, но они должны слушать, что оныя опредѣлять. Когда таковъ князь великій на Киевскій престолъ избранъ будетъ, долженъ старѣйшаго сына своего оставить на удѣлѣ своемъ, и младшихъ надѣлить отъ онагожъ, или въ русской земли отъ Горыня и за Днѣпръ, сколько городовъ издревле къ Киеву принадлежало. Ежели кто изъ князей начнетъ войну и на паденіе учинить на область, то великій князь да судить съ мѣстными князи и смирить. Ежели на кого войною придутъ Половцы, Венгры, Поляки или другой народъ, и самъ тотъ князь оборониться не можетъ, тогда князю великому согласится съ мѣстными князи, послать помощь отъ всего го

сударства, сколько нужно; а чтобы мѣстные князи не оскудѣвали въ силахъ, не надлежитъ имъ областей своихъ дѣлямъ дѣлать, но отдавать престолъ по себѣ одному сыну старшему со всѣмъ владѣніемъ; меньшимъ же хотя давать имъ прокормленія по городу или волости, но онимъ быть подъ властію старѣйшаго ихъ брата; а буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старѣйшему по немъ, или по есть старѣйшій по линіи въ родѣ его, чтобъ русская земля въ силѣ не умалалась. Вы бо вѣдаете довольно, когда не много князей въ Руси было, и старѣйшаго единого слушали, тогда всѣ окрестные ихъ боялись и почитали, не смѣя нападать на предѣлы Русскіе, какъ-то нынѣ видимъ; и еслии намъ право съѣхаться на совѣтъ къ Києву, или гдѣ пристойно, чтобъ о всемъ внятнѣе разсудить, и уставъ твердый учинить, то прошу въ томъ согласиться и всѣмъ объѣхать.» Слова эти не находятся ни въ какомъ другомъ источникѣ и потому могутъ быть также заподозрены. Но Татищевъ, въ примѣчаніи къ нимъ, объясняетъ: «сіе Романово предложеніе ни въ одномъ манускриптѣ, которые я въ рукахъ моихъ имѣлъ, не находится; а сообщилъ мнѣ Хрущовъ выписанное, и сказалъ, что выписано въ Новѣградѣ изъ древняго лѣтописца, и писано было древнимъ нарѣчіемъ, которое мы съ нимъ преложили, какъ здѣсь. А хотя мнѣ оно нѣсколько сомнительно было; однакожъ: 1) видя слогъ оного древній, котораго онъ самъ сочинить не могъ; 2) что сія форма правленія подобна Нѣмецкой Имперіи, которую никто залучшую почесть не можетъ, и Хрущовъ самъ многіе въ томъ вопреки довольно разумѣя не хвалилъ, какъ я довольно его мнѣніе зналъ, что онъ у насъ монархію предпочиталъ; 3) число шести избирателей не безовласно; ибо по три раздѣляя, ко окончанію привести не могутъ, равнѣ седьмой въ списываніи пророчень. Что же въ

мѣстныхъ наслѣдіе одному старѣйшему сыну полагать, оное весьма изрядно; и есть ли бы сіе тогда утвердили, тобъ конечно такого великаго вреда отъ татаръ не произошло.» Наконецъ къ числу сомнительныхъ страницъ въ сочиненіи Татищева относится большая часть описаній лицъ и характеровъ различныхъ князей ¹⁶⁰).

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ къ исторіи Татищева находятся примѣры его критическихъ приемовъ. Сводя въ текстъ извѣстія изъ различныхъ рукописей, въ примѣчаніяхъ онъ обыкновенно указываетъ на то, какое извѣстіе откуда взято. Особенно подробно изслѣдованы у него нѣкоторыя хронологическія разнорѣчія. Но вообще, критическій талантъ Татищева выражался гораздо болѣе въ его замѣчаніяхъ о возможности, историческомъ значеніи и внутреннемъ смыслѣ того или другаго событія. Съ такими замѣчаніями мы познакомимся ниже.

Помимо критическихъ достоинствъ, примѣчанія Татищева имѣютъ еще тотъ интересъ, что въ нихъ проглядываютъ различныя богословскія, философскія, политическія и историческія убѣжденія автора. Въ этомъ отношеніи Татищевъ былъ подъ вліяніемъ времени. Богословскія и церковноисторическія свѣдѣнія почерпалъ онъ изъ Баронія; но, будучи знакомъ съ сочиненіями Гоббеса и Беля, онъ постоянно относился критически къ догматическому направленію, за что его обвиняли въ духовномъ вольнодумствѣ. Какъ историкъ, Татищевъ смѣялся надъ властолюбіемъ Папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской власти; надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ въ до-петровской Россіи, надъ собираніемъ богатствъ и поземельныхъ владѣній древнимъ Русскимъ духовенствомъ, надъ вышнимъ пониманіемъ религіи, надъ обрядною стороною вѣрованій, боязнію діавола, волшеб-

ствоиъ, суевѣрїемъ, провѣщателями, ворожеями, ложнымъ свирепїемъ. Вотъ примѣры подобныхъ разсужденїй его. Говоря объ еретикѣ Димитрїѣ, явившемся въ 1123 году, котораго князь Всеволодъ Мстиславичъ отдалъ на обличенїе митрополиту, Татищевъ замѣчаетъ: «здѣ на первое о ереси противъ уставовъ церковныхъ, яко о поклоненїи иконамъ, востахъ, монашествѣ и проч. противорѣчить дерзали, и обличены покаялись, наказанїю подвергнуты и погибли, какъ и ниже нѣсколько таковыхъ показывается. Токмо сожалѣтельно, что о томъ обстоятельнѣйшаго описанїя чина, кто свой толкъ утверждалъ, и оное такъ справедливо и осуждено, не осталось, безъ котораго истинныхъ обстоятельствъ видѣть и разумѣть не будемъ, а чрезъ невѣденїе многїе претупляются и падаютъ. Обаче въ таковыхъ обстоятельствахъ глубокое разсужденїе предлежитъ: 1) Сколько отъ исторїй древнихъ извѣстно, еже такїе ересїархи, или расколнатики, большею частїю люди любочестїемъ побѣжденны, и по остроумїю вымысли что либо для показанїя себя доказали; и прибирая доводы отъ писанїя святаго неправо изъясняли, какъ то о Аріи, Несторїи, и прочихъ видимъ, которые сладкорѣчїемъ множество народа за собою влекли, и эти той споръ не въ легкихъ дѣлахъ состоялъ, но первенствующая церковь не тая на соборахъ Вселенскихъ съ достаточными доказательствами описанїе оставили и памяти предали, и тѣмъ людей отъ прелести свободили: другїе люди суще безумные, и ни како у людей ученыхъ согласїа умывше, не токмо простыхъ людей многорѣчїемъ прельстивши, какъ то видимъ Ягана Фонъ Лейденъ, отъ котораго Анабаптисты произошли; равно сему наши раскольники старовѣры, или рѣщи пустовѣры, никакого догматическаго вѣрїя предлога имущїе, за самыя надлежащїя до вѣры и истины дѣла распрїю воздвигнувъ отпали, и множество ты-

сiach погубили, и таковыя басни умному иногда писа-
 скучно и стыдно. 2) Причина удержанію таковыхъ извѣст-
 есть не меньше властолюбіе церковнослужителей, что он
 когда отъ кого въ ихъ противу писанія святаго для вл-
 сти и сребролюбія учиненныхъ законахъ правильно обл-
 чаемы бывають, то не могущіи терпѣть, злобно осуждаютъ
 и губять, а бояся народа, чтобъ ихъ злость и безумствъ
 предъ всѣми не обличалась, истинну тая, о лжи на оныхъ
 обличителей сплетая объявляютъ, какъ то видимъ древніи
 идолослужители на безпорочныхъ первенствующей церкви
 христіанъ, такожъ римскіе попы на церковь восточную вы-
 ветади. Но что пользуетъ такая ложь и утаеніе истины, кр-
 мѣ большаго имъ возраженія? ибо всѣ видя на осужденныя
 неправо сплетенныя клеветы болѣе обвинителя осудятъ
 разсуждая, что не имѣя надлежащихъ ко обвиненію причинъ
 злостно лжею винять, и тѣмъ единымъ къ тому преклоня-
 ются, а когда что всемъ явное и доказательное, то никог-
 болѣе не прельщаетъ. Наши же писатели, какъ видимо, та-
 кихъ коварствъ не употребляли, но токмо едино просто
 краткорѣчіе любя оставили, или другіе послѣ не любя исти-
 ны, написанное извергнули, какъ то во многихъ мѣстахъ
 обрѣтается, или паче вѣрительно, что оныя прѣнія отъ б-
 гослововъ особно описаны были да погибли, а историки не
 дая, то кратко упоминали, какъ то о соборѣ церкви Іоани
 I. Макарій въ лѣтописи кратко упомянулъ, а дѣянія собора
 особно написалъ¹⁶¹). О волхвахъ Татищевъ выражаетъ
 такъ: «волхвъ слово у насъ двояко значить: нрва
 мудраго и ученаго чловѣка, каковы волхвы Христъ
 дары принесли, въ греческомъ *Μαγος* именованы, и
 оно на многихъ другихъ мѣстахъ значить чародѣя, и
 въ греческомъ *σοφος*, т. е. мудрецы именованы, слѣ-
 ственно видимъ и у грекъ мудрецъ и чародѣй смѣшаны

2) иняются обаватели, яко въ псалмѣ 57, ст. 6. въ греческомъ *формакосъ*. Здѣсь же сказуется о волхвѣ провѣщателѣ, чародеѣ, или ворожеѣ, о которыхъ простой народъ, какъ Несторъ благоразсудно говорить, суевѣрствовали, яко бы человекъ чрезъ діавола могъ что сдѣлать или предбудущее вѣдать. Правда, что въ письмѣ святомъ много такихъ обстоятельствъ находится, и которыхъ невѣдущей толкованій на оныя можетъ равно тѣмъ простымъ суевѣрцамъ послѣдовать и за сущее дѣйство, или видѣніе чрезъ діавола, почитать: ежели же благоразумно разсудить, что такими сказаніи приписываютъ діаволу всемогущность и всевѣдѣніе, то его дѣлають другимъ богомъ, ибо сіи свойства никому кромѣ Бога не принадлежать, о которомъ многіе ученые внятно истолковали» ¹⁶²). Къ лѣтописному разсказу о смерти Олега, Татищевъ пишетъ такое примѣчаніе: «явная басня по древнему суевѣрству о ворожеѣ, чему всякъ благоразумный не повѣритъ, разсудя, что сіе не иначе было бы, какъ чрезъ діавола; діаволь же никакъ такихъ предбудущихъ обстоятельствъ знать не можетъ, о которомъ Всевышній Творецъ отъ ангель утаилъ, и содержитъ въ своей единой власти, овому по заслугѣ, яко Манассію, лѣта представляетъ, овому же, яко Лію священнику, за грѣхи умаляетъ; а есть ли сему сказанію ворожей вѣрить, то вѣрить неспремѣнному во всемъ предопредѣленію, и посему въ всякомъ убивствѣ человека не по нашей волѣ, но по божію опредѣленію, что всему письму святому и благоправію противится. Далѣ, а потомъ Парижской Академіи секретарь Фонтанель, оба преученные люди, о оракулахъ, бывшихъ въ язычествѣ, утверждаютъ, что по Христѣ суевѣріе погасать началось, и провѣщанія чрезъ діавола быть не могутъ» ¹⁶³). По новоду различныхъ предсказаній Татищевъ говоритъ: «содѣяніе или чародѣйство и познаніе будущаго чрезъ го-

лоса звѣрей и птицъ есть весьма древнее языческое баснословіе во всѣхъ народахъ, особливо у Римлянъ чинъ Авгуровъ или птицегадателей въ великомъ былъ почтеніи, который великими доходами и властію былъ снабденъ, для того императоры оной себѣ присвоить старались и имѣли, но еще того суесловцамъ мало казалось, чтобъ голоса звѣрей и птицъ знать; но сказывали, якобы люди въ звѣрей и птицъ превращались, хотя никто благоразумный сему вѣрить не можетъ, но мудрые полководцы часто такими предвѣщаніи войска ободряли, къ храбрости побуждали, и побѣды одержали» ¹⁶⁴). Противъ суевѣрій направлены два примѣчанія. Въ одномъ изъ нихъ сказано: «ужасно и прискорбно было Нестору писать суевѣрствіе народа, неимущаго нимаго ума и просвѣщенія, но разсудя по настоящему въ христіанахъ именующихся, что имѣя законъ божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, не меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей къ знанію закона божія непрілежашихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабы басни и безумныхъ наукъ толкованія за истину почитающихъ, но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которое особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благонравію, яко соль обуявшая ни сами хотятъ законъ божій разумѣть, ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное предають.» Въ другомъ примѣчаніи сказано: «здѣсь Несторъ сказуетъ о нѣкоихъ волхвахъ, или обманщикахъ, съ пристрастіемъ, частію сумнительно, частію къ исторіи не касается, того ради я сократилъ, а въ концѣ обстоятельно положилъ. Сіе недивно, что тогда на-

родъ, не нѣбующій довольнаго ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ, или паче сущимъ вракамъ, вѣрили; но удивительнѣе видимъ нынѣ, сколько есть суевѣрныхъ, которые безумныхъ ханжей или пустосвятовъ рассказы и враки паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, яко то именующіеся старовѣры, или паче сказать, пустовѣры, христовщина какой то былъ безумный и мерзкой законъ, славный пустосвятъ и плуть Андреюшка, и другіе, не говорю о подлыхъ, но знатныхъ женъ и мужей суевѣрныхъ, сколько въ безуміе привели, и къ своему богомерзкому соборищу приобщили. Я сіе не пишу во обличеніе и поношеніе впадшимъ въ такіа мерзости; ибо они могли уже, или могутъ покаяться; но паче для тѣхъ, которые впрѣдъ таковыхъ ханжей услышатъ рассказы, чтобъ себя отъ вѣроятности остерегли, а паче прилѣжали умъ свой святымъ писаніемъ, въ немъ же мы вѣримъ животъ вѣчный приобрѣсти, и вольными науки просвѣтити, и не токмо себя, но и другихъ, отъ таковыхъ паденій охранити¹⁶⁶). О язычникахъ встрѣчается также не мало замѣчаній. Въ одномъ, на примѣръ, изъ нихъ говорится слѣдующее: «многіе о вѣрѣ идолопоклонниковъ есть у писателей христіанскихъ сугубо: одни весьма ихъ обидятъ, сказуя якобы они ни малго познанія о истинномъ Богѣ, безсмертіи души и будущемъ воздаяніи не имѣли; другіе избыточествуя тѣмъ, что не токмо оное, но и познаніе тріипостаснаго божества многіхъ языческимъ философамъ въ ротъ кладутъ. Внятно не разсмотря довольно видимъ, что о единствѣ божества и о вѣчной жизни душъ многіе подлинно вѣрили и учили, а идоловъ уничтожали, или несуще Богу равныхъ вѣрили яко и здѣсь различая говорятъ отъ Бога Неруна, хотя о существѣ Бога и вѣчности души темно или недостаточно толковали, о которыхъ Валхъ въ лексиконѣ

Философскомъ по разнымъ статьямъ съ достаточными доводами показалъ, особливо о вѣчной жизни и будущемъ воздаяніи. Пифагоръ для удержанія людей отъ злодѣянія, и для наставленія къ благонравію и благочестному житію, вымыслилъ прехожденіе душъ изъ одного въ другое животное по дѣламъ каждаго. Другіе вѣрили душу быть часть божества, изъ которыхъ благочестно жившіе паки къ оному возвращались, а порочное житіе препроводившіе въ нѣкое прискорбное имъ мѣсто отлучались. Восточный идолъ Далайлама, мною, болѣе для вымана отъ народа денегъ, нежели для обученія къ благочестному житію, къ безсмертности души вымыслилъ очистительный огонь, которому и западный Пана, яко въ прочихъ вымыслахъ, тако и въ семъ послѣдовалъ. Магометъ, второй антихристъ, хотя безсмертіе души яснае другихъ язычниковъ училъ, но воздаянія весьма смѣшныя и мерзкія вымыслилъ. Что же до сего заблужденнаго мнѣнія касается, еже благочестно и въ довольствѣ жившіе по смерти будутъ господами, а лжецы и злодѣи будутъ рабы, сіе у нашихъ идолопоклонническихъ Вогуличъ и Черемисъ доднесь тако вѣрится, какъ я въ географіи сибирской о нихъ пространнѣе, а о идолахъ въ главѣ второй показалъ.» ¹⁰⁰). Въ другомъ примѣчаніи сказано: «хотя язычники ихъ сдѣланные болваны Боги именovali, ихъ почитали, на нихъ надѣялись, и ихъ боялись, однакожъ и между ими благоразсудные истиннаго всевышняго Бога признавали, якоже и послѣ по случаю Бога и Перуна различають, но простой народъ конечно того не разумѣлъ. Я упомянулъ, что многіе мудрые люди между язычниками находились и совершенно единаго Бога Творца и Содержителя твари признавали; а идоловъ презирали и уничтожали, но каковую изду получили, видимъ Сократа и другихъ отъ невѣждъ еретиками, аеистами и проч. поносимы

и гонимы были, а нѣкоторые и смерть приняли, да сіе и не дивно, и не такъ прискорбно о тѣхъ, какъ видимъ въ христіанствѣ самыя невѣжды людей добре законъ Божій свѣдущихъ и хранящихъ равномѣрно поносятъ, гонятъ, и колико могутъ, оскорбляютъ» ¹⁶⁷). О боязни діавола Татищевъ считалъ нужнымъ въ свое время замѣтить слѣдующее: «старинное реченіе, яко бы діаволь надъ всѣми власть имѣеть, Евангеліе же сказуетъ, ни надъ свиньями, то коль меньше надъ человѣки, хотя бы и невѣжды, развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху діаволу или идоломъ, и въ вѣроваху и поклоняхуся, діаволь же никоея власти не имѣеть» ¹⁶⁸). О богатствѣ духовенства Татищевъ говоритъ по поводу уставовъ о церковныхъ десятинахъ, который онъ считаетъ подложнымъ: «десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мною попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и народныхъ уставлено было, тобъ конечно все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность содержаніе больницъ, богадѣленъ и училищъ, а не на роскошность, шіанство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннь II въ письмѣ Гурію архіепископу Казанскому и Петръ Великій въ указѣ 1724 изъяснили. Однакожь то доказательно, что отъ прибытковъ подданныхъ десятину влатить у насъ положено, и увѣряетъ въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ вмѣсто десятины земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная донесъ Десятинная зовется, а ниже показано, что Полонное, жѣстечко въ Волинн,

къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государи вмѣсто десятины монастыри построивъ великими доходами снабдили; но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церквей каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и дань именуютъ. Въ европейскихъ, или паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нужное и полезное. Нужно же сіе есть, дабы церковнослужители во первыхъ могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земской, но о наученіи народа прилѣжать; второе, чѣмъ училища для немощныхъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное конечно на то не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ¹⁶⁹). О вліяніи духовенства на обычаи князей постригаться предъ смертію Татищевъ выражается такъ: «постриганіе предъ смертію въ такой обычай у князей вошло, что почитай всѣ воспріимали, мною, для того, что вѣрили, якобы оное отъ всѣхъ грѣховъ очистить, или жизни продолжить могло. Князь великій Ростиславъ 1167 хотя также желалъ предъ смертію постричься; но благоразсудный духовникъ ему воспретилъ. Князь великій Іоаннъ третій понуждающему митрополиту отказалъ, и еще просторѣчно, но весьма изрядно изъяснилъ, что въ ономъ никакой пользы быть не можетъ. Сіе, мною, болѣе отъ робости и слабовѣрія происходило; ибо по писью святому довольно вѣра и надежда на Бога къ нашему спасенію; робость же есть нерассудность, что человекъ будучи въ великомъ страхѣ, хватается за вещи нимало пользующія; яко человекъ утопающій хватается за плавающую солому, которой есть ли бы не былъ въ великомъ страхѣ, могъ ра-

зумѣть, что оная ему нимаго не поможетъ» ¹⁷⁰⁾. Наконецъ, комментируя извѣстіе о посольствахъ Владимира въ сосѣднія земли на счетъ разузнанія обрядовъ различныхъ вѣроисповѣданій, Татищевъ замѣчаетъ: «если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма неприлично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣть, но въ сущемъ признаніи истины недоудобныхъ состоитъ» ¹⁷¹⁾ Подобныя мысли, которыя Татищевъ иногда высказывалъ и въ обществѣ, были причиною тѣхъ обвиненій его въ атеизмѣ, за которыя досталось ему отъ Петра, на которыя Татищевъ жаловался сыну въ духовномъ завѣщаніи, за которыя его исторія долго была нежданною. Мало того: такой взглядъ на духовенство и его общественную дѣятельность отразился потомъ и на критикѣ Татищева.

Всякій разъ, приступая къ ислѣдованію свѣдѣній, которыя собраны были духовными писателями, онъ съ особенною недоудѣрчивостію смотрѣлъ на эти извѣстія. Митрополитъ Макарій, по его мнѣнію, въ степенную книгу «отъ скудости знанія въ древности или отъ лицемерства неколико недоудзательныхъ обстоятельствъ внесъ». Патріархъ Никонъ составилъ будто бы описаніе своей жизни, которое «для его самохвальства, а нѣкоторыхъ и неправыхъ сказаній есть стронетна». Говоря о Никоновскомъ спискѣ лѣтописи онъ прибавляетъ: «видится особливо Никонъ самъ пречерна, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что ко уничтоженію власти духовной въ другихъ находится, въ немъ выкинуты или переиѣнены, и повымъ порядкомъ вписаны, напримѣръ: гдѣ въ прочихъ написано «посла князь, или повелѣ князь митрополиту или епископу; тутъ опъ написалъ: и моли князь отца своего митрополита или епископа. Но сіе прежде

всего началъ употреблять Макарій митрополитъ московскій, дополняя Степенную Бипріанову». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ рѣшительнѣе: «папа вселенскую церковь вѣрно поправляетъ. Сказаніе сіе есть самохвальное по вкусу папистовъ. Равно сего тангуты далайламу за всеобщаго міру священника и Бога почитаютъ; но я мною обоимъ многого недостаетъ. Но сей Никонъ патріархъ, какъ весьма былъ властолюбивъ, то не устыдился въ своемъ житіи баснь внести, якобы ему еще въ убожествѣ бывшему татаринъ провѣщаль быть государемъ всея Русси, и самъ себѣ льстя заключилъ еже и событсся, но все токмо въ его мнѣніи, а не въ существѣ; ибо государемъ никогда не былъ, но подвластный государю.» По поводу извѣстія о змѣѣ, спавшемъ съ неба, Татищевъ замѣчаетъ: «сіе есть басня, вымышленная для удержанія государей отъ охоты псовой, какъ то и Никопъ въ возраженіе царю Алексію Михайловичу и Симеонъ Полоцкій въ наученіи сію басню въ примѣръ приводили.» Татищевъ не любилъ басенъ, вымысловъ; но еще болѣе отъ души не любилъ тотъ источникъ, изъ котораго онѣ, по его догадкамъ, происходили. Философскія убѣжденія Татищева не могли быть ни самостоятельны, ни глубоки. Философія въ его время еще не принималась на русской почвѣ; съ нею знакомы были не многіе, да и то больше внѣшнимъ образомъ. Школа Лейбнице-Вольфганская только что начинала имѣть у насъ тогда нѣкоторое вліяніе, благодаря мнимому знакомству преобразователя съ первымъ философомъ и отношеніямъ Ломоносова съ товарищами по второму, благодаря наконецъ учрежденію академіи наукъ, членами которой были соотечественники обоихъ. Практическое направленіе ихъ должно было найти отголосокъ въ дѣятельномъ Татищевѣ. Но съ другой стороны, знакомство съ скептическимъ Бэлемъ и его предшественникомъ Гоб-

бессомъ, повидному, не осталось безъ вліянія на умъ Татищева: его взгляды на религію, на церковь и общественное положеніе духовенства отчасти объясняются этимъ вліяніемъ, помимо вліянія тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя создала реформа Петра, помимо тѣхъ противорѣчій, которыя были вызваны столкновеніемъ древней русской жизни съ новою. Но, вообще говоря, философскія познанія Татищева не могли быть обширны; онъ самъ говоритъ о себѣ въ предъизвѣщеніи къ своей исторіи: «въ философіи я неучень»¹⁷²).

Что касается уѣжденій его историческихъ и политическихъ, то они были неразрывно и тѣсно связаны между собой. Еще въ 1730 году, по поводу избранія Анны Іоанновны, Татищевъ заявилъ свой образъ мыслей: въ основѣ его лежали указанія исторіи. Понятно, что въ примѣчаніяхъ къ своему сочиненію, Татищевъ долженъ былъ не разъ высказаться въ томъ же смыслѣ. Какъ историкъ-мыслитель, Татищевъ выступаетъ собственно въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ ко второму и третьему тому своей книги. Весь же первый томъ наполненъ большею частію свѣдѣніями этнографическими и археологическими.

Татищевъ, разумѣется, не могъ долго останавливаться ни на тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступили варяго-русскіе князья къ славянскимъ племенамъ послѣ ихъ призванія, ни на борьбѣ между народною и княжескою властію во время развитія Русской Правды, ни на вопросахъ о значеніи вѣчныхъ городонъ, общинъ, удѣльныхъ усобицъ, о развитіи вотчиннаго начала, о возникновеніи московскаго государства и так. дал. Его личныя мнѣнія, приговоры и разсужденія отрывочны и случайны. Такъ по поводу судьбы Ярополка Татищевъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Ярополка житье и дѣла у Нестора не весьма хвально описаны, но паче невѣрность и

предательство его вельможъ ему въ слабость и неразумность приписалъ: противно тому Іоакимъ его кротость, благонаравіе и любовь къ христіанамъ довольно похваляетъ: онъ назоветъ какъ кротость и набожность въ простыхъ людѣхъ ни похвальна, а больше строгость и правость въ государяхъ, свирѣпство только государямъ порочна и вредна; ибо осторожность, и бодрость, и правосудіе отъемлютъ, а чрезъ то областямъ большій вредъ приключается, и власть ихъ презирается, что прикладами изъяснить, яко всякому разумительно, непотребно» ¹⁷³). Не много далѣе онъ продолжаетъ: «о безпутствѣ же или великомъ пороку обоихъ, какъ Ярополка, такъ Владиміра, извинить не можно: первой весьма не пристойно одному любимцу ввѣрился, откинувъ свое и другихъ людей разсужденія, которое многихъ государей въ великіе пороки и вреды ихъ собственные и государственные вводитъ; ибо великая повѣренность и власть одному, его чинитъ гордымъ и презрительнымъ, а другихъ зависть, ненависть и злоба рождается. Равно Владиміръ не много о благочестіи и справедливости разумѣлъ, что такого беззлюбиваго и покорнаго брата убилъ» ¹⁷⁴). Говоря о посольствахъ отъ Владиміра къ сосѣднимъ народамъ, Татищевъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «весьма хвалы достойное любопытство Владимірово о знаніи состоянія другихъ такихъ далекихъ государствъ, по которому можно вѣрить, что онъ своего государства и сосѣдственныхъ, яко болгарь и прочихъ нужнѣйшихъ къ знанію, достаточныя описанія имѣлъ, токмо до насъ ничего не дошло. Въ таковомъ любопытствѣ не довольно было одно его желаніе и повелѣніе, но нужно искусство и способность описывателя, чтобъ зналъ о чемъ и отъ кого надлежитъ увѣдомляться, что нужно для любопытства, или пользы отечества: на примѣръ ландкарту сочинить. Строенія великолѣпныя и богатства такъ далекихъ

областей суть вещи токмо для любопытства. Законы, порядки, правосудіа, награжденія за добродѣтели, наказанія за злодѣянія, военные поступки, хитрости въ ремеслахъ, нравы, смыслъ народа къ приобрѣтенію пользы, а отвращенію вреда, довольство вещей, каковыя отъ нихъ можемъ свободно достать, или что можемъ съ прибылью къ нимъ отвозить, сіи суть нужднѣйшіе ко извѣстію въ таковыхъ издателяхъ. Древнѣйшаго, и за образецъ всѣхъ прочихъ, можемъ почестъ Геродота, изъ новыхъ Тевенотъ и Тавернье; но ины, что Адамъ Олеарій едва не превосходитъ ли. Сосѣднихъ же государствъ въ описаніи, какъ большая есть нужда, такъ и описаніе оное большаго прилѣжанія требуетъ, и обстоятельныя оныхъ земель ландарты уже не для любопытства, но и для сущей пользы нужны» ¹⁷⁵). О частомъ нарушеніи клятвы во время княжескихъ междоусобицъ Татищевъ выражается такъ: «многіе данную роту непріятельнѣ ни во что мнѣняютъ, но еще того богопротивнѣе, когда видимъ, что папы римскіе учать, и за добродѣтель поставляютъ, еретикамъ или противникамъ ихъ мнѣнію данной роты не держать, что и магометане равномѣрно противно закону Божию учать; но видимъ изъ самой древности, что къ язычествѣ несодержаціе своего обѣщанія отъ Бога наказаны, и никогда сіе злодѣяніе безъ отмщенія не оставалось, о чемъ особливо у Геродота, Тита Ливія и другихъ языческихъ писателей многіе примѣры находимъ, сіе же наипаче, что единокровному и единокровному Изяславъ преступилъ, за что послѣ достаточно отъ Бога наказанъ» ¹⁷⁶). По поводу судьбы дѣтей Ярославовыхъ, Татищевъ предается такому рода размышленіямъ: «сіе примѣчанія достойно, како великое Божеское правосудіе и по дѣламъ въ родъ и родъ воздаяніе на сихъ дѣтяхъ Ярославлихъ изъявлено. Изяславъ былъ простаго ума и весьма не остороженъ, паче же совѣ-

тамъ другихъ послѣдуя, престола два кратъ лишился. Святотополькъ сынъ его хотя послѣ престола получилъ, но оставя жену безъ причины, съ наложницею дѣтей имѣлъ, и тѣмъ родъ свой пресѣкъ. Святославъ былъ властолюбивъ и завистливъ, паче же отеческое клятвенное завѣщаніе преступилъ, отъ котораго хотя много дѣтей было, и не малыи удѣлы владѣли, но престола великаго княженія удержать не могли; отъ коихъ хотя и доднесь еще нѣсколько родовъ въ шляхетствѣ знатныхъ, какъ въ табеляхъ родословныхъ показано, есть, но многіе страстію гордости и зависти побѣждены, за что въ разныя времена множество ихъ и пострадало. Всеволодъ меньшій сынъ Ярославль, какъ болѣе для его почтенія и покорности отцемъ любимъ былъ, болѣе всѣхъ завѣтъ отцовъ сохранилъ, справедливость, любовь къ братіи и кротость изъявилъ, такъ его Богъ предъ всѣми братією благословилъ, что его родъ на престолахъ утвердися, болѣе 500 лѣтъ Россію владѣлъ, и еще оставшіе отъ того рода днесь скромно и кротко въ посредствѣ содержатся, и нигдѣ въ замѣшаніяхъ и злыхъ предпріятіяхъ не показались, развѣ за государей и отечество съ честью пострадали. Отъ него въ шляхетствѣ роды произошедшіе Смоленскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Суздальскихъ, по разнымъ званіямъ до 50, какъ въ табеляхъ родословныхъ сихъ княженій означено.»¹⁷⁷) О наследдіи княжескихъ столовъ братьями, а не сыновьями умершихъ князей Татищевъ выражается такъ: «сей безпорядокъ, что дядя сыновьямъ умершаго ближайшимъ наследникамъ предпочитался, великимъ безпутствомъ и разореніемъ государства причиною былъ; но царь Іоаннъ первый закономъ оное пресѣкъ»¹⁷⁸). Потомъ Татищевъ снова обращается къ тому же вопросу, по поводу распоряженія Всеволода Ярославича княжескими столами, и го-

ворить: «обыкновенно есть, неправыя домогательства утверждать доводами несогласными съ истинною, яко и сіе сказаніе Всеволода съ обстоятельства прешедшими въ наслѣдіи государственномъ не согласно; наслѣдіе бо государственное есть весьма инаго состоянія, нежели имѣнія гражданъ, понеже гражданское имѣніе, доколѣ кто живъ, состоитъ въ его воли, кому хочеть отдаетъ по смерти оставшее, у большей части народовъ отдается дѣтямъ, а въ недостаткѣ оныхъ ближнимъ родственникамъ равнымъ по равнымъ частямъ, кроиъ того, что кому при себѣ отдалъ или завѣщалъ; но государства наслѣдіе происходитъ изъ права естественнаго на утвержденіи договора, и договоръ есть общій всего народа, или законъ утвержденной. Сіе же раздѣленію наслѣдниковъ не подлежитъ, а подлежитъ все еще единому наслѣднику, наслѣдникъ же по завѣщанію ли государя, или по старшинству рода государскаго, или по опредѣленію народа, какъ котораго уставъ состоитъ, потому опредѣляется; ниже у насъ въ тѣ времена было, то довольно видимо, что никакого порядочнаго учрежденія не было. Владиміръ по себѣ правильно отдалъ сыну, но Мстиславъ для малолѣтства сына, или по любви особой къ брату Ярополку, ему иже сына завѣщалъ, а Всеволодъ взошелъ на престолъ самаретвоиъ, обѣщавъ по себѣ престолъ отдать брату своему Игорю, нынѣ вздумалъ онаго лишить, неправый доводъ употребивъ; и сіе смятеніе о наслѣдіи продолжалось до времени Іоанна Великаго. Всеволодъ же по учиненному договору иже Иязслава другому отдать, власти уже не имѣлъ, а что его учиненная рота пользы учинила, то слѣдующее время изъявило»¹⁷⁹). Объ обычаяхъ сажать на князевскіе столы малолѣтнихъ дѣтей Татищевъ говоритъ: «видимо по сей исторіи не рѣдко, что князи дѣтей своихъ малолѣтнихъ, имѣтъ меньше девяти, въ города и при войскахъ

опредѣляли, можетъ, токмо для чести, что князь присутствуетъ, а правленіе все положили на другихъ; можетъ сіе и для обученія юности за полезно почитали, которое въ аристократіи или демократіи, какъ Новгородъ правился, было безопасно отъ вреда; но въ монархіяхъ по искусству виднѣтъ, что великіе вреды въ малолѣтствѣ государей приключались, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ, въ своей рѣчи предъ походомъ къ Казани и на соборѣ 1551 году жаловался, и въ законѣ о отчинахъ монастырей показалъ¹⁸⁰). Значеніе посадниковъ и тысяцкихъ новгородскихъ Татищевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «посадники съ начала были отъ князей, которые потомъ намѣстники, нынѣ губернаторы именованы, съ начала же и намѣстники князи были, и для того надъ посадниками преимуществовали. Новгородцы по милости князей посадника себѣ сами изъ своихъ сущихъ гражданъ, или знатнѣйшаго шляхетства, выбрали, который у нихъ во всемъ княженіи главный былъ, подобенъ консулу, или бургомистру римскому, первое мѣсто по князѣ имѣлъ; какая же ему власть и сила была, того нигдѣ въ исторіяхъ не описано. Во время войны бывали два посадника, и старшій войскомъ управлялъ, иногда же оба, но въ разныя мѣста съ войскомъ ходили. Ихъ время неопредѣленное; нѣкоторые чрезъ много лѣтъ до смерти управляли, а иногда ихъ народомъ скидывали и убивали, дома ихъ грабили. Тысяцкой же во всякомъ княженіи былъ одинъ, яко генераль надъ войскомъ. Они обыкновенный знакъ гривну златую и цѣпь на шею носили. Въ бѣлой Руси послѣдней тысяцкой для великаго отъ нихъ въ народѣ безпокойства при великомъ князѣ Васиіи III или Дмитріевичѣ отставленъ, подобно какъ во Франціи чинъ конетабля. Въ Новгородѣ Тысяцкій былъ ниже посадника». О самыхъ же вольностяхъ новгородскихъ Татищевъ былъ такого мнѣнія: «о грамотахъ

Ярослава Великаго, якобы оной новгородцамъ многія вольности далъ, многократно они упоминають, токмо ихъ нигдѣ не видимъ, кромѣ нѣкоторыхъ договоровъ со князи, какъ и сей учинилъ, чего ени у Ярослава втораго выпросить не могли; да хотя имъ оный Михаилъ далъ, только Ярославъ послѣ оную отъ нихъ взялъ. Лихва полѣтняя, годовоѣ ростъ, которое по 10 издревле уложено, а по пяти лѣтехъ ростъ къ капиталу прикладывашъ; о чемъ царь Иоаннъ Васильевичъ весьма благоразсудно уставъ учинилъ; но при сочиненіи уложенія царя Алексѣя Михайловича оное весьма полезное государству дѣло испорчено. Петръ Великій опредѣлилъ нѣчто указами, а потомъ уставомъ вексельнымъ о ростѣ между купечествомъ узаконили, по много между прочимъ остолоса не изъяснено» ¹⁸¹). Татищевъ не былъ на сторонѣ великаго Новгорода; псковичей считалъ онъ болѣе благоразумными, и только ихъ уступчивостію объяснялъ, почему нѣкоторыя вольности удержались долѣе во Псковѣ, нежели въ Новгородѣ.

Наконецъ политическія убѣжденія Татищева выразились въ сорокъ пятой главѣ первой книги его исторіи: о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ. Здѣсь онъ говоритъ: «о власти и порядкахъ правительствъ историку не потребно болѣе писать, какъ токмо о приключеніяхъ предпріятной области, и причины, и для которыхъ что премѣнилось: а что касается до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должностяхъ правителей и подданныхъ, оное собственно принадлежитъ до философіи, въ частяхъ морали или правоученія закона естественнаго и политики, которое отъ разныхъ философовъ достаточно на разныхъ языкахъ описано, и по моему мнѣнію Христіанъ Вольтъ лучше прочихъ, то есть клятвенно предавъ; но понеже оныхъ на нашъ языкъ не переведено и кромѣ Пуэендорфовой политики и морали въ кни-

жиць о челоуѣкѣ и гражданинѣ смѣшенной въ печати не имѣемъ, противно тому письменныхъ, но непотребныхъ, со излишкомъ, яко Махиавеллева о Князѣ, Гобезіева Левиатанъ, Локъ правленіе гражданское, боккалинова и тому подобныя болѣе вредительныя, нежели полезныя находятся, изъ чего у неразумныхъ странныя съ мудростію и пользою государства несогласныя разсужденія произносятся, а нѣкоторые съ великимъ ихъ собственнымъ и государственнымъ вредомъ непристойное дерзнули, для того я о семъ сверхъ моей исторической должности, кратко вспомануть запотребно разсудилъ». Отправляясь отъ того положенія, что челоуѣкъ одинокій «совершенную себѣ пользу, удовольствіе и спокойность пріобрѣсти недостаточенъ, ниже пріобрѣтенное сохранить способенъ», Татищевъ переходитъ къ разсужденію о супружествѣ и бытѣ семейномъ, говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены, объ обязанностяхъ родителей и дѣтей: «на семъ основаніи (то есть семейномъ), замѣчаетъ онъ, большею частію правительство монархіи состоитъ; монархъ яко отецъ, а подданные яко чада почитаются, какимъ бы порядкомъ оное ни учинилось.» За тѣмъ онъ переходитъ къ отношеніямъ между господами и слугами, указываетъ на различіе между рабами и холопами; далѣе говоритъ о появленіи городовъ и устройствѣ гражданского общества. Отсюда онъ переходитъ къ такому заключенію: «никакое сообщество безъ начальства, а начальство безъ преимущества и власти быть не можетъ; потому и въ гражданствѣ явилась нужда для распорядка, правленія и повелѣнія имѣть начальство. Сіе, мню, начало свое возымѣло съ основанія супружескаго.» Наконецъ Татищевъ указываетъ на различіе между монархіей, аристократіей и демократіей. О достоинствахъ этихъ трехъ видахъ правленія онъ говоритъ: «невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому

сообществу полезнѣйшее; но нужно озирать на состоянія и
 обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе зе-
 мель, пространство, области и состоянія народа, какъ выше
 сказано. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ
 политія или демократія удобно пользу и спокойность сохра-
 нить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападений не весьма
 опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами,
 особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, ари-
 стократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Ан-
 глія и Швеція видимые примѣры представляютъ: великія
 области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ уче-
 ный и разумомъ непросвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели
 за собственнаго благонравія въ должности содержатся,
 то оба первые не годятся, но нужна быть монархія, какъ
 въ 1730 верховному совѣту обстоятельно представилъ, и
 въ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ
 греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ,
 что они дотогѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ гра-
 ничъ не распространили, равно о монархіяхъ Ассирійской,
 Финицкой, Персидской, Римской и Греческой, какъ правле-
 нія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотогѣ
 власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшную пред-
 ставлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго
 удобствія или властолюбія власть монарховъ уменьшать,
 тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде под-
 властными бывшими въ рабство подвергнулось, о чемъ царь
 Михаилъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монархіи по-
 пороченнымъ пренарядно изъяснилъ¹⁸²). Кромѣ того гово-
 ритъ въ этой главѣ и о порядкѣ престолонаслѣдія у раз-
 ныхъ народовъ древняго и новаго міра: право первородства,
 назначеніе отца, избраніе народное, — вотъ главныя формы
 этого наслѣдія. О наслѣдіи по родителяхъ и дѣленіи иждивій

по закону естественному слѣдующія правила утверждаютъ 1) что всякъ въ своемъ собственномъ имѣніи, кого бѣ оно было, имѣть власть отдать при себѣ или по себѣ кому четь, 2) что родители дѣтямъ ничемъ кромѣ воспитанія должны, 3) первородный въ имѣніи родительскомъ никакъ преимущества предъ прочими дѣтьми не имѣть; государво же есть имѣніе нераздѣльное, хотя состоитъ изъ разныхъ малыхъ частей, но равно какъ тѣло человѣка безъ во раздѣлено быть не можетъ, какъ насъ Господь учитъ, е царство раздѣлившееся стоять не можетъ. По симъ правила наследственный государь имѣть власть престолъ поручи кому за благо разсудить. Словомъ и въ своей исторіи Татищевъ является такимъ же защитникомъ того историческаго развитія, къ которому Россія пришла во времена Петра какъ и въ знаменитомъ произвольномъ разсужденіи о лучшемъ образѣ правленія, поданномъ отъ имени шляхетст верховному тайному совѣту въ 1730 году.

Какъ археологъ и этнографъ, Татищевъ сдѣлалъ не малъ. Весь первый томъ его исторіи наполненъ отдѣльными разсужденіями о народахъ, населявшихъ древнюю и новую Россію: хотя нѣкоторыя извѣстія о первыхъ и взяты изъ сочиненія Байера; но большая часть статей составлена Татищевымъ самимъ, на основаніи польскихъ и русскихъ источниковъ. Кромѣ того въ первой книгѣ его исторіи есть главы: о государственномъ гербѣ, о родословіи государей российскихъ, объ іерархіи (церковной), о чинахъ и суевѣрїяхъ древнихъ, гдѣ онъ говоритъ объ обрядахъ, которыми соупо вождались у разныхъ народовъ главныя минуты жизни: рожденіе, бракъ и смерть. Въ послѣдней главѣ, кромѣ свѣдѣній заимствованныхъ у другихъ писателей, Татищевъ приводитъ нѣкоторыя изъ собственныхъ наблюденій. Такъ, говоря о обрядахъ, сопровождающихъ родины, онъ прибавляетъ:

калмыкъ случилось мнѣ видѣть при роженіи въ кибиткѣ
 нѣколико духовныхъ, которые часто и лекари бываютъ;
 женщинъ же не много призываютъ. Около кибитки по по-
 ставленному бѣлому знаку, множество народа собрався по-
 вѣть и кричать, и чѣмъ знатнѣе роженица, тѣмъ болѣе лю-
 дей сходится, и съ великимъ крикомъ ожидаютъ роженія,
 при чемъ хозяинъ, еслили имѣеть, довольствуется пищею и
 мною и чиганомъ». По поводу нареченія собственнаго
 имени новорожденнымъ, Татищевъ рассказываетъ слѣдую-
 щій случай изъ собственной жизни: «есть же нѣкоторыхъ
 суевѣрныхъ мнѣніе, что посылаютъ на улицу, и кто пер-
 мый на встрѣчу попадется, то въ онаго имя нарицаютъ, а
 нѣкоторые въ кумы такихъ призываютъ, мня, что чрезъ
 свое имя младенецъ будетъ долготѣнъ. Сіе я примѣтилъ у
 разныхъ иновѣрныхъ Россіи подданныхъ народовъ, что про-
 сятъ другихъ изъ предпочтенія имя нареши. Случилось мнѣ
 1722 ѣдучи чрезъ Башкиръ, стать въ домъ у знатнаго та-
 тарина, когда у него одна жена сына родила; онъ пришедъ
 меня просилъ, чтобъ я новорожденному имя нарекъ: онаго
 я назвалъ Удалецъ, и ему чрезъ переводчика, что значить,
 растолковалъ, который былъ тѣмъ весьма доволенъ. Оной
 Удалецъ 1744 пріѣзжалъ съ другими въ Астрахань съ тор-
 говъ, и называлъ меня по ихъ обычаю отцемъ. У калмыкъ,
 черемисъ и мордвы есть тойже обычай, что о дачи имени
 младенцу отцы другихъ просятъ; и какъ часто случается
 пріѣзжающіе русскіе нарицаютъ, то между ими много именъ
 русскихъ. Мнѣ же случилось у вотяка сына видѣть, на-
 званнаго Тердинатъ, и какъ я спросилъ, кто ему имя далъ,
 то объявили, что на заводѣ нѣмчинъ: изъ чего я узналъ,
 что оной сказалъ свое имя Фердинандъ, но они испортили,
 слѣдственно можемъ разумѣть, что ктобы имя ни нарекъ,
 заветъ есть единственно отцова.» Говоря объ обычаѣ кражи

невѣсть, существовавшемъ у нѣкоторыхъ иноподцевъ, Та-
 тшцевъ приводитъ другой случай изъ своихъ воспоминаній:
 «иража женъ такожь какъ у прочихъ народовъ, такъ и у
 нашихъ предковъ нѣкоторыхъ, было древнее употребленіе;
 о чемъ и Несторъ не единое воспоминаеть, Геродотъ же
 тѣмъ свою исторію началъ, приводя, что изъ сего неистов-
 ства войны тяжкія, и нѣкоторыхъ не малыхъ областей, а
 наипаче Трои, крайнее раззореніе послѣдовало; но нынѣ
 сіе между христіаны не употребляемо, и всюду съ тяжкимъ
 наказаніемъ запрещено, токмо у татаръ есть во употребле-
 ніи и весьма въ почтеніи у коихъ сей увозъ невѣсть часто
 бываетъ притворно изъ слѣдующаго: что въ древности по-
 цѣнѣ жена почтена, хотя оное любви ни мало не причи-
 ствуетъ, то равно, и у сихъ что дороже калымъ, тѣмъ бо-
 лѣе чести имѣеть; но когда случится не у богатаго взять
 за малой калымъ, то, избѣгая порицанія, въ увозъ обра-
 щаютъ, равно когда богатый, усмотря небогатаго жениха, не
 по состоянію достойнаго, которой противу богатства невѣ-
 сты калыма заплатитъ не въ состояніи, такожь на увозъ
 согласатся, или и безъ воли родителей невѣстиныхъ же-
 нихъ согласясь съ невѣстою то учинитъ, какъ мнѣ 1721
 случилось видѣть. Одинъ знатной башкирецъ увѣдавъ, что
 я изъ Кунгура намѣренъ ѣхать въ Сибирь на заводы, и
 путь мой былъ не далеко отъ его жилища, просилъ меня,
 чтобъ я къ нему на свадьбу сына его заѣхалъ, присроча 15
 маія, что я изъ любопытства, а паче для приласканія ихъ,
 учинилъ, и онаго числа къ нему ввечеру пріѣхалъ, гдѣ бы-
 ло собранныхъ татаръ съ оружіемъ человекъ съ 40. По
 утру какъ стало разсвѣтать, женихъ со всѣми оными поѣ-
 халъ къ невѣстиной деревнѣ, которая въ разстояніи была
 верстъ съ 10, при томъ и я отъ себя послалъ толмача для
 надзиранія поступковъ. Батырь, или предводитель, яко гла-

внѣкъ надѣ тѣмъ собраніемъ, послалъ отъ себя одного напередъ, которой поворотясь встрѣтилъ и сказалъ, что невѣста въ полѣ гуляетъ. Батырь подѣхавъ близъ той деревни со всѣми людьми, остался въ лѣску, а женихъ съ тремя человѣки и заводною лошадей увидя невѣсту, которая съ нѣсколькими жепщинами по-полю ходила, обскакавъ тотчасъ, ухватя на заводную лошадей посадилъ, и какъ могли, скоро возвратно скакали. Тестъ услыша вопль бывшихъ съ нею жепщинъ, ударили въ бубны, и собранныхъ у него человѣкъ до 30 въ панцерахъ и съ ружьемъ за оными погна-ли. Женихъ какъ скоро къ дому своему пріѣхалъ, невѣсту, славъ съ лошадей, ввелъ въ избу, гдѣ мать его и другія жепны на коврахъ болѣе 20 сидѣли. Невѣста, какъ ей свекровь указали, упала предъ нею на земаю, и со слезами просила, которую свекровь предъ собою посадила, и тотчасъ стали ее разбирать. Батырь съ войскомъ остановился на краю деревни, приготовясь къ бою. Тестъ, прискакавъ съ своими, вооружился противъ оныхъ, но учинили пересылку, которая съ часъ продолжалась. Между тѣмъ женихъ съ невѣстою, по прочтеніи абысомъ молитвы, отведены въ особой покой, гдѣ ихъ желаніе исполнили, и потомъ тестъ со многими людьми пріѣхалъ къ дому. У крыльца и покоя привязаны были быкъ да лошадей. Тестъ, подѣхавъ съ голою саблею, якобы во отмщеніе обиды, пересѣкъ лошадей шею, а шуринъ быку, и оныхъ тотчасъ стали рѣзать, и обѣдъ готовить, для которыхъ у жепнихъ довольно было кумыса и бузы приготовлено, а я далъ пять ведръ вина. Зять тестя встрѣтилъ у крыльца, и просилъ прощенія, а тестъ замахивался на него саблею, однакожъ все видно было притворное, и потомъ помирясь пошли въ избу, гдѣ жепщинъ не было, и провождали пиръ съ веселіемъ, а жепщины были угощены въ особой избѣ, куда и мать невѣстина пріѣхала. Я спра-

шивалъ о причинѣ сего притворнаго увоза, то сказали, что женихъ богатъ, а тесть не богатъ, и отецъ его не давалъ столько калыма какъ большому его брату, а жениху казалось стыдно за малой калымъ жениться, то съ тестемъ о увозѣ договорился за 50 рублей» ¹⁸⁴). По поводу же развода Татищевъ приводитъ другой случай бывший съ нимъ въ Астрахани: «у магометанъ по закону Моисееву во всякой причинѣ, т. е. когда мужу жена нелюба можетъ всегда оную отпустить, но рѣдко и то случается, что жены о разводѣ просятъ, и нетрудно свободу получаютъ, какъ то мнѣ случилось въ Астрахани видѣть: жена просила, что мужа ея въ татѣбѣ поймали, и носа не много отрѣзали, по которому клады или судьи ихъ оную отъ супружества уволили, и позволили съ другимъ сочетаться. Мужъ повиненъ былъ ей весь калымъ отдать. Другой есть ихъ странный обычай, что сочетаются на нѣкоторое урочное время, на мѣсяць, на годъ, или какъ согласятся. Нѣкоторые мужи женъ своихъ пріѣзжимъ ихъ пріятелямъ или за деньги даютъ; ханскія и владѣльческія жены знатнымъ пріѣзжимъ присылаютъ своихъ дѣвочекъ, которое и у калмыкъ во обычаѣ, какъ то и мнѣ случилось, хотя я не требовалъ и подаря обратно отсылалъ.» Говоря о-погребеніи, Татищевъ описываетъ похороны Асарая сына Дондугъ-Даши: «калмыки употребляютъ троякій порядокъ погребенія, по разсужденію ихъ духовныхъ, между которыми много лекарей и астрологовъ, кому какое оныя присудятъ. Знатныхъ возрастныхъ болѣе сожигаютъ, какъ въ календарѣ 1739 о погребеніи ихъ ланы описано. Дондугдаши нынѣшняго хана сына Асарая десятилѣтнаго, какъ оный умеръ, духовные имѣя преніе, согласились въ воду опустить, и оное поутру такъ рано, какъ еще заря токмо показалась, со многимъ пѣніемъ и музыкою, отвезши въ лодкѣ на средину Волги, съ каменемъ опустили;

подлость же большую часть оставляютъ птицамъ, звѣрямъ на съѣденіе, для котораго около Астрахани и по степямъ, гдѣ они обитаютъ, головъ и костей человѣческихъ валяется великое множество. Музыка ихъ церковная состоитъ: 1) трубы разной долготы мѣдныя, нѣкоторыя аршина по три и только ревутъ, 2) чашки мѣдныя, одну объ другую бьютъ, 3) бубны великіе аршинъ поперекъ, лукошки не высокія, съ обѣ стороны какъ барабаны натянуты кожами, и постави на бокъ въ обѣ кожи палками бьютъ, но никакой мелодіи или согласія нѣтъ»¹⁸⁵). Наконецъ въ примѣчаніяхъ къ исторіи, у Татищева объяснено значеніе многихъ словъ археологическаго свойства; таковы: дань, рота, скоро, погость, веревѣсище, княжое, тризна, разути, вѣно, судебныя поединки, убрусъ, судебная грамота, яйно, било, тутонъ, зарубъ, желни, валъ, гривна, исплечиться, тиунъ, бояринъ, нестриги и такъ далѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій повторены были потомъ въ примѣчаніяхъ къ судебнику, большею частію въ измѣненномъ видѣ; нѣкоторые вошли въ гражданскій лексиконъ. Но, говоря вообще, этнографическія и филологическія занятія не могли быть для Татищева цѣлію; они только служили ему помощію при историческихъ трудахъ: отъ этого выигрывали примѣчанія къ его Исторіи Россіи, а не самый текстъ ея.

Переходя къ сочиненіямъ юридическаго содержанія, оставшихся послѣ Татищева я долженъ прежде всего замѣтить, что они не были догматическаго направленія, но преимущественно историческаго и практическаго. Татищевъ во время долгой своей служебной дѣятельности не разъ былъ судьей и примирителемъ весьма разнообразныхъ тяжбныхъ дѣлъ. Какъ ученый, онъ собралъ постановленія Русской Правды-Судобнигъ съ нѣкоторыми изъ примѣнительныхъ къ нему указовъ и составилъ къ нимъ свои примѣчанія, преимуще-

ственно пополняемая рассказами о юридических случаях съ которыми встрѣчался онъ въ жизни. Примѣчанія къ Русской Правдѣ написаны были Татищевымъ въ 1738 году подъ заглавіемъ: «Законы древніе русскіе, для пользы всѣхъ любу мудрыхъ собранные и нѣколько истолкованные». Татищевъ относилъ Русскую Правду ко временамъ болѣе древнимъ, нежели время Ярослава: основываясь на томъ, что въ договорѣ Олега съ Греками упоминается о старобытнѣйшей Русской Правдѣ, что Гостомысль, по словамъ Іоакима, правосудіемъ всюду прославлялся, наконецъ на томъ, что языкъ Русской Правды не похожъ на языкъ лѣтописей; онъ считалъ ее сочиненною «за долго до Рюрика» и принесенною изъ Вандалии или Венды: Приступая къ объясненію самаго текста Правды Татищевъ начинаетъ съ того, что объявляетъ кровную мсть съ правилами политики несогласною: «ибо большому междуусобию причина подается». За тѣмъ слѣдуютъ объясненія словъ: гривна, гридня, купчина, рогъ, Варягъ, Колбякъ, рогъ или присяга, скоть, свободный мужъ, огнишанинъ, подъячій, ведро, овень, пшено, виверицы. Татищевъ отказывается отъ объясненій денежной системы, которая упоминается въ Русской Правдѣ. Списокъ, объясненный имъ, заключалъ въ себѣ только 35 статей, — и самыя объясненія были кратки. Гораздо удачнѣе выполнено объясненіе Судебника. Самая находка его сопровождалась болѣе благоприятнымъ случаемъ: въ 1734 году Татищевъ нашелъ законы Іоанна IV у одного челоука, собранные въ книгѣ, писанной съ прописьюми золотомъ и въ золотномъ бархатѣ съ застешками серебряными переплетенной», и поднесъ ее «яко вещь дивную» Аннѣ Іоанновнѣ, а копію съ нея отдалъ въ Академію Наукъ. По нѣкоторымъ признакамъ, Татищевъ думалъ, что эта рукопись была изъ дома Романовыхъ. Татищевъ не зналъ precise различій между Русской Правдой и Судебникомъ зато

подательныхъ памятниковъ, хотя и догадывался о ихъ существованіи. Такъ въ томъ же предисловіи къ Русской Правдѣ онъ говоритъ: «сверхъ сихъ были законы по княженіямъ. Какъ князь великій Василій Темный Ростовскимъ боярамъ велѣлъ судить по ихъ старымъ законамъ, такъ Іоаннъ великій по просьбѣ Рязанскихъ бояръ позволилъ судить по ихъ законамъ. Таковыхъ я у князя Голицына видѣлъ собрана книга не малая и оныя гдѣ либо въ неизвѣстномъ мѣстѣ хранятся, которое собрать и любопытнымъ открыть не бесполезно» ¹⁸⁴). Написавъ историческія замѣчанія о Русской Правдѣ. Татищевъ составилъ еще болѣе обильныя объясненія къ Судебнику и дополнительнымъ законамъ. Кромѣ упомянутого списка у него были подъ руками и другіе: кн. Дм. Их. Голицына, А. П. Волынскаго. Всѣхъ статей, внесенныхъ имъ въ списокъ было 173. Примѣчанія Татищева начинаются объясненіемъ словъ: бояринъ, околицей, дворецкій, казначей, дьякъ, приказные люди, намѣстникъ, волостели и тѣмъ, т. е. именъ, которыми назывались чиновники, дѣйствовавшіе во время Судебника. За тѣмъ попадаетъ объясненіе пословъ, чрезвычайно любопытное по личнымъ отношеніямъ Татищева, для котораго это былъ большой вопросъ всей жизни. «Посулъ, говоритъ онъ, есть разнаго качества: 1) есть ли судить за то, чтобъ его въ неправдѣ оправдать, и сіе есть лихоимство противъ закона Божія, и какъ дающей, такъ ошлющей равному наказанію повинны, о чемъ ниже яснае. 2) Посулъ есть безгрѣшной, когда судящейся видя супернака новарнаго ябедника, и просить о своемъ охраненіи, или кто не хотя долго за дѣломъ волочиться, имѣя другую неменьшую нужду, просить о скоромъ рѣшеніи. И хотя судья въ обоихъ обстоятельствахъ по закону долженъ; однакожь для своей пользы можетъ большее прилѣжаніе показать, наприимѣръ въ домѣ судья имѣеть отъ дѣлъ свободу; но

когда хочеть, то можетъ оставя свой домовной распорядокъ, унажить своего покою или веселія и забавы, а употребить то время къ рассмотрѣнію дѣлъ просящихъ его, то уже взятое за трудъ и честь не лихоимство, но мзда должная, яко апостолъ Павелъ учитъ: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу; слѣдственно ни дающей, ни емлющей не виновенъ, противно тому хотя бы ничего не взялъ, да непорядочно судилъ, и не по закону рѣшилъ, есть яко законопреступникъ достоинъ наказанія. О семъ мнѣ случилось 1724 года слышать разсужденіе Его Величества Петра Великаго, и намѣренъ былъ указомъ изъяснить, токмо знатно время и другія дѣла воспрепятствовали. 3) Тогда судьямъ пошлени отъ дѣлъ были опредѣлены, и то могли оными за трудъ доволствоваться»¹⁸⁸). Такимъ же образомъ статья за статьей, идутъ объясненія старинныхъ терминовъ и словъ: не по дѣлу, правая грамота, судъ съ головы, взятое отдати, истцы, ѣздъ, правда, пересудъ, пожелѣзное, опала, недѣльщикъ, поле, алтынъ, dospѣхъ, стряпчій, свидѣтельство, кабала, праветчикъ, рота, безсудная грамота, увѣчье и бой, оговоръ, сибѣстный судъ, ростъ, поверстный срокъ, льгота, уставная грамота, полетное, красная печать, тарханныя грамоты, приставной искъ, проѣсть, убытки, пересудчикъ, подвойскій, поличное, отдача головою, тюрьма, ябѣда, подписка, тайные пожитки, губные старосты, губная грамота, тать, подметчикъ, доводчикъ, дворскій, приказчикъ, знахарь, старая крѣпость, вотчина, помѣстье, крестьянскій отказъ, конская записъ, излишки взять, угожая земля, выборные головы, обыскъ, дворяне, судъ подуховный, отчичи, правезъ, переводъ, вполы, рядная грамота, ручь или ручной закладъ, полоненники, жильцы, украинные города, Московское государство и т. далѣе. Въ иныхъ случаяхъ Татищевъ прямо позволяетъ себѣ замѣчанія на счетъ коварства составителя

той или другой статьи Судебника, на счетъ ея несправедливости или неудобства. «Сіе есть весьма неправо и видно пристрастнымъ сочинителемъ включено», — такія слова попадаются довольно часто между примѣчаніями къ Судебнику. Такой приговоръ почти всегда основывался на практической примѣнимости или невыполнимости указа. Нерѣдко встрѣчаются жалобы на то, что многіе полезные законы Петра уничтожены его преемниками. Кромѣ того въ примѣчаніяхъ Татишева разсыпано не мало рассказовъ изъ предшествовавшей жизни и современной ему судебной практики.

Помѣщая въ приложеніяхъ къ настоящему сочиненію тѣ изъ примѣчаній Татишева, которыя не вошли въ печатное изданіе и заимствованы мною изъ рукописи, я считаю не лишнимъ привести здѣсь наиболѣе замѣчательныя отрывки изъ печатныхъ объясненій. Выше уже было приведено примѣчаніе о посулѣ; за тѣмъ Татишевъ съ неменьшимъ вниманіемъ останавливается на кормленіи, и вотъ что говоритъ по поводу его: «кормленіе тройкое есть: 1) пожитіе жалованное дворянству отъ Государя по смерть, съ котораго онъ долженъ служить. Онъ не имѣлъ власти оное продать, заложить, или какъ либо укрѣпить, ниже дѣтямъ или женѣ излишнее кому дать, но по немъ дѣлено по окладамъ, и есть ли что останется, отдавано другимъ безпомѣстнымъ. Онымъ у дворецкихъ по княженіямъ были доходамъ ихъ книги, противно тому въ вотчинахъ всякъ имѣлъ волю, продавать кому сколько хочеть; 2) кормленіе воеводства и всякія приказныя или гражданскія правленія, кормленіемъ именуется. Оному, гдѣ сколько дохода, имѣлись книги въ разрядѣ. О семъ доходѣ шляхетскомъ отъ деревень и о цѣнѣ ихъ Петръ Великій въ уставѣ Коллегіи Экономіи изволилъ ввести съ изясненіемъ пользы отъ того шляхетству, и о дѣлѣ въ наказѣ писцовомъ, чрезъ что бы многія распри и

коварныя ябеды пресѣчься могли, 3) жалованье оное давано было токмо безпомѣстнымъ, и болѣе иноземцамъ, хотя оклады денежныя при вступленіи въ чинъ и за службы купно съ окладами помѣстными даваны на бумагѣ, и по тѣмъ окладамъ безчестіе считали. Губернаторства и воеводства именуютъ жалованьемъ и кормленіемъ; ибо тогда оныя жаловались изъ милости для нажитка, и въ челобитныхъ о воеводствахъ писали: *прошу отпустить покормиться*. И какъ тогда не болѣе трехъ лѣтъ жаловали, такъ воеводы грабить, или обиды дѣлать опасались; но какъ оныя стали продавать не смотря годности человѣка, и безперемѣнно опредѣляли, то въ такое состояніе привело, что упоминать жалко и стыдно. Тогда сколько на которомъ городѣ воевода средствомъ наживаетъ, были книги. Для сего я вспомяну исторію, слышанную отъ Алексѣя Лихачева: нѣкто дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ, и сказалъ у себя два сына годныхъ въ службу, а третей малолѣтенъ. Государь послалъ въ разрядъ спросить: есть ли городъ свободной, чтобъ 5 или 600 рублей нажить? и донесли Кострому, куда его и пожаловалъ, сказавъ, чтобъ онъ наживъ деревню купилъ. Оной возвратясь, благодарилъ Государя за милость, и донесъ, что нажилъ не болѣе 400 рублей. Государь послалъ тайно спросить того города дворянъ о его маломъ нажиткѣ, и увѣдавъ, что онъ бралъ кто что принесть, а никого не грабилъ, велѣлъ его на другой лучшей отпустить. Сей законъ, на губернаторовъ и воеводъ бить челомъ прежде года, а по прошествіи года суда не давать, есть государству къ великой пользѣ, что въ печатномъ не довольно ясно, и чрезъ то многія душевредныя тяжбы приключились; ибо невозможно никому въ какомъ правленіи будучи всѣмъ угодить, особливо ревнительный о правдѣ плутамъ неугодовъ, которыхъ совокупная множествомъ спуста дой-

тое время клевету, и не токмо судьямъ напрасный трудъ, но послыжками и слѣдствіями государству раззореніе наносить. Противно тому на долго опредѣленные воеводы, вѣдая, что ихъ скоро не смѣнять, а наипаче когда на отпустившихъ надѣются, дѣлаютъ и грабятъ какъ хотятъ, а подвластные бить челомъ не смѣютъ» ¹⁸⁶). Говоря объ отписяхъ въ платежъ уплаты или роста, Татищевъ добавляетъ, что при этомъ могутъ встрѣчаться многія коварства и приводить два примѣра: «1) Князь Яковъ Федоровичъ Долгорукой занялъ у дворянина 600 рублей, и велѣлъ стряпчему написать заемное письмо. Стряпчій взявъ столпечъ гербовой и передравъ оной вдоль, паки склеилъ такъ, что едва склейка видна была. На оной велѣлъ ту заемную написать, и хотя писецъ этому оспорилъ, но стряпчей заплатя ему довольно, совершилъ, что и насмотрщикъ не усмотрѣлъ. Князь подписавъ оную, дворянину самъ отдалъ, и оной не смотря у себя спрягалъ. По прошествіи срока, дворянинъ просилъ князя о деньгахъ, и онъ приказалъ взять отъ казначея, свести и заплатить. Стряпчій взявъ деньги удержалъ, а дворянина просилъ, чтобъ еще мѣсяцъ или два пождалъ. Оной по прошествіи времени паки напоминаетъ стряпчему, но стряпчей ему яко шуточкою говорить, что заплачены. Дворянинъ проситъ паки князя, оной призвавъ стряпчего спросилъ, для чего не заплатилъ? Стряпчій сказалъ: давно заплачены, и онъ крѣпость разорвалъ бросилъ. Дворянинъ крѣпость вынявъ показалъ. Тогда увидѣли къ свѣту, что была разодрана, но князь самъ освѣдѣтельствовавъ, что писано по драной бумагѣ, а не по написаніи разодрана, деньги заплатилъ и стряпчего наказалъ. 2) Дворянинъ у дворянина по пріятству занялъ денегъ 300 рублей, и далъ крѣпостное письмо и подъ онымъ написавъ двѣ строки, такъ оныя вычистилъ ножемъ, что письма ничего не видно было. Займодавецъ не чая коварства, взялъ

неразсмотря прилѣжно, и какъ займщикъ по многой прозь-
 бѣ отговариваясь не платилъ, то займодавецъ просилъ въ
 Судномъ приказѣ. Отвѣтчикъ сказалъ: что деньги заплатилъ,
 и займодавецъ на крѣпости подписавъ заплату, у себя удер-
 жалъ. Займодавецъ вынявъ крѣпость объявилъ, и судья
 увидя, что было подписано и вычищено, усумнился, одна-
 кожь, зная, что займодавецъ человекъ честной, дознался,
 что то коварство займщиково, и что челобитчикъ не умѣеть
 обличить, призываетъ отвѣтника, сталъ подробну спрашивать,
 когда, гдѣ, кто и при комъ платилъ. Отвѣтчикъ сказалъ:
 самъ къ нему въ такое время привезъ въ домъ, и человекъ
 при немъ имр. внесъ и отдалъ. Судья тотчасъ послалъ, ве-
 лѣлъ того человека привести, и выслалъ истца и отвѣтчи-
 ка, человека спрашивалъ съ угрозами. Человекъ, не зная ни
 о чемъ, сказалъ, что онъ за господиномъ своимъ бывалъ у
 онаго не одпово лѣтомъ верхами, а денегъ никакихъ не ва-
 живалъ; и такъ оное обличили. Нѣкоторый плутъ имѣя у
 себя письма сосѣда своего съ оныхъ карандашемъ къ свѣ-
 ту копируя крѣпость такъ составилъ, что отвѣтчикъ не
 смѣлъ руки отпираться, но секретарь примѣтя карандашъ,
 оной составъ обличилъ. Другихъ такихъ коварствъ не упо-
 минаю, а сіе для осторожности напомнилъ, мно не въ изли-
 шекъ» ¹⁸⁷). Упомянувъ объ опредѣленіи убытковъ потому
 или другому иску, Татищевъ замѣчаетъ: «я вспомяну два
 дѣла: посадской билъ челомъ на сосѣда, что корова ворвалась
 въ огородъ капусту поѣла, и убытка учинила 300 рублей,
 которое Петръ Великій увѣдавъ, велѣлъ осмотрѣть, и на-
 шлось, что не было болѣе какъ на 3 рубли: то повелѣлъ съ
 нево оному отвѣтчику 30 доправить, а за вину взять въ
 казну 3000, и за оное построить на Преображенскій полкъ
 кафтаны, что и учинено, а оному посадскому велѣлъ пи-
 саться Капустинимъ. Равно сему билъ челомъ одинъ на сво-

мещанина въ неплатежѣ 100 рублей, и какъ онаго об-
 и, то билъ челомъ о убыткахъ, что онъ строилъ палаты
 недостаткомъ денегъ затворы не могъ сдѣлать, а ме-
 бы палаты выгорѣли и учинилось ему убытка на 5000
 рубль. Петръ Великій изрядно разсудилъ, велѣлъ ему тѣ
) заплатить, а дворъ со всѣми пожитки отдать отвѣт-
 , котораго было болѣе 20000 рублей, по которому ис-
 принужденъ у отвѣтчика милости просить, и съ плате-
 , ему убытковъ примириться» ¹⁸⁶). Въ примѣръ того,
 поличному не всегда можно вѣрить, Татищевъ гово-
 : «въ 1730 году одинъ купецъ, хотя себѣ прикащика
 пить, поутрурано далъ оному кулекъ, накладенной вещь-
 велѣлъ съ онымъ идти къ Троицѣ, и себя ожидать,
 где дни за-три записалъ явочное челобитье, что у него
 покрали пожитковъ на 500 рублей; въ томъ числѣ
 санныя въ кулекъ вещи именовалъ; прикащикъ не вѣ-
 го коварства, пришедъ въ показанное мѣсто, дожи-
 . Хозяинъ тотчасъ просилъ въ сыскномъ приказѣ
 послать солдатъ съ поличнымъ поймать. Какъ солда-
 ли съ хозяиномъ, прикащикъ увидя хозяина прямо
 му пошелъ. Хозяинъ велѣлъ его взять, спрося, что у
 въ кулекѣ. Прикащикъ сказалъ: я не знаю, что ты мнѣ
 , то въ немъ и есть; по судья, взявъ отъ челобитчика
 рублей, онаго жестоко пытавъ умертвилъ. Оное увѣ-
 императрица Анна Иоанновна велѣла дѣло взять въ
 тѣ, гдѣ изслѣдовано, и съ хозяина доправа 1000 руб-
 ь отдали, а судью приговоря къ смерти, чина и чести
 ли. Другое мнѣ случилось судить, что одинъ человекъ
 мнѣткой не могши у сосѣда деревню выторговать, за-
 мѣ о покражѣ его явочное челобитье, и нѣсколько вре-
 шусти подкупилъ старицу, которая къ оному сосѣду
 въ домъ ходила, велѣлъ лядунку свою серебряную съ

каменемъ завернувъ въ трепицу снести, и положить под печь, за что старицѣ той далъ 5 рублей. Старица оное охотно учинила. По томъ просилъ онъ, чтобъ послать двинки изъ полиціи, и какъ оное выняли, то немедленно дворянина онаго въ приказъ взяли, но по щастію дочь еяго пріѣхала въ монастырь молебень служить и очень плакала. Старица видя оное подошедъ къ ней попросила рубль денегъ, обѣщая отца ея отъ бѣды избавить. Она какъ была женщина молода, но дознався засвидѣтельствована, тотчасъ отцу прислала сказать. Отецъ просилъ, чтобъ старицу взять, и какъ оную въ приказъ плетью погрозили, тотчасъ всю истину открыла. — Кто не винится, того не винить: мы о семъ точнаго закона не имѣемъ, однакожь и два дѣла случилось по денежному воровству. Одна женщина на которую нѣсколько постороннихъ и мужъ свидѣтельствовали, и у нея деньги выняли. Другой мужикъ многими честными и ворами товарищи былъ обличаемъ, девять разъ жестоко пытанъ. Оба не винились, а осуждены въ заточеніе. Противно тому въ неумѣренныхъ пыткахъ неразумныхъ судей многіе не стерпя на себя и другихъ клеветующихъ особливо, что у насъ о пыткѣ яснаго закона нѣтъ» ¹⁰⁹). По поводу отдачи головою, Татищевъ дѣлаетъ любопытное объясненіе: «за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ или государственныхъ въ вѣчное служеніе: но понеже въ томъ много подлоговъ было, что посадскіе, не хотя податей платить и таможенныхъ службъ исполнять, оставались подъ именами знатныхъ господъ и торговали свободно, то Петръ Великій оное отставилъ и повелѣлъ немощныхъ платить въ каторжную работу опредѣлять. Въ томъ весьма полезный банкротскій уставъ учиненъ былъ, но какъ оной отставленъ, и взявъ головою не отдавъ, то многіе купцы забравъ у шляхетства деньги или товары

не платять, пожитки всё вывезли и подложные вексели своимъ пріятелямъ дали, чрезъ что великой государственной вредъ приключился. Еще я вспомнилъ въ семь плутовство: гость Сверчковъ повѣрилъ одному купцу товаровъ на 10000 рублей, которой возвратясь отъ города объявилъ, что переправляясь чрезъ Волгу товары потопилъ, то и засвидѣтельствовалъ. Сверчковъ увѣдавъ, что у него тайно товары привезены, просилъ на него, но оной плутъ смыскалъ другихъ челобитчиковъ въ великихъ деньгахъ, что суди не знали, кому его отдать. Сверчковъ просилъ государя Петра Великаго, по которому тотъ плутъ съ пытки винился, что на Волгѣ возы съ камнемъ утопилъ, и что оныя челобитчики подложные, за что всё оныя достойно наказаны » ¹⁰⁰). Говоря, что многія улики и свидѣтельства не всегда могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ правости или виновности судимаго, Татищевъ припоминаетъ случай, бывшій въ царствованіе Θεодора Алексѣевича: «сему примѣръ по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, какъ царь Θεодоръ престолъ принялъ, дядька его Богданъ Матвѣичъ прозваніемъ Хитрой, а умомъ и совѣстію простой и доброй человекъ, вѣдая, что государь дадю Ивана Милославскаго человекъ коварнаго и злостнаго возьметъ, опасался, чтобъ не усилился, и ему вреда не нанесъ, оное открылъ пріятелю своему изъ незнатныхъ дворянъ Ивану Языкову, человекъ острога ума, и разсужденіями хитрыми недостатокъ онаго министра достаточно награждающему. Сей Языковъ присовѣтывалъ Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность, часто при дворѣ быть, отнять, положили на него труднѣйшіе восемь приказовъ. Товарищей въ оныя Милославской по своей совѣсти выбралъ, въ чемъ ему умышленно сонзволили, дабы жалобами на оныхъ Милославскаго изъ милости у государя отбить, что

и удался. Между товарищи былъ Полибинъ человекъ правдивой и въ содержаніи приказныхъ людей строгой, котораго все добрые люди почитали и блажили, но противно тому дьяками и подъячими большею частію былъ ненавидимъ, и у Милославскаго не былъ въ милости. Сей судья, имѣя крайнюю нужду, занялъ денегъ 500 рублей заложивъ деревню, и какъ срокъ пришелъ, займодавецъ не хотя болѣе ждать, хотѣлъ деревню записать. Полибинъ объ ономъ тужилъ, тогда подъячей его приказа совѣтовалъ ему взять изъ приказа денегъ сколько не достаесть, а по времени заплатить, что онъ и учинилъ, взявъ изъ казны триста рублей, долгъ заплатилъ, въ чемъ на него тотчасъ Милославскому донесли. Милославской, какъ кромѣ того его не любилъ, пришедъ къ государю, донесъ, что судья Полибинъ укралъ изъ казны денегъ 300 рублей. Государь тому цовѣри приказалъ его наказать, и въ ссылку сослать. Оное слыша милостивая и благоразсудная царица Агаея Симіоновна, спросила Милославскаго, для чего и какъ онъ то учинилъ. Милославскій донесъ, что онъ не спрашиваеъ, на которое ему государыня съ гнѣвомъ выговаривала, что онъ осуждаеъ человека безъ суда, а не вѣдая подлинно дѣла государю доносить. Государь самъ видя что непорядочно, приказалъ его допросить и себѣ доложить. Царица спросила хитраго о состояніи онаго Полибина, и слыша, что все бывшіе при томъ хвалили тотчасъ послала къ нему Луку Хитраго спросить, для чего и какъ деньги взялъ, по которому увѣдавъ обстоятельно, послала съ Иваномъ Потемкинымъ 300 рублей, велѣла тому подъячему отдать именовъ судейскимъ, и взявъ росписку, судѣе отдать, не сказывая чьи тѣ деньги; и такъ онаго не только отъ бѣды избавила, но еще для его небогатства богато наградила¹⁸¹). Разбирая статью судебника, въ которой говорится о грабежѣ, освобожденіи

и казни вора, Татищевъ прибавляетъ: «душегубца не казнить безъ доклада, есть осторожность мудрая, что всякому судѣ въ томъ вѣрить не можно, какъ тѣхъ прикладовъ довольно, что отъ невыразимѣннѣя обстоятельствъ и закона другіе по злости и продерзости или по страсти любонимѣннѣя виновныхъ губять: противно же тому неправое разсужденіе мѣдя казнить за грѣхъ, а избавленіе ихъ за добродѣтель и милость почитать, не разумѣя, что то есть преступленіе закона Божія, а всякое божескаго закона преступленіе не есть добродѣтель и милость, но тягчайшій грѣхъ, о чемъ святой златоустъ въ словѣ 2-мъ на іудей достаточно покаялъ. Я не хочу въ подобныхъ сему Владиміра 1-го и Сергія Радонежскаго, яко мужей святыхъ, разсужденія вспоминать, токмо премудраго и правдолюбиваго государя Петра Великаго вспомяну. Въ 1719 году какъ каморфрейлейнъ Гангенова за убивство дѣтей, блудно прижитыхъ, осуждена была на смерть, государыня императрица многою просьбою сама и чрезъ министровъ, не могши ей прощенія испросить, разсудила склонить къ просьбѣ царицу Прасковію Федоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ, и ея просьбы не презиралъ. Наканунѣ казни уговорила государя къ царицѣ ѣхать, туда же велѣла быть графамъ Апраксину, Брюсу и Толстому, и какъ царица о той винѣ пространно разсуждала, и милость къ виновнымъ выхваляла, государь все терпѣливо слушалъ, но какъ министры пристали къ разсужденію, то государь спросилъ царицы, чей законъ и таковое злодѣяніе. Царица сказала въ началѣ Божій, а потомъ царскій. Государь отвѣтствовалъ: разсуди какъ ты самъ тягчае законъ божій уничтожить, и поворотясь къ министрамъ сказалъ: я не хочу быть Сауломъ, ни Ахавомъ, которые неразумною милостію законъ Божій преступя,

душею и тѣломъ погибли, а вы естли имѣете смѣло возьмите на себя и рѣшите какъ хотите, я спорить не б Оную рѣчь царица шуточнымъ прикладомъ пресѣкла» По поводу обыскныхъ, Татищевъ припоминаетъ два слу «обыскныхъ не уговаривать, сіе безпутство нынѣ по пресѣченіемъ отдачи порозжихъ и обводныхъ земель сѣялось, я о старыхъ предъ 50 лѣты видѣнныхъ мною случая вспоминаю: 1) челобитчикъ созвавъ къ обыску ч вѣкъ болѣе 150 изъ дальнихъ мѣстъ, которые не тогмо стоятельствъ ни пустоши спорной не знали, вывезъ нимъ вина и харча столько, что всѣ безъ памяти три пьяни были, и что писали, а попы и пригашники къ ч руку прикладывали, сами не знали; суперникъ же и п заться не смѣлъ, 2) какъ истецъ собравъ обыскныхъ ч вѣкъ до 200 на пустошь съ обыщикомъ пріѣхалъ, обычаю всѣхъ довольно употчивалъ, отвѣтчикъ, собр своихъ и пріятельскихъ людей челоуѣкъ до 60, и ис изъ лѣса напавъ на пьяныхъ людей истцовыхъ, такъ б что едва живыхъ оставилъ, а сыщикъ и обыскные, ос все свое, бѣгомъ спаслися и хотя истецъ билъ челоуѣ, не билъ, доказать не могъ. Другихъ такихъ безпутствъ не мно» 192). Объясняя указъ о судѣ по духовной, Тати припоминаетъ примѣръ: «я памятую сему примѣръ: который дворянинъ написалъ въ духовной женѣ своеи довыя отчины за ея приданья деньги, и какъ на оной нился другъ думнаго дьяка Автомона Иванова, то онъ выписку велѣлъ внести указы по духовнымъ князя / сѣя Прозоровскаго и Федора Плещеева, по которымъ т ревни за женою укрѣпилъ, и деверь ея спорить не см но какъ другой ея мужъ умеръ, и она пасынковъ хо обидѣтъ, то онъ, сыскавъ перваго ея девера, велѣлъ на о той отчинѣ бить челоуѣ, потомъ онъ принудилъ неві

въ писниговъ помѣстья не брать, и вывезенные пожитки вернуть; и какъ оной въ томъ увѣрилъ, то онъ нашелъ вину и подъячешъ, что онъ въ выпискѣ при тѣхъ указахъ не писалъ, что оныя никому не въ образецъ; и хотя написанъ въ приговорѣ подъячешу учинить наказаніе, но вмѣсто того сдѣлалъ его во дьяки, и такихъ судейскихъ коварствъ много бы болѣе привести»¹⁹⁴). По поводу спорныхъ дѣлъ въ дѣлахъ Татищевъ приводитъ два примѣра: «1) одинъ дворянинъ билъ челомъ на сосѣда, что построенною мѣльницею лугъ его потопилъ, и искалъ 1) потопленной земли десятинно, 2) недокошеннаго сѣна копами погодно, 3) юреннаго скота и всего безмала 1000 рублей; царевна же, увѣдавъ о такомъ странномъ дѣлѣ, пославъ велѣла вѣнцу спустить, и потопленную землю измѣрять; по нему явилось, что потоплено только съ поддесятины и только, а о скотинѣ нашлось, что въ три года умерло двѣ коровы, одна лошадь и то лѣтомъ, по оному велѣнію того отвѣтчика взять изъ его луга вдвое и отдать отвѣтчику, а на челобитчикѣ весь искъ яко лишней додѣля, отдать отвѣтчику; 2) билъ челомъ одинъ въ пунктѣ, что родственникъ умеръ, а дѣтей не осталось, чтобы деревню отдать, не объявля оставшей внуки сыновней доли, и вотчинная коллегія, хотя въ выпискѣ внука помянуто было, но въ пунктахъ того не изъяснено, отчину по родственику отдала, послѣ оная внука билъ челомъ, искала за владѣніе, за землю поддесятино, за крестьянство бѣглыхъ, и такъ рѣшили оставя уложеніе гл. 16. 37 велѣно за выгнанное доправить взятое съ той деревни вдвое, котораго по численію не было на 200 рублей, а иска слишкомъ на 17,000 рублей, которое сенатъ правильно отрѣша по уложенію взыскать, а съ лишняго иска двѣ доли вдвое доправить опредѣлилъ»¹⁹⁵).

Объясняя статью о холопствѣ, Татищевъ говоритъ: «стан здѣсь прикладъ недавно учинившійся напомию, которое а сочиненію уложенія не бесполезно: нѣкто дворянинъ былъ челоуъ послѣ сестры о деревняхъ, невѣдая что мужъ оны за долго перепродавъ себѣ укрѣпилъ, а какъ надѣялся, что ему по закону надлежитъ, не ожидая рѣшенія, нѣкоими людей изъ той деревни взялъ и держалъ у себя, а увѣдавъ что деревни укрѣплены, тѣхъ людей отпустилъ. Оной ач зять бывшей недовольствуясь тѣмъ, что деревень лишилъ привелъ одного челоуѣка, яко бѣглаго, и билъ челоуѣка поставкѣ достальныхъ по показанію приводнаго, и хети оной со свидѣтельствомъ показывалъ, что отпустилъ и нему, и у челоуѣчника оныхъ видѣли, но обвиненъ пожи лья и за вѣстныя головы платить» ¹⁰⁶). Въ примѣръ сам шивой накладной на деревню приведенъ слѣдующій раз казъ: «нѣкто хитрый ябедникъ, вида шурина своего умира ющаго, у котораго были три дочери малолѣтныя, сдѣлал закладную на оную его деревню, и по смерти его, записав въ вотчинной коллегіи, взявъ подъячего, самъ въ оную д ревню пріѣхавъ, якобы по свойству для охраненія тѣхъ сиротъ отъ мачихи, деревню отказалъ, разсуждая, что еи до возраста оныхъ надобно деревни въ своемъ вѣдѣніи имѣть, и взявъ ихъ къ себѣ на нѣкое время, державъ болѣ года, отдалъ дѣду ихъ по матери. что года два продолж лось. Мачиха тѣхъ сиротъ какъ была челоуѣ о помѣстьи то въ выпискѣ оная закладная отчина вписана и спора н было. Онъ слыша, что де хочетъ о той отчинѣ битъ челоуѣ записалъ явочное челоуѣтье, якобы люди бѣжали, и т закладную унесли. Какъ начался на ту закладную спори то онъ черезъ дачу сдѣлалъ, что спорщицамъ отказано. Не колко лѣтъ спустя, какъ тотъ составщикъ умеръ, они обиженныя просили государя, показуд многія онаго прои

ни ябеды и подписки. Государь велѣлъ дѣло въ вотчинной коллегіи по правости рассмотреть, гдѣ довольно разсуждал, не имѣли довольноаго основанія тѣхъ челобитчицъ оправить; но положили взять жену онаго составщика тещу родную челобитчицъ по правости съ присягою спросить. Зять онаго плута и наслѣдникъ вѣдая, что теща жива присягать не станетъ, опасаясь платежа владѣнія тещу отъ допроса удержалъ, а самъ дѣло оное правильно государю донесъ, что то сплутано, но приказнымъ порядкомъ никакъ обвинить нельзя, а отдать деревню опасно, чтобъ владѣнія не взыскали. Государь призывалъ судью Короваева, спросилъ о томъ дѣлѣ, и оной донесъ, мы хотя знали, что былъ ябедникъ, да по дѣлу обвинить не лзя. Государь приказалъ ему оныхъ помирить такъ, что дочерямъ деревню отдать, а имъ ни о чемъ болѣе не бить челомъ, отвѣтнику сказалъ: тебѣ за твою правду я награжду, велѣлъ ему снести отписную деревню такову же и такъ оное съ удовольствіемъ обонхъ рѣшилъ¹⁰⁷). Необходимость допускать перемѣненіе дѣла Татищевъ объясняетъ также примѣромъ: «сіе весьма правильно, есть ли стряпчей судъ испортить, дать снова или съ головы; но на сіе у насъ закона нѣтъ, и дивлю, что при сочиненіи уложенія сіи указы не всѣ включены и разъяснены; однакожъ въ недоговорѣ въ судѣ бываетъ часто безъ хитрости, да не токмо отъ неискусныхъ, иногда и достаточно въ суждѣхъ знающаго проронка и весьма велика бываетъ. Мнѣ случилось давно быть при судѣ, гдѣ одинъ знатнаго дворянина повѣренной въ судѣ отвѣчалъ противъ злобѣтя одного знатнаго ябедника изъ дворянъ же по выданной кабалѣ отъ посадскаго въ 500 рубляхъ, оной какъ деньги займованной минуло въ 1704 25 или 26 лѣтъ, и потому она была просроченная. Заимщикъ и заимодавецъ умерли давно; заимщикъ умеръ на воеводство лѣтъ за 20

до челобитья, а заимодавецъ года за 4. Заимщикова нас-
лѣдникъ зять его ничего о томъ не вѣдалъ, а слыша отъ
людей, что деньги займованы, и съ воеводства приславъ
заплачены; но кѣмъ плачены ничего не зналъ. На кабалѣ
оной подписаны двѣ уплаты: первая въ четырнадцать лѣтъ
отъ займа, другая семь или осмь лѣтъ послѣ одной, а по
обоямъ уплаты 50 рублей. Повѣренной отвѣтчиковъ, хотя
много спорилъ о подпискахъ уплаты, да доказать ничего не
могъ. Судья видя, что стряпчей нужнаго не спрашиваетъ,
а судъ уже къ концу приводить, разговоромъ спросилъ
истца: кто тѣ деньги платилъ? истецъ забывъ, или не зная,
что онъ давно умеръ, сказалъ: самъ заимщикъ; за которое
отвѣтчикъ взявся пространнѣе его спрашивалъ и обличилъ,
что заимщикъ прежде первой уплаты лѣтъ за 5 умеръ; и
такъ опаго великаго ябедника обвинили, а есть ли бы судья
не напомнилъ, тобъ отвѣтчикъ былъ виненъ» ¹⁸⁸). Подобный
же случай приводитъ Татищевъ въ слѣдующемъ за симъ
примѣчаніи: «я къ сему мудрой, хотя властолюбимъ не-
сточно побѣжденной, царевны Софіи примѣръ вспомяну: Въ
походѣ ея для моленія въ Дѣвичъ монастырь увидѣла она
человѣка плачущаго и челобитную въ рукѣ держащаго, тот-
часъ останова карету, призвала его, и спросила о его просьбѣ.
Онъ сказалъ, что бѣдной дворянинъ, раззоренъ отъ другаго,
и билъ челомъ судѣ Беклемишеву, да оной не токио чело-
битной не принялъ, но его съ ругательствомъ велѣлъ изъ
приказа выбить. Царевна жестоко осердясь на судью, а
сожалѣя о неправосудіи къ бѣднымъ, тотчасъ послала, тобъ
судья былъ въ монастырь, а челобитчикъ шелъ у кареты.
Судья какъ скоро пріѣхалъ, царевна по ея извѣчаю зачала
говорить ему о должности судьи, о правосудіи ко всѣмъ и о
защитѣ бѣднымъ. Какъ она отъ природы многогѣчива и ос-
троумна была, судья съ великимъ страхомъ слушая, какъ

услышала конецъ, донесъ ей, что оной Полозовъ великой ябедникъ, у него въ приказѣ до него и при немъ было болѣ десяти судовъ, и онъ никогда въ службѣ не бывалъ, во всѣхъ приказахъ многія собственныя и наемныя дѣла имѣеть, и когда его обвинять, то переносить въ иной приказъ, чтобъ конца не найти. Царевна спросила челобитчика: для чего онъ не въ походѣ, и имѣеть ли помѣстья? Онъ сказалъ: помѣстье малое имѣеть въ Костромѣ, а въ службѣ не бывалъ за своими раззореніями и крайнимъ убожествомъ. Царевна сказала: когда ты Богу и намъ не вѣренъ, и за данное тебѣ помѣстье служить не хочешь, то ты и ни въ чемъ ни грѣха, ни стыда не знаешь; есть ли бы не было мое время покаянія, тобъ я сей часъ велѣла тебя на площади наказать; и того жъ часа приказала думному дяку Василию Семенову, справясь со всѣми приказами, гдѣ его сколько дѣлъ есть, и о чемъ себѣ донести. И какъ наавтра Семеновъ роспись къ царевнѣ принесъ, то она видя, что болѣе 30 его судовъ, велѣла ему запретить въ суды ходить, а его въ Стрѣлцкой полкъ въ сотники написать, и если онъ будетъ кому челобитныя или суды составлять, то его облича, безъ доклада бить плетьми. Сямъ тогда указомъ много ябедниковъ усмирено, и славные два изъ холопей въ ссылку сосланы¹⁰⁰). Мы видѣли, какъ рѣзко отзывался Татищевъ въ примѣчаніяхъ къ исторіи по поводу извѣстій, это же самое встрѣчаемъ и въ примѣчаніяхъ къ Судебнику. Такъ по поводу статьи о крестномъ цѣлованіи, онъ говоритъ: «сей законъ сочиненъ нѣкою невѣждою, неразумѣющимъ закона Божія ни письменнаго, ни естественнаго; во-первыхъ рота съ какими бы чинами она чинена ни была, есть ни что иное, какъ словами обѣщаніе; обѣщаніе же есть ли чинится противъ воли обѣщающагося съ принужденіемъ, есть неправедное, и коисполненію обѣщаннаго по правиламъ закона

естественнаго не должно; по апостолу же Павлу ко евреямъ глава 2, стихъ 2, преступленіе праведное достойно мздовозданія; потому всякой невольникъ и по принужденію роту учинившей содержать не долженъ. Здѣсь же принимается: 1) чины при учиненіи роты всякой народъ свои вымыслилъ, хотя притомъ у всѣхъ главное призываніе имени Божія, впрочемъ у всѣхъ разное; цѣлованіе же креста то же у насъ, и сіе не есть отъ Бога и апостолъ узаконенное, но человѣки установленное; 2) Епитимія хотя нѣволико во власти духовенства, но должна быть согласна закону Божію, помня слова Христа Спасителя, *по что возлажете бремена тяжка*. Лука гл. II. ст. 46. Мате. гл. 23, ст. 4, и что о томъ святой Златоустъ изъяснилъ; 3) различіе дней апост. Павелъ Римл. гл. 14, ст. 5 и 6, первое къ Тимое. гл. 4, ст. 1—3, субботу же и недѣлю постить соборъ вселенній третій жестоко запретилъ; 4) даровъ или евхаристіи святыхъ отлучить противъ точныхъ словъ христовыхъ; 5) якобы преступленіе неправеднаго обѣщанія смертныи грѣхъ весьма, не право; ибо Господь сказалъ, *что едина хула на Святаго Духа не отпустится* Мате. гл. 12, ст. 31, а по толкователямъ же письма святаго, то есть злорѣчіе и отмѣтаніе св. Троицы; слѣдственно весь сей законъ негодный и не государевъ, но какого попа или монаха сложеніе, для чего въ немъ и ни времени, ни имени государя не упомянуто^{***}). Подробное объясненіе соборнаго уложенія о церковныхъ вотчинахъ все пронукнуто враждебнымъ къ духовенству взглядомъ. Вотъ наиболѣе рѣзкія мѣста его: «сей соборъ не для сего единого былъ собранъ, но паче государь по нещастію или по его пристрастнымъ поступкамъ въ супружествахъ, что онъ уже сверхъ устава церковнаго пятую не довольствуясь, отлуча и постригши пятую, намѣрился шестую поять; и хотя мы о числѣ брака никакого закона

Божія не имѣемъ, ни святіи апостоли не запрещали но отъ царей греческихъ, по недостаточному политическому разсужденію, болѣе дву, а потомъ болѣе отъ обычая не больше трехъ допущено; что простой народъ крѣпко яко законъ Божій содержитъ, и преступающихъ поносятъ, какъ и государю сему случилось; для того онъ сей соборъ имѣлъ, и по разсужденію онаго поялъ онъ шестую Нагихъ, а противно тому государь взятая у духовенства по судебному уложенію 7065 имъ уступилъ, и еже большія вольности къ пріобрѣтенію отчинъ допустилъ, они же съ начала сея грамоты польстили яко бы желаютъ доходы на войско умножить, но наконецъ все то опровергнули, и показали, что болѣе для себя, а не для войска трудились. Споспѣшествованіемъ Святаго Духа: есть продерзкое духовныхъ употребленіе къ утверженію ихъ законовъ, не разсудя, что онъ какъ бы мудрый и набоженъ ни былъ, легко погрѣшить неправое за правое, вредное за полезное положить можетъ, и послѣ того исправить, прѣмѣнить или изъяснить нужно, какъ и здѣсь того довольно, слѣдственно употребленіе имени Божія все и въ правильномъ разсужденіи есть хула на Духа Святаго, и грѣхъ смертельный. Насемъ соборъ, хотя много духовныхъ значнѣйшихъ было собрано, въ началѣ митрополитъ 1, архіепископовъ 3, епископовъ 6, архимандритовъ 17, игуменовъ 14, монаховъ 8, всего 49, кромѣ протопоповъ и діаконъ, которыхъ неупомянуто, а во всѣхъ видно ни единого не токмо философскихъ наукъ, но и грамматики ученаго не было, и для того все сіе узаконеніе ни порядка, ни склада благоразсуднаго не имѣетъ, по которому какая надежда отъ такихъ пастырей просвѣщенія народу уповать было должно, хотя между ими мужи благоразумные и житія похвальнаго были. Прилично ли сіе невѣжества и вранье содѣйствіемъ Святаго Духа, но паче глупцу неразумяющему, государей

воюющихся ворами назвать. Возложено Богови, тагъ ие рые любонитїемъ побѣжденные духовные суевѣрному и вѣдущему закона Божїа народу толкуютъ, якобы что по или въ монастырь дать равно какъ Богу дать, въ которомъ разница великая: вопервыхъ разсуди, какъ святой Давидъ говорить къ Богу: *Твоя суть небеса и твоя есть земля* еже все Божїе есть; и мы ничего ему дать или подарить не можемъ, и еще яснае: *Ты еси Богъ мой зане благихъ моихъ не требуеши*; напримѣръ: есть ли бы кто взялъ ии вещь передо мною, хотѣлъ меня оною подарить, и приласкал или умилостивить, тобъ конечно за безумнаго почелся; Богъ же мы должны приносить собственное свое, т. е. по Давиду *Духъ сокрушена, сердце сокрушено*, по св. Павлу: *Жертва хваления и благодарения*; таковыми бо приношенїи благе угобжается Богъ, а не деревнями, и хотя нищимъ милостыня, алчнымъ пропитанїе по словамъ Христа Спасителя самому Богу почитается, да не пьянство, роскоши и другїе непотребства, какъ здѣсь самъ сочинитель изъяснилъ, и которое не иначе какъ даръ діаволу и въ его угобженїе, ч. Петръ Великій, яко премудрый государь въ указѣ о немъ 1724 дек. 31 и греческій императоръ Еммануилъ I точно изъяснили. Умѣренность потребности и желанїя члвѣка опредѣлить весьма неудобно; ибо чимъ кто много илучаетъ, тѣмъ еще болѣе желаетъ, на примѣръ: архїепископы у насъ нѣкоторые изъ подлости и убожества имѣю каждагоднаго дохода до 30000 рубл., однакожь тѣмъ невольны, ищутъ еще болѣе; противно тому фелдмаршалъ ес главный чинъ въ государствѣ, ходитъ съ войскомъ, терпитъ безпокойство и труды, имѣетъ великій обозъ и множестіе служителей, а 30000 дохода не имѣя, доволенъ ²⁰¹). Наипоцъ въ примѣчанїи къ послѣдней статьѣ о бѣглыхъ, Татищевъ дѣлаетъ сравненїе между царствованїями Василїа I

иловича Шуйскаго, Алексѣя Михайловича: «между ними никакого сравненія нѣтъ, говоритъ онъ, ибо во всей царя Василія жизни и во всѣхъ его дѣлахъ ничего почти не нахожу, чтобъ было хвалы и памяти достойно; такъ въ житіи царя Алексѣя Михайловича дѣлъ хвалы и памяти достойныхъ множество. Онъ умомъ, состояніемъ твердымъ, храбростію, правосудіемъ, милостію, прилежностію въ экономіи и умноженіи пользы государственныхъ далеко не токмо онаго царя Василія, но многихъ предковъ своихъ превосходилъ. Но когда я сей законъ Шуйскаго хочу съ уложеніемъ печатнымъ сравнить, то уже противное нахожу и не могу вѣрить, чтобъ царь Василій столько въ семь многотрудномъ дѣлѣ смысла имѣлъ, да изъ министровъ при немъ не знаю, развѣ Мстиславскій, Воротынскій и Михайло Салтыковъ, которыхъ историки, а наипаче князя Михайла Скопина не токмо наши, но и чужестранные высокаго ума ради просламяють, и можетъ ихъ разумомъ сіе сочинено. Противно тому при сочиненіи уложенія печатнаго сей предъ собою имѣя, да неразумно нужное и полезное оставили, а другое превратили, чего государь самъ разсмотрѣть внятно за другіи дѣлами времени не имѣлъ, а Петръ Великій о семь законѣ не вѣдалъ, и нынѣ ежели пожелаютъ о бѣглыхъ обстоятельной законъ сочинить, то сей всѣхъ доднесъ изданныхъ въ разсужденіи не отстаеетъ» ²⁰²). Изъ всѣхъ приведенныхъ цѣсь подробностей, нетрудно видѣть характеръ примѣчаній Татищева: они состоятъ отчасти изъ примѣровъ, подтверждающихъ объясняемые законы, отчасти служатъ къ объясненію ихъ языка, отчасти къ указанію несообразности той или другой статьи. Лишь однажды Татищевъ проговорился о своемъ взглядѣ на законодательство вообще: «правда, говоритъ онъ, что много законовъ, много смятеній, если не все равны на одномъ основаніи права естественнаго положены,

и хотя законъ естественный не учитъ болѣе, какъ знати что зло и добро, и что человѣкъ долженъ исполнять или оставлять, а гражданскіе точно повелѣваютъ и запрещаютъ предписывая за преступленіе наказаніе; но правильные порядочные законы гражданскіе почти всѣ могутъ изъ законъ естественнаго изъясниться, если только судья оное разумѣеть»²⁰²). Самъ судья и администраторъ, собиратель странныхъ законовъ, Татищевъ не прочь былъ иногда подать совѣтъ, проектъ, мнѣніе или разсужденіе о какомъ нибудь изъ вопросовъ современной ему практической жизни. Это лежало въ духѣ и стремленіяхъ эпохи. Съ легкой руки Петра проекты писались всѣми, кто сколько нибудь интересовался политическими и общественными дѣлами. Рѣдкій изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не согрѣшилъ этою слабостію рѣдкій изъ людей, воспитанныхъ реформою Петра, не и пробовавъ себя на этомъ поприщѣ. Татищевъ, какъ человѣкъ наблюдательный, трудолюбивый и опытный, имѣлъ не меньше поводовъ къ тому.

Онъ всегда дорожилъ научными свѣдѣніями по столько, поскольку они могли принести пользы для рѣшенія жизненныхъ вопросовъ времени. Побужденіемъ къ географическимъ занятіямъ были чисто практическія цѣли; отъ географіи не труденъ уже былъ переходъ къ исторіи; отъ послѣдней къ стариннымъ памятникамъ русскаго законодательства отъ нихъ опять къ современной практикѣ. Горнозаводскіе уставы и потомъ различные проекты во время астраханскаго губернаторства не были единственными трудами Татищева въ этомъ смыслѣ. Въ своихъ «изъясненіяхъ на посланныя начала историческія», Татищевъ разбираетъ правильность дѣленія Россіи на губерніи и провинціи и доказываетъ географическія и этнографическія несообразности его. Тамъ самое доводятся въ «напомненіи на присланное россійскіе

ние высшихъ и низшихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ», писанномъ кажется въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда Татищевъ находился подъ судомъ. Оно прямо начинается указаніемъ на важность науки въ дѣлѣ жизни: «какъ я оное (то есть росписание) прилично разсматривалъ, то я не могъ не дивиться тому, что оное хотя большею частію мудрости политической и наукъ юриспруденціи принадлежитъ; токмо всѣ оныхъ правила нахожу несправданы, а чрезъ то необходимо нужно было приключиться къ недостаткамъ и погрѣшностямъ». И за тѣмъ Татищевъ излагаетъ содержаніе политической мудрости: «политическая мудрость, во-первыхъ, представляетъ о началѣ и пользѣ общества человѣческихъ, яко 1) супружеское — отъ соитія мужа и жены; 2) родительское — порожденія дѣтей; 3) господственное или домовное во употребленіи слугъ, изъ котораго совокупленіемъ нѣсколькихъ домовъ учинилося гражданское, а изъ нѣсколькихъ гражданскихъ — области или государства. Второе. О начальствѣ и подданствѣ, ихъ преимуществахъ и должностяхъ, яко въ домашнихъ: мужеская, отеческая, господская; въ гражданствѣ общаго или демократія, избранныхъ или аристократія, единовластная или монархія почитаются за правильныя; то же состояніе народа, величество области и положеніе земель вслѣдствіе разныхъ состояній правительства произведены. Третье. О порядкахъ и законахъ къ приобрѣтенію пользы и отращенію зла во всѣхъ обстоятельствахъ». Далѣе слѣдуетъ небольшой трактатъ о значеніи религіи въ жизни государственной, воспитаніи, правосудіи, народной экономіи и общественномъ управленіи. О религіи Татищевъ выражается такъ: «о вѣрѣ, яко всѣмъ извѣстномъ, толковать пространно нѣтъ нужды; ибо всякая область пріятное содержать

и хранить, и она почитается за главную. А для пользы государствъ благоразсуднѣйшаго правительства терпятъ и законы. У насъ главная христіанская восточнаго исповѣданія. Притомъ папешское, лютерское, калвинское и армянское терпятся; также магометанство и идолопоклонники раныя всѣ имѣють свободу по ихъ вѣрѣ Богу служить и чины молитвенныя въ показанныхъ имъ мѣстахъ устроены токмо единъ законъ еврейскій у насъ 1124 года, сеймъ князей, извержень и жестоко запрещень. Какъ оныхъ и правовѣрїю христіанскому принуждать за не полезно и вредно признано, такъ всѣмъ иновѣрцамъ народно учить отъ православія отвращать жестоко запрещено; равно божное и аеистовъ ученіе и разсужденія никакая власть правительства, яко весьма вреднаго, терпѣть не можетъ. О воспитаніи онъ говоритъ слѣдующее: «наученіе отъ младенчества разуму есть главная государству польза. Весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, поощрять чрезъ обученіе разуму и премудрости, а съ оными всѣмъ себѣ и отечеству или всему сообществу пользы приобрѣтати, а вреды отвращати, и во всемъ правильно разсуждать способность возымѣеть: для того всѣ европейскія области, какъ монархіи, такъ и республики, ревностно прилежать и всѣмъ кихъ на то иждивеній полагать не жалѣють. Въ Россіи не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ расла, тогда симъ для приобрѣтенія большихъ доходовъ, власти полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣній, суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ, въ церквахъ пресѣкли и оставили; потомъ, хотя нѣкоторые государи о томъ прележаніе изъявили, наипаче многіе

царь Иванъ Васильевичъ, но весьма мало успѣли, даже въч-
 дни славы достойныя памяти его императорское величество
 Петръ Великій, яко государь премудрый, оное возобновилъ,
 и начало математическихъ наукъ и языковъ европейскихъ
 училища основалъ; всюду по епархіямъ училища устроилъ,
 и на оное туе гиблемыя великіе доходы монастырей упот-
 ребить повелѣлъ; чѣмъ не токмо своихъ предковъ, но мно-
 гихъ иностранныхъ государей превзошелъ: свое любомудріе
 и любовь къ отечеству всемірно изъявилъ. Съ какою горе-
 стію сердца то вспоманемъ и съ коликою досадою видѣть
 принуждены были, что по кончинѣ его величества, злостными
 и отечеству невѣрными, или невѣжествомъ тѣхъ, на кого
 то положено было, такъ все упущено, что едва слѣды того
 остались; ея императорское величество хотя ревностію оте-
 ческою возбуждаема, великими щедротами основанныя ака-
 деміи, училища снабдѣвать изволить, чрезъ что въ совер-
 шенное цвѣтущее состояніе придти могли, и можетъ при-
 дется». Слова Татищева о значеніи суда въ государствен-
 ной жизни, напоминая отчасти слова Посошкова, касаются
 даже и внѣшней стороны судопроизводства: «судъ, гово-
 ритъ онъ, не меньше всѣхъ прочихъ обстоятельствъ почи-
 тается, и суще, какъ по закону Божию, такъ по правиламъ
 мудрости, есть главныя должность и преимущество высо-
 кихъ властей; войска хотя опасность внѣшнюю отвраща-
 ютъ, обиды нападшихъ непріятелей отмщаютъ, нѣкогда честь,
 славу и богатства умножаютъ, но во-первыхъ судейство
 внутреннюю сохраняютъ и страхомъ наказанія всѣхъ
 въ тишинѣ и любви содержать, а вражды и междоусобія
 пресекаютъ, безъ котораго если вражды умножатся, меж-
 доусобіе родится, и весь народъ легко въ смятеніе придти
 можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ край-
 ню всего общества разоренію воспрепятствовать не мо-

гутъ. Сіе самъ Спаситель Христосъ утвердилъ примѣромъ: *Аще царство на ся раздѣлится, стояти не можетъ*. Великія и преславныя церкви учитель Златоустъ, толкуя сія слова въ поученіи IV-мъ на Іудей, примѣромъ изъяснилъ: *Аще во градѣ, непріятелемъ осажденномъ, возстанутъ ропотъ и распри, то воевода, оставя вѣншиаго непріятеля, прежде прилежитъ внутрь успокоить и усмирить, и потомъ старается вѣншиему противиться и побѣдить*. Въ большее доказательство не хочу я приводить великое несчастіе и разореніе отъ несогласій, бывшихъ въ время Шуйскаго въ отечествѣ нашемъ. О должности государей въ сужденіи св. пророкъ и яко искусный царь Давидъ сказуетъ: *Честъ царева судъ любитъ*. И паки проситъ Господа: *Боже, судъ Твой царице даждь и правду твоему сыну царице*. Соломонъ не просилъ богатства, ни побѣды на враги, но мудрости въ судѣ, тако: *Даждь ми мудрости разсудити люди твоя по правости*. И Богъ, видя его въ кренную любовь къ подданнымъ, даровалъ ему неисчерпаемое богатство, преславныя побѣды на враги и славу въ вѣчную съ мудростію правосудія. Сіе же утверждаютъ всѣ титулы древнихъ государей, яко *Царь, гетъ, βασιλεύς*, проч. Всѣ на тѣхъ языкахъ не иное значать, какъ судья или оборонитель. А понеже никакая власть гражданская не имѣетъ удобности всѣ распри судить, а наипаче въ иностранныхъ областяхъ не можетъ всюду она распространиться, развѣ посредствомъ, т. е. черезъ опредѣляемыхъ судей, слѣдственно нужно во всѣхъ предѣлахъ имѣть достойныхъ того чина людей. Достоинство же оное состоитъ не въ чести породной, или заслугами приобрѣтенномъ чинѣ, но въ природномъ умѣ, благонавіи и чрезъ науку приобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонавіе оныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обид

и терпѣли. И хотя у насъ въ наученіи, какъ выше сказа-
но, великъ недостатокъ, то хотя бы смотря на природный
умъ и благоправіе въ судьи выбирали. Кто не можетъ ужа-
саться или съ горестію удивляться, когда видитъ, изъ вой-
ны за пьянство, воровство, или иное непотребство и за лѣ-
сть изгнаннаго, судіею немалого предѣла? Кто долженъ
въ такихъ непотребствахъ отвѣтъ предъ Богомъ дать, кро-
мѣ опредѣляющихъ неосмотрительно? Недовольно еще того,
но если человѣкъ достойный опредѣлится, но нужно имѣть
умъ во всей области единъ, хотя законы суть разные,
и имѣть единъ только гражданскій произвольный; сей со-
стоитъ въ трехъ частяхъ: 1) порядокъ суда, 2) правосудіе,
3) окончаніе или рѣшеніе. Мы имѣемъ за основаніе уложе-
ніе печатное, въ которомъ порядокъ смѣшанъ съ правосу-
діемъ, и кромѣ многихъ противорѣчій, неясностей и другихъ
неясностей, не только излишняго по тогдашнему состоянію, а
еще недостатка находится. Е. и. в. Петръ Великій сочи-
нулъ форму или порядокъ суда довольно изрядну, которая
еще поправливана и дополнявана. Но какъ его величеству
другую онаго часть, т. е. о порядкѣ вотчинной коллегіи,
онъ не допустило, такъ и по немъ, — хотя сіе между нуж-
ными дѣлами почитать должно — никто уже не помы-
слилъ, и оставлено въ самомъ безпорядкѣ, и великій чрезъ
то государству вредъ приключается, что толковать остав-
ленъ; но при толкованіи древнихъ нашихъ законовъ доста-
точно показалъ. Законы какъ въ томъ уложеніи людьми, ни
какого просвѣщенія ума науками не имѣющими, сочинены,
и въ послѣдовавшихъ различными, ово въ дополненія, ово
въ исправленіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе
шли, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело. Что
Е. и. в. съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣлъ всѣ тѣ
важнѣйшіе указы собрать и вновь порядочное уложе-

ніе сочинить и самъ по-часту о томъ сенату изволилъ напоминать. Но какъ оное гѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было неприяте, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за распложеніемъ надъ потребностью, ово за спорами время туне проводжали; и какъ ни одинаго не токмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону Божію, избѣгать не могли, для которыхъ оное близъ тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а конечно и болѣе двухъ, сочинить можно». Короче говорить оныи экономіи: «о мудрости экономіи, яко части политической, писать было бы пространно; но кратко заключу, она состоитъ въ приобрѣтеніи и храненіи всѣхъ польсъ государственныхъ, яко: 1) во умноженіи народа; 2) въ довольствіи всѣхъ подданныхъ; 3) побужденіе и способы къ трудолюбію, ремесламъ, промысламъ, торгамъ и земскимъ работамъ; 4) во умноженіи всякихъ плодовъ отъ животныхъ и растений; 5) въ наученіи страху Божію и благонравію; 6) въ укрѣпленномъ употребленіи имѣнія, и проч. Черезъ сіи способы всякъ собственно и все государство обогащается, усиливается и славу приобрѣтаетъ». По поводу областного управления, Татищевъ повторяетъ нѣкоторые изъ своихъ мыслей высказанныя въ примѣчаніяхъ къ Судебнику: «о управителяхъ выше я упомянулъ, что высочайшей власти или правительству, пространства ради областей, неудобно всюду все надзирать, опредѣлять и учреждать, но нужно по предѣламъ имѣть повѣренныхъ управителей, и такъ, что всегда меньшіе большему, а главное только высшему правительству подчинено было. Мы имѣемъ въ земскомъ простран-

разныхъ званій: 1) генералъ-губернаторы, 2) губерны, 3) вице-губернаторы, 4) провинціальныя воеводы, иписные воеводы, 6) въ пригородахъ комиссары или ; въ крѣпостяхъ губернаторы, оберъ-коменданты и данты, а индѣ вице-коменданты. Сіи хотя подѣ вла- зоенной коллегіи состоятъ, но въ нѣкоторыхъ имѣютъ а расправу земскую. Сіе не довольно, что чины звані- азиствуютъ, по нужно разнствовать въ преимуществѣ кности: въ преимуществѣ первое—честь: чтобы она я му по достоинству его чина дана была, которое намъ ь Божій и правила благонравія опредѣляютъ, старѣй- почитать и младшій отъ старшаго благословляется.— арость, по Соломону, не въ числѣ дѣтъ счисляется. і кто на чести оскорбленъ бываетъ, то конечно или рности, или въ прилежности ослабѣваетъ; а изъ того а великій вредъ происходитъ. У насъ сей порядокъ ожно наблюдають, напр. въ нѣкоторыхъ конторахъ делярїяхъ главный полковникъ или бригадиры указы ають генералу или губернатору, правящему цѣлое зо; да еще съ неучтивыми угрозами и досадительными еніи.—Нужно по чину повѣренность и власть; а ежели ьметса, то не иначе какъ вѣрность и ревность ко изоб- ію пользы и доходовъ оставляется. А сіе оттого, что ь преимуществъ и должностей всѣхъ, такъ какъ воин- , не описано; а хотя изданы губернаторскій и воевод- аказы, и паки въ уставѣ военномъ о преимущствѣ кностяхъ губернатора и коменданта описано,—только) многомъ не ясно и не достаточно. Сія разность чи- временная, но другая есть пребывающая и наследъ- ная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а нигдѣ ртое счисляютъ — духовенство. У насъ въ уложеніи яко шляхетство отъ прочихъ отиѣнено, токмо безъ

основанія, не достаточно и не ясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочеть, честь шляхетскую похищаетъ. О пресѣченіи сего великаго безпорядка и оскорбленія, — тѣмъ преимуществу государя — видится забыто. Хотя я выше показалъ, что высшимъ правителямъ нужно честь и преимущество съ повѣренностію и властію, которое необходимо нужно; однакожь по правиламъ мудрости должно въ томъ высшему правительству хранить умѣренность и осторожность, помня примѣры многихъ и своего государства, что нѣкоторые въ отдаленіи получа надменную власть, великій вредъ или совершенное паденіе государствъ причинили, что у насъ безъ всякаго оскорбленія учинить и въ безопасности всегда быть удобно» ²⁰⁴).

Не привожу объясненій Татищева о пользѣ географіи: они представляютъ лишь краткій перечень того, что уже сказано было имъ въ «Предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи Россійской». Но болѣе осторожный, наученный своими недавними неудачами, Татищевъ на этотъ разъ не безъ опасенія дѣлаетъ свои представленія и даже многое изъ задуманнаго имъ оставляетъ въ сторонѣ: «опасаясь, чтобы кто по ненависти доброе намѣреніе его во зло или продерзость истолковать не имѣлъ причины». За то въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ пишетъ огромный трактатъ по поводу объявленной тогда, второй по счету, поголовной ревизіи, который состоялъ изъ 132 статей. Три большіе отрывка изъ него, за исключеніемъ 86—116 статей, помѣщены мною въ приложеніяхъ.

Со времянь первой ревизіи, бывшей при Петрѣ, прошло уже около 25 лѣтъ, когда объявлена была вторая. Не говоря уже о томъ, что результаты прежней далеко не были достовѣрными, несмотря на всѣ жестокія мѣры, которыми сопровождалось ея исполненіе, въ эти промежуточные 25

лѣтъ сильно измѣнилось населеніе Россіи: присоединеніе нѣкоторыхъ провинцій, частыя переселенія въ Сибирь, бѣгство раскольниковъ за польскій рубежъ, значительная убыль въ людяхъ вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ, фискальное управление временъ Бирона, — все это должно было отразиться на характерѣ и составѣ русскаго народонаселенія. Учрежденная еще при Екаторинѣ коммиссія для разсмотрѣнія того, какинъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною собирать деньги на содержаніе полковъ, — съ дворовъ ли, съ тяголъ или съ земли, или съ душъ, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ? пришла въ 1736 году къ открытію, что въ продолженіе 17 лѣтъ изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью по первой ревизіи умерло, взято въ армію и элотъ, сослано на каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями до 2,100,469 душъ мужскаго пола; а между тѣмъ подушныя продолжали собирать съ наличнаго числа въ томъ же самомъ количествѣ, какъ-будто народонаселеніе не потеряло ни одного человѣка за все это время. Такое положеніе плательщиковъ, вмѣстѣ съ другими причинами, произвело то, что они пришли въ крайнее изнеможеніе и упадокъ. 17 сентября 1742 года назначено было произвести повсемѣстную народную перепись. Ревизоры получили обширную инструкцію, которою опредѣленъ былъ кругъ ихъ дѣятельности. Особенное вниманіе велѣно было обращать на прописныхъ въ первой ревизіи, на бѣглыхъ и переселенцевъ. Болѣе трехъ лѣтъ тянулася перепись. Въ это время написалъ Татищевъ свое разсужденіе. Управляя сибирскими горными заводами и астраханскою губернію, онъ не однажды имѣлъ случай вникать въ это дѣло: особенно часто встрѣчались ему яски повсюду бѣглыхъ. Онъ начинаетъ свой разсказъ опредѣленіемъ цѣли ревизіи и

окладныхъ даней. Умноженіе подданныхъ, а стало быть доходовъ, учрежденіе правильной экономіи въ государствѣ — умноженіе рукодѣлій и мануфактуръ, приведеніе въ доброе состояніе внѣшней и внутренней торговли, открытіе почтовыхъ почтъ, заботы объ уменьшеніи тунеядцовъ въ странѣ, правильное содержаніе войскъ въ мирное время, правосудіе, колонизація пустыхъ мѣстъ, учрежденіе торговаго и государственнаго банка, — вотъ что считалъ Ташевъ существенною обязанностію всякаго мудраго и экономнаго правительства. Потомъ онъ кратко излагаетъ исторію податей въ Россіи, разбираетъ, что такое окладъ земской, подушный, поголовный, говоритъ о размежеваніи земель съ Іоанна III до Елизаветы Петровны; упоминаетъ о системѣ податей въ древнемъ Римѣ и современной ему Швеціи; наконецъ переходитъ къ разбору инструкціи. Прежде всего онъ возстаетъ противъ опредѣленія офицеровъ къ производству ревизіи, потому что отъ того страдаютъ поляки. Онъ узналъ также, что большая часть офицеровъ по припискамъ опредѣлялись къ ревизіи въ тѣ уѣзды, гдѣ были ихъ деревни, и притѣсняютъ сосѣдей; выбрали въ секретари къ себѣ своихъ доброхотовъ, чтобъ дать имъ средства обогатиться, а иные тѣхъ, на кого имѣли злобу, чтобъ отомстить имъ, отъ чего возникли ссоры съ губернаторами и воеводами, а въ дѣлѣ остановка. Запрещеніе крестьянамъ отправляться на работы во время ревизіи произвело остановку въ дѣлахъ. Безграмотность крестьянъ была причиною того, что, по неизмѣннѣ образцовой, данной отъ правительства, сказки, подаются иногда самыя безобразныя; при неопредѣленности подробностей поимянныхъ сказокъ, происходятъ многія недоразумѣнія. Бѣглецы, пореселенные изъ одной губерніи въ другую, или изъ уѣзда въ уѣздъ, были главною причиною ошибокъ, столкновеній и злоупо-

требленій. Не говоря уже о томъ, что затруднителенъ былъ самый процессъ ихъ отыскиванія, вопросъ о штрафѣ за нихъ, о платѣ за пожилое, о подушныхъ съ нихъ былъ неизякаемымъ источникомъ нескончаемыхъ ссоръ и разбирательствъ между прежними и новыми владѣльцами ихъ, между составителями ревизіи и областными правителями. Татищевъ въ своемъ трактатѣ пробуетъ рѣшить всѣ эти вопросы: онъ беретъ въ основаніе для своихъ разсужденій указъ Василія Шуйскаго, Уложеніе, писцовые и сыщиковы наказы, постановленія Петра. Съ такими пособіями въ рукахъ онъ проходитъ всю инструкцію пунктъ за пунктомъ, припоминая здѣсь и тѣ случаи, съ которыми онъ встрѣчался во время своей жизни на Уралѣ и въ Астрахани. Указавъ такимъ образомъ на неудовлетворительные, по его мнѣнію, пункты ревизіи, Татищевъ предлагаетъ въ свою очередь новую инструкцію: составители ревизіи, по его мнѣнію, должны быть выбраны изъ мѣстныхъ дворянъ съ жалованьемъ; число данныхъ имъ въ помощники подъячихъ должно быть ограничено; отлучки крестьянъ во время ревизіи надо допустить; необходимо написать образцовыя сказки, опредѣлить хорошенько всѣ подробности ихъ; подобныя же замѣчанія предлагаетъ онъ относительно сданныхъ въ рекруты, бѣглыхъ, вывезенныхъ, переведенныхъ, прописанныхъ въ прежней ревизіи крестьянъ, относительно людей вольныхъ, излишнихъ церковниковъ, дворовыхъ людей, незаконнорожденныхъ, непомнящихъ родства, иноземцевъ. Шестъ параграфовъ посвящены вопросу о солдатствѣ. Далѣе идутъ предложенія о сокращеніи ревизіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ и указанія на нѣкоторые вопросы о бѣглыхъ, пропущенные въ инструкціи. Замѣчаніемъ на двадцатый пунктъ инструкціи прерывается извѣстный мнѣ списокъ разсужденія; тридцати параграфовъ недостаетъ въ немъ. Остальные пятнадцать пункт-

товъ составляютъ особенное разсужденіе о бѣглыхъ мужчинахъ и женщинахъ, о пожилыхъ за побѣгъ и о судѣ въ бѣглыхъ по разности обстоятельствъ. Правила, составленныя на этотъ случай Татищевымъ, отличаются большою подробностію, толковитостію и основаны на существовавшихъ въ его время узаконеніяхъ. Но предлагая ихъ, осторожный Татищевъ, какъ и прежде, замѣчаетъ: «всѣ сіи законы, какъ бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненіе судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію довольно видимъ, что сильнымъ и немощнымъ, ябедникамъ и простодушнымъ иные порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятя; но сіе болѣе отъ множества разногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю». это были слова, которыя особенно часто повторялъ Татищевъ въ послѣдніе годы своей жизни, варьируя ими тему, которую далъ Петръ Великій, сказавшій: «туне законы писать, когда ихъ не хранить» ²⁰²).

Что не дошло до насъ изъ сочиненій Татищева?— Вотъ вопросъ, на который не совсѣмъ легко отвѣчать. Пошимо тѣхъ рукописей, которыя, по словамъ самого Татищева, отданы были имъ въ бібліотеку академіи наукъ, и часть изъ которыхъ сообщается мною въ приложеніяхъ, есть указанія на слѣдующіе труды Татищева, остающіеся до сихъ поръ неизвѣстными: 1) географическія карты для древнѣйшей, древней и временъ татарскихъ Россіи; 2) изъясненіе, пополненіе и алфавитный реестръ къ книгѣ большаго чертежа, — по всей вѣроятности, далеко не безполезное для древней географіи Россіи, вопросъ о которой поднялъ Петръ, вмѣстѣ съ Брюсомъ и Татищевымъ, и которая до сихъ поръ остается совершенно неразработанною; 3) жизнеописанія бояръ Бориса Морозова и Богдана Хитрова. Въ словарь

русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, вычитано еще нѣсколько неизданныхъ трудовъ Татищева; но большая часть изъ нихъ описаны въ настоящемъ сочиненіи; а другія — вовсе не принадлежать Татищеву и находились только въ его библіотекѣ. Къ числу послѣднихъ я отношу: способъ къ введенію коммерціи въ государствахъ великаго могола, въ городѣ Балхъ, который есть нынѣ пограничный, въ Вухарію и восточные города, такожъ въ Хиву и другія мѣста (неизвѣстнаго автора); примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами (Пьера Куки); одиннадцать вопросовъ историческихъ и географическихъ о Бухарѣ и Хивѣ (неизвѣстнаго автора); изъясненія о киргизъ-кайсацкой и каракалпацкой ордахъ (извѣстный проектъ Кирилова о построеніи Оренбурга).

Гдѣ кончилъ Татищевъ свою исторію Россіи? Какъ критическій сводъ лѣтописныхъ извѣстій древней Россіи, снабженный примѣчаніями, исторія Татищева остановилась на шестствіи Батыя. Но, какъ матеріалъ для продолженія этого свода, она переходитъ въ XVII вѣкъ и даже касается царствованія Федора Алексѣевича ²⁰⁶).

Наконецъ самый важный вопросъ при оцѣнкѣ литературной дѣятельности Татищева: писалъ ли онъ мемуары? — до сихъ поръ нельзя рѣшить ни положительно, ни отрицательно. Если обратить вниманіе на тѣ подробности изъ собственной и на тѣ происшествія изъ современной ему жизни, которыя замѣчены Татищевымъ въ его сочиненіяхъ, съ довольно опредѣленными указаніями времени и мѣста ихъ; если принять еще во вниманіе тѣ обширные дневники, которые онъ велъ управляя калмыцкою комиссіей; то, по наведенію, можно заключать къ тому, что у Татищева былъ обычай вести записки о своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ уже по тѣмъ даннымъ, которыя встрѣчаются

въ исторіи и примѣчаніяхъ къ ней, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику, въ Лексиконѣ, можно до нѣкоторой степени возстановить главныя событія изъ жизни Татищева. Быть не можетъ, чтобъ онъ вносилъ всѣ эти извѣстія въ свои сочиненія только на память. Но съ другой стороны, разнообразная и безпрестанно мѣнявшаяся дѣятельность мѣшала ему вести правильныя и постоянныя замѣтки о всемъ, что онъ могъ видѣть и слышать. Во всякомъ случаѣ, возобновлявшіеся иногда, время отъ времени, слухи о томъ, что мемуары Татищева найдены, до сихъ поръ не оправдались на дѣлѣ.

Такова была ученая и литературная дѣятельность Татищева: она была разнообразна, какъ самая жизнь его. Но какая же цѣль всѣхъ этихъ трудовъ? Иначе говоря, что думалъ Татищевъ о пользѣ наукъ? Въ его время взглядъ на науку былъ утилитарный: отъ нея ждали только одного матеріальнаго улучшенія стариннаго быта, преобразованнаго Петромъ. Взглядъ же Татищева изложенъ былъ въ разговорѣ о пользѣ наукъ, составленномъ для сына на основаніи разсужденій съ Теофаномъ Прокоповичемъ, кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ и кн. Черкасскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человекъ, жизнь котораго вся отдана была наукѣ, и который искалъ въ занятіяхъ успокоенія отъ жизненныхъ невзгодъ, не могъ искать въ наукѣ однихъ только матеріальныхъ выгодъ, которыхъ добивались современники его.

ГЛАВА VIII.

З а к л ю ч е н і е.

Послѣдніе годы своей жизни Татищевъ провелъ въ подмосковномъ сельцѣ Болдинѣ, клинскаго уѣзда, среди обычныхъ занятій русской исторіей и географіей. Онъ былъ подъ судомъ; при немъ для стражи находились солдаты сенатской роты; съ нимъ жилъ внукъ его Ростиславъ Евграфовичъ. Отъ этого времени сохранилось одно письмо Татищева къ вице-канцлеру графу Воронцову, изъ котораго видно, что сынъ его Евграфъ не жилъ вмѣстѣ съ отцемъ, находясь на службѣ. «Милостивый Государь мой графъ Михаилъ Ларионовичъ! писалъ Татищевъ: Имѣя я нужду писать къ сыну моему, до котораго на ординарной почтѣ посланныхъ отъ меня и жены его ни единое не дошло, знатно негде пропадаютъ, ваше же сіятельство по своей кнамъ милости можете сіе не запротивно примите что я васъ дерзнулъ трудить прозбою чтобъ вономъ какого сумнительства не было посылаю не запечатано дабы не дать подозренія бѣзвиннаго и прошу покорно васъ моего милостиваго государя сея милости меня не лишитъ за что долженъ всегда я быть вашему сіятельству, милостивому государю моему верный и покорный слуга В. Татищевъ» ²⁰⁷).

Выправляя свои сочиненія, собирая по прежнему книги, записывая дни, когда являлись метеоры и кометы, бесѣдуя иногда съ знатными путешественниками, которые считали

долгою навѣстить интереснаго старика въ его уединеніи, приближался Татищевъ къ смерти. Въ іюлѣ 1750 года ему сдѣлалось хуже. Почувствовавъ слабость своего здоровья, онъ писалъ къ сыну, который находился уже тогда въ Москвѣ, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Болдино и съ женою протиться съ нимъ. Евграфъ Татищевъ явился на зовъ отца. —

«Наканунѣ своей смерти Василій Никитичъ, сказано въ запискахъ Благово, который слышалъ о томъ отъ внука Татищева, — поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и вышписаннаго своего внука верхомъ же, къ слушанію божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ село, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками. По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показываетъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и, избравъ порожнее подлѣ ихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя погилу, и хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышписаннымъ же своимъ внукомъ, приказавъ священнику на завтрѣ пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со святыми дарами и также чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ. И потомъ возвратился домой, гдѣ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написалъ благодарственное письмо къ государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближался конецъ его жизни, отпустилъ присланнаго, — и тогда же снята была находящаяся при немъ стража. Вечеру когда по обыкновенію пришелъ къ нему поварь-французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сназалъ повару, что уже я болѣе не хозяинъ вамъ, но гость, а

вотъ хозяйка (указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену), она тебѣ прикажетъ, что надобно, — примолвя, что теленокъ начать и есть изъ чего готовить. На слѣдующій день священникъ со всѣмъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдалъ его и причастилъ святыхъ таинъ. Послѣ сего Василій Никитичъ, приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія; призвалъ всѣхъ находящихся при немъ людей, простился и съ ними: наконецъ приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ, и при чтеніи седьмага евангелія скончался на 65 году жизни своей, приказавъ напередъ, что когда примѣтять, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шума, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душою. Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже по повелѣнію покойника давно сдѣланъ, подъ который ножикъ онъ, покойный, самъ точилъ²⁰⁸).

Такъ умеръ Татищевъ, котораго многіе изъ современниковъ упрекали въ скептицизмъ и религіозномъ вольнодумствѣ. Иностранные же путешественники, заѣзжіе академики, образованные русскіе считали его человекомъ ученымъ и проинициальнымъ; петербургскіе правители усерднымъ чиновникомъ и отличнымъ администраторомъ; сослуживцы и подчиненные — строгимъ, взыскательнымъ, но справедливымъ начальникомъ; управляемые — разсудительнымъ и справедливымъ судьей; купцы, ремесленники, простые рабочіе — человекомъ опытнымъ въ ихъ дѣлахъ, къ которому въ случаѣ надобности всегда можно обратиться за совѣтомъ. Лишь отъ одного недостатка не могъ отдѣлаться Татищевъ во всю свою жизнь: отъ природы больной и раздражитель-

ный, онъ не умѣлъ укрощать своего крутаго, взмѣривающаго нрава. Съ другой стороны общественная жизнь представляла множество соблазнительныхъ примѣровъ для взяточничества; и Татищевъ любилъ собирать отовсюду благія дѣянія, умѣлъ и самъ при случаѣ дать посулъ важному лицу. Но зато это былъ трудолюбивѣйшій и внимательнѣйшій въ своему дѣлу человекъ того времени. Его служебная дѣятельность прошла не безъ видимой и существенной пользы для современниковъ; ученые же и литературные труды сохранили его имя въ памяти потомства, хотя имъ и суждено было вначалѣ испытать такую же горькую участь, какую испытывалъ ихъ авторъ въ послѣдніе годы своей дѣятельной жизни. Долго они лежали подъ запретомъ, который наложена на нихъ неблагоприятная молва о ихъ опасномъ для добрыхъ нравовъ общества направленіи. Лишь въ блестящее и на первыхъ порахъ свободолюбивое царствованіе Екатерины II изданы были: три книги его исторіи, приписанія къ Русской Правдѣ и Судебнику, наконецъ духовная Шлецеръ и ближайшіе послѣдователи его, самъ Карамзинъ и сотрудники Каченовскаго мало довѣряли трудамъ Татищева. Противники скептиковъ и новая историческая школа перешли къ противоположному мнѣнію. Труды Татищева вошли въ честь; на нихъ стали ссылаться, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказывались единственными источниками. Изданы были: гражданскій лексиконъ, горноводскій уставъ, четвертая книга исторіи, экономическія записки объ управленіи деревней. Явилась мысль собрать издать остальные, разрозненные и разбросанные по разнымъ мѣстамъ отрывки его трудовъ. Находящіеся въ концѣ и стоящаго сочиненія приложенія удовлетворяютъ отчасти такому желанію.

ищевъ представляетъ для насъ замѣчательное явленіемъ эпохи во многихъ отношеніяхъ. Если, будучи очень образованнымъ для того времени, онъ не былъ способенъ стать въ вопросѣ о взяточничествѣ выше своихъ современниковъ; то съ другой стороны онъ остался свободенъ отъ упрековъ касательно тѣхъ злоупотребленій и наклонностей, которыя позволяли себѣ Меншиковъ, Толстой, Долгоруковъ, и многіе изъ ихъ сотрудниковъ. Онъ былъ чуждъ по своимъ убѣжденіямъ религіознымъ и политическимъ, которыя не нравились въ то время многимъ изъ лучшихъ міра сего. Онъ былъ трудолюбивъ и дѣятеленъ во всякомъ положеніи. Это—замѣчательная черта эпохи: потому что съ временъ преобразованія Петра, трудъ, особенно общественный, сталъ пріобрѣтать себѣ право гражданства во всякомъ слоехъ русскаго общества, сдѣлался нравственнымъ стимуломъ для многихъ людей въ минуты ихъ общественной неудачъ и домашнихъ тревогъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Родоначальникомъ Татишевыхъ былъ Василій Юрьевичъ, сынъ князя Юрія Соломерскаго, правнукъ князя Дмитрія Святославича Смоленскаго. Говорятъ, онъ былъ прованъ *Тать-ищемъ* за то, что, будучи намѣстникомъ великаго князя Василія Дмитріевича въ Новгородѣ, захватилъ недовольныхъ властію Москвы и переслалъ ихъ къ великому князю. См. родословную книгу князей и дворянъ российскихъ и выѣзжихъ, ч. II, стр. 53—57 и 384. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ производить прозвище *татищъ* отъ слова *тать*, воръ. Въ актахъ XVI и XVII столѣтій встрѣчаются имена Татишевыхъ: Игнатія Петровича, который былъ думнымъ дворяниномъ при Іоаннѣ IV и Теодорѣ и казначеемъ при Борисѣ Годуновѣ, см. Древн. Росс. Вивл., ч. XIX, стр. 58,70,73,75; А. Ист. I, 271; А. Э. II, 42; сына его Михайла Игнатъевича, изъ думныхъ дворянъ пожалованнаго въ ясельничіе, а при Шуйскомъ даже въ окольнічіе, отличавшагося крутымъ нравомъ, извѣстнаго своего перебраннымъ послемъ Сигизмунда III, Сапѣгою, вздвигшаго въ Грузію и Карталинію, и убитаго въ смутное время въ Новгородѣ по ложному подозрѣнію въ измѣнѣ, см. Древ. Росс. Вивл. ч. XIX, стр. 66,70,82,83; А. Э. II, 42; С. г. гр. и д. II 177, 235; братьевъ Михайла Игнатъевича: Юрія, Григорія (воеводѣ на Вагѣ) и Владиміра, см. А. Э. II, 44, 35; III, 155; А. И. III, 2; Д. къ А. И. II, 19; дворянина Степана Лазаревича, прадѣда историка, см. А. Э. II, 363-

366; С. г. гр. и д. II, 485, 588—596; воеводы воронежскаго Якова Ивановича, см. Ворон. акты, I, 51, 57; II, 54, 63; и стольниковъ Ивана и Ѳедора Юрьевичей, Никиты и Ѳедора Алексѣевичей, см. С. г. гр. и д. IV, 656. Новгородецъ Даривонъ Татищевъ подписался подъ уложеніемъ 1649-го года. Въ годъ рожденія В. Н. Татищева подали въ разрядъ свою родословную книгу окольные Татищевы. Стольникъ Никита былъ отцемъ историка, родившагося 19 апрѣля 1686 г.; см. жизнеописаніе В. Н. Татищева въ *Сибирск. мѣст. вѣстникъ* за 1821 годъ, ч. 15, стр. 1.

¹⁾ Исторія Росс. соч. Татищевымъ, кн. III, пр. 628. Особенности городского быта въ Псковѣ, подмѣченные Татищевымъ, не были чистымъ остаткомъ стариннаго общиннаго управленія. Онѣ стоятъ въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ къ извѣстной попыткѣ псковскаго воеводы Асанава Лаврентьевича Ордына-Нащокина, въ 1655 году,—переложить городское управленіе въ руки выборныхъ людей. Срв. *Исторія*, Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, стр. 558—562. Учрежденіе же бурмистровъ было первымъ, послѣдствіемъ значительно измѣненнымъ, нововведеніемъ Петра въ внутреннемъ управленіи торговаго сословія. П. С. Р. З., т. III, №№ 1674, 1675, 1683—1686, 1697—1699, 1704, 1708, 1709, 1715, 1717, 1718 и друг. Собственно слѣдами старинной вольности Псковичей можно считать полки, въ которыхъ выбирались самими же горожанами полковники и прочіе чины.

²⁾ П. С. Р. З. т. IV, №№ 1910, 1960, 2032, 2033, 2130, 2142, и др.; 2076, 2082, 2095, 2103 и проч.; Доп. къ Д. П. В. *Галкина*, IV, стр. 230 и слѣд.; Записки Желябужскаго, Слб. 1840, стр. 131, 213, 214; 132—134, 161—166, 170, 174, 294; Записки русскихъ людей, Спб. 1841, стр. 60, 66, 68, 81 и др.

³⁾ Духовная В. Н. Татищева, изд. С. Друковцовымъ, Слб. 1773, стр. 27; Лексиконъ російскій историч., географ., политич., и гражданской, соч. В. Н. Татищевымъ, ч. I, стр.

304; *Исторія росс. соч. Татишевымъ*, кн. II, прим. 2 кн. I, стр. 272, 273; кн. II, прим. 125; кн. I, стр. 107; II, прим. 339; кн. I, стр. 110—111.

⁵⁾ П. С. З. т. V, №№ 2795, 2796; Д. П. В. *Голкино* т. IV, стр. 172, 327.

⁶⁾ Судебникъ Іоанна Васильевича и нѣкоторые ука: собр. В. Н. Татишевымъ, М. 1768, стр. 84.

⁷⁾ *Исторія росс.*, соч. Татишевымъ, кн. I, стр. 27, II, прим. 409. П. С. З. т. V, №№ 3018, 3021, 310 3108. Въ гражданскихъ дѣлахъ, хранящихся въ Главис Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ (связка 2, а) нѣ никакихъ указаній на поѣздку Татишева въ Данцигъ, и порученія, съ которыми посланъ былъ князь Вас. Вл. Долгоруковъ, которыя сообщены были капитанъ-поручи Вильбуа и секретарю посольства Людовику Ланнинско: сохранились въ дѣлахъ 1717 года подъ №№ 2—4. указъ отъ 5 декабря 1717 году генералу Вейде сказа «выбрать изъ офицеровъ кого умнаго чедовѣка и отпраи его во Гданскъ на мѣсто Ланчинскаго»; посланъ былъ обе: аудиторъ Георгій Эрдманъ.

⁸⁾ *Posselt, Peter der Grosse und Leibnitz*, s. 209, 2 216—232, 239—271.

⁹⁾ «On appelle *Unruhe* en Allemand le balancier d'un ho loge. On peut dire qu'il en est de même de notre cor qui ne saurait jamais être parfaitement à son aise..... L' quiétude est essentielle à la félicité des creatures». *Oe res philosophiques de feu Mr. L(eibnitz) par Raspe: Ne veaux essais sur l'entendement humain, 1765, p. 125, 1*

¹⁰⁾ П. С. З. т. IV, №№ 2321, 2330.

¹¹⁾ Пребываніе Петра Великаго въ Парижѣ, изъ записк герцога де-Ришелье, въ *Телескопѣ* за 1831 годъ, № стр. 20. *Исторія росс. соч. Татишевымъ*, кн. I, стр. XVI XVIII.

¹²⁾ П. С. З. т. V, № 2871. Петръ и прежде, подо своимъ предшественникамъ, преслѣдовалъ лихоимство. Та

между прочимъ, въ декабрь 1700 года въ Новгородѣ повѣшено былъ Елисей Борисовъ сынъ Поскочинъ за то, что бралъ деньги за подводы; въ январѣ слѣдующаго года повѣшенъ въ Москвѣ на площади предъ помѣстнымъ приказомъ Леонтій Яковлевъ сынъ Кокошкинъ за то, что былъ у приему подводъ въ Твери и взялъ 5 рублей денегъ. См. Записки Желябужскаго, стр. 170; срв. П. С. З., т. V, №№ 2707; 2726. Злоупотребленія, вызвавшія указъ 1714 года, начались еще съ 1706 года. См. Das veränderte Russland, Frank. u. Leipzig, 1741 г., Th. I, s. 33, 40.

¹²⁾ Дьянія П. В. Голикова т. IV, 395—401, т. V 17—19; Доп. къ Д. П. В. Голикова, т. X, 3—73; Судебникъ, собр. Татищевымъ, стр. 74.

¹³⁾ Дьянія П. В. Голикова, т. VI, 245—250. Обзорніе свѣдѣній о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ изъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, въ Ж. М. Н. Пр. за 1843 годъ, № 2, стр. 146—157.

¹⁴⁾ П. С. З. т. IV, № 1765; т. V, №№ 2812, 3207. 3225, 3264, 3464; т. VI, № 3534. Сочиненія Посошкова, стр. 75—77.

¹⁵⁾ Какъ попытка, какъ случайный промыселъ, горное дѣло существовало и до Петра, хотя въ самыхъ бѣдныхъ размѣрахъ, см. А. И. т. IV, № 221; т. V, №№ 72, 257, 265, 267; П. С. З., т. I, №№ 296, 391, 392; Юрія Крижанича о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, раздѣлъ III. Sammlung. Russ. Gesch., VIII, 233. Сибирскій Вѣстникъ 1819 г., ч. 7, стр. 144. Какъ важная отрасль государственнаго хозяйства, какъ занятіе, требующее специальныхъ познаній, оно началось лишь съ XVII столѣтія. Петръ учредилъ въ 1700 году, при приказѣ Большой Казны, приказъ рудокопныхъ дѣлъ, закрытый въ 1711 г. и возстановленный въ 1715 г.; П. С. З. т. IV, №№ 1812, 2370; т. V, № 2908. Но только послѣ проектовъ бывшаго въ русской службѣ Саксонца Блюэра, нѣсколько лѣтъ изучавшаго

геологическія свойства Восточной Россіи, горное дѣло получило правильное развитіе. Исторія его въ царствованіе Петра и послѣ, была предметомъ многихъ, весьма подробныхъ розысканій, которыми я и пользовался при составленіи разсказа о горной службѣ Татищева. Таковы: Жизнеописаніе генерала-лейтенанта Гениина (В. И.), основателя российскихъ горныхъ заводовъ, къ которому приложено 144 документа, въ *Горномъ Журналь* за 1826 г., №№ 1—5, 9; 1827, №№ 1, 2, 5; 1828, № 2. Жизнеописаніе т. с. В. Н. Татищева бывшаго совѣтника Бергъ-коллегіи и начальника всѣхъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ, съ 19 актами, отчасти напечатанными въ П. С. Р. З., *тамъ же*, 1828 г. №№ 1—4. Германа, историческое начертаніе горнаго дѣла въ Россійской Имперіи, ч. I: о первомъ началѣ горнаго дѣла въ Россіи до царствованія императрицы Елизаветы Петровны съ картою Уральскаго хребта (Екатеринб., 1810); сочиненіе богатое выписками изъ историческихъ актовъ, касающихся горнаго дѣла; одной оцѣнкѣ дѣятельности Гениина посвящены стр. 42—137. *Ею же*, сочиненій о Сибирскихъ рудникахъ и заводахъ три части; Спб. 1797—1801 *Ею же*, описаніе заводовъ, бывшихъ подъ вѣдомствомъ Екатеринбургскаго горнаго начальства; Екатеринбург. 1808.

¹⁷⁾ Исторія рос., соч. Татищевымъ, кн. I, стр. XX, 503; Горн. Ж., 1828 г. № 2, стр. 105; Германа, историческое начертаніе, стр. 28—30. Этотъ указъ Татищеву, по словамъ Германа,—самый старыи изъ всѣхъ, хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ.

¹⁸⁾ Германа, историч. начертаніе, стр. 19, 30, 36, 40; Горный Журналъ, 1828 г. № 9, стр. 130—131. Лексиконъ doss., соч. Татищевымъ, ч. II., стр. 192.

¹⁹⁾ *Афанасьева*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ, въ Современникѣ 1847 г., № 7, стр. 13—20. Исторія рос., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 507.

²⁰⁾ Духовная Татищева, стр. 35—37. П. С. З. т. V, № 2683. Исторія рос., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. XII, 46—47.

²¹⁾ Горный Журналъ 1826 г., № 4, стр. 100, 110—113, 116; № 9, стр. 95; Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, 507—508.

²²⁾ Германа, историческое начерт., стр. 45, 47, 49, 71—86.

²³⁾ Горный Журналъ 1826 г., № 4, стр. 124, 106—107; № 5, стр. 111—112; № 4, стр. 127—128, 132; № 5, стр. 117, 125; № 9, стр. 99—103; № 5, стр. 113—115.

²⁴⁾ Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 468; Горн. Журн. 1826 г. № 9, стр. 102.

²⁵⁾ Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 508; Сувениръ, собр. Татищевымъ, стр. 4.

²⁶⁾ Шведскія дѣла, хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, связка 30: «Дѣло объ отправленіи въ Швецію Бергъ-коллегии совѣтника Татищева съ молодыми людьми для обученія наукамъ, къ рудному и горному дѣлу въ Сибири служащимъ. Къ представленію Татищева приложенъ былъ реестръ, для какихъ мастерствъ въ науку изъ Россіи послать надлежить: 1) изъ школъ, знающихъ геометрію—машинному дѣлу 2, оныя жъ могутъ маркшейдерскому и пробирному; 2) изъ ариѳметики или геометріи: вавилъному 2, гармахерскому 2, переплавному 2, ковки жѣди 2, стальному 2, квасцовому 2, обжигательному 2, угольному 2.

²⁷⁾ Шведскія дѣла (связка 29), годъ 1824, №№ 2 и 6.

²⁸⁾ Buschings Magazin, V. XXII, s. 495. Это была третья поездка В. Н. Татищева за границу. Бантышъ-Каменскій, въ своемъ *Словарь достопамятныхъ людей русской земли*, Сиб. 1847 г. ч. III, стр. 401—403, неправильно ноябрь показанія Неплюева (см. его жизнь, имъ самимъ описанную, въ *Отеч. Зап.*, ч. XVI—XXIII), заставилъ Татищева учиться въ Новгородской Математической школѣ, въ Петербургской Морской академіи и потомъ путешествовать съ 1716 по 1720 годъ, вѣсть съ Неплюевымъ и Мордвиновымъ по Голландіи, Италіи, Испаніи и Франціи. Но тотъ Василій Татищевъ, о

которомъ говорить, и на двоюродной сестрѣ котораго былъ женатъ Неплюевъ,—сынъ новгородскаго воеводы Ивана Юрѣвича, дальній родственникъ историка. Оба они были правнуки Степана Лазаревича, служившаго въ ополченіи Пожарскаго.

²⁹⁾ Шведскія дѣла (связка 31), годъ 1725, ММ 3, 4 и 6.

³⁰⁾ Горный Журналъ 1828 г., № 2, стр. 106—114; № 3, стр. 141—143.

³¹⁾ Исторія Росс., соч. Татищевымъ ч. 1, стр. 502, 508.

³²⁾ Шведскія дѣла (связка 31), годъ 1725, М 4. Но въ реляціи отъ 13 мая 1726 г., за № 26, Головинъ писалъ въ Петербургъ: «комиссію у бергъ-совѣтника Татищева я принялъ и вексель изъ оной коллегіи на 1400 р., да отъ него бергъ-совѣтника 600 платовъ деньгами получилъ, а въ остальныхъ 800 р. порукою далъ здѣшняго жителя купецкаго человека и онаго Б. С. Т-ва прошедшаго 12 апрѣля въ Ревель по указу ко мнѣ изъ бергъ-коллегіи отправилъ, о чемъ я подлинно въ оную бергъ-коллегію о всемъ доносилъ и денегъ достальныхъ 800 руб. по сіе число не получалъ; а надсматривать надъ учениками, чтобъ они учились, по возможности моей никогда не отговаривался, токмо ѣздитъ въ Фалунъ, отсюда разстояніемъ 22 мили шведскихъ въ Аста-еорсъ, отсюда разстояніемъ 10 миль шведскихъ, ни по которому образу безъ указа в. и. в-ства невозможно, ибо туда и бытіе тамъ съ возвращеніемъ сюда по послѣдней мѣрѣ 4 недѣли». Шведскія дѣла, св. 346. См. еще приложенія въ концѣ этой книги, I.—III.

³³⁾ Горный Журналъ, 1828, № 1, стр. 107.

³⁴⁾ Германа историч. начерт., стр. 105. П. С. З. т. VII. №№ 5156, 5281.

³⁵⁾ Сказанія Кн. Курбскаго, изд. г. Устрялова, 1842, стр. 157, 162, 171, 172, 176.

³⁶⁾ «Сигмундъ Баронъ Герберштейнъ, его жизнь и значеніе, какъ писателя о Россіи», статья Сборника Пет. студ. выпускъ I. стр. 35, 36.

²¹⁾ Supplem. ad hist. Rus. Mon. p. 24—25. *Histor. Ruth. script.*, ed. Starczewsk., vol. II, p. 291—292.

²²⁾ С. г. гр. ид., т. II, №№ 95, 100. Лѣтопись о многихъ натежахъ, стр. 102. Соловьева, *Исторія Россіи* т. VIII, стр. 296—298.

²³⁾ Срв. Соловьева, *Исторія Россіи*, т. IX, стр. 353—355. Некоторые писатели ссылаются на свидѣтельство Страленберга о томъ, будто бы Филаретъ Никитичъ, находясь въ плѣну польскомъ, писалъ въ Москву, что при избраніи новаго царя необходимо ему предложить нѣкоторыя условія. У Страленберга дѣйствительно приводится письмо Филарета къ Шереметеву, будто бы брату его жены, къ которому митрополитъ присоединилъ и планъ своихъ условій, заимствованныхъ изъ государственныхъ законовъ Польши. Митрополитъ совѣтуетъ въ своемъ письмѣ избрать на этихъ условіяхъ одного изъ членовъ Думы. Но такъ какъ Страленбергъ свидѣтельствуется неизвѣстнымъ лицомъ, видѣвшимъ будто бы это письмо у современника Петра фельдмаршала Шереметева; такъ какъ родственныя отношенія Филарета противорѣчатъ такому поведенію его, и притомъ жена его была изъ роду не Шереметевыхъ, а Шестуновыхъ: то показаніе Страленберга не можетъ быть принято за достоверное. См. *Historie der Reisen in Russland, Sibirien und der grossen Tartarey*, von Ph. Jol. v. *Strahlenberg*; Leipzig, s. v; s. 203—204. *Description historique de l'Empire Russien de M. le Baron de Strahlenberg*; Amsterd. 1757 г., p. 70—72. Далѣе Страленбергъ приводитъ условія, предложенныя боярскою думой Михаилу Ѳеодоровичу. Вотъ они: 1) Die Religion zu erhalten und zu schützen; Qu'il protégerait et conserverait la Religion: странное условіе для русскаго, отецъ котораго былъ православнымъ митрополитомъ. 2) Alles, was seinem Vater wiederfahren, zu vergessen und zu vergeben, und an keine particulare Feindschaft, sie möge Nahmen haben, wie sie wolle, zu gedenken;— Qu'il pardonnerait et oublierait tout ce qui était arrivé à son pere et qu'il ne

se livrerait à aucune inimitié contre qui que le puisse être. Это условіе не совсѣмъ вяжется съ предыдущимъ извѣстіемъ въ письмѣ Филарета къ Шереметеву; но само по себѣ оно правдоподобно и потому опровергаетъ существованіе письма. 3) Keine neuen Gesetze zu machen, oder alte zu ändern. Hohe und wichtige Sachen nach dem Gesetze, und nicht allein vor sich selbst, sondern durch ordentlichen Process urtheilen zu lassen;—Qu'il ne ferait aucun nouvelle loi, ni ne changerait les anciennes et que dans des affaires importantes il ne déciderait rien par lui-même, mais que tout serait jugé selon les lois et la forme ordinaire des procès. 4) Weder Krieg noch Frieden alleine und vor sich selbst mit denen Nachbarn vorzunehmen; — Qu'il n'entrerait point en guerre, ni ne ferait la paix avec ses voisins, de son propre chef: эти два условія напоминаютъ предложенныя 4 февраля 1610 г. русскими Тушинцами Владиславу. 5) Seine Güter zur Bezeugung der Gerechtigkeit und Vermeidung aller Processe mit particuläire-Leuten entweder an seine Familie abzutreten, oder solche denen Cron-Gütern einzuverleiben; — Que pour paroître absolument désintéressé et pour éviter tout procès avec les particuliers, il céderait ses biens à sa famille ou les ferait incorporer aux Domaines de l'Etat: условіе не совсѣмъ понятное при тѣхъ отношеніяхъ царя къ государственной земельной собственности, какія существовали въ XVII столѣтіи. *Historie der Reisen in Russland*, s. 209; *Description de l'Empire Russien*. t. 1., p. 82—83.

⁴⁰⁾ Сказанія Кн. Курбскаго, стр. 176—177.

⁴¹⁾ С. г. гр. и д. IV, № 27: отвѣты четырехъ вселенскихъ патріарховъ на 25 вопросъ: о царевой власти безпредѣльной, а патріаршей ограниченной.

⁴²⁾ П. дипл. св. т. IV, стр. 1053.

⁴³⁾ С. г. гр. и д. т. III, № 90.

⁴⁴⁾ Юрія Крижанича, Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка, раздѣлъ 29—32.

⁴⁵⁾ С. г. гр. и д., т. IV, стр. 120.

46) П. С. Р. З., т. V, № 3006: Воинскій Уставъ гл. III, арт. 20, толкованіе.

47) П. С. Р. З., т. VI, № 3718.

48) П. С. Р. З., т. VII, № 4345, п. 2.

49) П. С. Р. З. т. V, №№ 2789, 3157, т. VI, № 3893.

50) П. С. Р. З. т. VII, № 4870.

51) Устрялова, Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI, стр. 246.

52) *Eclaircissemens sur plusieurs faits, relatifs au regne de Pierre le Grand; extraits des papiers des Bassevits* въ *Büsching's Magazin*; Bd. IX, s. 373 *Weber*, *Das Veränderte Russland*, III, s. s. *Memoires du regne de Catherine*; A la Haye, 1728, pag. 114—118.

53) Арсеньева, царствованіе Екатерины I, въ Ученыхъ запискахъ II отд. Ак. наукъ, кн. II, вып. 1, стр. 163.

54) Журн. М. Н. Пр., 1844, № 2. Обзорніе извѣстій о Россіи въ царствованіе Екатерины I изъ донесеній французскихъ посланниковъ.

55) Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при рус. дворѣ, въ 1727—30 годахъ; пер. Д. Языкова; Спб. 1845, стр. 51—57, 59—60.

56) Забѣлина, бібліотека и кабинетъ граф. Я. В. Брюса, въ лѣтописяхъ русской литературы и древности 1859, кн. 1, стр. 28—62.

57) Калайдовича и Строева, обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей въ бібліот. графа Толстова М. 1825.

58) Арсеньева, царствованіе Петра II; Спб. 1839; стр. 132—134, 149.

59) Записки герц. Лирійскаго, стр. 75. Въ приложеніяхъ къ нимъ, сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 187—188.

60) *La cour de Russie, il y a cent ans. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 11.

61) Тамъ же

62) Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 196.

⁶³⁾ Кондиціи, предложенныя Анязъ Іоанновъ, были не разъ печатаны въ различныхъ изданіяхъ. См. *Weber, das veränderte Russland*, th. III. f. 184. *Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie*, par la générale de Manstein. Leipzig, 1771, p. 35, 36. *Busching's, Magazin*, Th. I, s. 19. *Tourgeneff, La Russie et les Russes*, t. III, p. 379—381. *La cour de Russie*, p. 12—14. Примѣчанія къ запискамъ дюка Лирійскаго, стр. 159—160.

⁶⁴⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 197—198.

⁶⁵⁾ *Tourgeneff, la Russie*, t. III, p. 377—378. *La cour de Russie*, p. 14, 15.

⁶⁶⁾ *Schmidt, g. Phieseldeck, Materialien zu der Russ. Geschichte*, th. II, s. 13—15. Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 199—200.

⁶⁷⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 200—202.

⁶⁸⁾ Такъ называемые протоколы верховнаго тайнаго совѣта, въ чтеніяхъ общества историческаго, 1858, кн. 3, стр. 116.

⁶⁹⁾ *Tourgeneff, la Russie et les Russes*, t. III, p. 384—386. *La cour de Russie*, p. 18—19.

⁷⁰⁾ Соч. Θ. Прокоповича, стр. 204—205.

⁷¹⁾ Записки дюка Лирійскаго, стр. 79, 80. Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, стр. 118.

⁷²⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 206.

⁷³⁾ Утро, Литературный Сборникъ, стр. 369—377.

⁷⁴⁾ Тамъ же, стр. 378. О мнѣніяхъ, поданныхъ Черкасскимъ, Матюшкинымъ и Куракинымъ, говоритъ герцогъ Лирійскій, стр. 80. Въ *Materialien zu der Russ. Geschichte*, Th. II, s. 391—397, приведены первыя два.

⁷⁵⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 207, 208. Записки дюка Лирійскаго, стр. 81, 82.

⁷⁶⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 212, 213. *La cour de Russie*, pag. 20.

⁷⁷⁾ *La cour de Russie*, pag. 18, 19, 29, 30, 34. Записки герца Лирійскаго, стр. 84—87.

⁷⁸⁾ Зап. герц. Лирійскаго, стр. 88—89.

⁷⁹⁾ Сочиненіе Θ. Прокоповича, стр. 215—217.

⁸⁰⁾ Записки герц. Лирійскаго, стр. 179—182.

⁸¹⁾ *La cour de Russie*, pag. 40. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1730 года, № 36, сказано: «Изъ Москвы отъ 27 дня апрѣля. Въ прошедшую пятницу (т. е. 24 апр.) опубликовано здѣсь во всемъ городѣ при битиі на литаврахъ и при играніи на трубахъ, что коронованіе ея императорскаго величества заутро, т. е. 28 дня сего мѣсяца воспріято будетъ, которое также и принцессамъ императорской фамилии чрезъ штатскаго совѣтника господина Татищева, яко назначеннаго при сей церемоніи оберъ-церемоніймейстера объявлено.» Θ. Прокоповичъ любилъ въ своихъ проповѣдяхъ на восшествіе Анны Іоанновны на престолъ вспоминать о событіяхъ 1730 года. Такъ въ словѣ 1733 года: о томъ, что царская власть собственнымъ промысломъ Божиимъ получается, онъ говорилъ: «властолюбивыхъ человекъ, мимо Бога власть верховную похитить тщались, всякіе умыслы, и промыслы, и попеченія, и хитрости и труды, вотще идуть или, иногда еще въ надеждахъ, акибы въ цѣвткахъ увлечуть, иногда же и по полученіи желаемого, аки бы съ горы низверженны падаютъ. Вопрекиже: кого вышній Господь на высоту оную возвестъ похощетъ, тому въ томъ никаковыя противности и коварства помѣшать и воспрепятствовать отнюдь не могутъ.... Видимъ уже, слышателие, и ясно видимъ, что державныя власти не силою и хитростію человеческою производятся, но Божиимъ смотрѣніемъ и промысломъ. И посему далече уже проникъ или паче рассыпался и исчезлъ печальный мракъ и туманъ сумазбродныхъ мозговъ, которымъ мнится, или паче снится, будто бы верховная власть на вѣщественной только силѣ основана стоитъ.... До сего Ея Величества державы полученія, былили какия ея искы, происки, мудрованія, тщательства, мины и инанины какъ бы достать того. Что же въ сей день, третій годъ тому, Богъ сдѣлалъ, не намъ только но всему свѣту

известно. Подалъ ей то, чего она не искала, не желала и не думала.»

⁸³⁾ То состояніе, въ какомъ оставилъ Геннинъ сибирскіе горныя заводы, описано въ его сочиненіи, напечатанномъ въ Горномъ Журналѣ 1828 года, №№ 7—12, подъ заглавіемъ: «генераль-лейтенантомъ отъ артиллеріи и кавалеріи ордена св. Александра Георгіемъ Вильгельмомъ де-Геннинимъ собранная, натураліи и минераліи камеръ въ сибирскихъ горныхъ и заводскихъ дистриктахъ, также чрезъ его о вновь строенныхъ и старыхъ исправленныхъ горныхъ и заводскихъ строеніяхъ и прочихъ курьозныхъ вещахъ абрисы.»

⁸³⁾ Горн. Журналъ 1827 г. № 1, стр. 146; № 2, стр. 108—110, 120—123; № 5, стр. 137—141; 1828 г. № 8, стр. 77—79. П. С. З., т. VIII, № 5860, 6107; т. IX, № 6414.

⁸⁴⁾ Горный Журн. 1828 г. № 3, стр. 147—160. Германа истор. начерт., стр. 138—144. П. С. З., т. IX, №№ 6559, 6563, 6582.

⁸⁵⁾ Заводскій уставъ Татищева напечатанъ въ Горн. Журналѣ за 1831 годъ, №№ 1—3, 5—10. Статьи его составлялись по мѣрѣ совѣщаній между членами созванной Татищевымъ комиссіи; послѣ каждаго засѣданія принятыя статьи соединялись въ одно цѣлое за подписью членовъ, подписывались впрочемъ только чиновники. Такъ какъ уставъ назначался къ поднесенію императрицѣ и долженъ былъ появиться отъ ея имени, то и начатъ былъ объявленіемъ къ вѣрномоданнымъ о причинахъ, побуждавшихъ къ его изданію. Овъ состоялъ изъ двухъ частей; въ первой было семь главъ: 1) *о должности, власти и преимуществѣ главнаго заводскаго правителя или канцелярѣи*: 1) чѣмъ указамъ повиноваться долженъ и какъ съ кѣмъ переписываться шитьеть; 2) о власти надъ подчиненными; 3) о прибавкѣ начальства и чиновниковъ; 4) о судѣ; 5) о сочиненіи законовъ; 6) о дачѣ голосовъ; 7) о словесныхъ приказахъ; 8) о порекош дѣлъ; 9) о судѣ сносному; 10) о приходѣ и расходѣ денегъ; 11) о

содержаніи въ добромъ порядкѣ козенныхъ заводовъ; 12) о размноженіи заводовъ и прибыли отъ оныхъ; 13) о взысканіи и добычѣ рудъ; 14) о надзораніи въ дѣлѣ припасовъ; 15) о размноженіи партикулярныхъ заводовъ; 16) о минеральныхъ заводахъ; 17) о заводахъ ремеслъ передѣльныхъ; 18) о уставленіи цѣны металламъ и минераламъ; 19) о досмотрѣ заводовъ; 20) о дневныхъ запискахъ; 21) о принятіи и призваніи иностранныхъ ремесленниковъ; 22) о заготовленіи и торгѣ харчевомъ; 23) о содержаніи гражданъ и купцовъ; 24) о иоторгованіи начальникамъ и всѣмъ въ посѣдѣ независимымъ; 25) о припискѣ деревень къ казеннымъ заводамъ; 26) о припискѣ деревень къ партикулярнымъ заводамъ; 27) о дачѣ деревень заводскимъ управителямъ и начальникамъ; 28) о церкви и молитвѣ; 29) о школахъ и училищѣ; 30) о богадѣльняхъ и леченіи больныхъ; 31) о кабакѣхъ и шинкахъ; 32) о крѣпостяхъ и защитѣ отъ неприятели; 33) о строеніи вновь крѣпостей въ пограничныхъ мѣстахъ; 34) о запрещеніи ружья дѣлать и продавать; 35) о помощи заводскому правленію отъ другихъ начальствъ и согласіи. II *О должности и власти советника*: 1) о его должности; 2) о его власти; 3) о содержаніи канцелярій; 4) о поступкѣ въ небытность главнаго правителя; 5) о ѣздѣ на партикулярные заводы; 6) о ѣздѣ по просьбѣ промышленниковъ для разниманія распрѣ; 7) о акциденціяхъ. III. *О должности ассесора*. IV. *О должности и власти и преимуществъ главнаго земскаго судьи или воеводы Екатеринославскаго вѣдомства*: 1) о должности общей въ судѣ; 2) о власти надъ подчиненными; 3) о крѣпостяхъ и военныхъ земляхъ; 4) о судѣ и законахъ; 5) о переносѣ дѣлъ; 6) о штрафѣхъ и казни; 7) о содержаніи и храненіи архива; 8) о смотрѣніи въ поголовныхъ сборахъ; 9) о раскладкѣ работъ на крестьянъ; 10) о зачетахъ за работы; 11) о сборѣ незаработанныхъ поголовныхъ; 12) о сборѣ рекрутъ и опредѣленіи въ работы; 13) о припискѣ къ заводамъ вновь деревень; 14) о припискѣ крестьянъ къ партикулярнымъ заводамъ;

данъ; 15) о выморочныхъ деревняхъ, данныхъ управителямъ заводскимъ; 16) о ссыльныхъ на вѣчное житье; 17) о вниманіи на заводы государственныхъ крестьянъ; 18) о вотчинниковыхъ крестьянахъ, положенныхъ при заводахъ въ окладъ; 19) о крѣпостяхъ на крестьянъ; 20) кто будетъ бить челомъ о ссыльномъ или бѣгломъ солдаты; 21) о купленныхъ къ заводамъ крестьянахъ; 22) о иноземцахъ купленныхъ; 23) о приѣмѣ вольныхъ работниковъ съ покоремными; 24) о свидѣльствѣ и запискѣ покоремныхъ; 25) о сиротахъ шатающихся; 26) о пришлыхъ безызвѣстныхъ; 27) о поденныхъ работахъ при городахъ; 28) которые покажутъ, что на заводѣ жили въ работѣ безъ паспортовъ; 29) о пришлыхъ съ вырѣзанными ноздрями и пытаныхъ; 30) о раскольникахъ; 31) о сборахъ, принадлежащихъ къ губерніи; 32) о таможенныхъ и кабакахъ; 33) о заставахъ; 34) о мельницахъ мучныхъ; 35) о строеніи вновь мучныхъ мельницъ; 36) о мельницахъ вотчинниковъ; 37) о пильныхъ мельницахъ; 38) о винокурняхъ; 39) о баняхъ; 40) о рыбныхъ ловляхъ; 41) о мостахъ и перевозахъ; 42) о ясажныхъ людяхъ; 43) о акциденціяхъ. V. *О должности главною казначея*: 1) о должности и способности его; 2) о содержаніи прихода и расхода; 3) о власти надъ подчиненными; 4) о приходахъ окладныхъ; 5) о приходной главной книгѣ; 6) о вычетѣ на богадѣльню и лекарство и пошлага съ горныхъ заводовъ и печатныхъ; 7) о десятинахъ генеральныхъ причинъ; 8) съ золотыхъ и серебряныхъ заводовъ; 9) съ мѣдныхъ и желѣзныхъ; 10) съ минеральныхъ; 11) съ ручныхъ доменъ; 12) съ ремеслъ; 13) о времени увольнительномъ отъ десятины; 14) о небраніи десятины съ продажныхъ рудъ; 15) о пошлагнахъ съ продажи металлей; 16) о репортахъ съ промышленничьихъ заводовъ; 17) о расходѣ денегъ; 18) о покупкѣ припасовъ; 19) о подрядахъ и откупахъ; 20) о расходной окладной книгѣ; 21) о расходной главной книгѣ; 22) о памятной книгѣ и распискахъ; 23) о жалованьи заслуженномъ послѣ умершихъ; 24) о выморочныхъ

по видамъ описныхъ пожитковъ; 25) о репортахъ; 26) о времени къ окончанію старыхъ и начатію новыхъ книгъ; 27) о сочиненіи и свидѣтельствѣ счетовъ; дополненія къ статьѣ шестой и девятой. VI. *О должностяхъ главнаго горнаго мастера и оберъ-маркъ-шейдера*: 1) его общей должности и власти надъ подчиненными; 2) о геометріи по архитектурѣ подземной; 3) о сочиненіи ландкартъ; 4) о надзираніи лѣсовъ; 5) о заготовленіи и рубкѣ лѣсовъ при казенныхъ заводахъ; 6) о лѣсахъ въ казанской провинціи и разводѣ съ адмиралтейскими; 7) о лѣсахъ въ пермской провинціи и разводѣ съ соляными; 8) о дорогахъ и мостахъ; 9) о школахъ; 10) о порядкѣ ученія; 11) о содержаніи учениковъ; 12) о училищахъ и приказахъ; 13) о награжденіи и произведеніи учениковъ; 14) о поступкахъ съ дѣтьми иновѣрцевъ; 15) о акциденціяхъ; VII. *О докторѣ медицины или беръ-физики*: 1) о власти докторской надъ подчиненными; 2) о содержаніи аптеки; 3) о надзираніи надъ аптекаремъ; 4) о сочиненіи каталоговъ, въ которыхъ пренема травы и корни и прочее собирать; 5) о положеніи дѣямъ лекарствамъ; 6) объ отпускѣ лекарствъ на другіе заводы; 7) о леченіи обрѣтающихся въ службѣ при заводахъ и о надзираніи въ томъ надъ лекарями; 8) о взятъ съ неслужащихъ и служащихъ, которые въ самозвольной болѣзни, за лекарства и трудъ; 9) о подлыхъ ремесленникахъ, работниковъ и солдатахъ; 10) о содержаніи богадѣльни; 11) о леченіи служащихъ и о пропитаніи немущихъ; 12) о повинности лекарской доктору; 13) о назираніи въ обученіи лекарскихъ и аптекарскихъ учениковъ; 14) о содержаніи лабораторіи, металлургіи или пробовальной каморы; 15) о содержаніи при лабораторіи рудъ; 16) о собираніи дѣльныхъ рудъ, камня и прочаго чрезвычайнаго; 17) о плавильщикахъ, плавильныхъ мастерахъ и минералей варельщикахъ; 18) о надзираніи при заводахъ аптекъ, богадѣльнъ, лабораторій и проч.; 19) о рангѣ доктора и ему жалованья. За тѣмъ къ первой части приложено было: со-

чиняющаяся устава изъ должности куншмы о продажахъ опальныхъ и выморочныхъ пожитковъ, въ 16 пунктахъ. Изъ второй части известна только глава II, о должности заводскаго комиссара или оберъ-штеттенфервальтера: 1) о власти его и смотрѣніи надъ подчиненными; 2) о надзираніи въ дѣлѣ припасовъ; 3) о заготовленіи припасовъ; 4) о мастерахъ; 5) о досмотрѣ заводовъ; 6) о надзираніи въ поступкахъ плавки; 7) о свидѣтельствѣ счетовъ; 8) о смотрѣніи надворныхъ припасовъ; 9) о подрядѣ и торгѣ припасовъ; 10) о неупотребленіи работниковъ и припасовъ управителемъ; 11) о содержаніи заводскихъ лошадей. Изъ порядка послѣднихъ статей видно, что Уставъ, подлинная рукопись котораго съ поправками Татищева хранится въ Архивѣ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, не былъ оконченъ. Кромѣ того въ статьѣ о раскольникахъ сказано только слѣдующее: «какъ съ ними поступать имѣетъ быть написано по особливому разсмотрѣнію ея имп. в-ства»; вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, много занималъ и кабинетъ-министровъ и самого Татищева. Въ 43 ст. о земскомъ судѣ сказано только: о «акциденціяхъ оному судѣ представлено въ сенатъ декабря 4 дня 1737 года.»

⁸⁶⁾ Лексиконъ Татищева ч. I, стр. 144, 145. Уставъ былъ высланъ Татищевымъ въ Петербургъ въ 1735 году; въ указѣ 29 октября того года сказано между прочимъ: «присланный отъ васъ заводскій уставъ, штатъ и инструкція шихтмейстерская здѣсь еще не разсматриваны, а по разсматриваніи, когда апробованы будутъ, то оныя пришлются къ вамъ впредь.» См. П. С. З., т. IX, № 6831. Объ инструкціи шихтмейстерской и полномъ штатѣ для управленія уральскихъ заводовъ, утвержденномъ въ 1737 году, см. Германа, историческ. начертаніе горн. дѣла, стр. 159, 187—221.

⁸⁷⁾ П. С. З., т. IX, №№ 6830, 6841, 6867; т. X, № 7186.

²⁰⁾ Германа, сочин. о сибирск. рудник. и заводахъ, ч. I, стр. 236. П. С. З., т. IX, №№ 6840, 6938, 6939.

²¹⁾ П. С. З., т. IX, № 6835; т. X, № 7663. *Сибирскій Вестникъ* за 1821 г., ч. 15, стр. 7.

²²⁾ П. С. З., т. IX, №№ 6831, 6835, 6841, 6902; т. X, № 7236. Германа истор. начерт., стр. 160. Екатеринбургскій монетный дворъ открытъ въ 1735 году; на немъ выbito было монеты въ первый же годъ 7095 пудовъ, 10 фунтовъ, 56 золотниковъ, цѣною на 70952 руб. 39 коп.. Германа, описаніе заводовъ подъ вѣдомствомъ екатеринбургскаго горнаго начальства состоявшихъ, отд. I, стр. 98.

²³⁾ Горн. Журн. 1831 г., № 2, стр. 184, 185, 190—191. П. С. З., т. IX, № 6831. Германа описаніе заводовъ екатер., отд. I и II; *Ею же*, сочиненіе о сибир. рудник., ч. II, стр. 8, 11, 19—24, 31, 40—43, 49—58, 73, 81, 120—124; ч. -III, стр. 285. П. С. З., т. IX, №№ 7047, 7062, 7066; т. X, №№ 7589, 7600, 7756, 7766; т. XI, №№ 8571. Въ своемъ Лексиконѣ, ч. I стр. 145, Татищевъ говоритъ: «*Бергъ-директоріумъ* учинено въ 1736 г., вмѣсто бергъ-коллегіи; когда герцогъ курляндскій Биронъ, вознамѣрился оной великой государственной доходъ похитить, тогда онъ, призвавъ изъ Саксоніи Шемберга, который хотя ни малаго знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераломъ бергъ-директоромъ съ полною властію, частію подчиня сенату, но потомъ видя, что сенатъ требуетъ о всемъ извѣстія и счета, а тайный совѣтникъ Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменнo его худые поступки и незнаніе представлялъ; тогда оставя всѣ учиненной о томъ комиссіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шемберга оному Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма казнь убыточными договоры отдала, но въ 1742 г. пакъ все оное уничтожено, Шембергъ за похищеніе многой казны арестованъ, и учинена пакъ по прежнему бергъ-коллегія». Во 2-й ч. Лексикона, стр. 22, Татищевъ прибавляетъ, что

Биронъ и Шембергъ въ два года болѣе 400,000 руб. похитили.

⁹³⁾ *Сказанія Кн. Курбскаго*, изд. I-е, стр. 38. *Рычкова*, исторія оренбургская по учрежденіе оренбургской губерніи, въ Сочиненіяхъ и переводахъ къ увеселенію служащихъ на 1759 г., ч. I, стр. 10—12. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 121; А. И., Т. III, № 178; А. А. Э, т. III, № 82; А. И., т. IV, №№ 58, 175, 201, 202 (XLVIII), 252; т. V, № 6, 19, 40, 85, 87, 123; Д. А. И., т. V, № 153; С. г. гр. и д., т. IV, № 24.

⁹⁴⁾ Башкирскія дѣла, хранящіяся въ главн. А. М. И. Д. въ Москвѣ св. I, года 1720—1722. П. С. Р. З., т. VI, №№ 3565, 3566; Башкирскія дѣла св. I, 1730 года, № 2. Петру дѣлалъ представленіе о башкирцахъ сибирской губернаторъ Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, см. Сочиненія и переводы къ пользѣ и увесел. служащія за 1759 г. ч. I, стр. 13.

⁹⁵⁾ Горн. Журн. 1831 г., № 2, стр. 193—195. А. И., т. I, № 179 (II); т. V, № 67, 70, 104. Ручпись русск. бібліотеки И. А. Н. № 118, въ описаніи томскаго уѣзда по пунктамъ Татищева, к. I, Сочин. и пер. на 1759 г., стр. 9. П. С. Р. З. т. VII, № 5197. *Кирилова* изъясненіе о киргизъ-кайсацкой и каракалкацкой ордахъ, по рук. русск. библ. И. А. Н. № 144 и П. С. Р. З. т. IX, № 6571.

⁹⁶⁾ *Разныя бумаги генерала-маіора Тевкелева* объ Оренб. краѣ и о киргизъ-кайсацкихъ ордахъ, во Временникъ, кн. 13., къ сожалѣнію остановившіяся печатаніемъ при самомъ началѣ. *Свѣдѣнія* о родѣ Тевкелевыхъ, *Ханыкова* тамъ же. Срв. Сочин. и перев. на 1759 г. ч. I, стр. 16—22.

⁹⁷⁾ Представленіе сомнѣніемъ (уповательно ген. М. Волыскаго) о башкирскомъ народѣ, въ главн. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ; д. башк. св. I, 1730 года № 2. П. С. Р. З. т. IX, №№ 6571, 6567, 6576, 6584. Сочин. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 102—111.

⁹⁸⁾ Соч. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 33, 112—142, 195—225.

⁹⁹⁾ Сочин. и пер. на 1759 г., ч. I, стр., 291—295; Спб. Вѣстн. за 1821 годъ ч. 15, стр. 7.

¹⁰⁰⁾ Сочин. и пер. на 1759 г., ч. I, стр. 296, 488. Реестръ башкирскимъ волостямъ, съ описаніемъ по которымъ рѣшились оныя и въ какихъ мѣстахъ и которая волость которой дороги и какія къ нимъ дороги, въ башк. дѣл. 1730 года, № 2. Въ концѣ этого реестра, много отличающагося отъ впечатаннаго Рычковымъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ (стр. 120—123), сказано: «Писаны, какъ чертежъ, такъ и описаніе со словъ нижеподписавшихся, кои какъ къ чертежу, такъ и къ описанію подписались. Камериръ Фелоръ Жилинъ, вѣсто отца своего Ивана Семенова сына Гавренева, по его приказу сынъ его Сильверстъ Гавреневъ руку приложилъ. Вѣсто уѣмца Семена Игнатьева сына Третьякова по ево вѣстнѣю уѣмской канцеларіи подъячій Аѳанасій Калининъ руку приложилъ». П. С. Р. З. т. X, №№ 7251, 7318; т. IX, 6571, 6581, 6584, 6890; т. X, № 7347. Сочиненія и переводы на 1759 г., ч. I, стр. 296, 297.

¹⁰¹⁾ Сочинен. и перев. на 1759 г., стр. 300. П. С. Р. З. т. X, № 7542. За все время управленія Татищевымъ оренбургской экспедиціей, башкирскихъ дѣлъ въ Моск. Арх. М. И. Д. не сохранилось. Въ 1746 г.—52 г. была учреждена слѣдственная комиссія о башкирскомъ бунтѣ; она требовала всѣ башкирскія дѣла изъ Коллегіи Ин. д., и тогда уже за эти годы дѣлъ не нашлось; ихъ, по всей вѣроятности, надо искать въ дѣлахъ слѣдств. комиссіи о Татищевѣ, напечатанной при Аннѣ Иоанновнѣ, по желанію Бюрона; см. ниже.

¹⁰²⁾ Описаніе путешествія Кэстля въ киргизскія степи хранится въ московскомъ Арх. М. И. Д., въ двухъ экземплярахъ, подъ заглавіемъ: «Jurnal der 1736 a. Orenburg nvch dem Abul-Gair-Chan der Kirgis-Kajjsacken Horda aus freyem Willen zu des Reiches, Besten höchst-nöthig unternommene Reise, glücklich abgelegt durch *Johann Castle*, Kunstmahler bey der Kayserl. Orenburgschen Expedition»; см. кирг.-кайс. дѣла, св. 2, а, 1736 г. № 3. Оно же было напечатано съ

посвященіемъ Іоанну Антоновичу во второй части *Materialien zu der Russ. Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen, von Chr. Schmidt, genannt Phiseldeck*, отдѣльнымъ прибавленіемъ. Къ описанію путешествія присоединены:) описаніе Киргизскихъ степей, 2) домашняго быта, нравовъ и обычаевъ Киргизовъ, 3) ихъ управленія во время мира и войны.

¹⁰³⁾ Кэстль такъ выражается о Татищевѣ: «Wie ich nun anfänglich merkte, dass ich bey dem selben sehr hässlich angeschwärzet seyn musste; so unterliess ich den noch nicht besagtem geheimen Rath öfters unter die Augen zu gehen, woruber ich das Glück erlangte, dass mich derselbe besser kennen lernte, und vielleicht an mir etwas ganz anders fand, als ihm von meiner Person war berichtet worden. Seine Gütigkeit nahm von Tage zu Tage gegen mich zu, da bey ich keine Gelegenheit versäumte mich in seiner Grace um so vielmehr zu befestigen, als ich mir ein besonders Glück daraus machte, von dessen Esprit und anderen Qualitäten, welche derselbe *in Kenntniss der Historie, Naturalibus und andern Curiosen mit einer sattsamen Reife* besitzt, wirklich zu profitiren, das mir auch um so viel leichter ankam, als derselbe die deutsche und andere Sprachen vollkomen verstehet, und sich ungemein zu expliciren wuste, wie er mir denn auch die Gnade that, und mich in sein Haus nahm, auch daselbst alle Ehre und Wohlthat erzeugte. Kurz er ward mein Patron». *Materialien zu der R. G.*, Anhang, S. 106, 107. О соѣзненіяхъ Абдуль-Хайра съ Джамбекъ-Батыремъ и старшинами, см. стр. 8, 32—34.

¹⁰³⁾ Киргизъ-кайс. дѣла въ Московск. Арх. М. И. Д. 1738 г., №№ 2. З., 1739 г. № 1. П. С. Р. З., т. X, №№ 7511, 7514, 7657. Соч. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 301, 305, 314—330.

¹⁰⁴⁾ П. С. Р. З., т. X, № 7278. Сочинен. и перев. 1759 г., ч. I, стр. 303, 304, 393. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 89, 149, 162—163, 182, 200, 236—237; ч. III, стр. 78,

201, 212. Сочин. и перев. на 1759 г. ч. I, стр. 310—312, 314, 336, 382, 383. Jonas Hanway, *Zuverlässige Beschreibung Seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1742 bis 1750*; B. I, cap. 3, S. 10—11. Тутъ же приложена и подробная карта всей колонизаціи оренбургскаго края Кириловымъ и Татищевымъ. Кромѣ того довольно подробное географическое и историческое описание Оренбурга и его края сдѣлано было еще въ 1744 г. известнымъ Рычковымъ. Одинъ изъ списковъ его находится въ Киргизъ-кайс. дѣл. Моск. Арх. М. И. Д., за 1744 г, № 5. Это описание легло въ основу двухъ изданныхъ сочиненій того же Рычкова: исторіи Оренб. и топографіи; оба они были помѣщены въ Ежемѣс. соч. 1759 и 1762 г.г., а последнее издано потомъ отдѣльною книгою и переведено на немецкій языкъ въ *Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie*, Bd. V—VII.

¹⁰⁵⁾ Сочин. и пер. 1759 г., ч. I, стр. 303, 304, 393.

¹⁰⁶⁾ См. Приложенія, № IV. Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при росс. дворѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, Спб. 1836 г.; стр. 92—93, 99—101. О поврежденіи правовъ въ Россіи, неизданное сочиненіе Князя М. М. Щербатова, ст. Ешевскаго, въ Атенѣхъ, 1858 г., т. I, стр. 154: О народныхъ переписяхъ, статья Артемьева, въ Русск. Вѣстн. 1857 г., т. 10., стр. 305—307.

¹⁰⁷⁾ Письма леди Рондо, стр. 98. Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Росс., 1858 г., кн. 2, стр. 156. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 20, 145, 146, 303, 504, 507, 509; ч. II, стр. 22; Исторія Росс., соч. Татищевымъ, пред. стр. XIII—XIV.

¹⁰⁸⁾ Вѣстникъ Геогр. Общ., 1859 г., ч. XXVI, стр. II, стр. 156; ч. XXVII, стр. II, стр. 49—60; 90—104. Отеч. Записки.

¹⁰⁹⁾ Калмыцкія дѣла 1741 г., № II: отправленіе Татищева въ Астрахань. П. С. Р. З. ч. XI, № 8125.

¹¹⁰⁾ Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Василія Никитича Татищева, сочиненная въ 1733 году

сыну его Ефграфу Васильевичу, Спб. 1773 in-8, стр. 57. Издатель ея Сергѣй Друковцовъ, сынъ бывшаго секретаря Татищева, титулярнаго совѣтника Василія Максимовича Друковцова, нашелъ списанную рукой отца его копію съ духовной; но онъ ошибся назначивъ годомъ сочиненія ея 1733.— Татищева прямо говоритъ: «нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ»; это онъ могъ написать только въ 1740 году. Безъ сомнѣнія, издатель былъ введенъ въ ошибку другими словами Татищева, которыми тотъ закончилъ свою духовную. «Наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумнѣю, слѣдующимъ разговоромъ награждаю, который прошлаго 733 г., будучи здѣсь, по случаю разговора съ Князь Сергіемъ Долгоруковымъ, началъ, чрезъ разговоръ съ Архіепископомъ Новгородскимъ Феофаномъ Прокоповичемъ съ Князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, якоже съ нѣкоторыми профессорами Академіи разсуждалъ, продолжалъ и тебѣ тѣмъ пользу избобрѣсти». Друковцовъ, издавая духовную Татищева, не имѣлъ подъ руками этого разговора о наукахъ. Но у Сопикова указано еще второе изданіе духовной Татищева, въ которомъ былъ напечатанъ и этотъ разговоръ. Я не могъ нигдѣ найти этого изданія, ни въ Публичной Библиотекѣ, ни въ собраніяхъ извѣстныхъ нашихъ библіофиловъ.— Друковцовъ, издатель татищевской духовной, самъ былъ не послѣднимъ авторомъ своего времени. У Сопикова названы слѣдующія сочиненія его:

а) Соч. ст. сов. Друковцовымъ Духовная въ наставленіе его дѣтямъ. Спб. 1780 г. (№ 3502).

б) Экономическое наставленіе дворянамъ, крестьянамъ, поварамъ и поварихамъ. Изд. I. Спб. 1773 г. Изд. II. Спб. 1777 г. Изд. III, Спб. 1784 г. (№№ 6588—6590).

в) Экономическій календарь или наставленія городскимъ и деревенскимъ жителямъ въ разныхъ частяхъ экономіи. Изд. I, М. 1780 г.; изд. II, Москва 1786 г. (№№ 5003, 5004).

д) Поваренныя записки. М. 1784 г. (№ 4219).

е) Сказки бабушкины. Изд. I, М. 1778 г., изд. II. М. 1781 г. (№ 10302, 10303).

д) Сова ночная птица, повѣствующая русскія сказки, изъ бывшей составленныя. Изд. I. Спб. 1779 г. Изд. II, Спб. 1781 г. (№№ 10120, 10121).

¹¹¹⁾ Краткія экономическія, до деревни слѣдующія записи, сочиненія господина губернатора въ Астраханѣ Василія Кинитича Татищева, 1742 г., напечатаны во Временникѣ Москв. Истор. общ. кн. 12, стр. 12—32.

¹¹²⁾ *Такимфа* Истор. обзорніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени, стр. 3, 22—52; *Фисера*, Сибирск. Ист., стр. 22—25, 31—37, 191, 212—214, 253, 264, 293, 318 и др. А. И. т. II, № 1. Д. къ А. И., т. II, № 62.

¹¹³⁾ Сѣверный Архивъ 1828 г., №№ 2, 3, законы мундальскіе и калмыцкіе. Рукописное сочиненіе (1761 г.) совѣтника коллегіи иностр. дѣлъ, Василія Бакунина, принадлежавшее прежде древнехранилищу г. Погодина (подъ № 1815) и хранящаяся теперь въ Имп. Публ. Библиотекѣ, подъ заглавіемъ: «Описаніе калмыцкихъ народовъ и особливо изъ нихъ торгоутскаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцовъ.»

¹¹⁴⁾ Сочиненіе Бакунина и А. И., т. III, № 296, т. IV, № 32, 56, 72, 82, 89, 131, 163, 175, 181; А. А. Э., т. IV, № 2; Д. къ А. И., т. III, № 126; т. IV, № 71; т. V, № 33, 49, С. г. гр. и д., т. IV, № 21; П. С. Р. З., т. I, № 145, 300, 316.

¹¹⁵⁾ Сочиненіе Бакунина и А. И., т. IV, № 202, 252; т. V, №№ 87, 210, 233; А. А. Э., т. IV, № 262; С. г. гр. и д., т. IV, №№ 152, 184; Д. къ А. И., т. VII, № 47, 49. Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина; стр. 3, 190, 247. П. С. З., т. I, № 540; т. II, № 990, т. III, № 1591; т. IV, № 2207, 2291; т. V, № 2702, 2958, 3001, 3062, 3314; т. VII, № 4427, 4492, 4680, 4683, 4784, 4795. Записки Георг. Общества, кн. IX, стр. 348, 351. На калмыкъ въ разное время, кромѣ выговорен-

наго ими въ шертныхъ грамотахъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, издержаны были слѣдующія суммы: въ 1678 г. за Чигиринскій походъ, 3000 калмыкъ Люквинныхъ дано бы денегъ и товаровъ на 2164 р.; въ 1676 г., въ низовой Донскомъ походѣ, на 3000 человекъ, дано около 5112 р. въ 1706 г. за астраханскую службу, 7624 р., въ 1707 послано стольникомъ Ив. Бахметевымъ къ Аюкъ-хану, ра посланки съ нимъ въ Свѣйскаго похода 3000 калмыкъ, 4600 р.; въ 1713 г. за кубанскую службу товарами и деньгами на 3837 р.; въ 1725 г., по резолюціи Сената, хотѣ послать 6000 калмыкъ для защиты крѣпости Св. Креста назначеніемъ имъ большаго жалованья; но калмыки отговорились невозможностью итти въ походъ по разнымъ причинамъ Калм. дѣла въ Моск. главн. Арх. М. И. Д., св. 301, 1736 № 30. Обстоятельный Журналъ калм. дѣл. съ 1723 по 1725 сочиненный Арт. Петр. Волынскимъ, взятъ былъ Фельдмаршаломъ Кн. Голицынымъ. Тамъ же, 1736 г., № 20.

116) Сочиненіе Бакунина и П. С. З., т. VIII, № 569 5850; т. IX, № 6705, 7027, 7103; т. X, № 7191. Въ 1735 г. былъ нарядъ 3000 калмыкъ для усмиренія башкирцевъ, послано полковнику Беклемишеву изъ доходовъ казенной губ. 10000 р., да изъ Сибирскаго приказа мелкого ружья на 1000 руб.: но изъ всего этого астраханскій губернаторъ Измайловъ, при свиданіи съ Дондукъ-Омбо, подарилъ ему и другимъ владѣльцамъ на 701 р. 6 к. Въ 1736 за Кубанскій походъ дано Дондукъ-Омбо, сыну его и другимъ владѣльцамъ, соболей на 770 р. прочихъ вещей на 1064 76 к.; деньгами 4500 р.—Кромѣ того отпускаемы были въ Астрахани порохъ и свинець. Оренб. Экспедиція издержала на Калмыкъ 484 р.—50¼ к. Калм. дѣл. 1737 г. № 9.

117) П. С. З., т. X, №№ 7228, 7335, 7549, 7700; т. XI, №№ 8393, 8394, 8847; т. XII, № 91. Калмыцкія дѣла въ Моск. Главн. Арх. М. И. Д. 1737—1740 св. 32—37. Воспріемниками калмыкъ Анны Тайшихи крестившихся въ Петербургъ, были сенаторы, совѣтники

и ассессоры разныхъ коллегій и конторъ. Крестили ихъ въ церкви полковой преображенскаго полка, кадетскаго корпуса іеромонахъ Варлаамъ; въ церкви Исакія Далматскаго, протопопъ Василій Терлецкій. Всего дано было Тайшиной и ея калмыкамъ при отпускѣ изъ Москвы 9247 рубл. На Ставрополь въ приходѣ было съ 1737—39 годахъ: 10, 090 р. 74 $\frac{3}{4}$ к., и здержано 7334 р., 9 $\frac{1}{2}$ к. На устройство мѣстн., судовъ, книгъ и вещей для ставропольской церкви здержано было 1211 р. 2 $\frac{1}{2}$ к. Геодезистами Татищева были планы и приложены къ его донесеніямъ чертежи: стѣн между рѣкъ Сока, Кондурчи, Черемшана; берегу по Волгѣ по 20 верстѣ въ сторону; ситуациі мѣста, гдѣ оное мѣстце (Ставрополь); крѣпости съ домами для знатныхъ калмыковъ, козармами для солдатъ и кладовыми магазинами; церкви, коей быть въ помянутой крѣпости. Въ примѣръ того, какъ выражались новыя христіане, привожу переводъ Бакунина сдѣланный съ письма зайсанга, объявленнаго полковникомъ, Ивана Шоро къ его матери и дѣтямъ: «Великая Государыня пожаловала и я крестился, ежели меня помните, то повѣря астраханскому губернатору пріѣзжайте въ Астрахань. И кто изъ людей нашихъ сего послушаетъ и пожелаетъ креститься, и тѣхъ съ собой возмите и удобовозможными способами ихъ къ крещенію приводите и сами креститесь. А вамъ, матушка, креститься или не креститься, оное состоитъ въ вашей волѣ, и ежели вы не будете креститься, то и въ городъ вамъ ѣхать не для чего, но можете жить въ своемъ улусѣ и дѣла свои, какъ наилучшимъ образомъ справлять. Шоро руку приложилъ. 19 января 1737 г.». О переводѣ Никодимомъ Ленкеевичемъ и его учениками велѣны господней, символа вѣры и десяти заповѣдей на калмыцкій языкъ, Бакунинъ въ своемъ донесеніи Коллегіи Иностран. Дѣл. отъ 12 января 1737 г. говоритъ такъ: «за правильный переводъ причестья не можетъ, ибо есть весьма неурядищенія; за тѣмъ, что калмыцкій языкъ не регулярной и краткой россійскимъ весьма краткой: онѣмъ обучались тому

калымцкому простому языку, что съ книжинымъ, въ которомъ за краткостью онаго вышанъ и мунгальскій языкъ, сходства не имѣтъ». Въ 1724 г. Бакунинъ также переводилъ на калмыцкій языкъ символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей: «во нынѣ, говорить онъ, и тотъ мой переводъ за правильный не поставлю, понеже я тогда мунгальскому языку не обучался еще, къ тому же по тогдашнему времени изъ калмыцкихъ духовныхъ къ тому переводу употребить было подозрительно». Въ концѣ донесенія онъ проситъ дозволенія составить букварь калмыцкій, перевести Евангеліе, и составить краткое извлеченіе изъ церковной исторіи, при помощи ученыхъ духовныхъ особъ русскихъ и калмыцкихъ, находившихся тогда въ Петербургѣ при Черны-Дондукѣ. При ставропольской церкви учениками были: Иванъ Ярославовъ, Романъ Петровъ, Давыдъ Ивановъ, Егоръ Ерсеѣевъ, Иванъ Мартемьяновъ; «а природой они калмыцкой націи». См. также Приложение № V.

¹¹⁹⁾ Калм. дѣл. 1741 г., св. 41—42. Татищевъ выхаживалъ позднее Дондукъ-Даши, который также былъ въ Петербургѣ и далъ на себя реверсъ: 1) служить вѣрно и прилежно и во всемъ поступать по указу; 2) съ непріятелями ея Величества, какого бы народу и званія не были, сообщенія и дружбы и пересыловъ не имѣть и съ другими чужестранными народами не пересылаться, а будутъ чужестранные послы отвѣтъ давать по указу; 3) крещеныхъ калмыкъ въ улусы калмыцкіе не принимать; 4) Дарму-Балу съ родственниками содержать и никому изъ калмыцкихъ владѣльцовъ за пренія ссоры не мстити; 5) быть въ совѣтъ съ Татищевымъ; 6) отдать сына Асарая въ Астрахань. Калм. дѣл. 1741 г. № 32. Находясь въ дорогѣ къ Царицыну, Татищевъ переписывался съ Бакунинимъ, который передавалъ отъ него пакеты родственникамъ, переслалъ ему однажды отъ двоюроднаго брата двои часы въ футлярѣ и деревянномъ ящикѣ. Переписку Татищева съ Бакунинимъ см. въ приложенияхъ № VI.

¹⁰⁹⁾ Обстоятельный Журналъ происходящимъ калмыцкимъ дѣламъ, который велъ Татищевъ въ одно время съ своими критическими донесеніями въ коллегію; Калм. дѣл. 1741 г. № 12. Татищевъ представилъ и счетъ своимъ издержкамъ, по поводу объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ ханства; они состояли въ слѣдующемъ: 95 барановъ, 13 скотинъ, 95 ведръ вина, 70 ведеръ водки, 10 фунтовъ соли, 100 сальныхъ свѣчей; всего на 266 р. 23²/₄ к. До Татищева въдали особенно калмыцкія дѣла: при Петрѣ Великомъ, подполковникъ Никифоръ Львовъ, жалованья получалъ 500 руб.; съ 1722 года капитанъ Беклемишевъ съ 300 руб. ежегоднаго жалованья до 1722, 400 р. до 1728 г., и 500 руб. до 1737 г., и имъ полковникъ и царицынскій комендантъ Кольцовъ съ 600 руб. Въ 1739 году для охраненія калмыцкихъ улусовъ назначенъ былъ полковникъ Лукьянъ Бобарыкинъ съ особенною командой, съ 1000 р. жалованья; у Кольцова осталось разбирательство между русскими и калмыками, ему единственно выданы на расходы изъ Штатсъ-конторы до 1000 руб. Наконецъ сталъ управлять Татищевъ.

¹¹⁰⁾ Калмыцк. дѣла, 1742 г. св. 44. Кабардин. дѣла, 1742 года № 7.

¹¹¹⁾ Персидскія дѣла св. 45—46. Кабард. д. 1743. № 3.

¹¹²⁾ Калм. дѣл. 1743 года, св. 47. Салтанаульскія дѣл. 1740 года № 2: выписка о нихъ изъ донесеній Татищева и выписка, сочиненная въ Коллегіи Иностр. Дѣл., въ 1739 г., въ донесеній Данилы Ефремова и переписки съ Дондукъ-Обсою.

¹¹³⁾ Калмыцк. дѣл. 1743 г., св. 48. Строя Енотаевскъ, Татищевъ издержалъ много денегъ изъ суммъ калмыцкой конвессіи, и потому рѣшился допустить винную продажу для рабочихъ и солдатъ, съ отдачею ея на откупъ астраханскому купцу Богдану Скворцову, съ 1 января 1743 года впродъѣжъ три года, по 669 р. 90 к. въ годъ. Кромѣ того онъ издержалъ для той же цѣли, заимообразно изъ астраханской губернской канцеляріи 1000 руб., и опасаясь еще тратить

денегъ, которыхъ не высылали болѣе изъ Петербурга, просилъ доходы съ откупа употребить на достройку крѣпости, а не отсылать ихъ въ Комерцъ-коллегію. Коллегія Иностр. Дѣлъ, куда Татищевъ обратился съ этою просьбою, сознавая всю важность дѣла, которую Татищевъ имѣлъ въ виду, не рѣшилась однако принять на себя рѣшенія дѣла и просила Сенатъ обратить на него наибольшее вниманіе и послать указы о томъ уже прямо къ Татищеву. Сенатъ рѣшилъ указомъ отъ 23 іюня 1743 года: простить 1000 руб., а выдать еще 1000 руб. изъ астраханской губернской канцеляріи, деньги съ откупа также обратить на строеніе крѣпости. Потомъ велѣно было, относительно снабженія Енотаевской артиллеріею и военными припасами, сносятся непосредственно съ военной коллегіею. Постановленія о рыбныхъ ловляхъ въ калмыкъ, см. въ Приложеніяхъ, № VII.

¹²⁴⁾ Калм. дѣл. 1744 г. и 1745 г. Приложенія № X.

¹²⁵⁾ П. С. Р. З., т. IV, №№ 2218, 3119, 3374, 3380; т. X, № 7965. Собраніе собственноручныхъ писемъ Петра Великаго къ Апраксинимъ, М. 1811 г., ч. I, стр. 35—58. *Voyage de Corneill Le Brun, par la Moscovie, en Perse et aux Indes orientales.* Amsterd. 1718. t. I, p. 90—94. *Jonas Hanway, zuverlässige Beschreibung Seiner Reisen,* B. I, C. XIX, s. 87—91. *Der allerneueste Staat von Casan, Astracan, Georgien etc.* Nuremberg. 1724 г., s. 105—110.

¹²⁶⁾ П. С. З., т. IV, № 1792; т. VI, № 3622, 3668; т. VII, № 4728; т. VIII, № 5333. Срв. меморію, поданную Петру Великому въ 1724 г. астраханскимъ губернаторомъ А. П. Волянскимъ, въ Р. Вѣстникъ 1841 г., т. II, стр. 378—380.

¹²⁷⁾ П. С. З. т. VII № 4304, 5025; т. VIII, № 5799; т. IX, № 7020, 7129; т. XII, № 8919, 8991. Калм. дѣл. 1742 г., № 46. Рукопись русской библіотеки И. А. Н., № 143: одиннадцать географическихъ и историческихъ вопросовъ о Бухаринъ и Хивѣ, Татищева, на 16 листахъ. На обо-

реть послѣдняго написано: «Du Brovini Relationes mire, si
his est credere». Вопросы эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Въ Бухарской и Хивинской сторонѣ какія есть разныя
мѣстности и что объ нихъ могъ вѣдать, коль великіе, и кто
у нихъ сильнѣе или богатствомъ (выше)?

2) Какіе у нихъ столичные города, и кто съ ними грани-
читъ и противная?

3) Какіе гдѣ російскіе потребны товары, у нихъ какіе
въ Россію мочно товары доставать и какая гдѣ манѣта хо-
дить?

4) О золотѣ, серебрѣ, мѣди и железѣ, въ которыхъ тамъ
мѣстахъ рудница и ханы-ль имѣютъ тамъ заводы или пар-
тикулярные люди, такжеже о камени наждакъ и о другихъ ка-
менныхъ, далахъ, яхонтахъ, гдѣ тамъ достаютъ и чьего владѣнія?

5) Какимъ путемъ въ тѣ мѣста способнѣе російскими
плаванами ходить, водою-ль до Астрабата или сухимъ пу-
темъ чрезъ старую Хиву, и въ томъ пути какія находятца
трудности и потребно-ль конвои и въ какомъ числѣ?

6) Гдѣ имѣютца знатныя рѣки, коними могутъ суда хо-
дить и куда мочно проходить, и объ Аральскомъ морѣ и въ
что изъ него о рѣкахъ.

7) Которые тамошніе владѣльцы въ бытность его склонны
были къ російской сторонѣ и къ комерціи, и ежели въ
дѣлать комерціи съ ними вступать, то чѣмъ мочно ихъ
утверждать?

8) О тухменскомъ народѣ, которые во время бытности
(ш. Бековича) Черкаскаго въ подданство прибѣгали, особ-
ливо показать подъ однимъ ли владѣльцомъ или многіе и
коль много тотъ народъ, и имѣеть-ли города или кочевья?

9) Объ аральскомъ ханѣ и о ево владѣніи, потому-жъ
особливо мочно показать, способно-ль чрезъ ево владѣніе въ
Бухары проходить?

10) О киргизъ-казацкой землѣ, гдѣ оная лежитъ и имѣ-
еть ли свои города и коль они къ Сибири или къ Уфѣ
близи и способны къ комерціи?

11) Ревень изъ Бухары выходитъ, въ тамошнемъ владѣннѣ или къ нимъ привозять?

Отвѣтъ о торговлѣ былъ такой:

«Русскіе потребныя товары возить въ Хиву, въ провинціи Анху, Авча, Балкъ, Коломна, Кундусъ, Имамъ, Бодакъ»

1) Сукно цвѣтомъ кармазинное галанское, а другое ирое называется по персидски Мармарино, и чтобъ было сдѣлано на персидскую руку, понеже за то больше денегъ беретца;

2) Сукно-жь полукармазинное галанское, сдѣлано было на персидскую руку, и за оно денегъ довольно-жь беретца;

3) Сукно простое, цвѣтъ красной, чтобъ похожъ былъ кармазинную краску;

4) Сукны зеленныя, простыя, полукармазинныя;

5) Бобры русскіе и заморскіе, выдры русскіе и заморскіе;

6) Иглы безимены (sic) и первой руки, а другіе не дѣлаются;

7) Семя канцелярское;

8) Юфты трехъ рукъ;

9) Четвертая юфта мастерская, она годится въ Могольскія провинціи;

10) Зубы моржевыя;

11) Зеркала;

12) Сахаръ простой и леденецъ;

13) Корольки, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ годятся, и во всѣхъ;

14) Жемчугъ годится въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ;

15) Бусы разныхъ цвѣтовъ;

16) Бисеръ разныхъ цвѣтовъ;

17) Холстина русская тонкая;

18) Краска брусковая;

19) Сандалъ;

20) Бумага пишущая;

21) Нашатырь;

22) Савры лошадиныя кожи;

Въ Россію товары отъ тамошнихъ странъ:

«Изъ Хивы овчинки малое число находитца; холста бумажнаго изъ котораго въ Астрахани красятъ бурметы на маленькую руку.»

«Въ Бухарахъ находитца ревеню привознаго, холстина бумажная, золота привознаго, изъ Ходжанта сребра привознаго, изъ Самарканда вещей отъ камня разнаго находитца много число у хана и у протчихъ господъ. Да сѣмя Дрези, которая родитца въ Ташкенту, и оное купцы привозитъ въ Персидскую и Турецкую области и изъ Турецкой идетъ въ нѣмецкіе страны». — Авторъ приложенныхъ листовъ выдаетъ себя нѣкоторыми выраженіями: «въ прошломъ 728 г. избранъ ханъ Бирсъ въ хивинскіе владѣтели....; въ бытность мою у нихъ (Узбековъ) имѣлась война съ Аральскимъ ханомъ Шетемиромъ (листъ 1); я видѣлъ отъ въ 729 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ» (листъ 6 на оборотъ). Потомъ у Татищева была еще рукопись, пожертвованная въ также въ бібліотеку Академіи Наукъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Способъ ко введенію коммерціи въ государственныхъ великаго Могола, въ городъ Балхъ, который нынѣ есть пограничный, а прежде сего былъ подъ владѣніемъ помянутого могола, и надлежалъ Индіи; въ Бухарию и прочіе города и въ провинціи къ ней принадлежащія, также въ Хиву и въ другіе мѣста». Рукопись эта начинается исторіею Бухары, гдѣ разсказаны усиленія ея на счетъ Персін, владѣній великаго Могола и степей лежащихъ на Югъ отъ Тобольска, при Абдулахъ ханѣ; потомъ ослабленіе, возвращеніе Персіею отнятыхъ у нея земель, паденіе владычества Узбековъ, образованіе мелкихъ отдѣльныхъ владѣній, завоеваніе Туркестана ханомъ черныхъ калмыкъ Араптаномъ. Объ всѣхъ этихъ мѣстностяхъ говорится такъ: «всѣ мѣста богатые золотомъ, серебромъ и прочими металлами, не считая знаменитыя тамошнимъ народомъ; понеже за немску-

ством своимъ пользуются токмо тѣмъ металломъ, который находятъ или блещетъ передъ ихъ глазами поверхъ земли». Далѣе идетъ описаніе волненій Узбецкихъ въ бытность въ Бухаріи русскаго посланника, выселенія Чегатайцевъ въ Индію, во владѣнія великаго Могола; они втайнѣ желали передаться хану черныхъ калмыкъ. Далѣе описаны походы этого хана на киргизъ-кайсаковъ, которые бѣжали къ Узбекамъ. На листахъ 6—7 говорится: «и понеже тому нынѣ два года минуло, какъ помянутый посланникъ выѣхалъ изъ Хивы, такожь не имѣется никакого извѣстія о томъ, что учинилъ до сего времени вышереченныхъ черныхъ калмыкъ ханъ, такожь тотъ же ли ханъ государствуетъ въ Бухарахъ и прекращены ли возмущенія и бунты тѣхъ земель; тогда ради въ дѣлѣ свободной комерціи надлежащимъ образомъ и фундаментально разсуждать невозможно, не вѣдая о нынѣшнемъ состояніи Бухарскомъ, ни Хивинскомъ, ни о другихъ окрестныхъ мѣстахъ даже до границъ Могольскихъ. Однакожь разсуждается что ежели нынѣ въ Бухарахъ государствуетъ какой другой ханъ добраго поступка, человекъ мужественный, ратный и всю власть имѣющій; то можно свободно надѣяться счастливой комерціи, ради русскаго народа какъ въ Моголь, въ Индію, такъ и во всѣ другіе страны при семъ вышеупомянутые. Тогожь счастья къ комерціи можно будетъ надѣяться, ежели да ханъ черныхъ калмыковъ учинилъ какой добрый успѣхъ въ государствѣ Бухарскомъ, а наилучше ежели да онъ ханъ и совершенно да нынѣ завладѣлъ тою землею; токмо бы его императорское величество соизволилъ обойтись съ нимъ доброю корреспонденціею, понеже онъ ханъ того всѣмъ сердцемъ желаетъ, какъ посолъ его имѣлъ случай дать знать Россійскому посланнику, будучи въ Бухарахъ». Но если еще Узбеки владѣютъ странами Аральскаго моря,—замѣчаетъ авторъ, то память объ исторіи князя Бековича должна привести къ другому образу дѣйствія. На листѣ 8 сказано: «примиреній съ Хивою народу Россійскому поставится въ немалое ума»

земі славы при тамошнихъ народахъ и не будетъ отъ нихъ почитано мужество Россійское такъ, какъ прежде сего они не только солдата, но послѣдняго купца почитали, и будутъ шить всегда причину говорить, якобы Россіяне потеряли свой куражъ, лишився монарха своего Петра Великаго, котораго имя гремѣло даже въ Индіяхъ, и всѣ тамошніе земли страхъ имѣли». Только по завоеваніи Хивы, думаетъ авторъ, можно утвердить прочную торговлю съ Востокомъ; противъ того должно возратить Аму-Дарью по старому устью ея къ Каспійскому морю. На листѣ 10 продолжается: «и когдабы его императорскому величеству соблаговолилось совершенно обладать землю Хивинскую, тогда сія наша наирисная коммерція отъ Индіи и всѣхъ окрестныхъ земель, сключавъ въ Хивѣ яко арсеналъ торговаго промыслу съ обѣихъ сторонъ, призошла бы съ навящею силою и успѣхомъ; а сіе имперіумъ прістязало бы великую пользу». Затѣмъ идетъ самый планъ завоеванія: сперва усмирить киргизъ-кайсаковъ, устроить добрую дорогу отъ Яика до Хивы, снабдить ее водою и жильемъ въ урочныхъ мѣстахъ, вступить въ Хиву секретнымъ образомъ; для изгнанія изъ этихъ мѣстъ киргизъ-кайсаковъ понадобится не болѣе полуторы тысячи казаковъ, до пяти сотъ драгуновъ, кромѣ того можно получить помощь отъ черныхъ калмыкъ. Четыре пути ведутъ въ Хиву и Бухару: одинъ, чрезъ который шелъ Бельчанъ, другой — чрезъ Мангышлакъ, третій отъ Яика къ Аральскому морю прямо, четвертый отъ Яицкаго городка въ рѣку Сыръ-Дарью. Но второй путь безводенъ; два послѣдніе заняты киргизъ-кайсаками. Есть еще дорога отъ Тобольска къ Туркестану. Но всѣ попытки устроить пути въ Хиву вызовутъ подозрѣнія со стороны Хивинцевъ. На листѣ 16 идетъ заключеніе такого рода: «и тако заключается, что ко установленію спокойной и полезной коммерціи въ оныхъ странахъ генерально надобно обладать землю Хивинскую; ибо когда его величество увидится государемъ Хивы, воленъ будетъ и коммерцію производить по

своему соизволенію и все къ тому принадлежащее учинити и то, что въ другихъ земляхъ невозможно достать пріимствомъ, тамъ добудется силою, а больше съ грозами и слезными именемъ, нежели дѣломъ». Рукопись кончается словами, на листѣ 21: «о прочемъ же содержаніи караванбашей и караванниковъ и о нихъ должностяхъ, явствуетъ въ указѣ изъ Верховнаго тайнаго совѣту». См. также рукописи русской бібліотеки И. А. Н., № 113: Примѣчанія о невыгодности торговль съ Бухарцами, на 18 листахъ, неправильно приписанныя Татищеву. Она могла перейти къ нему въ 173 г., во время пребыванія его въ Петербургѣ, когда автор написалъ послѣсловіе къ ней. Писана же она въ августъ 1730 г. Пьеромъ Куки (Pierre Souquet). См. Чтенія общаго Истор. 1861, № 1. Хивинскія дѣла 1741 г., № II: посылка англійскаго купца Романа Гока съ товарами въ 1740 г. и Джона Томсона до Бухары, которые хотѣли завести пріимчивыя торговныя сношенія съ Среднею Азією чрезъ Астрахань. Бухарскія дѣла, 1744 г., № 2: объ армянской торговль. П. С. З., т. I, № 409, 410, 539; т. IV, № 209: 2356, 2490, 2609; т. V, № 3385; т. VI, № 3618; т. IX, № 7129; т. XI, № 8007, 8194, 8500. Лексиконъ Татищева, ч. III, стр. 163.

¹²⁸⁾ Киргизъ-Кайс. дѣла въ М. Г. А. М. И. Д., за 1741 годъ, № 4; Персидскія дѣла 1742 г., № 9. К. Fr. Neumann's Persien seit dem Niedergang der Sefi, въ Historische Taschenbuch, herausg. v. Raumer, J. 1855., s. 386—388. Jonas Hanway, Beschreibung der neuesten Reichs-Veränderungen in Persien, Hamb. и Leipzig 1754, s. 199. 362. Извѣстіе о происшедшихъ между шахомъ Надиромъ и старшимъ его сыномъ Рези-Кули-Мирзою печальныхъ приключеній въ Персіи, 1741 и 1732 г., нынѣ сообщенное сочиненіемъ канцеляріи совѣтника Василья Братищева, СПб. 1763 г., стр. 1—54. Описаніе церемоніи бытности у сима — ства на двухъ аудіенціяхъ Персидскаго полномочнаго посла Магометъ Хусейнъ Хана въ Москвѣ, первой на

16, второй юня 20 сего 1742 года. Печ. въ Москвѣ при Сенатѣ, 1742 г. in—8, 12 стр.—Татищева Ист. Росс. кн. I, стр. 191.

¹²⁹⁾ Персидскія дѣла 1742 г. П. С. З., т. XI, № 8670. *Сколова*, Астраханскій портъ. Лексиконъ Татищева, I, 12; II, 103. Грузинскія дѣла 1742 г., № 6: прїѣздъ въ Петербургъ митрополита Антонія съ жалобою Грузинцевъ на угнетенія Персидскаго шаха.

¹³⁰⁾ Персидскія дѣла 1733 г., № 11 и 12. *Jonas Hanway*, *zuverlässige Beschreibung seiner Reisen*, s. 19, 25—29, 56, 83—86, 93—97, 114, 298 и др. О значеніи персидской и вообще восточной торговли для Россіи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія говоритъ Щербатовъ въ своей статьѣ: «состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлеба, въ началѣ 1788 г. при началѣ Турецкой войны». «При императрицѣ Аннѣ, пишетъ онъ, и въ не малое время царствованія императрицы Елизаветы Петровны, Персія была въ цвѣтущемъ состояніи, серебро и золото въ нее текло изъ Индіи и на промѣнъ товаровъ нашихъ изъ Персіи много серебро привозили; потомъ шахъ Тахмасъ Кули ханъ, взора могольскую имперію и получа въ столицѣ оныя нечетное сокровище, золото и серебро цѣну свою потеряло: массы, содѣланные изъ чистѣйшаго серебра, въ Россію въ великомъ множествѣ приходили, также знатное количество привозили въ Астрахань и Оренбургъ такъ называемаго кошачатаго серебра (до 10000 пудовъ); тогда уже торговля съ Китаемъ на границахъ Сибири также хотя не великое число серебра въ Россію приносила. Зенгарцы доставляли кошачатое серебро». Теперь же, прибавляетъ онъ Тахмасъ Кули ханъ убитъ; Персія подѣлалась, междуусобіями и разореніями страдаетъ, сама ищетъ отъ насъ золота; Китайскій торгъ рухнетъ; Зенгарцы разорились. См. Отеч. Зап. 1839 г., № 12, стр. 420.

¹³¹⁾ Персидскія дѣла разныхъ годовъ (1740—1744). *Лексиконъ Татищева*, III, 187—189.

¹²²⁾ Персидскія дѣла 1744 г., № 13.

¹²³⁾ Персидскія дѣла 1745 г., № 17. Калмыцкія и Тарвооскія дѣла 1743 г., № 1 и 2., 1744 г., № 2. Ногайскія дѣла, св. 11: нѣсколько выписокъ о большихъ и малыхъ Ногаяхъ, 1736 года января 21, 1743 года мая 27, 1747 октября 27, и самая подробная въ августѣ 1754 года. Выписки эти ведутъ исторію Ногайцевъ отъ Іоанна Грознаго до половины XVIII вѣка; тутъ же свѣдѣнія о Салтанульцахъ, отрасли Ногайцевъ. Кабардинскія дѣла 1744 г., № 3, 1745 г., № 2. Грузинскія дѣла, 1743 г., № 1. Трухменскія дѣла, 1741 г., № 1—3; 1745 г., № 2, 3. Исторія Татищева кн. I, стр. 288.

¹²⁴⁾ См. въ приложеніяхъ №№ VIII и IX.

¹²⁵⁾ Изъ разныхъ донесеній Татищева и указовъ коллегіи, въ калмыцкихъ и персидскихъ дѣлахъ. *J. J. Lersche, Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben. Halle, 1791; S. 256—258.* Тутъ же описаніе Астрахани, ея торговли и преобразованій ея магистрата по увольненіи Татищева. П. С. З., т. XII, № 9227. Вскорѣ по отъѣздѣ Татищева изъ Астрахани убитъ былъ Шахъ-Надиръ, именно въ 1747 году; Эльтонъ убитъ въ 1751 году.

¹²⁶⁾ См. статью г. Чупина, Библіотека Н. Татищева въ Екатеринбургѣ, помѣщенную въ Москов. Вѣдомостяхъ 1860 года, № 203.

¹²⁷⁾ Исторія Россіи, сочиненіе Татищева, кн. I, стр. 11, 264, 309; лексиконъ част. III, стр. 205; истор. кн. I, стр. 175, 113, 130, 66, 436; кн. II, стр. 227, 249; лексиконъ част. I, стр. 159; истор. кн. I, стр. 21, 385, 12, 10; кн. II, стр. 378, кн. I, стр. 15, 76, 149, 308; лексиконъ част. I, стр. 57; истор. кн. I, стр. 156; кн. II, примѣчаніе 306, стр. 34, 206, 109, 319, 358, 34; кн. I, стр. 69, 73, 325, 503, 133, 175, 480, 2, 3, 99, 309, 332, 296, 313, 374, 490, 329; кн. II, примѣч. 13; кн. I, стр. 79, 80, 131, 331; кн. II, примѣч. 24, 318; лексиконъ кн. I, стр. 102; исторія кн. I, стр. 108, 159; лексиконъ част. II,

стр. 105 част. III, 65; истор. кн. I, стр. 286, 291; кн. II, стр. 406, 273; лексик. част. III, стр. 54; истор. кн. II, примѣч. 184; кн. I, стр. 476, 464; кн. II, стр. 56, 247, 311; кн. I, стр. 527; кн. II, прим. 333—335; прим. 306; лексиконъ кн. III, стр. 40, 44; истор. кн. I, стр. 327, 136, кн. III, примѣч. 616, кн. II, примѣч. 250, и проч.

¹⁰⁰⁾ Исторія Россіи, сочиненія Татищева, кн. I, стр. 60, 56, 63; Судебникъ, стр. 130; истор. кн. I, стр. 99, 105, 276—278, 280—282, 290, 327, 352, 357, 486, кн. II, примѣч. 320, кн. I, стр. 358, 149, 105, 107, 315, 353; кн. II прим. 15, 229; Судебникъ, стр. 18; истор. кн. II, прим. 409, 339, 334; кн. I, стр. 502, 577, 270; кн. II, примѣч. 250, и проч.

¹⁰¹⁾ Лексиконъ част. I, стр. 20.

¹⁰²⁾ См. приложенія № XIII.

¹⁰³⁾ См. приложенія № XIV.

¹⁰⁴⁾ См. рукопись русской бібліотеки Петербург. Акад. Наукъ № 119, т. е. Журналъ Сибирскаго описанія, вступило въ бібліотеку отъ Татищева послѣ пожара бібліотеки. Начнется трактотъ отъ Москвы до Иркутска. На листахъ: 3—6, помѣщена выписка изъ книгъ Сибирской губернской канцеляріи о горахъ дымящихся въ Камчаткѣ, о соляномъ промыслѣ въ Сибири, росписаніе городовъ и узловъ Сибирской губерніи. На листахъ 7—38 помѣщена вѣдомость о Тобольскѣ. На листахъ 40—54 помѣщена вѣдомость о горѣ Пелымѣ, отъ воеводы Феодора Павлуцкаго. На листахъ 55—76 продолженіе ея изъ провинціальной канцеляріи. На листахъ 77—108 вѣдомость изъ Верхотурской канцеляріи. На листахъ 109—145 вѣдомость изъ канцеляріи города Тары. На листахъ 147 слѣдующихъ помѣщены смѣшанныя извѣстія объ Исецкомъ, Томскомъ, Нарымскомъ, Кетскомъ и Кузнецкомъ дистриктахъ. Кромѣ Павлуцкаго трудились надъ составленіемъ вѣдомостей капитанъ Феодоръ Ведингъ, канцеляристъ Прокопій Поповъ, секундъ-маіоръ Степанъ Угрюмовъ, канцеляристъ Петръ Комаровъ, капитанъ Артемонъ

Бартеневъ, канцеляристъ Иванъ Симеоновъ. Вся же рукопись сдѣлана по листамъ такъ: «съ подлинными читалъ и канцеляристъ Егоръ Докторовъ.» Въ примѣрѣ подробно о встрѣчающихся въ этомъ описаніи привожу слѣдующее место, находящееся на 132 листѣ: «да сверхъ вышеписанныхъ отвѣтовъ тарскіе градскіе и уѣздные знаемые иноземцы именно сеиты: Адахоржа, Арымхоржа, Мулла-Маметъ-Камовъ, бухарцы: Бакмуратъ Рейчаповъ, Мамшенъ-Алли Тохтамышъ Себеяковъ, Абай Ислевменевъ, Кучукъ Имаевъ, Аялинской волости князецъ Икучумъ Букченевъ, сынъ его Арымъ Изкучуковъ, той же волости еса Тохтоулъ Ияевъ съ товарищи, которые подписались по вышеписаннымъ пунктамъ въ отвѣтахъ своихъ чрезъ разговоры о противности и о трудности въ законѣ христіанскомъ: для чего оный христіанскій законъ принять, а с оставить не хотятъ, секретно предъ Тарскимъ маоромъ воеводою господиномъ Бражняковымъ чрезъ толмача Дав Рудова и разночница Дмитрія Кузнецова спрашиваны, и о сеиты Ада и Арымъ Хоржи съ товарищи въ отвѣтъ сказа противности и трудности никакой въ законѣ христіанскомъ они не имѣютъ, токмо того христіанскаго закону прива а свой оставить не хотятъ, по завѣщанію своего прор Махомета и полученной отъ него книгѣ, называемой Кура Въмѣсто толмача Данила Рудова разночница Кузнецова ихъ велѣнію подъячій Дмитрій Черкесовъ руку приложилъ Описание Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ помѣщено въ Р кой библіотеки Академіи Наукъ № 118. На листахъ 1— помѣщено описаніе Томскаго уѣзда; на листахъ 53— описаніе Кузнецкаго уѣзда. Въ первомъ источникѣ с жили: извѣстія отъ Томской канцеляріи, по которомъ разс заво кратко исторія Томска; свѣдѣніе о физическомъ и тественномъ состояніи края, сообщенное на основаніи с ственныхъ дознаній геодезіи порутчика Ивана Шишкова; с двія, доставленныя томскимъ духовенствомъ о мѣсти святыхъ. Второе описаніе составлено по извѣстію отъ

зюцкой канцеляріи, такожь по увѣдомленію во время описанія. Въ примѣръ подробностей находящихся въ этихъ описаніяхъ сообщаемъ татарскія названія 13 мѣсяцевъ, помѣщенныхъ на 31 листѣ; начиная съ нашего сентября: — 1) малая стужа, иначе листъ падеть;—2) большая стужа, дождливый или промышленный;—3) восточный вѣтеръ, или малый мѣсяць; — 4) лисій или большой мѣсяць; — 5) таетъ и корозитъ, или вѣтряный мѣсяць; — 6) добычный мѣсяць, или берегъ у рѣки показывается изъ-подъ снѣга; 7) кокушкинъ, или орловый мѣсяць; — 8) сарана изъ земли идетъ, или вороній мѣсяць; — 9) малый жаръ; — 10) большой жаръ; — 11) дождливый или ненастный; — 12) ведренный или ясный, сарану копаютъ; — 13) первый снѣгъ или пороша, кедровые орѣхи берутъ. Тѣ же мѣсяцы по-остятски назывались: осетровый мѣсяць, окуній, малыхъ щукъ, большихъ щукъ, орловый, вороній, сухаго снѣга, снѣгъ разводитъ, чердаки дѣлать къ ловленію рыбы, рыба пускаетъ икру, малые запоры для рыбъ, большіе запоры, безъимянной. Объ Томскомъ архивѣ сказано на листѣ 23: «въ канцеляріи старинныхъ дѣлъ и писемъ довольное число и можетъ что есть чудное къ историческому извѣстію, токмо за вѣтхостію приискать невозможно, ибо оныя несмотрѣніемъ всѣ погнили, лежатъ въ каменной магазейнѣ; да къ томужь въ прошломъ 1740 году оную архиву разбиралъ господи́нъ профессоръ Миллеръ не малое время, такожь и мы смотрѣли токмо ничего къ дивности за гнилостію дѣлъ не нашли». На листѣ 29 о русскомъ населеніи Томскаго уѣзда говорится такъ: «довольно большихъ ростомъ, а больше среднихъ, есть и малые, плеча широки, довольно въ лицо смуглыхъ, калмыковатыхъ, носы велики, островаты, есть и толсты, глаза, волосы и брови черныя, и довольноны отъ природы смѣшанной: калмацкой, татарской и киргиской; есть нѣкоторые въ городѣ отъ Гривовъ, нрава не правдиваго, но льстиваго въ словахъ и живши, есть нѣкоторые и постоянны; больше держатся раскола, не токмо отъ простыхъ, нѣкоторые отъ причта церковнаго».

Въ 1682 году сожгли себя 133 человекъ; въ 1685 г. 40 человекъ, близъ деревни Таланошной на берегу рѣчекъ Юма и Тайменки въ мѣстахъ, засаженныхъ потомъ отъ жителей лѣсомъ березнякомъ; да на рѣкѣ Поросѣ въ деревнѣ Петровой въ 1706 году сгорѣло съ 300 человекъ болѣе городскихъ жителей отъ бородобритія. О Татарахъ и Остякахъ сказано на листахъ 32, 34 и 39 слѣдующее: «Татары прежде владѣнія Россійскаго нѣкоторые были подъ владѣніемъ Черныхъ Калмакъ, то есть Койтайшинныхъ, и былъ отъ него присланъ князецъ ихъ, судилъ по винѣ, казилъ, и были старшины, оныя смертной казни не чинили, токмо наказывали, палками бивали; притомъ собравшись старые люди судили, болѣе за насиліе женъ наказывали. Остяки прежде владѣнія Россійскаго никакихъ князей не имѣли, а имѣли большихъ людей, судъ имѣли отъ того большаго человека и по винѣ наказаніе съ совѣту другихъ людей, а кого кто убьетъ, за то оному по повѣленію того большаго человека, котораго имѣли въ великой чести, бываетъ застрѣленъ или убитъ, за насиліе женъ брали безчестіе, а кому платитъ нечѣмъ или договорясь не заплатитъ, такихъ убивали. Татары нынѣ всѣ имѣютъ судъ отъ опредѣленныхъ отъ канцеляріи приказчиковъ и объявляютъ отъ нихъ великія обиды; и въ лѣсу терпятъ до ихъ князьковъ или есауловъ, а оныя должны объявить прикащику жъ, и онъ судитъ, и весьма ихъ обираетъ, для чего ужъ нѣкоторые должны терпѣть обиды; въ убивственныхъ и татебныхъ дѣлахъ отвозятъ въ городъ, гдѣ присуданы. Остяки судъ и управу нынѣ имѣютъ также какъ и татары. Татары до владенія русскихъ имѣли войну междуусобную въ родахъ, больше за дѣвокъ и за добрыхъ звѣрей. Татары до крещенія вѣровали въ трехъ боговъ: два на небѣ, названія ихъ значатъ — ты насъ сотворилъ; матушка! ты насъ сотворила; третій значитъ: гнивая дѣвка. У остяковъ были боги: небесный, лѣсной, водяной. Татары вѣрили и въ лукаваго..... и татары и остяки поклонялись солнцу; при восходѣ говорили дай намъ себѣ дѣй

доброе здоровье, при заходѣ просили о ночи; огню говорили: ты-де насъ грѣшь, какъ-де мы безъ тебя будемъ; водѣ: ты-де поишь и кормишь; горами и лѣсамъ: вы-де войте и кормите насъ, то есть добычею звѣрей. Звѣрямъ, особливо медвѣдю, поклоненіе приносили, чтобъ имъ быть такимъ же молодымъ, сберегалъ бы отъ морозу; медвѣдя просили, чтобъ не съѣлъ, пошелъ далѣ, по нашей дорогѣ не ходи; по истреляніи, когда на ихъ напустить, то ему сказывали: зачѣмъ-де ты идешь, а я тебя незнаю; онъ-де остановится и въ то время стрѣляютъ, и будто онъ зналъ ихъ языкъ». На листѣ 63, говоря о недородахъ хлѣбныхъ и торговыхъ убыткахъ, Шишковъ прибавляетъ: «такоежъ въ ихъ судахъ отъ приказчиковъ и прочихъ приносятъ жалобу въ сборѣ подушныхъ денегъ, великіе собираютъ раскладки, собираютъ съ нихъ старосты съ каждой души по рублю, иногда и больше объявляютъ; изъ того числа держать старосты на разные расходы и на наемъ лошадей въ подводы отъ Берскаго острога чрезъ Барабинскую степь до Бергаматской слободы тарскаго уѣзда». Татищевъ въ своемъ предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи російской, требовалъ также извѣстій о мѣстныхъ древностяхъ. Шишковъ, отвѣчая на это требованіе, говоритъ о Томскѣ на листахъ 28—29: «по извѣстію отъ канцеляріи, въ городѣ Томскѣ о древнихъ могилахъ старинныхъ вещей и прочаго не пишется. По усмотрѣнію во время описанія, въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя могилъ и довольно, однакожъ отъ русскихъ людей уже всѣ разрыты для добычи, а въ дальнихъ мѣстахъ можетъ что и находится, однако намъ не объявляютъ. Мнѣ достали чрезъ нѣкоторыхъ здѣсь жителей чинжалъ или ножъ идишій, на верху черна сдѣлано подобно двѣ звѣриныя голы, у котораго немного отломлено конца нѣкоторые объявляютъ и признавають, съ того ножа у тѣхъ жителей давалась жертва. Также имѣю: 1) два камня сережнихъ называемые агаты, — объявляютъ оный чинжалъ и камень этими на вершинѣ рѣки Оби, — 2) бугровыя желѣзныя

стрѣмена, которыя наставлены съ серебромъ, 3) кость зеленая, на которой подобно двумъ личинамъ, вѣрезана бытъ на трости или палкѣ, 4) камень изъ стекла, по немъ волосы красныя и желтыя съ дырою. Горшковъ и кувшиновъ съ надписями и прочаго не объявляютъ. Во время описанія черезъ нѣкоторыхъ мѣднаго идола небольшого получилъ, котораго прилагаю при семъ, а больше не сыскалось.»

Кузнецкомъ же уѣздѣ, на листѣ 75 сказано: «въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ древнихъ могилахъ старинныя вещи дивныя ко изясненію исторіи весьма полезныя находились; а нынѣ такихъ вещей не находится для того, что тѣ древнія могилы уже въ прошедшихъ годахъ всѣ разрыты. Горшковъ и кувшиновъ прежде находилось довольно, которые отъ незнанія утрачены, а нынѣ не находятся. Золотыхъ, серебряныхъ мѣдныхъ вещей, яко идоловъ, звѣрей и прочаго никто не объявляетъ». Эти выписки могутъ достаточно характеризовать трудъ Шишкова, который старался отвѣчать со всѣми доступными для него подробностями на запросы Татищева. Напротивъ въ журналѣ сибирскаго описанія (рукопись № 119) отвѣты были большею частію казенныя, канцелярскіе; а еще чаще говорилось въ немъ: подлиннаго извѣстія о томъ не имѣется, не обрѣтается или не вѣдаютъ, не сказуютъ, не знаютъ, не описуютъ, ни разумѣютъ, ни примѣчаютъ, ни упоминаютъ. Наконецъ въ описаніи Шишкова приложено много рисунковъ, о которыхъ онъ самъ, въ отвѣтъ на 104 вопросъ Татищева, говорить: «хотяжъ оные рисунки будутъ не весьма исправны, покорнѣйше прошу не погнѣваться, ибо въ живописи искусства не имѣю». Рисунки эти были слѣдующіе:

На листѣ 89: Сибирской губерніи удорской провинціи кузнецкаго уѣзду каковы знаки на границѣ россійской и китайской складенныя изъ дикова камня на горѣ Шобинной Добычѣ и отъ россійскаго китайской знакъ на Ость 9 сажень, на россійскомъ знакѣ, складенномъ изъ камня и на камнѣ выбиты литеры: грѣс. Таковы описаны 1742 года іюля 10 число геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ. Съ подлиннаго

рисовал инженернаго корпуса кондукторъ Яковъ Курманалъевъ 1745 году марта 27 (на рисункѣ русскомъ знакъ въ видѣ креста на каменномъ пьедесталѣ, вышиною знакъ 4 аршина, — китайск. въ видѣ столба съ китайской надписью, вышиною знакъ $3\frac{1}{2}$ аршина).

На листѣ 90: камень куртоякташъ, стоящей въ Кузнецкомъ уѣздѣ въ согайской степи; между стоящими камнями на рѣкѣ Обоканѣ внизъ по лѣвой сторонѣ между рѣкѣ Исъ и Аксыса, надъ поемными озерками описываны 1742 году іюля 4 дня. Рисовалъ и списывалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ (Два вида съ лицевой стороны и съ боку.)

На оборотѣ 90 листа: Два камня Куртоякъ-ташъ, значить старуха камень, стоящей въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ Согайской степи между стоящими камнями на рѣкѣ Абаканѣ внизъ по лѣвой сторонѣ и на рѣкѣ Исъ внизъ по лѣвой же сторонѣ; списаны 1742 году іюня 4 (первый съ лицевой стороны и съ боку; изображение на немъ сдѣлано головою камень; второй тоже съ лицевой стороны, фигура не столько исчислена изъ камня, сколько до рисована).

На листѣ 91: Въ Кузнецкомъ уѣздѣ въ Согайской степи камень, стоящій на рѣкѣ Аксысѣ внизъ на лѣвой сторонѣ: 1) Куртоякташъ, значить старуха камень; 2) мараль значить смѣтъ; 3) окташъ значить лошадь камень; 4) камнижъ въ синни и бѣловатыи волосами, которыхъ числомъ до 10, а коньковъ на нихъ пресловатыхъ до 25, которые стоятъ близъ Куртоякташа. Списываны 1742 году іюня 23 дня рисовалъ и списывалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ. Съ подлиннаго рисовалъ кондукторъ Яковъ Курманалъевъ въ 1745 году марта 28 дня. (На рисункѣ, кромѣ исчисленныхъ выше камней, обозначенъ съ боку камень на подобіе столба, вышиною $8\frac{1}{2}$ сажень, шириною 6 сажень, толщиной $2\frac{1}{6}$ сажени. Всѣ эти камни находятся на горѣ, называемой по каменному болвану Куртоякташъ, которая вышиною 15 сажень).

На листъ 92: Сибирской губерніи, Удорской провинціи Кузнецкаго уѣзда, камень и гора Куныкты, въ Татарскомъ значить берственная кошка, стоящая на рѣкѣ Томи, внизъ и правой сторонѣ ниже устья рѣки Мрасы противъ юртъ Иштегѣвыхъ; оный камень изъ песку съ небольшимъ камешкомъ, подъ исподомъ дикой сѣрый камень, такожь и на верху камня, яко бы наломанныя плиты, и гора песчана поросла травой и лѣсомъ, которому Татары Томскіе, Мрасскіе и проч. идолопоклонники имѣютъ поклоненіе; срисованъ въ 1743 году августа 18 дня, описывалъ и рисовалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ.

На оборотъ листа 93 и на 94 листъ: изображенъ идолопоклоннической бубенъ Сибирской губерніи, Удорской провинціи, въ Кузнецкомъ уѣздѣ у идолопоклонниковъ, которые называются Татара; у ихъ шамановъ бубны на подобіе лукошка. Къ рисунку приложено подробнѣйшее описаніе всѣхъ 20 частей его. Описанъ 1743 года августа 18 дня геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ; съ подлинника копировалъ кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ, 1745 года марта 28 дня.

На оборотъ листа 95 и на листъ 96: помѣщенъ рисунокъ, объясненный такимъ образомъ: симъ начертаніемъ рѣкѣ Томѣ внизъ на правой сторонѣ на камнѣ, называемою писаномъ, оныхъ начертаній довольно, изъ оныхъ часть срисована и прилагается при семъ. Списанъ 1740 года майѣ. Вышеписанные начертанія лицомъ на западъ, описаны геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ. Съ подлинника рисовалъ инженернаго корпуса кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ 1745 года марта 28 дня (всего 15 изображеній звѣрей и птицъ на каменномъ берегу).

На листъ 97: каменный болванъ на Киргизской степи и большой старой дорогѣ изъ Томска въ Красноярскъ, идучи по лѣвой сторонѣ, пройдучи малое озеро Потапкалъ, — называемый Куртоякъташъ, значить старуха камень, находящійся въ Сибирской губерніи, Удорской провинціи, рисованъ въ 174

ду. Подлинный списывалъ и рисовалъ геодезіи поручикъ **Иванъ Шишковъ**.

На оборотъ 98 листа: Болванъ на Киргизской степи за рекою Чернымъ Юсомъ, противъ юртъ Емендыльевыхъ, внизъ и правой сторонѣ, называемый Казань—Тышъ—Ташъ, значить съ Татарскаго: заепъ двѣка камень, находящійся Сибирской губерніи, Удорской провинціи, въ Томскомъ уездѣ. Описанъ 1741 года. Подлинный описывалъ и рисовалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ. Наконецъ надо присоединить, что на внутренней сторонѣ переплета этой рукописи написано: Татищева, а получена изъ канцеляріи Академіи наукъ 1750 года сентября 3 дня.

Предшественникомъ такихъ мѣстныхъ описаній Сибири былъ известный атласъ Тобольскаго боярскаго сына Семена Ремизова, хранищійся въ Румянцевскомъ музеѣ. Вотъ его оглавление: Чертежная книга учинися по указу Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца всея Сибири и городовъ и земель полично описаніемъ съ прилежащими жительствою, въ лето отъ созданія свѣта 7209, отъ рождества Христа 1701 году, января въ 1 день.

Подписаніе чертежей:

Синискательное изображеніе, наличіе всей Сибирской стране 23 чертежей, градовъ и селъ русскихъ, и волостей ясашихъ туземцевъ, всякихъ урочищъ, рѣкъ и озеръ, и лѣсовъ, и стеной Калмыковъ и немирныхъ родовъ кочевыхъ орды съ прилежащими землями сосѣдскихъ жилищъ и городовъ внутренней Сибири и сторонней, яко въ зеркалѣ въ книгѣ сей ясно видимъ и пространно чтемъ, о нихъ же здѣ писано належитъ:

Оглавленіе книги сей:

Чертежъ града Тобольска и посадовъ и нагорья и подорожья сулицами . . . . . листъ 1,
Чертежъ земли Тобольскаго города . . . . . — 2,

—	—	Тарскаго города	— 3
—	—	Тюменскаго города	— 4
—	—	Туринскаго острогу	— 5
—	—	Верхотурскаго города	— 6
—	—	Пелымскаго города	— 7
—	—	Березовскаго города	— 8
—	—	Сургутскаго города	— 9
—	—	Нарымскаго города	— 10
—	—	Томскаго города	— 11
—	—	Кузнецкаго города	— 12
—	—	Туруханскаго города	— 13
—	—	Енисейскаго города	— 14
—	—	Красноярскаго города	— 15
—	—	Ишимскаго города	— 16
—	—	Якутскаго города	— 17
—	—	Иркутскаго города	— 18
—	—	Нерчинскаго города	— 19
		Всей безводной и малопроездной каменной степи	— 20
		Чертежь всѣхъ волостей, городовъ и рѣкъ и земель писано въ Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ съ пе- реписныхъ чертежей въ 207 году сентября въ 18 число на бѣлой китайкѣ длиною шесть аршинъ, по- перегъ четыре аршина	— 21
		Чертежь вновь великоперь(м)скіе и Поморіе пе- черскіе и двинскіе страны до соловецкіе проливы со окрестными жилищи	— 22
		Чертежь и сходство, наличіе земель всей Сибири Тобольскаго города и всѣхъ разныхъ городовъ и степей	— 23
		Самому атласу предшествуетъ: Писаніе до ласковаго чи- тателя. Въто 7207 году ноября во 18 числа, по указу ве- ликаго государя и по приказу на Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніуса, велѣно Тобольскому сыну боярскому Ремизову написать вновь въ То- больску на александринской бумагѣ съ привезѣнныхъ лт	

Москвѣ съ Сибирскихъ городовыхъ чертежей 24 листа, по-
 лѣбно привознымъ образцамъ въ 206 году свидѣтельствова-
 ными многими достовѣрными писцы и вѣдомцы и старожилы
 такожъ, по словесному приказу вновь писати по Камѣ (и)
 рѣкамъ Великопермскіе и Печерскіе, Поморскіе, Двинскіе
 страны по допросамъ до Соловецкія проливы въ кругъ уро-
 чища со окрестными жилищи и написавши привестъ къ Мо-
 сквѣ и податъ въ Сибирскомъ Приказѣ думному дьяку Ан-
 дрею Андреевичу Виніусу. И по вышеписанному указу вы-
 шеписанные чертежи пріѣхавши въ Tobольскъ смосквы Се-
 мѣль Ремизовъ о чертежахъ вновь допрашивалъ всякихъ
 ранѣхъ чиновъ русскихъ людей и иноземцевъ иностранныхъ
 жителей пришельцевъ въ Tobольскъ старожиловъ уроженцевъ,
 митливыхъ бывальцевъ: Казанцевъ, Уфимцевъ, Пермьяковъ,
 Усольцевъ, Хеврольцевъ, Яренчанъ, Устюжанъ, Мезенцевъ, Кол-
 ногорцевъ, Корельцевъ, Пинежанъ, Новгородцевъ, пословно
 изспрашивая мѣру земли и разстоянія пути городовъ ихъ,
 сѣль и волостей, про рѣки, рѣчки и озера и про морскіе
 берегъ, губы и острова и промыслы морскіе, про горы и
 дѣсы и про всякія урочища, кои въ прежнихъ чертежахъ
 нѣдѣны ненаписаны, и по такихъ допросамъ зачалъ работати
 сію книгу съ 207 году генваря съ 30 числа со всякимъ
 тщаніемъ здѣтими и по допросу написалъ вновь семь
 листовъ, да спрежнихъ образцевъ городовыхъ Сибирскихъ,
 низовыхъ чертежей съ привозныхъ и снятыхъ на Москвѣ 17
 листовъ, и прилежа дѣлу по 209 годъ отъ рождества Хри-
 стова 1701 генваря по 1 число признать не многовидно и
 многообразно имѣхъ, еже писаніе земель во употребленіи къ
 сочиненію многіе географскіе книги о нихъ же долгими вре-
 мени въ многыхъ лѣтѣхъ Tobольскіе и низовыхъ Сибирскихъ
 Украинъ многыхъ городовъ чертежныя переводы, кои присы-
 ланы были къ Москвѣ по многіе годы, объ нихъ же съ ве-
 лическимъ допросомъ и съ прочими образцы сочинивъ сію чер-
 ченную книгу всей Сибири, невѣдшевіа ради парчи на Алек-
 сѣеви къ познанію трудолюбивымъ снискателемъ пріѣмъ-

ромъ первыхъ чертежей и вновь вѣше исполненное по компасу перкильнымъ разиѣромъ въ лннїяхъ и въ границахъ урочищамъ ходу внутренней Сибири и Украинъ вкругъ прїѣромъ московскихъ верстъ по различнымъ землямъ ордъ и волостей разныхъ языковъ: китайцевъ, коряковъ, богдой, мунгалъ желтыхъ, черныхъ и бѣлыхъ, кыргысъ черныхъ и бѣлыхъ, алатыръ, боротовъ многихъ, родовъ кочевыхъ калмыковъ, бухарцевъ, кутумовъ, казачьей орды, караколпаковъ, хивинцевъ, аральцевъ, гурленцевъ, аксакольцевъ, кончакъ, ногаевъ, чувашъ, башкиръ, черемисы и вотяковъ и мордвы, пермяковъ и вогуличъ, остяковъ разныхъ родовъ, самоѣдовъ трехъ родовъ, якутовъ семи родовъ, шаманъ, колымцы, ламупуты, коряки, чукчи, тоуты, арели, гиляки, вновь камчадалы, тунгусовъ, братовъ конныхъ и оленныхъ, дауръ и огаринскаго рода многихъ прозвищъ и татаръ и прочихъ въ Сибирстей сѣверной странѣ надлежащихъ языкъ и такихъ ради вышеписанныхъ языковъ издавннхъ лѣтъ извѣдывая жилища ордъ ихъ.

Якожъ въ древнїя лѣта прежь Ермакова взятїа Сибири въ лѣто 7085 посланы были съ Москвы въ Сибирь по указу Великаго государя Царя и великаго Князя Іоанна Васильевича всеа Русїи самодержца атаманъ Иванъ Петровъ съ подъячими и мурзы Бурна Шалышевъ съ товарищи двадцать человекъ на востокъ и сѣверъ для провѣдыванїа земель сосѣдскихъ царствъ и языкъ ордъ и волостей въ какомъ разстоянїи отъ Москвы и коль далеко подлегли къ Московскому государству и тогда отчасти въ путехъ вразумишася и видѣша прилежащїе страны державства, языки, орды къ Московскому царству и прїѣхавше подаше доѣздъ по наказу своему и таковїй ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь въ Тобольску у снискателей носится.

Также въ лѣто 7186 повѣрено въ Тобольску по грамотѣ Великаго государя всю Сибирскую землю описать, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища и всему учинити чертежъ и се первое чертежное писанїе Сибири отъ дре-

закъ жителей и сему чертежъ учиниша и печати предаша и воему отчасти Сибирь означися: и о семъ тогда всѣмъ Сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и вдовѣдомы. орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша, и о семъ древніе невѣріемъ слуха одержими бѣша еже имъ малопроявля быша, еже нынѣшнее урочище пять поприщъ имуще, сѣкъ тогда сто верстъ мѣша, а идѣже день ходу ту имъ вѣдѣти вѣду, и тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся зане въ вопросахъ неискусни бѣша. Изъ такового времени со 186 и по нынѣшней 7209 годъ отъ рождества Христова 1701 году по 1 число многіе чертежи въ Тобольску по грамотамъ великихъ государей налично писаны бѣша со 186 году во 187, во 192, 193, 194, 195, 197, 203, 204, 205, 206, 207 и въ нынѣшнемъ въ 209 году вволеніемъ и повѣленіемъ царскаго пресвѣтлаго величества, снисканіемъ и трудолюбнымъ прилѣжаніемъ Сибирскаго Приказу думнаго дѣла Андрея Андреевича Виніуса сія чертежная книга совершися яко зеркало зрящимъ показущее удивленіе вещей, тако и Сибиряномъ великое разумѣніе повсюду игра и ввовъ каменному граду Тобольску со всякимъ городскимъ строеніемъ и спосады острогамъ и слободамъ Тобольскаго уѣзду и иныхъ многихъ низовыхъ городовъ ясашиныхъ волостямъ и русскимъ погостамъ селамъ и деревнямъ, рѣкамъ, рѣчкамъ, истокамъ и озерамъ и немирныхъ владѣльцевъ земли, кочевья, орды и языки и разстоянія пути отъ Тобольска города во всѣ страны по компасу наличіе до всѣхъ жилищъ сухимъ путемъ верстъ и дней ходу такожде и водянымъ, всей чертъжной книгѣ на 24 Александрійскихъ листахъ по свидѣтельству многихъ старожиловъ и вѣдомцевъ писано подлинно и подписанно именно.

¹⁰⁰) См. Современникъ 1858, № VI; «Кондратовичъ, русскій Прозаникъ и стихотворецъ, филологъ и беллетристъ XVIII столѣтія», ст. П. П. Пекарскаго, гдѣ на стр. 473 напечатанъ рисунокъ книгъ переведенныхъ Кондратовичемъ для Та-

тищева: 1) *Мартина Кромера историка Польскаго* 30 книгъ (въ академіи);.... 3) *Гельмольда историка о Славянахъ и Арнольда, дополнителя Гельмольдова*; — 4) *Далева Оракулъ о древнихъ жрецахъ, обманывавшихъ народъ (у Татищева)*; — 6) *Хронологія Могульская (въ академіи)* 7) *Хронологія Шредерова (въ библіотекѣ Теофана)*. 10) *Дикціонеръ татарско-русскій*; 11) *Дикціонеръ Варяцко-русскій*, 12) *Дикціонеръ Остяцко-русскій*, 13) *Дикціонеръ Вогулицко-русскій*, 14) *Дикціонеръ Чувашско-русскій*, 15) *Дикціонеръ Черемиско-русскій*; Всѣ съ краткими разговорами (Д.° Т. С. В. Н. Татищева, которыхъ у его Академіи, по моему доносѣ требуетъ). — 16) *Компутъ астрономическій (у Татищева)*;... всегожь 31 сочиненіе. Все это Кондратовичъ перечисляеть въ февр. 1745 года въ дедикаціи грамотъ Свят. Правит. Синоду, говоря: «приписуя вашему святѣйшеству грамматку, нижайше прошу милостиво принять пожаловать. А о прочихъ переводныхъ много описать при семъ прилагаю реестръ». Спб. И. А. Н. старшій переводчикъ К. К. о семъ доносить». Татищевъ отвѣчалъ на требованіе о дикціонерахъ: «.....Лексикона такого, какъ переводчикъ Кондратовичъ доносилъ, я не имѣю: токмо словъ съ небольшимъ 200 записавъ отъ всѣхъ подвластныхъ Россіи языковъ, требовалъ переводу, а именно: изъ Сарматскаго—Финской, Естляндской, Вотяцкой, Вогулицкой, Остяцкой, Черемисской, Мордовской, Чувашской или Болгарской. Токмо не имѣвъ случая достать Самоѣдской, Лапландской и Ливонской. Изъ Татарскихъ: Калмыцкой, Мунгольской, Якутской, Тунгузской, Чегодопской, Болгарской, которой въ Казани и Астрахани употребляютъ, Кабардинской, Кумыцкой, Персидской, Турецкой. А не получилъ Аварскаго и Тавлинскаго, но сіи, яко и Чувашскій испорченные и смѣшанные изъ Сарматскаго и Татарскаго. За тѣмъ разныхъ—Индійской, Армянской, Жульицкой (?) и Порачинской да Грузинской. При нѣкоторыхъ тѣхъ народовъ краткое описаніе и разговоры, но все сное не токмо въ порядокъ не собрано, но и по разнымъ мѣс-

тѣмъ лежитъ, котораго до возвращенія моего отсюда собрать и тѣмъ святѣйшему Синоду услужить нынѣ не могу. А понеже сіе Свят. Правит. Синоду весьма было бы полезно, а иначе посылающимся проповѣдникамъ нужно, того ради и я, будучи въ Сибири, сочинялъ Славяно-русскій Лексиконъ, въ которомъ всѣ разныя одной вещи названія совокупно, а ютомъ синонимы и екивоки со истолкованіемъ положилъ, и къ иноязычнымъ положилъ, яко сарматскія, греческія, Татарскія и другихъ языковъ присвоенныя слова русскими изъяснилъ, токмо за препятствіемъ не болѣе какъ по букву Р. ичерно сочини, принужденъ оставить. Изъ онаго зря выразилъ нужнѣйшія ко употребленію и простымъ людямъ знаменныя, съ представленіемъ, чтобъ оной напечатавъ на писчей бумагѣ, во всѣ разныя языки разослать, и тѣ языки къ тѣмъ писаннымъ приписывать, общая трудящимся достаточное награжденіе, чрезъ что можно въ краткое время всѣхъ Россійскихъ подвластныхъ языковъ полный лексиконъ сочинить. Котораго начало съ представленіемъ въ 1739 году отдалъ въ Академію наукъ, дабы напечатавъ экземпляровъ 1000 разослала, а если на оное денегъ недостаточно, тобъ потребовали прескрипціею, на что я по возможности для пользы отечества моего дать обещалъ, и ежели оное Святѣйшій Синодъ изволилъ, изъ Академіи Наукъ взявъ въ дѣйство произвести, то уповаю къ вѣчной славѣ и пользѣ Россійской не малое учинить можетъ. В. Татищевъ — Астрахань 21 апрѣля 1745 года». — Совр. стр. 475—476.

¹⁴⁴⁾ Рукопись русской бібліотеки И. А. Н., № 142, на 22 листахъ, озаглавлена такъ: «Лексиконъ, сочиненный для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ, для котораго выбраны токмо такіе слова, которые въ простомъ народѣ употребляемы, и нѣкоторымъ для изъясненія, или раздѣленія отъ другихъ подобныхъ словъ, истолкованія пріобрѣтены, но притомъ пишущему представляется: 1) Чобъ спрашивалъ у челоуѣка чистого изреченія, либо картавой, шепелеватой и занка правильно сказать не

можетъ; 2) Надлежитъ сказанное внятно выслушивать, какія буквы положились и хранить, чтобъ одну букву за другую неположить, ибо и у насъ часто невѣдущіе силы правописанія и разума, мѣшаютъ *а* съ *о* и вмѣсто *разлука* пишутъ *розлука*, а вмѣсто *тою* пишутъ *таю*; *б* съ *ъ* яко вмѣсто *дубъ* пишутъ *дубъ*; *е* и *э*, яко *здема* и *едема*; *з* съ *ь*, ибо то есть *медь* ино *мьдь*, *хорь* и *хорь*, неупоминая разницы между *е* и *э*; *ј* съ *ь*, *и*, *й*, *у*; *ѣ*, *оу* и *у*, *ѳ* и *ѳ*.

«3) Раздѣляетъ же разумъ кратко и долго изреченное, напр. и кавыкою назначенна кратко, апострофомъ же долго выговаривается, яко: *мой* (сынъ), *мои* (дѣти), некогда же для продолженія полагается сугубо, яко *ходячи* вмѣсто *ходя*, а *ходящій* причастіе, то есть вмѣсто чтобъ написать *тотъ* который *ходитъ*».

«4) Разница въ удареніи гласа, яко *буди* или *буди*, или *разбуди*, *любите* настоящее *любите* повелительное и прочее, которое весьма внятно надобно выслушивать».

«5) Находятся нѣкоторые буквы у Татаръ и Колмыкъ, но всѣхъ мы не имѣемъ и нашими точно словъ ихъ изобразить такожь и разницы знать не можемъ, а кой чтó у нихъ и съ другими европейскими языки разность находится; и во первыхъ Греки, Латинисты и Нѣмцы нашихъ *ж*, *ч*, *щ*, неимѣютъ и выговорить прямо имъ не безтрудно, мы же Латинскаго *h*, *j* не имѣли, но сію разность если кто примѣтитъ, то можетъ знакомъ такую букву изобразить и въ гласъ обстоятельно описать, яко сложеніемъ двухъ или посредственно между двема коими или егче лкоторой, а жесточае другой».

«6) Надобноже внятно и на имена взирать подлинноль то обстоятельство онъ разумѣть, яко нѣкоторые написали будтобъ Остяки не знаютъ какъ луну называютъ, но тотъ писецъ самъ не разумѣлъ, чтó луна и чтó мѣсяцъ, ибо луну зовемъ свѣтло небесное, а мѣсяцъ численіе времени 31, 30 или 28 дней и проч. сему подобныя».

7) Для сего нужно не одного но разных спрашивать и поправлять и если одинъ скажетъ не то, что прежде сказано, то доиздываться, не изъ другоюль языка, которое иже, ноуъ же сарматскіе народы, какъ Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Остики и проч. многое своего языка распрости Татарскіе или Русскіе, а близъ Калмыкъ и Мунгаловъ живущіе оныхъ языковъ слова взяли, и оныя отмѣчать хотѣть одною буквою, яко Татарское — т, Калмыцкое к, Мунгальское м; сверхъ же сего прилежный самъ сочиненіемъ своимъ къ лучшему потрудится.

8) Надъ сіе подтверждается, чтобъ въ сихъ реченіяхъ странныхъ буквъ и многихъ не клали, который многократно сѣсній разумъ теряетъ.

¹⁴⁵⁾ Гисторическое Игеографическое описаніе О древнемъ И мномъ Состояніи Полуденной Восточной Части Европы И Азіи. Пачеже Имперіи Россійской, Которая Изъ Оныхъ За Полуночную Часть Признавается Иовиссомъ Стролень Бергомъ Описано И Напечатано Въ Стекольнѣ 1730 году. На Россійской же Языкѣ Сокращено Переведено по Повелѣнію Превосходительнаго Господина Тайнаго Совѣтника Василья Никитича Татищева, въ Самаре 1738 году. См. описаніе рукописей бібліотеки графа Толстова, отд. IV, № 8. Здѣсь переведены: глава четвертая—О древнихъ и новыхъ государяхъ Россіи и столичныхъ ея городахъ; листъ 2—17, всего въ ней 85 параграфовъ; глава пятая—О началѣ и о продолженіи государствованія еамиліи Романовыхъ, лист. 18 — 34, всего 64 параграфа; глава шестая—О государствованіи Императора Петра Перваго, л. 34 — 73, всего 114 параграфовъ. Листъ 74 пусть съ листа 78—135, написано: Въ прошломъ отсозданіи мира 1790 году отъ воплощенія Сына Божія 1682 лѣто Апрѣля въ 27 день по седми лѣтехъ и много болезненномъ государствованіи Великаго Государя, Царя Феодора Алексѣевича Самодержца Всероссійскаго блаженныя памяти въ Москвѣ учинилася..... и да пребудеть со всемирнѣйшимъ вѣрныхъ своихъ Христіанъ за безприкладны

его Божественныя щедроты со милости проснопанятымиъ благодареніемъ на безчисленныя вѣки аминь».

Татищевскія же примѣчанія на Страленберга были слѣдующія: «*Vorrede* (с): Дѣлитъ Калмыкъ на 4 рода неправильно, о чемъ надлежитъ обстоятельнѣе отъ Калмыкъ увѣдать; а памитую, что на 6 раздѣляютъ». —

«*P. 28*: Болгарь городъ былъ за Камою. Русскіе его въ исторіи называютъ Великій городъ и много другихъ городовъ по Волгѣ кладутъ, о которыхъ гдѣ были не извѣстно; нѣкоторые тѣже имена имѣли, что нынѣ на Дунаѣ, Брахиомовъ и проч., что въ русской исторіи тогда жившимъ епископомъ Симономъ Суждальскимъ описано. Что же оныя не Татары были, то явно изъ того, что какъ Батмевы войска на нихъ пришли, то они, у русскихъ помочи проса, говорили: «приде на насъ языкъ невѣдомый, о немъ же ни слышахомъ прежде», сіе было 1232 году.»

«*P. 32, § V*: Народовъ Сарматскихъ въ Европской Русси: 1) Мордва, 2) Черемиса, 3) Чуваши, 4) Вотяки, 5) Пермьки, 6) Зыряне, 7) Югры, 8) Самояды, 9) Лапландія, 10) Корела; въ Азій жѣ ко онымъ принадлежатъ: 1) Вогуличи, 2) Самояды, 3) Остяки; которые раздѣляются на Обдоры, Кондоры и Удоры, 4) Барабинцы. И хотя онъ въ Табулѣ Полиглотъ разность Чувашъ въ языкѣ показываетъ, но неправо, и видно что онъ некакого межъ Татары жившаго спрашивалъ; но о семъ въ Географіи Русской обстоятельнѣе показано. Что же онъ сихъ Сцитами, а не Сарматами имянуя по названію Грековъ, самъ себя противорѣчитъ, оное довольно въ исторіи доказано».

«*P. 35*: Палюсъ Меотисъ хочеть имъ оное изъ турецкого доводить, незнаю почему; ибо тогда Турокъ и Татаръ меньше же Араповъ вблизи оного находилось, когда сіе имъ у Грекъ знаемо было.»

«*P. 47*: Гогъ и Магогъ назначаютъ Турокъ и Козаровъ, — сіе весьма удивительно для чего онъ взялъ не токмо два разныхя во всемъ народа, но и въ такомъ великомъ разстояніи,

то одинъ про другой тогда можетъ и не зналъ, какъ онъ самъ о происшествіи Турокъ выше говоритъ изъ Бухаріи, а Казары жили между Дуная и Днѣпра при морѣ Черномъ, какъ онъ самъ ниже въ географическомъ описаніи Россіи и Русскіе Исторіи ясно показываетъ, развѣ другой народъ Казары, о которыхъ онъ ниже у моря Каспійскаго скажетъ.»

«Р. 61: Чтобъ Башкиры отъ Остяковъ произошли, оно не право. Что они волосы якобы красные имѣютъ, это я довольно разсмотрѣвъ случай имѣлъ и нахожу, что есть неправда, ибо ихъ съ Киргизъ-Кайсаками или казачьей ордою различить, кромѣ малой отѣны въ нарѣчій, ничь не можно. Они роды свои порядочно такъ какъ и прочіе ведутъ и сначала пришествія ихъ оными, яко кипчакъ, табыны, соджаутъ и проч. ведутъ; тамги и ясаки съ Киргизами по родамъ одни имѣютъ, но токмо сія разница отъ того произошла, что они съ ханами, отдѣлясь отъ большой Ногайской орды, около Казани между древними Болгары жили, ихъ языкомъ свой повредили, а по первомъ взятіи Казани съ нѣкоторыми мурзами въ знаменскіе степи отделились, а нѣкоторые и въ Сибирь къ Остякамъ распространились обитали и казанскимъ противъ русскихъ не токмо мало помогали, но набѣгами нѣкоторые мѣста разоряли, за что ихъ Казанскіе главными ворами или башкуртъ именовали и то названіе имъ осталось; они же сами сіе имя производятъ, якобы отъ начального ихъ мурзы Башкуртъ, главный вождь, произошло. Въ царство царя Іоанна Васильевича, какъ послѣдняя Казань взята, они отделились было къ Сибири; и тогда какъ сибирскіе, такъ нагайскіе ханы ихъ къ себѣ призывали, но они видя себѣ великое отъ мурзъ угнетеніе, просили царя Іоанна Васильевича, чтобъ ихъ, принявъ подъ свою власть, далъ имъ спокойное обитаніе въ тѣхъ степяхъ и мурзъ отъ нихъ вывелъ или изгналъ, которое учинено, а оныя ихъ по злобѣ сиреажиксилень (красныя поганцы) или Остяками именовали, какъ они сами о семъ сказываютъ.»

«*Тумель* подлинно слово Татарское и то значить, которыхъ по разнымъ мѣстамъ нѣсколко было: 1) въ Сибири, 2) не далеко отъ Астрахани, какъ въ походахъ Астраханскихъ явно, нигдѣ подлинно было неизвѣстно, 3) упоминается за Теркомъ, 4) на Дивурѣ именованъ Таманъ и Тюмень.»

«*P. 67*: О четырехъ цвѣтахъ въ Китаахъ въ примѣчаніяхъ на универсалъ Китайского хана нѣчто объявлено.»

«*P. 111*: Послѣ прежнихъ моихъ примѣчаній я обстоятельно освѣдомился, что въ Дауріи за Байкаломъ въ рѣкахъ въ падающихъ въ Амуръ раки и красныя жабы, такожъ въ лѣсахъ яблоки и орѣхи растутъ, токмо очень мелки.»

«*P. 163*: Хотя Суорима въ Финскомъ языкѣ значить великая земля, однакожъ сіе имя могло изъ того произойти, понеже въ началѣ онымъ малая часть именовалась. Сіе Страленбергъ, не довольно древнихъ русскихъ исторій разсмотря, разсуждаетъ, взирая на разныя партикулярныя званія народа онаго, которыхъ такое великое множество было, не разсудя что сіе всѣхъ тѣхъ народовъ генеральное или общее имя отъ самаго сѣвера до моря Чернаго и отъ Каспійскаго моря на западъ до рѣки Одера распространялось, какъ то древніе русскіе и польскіе историки согласуютъ, а въ томъ партикулярныхъ именъ Несторъ въ его время, то есть, въ началѣ 11 вѣка по Христвъ болѣе еще 30 счислялъ; но какъ на Востокъ имя Россовъ, а на Западъ Ляховъ или Поляковъ распространялось, то не токмо оное генеральное сарматское, но и удѣльныя или партикулярныя угасли. Напр. Руссія раздѣлилася на 5 частей, яко Великая, Малая, Бѣлая, Червоная или Червенская и Черная, весьма широко распространялась и какъ разныя удѣлы были; то тогда знали, что Великая именовалась Новгородская, Малая—Кіевская, Бѣлая—Суздальская и Ростовская, гдѣ Москва и пр. построены, Червенная—вся та часть, что нынѣ Червоная Русь, часть Польши и нѣкоторыя воеводства въ Польшѣ малой, Черная—большая часть Литвы за Припетью къ Нѣману и Бугу а по»

тогъ и Черниговское княженіе, и хотя тогда оныя раздѣленіемъ на разныя княженія угасали и нынѣ многимъ неслышаны, однакожь все оное Русь, какъ прежде Сарматы именовано, котораго Греческіе и Римскіе писатели не зная и малую часть или за особой народъ отъ оныхъ Сарматовъ, а вмѣсто того обще всѣхъ по ихъ обычаю Скинами именовали, сему въ примѣръ въ договорахъ съ Греческими цари Олега, (912 г.) Игоря (945 г.) говорено Варяги, Славяне, Руссы, Кіевляне, Черниговцы, Переяславцы, Полочяне, Новгородцы и проч., то бы можно разумѣть, что всѣ сіи разныя владѣнія были и хотя подлинно въ томъ разныя три народа упомянуты, т. е. Варяги, Шведы, или въ Финляндіи пришедшіе со князи, которыхъ малая часть была, Славяне обладавшіе прежде пришествія оныхъ, Руссы разумѣть народы Сарматскіе древніе сихъ странъ жители; а прочеее города, въ которыхъ все тѣже народы жили, но владѣніе едино и все обще тогда уже Руссы стали именоваться».

«Р. 170: Райцы у Плинія и Птоломея Роксъ Аланы выговариваны; мнится сіе неправильно, паче же видимо, что сіи были отъ рѣки Рокса Рокса-Лайни, другіе отъ рѣки Волги Ракалани именованы, лейнъ или лайнъ въ Сарматскомъ ни что болѣе, какъ люди значить: какъ они назъвано изъ Вандалинъ пришельцовъ Венналейнъ зовутъ, Кривенъ и Кривисти у Русскихъ Кривичи названы, есть имя не Славянское но Сарматское, которое значить Верхній или Вышній».

«Р. 172: Патріархъ Константинъ родомъ Полякъ въ 7182 или 1674 г. Русскую исторію писалъ. Гдѣ онъ Патріархомъ былъ неизвѣстно, ибо Русскихъ такого именемъ не было, а былъ тогда Іоакимъ, и вся сія исторія какъ сказывается съ русскими не согласуется, особливо о Аскольдѣ и Дирѣ, которое мню что одно имя за два положено».

Р. 181: Объясненіе Бѣлой Руси, которое напечатано и въ Исторіи. См. также Приложеній № XV.

¹⁴⁶⁾ Исторія Россіи сочиненіе Татищева кн. I, стр. 478, 503, 507, 509.

¹⁴⁷⁾ См. Статью Толстова, о работахъ геодезистовъ до 1745 года, въ Запискахъ Геогр. Общества.

¹⁴⁸⁾ Калмыцкія дѣла 1741 года.

¹⁴⁹⁾ Кумыцкія и Тарковскія дѣла 1744 года, № 2.

¹⁵⁰⁾ Рукопись Русской библиотеки Академіи Наукъ № 50 in folio: краткое извѣстіе о Татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ Татаръ разумѣются, собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ Турецкихъ и Персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей, къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго междонароднаго описанія: стр. 1—41. стр. 2—3: *«хотя я по волю одного моего милостиваго благодѣтеля, и по моей особливой склонности къ исторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухарь и далѣе купцами заказалъ, чтобъ нежалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ историческіе книги, хотябъ они и на Арабскомъ языкѣ были, доставать, кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ Арабскаго на Турецкой, а съ Турецкаго на Русской перевести не во зможно, но ненадѣясь оной скоро получить того не знаю; между тѣмъ же, имѣя однако повеленіе, чтобъ о сихъ народахъ въдомое мнѣ объявить къ тому, еже оны прежде изобразилъ, не могу преминуть, дабы въ разсмотрѣніи не допустить того, что я чрезъ мою немаловременную здѣсь бытность, отъ ученыхъ могометанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, такожъ и по званію моему изъ дѣлъ извѣстися». Стр. 40: «сіе есть то, еже я наблюдалъ приказаніе милостивца моего въ кроткомъ времени, въ свидѣтельствованіи моеи къ нему преданности, изобразить нынѣ могъ. Петръ Рычковъ, ассессоръ присутствующій въ Оренбургской Губернской канцеляріи — Оренбургѣ апрѣля 10 числа 1750 году». На переплетѣ: «получена отъ Татищева въ канцеляріи Академіи Наукъ 1750 году сентября 3 дня».*

¹⁴¹⁾ Въ примѣръ взглядовъ и объясненій какими наполнено было это краткое руководство, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ него: «впрочемъ представляютъ Европу молодымъ людямъ обыкновенно подъ видомъ сидяція дѣвцы, а именно:

- 1) *Португалія* изображаетъ Фонтанжъ.
- 2) *Гиспанія* Лицо.
- 3) *Франція* Грудь.
- 4) *Великая Британія* лѣвую а
- 5) *Италія* правую Руку.
- 6) *Нидерланды* лежатъ подъ лѣвою,
- 7) а *Швейцарія* подъ правою Рукою.
- 8) *Германія, Польша и Венгрія* надлежатъ до Тѣла.
- 9) *Датское и Швецкое* королевства купно съ *Норвегю* изъясняютъ Колѣна.

10) *Россія* показываетъ Юпку до самыхъ ногъ,

11) а *Европейская Татарія* и *Греція* заднюю сторону
Она дѣвцы.

¹⁴²⁾ См. рукопись въ Русской библиотекѣ Академій Наукъ № 129, о которой въ каталогѣ значится, что она куплена у Матвѣя Никифорова въ 1764 году. См. журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ 1839 года, № 6.

¹⁴³⁾ Лексиконъ Татищева изданъ былъ уже въ нынѣшнемъ столѣтїи.

¹⁴⁴⁾ См. Приложенїя № XI. Временникъ общества Исторїи древностей Россійскихъ кн. 12.

¹⁴⁵⁾ См. предъизвѣщенїе къ Исторїи Россійской Татищева, находящееся въ рукописи архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое начинается такъ: «хотя обыкновенно всякой книги предисловіе нужди ѣшїеобстоятельства кразумѣнїю Творца и причины должно представить, однакожь часто случается видѣть нареканїе о предисловіяхъ великихъ, которые подобны пословице: *самъ слядъ, а борода слокотъ*, и для того не хотѣлъ оное разпространять; но понеже необходимая нужда требуетъ, чтобъ все то, что къ объявленїю касающагося до русской гисторїи и ко изъясненїю при-

надлежит показано было въ обыкновенныхъ же примѣчаніяхъ, полагаемыхъ подсамымъ сказаніемъ, многое ко вышснню неудобно; того ради слѣдующимъ предъизвѣщеніемъ желаю оное наградить, которое въ разныхъ разделахъ или главахъ состоитъ какъ слѣдуетъ». А о причинѣ и времени начатія собранія сея лѣтописи: «Сію вторую часть Русской древности противъ моего перваго предпріятія и порядка принужденъ я любопытному лицу во первыхъ представить, а первую удержать слѣдующихъ причинъ ради». Далѣе о Брюсѣ, см. Истор. Русс. т. I, стр. 19—25.—Писано до полученія Іоакимовой лѣтописи; ибо въ Г. *О причинѣ предъизвѣщенія и примѣчаній* сказано: Несторъ Преподобный изъ дошедшихъ нашихъ временъ извѣстій первый Русскій лѣтописецъ сочинитель. Д. *Древность письма въ Руси отъ крещенія и союзовъ съ друими народами*—короче напечатаннаго. Е. *О лѣтописи Несторовъ* начинается такъ: «Между явными намъ русскими летописцы есть древнѣйшій Несторъ бывшій монахъ Печерскаго монастыря, родился на Белѣ озерѣ около лѣта 1040, въ Кіевъ онъ около 1057 пришелъ 17 лѣтъ». Трактатъ о лѣтописи прерванъ на словахъ: «подлинное мѣсто крещенія Владимірова сказать, особливо Ярославъ сынъ Владиміровъ». Далѣе сохранились листы, на которыхъ шло разсужденіе о Половцехъ и Печенегахъ; а за сими: 26) Алани, Роксалани, Ракалани, Литолани; 27) Бярмы, Гардарики, Остергарди и Хунигарди, 28) Русь, Рутени, Роксани, Роксоланія и Россія. Здѣсь между прочимъ сказано о Несторѣ: «довольно видно, что сихъ Варяговъ разумѣтъ Финляндію, какъ ниже внятнѣе покажется». Срв. Буткова мнѣніе объ участіи Миллера въ мнѣніи Татищева о Финнизмѣ Варяго-русовъ. Въ корректурѣ Судебника, хранящейся въ М. Гл. Архивѣ Министер. Иностран. Дѣлъ, по поводу объясненія слова бояринъ изъ Финскаго языка, сдѣлано внизу листа слѣдующее замѣчаніе, потомъ зачеркнутое: «сіе мнѣніе г. изъяснителя сходно съ мнѣніемъ его о происхожденіи Варягъ отъ Финновъ, которое онъ въ своей исторіи доказать

старался. Но какъ послѣднее не на много чѣмъ, какъ на одномъ сочиненіи, первому Новгородскому Епископу Іоакиму приписуемомъ, основывается, коего подлинность весьма есть сомнительна: такъ позволено и о первомъ, т. е. о Финскомъ происхожденіи слова *бояринъ*, сумнѣніе имѣть, и остаться при обыкновенномъ оною слова произвожденіи изъ Славянскаго языка, по которому *бояринъ*, или *болларинъ* значить *собользнующаю о общемъ добръ* а паче и для того, что и сами Финны произвожденіе сего слова изъ ихъ языка не признавають».

Рукопись же, въ которой описано «царство Царя Михаила Теодоровича», состоитъ изъ четырехъ тетрадей въ первой исписано десять листовъ, во второй — семь, въ третьей — тринадцать, въ четвертой — одинъ. Первая начинается изложеніемъ войнъ внутреннихъ въ первые годы царствованія Михаила Теодоровича; съ оборота 4 листа начинаются дѣла Шведскія, съ цитатою: Kohr, Friedens-Lexicon. p. 103; съ 5 листа идутъ Польскія дѣла: съ оборота его, опять внутренніе дѣла. На листѣ 6 сказано: Зарудскаго посадили на колъ, Маринки сына и Оедьку Андроникова съ прочими начальники повѣсили, а Марина, сидя въ заключеніи, отъ нетерпѣливой презрѣльной печали, презрѣвъ всякое ей довольство и общенную отъ Государя милость, умерла незапно. И тако сія мужественная и властолюбивая жена ища болѣе, нежели ей надлежало и болѣе затѣвая, нежели женскіе свойства снести могутъ, съ великимъ несчастіемъ, яко обычай всѣмъ сему подобнымъ властолюбителямъ жизнь и славу свою съ безчестіемъ окончила». Съ 7 листа опять идутъ дѣла съ Поляками; съ 10—дѣла съ Шведами, цитуются: Petreus, p. 480, 484. Вторая тетрадь начинается дѣлами политическими, какъ выражается Татищевъ: «о супружествѣ съ Долгоруковою, о смерти Шенна, о великомъ времени Князя Куракина (Бориса Александровича). Царь Михаилъ Теодоровичъ имѣлъ при себѣ князя Бориса Александровича Куракина въ великой милости и такой силѣ

что многіе на него вознегодовали а наипаче онак по сме
ти Филарета Никитича и Царицѣ была непріятною и хо
многіе покушались оному его щастію какимъ образомъ сд
латъ толчекъ но никому неудалось, и болѣе съ собственн
бѣдою оное засвидѣтельствовали нѣкоторые же умысли
какъ бы его на время куды отлучить къ знатному дѣ
Однакоже какъ онъ былъ комнатный стольникъ, то и оно
случай сыскать не могли, того ради добротствомъ ему ст
ли Государю говорить, что оной князь уже человекъ
весьма молодъ, однакожъ всегда предъ боярами принужде
вставать, ктому же какъ человекъ острый не имѣлъ случ
въ податъ свой совѣтъ дать, остается напрасно и Его Вели
чество порядочно его совѣтами пользоваться не можетъ; и
торое представленіе соудовольствованіемъ какъ Государ
такъ и оныхъ обонихъ сторонъ исполнилось, что его вско
Государь пожаловалъ вбояре. Сіе нѣсколько времени въ т
комъ состояніи пребывало, доколѣ лучшій случай показался,
имянно, около Астрахани учинилось отъ Татаръ смятеніе
хотя оное не такъ тяжело было какъ Государю опасны
представляли и разсуждали, чтобъ послать кого изъ зна
нѣйшихъ бояръ, котораго имя болѣе нежели число войс
страхъ дѣловало, и впервыхъ тотчасъ дѣлъ государевъ кня
Иванъ Борисовичъ Черкасскій, такожъ Мстиславскій и Д
ковъ себя представляли; но понеже Государю видно было, ч
древность ихъ лѣтъ и положенные на нихъ великіе ді
тому препятствовали, въ томъ имъ благодаря; по которо
они немедленно представили онаго князя Рѣпинна и ка
онъ вида, что такъ старые люди того не отрицаются охот
самъ на то склонился и Его Величество изволилъ: какъ си
ро токмо согласились тогожъ числа утверждено и надлеж
щимъ порядкомъ ему сказка чрезъ думнаго дьяка сказа
съ нимъ велѣно отправить образъ изъ собору и архива
дрита, знамя большое, наметъ суконный государевъ, Мос
вичъ знатное число и товарища человека знатнаго, стрѣ
ловъ полкъ, въ семь дней велѣно ему собрався ѣхать, су
ему тотчасъ изготовили и все что надобно съ ними отпр:

шли, токмо товарищу велѣно собрався съ Москвичи въ Ниж-
 ний за нимъ поспѣшать. Онъ получилъ отпускъ отъ госу-
 дря съ великою милостію и всѣ знатные люди его на суд-
 но проводили но какъ онъ для исправленія еще нѣкоторыхъ
 дѣлъ при Симоновѣ монастырѣ остановился; то послали къ
 нему объявить указъ, чтобъ конечно тогожь дня шелъ
 нутрь или обрублены будутъ канаты, въ Нижней не доѣхалъ
 и ему прислана грамота съ осудомъ, что въ деревнѣ два
 ли умышкалъ, и такъ далѣе. — Съ оборота 3 листа начина-
 ются дѣла экономическіе: говорится о приправочныхъ кни-
 жкахъ, о податахъ, о писцовыхъ книгахъ, о правосудіи, о
 мздодахъ мѣдныхъ. Съ 7 листа идутъ дѣла до «исторіи по-
 литической государства Россійскаго касающіеся, которые въ
 книгахъ русскихъ неполна описаны или весьма оставлены
 и выходятъ токмо въ различныхъ чужестранныхъ книгахъ
 или въ памяти отъ видѣнія и слышанія людей сохраняются,
 или памяти собраны и другимъ въ лучшее разсмотрѣніе къ
 счищенію русской исторіи представляются: Царство Царя
 Ивана Васильевича. Сего Государя дѣла порядочно всѣхъ
 описанныхъ на русскомъ языкѣ не имѣемъ и хотя отъ Но-
 вгородцевъ, Псковичъ и другихъ есть многіе дѣла въ па-
 мять оставленные, якоже и Курбскій, какъ въ своихъ пись-
 мѣхъ, такъ и особно въ дѣлахъ оного Государя показываетъ,
 однакожь все такъ пристрастно и темно, что едва истину
 видѣть и разумѣть можно. Между чужестранными всѣ тѣ съ
 исторіями онъ воевался яко Поляки, Лифляндцы и Шведы
 чувствѣнно по пристрастію въ поношеніе и оскорбленіе Вели-
 чества все что злое могли выдумать объ немъ написали, а
 доброе его дѣла оставили и онымъ Германцы не разсудя
 побольше послѣдовавъ болѣе такими лжами и клеветами до-
 стохвальныя дѣла сего Государя въ сущую темноту приве-
 ли, однакожь Англичане, Голландцы, а особливо тѣ, которые
 сами тогда въ Россіи были дѣла сего Государя видѣли и
 причины его вѣдали весьма съ похвалою жизнь его описали,
 по которому нѣкоторые начали лучшее о немъ мнѣніе

нить, какъ то единый въ Вѣтъ въ 1700 году одну диссертацию въ зашщеніе сего великаго государя на Латинскомъ языкѣ напечаталъ; такожь прошедшаго 1722 году напечатана книга на Германскомъ языкѣ, именуемая: Введеніе въ исторію Московскую, въ которомъ начало положено хотя отъ осьмага ста лѣтъ по Христвъ однакожь все темно, но обстоятельнѣе началъ писать отъ великаго Князя Ивана Васильевича и кончилъ въ царствѣ Царя Михаила Феодоровича, въ которомъ какъ всѣхъ прочихъ, такъ и сего Государя дѣла весьма изрядно описуетъ и великой свѣтъ исторіи нашей подаетъ, къ чему онъ болѣе ста тогдашнихъ времени гистириковъ приводитъ». Въ третьей тетради описаны: походъ Владислава въ 1618 году, потомъ повѣщены краткіе извѣстія о годахъ 1625—1652 съ пропускомъ нѣкоторыхъ. Кончается эта тетрадь отдѣльною статьею; о устройствѣ Москвы и началъ ея въ 1281 году. Но въ четвертой третрадѣ заключается лишь нѣсколько словъ о властолюбіи Никона и о расправной Палатѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Привожу еще очень любопытное преданіе объ участіи Богдана Бѣльскаго въ смерти Царей Ивана Васильевича и Феодора Иоанновича. занесенное Титишевымъ во вторую тетрадь, Листъ 13: «другіе сказываютъ якобы Бѣльскій отцу духовному въ смерти Царя Иоанна и царя Феодора казался, что сдѣлалъ по наученію Годунова, которое поць тотъ сказалъ Патріарху, а Патріархъ Царю Борису, по которымъ немедленно велѣлъ Бѣльскаго взять сослать и долго о томъ куда и за что сослалъ никто не вѣдалъ». На листѣ 18 говорится о Басмановѣ: «нѣкоторые повѣствуютъ о семъ Петръ Басмановъ тако. Царь Борисовъ вѣдая, что оный Острепевъ живалъ въ домѣ Басмановыхъ, послалъ его якобы для договора съ Поляками къ нимъ въ войско, и чтобъ онъ видя того Ростригу возвратясь въ народъ объявилъ, увоявъ что Басманову народъ болѣе нежели другимъ повѣритъ. Онъ же съ охотою оное исполнилъ и пріѣхавъ подъ Кромъ въ Розстригну войско началъ якобы о положенномъ на него

дѣлѣ съ Поляками съѣзжаться. Розстрига же видя, что Басмановъ его узналъ, призвалъ его къ себѣ наединѣ и сказалъ ему: ты знаешь что я хотя не царевичъ однакожь имѣю возможность тебя сейчасъ погубить, токмо не хочу, и тебя тѣмъ увѣряю что мнѣ на престолѣ Россійскомъ ниже власть гнуна, но токмо хочу отмстить кровь Государей моихъ и знатныхъ людей отъ такого мученія и разорѣнія избавить, а потому ежели я вамъ негоденъ избирайте на царство того хотите, ежели же вы мнѣ въ томъ противитесь будете, то я принужденъ силою онаго домогаться и невинныхъ съ виновными губить. Басмановъ же слыша сіе ужасеся и долго молчалъ на послѣдокъ обѣщавъ ему не токмо самъ служить ю и другихъ обратитъ и пріѣхавъ къ Москвѣ явился тайно къ некоторымъ противнымъ Годунову боярамъ и съ ними совѣтовавъ положилъ намѣреніе въ Москвѣ народъ возмутитъ и ухватитъ къ Розстригѣ. Но завтреѣ въ понедѣльникъ на бѣлиной седмицѣ явился Годунову и тайно донесъ ему все подробну, какъ онъ Розстригу узналъ, и что ему онъ говорилъ, неупотребляя Годунову досадныхъ словъ; напаче же сказалъ Годунову примѣту, бородавку на правой щекѣ, которую многіе знали и обѣщавъ оное обстоятельно во весь народъ объявить. Царь Борисъ увѣряся ему велѣлъ повѣстити, чтобъ народъ весь собрался на Ивановскую и Красную площади. По утру собралось народу множество. Петръ же Басмановъ выѣхавъ верхомъ на красную площадь, гдѣ множество простаго народа было, объявилъ что онъ посланъ былъ смотрѣть и видѣть что тотъ подлинный Царевичъ Дмитрій а не Отрепьевъ; выговоря оное ухватилъ изъ города и побѣжалъ съ однимъ служителемъ къ Розстригѣ въ Путивль. Царь же Борисъ слыша сіе послалъ его ловить, но гдѣ смскать не могли, а народъ пришелъ въ великое смятеніе. Сіе видя Царь Борисъ впалъ отъ печали въ болѣзнь и умре 1605 года апрѣля 13 числа, и мнѣ многіе что онъ самъ себя отравою умертвилъ. Другіе же скажутъ что Басмановъ сіе тайно объяви въ народъ былъ въ Москвѣ и по

смерти Царя Бориса посланъ былъ съ прочими къ Ромна войско къ присягѣ приводить и тамъ извѣдаль все вой возмута къ Розстригѣ отъѣхалъ и былъ у него паче въ въ милости».

¹⁵⁶⁾ См. Исторію Татищева кн. I, гл. 7. О продолженіи же Татищевской исторіи см. Москвитян. 1845 года № 1 и чтенія общества историческаго.

¹⁵⁷⁾ Исторія Татищева кн. I, стр. 54. Кн. II, стр. 440, 391. Кн. I, стр. 72; кн. II стр. 349, 376, 360, 379, 395; кн. I, 53, 54; кн. II, стр. 444, прим. 3.

¹⁵⁸⁾ См. Болтина, примѣчанія на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Деклерка т. I стр. 58, 59. Щербатова письмо къ одному его пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя критиканы и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. пераль-маіора Болтина, творца примѣчаній на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Деклерка, стр. 12 и слѣд. вътъ Болтина на это письмо, стр. 13—15 перваго издачія стр. 12—14 втораго изданія. Примѣчанія Щербатова на вътъ Болтина, стр. 58—85. Критическія примѣчанія Болтина на два первыя тома Россійской Исторіи князя Щербатова, том. I, стр. 14. Елагина опытъ любомудраго и политическаго о государствѣ Россійскомъ повѣствованія, с. 101. Вѣсти. Европы 1805 года № 10. Allgem. liter. Z. 1844 года, № 56. Лицей на 1806 годъ № 8, гдѣ помѣщенъ въ переводѣ послѣдняя статья. Буткова, Оборона Нестовой лѣтописи отъ навѣта сплетниковъ. Ученныя записки Академіи Наукъ 2-го отдѣла. кн. I.

¹⁵⁹⁾ Амвросія, Исторія Россійской іерархіи, подъ словъ Бизюковъ монастырь.

¹⁶⁰⁾ Извѣстія втораго отдѣленія Император. Академіи наукъ т. VII. стр. 49—64: Два памолета временъ Анны Ивановны, статья г. Дыжина. Исторія Россіи Татищева, III, стр. 403—409, стр. 147, 336—338; прим. 569.

¹⁶¹⁾ Исторія Россіи Татищева, кн. II, прим. 374.

¹⁶²⁾ Исторія Россіи Татищева, кн. II, прим. 84.

- ¹⁶⁰⁾ Тамъ же, примѣч. 94.
¹⁶¹⁾ Тамъ же, примѣчаніе 327.
¹⁶²⁾ Тамъ же, примѣчаніе 134.
¹⁶³⁾ Тамъ же, примѣч. 107.
¹⁶⁴⁾ Тамъ же, примѣч. 119.
¹⁶⁵⁾ Тамъ же, примѣч. 168.
¹⁶⁶⁾ Тамъ же, примѣч. 202.
¹⁶⁷⁾ Исторія Россіи Татищева, книга III, примѣч. 626.
¹⁶⁸⁾ Тамъ же, книга II, примѣч. 180.
¹⁶⁹⁾ Тамъ же, книга I, стр. 63.
¹⁷⁰⁾ Исторія Россіи Татищева, кн. II, примѣч. 149.
¹⁷¹⁾ Тамъ же, примѣч. 158.
¹⁷²⁾ Тамъ же, примѣч. 206.
¹⁷³⁾ Тамъ же, примѣч. 276.
¹⁷⁴⁾ Тамъ же, примѣч. 307.
¹⁷⁵⁾ Тамъ же, примѣч. 378.
¹⁷⁶⁾ Тамъ же, примѣч. 214.
¹⁷⁷⁾ Тамъ же, примѣч. 390.
¹⁷⁸⁾ Тамъ же, книг. I, стр. 527—535.
¹⁷⁹⁾ Тамъ же, стр. 578, 582, 587—589, 595, 598, 599,
¹⁸⁰⁾ Продолженіе древней Россійской вивлюкени часть I.
¹⁸¹⁾ Судебникъ Государя Царя и Великаго Князя Іоанна
 Васильевича, изъясненный Татищевымъ. Москва 1768 года.
 стр. 3—4. Приложенія № XVIII.
¹⁸²⁾ Тамъ же, стр. 14—16.
¹⁸³⁾ Тамъ же, стр. 21, 22.
¹⁸⁴⁾ Тамъ же, стр. 30, 31.
¹⁸⁵⁾ Тамъ же, стр. 31, 32.
¹⁸⁶⁾ Тамъ же, стр. 33, 34.
¹⁸⁷⁾ Тамъ же, стр. 35, 36.
¹⁸⁸⁾ Тамъ же, стр. 46, 47.
¹⁸⁹⁾ Тамъ же, стр. 81.
¹⁹⁰⁾ Тамъ же, стр. 87.
¹⁹¹⁾ Тамъ же, стр. 93.
¹⁹²⁾ Тамъ же, стр. 104..

- ¹⁹⁶⁾ Тамъ же, стр. 119, 120.
- ¹⁹⁷⁾ Тамъ же, стр. 120, 121.
- ¹⁹⁸⁾ Тамъ же, стр. 122.
- ¹⁹⁹⁾ Тамъ же, стр. 122, 123.
- ²⁰⁰⁾ Тамъ же, стр. 124—126.
- ²⁰¹⁾ Тамъ же, стр. 137, 138.
- ²⁰²⁾ Тамъ же, стр. 49.
- ²⁰³⁾ Утро, Литературный Сборникъ. Москва 1859 года, стр. 380—384. Приложеніи № XII.
- ²⁰⁴⁾ См. приложенія № XVI, XVII. Срв. въ Русск. Вѣст. 1857 г. статью г. Артемьева о народныхъ переписяхъ.
- ²⁰⁵⁾ См. Евгенія историческій словарь о свѣтскихъ писателяхъ т. II.
- ²⁰⁶⁾ Кромѣ того остался еще реестръ бумагамъ (въ оберткѣ подъ заглавіемъ: «Tatischtschews Schriften находящимся), который былъ отправленъ въ Санкт-Петербургъ 10 октября 1783 года.
- 1) Царство Царя Михаила Теодоровича (9 л.).
  - 2) Книженія Великихъ Князей Іоанна Васильевича, Василія Іоанновича и Іоанна Васильевича (на 71 л.).
  - 3) Выписка изъ исторіи царства Теодора Іоанновича (31 л.).
  - 4) Примѣчанія на часть 2-ю Исторіи Россійской на 16 л.
  - 5) Предъизвѣщеніе на 12 л.
  - 6) Крѣпостныя и таможенныя записки (3 л.).
  - 7) Дополненія росписи Лексикона гражданскаго (4 л.).
  - 8) Изъясненія на посланныя начала историческія (2 л.).
  - 9) Части 1-й о древности письма Славянъ на 1 л.
  - 10) На память имена гдѣ упоминаются на 1 л.
  - 11) Примѣчаніе на часть 2-ю Исторіи Русской на 1 л.
  - 12) Примѣчаніе на часть 2-ю Исторіи Русской на 8 л.
  - 13) Разсужденіе о ревизіи поголовной и касающемся до оной на 16 л.
  - 14) О бѣглыхъ и пожмыхъ на 6 л.
  - 15) Рожденія князей русскихъ; браки и кончины (14 л.).
  - 16) Кіевскіе: Кій основатель Кіева (4 л.).
  - 17) Записки изъ Б. Годунова (1 л.).

- 18) Междоцарствіе іюля 26 дня на завтрее на 40 л.)
 19) Царства Михаила Феодоровича: дѣла политическія и о супружествѣ съ Долгорукою и проч. (7 л.)
 20) Черныя записки о построеніи города Царева Борисова (11 л.)
 21) Начало: многіе Астраханцы,.... Конецъ: Зарупкій, видя то, побѣжалъ съ Маринкою на Яикъ, на 2 л.
 22) Черная выписка о вышедшихъ изъ Малороссіи воеводъ въ Москву и о устроеніи Москвы и начала ея; на 6 л.
 23) Черныя записки о морѣ въ Новгородѣ и проч. (6 л.)
 24) Родословіе отъ Ольгерда князя Литовскаго на 2 л.
 25) Древнее Россіи раздѣленіе на 4 л.

26) Разныя отрывки изъ разныхъ дѣлъ безъ начала и конца на 16 л. Приложеній № XIX. Повидимому, большая часть этихъ бумагъ возвращены были въ Архивъ, откуда заимствованы въ Приложенія къ сему сочиненію.

²⁰⁷⁾ Это собственноручное письмо Татищева хранится въ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; писано въ с. *Болдино*, 6 сент. 1748 года. На оборотѣ другою рукою значится: приложенное письмо (т. е. къ сыну Татищева) отослано подъ кувертомъ генераль-лейтенанта Ливена.

²⁰⁸⁾ См. Исторію Росс. Татищева, кн. II, пр. 333, 334. См. Библиографическія Записки, 1858 г., стр. 198—200. Памятникъ надъ могилою Татищева близъ сельца Болдина имѣетъ такую надпись по сторонамъ: (на верхней:) «Родился Василій Никитичъ Татищевъ 1686 года апрѣля 16. вступленіе въ службу 1704 года. Происхожденіе чиновъ и въ полковники артиллеріи 1742 году въ (на правой:) Бергъ а въ монетную главнымъ судьей 730 года. Оберъ-Церемоніймейстеръ 731 (на лѣвой:) Генераль-бергъ мейстеръ 737. Тайный совѣтникъ и въ томъ чинѣ былъ въ Оренбургѣ и въ Астрахана губернаторомъ, и въ томъ чинѣ 1750 году скончался іюля 15 дня». См. Сибирскій Вѣстникъ 1821 г., ч. 18, стр. 10.

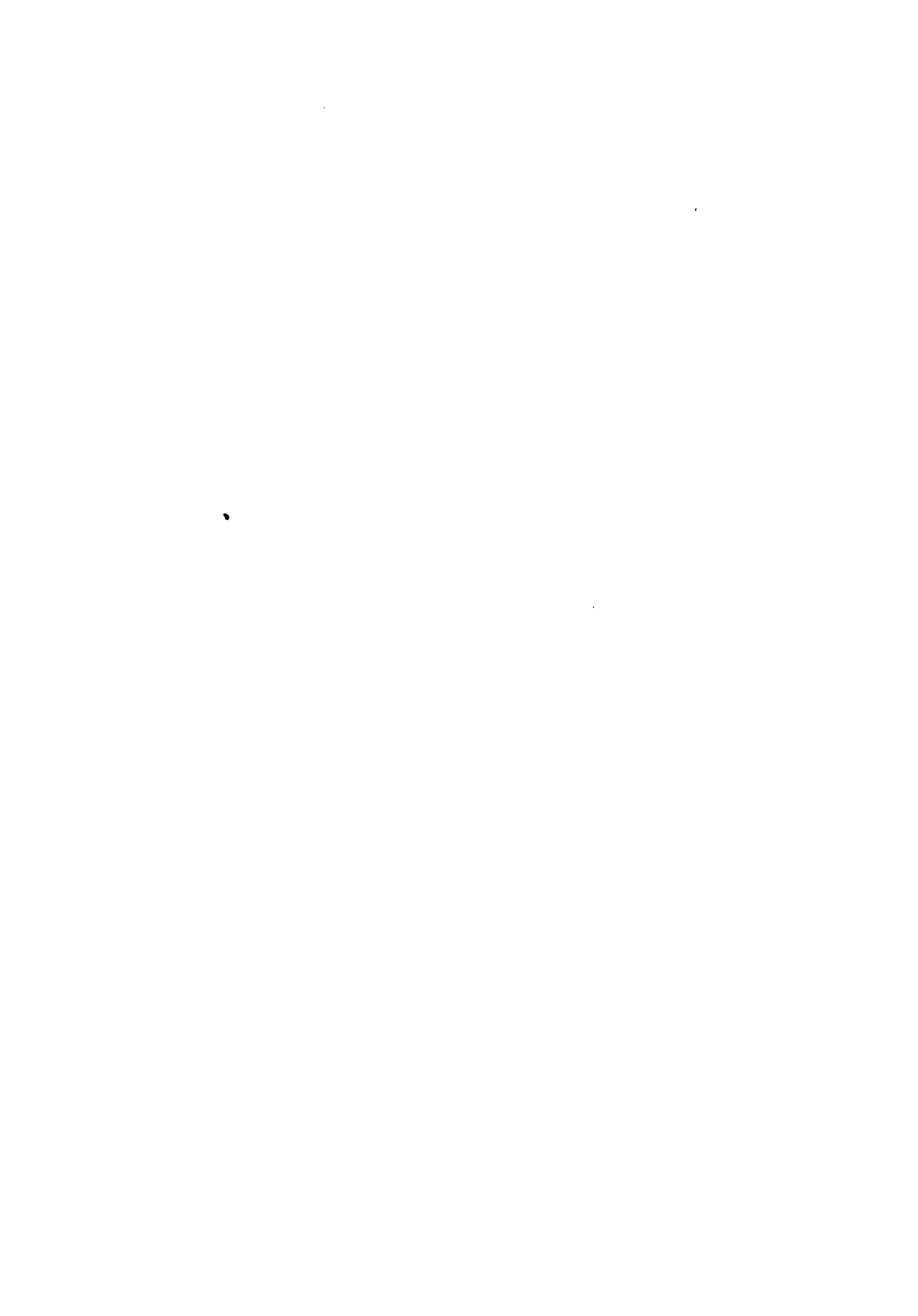
.

.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- I. Письмо Татищева къ русскому посланнику въ Швецію, графу Н. Головину, отъ 9 февраля 1726 года.
- II. Донесеніе русскаго посланника въ Швецію, графа Н. Головина, въ государственную бергъ-коллегію, отъ 11 февраля 1726 года.
- III. Роспись уговорамъ, которые, въ Швецію бывъ, російской бергъ-коллегіи совѣтникъ Татищевъ, для обученія російскихъ учениковъ, заключилъ съ разными людьми и притомъ показано, что по которому заплачено, нынѣ вскорѣ платить надобно, такожь и по окончаніи науки достальныя.
- IV. Переписка Татищева и другихъ лицъ о подаркахъ его Бирону, въ 1736 и 1737 годахъ.
- V. Представленія полковника Зиѣва и постановленія Татищева и Соймонова, о поселеніи калмыцкой княгини Анны Тайшиной въ Ставропольской крѣпости на Волгѣ, въ 1737 году.
- VI. Переписка Татищева съ чиновниками коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по поводу отправленія его въ калмыцкую комиссію, въ 1741 году.
- VII. Постановленіе Татищева съ товарищами о рыбныхъ ловляхъ для калмыгъ, около Астрахани, въ генварѣ 1742 года.
- VIII. Докладъ Татищева императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о волжскихъ казакахъ, 31 ноября 1743 года.

- IX. Мнѣніе Татищева объ астраханскихъ, уртовскихъ и степныхъ татарахъ, 11 ноября 1745 года.
- X. Указъ Татищеву объ увольненіи его отъ калмыцкихъ дѣлъ, 19 іюля 1745 года.
- XI. Донесеніе Татищева въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о его занятіяхъ русскою исторіей.
- XII. Изъясненіе на посланныя начала гисторическія, сочиненное Татищевымъ.
- XIII. Предложеніе Татищева о сочиненіи исторіи и географіи російской.
- XIV. Экстрактъ о ѣздѣ геодезиста Василія Шишкова, поданный имъ Татищеву, и опредѣленіе Татищева на донесеніе Шишкова.
- XV. Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ.
- XVI. Разсужденіе Татищева о ревизіи поголовной и касающемся до оной.
- XVII. Разсужденіе Татищева о бѣглыхъ мужчинахъ и женщинахъ и о пожилыхъ за побѣгъ.
- XVIII. Варианты изъ Татищевской рукописи, подъ заглавіемъ: «Списки съ указовъ 1605—1622 годовъ», къ печатному изданію его примѣчаній на Судебникъ.
- XIX. Переписка временъ Екатерины II, по поводу сочиненій Татищева.
-

I.

ПИСЬМО ТАТИЩЕВА

къ Русскому посланнику въ Швеціи, графу Головину, за
собственноручною подписью.

Сіятедьнѣйшій граѣъ чрезвычайный посланникъ
Мой Государь!

Присланнымъ Ея Императорскаго Величества изъ Бергъ-
Коллегіи указомъ повелено мнѣ немедленно положенное на
меня здѣшнее дѣло и отданныхъ въ науки росискихъ гор-
ныхъ учениковъ вруча вамъ ѣхать немедленно въ Росію;
того ради оное все оставлено въ ваше правленіе, а для осно-
вательнаго извѣстія подлинныя договоры, росписки въ
денгахъ и изъ тѣхъ здѣланную заплатамъ роспись со изъ-
ясненіемъ принадлежностей при семъ прилагаю, при ономъ
же списокъ стехъ договоровъ и росписокъ которой освиде-
тельствванъ сподленными изволите закрѣпя вашею рукою
мнѣ для поданія въ Бергъ Кольлегіумъ возвратить.

Ныне еще надобно мне здесь на расплату и проездъ де-
негъ 600 рублейъ котораго числа сверхъ векселя обрета-
ющагося у Лагоръ-Шпара неостанеть, того ради прошу
чтобъ мне толикое число изволили съсудить, оной Лагоръ-
Шпаръ хотя мне ныне денги по протестованному въ Гол-
ландіи векселю платитъ однакожъ стемъ увереніемъ чтобъ
я прежде окцептацы отсуда не ездилъ или бѣ въ его в ап-

лате обнадежили; того ради прошу васъ чтобъ его изволили
 втомъ уверить ибо протестъ оной неправильной и надеюс
 что уже посланой повторительной акцептованъ и отповед
 вдве седмицы быть можетъ, котораго я дожидаться не могу
 понеже путь уже и такъ труденъ что едва проехать воз
 можно такожь и я здесь живучи вболшия напрасныя долг
 вонду а бестаго ехать не могу ибо денегъ при себе нын
 ничего не имею ввольлегиюже хотя многократно о присылк
 денегъ писалъ но отказъ сгневомъ вместо денегъ получилъ, ис
 котораго вижу что они моимъ писмамъ не верять и постав
 ляють здешнее мое разорительное и каждо-часно досадно
 житие самохотную и бѣзделную прихоть ежели же вы де
 негъ ныне мне одного числа дать не изволитя и кольлеги
 прислать умедлить то отъ житя на поверение долгъ каж
 додневно будетъ слишкомъ умножатся и мне бѣзстыда
 потеряния кредита не выехать вчемъ и оной комисіи в
 безъ вреда. Ежелиже изволите сумневатся что либо Ея
 Императорское величество одного заплатитъ вамъ не ука
 жетъ то я обязуюся немедленно по возвращеніи моемъ
 заплатитъ и уверяю васъ симъ подпотеряниемъ всего моего
 имения, паче же прошу васъ чтобъ вы изволили причины
 одного моего удержания освидетельствовавъ кольлегиі д
 уверения представить: 1) оное дело окончалъ я последнимъ
 договоромъ въ Салберге въ Генваре мѣсяце о которомъ
 много прежде трудился и едва могъ совершить, денегъ же
 не имея кольлежскихъ занявъ передъ тремя днями ток
 заплотилъ а не окончавъ ехать не могъ; 2) денегъ кол
 лекскихъ уже въ Декабре не осталось не токмо на проездъ
 окончание комисіи, долгъ же мой собственной оттого про
 шелъ что жалованья моего напрошлой 1725 годъ которо
 хотя Ея Императорское величество вначале года выдат
 указала но откольлегиі доднесъ не получилъ и тако при

идеть брать былъ потребное вдолгъ свеликимъ убыткомъ тожъ чинится ныне и сколежскимъ расходомъ; 3) содержи-
мо мое вы изволите видеть могу ли я бѣзвеликова стыда
божее жить и менше расходы содержать; 4) хотябъ все оное
удержало быдла възможность отмоей болезни и неудоб-
ного кпроезду пути мне прежде сего отсюда выехать; 5)
шѣлъ ли я охоту или какую ползу вздешнемъ моемъ житье, —
агъ вы свидѣтельствовать можете и надеюся что она
юльлегия оставя, ежели кому есть на меня собственная
Уавины моей злоба вашему честному и безпристрастному
свидѣтельству поверять и мою невинность милостивно раз-
судить вчемъ надеюся пребываю сдолжнымъ почтениемъ.

вашего сїятелства

Моего государя

всегда охотный слуга

В. Татищевъ.

Стокгольмъ дня 9. Февр:
1726

*Приложено при реляціи Головина отъ 11 февр. 1826 г. за 15.
Гршителъ въ Главномъ Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, въ
Швед. дѣл., св. 346.*

II.

ДОНОШЕНІЕ

Русскаго посланника въ Швеціи, графа Н. Головина, въ
государственную Бергъ-Коллегію, отъ 11 февр. 1726 года
изъ Стокгольма.

Прошлаго 725 году 24 сентября получилъ я писмо отъ
кабинетъ-секретаря господина Макарова, въ которомъ мнѣ
писеть, что по имянному блаженной и вѣчно достойной па-

яты Его Императорскаго Величества указу опредѣлены из Бергъ-Коллегіи въ Швецію россійской націи ученики, и которыхъ велѣно обрѣтающемуся здѣсь Бергъ-Коллегіи совѣтнику Василью Татищеву опредѣлить по наукамъ, а понем оному Татищеву надлежитъ возвратитца пока въ Россію послѣ ево оныхъ учениковъ надзирать будетъ не кому; тогда Ея Императорское Величество указала по отлученіи помянутаго Татищева надъ оными учениками имѣть ии смотреніе, чтобъ они не праздно были и прилѣжно учились и которые въ близости отъ Стокгольма обрѣтаютца, тѣхъ надлежитъ мнѣ самому надзирать чаще, а которые вдали отъ разстояніи, кѣмъ хотя временно туда ѣздить чрезъ два или три мѣсяца и тѣхъ такожь надзирать; ежели же паче чаяніи за порученными мнѣ государственными дѣлами вдали мѣста отлучатца будетъ невозможно, то посылать для того надзирания вернаго человѣка кому втомъ я могу поверити и какъ будутъ внаукахъ обращатца о томъ сообщать Бергъ Коллегіи, а на содержаніе оныхъ учениковъ денги будутъ переводитца ко мнѣ изъ Бергъже Коллегіи. И на оное сии моимъ низжайше доношу, что нынѣ оной господинъ Татищевъ получилъ указъ возвратитца въ Россію и ту комисію отдаетъ мнѣ, а по контрактномъ денегъ единой копейки сказываетъ оставить здѣсь у него не имѣетца, а мастера требуютъ дабы тѣ денги оставлены были всѣ здѣсь, илибъ показано бы имъ ктобъ могъ втой заплатѣ ихъ обнадежить здѣсь, а сколько тѣхъ денегъ надлежитъ быть о томъ взявъ подлинное и вѣстіе у оного Бергъ-совѣтника Татищева при себѣ здѣсь включаю: а безъ такой суммы и для вышеупомянутыхъ резоновъ по контрактномъ оному Татищеву отѣхать отсюди никакимъ образомъ не возможно (и не выпустять).

Я же втой ево комисіи усмотрѣлъ нѣкоторые трудности которые при себѣ прилагаю.

Первое: Что мнѣ той комиссіи нынѣ принять у него Татищева не возможно для того, что такой суммы по контрактомъ здесь на лицо не обрѣтается, а поручитца в томъ по немъ не кому, а мнѣ взять такую сумму на себя невозможно для того что характеру моему не пристойно (и не повѣрять).

Второе: Разныя и неизвѣстныя мнѣ ихъ искусства, которыхъ я самъ свидѣтельствовать не могу того ради мастера и ученики прежде времени несовершенное за совершенное представить мне могутъ и тако положенное на то государственное изждивление вотще пропадетъ, в другомъ я яко втѣхъ искусный отвѣтствовать обязательства имѣть не буду.

Третье: Волѣно мне самому по часту ѣздить и надсматривать, котораго мнѣ при сихъ случаяхъ учинить ни по второму образу невозможно: для важныхъ интересевъ по должности моей здѣсь въ Стокгольмѣ быть принужденъ и хотябъ я самъ во время мнѣ свободное въ ближайшія мѣста съѣздить могъ, токмо разсудить прогрессъ в наукахъ ихъ не умю; того ради и доносить обстоятельно о тѣхъ возможности моей не будетъ, а посылать такихъ искусныхъ и верныхъ людей изъ десь при мнѣ не имю, какъ о томъ есть извѣстно.

Четвертое: Понеже мастера требуютъ отъ господина Татищева положенія здесь денегъ или писменнаго уверенія спорукою нынѣ и на предбудущія разплаты, а безъ того не вѣрять и обучать учениковъ сумнѣваются, а оному Татищеву готово къ предбудущему году оставить суммы денегъ но и собственно разплатитца в долгахъ своихъ и выехать чемъ не имѣетъ, а сказываетъ что многократно о денгахъ въ Бергъ-Коллегію писалъ но получилъ отказъ и тако здесь бездѣла живеть в долгъ и для такого поведения я сей комиссіи наиболѣе принять опасенъ дабы медленнемъ и не присылкою денегъ не могло нанести какого безчестія характеру моему убытка и потерянія кредита, ибо здѣсь народъ есть волной.

Пятое: Ученики жалуютца на онаго Татищева что какъ за квартиры такъ и платъе по опредѣленію его имъ дано очень скудно и о прибавкѣ его Татищева непрестанно просятъ но онъ нетокмо прибавить но сказалъ мнѣ что впредбудушей годъ велено ему еще убавить; я вижу что за такие малые денги для великой дороговизны здѣсь содержать ихъ невозможно, ибо лакея здѣсь за шестьдесятъ рублевъ никоимъ образомъ со всѣмъ убрать вгодъ невозможно, того ради непрестанно и мнѣ о денгахъ докучаютъ наипаче же оттакого недостатку могутъ оставить повеленную науку и искать пропитанія инымъ способомъ, какъ мнѣ нынѣ сказывалъ оной Татищевъ, что нѣкоторые изтѣхъ учениковъ хотѣли уйти и записана всадаты отъ такого скуднаго опредѣленія; оной Татищевъ проситъ меня непрестанно о денгахъ на разплату, такожь чтобъ я поручился здѣсь въ его долгахъ и мне того безуказу учинить невозможно, такожде и характеру моему сіе принять предосудительно.

Шестое: Ежели та вышеупомянутая сумма не прислана къ нему будетъ на разплату и на оставленное здѣсь по контрактомъ по приложенному здѣсь реестру вскорѣ, то оному Татищеву выехать отсюды, ни мнѣ вту комиссію вступить будетъ никоимъ образомъ невозможно.

Седмое: У сего дѣла безъ особливаго комиссара никоимъ образомъ пробыть невозможно, а надобенъ такой человекъ, которой бы какъ рускаго такъ и немецкаго языка и обхожденія и правъ здешнихъ былъ искусенъ и ежели повелено мнѣ будетъ, а надѣюсь такого человека изъ полоненныхъ оеицеровъ найти которому опредѣлить жалованье надлежитъ по триста рублевъ со всѣмъ кромѣ проездовъ, надъ которыми я буду при всякихъ случаяхъ надсмотрѣніе имѣть и всегъ а его посылать по тѣмъ разнымъ мѣстамъ, гдѣ оныя учатца и когда оной будетъ надзирать, тогда я могу обстоятельно

по его мнѣ репортмъ доносить въ Бергъ-Коллегію о прогрессахъ тѣхъ учениковъ въ разныхъ ихъ искусствахъ. Еще же во свидѣтельство прилагаетца его Татищева планъ изъ котораго усмотрѣть возможно, вѣакомъ состояніи оной нынѣ обретаецца и понеже я денегъ здѣсь государственныхъ ни собственныхъ не имѣю; того ради втой ево нужде пособить ему Татищеву весьма не могу, на что буду ожидать указу накъ о томъ мнѣ повелѣно будетъ.

Приложено къ релліи графа Николая Головина за № 13, получено 3 марта.

—
III.

РОСПИСЬ ДОГОВОРАМЪ,

которые, въ Швециі бывъ, російской Бергъ-Коллегіи со-вѣтникъ Татищевъ, для обученія російскихъ учениковъ, заключилъ съ разными людьми, и притомъ показано, что по которому заплачено, нынѣ вскорѣ платить надобно, та-кожъ и по окончаніи науки достальныя, и притомъ въ въ заплатахъ росписки.

РОСПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.	Заплачено.	Нынѣ вско-рѣ платить.	По оконча-ніи науки.
1. Договоръ съ ассессоромъ Бергъ-Коллегіи Швабомъ въ Фалунѣ, на-чинаецца отъ 9 сентября			
{ машинному 2	32р.	•	32р.
{ столарному, токар-ному и кузнечному тѣмъ	9р. 60к.	•	16р.
{ обжигалному 2	12р. 80к.	•	12р. 80к.
{ плавилному 2	16р.	•	16р.

РОСПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.		Заплатчено.	Нынѣ уско- рѣ платитъ	По окон- чѣннъ наукъ	
2.	На платье } одному дворянскому } смну	64 р.	.	.	
		112 р.	.	.	
	За квартиру, } дворянину	51 р. 20 к.	.	.	
		192 р.	.	.	
	Въ Астадрсе потомужъ договору за науку 4-хъ человекъ гарма- харскому и кузнечному		32 р.	.	32 р.
	На платье } дворянину одному	64 р.	.	.	
		67 р. 20 к.	.	.	
	На содержаніе } дворянину	51 р. 20 к.	.	.	
		96 р.	.	.	
	Сверхъ того ассессору за прикарѣ- ніе вподарокъ списаннымъ уве- реніемъ		40 р.	.	64 р.
Договоръ съ Маркшейдеромъ Ге- слеромъ въ Огалуне, начался отъ 12 сентября					
За обученіе маркшейдерскаго и другихъ разныхъ искусствъ за двухъ человекъ		384 р.	.	384 р.	
На платье, квартиру и ежъ обо- имъ		294 р. 40 к.	.	.	
Сверхъ того, ежели онъ куда по- едетъ по заводамъ, брать ему тѣхъ учениковъ съ собою; а за проѣз- ды ихъ платитъ особно. Нынѣ пи- шетъ онъ, что къ сентябрю 1727 обучитца конечно могутъ					
3.	Его же письмо уверительное что брать его ундеръ-маркъ-шейдеръ Гартманъ договорился здѣлать чер- тежи пяти огалунскихъ машинъ впа- не и проспектъ на большой Алек- сандрійской бумагѣ режено 48 рублевъ		32 р.	16 р.	.
	Описаніе обжиганія и плавленія счертежами печей разныхъ; денги				

СПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.	Заплачено.	Имѣ вско- рѣ платитъ	По оконча- ніи науки.
за обоє по полученіи и бѣ за тайно	"	40 р.	"
воръ съ опытѣйшимъ ма- Ошперомъ въ Стокголь- обученіе двухъ опытнаго знаго дѣль	48 р.	"	48 р.
рипасы и протчія потреб-	38 р. 40к.	"	"
воръ споручникомъ Фело- вСтокгольмѣ; за обученіе те двохъ знаменованія и ня	32 р.	"	32 р.
воръ штокгольмскимъ жи- Бекомъ содержать оныхъ его домѣ кормитъ и поить дано за полгода, а дру- ювинну дать по прошествіи а іюня 13 числа	51 р. 20к.	51 р. 20к.	"
гъ школьникамъ на платѣ самимъ срочискою	128 р.	"	"
воръ сварденномъ Штокест- Салберге. За обученіе двухъ дворянъ разныхъ наукъ .	76 р. 80к.	"	76 р. 80к.
одержаніе обоихъ	128 р.	"	"
латѣ и всякне потребно- шняги и росписались они штокгольмѣ нанять ундеръ- для обученія школьниковъ и для толмаченія въ лабра- о майа	3 р. 20. к.	3 р. 20к.	"
Всего	2184. р	110 р. 40к.	173 р. 60к.

ку здѣсь денегъ надобно имѣть . . . . . 824 р.
держаніе и платѣ вФалуне, Австаеорсе
ге, которые водивъ годъ совершенно обу-
могутъ, чтобъ кначалу другаго то есть

въ августѣ мѣсяцѣ здѣсь были вготовности, оныхъ
надобно . . . . . 1248 р.

На отправленіе двухъ учащихся вШтокгольме
вПетербургъ ктомуужь числу. . . . . 60 р.

На заплатаы чрезвычайныя какъ вдовоу маргъ-
шейдера показано . . . . . 100 р.

Мнѣ самому для езды на заводы и посылки, та-
коужь на писма корреспонденцію и прот . . . . . 200 р.

Кромѣ расхода векселнаго, котораго обстоятел-
но положить нельзя, однакоужь примѣняея впре-
жнимъ надлежитъ положить на 200 рублей . . . . 168 р.

И того всего надлежитъ здѣсь быть въ немедлен-
ной присылкѣ: . . . . . 2600 р.

*Приложена при реляціи русскаго посланника въ Швеціи графа
Головина отъ 11 февр. 1726 г. за № 93. Хранится въ Главномъ
Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, въ Швед. дѣлазъ, свѣдѣн. 546.*

—
IV

ПЕРЕПИСКА ТАТИЩЕВА

и другихъ лицъ о подаркахъ его Бирону. Письма отъ Василья
Татищева о лошадяхъ и о прочемъ—которыхъ вѣдѣно содер-
жать на конюшнѣ.

1. Сіательнѣйшій графъ

Милостивый государь мой,

Въ апрѣль 1737 года.

Хотя я весною на судахъ отправилъ вашему сіательству
отъ здешнихъ пленниковъ мальчика да девочку выбравъ луч-
шихъ, токмо по несчастію моему оной малой умеръ а девку

зь глупости служитель мой не объявилъ; того ради нынѣ всепокорно посылаю другаго, дайноходца каковъ случился, и лучше со всемъ моимъ прилежаніемъ сыскать не могъ, ибо я ведая охоту его сіательства оберъ камеръ герга графа Бирона трудился иноходцовъ и кобылъ иноходыхъ достать, которыхъ изъ взятыхъ отъ казачьей орды по два за наилучшихъ въ Башкири почитаемыхъ при семь отправилъ и къ его сіательству доносилъ. А понеже въ Петербурхъ мнѣ отправить неудобно, того ради велелъ о оныхъ вашему сіательству объявить и до опредѣленія въ доме моемъ корити и всепокорно вашего сіательства милостиваго государя моего прошу, дабы усмотря ежели то достойно и его сіательству угодно явится повелеть оныхъ принять и отправить по вашему милостивому разсмотрѣнію.

Здѣсь же нынѣ привезли ко мнѣ бобровъ живыхъ которыхъ было мнилъ ко двору ея величества отправить; но не ведая угодноть то будетъ, велелъ для любопытства иначе для подлиннаго известія о называемой струе употребить въ анатомію и ежелибъ ведалъ, что то непротивно будетъ, тобъ могъ есче старатся оныхъ достать и весною на судахъ отправить. Въ заключеніе сего съ покорностію поздравляю ваше сіательство (съ) наступающимъ новымъ годомъ, желая вамъ всякаго благополучія пребываю со вседолжнымъ почтеніемъ

вашего сіательства

милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга *В. Татищевъ*.

декембріа
въ 30 день 1736.

По заключеніи получилъ вашего сіательства милостивое писмо о Порошине, и по оному елико возможно исполнить подѣсуся, нынѣ въ показаніе того послалъ атестать о

перемене его чиномъ. При семъ же всепокорно дерзая просить о секретаре Друковцове чтобъ его высокою вашею милости и если возможно къ месту способному опредѣлить удостоили.

2. Сіательнѣйшій графъ генералъ оберъ гофъ мейстеръ и кавалеръ,

Милостивый государь мой!

Вашему графскому сіательству мнѣ не безъизвѣстно какой здѣсь въ соли недостатокъ, что нынѣ покупаютъ въ 70 и 80 копѣекъ пудъ, наипаче же что на войско дать и въ походъ взять ничего не имѣю и хотя губернія сибирская писала чтобъ я старался изъ Перми оную какъ можно наискорѣе доставить по которому я съ промышленниками учинилъ договоръ съ немалою предъ губернской поставкою уступкою, а имянно по 18 копѣекъ пудъ, и половину денегъ на поставку выдалъ, требуя отъ комисарства солянаго чтобъ какъ наискорѣе 30000 пудъ нынѣ отпустить велѣли, токмо оное комисарство отвѣтствовало что безъ указа соленой конторы отпустить не смѣетъ; изъ котораго опасно великаго вреда и опредѣленному имяннымъ ея императорскаго величества указомъ воинскому дѣйству помѣшанія, ибо время зимнее преходить; для котораго отправилъ нарочно въ ту контору курьера съ промеморіею а вашего графскаго сіательства покорно прошу, чтобъ опредѣленіемъ они не укоснѣли и оного курьера неудержали, дабы тотъ вредъ на мнѣ послѣ не взыскался.

Наипаче же нужно имъ и впредь о соли надлежася опредѣленіе учинить; ибо здѣсь въ близости озеръ солныхъ довольно и подрядчики просили по семи копѣекъ пудъ съ поставкою; токмо нато никакого опредѣленія не в

последовало, я же въ то, какъ на меня не положенное, бо-
лѣе и вступаться не смѣлъ.

вашего графскаго сіятельства
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга *В. Татищевъ*.

Екатеринскъ
генваря въ 17 день
1737.

3. Черновой отвѣтъ на письмо Татищева отъ 30 декабря:
мальчикъ и лошади еще не получены; а о дѣвочкѣ служитель
объявилъ, что она дольна. 22 генваря. 1737 г.

«Отдано человѣку ево Татищева Гаврилѣ Ракитину то-
гожь числа».

На другой страницѣ отдѣльно: «Приведено оберъ-камергеру
два иноходца сѣрыхъ, да двѣ иноходыхъ кобылицы рыжія».

4. Марта 7 дня 1737 года, письмо Салтыкова къ Бирону
съ запросомъ, когда отправить въ Пбг. присланныхъ отъ Та-
тищева лошадей «кои нынѣ содержатся въ прирѣчьи и кор-
чу на дворѣ его Татищева».

«Послано чрезъ нѣмецкую почту въ понедѣльникъ.»

5. Сіятельный графъ!

Съ особливимъ удовольствіемъ я увѣдомился изъ письма
вашего сіятельства о благополучномъ вашемъ въ Москву
пробытіи, чѣмъ васъ усердно поздравляю.

О которыхъ изволили писать лошадяхъ покорно прошу
оныхъ сюда отправить. Впрочемъ предавъ себя вашей всег-
дшней дружбѣ остаюся съ совершеннымъ высокопочтеніемъ

вашего сіятельства
покорный слуга *Е. J. G. Wigon.*

Графу оберъ-гофмейстеру Салтыкову.

С. Петербургъ.
14 марта 1737

6. Москва, марта 22 дня 1737 г. Солтыковъ «покорно доносить» Бирону, что лошади будутъ отправлены безъ замедленія «Послано чрезъ ямскую почту, во вторникъ».

7. Указъ конюшенной канцеляріи Ея Имп. Вел. за подписью графа Солтыкова мая 3 дня 1737 г. О принятіи двухъ иноходцевъ сѣрыхъ и двухъ кобылъ рыжихъ съ двумя жеребятами изъ дому Татищева для препровожденія ихъ въ Спб. — «Оной указъ конюшенной канцеляріи копействъ Андрея Васильевъ взялъ и росписался».

8. Москва, мая 19 дня 1737 г. Солтыковъ увѣдомляетъ Бирона, что одинъ изъ иноходцевъ захромѣлъ; по выздоровленіи же его всѣ лошади будутъ отправлены «немедленн со всякимъ удовольствіемъ», — и съ жеребятами, которые отъ тѣхъ кобылъ въ Москвѣ родились.

«Послано по нѣмецкой почтѣ въ четвертокъ».

9. Москва, іюня 6 дня 1737 г. Иноходецъ выздоровѣлъ, и лошади отправляются съ конюхомъ Афанасіемъ Волковымъ.

«Таково письмо послано съ означеннымъ конюхомъ Волковымъ».

Вся эта переписка доставлена И. Е. Забѣлинымъ, Первое письмо Татищева было напечатано въ Москвитинѣхъ 1851 іода, № 6, стр. 273. Срв. Библ. Зап. 1861, № 6. —

У.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

полковника Зиѣева и постановленія Татищева и Соймонова, о поселеніи калмыцкой княгини Анны Тайшиной въ Ставропольской вѣрѣности на Волгѣ.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Татищевъ писалъ съ Самары отъ 24 декабря прошлаго 1737 года:

Что онъ, съѣхався съ генераломъ майоромъ Соймоновымъ, на поданные полковникомъ Змѣевымъ о калмыцкихъ дѣлахъ представленіи учинили опредѣленіе, и съ того сообщаютъ въ коллегію копію и будетъ ожидать указу.

А въ представленіи полковника Змѣева написано:

По высочайшему ея императорскаго величества имянному указу повелено внутрь закамской линіи на избранномъ и удобномъ мѣсте построить для княгини Анны Тайшиной и для протчихъ крещеныхъ калмыкъ крѣпость, снабдя пристойнымъ гварнизономъ, да въ той же крѣпости построить две церкви и нѣсколько домовъ; и, по прибытіи моемъ съ княгиню Тайшиной и съ протчими крещеными калмыки изъ Саратова, избранное отъ вашего превосходительства господина тайнаго совѣтника внутрь помянутой закамской линіи мѣсто усмотрѣно, что всякими угодами то мѣсто довольное и къ строенію какъ крѣпости, такъ и прочимъ жилищамъ весьма удобное и на томъ мѣстѣ строеніе къ благимъ уметамъ начато строиться, о чемъ отъ меня репортовано и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ; а по данной мнѣ инструкціи, чего въ оной не изображено, велѣно мнѣ дѣлать, описываясь къ вашему превосходительству и по своему искусству усматривая, что къ пользѣ интересовъ ея императорскаго величества служить можетъ. И нынѣ я усмотрѣлъ надѣюсь быть заблагопотребно, а что именно, о томъ сообщаются при семъ моемъ доношеніи пункты:

1. Не соблаговолень будетъ вышеобъявленному ново-строющуюся крѣпость для торговъ и протчихъ промысловъ; а наче того ради чтобъ калмыцкому народу и всѣмъ въ той крѣпости живущимъ было довольство въ пропитаніи всякими хлѣбными и съѣстными припасами населить своей до 40 или 50 изъ казанской губерніи и съ ближнихъ къ но-

востроющейся крѣпости городовъ, изъ купечества также для лучшаго въ той крѣпости умноженія имѣющія достатокъ къ купечеству изъ всякихъ чиновъ кромѣ служилыхъ и которые изъ казанской губерніи изъ разныхъ мѣстъ усматривая вышеписанное мѣсто всякими угодьями довольное и къ произведенію купечества удобное, сами собою охотнее желаютъ, чтобъ имъ въ той крѣпости для произведенія торговъ своихъ жить вѣчно позволить, а о положенныхъ и на нихъ тяглахъ и о протчихъ государственныхъ податяхъ въ платежѣ хотятъ обязаться крѣпкими поруками, чтобъ имъ тотъ платежъ чинить вѣчно безъ доимки въ прежнихъ мѣстахъ, гдѣ они нынѣ живутъ. А понеже оная востроющаяся крѣпость не токмо отъ огородовъ въ отдаленіи, но и отъ разныхъ уѣздныхъ жилищъ недалеко, онажъ за Волгою рѣкою и помянутымъ всѣмъ крещенымъ калмыкамъ оно поселеніе русскихъ торговыхъ людей весьма за самое полезное дѣло будетъ, а именно къ заобыкновенію произведенія купечества, какъ въ продажѣ имъ калмыкамъ своего скота и протчаго руководѣнія, такъ и въ покупкѣ надобныхъ себѣ вещей, чего ради о томъ населеніи русскихъ людей въ той крѣпости для торговъ они калмыки и сами съ великимъ желаніемъ просятъ меня всегда показуя что имъ безъ того пробыть невозможно. А я уповаю ежели помянутая крѣпость показанными людьми населена будетъ, то для заведенныхъ въ оной крѣпости вновь всякихъ торговъ и промысловъ можетъ воспослѣдовать и въ интересъ ея и приращеніе а не убытокъ у нихъ же новонаселенныхъ людей для новости сего мѣста и торги и промыслы ихъ распространиться могутъ, съ чего и пошлины нѣкоторая сумма къ платежу сыскаться можетъ и безъ таковыхъ трудовъ къ пропитанію того калмыцкаго народу въ показанной востроющейся крѣпости пробыть никакъ невозможно.

2. По данной мнѣ инструкцы велѣно, дабы какъ съ крещеною княгинею, такъ и съ зайсангами совѣтами своими и разсужденіемъ приводить ихъ крещеныхъ калмыкъ къ тому, что къ пользѣ интересовъ ея имп. в—ства и къ доброму порядку въ содержаніи ихъ калмыкъ служить можетъ, и чтобъ могли они крещеные калмыки притти въ спокойность, яко и чугуевскіе казаки, которые природою калмыцкаго жъ народу и дабы ихъ крещеныхъ калмыкъ приохочивать, чтобъ они сперва къ кошенію сенъ и къ пашнѣ хлѣбовъ, а потомъ и къ поселенію возымѣли охоту, и для такого ихъ обученія къ сенокосу и обыкновенія къ пашнѣ придать имъ на первой часъ по нѣскольку человекъ гварнизонныхъ солдатъ, которые взяты изъ крестьянства и ту работу знаютъ и показать имъ могутъ и калмыки бѣ то видя сами дѣлали, а иногда позволять имъ изъ тѣхъ же гварнизонныхъ солдатъ и изъ подобныхъ людей и изъ русскихъ мужиковъ и изъ другихъ иновѣрцевъ россійскихъ подданныхъ кромѣ татаръ и башкирцевъ къ той работѣ наймовать съ пашпортами.

А понеже я совѣтами своими и разсужденіемъ какъ съ крещеною княгинею, такъ и съ зайсангами приводить ихъ крещеныхъ калмыкъ всѣхъ къ тому, что къ пользѣ интересовъ ея имп. в—ства и къ доброму порядку въ содержаніи ихъ калмыкъ служить можетъ желаю по присяжной моей должности съ крѣпкимъ и неусыпнымъ прилѣжаніемъ и когда я съ реченою княгинею Тайшиной и съ зайсангами и съ прочими калмыки прибылъ изъ Саратова до новоостроушской крѣпости и многіе изъ тѣхъ крещеныхъ калмыкъ усотря показанные имъ къ кочеванію мѣста удобнѣе къ пашнѣ и къ прочему земледѣльству съ желаніемъ просить, чтобъ изъ нихъ калмыкъ у коихъ имѣются скоть и лошади поселить въ тѣхъ мѣстахъ по рѣчкамъ слободами: понеже до они будучи при Саратовѣ и при Камышенгѣ и въ прочихъ

тако мѣстахъ и на наемныхъ земляхъ сами пашню имѣть и хлѣбъ сѣяли и сѣна косили; того ради не соблаговолено будетъ тѣхъ калмыкъ, у которыхъ имѣется скоть и лошади и кои охоту возымѣютъ къ пашнѣ хлѣбовъ и къ поселенію домовъ своихъ населить въ вышепоказанныхъ мѣстахъ слободами дворовъ по 50 и построить бы въ тѣхъ мѣстахъ новопоселенныхъ слободахъ церкви а на первой годъ для розводу выдать имъ калмыкамъ изъ казны на семена хлѣба по разсмотрѣнію, да къ нимъ же калмыкамъ для лучшаго бы имъ приохочиванія и къ скорой переимкѣ того земледѣльства населить между ими по столыкужъ дворовъ разночинцовъ русскихъ людей необложенныхъ въ подушномъ окладѣ, кои имѣются нынѣ въ казанской губерніи въ городѣхъ прописными и потому поселенію жить бы имъ разночинцамъ въ тѣхъ слободахъ домами во все чего ради они будутъ какъ сами про себя пашню имѣть и хлѣбъ сѣять и прочее земледѣльство чинить такъ и помянутыхъ вращенныхъ калмыкъ къ тому обучать съ охотою имѣя надежду что въ тѣхъ мѣстахъ жить будутъ вѣчно, и въ той надеждѣ и довольствѣ будучи по написанію ихъ въ подушномъ окладѣ могутъ за себя платитить и подушные деньги и простыя государственныя подати безъ тягости, ежели жъ оныхъ не положенныхъ въ подушномъ окладѣ надлежащаго числа сыскаться не можетъ, то не повелено будетъ въ тѣ слободы населить изъ закамскихъ пригородовъ, именно: изъ Старошешминска, изъ Заинска, изъ Тинска и съ протчихъ тамошнихъ пригородовъ отставныхъ солдатъ понеже оныхъ по указу велѣно изъ тѣхъ пригородковъ вывести для поселенія ихъ въ новозаведенныя по закамской линіи крѣпости, а въ ихъ мѣста въ тѣ пригороды повелѣно населить отставныхъ армейскихъ ундеръ-офицеровъ и солдатъ, а при вышеписанныхъ слободахъ помянутымъ отставнымъ даны будутъ для

имен земли и всякихъ угодій довольство, отъ чего они могутъ пропитаніе себѣ имѣть безъ нужды, а означенные крещеные калмыки живучи между ими русскими и смотря на нихъ къ тому же и по обученію ихъ весьма охотно за пашни сень и за пашню и къ поселенію домовъ своихъ приутока скоро, къ тому же ни калмыки для работъ своихъ къ пашнѣ и къ прочему земледѣльству будутъ нанимать въ свободныхъ русскихъ мужиковъ и изъ прочихъ иноирицовъ съ пашпортами противъ объявленнаго въ данной мнѣ инструкции 5-го пункта, то и еще имъ калмыкамъ будетъ то благопотребно и могутъ притти къ службѣ Ея Императорства и къ своему ненужному пропитанію такъ, какъ и туевскіе калмыки, и не опредѣля къ нимъ калмыкамъ для житія между ими русского народу: они необыкновенные люди къ пашнѣ и не видя силы въ томъ, когда землю пахать и хлѣбомъ сѣять и съ полъ хлѣбъ убирать и прочіе земледѣльческія работы никакъ могутъ знать: и безъ русского народа имъ калмыкамъ въ тѣхъ слободахъ пробыть не можно, что же по вышеозначенному въ данной мнѣ инструкции 6 пункту велѣно для убученія здѣсь калмыкъ къ пашнѣ гварнизонныхъ салдатъ брать и опые салдаты хотя и будутъ при нихъ калмыкахъ, повремянно, а домами своими жить при нихъ не будутъ, то прилѣжной охоты отъ нихъ салдаты къ обученію тѣхъ калмыкъ земледѣльству никакъ быть не надѣюсь.

3. По имянному Ея Императорства указу вышеобъявленной княгинѣ Аннѣ Тайшиной и прочимъ при ней крещенымъ калмыкамъ какъ подъ крѣпость и подъ прочее домовое строеніе, такъ и на пашню и на вочеванье дана земля со всякими угодьями межъ рѣкъ Соку и Черемшана внутри закамской линіи, которая земля явно показана въ учиненной господиномъ Татищевымъ и въ данной мнѣ отъ него планкартѣ, а

именно имѣеть быть къ крѣпости и къ слободамъ для вышеописаннаго поселенія и всякаго удовольствія земли и угодей начавъ отъ устья рѣки Черемшана на низъ Волги по рѣкою до владѣнія деревни Царевшины обывателей; а длина отъ дачь Краспоярской крѣпости ландмилицкихъ салдатъ вверхъ по рѣкѣ Кондурчѣ до Чолнинскіе дороги по которой ѣздять изъ пригорода Сергіевска въ Казань, а поперечники отъ показанной новостроющейся крѣпости чрезъ означенную рѣку Кондурчу до дачь призакамской же линіи ландмилицкихъ салдатъ, а хотя по вышеозначенной рѣкѣ Кондурчѣ и по другимъ рѣчкамъ и начато было малое поселеніе деревень вновь, но изъ тѣхъ новыхъ поселеній обыватели всѣ высланы по указу на прежнія жилища и нынѣ имѣются тѣ жилища пусты, что же по объявленнымъ рѣкамъ Волгѣ и Черемшану имѣются русскія и иновѣрческія жилища у которыхъ имѣется владѣніе земли къ тѣмъ рѣкамъ но тѣхъ жилищъ обывателямъ во владѣніи имѣ распаханныхъ ихъ нынѣ земель отъ поселенія помянутыхъ крещеныхъ Калмыкъ никакова помѣшательства не будетъ: ибо вышеписанной данной имѣ крещенымъ калмыкомъ земли и всякихъ угодей не точію имѣ однимъ кои нынѣ имѣются при внягинѣ Тайшиной, но хотябъ еще и изъ другихъ мѣсть калмыкъ могло быть къ ней же внягинѣ прибавленіе и тѣмъ всѣмъ весьма будетъ довольно.

4. Изъ тѣхъ же крещеныхъ калмыкъ многіе находятся скудные и безскотные и ежели изъ нихъ кто пожелаетъ имѣть пашню и тѣмъ не повелѣноль будетъ на первой заводъ купя на казенныя деньги лошадей отдать на каждую семью по одной лошади и хлѣбъ на семена по рассмотрѣнію.

Во второмъ отъ него полковника Змѣева:

Въ данной имѣ инструкціи между прочимъ написано:

1. Для житья въ новоостроужейся крѣпости княгинѣ Аннѣ Тайшиной давать Ея Императорскаго Величества жалованья денегъ по 500 рублей да хлѣба по 500 четвертей на годъ, откуда деньги брать того не изображено; а нынѣ она княгиня помянутаго годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья требуетъ отъ меня непрестанно и притомъ объявляетъ, что за неполученіемъ того опредѣленнаго ей жалованья въ содержаніи себя и въ пропитаніи людей своихъ имѣетъ великую нужду.

2. Чтобъ вышеписаннаяжъ княгиня Тайшина надъ всѣми грешными Калмыки правленіе и содержаніе оныхъ въ добромъ порядкѣ имѣла по прежнимъ ихъ обыкновеніемъ чрезъ знатныхъ зайсанговъ, а именно Ивана Шору, Петра Менку, Кирилу Шарапа, Матвея Батуменку и Ивана Чидора, которые въ тому правленію по ея княгинину представленію по указу изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и опредѣлены и оныхъ такожь о прочимъ обрѣтающихся при ней же княгинѣ зайсанговъ по скольку и кому именно годоваго жалованья учинить о томъ миѣ разсмотря представленіе учинить Вашему Превосходительству а нынѣ при оной княгинѣ имѣется зайсанговъ, а именно:

Вышепоказанные по ея представленію къ управленію дѣлъ: Иванъ Шоро, Петръ Менко, Кирило Шарапъ, Матвѣй Батуменко, Иванъ Чидоръ; да сверхъ оныхъ: Григорей Дошзасонъ, Семень Тюря, Иванъ Мангутъ, Аванасой Тунай, Григорей Балданъ, Сергѣй Ясуту Гецуль, Иванъ Амуръ, Василей Доаданъ, Федоръ Котема, Андрей Добрицынъ, Константинъ Ходжинъ, Андрей Ламаджанъ.

Да княгиня жъ Тайшина представляетъ чтобъ для всякихъ случающихся отъ нее въ калмыцкіе улусы посылокъ опредѣлить же жалованьемъ изъ Калмыкъ Нестера Цодама, Сте-

пана Кюрю. Да для всякихъ калмыцкихъ дѣлъ надлежи опредѣлить изъ крещенныхъ же Калмыкъ дву человекъ.

И вышеписаннымъ зайсангамъ такожь и помянуты Калмыкамъ поскольку кому годового жалованья опредѣли

3. Въ сообщенныхъ мнѣ изъ государственной коллегии иностранныхъ дѣлахъ копіяхъ между прочимъ въ указѣ генералу майору господину Соймонову написано: буде прибытіе княгини Тайшиной показанная крѣпость недостроена, то оную крѣпость для достроенія поручить мнѣ снабдить всякими мастеровыми людьми потребному числу; а поне новостроющееся для оной княгини крѣпость по ордеру 1-шаго Превосходительства со всѣми заготовленными припасами поручена мнѣ, того ради надлежитъ въ содержанію той крѣпости вѣчно опредѣлить мастеровыхъ людей, а именованныхъ кузнецовъ 4, слесарей 2, столяровъ 4, токарей 2, пешекъ 4, кирпичниковъ 2, колесниковъ 5, плотниковъ 2. А безъ оныхъ мастеровыхъ людей при той новой крѣпости во всякихъ случающихся подѣлкахъ никакъ пробыть невозможно.

4. Имѣется нынѣ въ командѣ моей опредѣленные для новостроющуюся крѣпость ландмилицкихъ полковъ четири роты въ томъ числѣ одна драгунская, и онымъ ротамъ каковымъ резономъ быть въ помянутой крѣпости при мнѣ перемѣною или безперерывно. Ежели же тѣмъ ротамъ бы безперерывно, то надлежитъ онымъ при новостроющей крѣпости подъ дворами отвѣсть усадебныя мѣста, также дачи пашни земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій, и имѣюсь что упомянутыхъ ротъ солдаты на отведенныхъ мѣстахъ подъ дворами усадебныхъ мѣстахъ построить себѣ дворами и прочее довольно строеніе сами собою. 18 декабря 1737 годъ

Подлинныя по пунктамъ подписалъ полковникъ Андрей Змѣловъ.

1737 году декабря 18 дня по указу Ея Императорскаго Величества Тайной Совѣтникъ Татищевъ да Генералъ Майоръ Солюновъ слушавъ представленія полковника Змѣева опредѣли:

На первое доношеніе.

На 1) о населеніи купцовъ, по представленію его полковника купечеству къ населенію дать позволеніе по указомъ и о томъ потребно, чтобъ публиковать указами; а ежели охотниковъ не будетъ, то перевести изъ городовъ казанской губерніи средней статьи купцовъ до 50 семей, а выбирать ихъ купечествомъ самимъ и воеводамъ въ то не вступаться, чтобъ не было какого раззоренія.

На 2) между Калмыками поселить весьма нужно, ибо солдаты не имѣя лошадей, ни снасти къ пашнѣ и сѣнокосу и къ обученію не способны, и для того возможно изъ объявленныхъ прописныхъ Казанской губерніи перевести и поселять дворовъ до 300; солдатъ же отставныхъ изъ пригородовъ объявленныхъ переводить къ Калмыкамъ не удобно, понеже оные отцы и братья ландмилицкихъ полковъ, которыхъ необходимо нужно перевести съ ландмилицкими полками.

На 3) земли Калмыкамъ отдать по Волгѣ отъ земель села Царевщины и до Черемшана, а въ верхъ по Черемшану по земли деревни Челновъ, а по Кондурчѣ до Сергіевской дороги, и въ тѣхъ мѣстовъ никакимъ помѣщичьимъ дачамъ не быть, а дворцовымъ наемнымъ и монастырскимъ русскимъ и иновѣрцамъ жить въ своихъ деревняхъ и съ ними Калмыкамъ селиться оставить свободно.

4 пунктъ оставленъ безъ резолюціи.

На подлинномъ подписано такъ:

В. Татищевъ. Леонтей Солюновъ.

На второе доношеніе.

На 1) деньги оной княгинѣ 5000 (sic!) рублейъ асигнованные отъ казанской губерніи, а оная губернія промемо-рією отъ 7 числа декабря показала, что велѣно отправить изъ сибирской провинціи, то доколѣ тѣ деньги получены будутъ, провіантъ давать изъ поставленнаго въ новую крѣпость, деньги же сколько потребно можно для необходимыхъ нуждъ отсюда изъ комиссіи отпустить.

На 2) чины онымъ дать: одному старше быть полковникомъ, жалованья ему 50 руб.; другой войсковымъ есауломъ, третей писаремъ, онымъ двумъ по 40 р.; ротмистровъ тремъ по 30, двумъ по 25 р., хорунжихъ десять по 12, есауловъ два по 10, урядниковъ, разсылщиковъ два по 7 р., двумъ толмачамъ по 6 р. Всего онымъ зайсангомъ съ прочими 426 рублей.

На 3) понеже въ оную крѣпость опредѣленъ, въ которой и ремесленники разные находятся, то можно ихъ употребить; еслиже неостанетъ, то взять ихъ изъ оставшихъ того батальона отцовъ ихъ и братьей которыхъ изъ пригородовъ надлежитъ къ нимъ же перевести.

На 4) ландмилицкому батальону быть вѣчно при оной крѣпости и дворы имъ построить, гдѣ онъ господинъ полковникъ запристойно разсудитъ; съ сего опредѣленія полковнику Зиѣву дать копію.

На подлинномъ подписано такъ:

В. Татищевъ. Леонтей Соймоновъ.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранцевъ Дѣлъ.

ПЕРЕПИСКА ТАТИЩЕВА

о чиновниками коллегии иностранных дѣлъ, по поводу отправления его въ калмыцкую комиссію.

1. Государь мой Петръ Васильевичъ!

Хотя въ доношеніи просилъ о дачѣ мнѣ изъ Москвы до Царицына и Астрахани подорожныхъ и прогонъ на ямскіе и почтовые подводы а нынѣ увѣдомился, что по дорогѣ ямовъ мало а на почтахъ подвody содержать только по четыре, мнѣ же нужно колико возможно туда поспѣшить; и для того мнѣ не обходимо нужно брать уѣздные подводы съ платежемъ по плакату, да для безопасности взять солдатъ челоуѣкъ до двенадцати, отъ города до города ежели есть въ Москвѣ изъ низовыхъ командъ гварнизонныхъ и полевыхъ то лучше перемѣнныхъ. И для того прошу васъ, моего государя, что сіе въ указѣ изъяснено было; если же потребно то доношеніе переписать, то прошу оное прислать ко мнѣ обратно, чтобъ скорѣе переписавъ подать, дабы мнѣ за тѣмъ умедленія не учинилось.

Вашъ моего государя
послушный слуга

В. Татищевъ.

14 августа 1741 г.

2. Государь мой Василій Михайловичъ!

Хотя я въ коллегію о медленности ѣзды моей нѣчто кратко представилъ однакожь опасаясь что(бъ) оное сумнительнымъ кому не явилось и не приялось бы моей оплошности принужденъ вамъ какъ моему благодѣтелю обстоятельнѣе о томъ донести, дабы при случаѣ нарѣканія могли меня извинить.

Въ началѣ я желая, чтобъ въ Москвѣ немедленно всѣ мои вещи изъ Санктпетербурга за восемь дней прежде меня отправились и въ Москву о нужднѣйшихъ вещахъ писалъ, чтобъ къ прибытію моему все куплено и сдѣлано было, токмо тотъ обозъ мой наѣздомъ посла персидскаго и другихъ казенныхъ припасовъ толико удержанъ въ пути былъ, что я принужденъ оной до 1 числа сентября ожидать, и хотя намѣренъ былъ всѣ тягости съ надежнымъ конвоемъ водою изъ Коломны отправить, а самъ ѣхать чрезъ Тонбовъ на почтѣ; но увѣдавъ что отъ воровъ не безопасно, а въ конвой изъ Москвы ни 10 человекъ низовыхъ собрать не могли, своихъ же людей у меня мало, то я принужденъ до Нижнего на подводахъ ѣхать и тутъ взявъ конвой припасы отправить, а самъ намѣрялся ѣхать почтою токмо худобы дороги всѣ колеса такъ повредились, что ѣхать на оныхъ никакъ не можно а здѣсь купить ни за какую цѣну не нашли, конвоя же едва 10 человекъ съ ружьемъ собрать могли, а пороховъ и пули принужденъ свои дать и того ради отправившись обше водою взявъ легкіе суда; разсудя же что если емскихъ работниковъ по городамъ переменять, то можетъ быть умеленіе и для того хотя съ немалою предъ прогонами передачею нанялъ кормщиковъ и работниковъ изъ данныхъ на прогоны а чего не достанетъ, то до указа моихъ прибавлю токмобъ поспѣшить ездою, а мню что рублей более ста прибавить надобно и тако сей день отъезжая прошу васъ моего государя отъ нареканія при случаѣ извинить, въ чемъ надѣюсь и пребываю всегда.

вашъ моего государя
 послушный слуга
В. Татищевъ.

Нижней, 12 сент. 1741 г.

3. Государь мой Василий Михайлович!

Ваше моего государя почтенное письмо отъ 25 сентября я съ приложеніями исправно получилъ, за что покорно благодарствую и заслужить не оставлю, прошу же васъ моего государя яко благодѣтеля пожаловать меня и впредь не оставить, а наипаче если возможно въ высочайшемъ кабинетѣ и въ коллегіи по моимъ поданнымъ доношеніямъ напечатать что я рѣшеніе получить могъ а наипаче о жалованьѣ моемъ и командѣ въ чѣмъ опасаюсь немного препятствія о чемъ я ихъ сіятельствамъ кабинетнымъ министрамъ съ просьбою писалъ; прошу же книги при удобномъ случаѣ ко мнѣ прислать и мнѣ повелѣть въ чемъ вамъ услужить могу которое съ ревностію исправить надѣюсь и пребываю всегда.

Вашъ моего государя
покорный слуга

В. Татищевъ.

Парижъ

13 Окт. 1841 г.

Р. S. Изъ посланныхъ со мною офицеровъ поручикъ Гакъ довольно добръ, прапорщикъ Бурковъ не весьма надеженъ, я бы мнилъ выбрать изъ дѣтей дворянскихъ Казанской губерніи. Прошу васъ мой государь не оставить просьбы опредѣленнаго при мнѣ секретаря. Прошу покорно приложенные пакеты разослать.

4. Государь мой Василий Михайлович!

Ваше государя моего письмо отъ 5 октября исправно получилъ за что услуж(но?) благодарствую и прошу впредь тѣмъ не оставлять. Изъ присланныхъ нынѣ копей вижу сообщены мне выписки о Трухменцахъ и Салтонъаульскихъ татарахъ, а для чего того ни въ указахъ ни въ инструкціи не показано и для того въ тѣ дѣла ни чимъ вступаться не могу.

Въ комиссіи моей вижу мне препятство не малъ полковникъ Бѣклемішевъ опредѣленной мнѣ въ или учителя доднесъ не бывалъ, а безъ него я н лать не смѣю и опасно если онъ (какъ слышно нію) вскорѣ не будетъ то не знаю что дѣлать, а е полную мочь я не весьма надеженъ, какъ и въ пре миссіи меня поучило; 2) если ханша и ея владѣ бровольно отъ противности не отстанутъ, то (силою находящихся здѣсь вблизи войскъ мноу нея отнять и обезсилѣвъ привести къ покорно того мнѣ учинить нельзя ибо въ моей команде на достанетъ а. сфорпостовъ и по указу мнѣ опредѣ не дають; о семъ я прежде мыслилъ и въ кабинетѣ влялъ.

Что я прибывъ сюда неколико дней въ коллегіи салъ оное оттого что вѣстей было много но не осные и дождався подлиннѣ писалъ и съ великою вижу, что ханша здѣсь подлѣ самого города Кал хотящихъ съ ней итти силою забираетъ и грабитъ торыхъ ближайшихъ малую часть оборонилъ ибо з ницы у меня нѣтъ.

Ханша ко мнѣ отповѣди не шлетъ дожидается и Бодонга и Сербетя изъ которыхъ Сербетъ какъ слы которой ссорѣ къ ней неидетъ, только держать ег и къ Волгѣ не пускаетъ, но сіе еше сумнительно пребываю всегда.

вашъ моего государя
 послушный слуга
В. Татищевъ.

Селитренной
 25 Октября 1744 г.

Р. С. Мнѣ видится что коллегія Беклемішева с шимъ предъ Кольцовымъ почитаетъ, но я вижу из

мной и слышу о поступкахъ и склонности калмыцкаго народа, то нахожу что Больцовъ далеко превосходить и мнѣ какъ его совѣты гораздо полезнее быть могутъ.

Взето изъ Калмыцкихъ оубл.

VI.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТАТИЩЕВА

съ товарищами о рыбныхъ ловляхъ для калмыкъ, около Астрахани.

1742 года генваря 19 дня. По указу ея императорскаго мнчества тайный совѣтникъ Татищевъ, полковники, комендантъ Бнутовъ и Беклемишевъ да рыбной конторы управитель маіоръ Смольяниновъ совѣтовавшись съ намѣстникомъ ханства съ Дондукъ-Дошею и съ знатнѣйшими рыбными промышленниками о удовольствіи калмыкъ въ ловлѣ рыбы и пресеченіи ссоръ между ими и русскими въ исполненіе и изъясненіе учиненнаго генваря 5 числа приговора со-мисно разсудили, опредѣлить слѣдующее:

1) Калмыкамъ въ лѣтнее время мая съ 1-го октября по 1-е число и зимою до вскрытія воды рыбу по прежнимъ обычаямъ ловить по всей Волгѣ такожъ въ протокахъ и оврагахъ отъ Саратова и до моря такими снастями какъ прежде лавливали удами малыми, и сомовыми сѣтями и неводами которые бѣ не болѣе ста сажень были, а въ морѣ отъ устей волжскихъ подлѣ береговъ до Яска и Терка не избранно всякими снастями такоже тѣмъ, которые при ватагахъ у промышленниковъ въ наймѣ, онымъ ходить всякими снастями, какъ имъ тѣхъ водъ промышленники допустятъ.

2) Въ октябрѣ и ноябрѣ до покрытія Волги когда главный ходъ рыбъ бываетъ калмыкамъ въ настоящей Волгѣ

и великихъ протокахъ рыбы никакими снастями не ловятъ а довольствоваться въ малыхъ протокахъ, заливахъ и озерахъ, а отъ вскрытія Волги мая по 4-е число хотя и калмыкамъ ловить и по всей Волгѣ, токмо малыми снастями какъ ниже показано.

3) При учугахъ казенныхъ и тѣхъ протокахъ, которыми рыба изъ моря къ учугамъ проходитъ и противъ оныхъ въ морѣ рыбы не ловить и по тѣмъ протокамъ имъ не сидѣть, и лѣсовъ не рубить подъ жестокимъ наказаніемъ, но чтобъ калмыки меньше способа къ преступленіямъ имѣли и русскіе бь немогли напрасно невинныхъ калмыкъ поприхоты бить, опредѣлить намѣстнику по одному надежному зайсангу, которому давать изъ казны муки въ годъ по три четверти и калмыкъ по требованію опредѣленнаго начальника по пятидесяти и до ста кибитокъ на каждый учугъ, которыхъ изъ вольнаго найма употреблять въ работы и довольствоваться имъ вымѣтною при (учугахъ) рыбою, имъ же ѣздитъ съ русскими по тѣмъ протокамъ для досмотру, чтобъ кто по тѣмъ протокамъ и противъ оныхъ въ морѣ рыбы не ловилъ, и лѣсу не рубилъ, и если кого такого поймать то отсылать надлежащему суду, однакоже тѣхъ пойманныхъ не бить и не грабить, а если противны явятся и поймать себя и будутъ давать и обороняться стануть ружьемъ, то съ такими поступать какъ съ ворами и немедленно о томъ писать въ губернскую концелярію, которая повинна на тѣхъ преступниковъ требовать управы у хана, еслиже ханъ въ отдаленіи, то посылая солдатъ брать къ суду и виновныхъ казывать безъ продолженія.

4) Хотя выше калмыкамъ во всей Волгѣ рыбу ловить лѣтомъ и зимой допущено, однакоже зимою въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ промышленники неведомъ ходятъ и снасти ставятъ въ то время тутъ не ловить и тѣхъ промышленниковъ

взять, но и промышленникамъ накрѣпко подтвердить, въ они вымышленно для обиды калмыкъ всѣ мѣста раз-
 цонными тонями не называли и за то дракамъ и убивству
 зъ тяжкимъ штрафомъ причины не подавалибъ и для то-
 вадлежитъ отъ промышленниковъ взять подлинное извѣ-
 зъ, у кого въ которыхъ водахъ сколько неводоу и тонь,
 яви имянно въ которомъ урочищѣ та тоня съ мѣроу
 стоянія, тонь же по рѣкѣ болѣе трехъ сотъ сажень чи-
 ть не можно.

1) Понеже ея императорское величество видя многого
 га въ калмыцкомъ народѣ сущую бѣдность матерински
 алѣя всемилостивѣйше, не взирая на ущербъ казен-
) дохода, повелѣли ихъ для исправленія такъ свободномъ
 Волгѣ ловлею пожаловать, чего напредъ сего небывало,
 коже притомъ чтобъ и русскимъ промышленникамъ
 ѣняго разоренія они приключить не могли, имъ калмы-
 зъ той рыбы на торги для продажи не привозить, а про-
 ить вольно своимъ калмыкамъ, кои купить похотятъ, и
 иевать тѣхъ водѣ въ чьихъ оную поймають, посторон-
 зъ русскимъ и татарамъ подѣ тяжкимъ штрафомъ не по-
 зть, и такихъ въ преступленіи пойманныхъ, а наипаче
 жихъ наказывать безъ упущенія, на чтобъ калмыки
 ѣе скотомъ завестися и во всемъ совершенно противо-
 гняго исправиться могли, то по представленію астрахан-
 гъ промышленниковъ росписать намѣстнику на всѣ про-
 лы по поданной росписи до десяти тысячъ кибитокъ
 ныхъ калмыкъ; и на каждую ватагу опредѣлить зайсан-
 га добраго управителя изъ всѣхъ выработныхъ денегъ
 вавая каждому на пропитаніе и одежду не болѣе поло-
 зъ, а достальные отставлять у промышленника или того
 ставленнаго зайсанга на покупку скота и лошади также
) платежъ надлежащаго владѣльцу, а затѣмъ грабить и

подводъ требовать отъ нихъ такожь шабинеромъ выманывать не допускать и когда которые скотомъ обзаводятся тогда оныхъ выводить въ улусы, а на мѣста ихъ присланныхъ немущихъ чрезъ что калмыки въ краткое время могутъ въ доброе состояніе притти а промышленникамъ обидамъ и ссорамъ притчины не будетъ, ибо тѣ зайсанги опредѣленные должны будутъ онаго промышленника отъ обиды защищать и оборонять. Въ томъ же числѣ при Гурьевскомъ учугѣ по требованію рыбной конторы управителя майора можно скудныхъ калмыкъ до трехъ тысячъ удовольствовать и понеже напредъ сего тамо цѣлымъ улусъ назаровской кочеваль, но иные мнятся цѣлыми улусами, кои скуднѣе туда перевести которые подъ защитеніемъ городна отъ кайсакъ безопасны будутъ и здѣсь кочующимъ улусамъ отъ прихода кайсаковъ оными не малая польза будетъ.

6) Если же русскіе въ дозволенныхъ калмыкамъ мѣстахъ рыбу ловить запрещать будутъ и оттого между ими учнутъ ссоры и драки и къмъ это усмотрѣно или произойдетъ отъ того челобитье, таковыхъ публично предъ калмыками называть нещадно.

7) Если у Калмыкъ найдутся снасти для лову красной рыбы, то есть белугъ и осетровъ сѣти и неводъ болѣе убойной мѣры, становой изловя и со снастями приводятъ къ опредѣленному зайсангу, потомъ смотря по винѣ наказывать, а если онъ управы не учинитъ то просить въ губернской канцеляріи, а она по подлинному свидѣтельству отъ брава тѣ снасти отдать промышленнику чьи тѣ воды, а Калмыкъ отсылать для наказанія къ намѣстнику. Причемъ и тотъ промышленникъ былъ, къмъ оны Калмыки со снастями пойманы, а саминъ тѣмъ промышленникамъ или работникамъ отнюдь съ Калмыки въ томъ своевольнѣе не

жестокимъ наказаніемъ не управляться, но просить суда
иъ выше показано.

8) Гдѣ калмыцкому хану для зимовья городъ построенъ
будетъ въ томъ мѣстѣ по прежнимъ примѣрамъ какъ дава-
лось къ построеннымъ по Волгѣ городамъ отвести по обѣ
стороны Волги въ протокахъ и озерахъ на дватцать верстъ
свободно, а имянно вверхъ и внизъ по десяти верстъ въ
иоторыхъ ловятъ и со всякими снастями, и оныхъ водъ въ
откупъ не отдавать, а если отдапы кому на урочные годы, то
по пропорціи разстоянія изъ оброка выключить; а что на-
иѣстники по первому разсужденію просилъ болѣе водъ къ
тому городу, то тогда онъ разсуждалъ, что въ протчихъ мѣ-
стахъ Калмыкамъ удовольствоваться не можно, оныя едва
во всѣ безскотные разведутся по промысламъ и досталь-
иныхъ остается къ ловлѣ мѣсть довольно: того-ради сверхъ
прежняго опредѣленія прибавлено для того что въ преж-
нихъ дачахъ версты считались по тысячи сажень и онъ
прибавки просить болѣе причины не имѣеть.

9) Что купцы просили дабы нѣкоторыя воды или со всѣхъ
оброка снять половину оное також(д)е оставить, а владѣть
какому своимъ водами и съ прежнихъ оброковъ, понеже
иъ утѣсненія никакого быть не можетъ, но еще разводъ
во ватагѣ Калмыкъ великая польза и отъ грабительствъ
иныхъ прежде часто случалоса нынѣ будутъ они безопасны.

10) Для лучшаго впредь знанія и разобранія споровъ на-
иескитъ всѣмъ здѣшнимъ протокамъ и озерамъ сдѣлать
обстоятельную ландкарту, въ которой назначить ватаги и
ионы какъ которые на откупъ отдаются, а впредь когда во-
иы забудетъ и протоки отдѣлятся, то надлежитъ оныя пакы
назначить, для котораго повелѣннбъ было опредѣлить осо-
бно геодезиста, и сіе предается въ лучшее разсмотрѣніе
иисударственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

11) По доношенію рыбной конторы управителя маію Смольянинова Калмыкамъ при Гурьевскѣ городкѣ вверх по Яику отъ учужной забойки, разсуждается весьма нужи оставить для ловли рыбы вверхъ по Яику верстъ на десять. Однакоже имъ Калмыкамъ въ тѣхъ мѣстахъ забоекъ и дѣлать, чтобъ въ приходѣ рыбы къ Яицкому городку пре пятствія не учинять. Что принадлежитъ до продажи ит Калмыкамъ рыбы, то выше въ семь мнѣніи довольно изъ яснено.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ.

VIII.

ДОКЛАДЪ ТАТИЩЕВА.

Всемиловѣйшей, державнѣйшей государынѣ императрицѣ и самодержицы Всероссійской

всеподданнѣйшій докладъ.

Напредъ сего при Астрахани было юртовыхъ Татаръ болѣе 10000, да конныхъ казаковъ или стрѣльцовъ два полка, которые всякіе службы и подводы могли отправлять безъ тягости, но потомъ казаки за бывшей бунтъ переведены, а вмѣсто ихъ гваризонный драгунскій полкъ сдѣланъ которой непрестанно въ дальнихъ отпускахъ или сорпстахъ бываетъ; Татаражъ во время того бунта многіе и биты, потомъ въ моровое повѣтріе вымерли, а другіе ушли на Кубань, и осталось ихъ съ 3000 юртовъ, на которыхъ вся прежняя тягость подводъ и посылокъ положены бы а рыбныя ловли у нихъ увазомъ отняты для котораго о и принуждены были съ неслыханнымъ ростомъ по 30 и 40 на 100 у Армянъ, и Индѣйцевъ, и Русскихъ деньги и нимать, или старинныя ихъ земли, отъ которыхъ проши

не имѣли, за бездѣнокъ противо указомъ продавать; а по-
 томъ какъ себя усмотрѣли къ заплатамъ тѣхъ долговъ не въ
 состояніи, или которые бѣжали на Кубань, другіе въ вѣчное
 рабство тѣхъ заимодавцовъ отдалися, и такъ ихъ уменьши-
 лось, что нынѣ уже менѣе 1000 находится, которые не
 имѣя отъ земель и рыбныхъ ловель, какъ прежде имѣли,
 пропитанія, а отъ подводной гоньбы великіе убытки терпя,
 дерзнули немногіе весьма государству вредительные про-
 мыслы, а особливо, что между собою и у Калмыкъ купя или
 украдши робять для продажи на Кубань и въ Кабарду увозить.
 Я же по указу Вашего Императорскаго Величества
 прибывъ сюда въ калмыцкую комиссію и слыша, что такою
 продажею калмыцкихъ робять за границы многіе улусы
 весьма обезлюдили и видя тогда Татарами закупленныхъ на
 Кубань, и съ которыми нѣколько сотъ удержавъ въ Колле-
 гію Иностранныхъ Дѣлъ доносилъ, и получа о томъ указы
 на крѣпко запретилъ, многихъ беззаплаты отобравъ въ
 улусы калмыцкіе возвратилъ, такожъ земли проданные, о
 которыхъ Татары просили, возвратилъ и отдавать по Уло-
 женію и указамъ запретилъ: однакожь многія земли, о ко-
 торыхъ челобитчиковъ пѣтъ до точного на то Вашего Импе-
 раторскаго Величества указа оставлены и хотя нынѣ за
 прилѣжными смотрѣніемъ, какъ земель такъ людей продажа
 совершенно удержана; но впредь не безъ опасности, чтобъ та-
 кой вредной безпорядокъ паки не пришелъ въ употребленіе.

Оныя Татары и къ нимъ въ помощь каждагодно берется
 для почтовой гоньбы по двѣсти Волжскихъ казаковъ, кото-
 рые должны возить отъ Астрахани до Царицына 412, до
 Кизляра 500 верстъ за прогоны по плакату и ежели слу-
 чатца тяжелые возы а наипаче въ осень и весною, то при-
 нуждены вдвое лошадей давать, но и съ тѣмъ многократно
 къ Царицину возвращаются; къ Царицину жь лѣтомъ разставлява-

ются по островамъ и возятъ въ лодкахъ, гребцовъ болѣе по четыре человѣка, и прогоновъ дается имъ за всю дорогу деньга на версту; зимой же дѣлаютъ землянки; а корки себѣ и конямъ возятъ изъ Астрахани, къ тому жъ за пустою такъ дальнихъ разстояній отъ степныхъ народовъ часто случаются грабленіе и убивства; для котораго умъ чрезъ нѣколико лѣтъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ принуждены по Волгѣ форпосты содержать; а почты лѣтомъ въ лодкахъ отправлять гдѣ за погодями иногда надирно умедливаютъ, а часто и подмачиваютъ; наипачеже когда по указомъ случится въ зимнее время войскамъ проходить или немалое число нужныхъ припасовъ отправить, то за немѣнѣемъ кормовъ и ночлеговъ претерпѣваютъ великую нужду и казнѣ Вашего Императорскаго Величества излишнее истощеніе, а Татара оныя въ конечное оскудѣніе пришли и непрестанно просятъ объ ихъ облегченіи и ежели В. И. В. всемилостивѣйше соизволите къ сямъ Татарамъ высочайшую вашу милость изъяснить: имъ хотя вполнѣ предъ купечествомъ за наемъ нынѣшнихъ подъ Персидскіе поводы изъ казны заплатить, чтобъ они ихъ долговъ хотя малую часть оплатить возмогли, земли хотя съ 1700 г. проданныя имъ возвратитъ и нѣкоторую часть рыбныхъ ловель изъ ихъ прежнихъ имъ пожаловать, прогоны по копѣйкѣ на версту повелѣтъ и населеніемъ городковъ по Волгѣ имъ въ подводахъ уменьшеніе учинить, чрезъ что уповаемъ не токмо сіи отъ побѣгу на Кубань удержатся, но изъ Кубани въ немалую Россіи пользу возвратятся.

О постройкѣ же городковъ я довольно разсмотрѣлъ, что по Волгѣ въ сей губерніи къ поселенію мѣсть удобныхъ довольно и людей, чѣмъ населить, неоскудѣтъ, которое я по вступленіи въ губернское правленіе впервыхъ разсмотрѣ доносилъ въ Правительствующій Сенатъ, которое велѣно

распорядить въ Васильевскѣ, токмо доднесь рѣшенія не
 чинено, а ежели Ваше Императорское Величество всеми-
 лостивѣйше оныя по приложенной при росписи повелите
 построить и населить; то надѣюсь, что впредь такихъ жа-
 лобъ отъ здѣшнихъ жителей и подлежащихъ опасностей и
 трудностей впроздахъ не будетъ, ибо подводы вверхъ по
 Ягѣ будутъ съ близкими перешѣнами верстъ по 20 или
 10 и къ Кизляру по доволъству людей въ рѣдкую очередь,
 а такъ будутъ тяжки, войскъ регулярныхъ на форпосты
 употреблять не будетъ нужно и проѣзжающимъ какъ по-
 лѣ, такъ безопасность явится, доходы таможенные каба-
 къ, рыбные и прочіе умножатца, а паче что набѣгамъ Ку-
 шцовъ и Кайсаковъ, якоже и воровству по Волгѣ, будетъ
 остаточное пресеченіе. Въ численіи же моемъ хотя недо-
 статъ казаковъ 82 человекъ, денегъ въ годъ 7692 рубля;
 въ оное число людей изъ Донскихъ казаковъ и Калмыкъ,
 желающихъ креститься, охотою набрать не трудно; деньги
 ж оныя со излишкомъ въ тѣхъ городахъ соберутся и поло-
 виной на строеніе расходъ можетъ въ малые годы возвра-
 титься, какъ я примѣръ имѣю отъ построенной Енотаевской
 рѣпости, которая совсѣмъ кромѣ ханскаго дома и принадле-
 ащихъ ему мнѣ болѣе 4000 не станетъ, а заводы нынѣ на
 первый годъ дали болѣе 700 рублей, впредь же надѣются
 ономъ не меньше 3000 рублей въ годъ доходу будетъ и
 пусть лежащія воды будутъ приносить доходы.

Въ семъ росписаніи всеподданнѣйше представилъ я чтобъ
 Ягскихъ казаковъ 1000 человекъ развести по городамъ и
 ягску особому не быть для того что оныя жалованье по-
 лучаютъ не малое, а во употребленіе военное едва-есть ли
 десятая часть способныхъ; понеже набраны изъ крестьян-
 ства, которые ни ружьемъ, ни лошадыю владѣть не умѣютъ,
 а многіе того и не умѣютъ, какъ мнѣ нынѣ довольно ихъ

видѣть случилось, понеже ихъ атаманъ и старшины жалованьемъ болѣе сами богатятца, а о наставленіи и содержаніи въ добромъ порядкѣ казаковъ ни мало не прилежать; и тако подаваемое на нихъ немалое жалованье едва не втунѣ погибаетъ; сверхъ того старшины ихъ имѣютъ всѣ кабаки и таможенныхъ денегъ и пошлинъ не платятъ, рыбныя ловли по Волгѣ великіе безъ указу владѣютъ, и тѣмъ казеннымъ доходомъ не многіе богатятся, а въ городѣхъ близъ ихъ лежащихъ оттого происходитъ недоборъ противъ же тому городовые казаки подъ смотрѣніемъ комендантовъ гораздо исправнѣе и къ войнѣ способнѣе.

И если В. И. В. сіе мое всеподданнѣйшее представленіе всемилостивѣйше апробовать изволите, то прошу въ началѣ слѣдующее повелѣть опредѣлить:

1) Для сочиненія обстоятельныхъ ландартъ и начертанія тѣхъ крѣпостей прислать двухъ геодезистовъ да двухъ или трехъ инженерныхъ офицеровъ.

2) На заготовленіе лѣсныхъ припасовъ и другихъ нужнѣйшихъ надобностей, денегъ на каждый городъ по 2000 рублинъ, а къ тому надостройку въ другомъ году по 1000 рублѣ.

3) Припасы желѣзные, яко инструменты всякіе и артилерію въ каждый городъ, по малой мѣрѣ: 12 пушекъ и мартиръ пудовой, да 4 малыхъ съ надлежащею аммунициею отпустить съ заводовъ сибирскихъ.

4) За Кизлярскія и къ Царицыну отправляемыя подводки для надмѣрной дальности пожаловать прогонами по копѣйкамъ на версту, чтобъ и новопоселенные по примѣру поселенныхъ на перспективѣ ямщиковъ могли безъ тягости сносить.

5) Нынѣ городовымъ казакамъ жалованье положено неравное, безъ довольнаго о томъ разсужденія, что имѣющіе большое довольство и меньше трудности болѣе другихъ отгощеныхъ предъ ними получаютъ; втому же хотя которымъ

довольное, но какъ извѣстно, что они ежегодно принуждены для онаго посылать изъ каждаго города съ просьбою въ Штатсъ-контору и оное асигнуется иногда имъ въ другихъ отдаленныхъ городахъ, чрезъ которое они претерпѣваютъ великіе убытки; такъ что иногда болѣе трети окладовъ на тѣ посылки исходитъ, а затѣмъ имъ въ достаточному содержанію потребнаго къ службѣ недостааетъ, и для этого не поведѣно-ль будетъ ту сумму въ годовой губернской окладъ положить, по генеральнымъ асигнаціямъ ежегодно такъ какъ и регулярнымъ, производить отъ губерніи; оклады же я представилъ по положеніямъ мѣсть уравненные.

6) У старыхъ городовыхъ казаковъ, хотя у многихъ ружье довольно исправное, а у нѣкоторыхъ напаче у Волжскихъ худое или весьма пѣтъ, такожъ и для вновь приписанныхъ не соизволитель повелѣтъ на заводахъ сдѣлать хорошихъ пищалей хотя свыше двухъ рублей 1500 и оныя немѣющимъ роздавъ деньги у нихъ вычестъ въ два или три года.

7) Саратовъ, Дмитріевскъ и Царицынъ до построенія царицынской линіи были для опасности отъ набѣговъ токмо крѣпости безъ уѣздовъ, по по устроеніи той линіи за безопасностію многіе усмотря отъ казанской губерніи, а другіе и собою или по малымъ дачамъ порожіе земли побравъ великіе села и деревни насели въ переписъ въ Симбирскомъ и Пензенскомъ весьма отдаленныхъ уѣздахъ написали такъ что нѣкоторые отъ ихъ городовъ версть болѣе 500, а отъ Саратова верстахъ въ 40 и ближе находятя, что въ росправахъ тѣмъ обывателямъ великая трудность, а ворами и разбойникамъ безстрашіе, но и за тѣмъ еще земли многіе въ населенію удобныя остаются празды и для того не соизволитель В. И. В. къ тѣмъ выше линіи, какъ прежде имъ, Саратову и Дмитріевску, такъ и ново-строить опредѣленнымъ, приписать уѣзды и отмежевать въ началѣ тѣмъ го-

родамъ и казакамъ указные дачи, а ватѣмъ остальные земли, чтобъ напрасно захватывать и корытоваться кто могъ по прожектору, какъ въ прошломъ 1720 г. по высочайшей воли вѣчно достойные памяти Е. И. Величества Пет Великаго сочинены были, размежевать и лежащее впус якоже и неправильно захваченные запродать чрезъ чонныя пустоты въ немалую пользу вскорѣ населятся въ ка ну не малой доходъ не токмо безъ тягостм, но со облегчен емъ народа собираться и воровствамъ не малое пресечен учинится.

8) Въ казаки оныхъ городковъ представилъ я чтобъ принимать изъ калмыковъ, которые пожелають и оныхъ вступить и хотя о семь бывшей ханъ Дондукъ-Омба просилъ ему обѣщано, чтобъ крещенныхъ близъ улусовъ не дежавъ высылать въ Ставрополь, о чемъ и Дондукъ-Дашинъ, будучи въ Москвѣ, просилъ; но сіе выше линіи остается отъ нихъ безспорно, а ниже линіи надѣюся, что они са спорить и жаловаться не будутъ; ибо они каждую зиму д безопасности отъ кайсакъ по Волгѣ ставятъ свои войска тсячи по три, токмо имъ отъ сихъ войскъ весьма слабая б опасность, какъ и сами жалуются, что не могутъ дол удержать; но когда сіе городки казаками населены будуд то и калмыкамъ не потребно будетъ, или по близости къ родамъ весьма освободили ихъ форпосты содержать; они при казакахъ и въ сраженіи съ неприятелемъ гораздо и дежнѣе и смѣлѣе поступаютъ, какъ они сами не стыдя одного городоваго казака за трехъ калмыгъ почитаютъ.

9) Въ Самарѣ казаковъ и дворянъ нынѣ 300 человекъ почитай туне жалованье великое получаютъ, которое о меня въ росписаніи въ военную коллегію представлен были, чтобъ изъ нихъ 200 перевести въ новые и остави для разъѣздовъ 100 или 50; а къ тому 50 набрать и

ощенныхъ нынѣ калмыкъ; а понеже нынѣ тайный совѣтъ Неплюевъ писалъ ко мнѣ, что онъ тѣхъ Самарскихъ гѣренъ перевести въ Оренбургъ, а по мнѣнію моему лучонныхъ Самарскихъ перевести суда, а въ Оренбургъ оти крещенныхъ калмыкъ, хотя и долѣе того числа нати не трудно; и тако какъ тамо, такъ и здѣсь калмыки русскими помѣшаны будутъ, скорее могутъ языка и пошковъ обучиться.

10) Я же видя здѣсь не токмо въ переводчикахъ, но и толмачахъ, какъ татарскихъ, такъ и калмыцкихъ велиі недостатокъ; и для того всеподданнѣйше представилъ, бѣ между казаками для поохочиванія быть толмаческимъ издавъ съ прибавкою предъ рядовыми.

Астрахань
31 день ноября
1743 года.

Нынѣ по Волгѣ казаковъ:

Въ Казанской губ.: Самара 314 человекъ; имъ денегъ и хлѣбъ 4396 р., здѣсь положены для того, что изъ нихъ имъ при калмыцкой комисіи по 100 человекъ.

Въ Астраханской губерніи:

Саратовъ—202, имъ окладъ и хлѣбомъ	2424 р.
Дмитріевскъ—51	612 р.
Волжскихъ 4 станицы,—1057	10,075 р.
Въ тому имѣють на 60 верстъ по Волгѣ рыбныхъ ловель, а съ кабаками и таможами болѣе	15,000 р.
Царицынъ—101	1430 р.
Черной Ярѣ—101	1212 р.
Внотаевскъ на 202 прибавочныхъ	1212 р.
Брасной Ярѣ—51	700 р.
Астрахань—300	3471 р.
Итого 2779 чел.	25,532 руб.

А если Волжскихъ городковъ рыбныя ловли, кабаки тамошни и конской сборъ приложить, то имѣеть быть болѣе 30,000 рублей.

Впредь по моему всеподданнѣйшему мнѣнію:

Надлежитъ быть выше линіи казаковъ и со старшинами городовыхъ, которые вновь строить назначены цифрами.

Въ Самарѣ	100	Сіи, какъ стали въ безопасныя мѣстахъ могутъ отъ пашень и ли покосовъ, а по озерамъ и отъ рыбы нѣколько довольствываться; и для того отвести имъ земель и озеръ въ близости, да жалованья въ годъ и съ хлѣбомъ довольно по 8 рублей; а царицынскимъ по 10 руб.; во оныхъ же на старшинъ прибавить сотнику 8, есауду 5, хорунжему 3, писарю 2, толмачу 2 р.
Кашгарь, ниже Самары 120 вер	100	
1) Усть-рѣки Иргиза выше Саратова 8 вер.	100	
Саратовъ	100	
2) Золотая Рень отъ Саратова и Дмитріевска на 90 версты	100	
Дмитріевскъ	100	
4 станицы Волжскихъ	400	
Царицынъ	200	

Всего 1200 челов.; денегъ въ годъ 9360 рублей.

Ниже линіи:

3) Каменной Ярѣ, между Царицыномъ и Чернымъ Яромъ, на 75 вер.	200	Сіи, яко безопасныя, часто въ подводы и посылки будутъ употребляться, требуютъ большаго жалованья; и мню, что имъ неменѣе 13 руб. въ годъ надобно, и къ тому луговъ и озеръ для ловли рыбы отвести сверхъ того въ прибавокъ: полковникъ 1—60 р., подполков. 1—40 р., есауловъ полковыхъ 2—30 р., писаря 2—24 р., сотниковъ 9—90 руб., пятидесятниковъ и есауловъ 18—90 р., хорунжихъ толмачей 36—90 руб.
4) Калмыковской, между Чернымъ Яромъ и Енотаевскимъ, на 60 вер.	200	
Енотаевская	200	
5) Противъ Песчаного отъ Енотаевской 60 вер.; отъ Астрахани 80	200	
Красной Ярѣ	200	
Астрахань	600	

Итого 1800 челов., жалованья 23,864 руб.

МНѢНІЕ ТАТИЩЕВА.

Тайнаго Совѣтника и Астраханскаго губернатора Татищева

Мнѣніе.

О Татарахъ ясашныхъ Астраханскихъ, ихъ состояніи прежнемъ и настоящемъ, хотя повинно быть по канцелярскимъ порядочнымъ о нихъ извѣстіямъ показано, но понеже въ разныя времена отъ бунтовъ и повѣтрей едва не всѣ старыя дѣла погибли или въ архивахъ не разобраны и не описаны; для того въ недостаткѣ оныхъ отъ исторей и словесныхъ преданей представляется:

1) По взятіи Астрахани царь Іоаннъ Васильевичъ повелѣлъ оставшихся и ушедшихъ отъ хана мурзъ и черныхъ Татаръ писать при Астрахани въ службу и ясакъ и сіи названы *юртовые* или *домовные*, а оставшіе въ степяхъ подъ вѣдѣніемъ покорившихся князей именованы *кочевные*. Но понеже кочевные по приходѣ Калмыкъ къ Волгѣ большею частію извѣнили или по принужденію съ Калмыками соединились и подъ властію ихъ тайшей и хана были, потомъ большая часть въ Крымъ и на Кубань, а нѣсколько къ Кайсакамъ и Башкирамъ отошли, которыхъ нынѣ нѣтъ и для того о нихъ разсуждать оставляю.

2) Въ юртовскихъ было мурзъ болѣе ста человекъ. Они тогда пожалованы всѣми учугами и землями, какъ они прежде имѣли, и сверхъ того по заслугамъ опредѣлено жалованье. Но о ихъ земляхъ, сколько у кого тогда было поданныхъ, ничего нигдѣ по гисторіямъ и дѣламъ не видно, токмо нѣкоторые изъ нихъ, яко: Шейдяковы, Урусовы, Бахтѣяровы и другіе со многими ихъ служители вращеніе приняди, такожъ въ приходѣ Турокъ и хана Крымскаго къ

Астрахани написано, что служилыхъ мурзъ и татаръ было въ полку князя Серебряного съ 10000, а потомъ уже ихъ нигдѣ великаго числа не упоминается, токмо они имѣютъ подданныхъ мянуемыхъ ямеки; но табунные головы утверждаютъ, что оныя ямеки ушлицы изъ ясашныхъ и просятъ чтобъ ихъ приверстать по прежнему къ ясашнымъ, на которомъ утвердится не можно. А земли: первое въ писцовой книгѣ 7159 года за ними написаны болѣе по ихъ сказкамъ, и послѣ того ушедшихъ на Кубань они по сродству завладѣли, о которыхъ въ канцеляріи никакого вида нѣтъ, и сверхъ того воеводами имъ даваны казенные и выморочные, на которые они данныя имѣютъ, а нѣкоторые и своевольные казенные завладѣли. Для того надлежитъ отъ мурзъ и табунныхъ головъ о ямскихъ обстоятельное и доказательное извѣстіе взять: старинныя ли они тѣхъ мурзъ подданные или изъ ясашныхъ и кочевныхъ приняты, и если которые изъ кочевныхъ, то по шертовальнымъ калмыцкихъ хановъ грамотамъ подлежать къ ясаку; а о ясашныхъ къ возвращенію въ ясакъ сумнѣнія нѣтъ, земли же ихъ старинныя и данныя, что есть, нынѣ оставить за ними, токмо неизмѣренныя измѣрить, въ чертежахъ назначить.

3) Ясашные или черные, которые при ханахъ подати платили и работы ханскіе исправляли, а по взятіи Астрахани тотъ же платежъ, или ясакъ положенъ, какъ въ исторіи Макаріевой точно и котомъ въ Наказѣхъ губернаторамъ или воеводамъ писано, и какъ ихъ число было не малое, а именно: при царѣ Борисѣ показано ясакъ бранъ съ 25000 луковъ, послѣднее въ 1715, въ приходѣ Крымцовъ, былъ съ 12000, потомъ осталось съ 2000, а нынѣ едва съ 1000 набрать можно, и тѣ весьма въ худомъ состояніи, протѣе на Кубань и въ Крымъ отъ разныхъ причинъ разбѣжались; для котораго мнитсѣ ясакъ съ нихъ сложенъ, а положено

только подводы до Царицына и Кизляра гонять, однакожь они въ прежнюю генеральную подушную перепись также для знанія ихъ числа были описываны.

4) Сім ясашные издревле раздѣлены въ табуны или деревни и было ихъ прежде весьма не мало. Въ каждомъ табуну опредѣлялся табунной голова или староста, которые имѣютъ власть ихъ судить, распорядить и въ услугу яко подводы и прочее наряжать, за которое имъ издревле по заслугамъ давано жалованье весьма малое, а по случаю прибавляно; но какъ оныя большая часть въ Крымъ и на Кубань отошли, то многіе табунныя головы остались безъ табуновъ, или имѣютъ по два и по три человѣка, а жалованье напрасно получаютъ противъ прежняго. и хотя тѣмъ которые отъ побѣгу, яко бы по вѣрности остались, жалованье давать не жаль, но многіе изъ тѣхъ померли, а на ихъ мѣста безъ всякаго разсмотрѣнія ихъ родственники или посторонніе жалованы; нѣкоторые табунныя головы, присовокупя къ себѣ подъ вѣдѣніе выморочныя табуны, которые имъ и съ жалованьемъ ушершаго отданы и тако одни безъ табуновъ, другіе двойное жалованье весьма не право получаютъ.

5) Сімъ ясашнымъ, по взятѣ Астрахани, пожалованы всѣ тѣ земли, которыми они до взятя владѣли, токмо онымъ казъ и мурзинскимъ, описи не было, а учинена опись первая въ 17159, потомъ въ 1722 годѣхъ; но всѣ оныя земли писаны за табунами по сказкамъ ихъ, нѣкоторые по даннымъ прежнимъ головамъ, и то писано токмо въ близости около Астрахани, а прочіе, а паче ниже Астрахани неписаны и доднесь, чьи они бывали и кто когда завладѣлъ, не извѣстно; и какъ оныя головы усмотрѣли, что послѣ ушершихъ многое число земель осталось, всякъ себѣ бралъ, гдѣ кто хотѣлъ, а свои данныя имъ съ табунами земли противно

Уложенья Русскихъ, Армянскихъ, Бухарскихъ и другихъ ра продали, закладомъ утвердили, или внаймы на многіе год отдали, а вмѣсто того просили стрѣлцкихъ и другихъ казенныхъ земель, которые имъ отъ прежнихъ воеводъ и губернаторовъ безъ всякой справки, сколько за ними прежнихъ земель было, а нынѣ на лицо людей и земель есть, оныи великими землями жаловали и такъ доведено было, что для драгунъ и другихъ казенныхъ потребностей сѣнныхъ покосовъ не доставало. Но сіе не весьма тяжко, паче же отъ того великой вредъ приключился и впредь приключаться будетъ: что табунныя головы тѣ земли продають и внаймы отдаютъ безъ вѣдома табунныхъ людей и корыстуются сами, табунныя же люди несутъ великія отъ подводъ тягости, а отъ земель никакой пользы неимѣють, отъ чего одоужавъ большее число за границы бѣжало и нынѣ бѣгутъ; и если сіе пресѣчено не будетъ, то можно вѣрить, что къ великому российскому вреду и достальныя разбѣгутся. Сіе хотя требовало большаго изъясненія, но моя слабость къ тому не допускаеть, однакожь въ учиненной о тѣхъ мурзахъ и табунныхъ головахъ выпискѣ многое дѣйствительно показано; къ тому для яснѣйшаго знанія надлежитъ справиться, сколько послѣ генеральной переписи, особливо съ 1715 году, оныхъ разбѣжалось, и если того при подушной ревизіи и по канцеляріи не отыщется, то можно отъ мурзь и табунныхъ головъ и сотниковъ взять вѣдомости, чрезъ что поклнно явится: съ 1715 года болѣе ушло, нежели осталось, а побѣгъ оной ни отъ чего иного, какъ отъ великаго ихъ одоужанія, одоуженіе же ихъ отъ найма подводъ и пребезмѣрнаго великаго роста, о чемъ по дѣламъ довольно показано.

6. Судъ надревле между ими въ ссорахъ оставленъ былъ ханомъ, .потомъ князи и мурзы судили, напоследокъ учи

или Татарская контора, опредѣленъ особой судіа и велѣно оному ихъ суды разбирать словесно, обще съ мурзани и табунными головами по ихъ законамъ; по прибытіи же мось усмотря я, что опредѣленной къ тому мурза Урусовъ весьма слабъ и пьянъ, а паче одолжалъ, а другіе рѣдко ходили, да и въ тѣхъ многіе языка русскаго мало, а законовъ нѣтъ татарскаго, такъ русскаго, ничего не знаютъ, отъ которыхъ только затрудненія, а челобитчикамъ волокиты и убытки приключались, того ради я ко оному Урусову прибавилъ табуннаго голову Мурзая Балатаева, увѣрясь довольно, что онъ человекъ доброй и смышленной; тогмо тѣмъ жалобъ и затрудненій не избѣжалъ, а наипаче оной мурза Урусовъ многимъ людямъ сталъ долженъ, но на него, какъ на судью, просить въ Татарской конторѣ и судьи рѣшить не могутъ, а въ канцеляріи губернаторской о малыхъ дѣлахъ просить не хотятъ.

Того ради я о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ мое мнѣніе по общему разсужденію представляю:

а) У мурзъ, ежели называемые ими ямѣки сыщутся, что вышли изъ табуновъ ясашныхъ или пришли изъ кочевныхъ, оныхъ всѣхъ ясашными приверстать;

б) Ясашныхъ Татаръ, какъ нынѣ не болѣе тысячи котловъ, то довольно мною раздѣлить на пять или четыре табуна чтобъ въ каждомъ не меньше было дву сотъ котловъ, для управленія же въ каждомъ табунѣ быть одному головѣ или старшинѣ, дву сотникамъ, четверемъ пятидесятникомъ, двѣнадцати десятникамъ, и оныхъ всѣхъ выбрать миромъ достойныхъ и тѣхъ старшинъ, сотниковъ и пятидесятниковъ безъ указа не переменять, для того имъ давать отъ Губерни указы, а если кто впадетъ въ такую противность, то Губерни разсмотря отрѣшать, а на мѣсто старшины произвести удостоеннаго изъ сотниковъ, въ сотники изъ пятидесятниковъ, чтобъ происходили по степенямъ достойнѣйшіе;

с) Жалованье, что нынѣ есть въ окладѣ, разверстатъ тѣмъ старшинамъ, сотникамъ и пятидесятникамъ такою пропорцію: старшинѣ десять, сотнику пять, пятидесятнику два съ половиною (рубл.), чрезъ что они къ доброму состоянію и своему проавожденію лучше прилежать и свои табуны отъ беспорядковъ удерживать, а отъ обидъ охранять будутъ, а сверхъ того имъ предписать, если изъ косяго табуна десять человекъ уйдутъ, то того пятидесятника и сотника выкинуть, а буде болѣе двадцати уйдетъ, то тѣхъ того табуна старшину, сотниковъ и пятидесятниковъ отставъ, выбрать иныхъ и о причинѣ изслѣдовать, и если кто въ оплошности смотрѣнія или обидѣ обвиненъ будетъ, тѣхъ по достоинству наказывать;

д) Земли кому и когда распродали въ заклады или домо-лѣтніе наймы отдали, а выкупить чѣмъ не имѣютъ, оныя по уложенію и указамъ надлежитъ, всѣ возврата, взять на ея и в—ство и отдавать въ оброкъ, но о семъ надлежитъ ясно представить правительствующему сенату и ожидать указа;

е) Нынѣ находящіяся во владѣніи ихъ и пустыя земли надлежитъ всѣ предбудущимъ лѣтомъ чрезъ геодезистовъ и ошцеровъ инженерныхъ, если чередоваго строенія не будетъ, измѣривъ описать и на чертежи положить до самаго моря, которое имѣтъ за основательную писцовую книгу, и какъ оное учинено будетъ, тогда разверстать по табунамъ ровно на каждый котель отъ пятидесяти до ста десятинъ и разверстывать такъ, чтобъ выше и около Астрахани ближніе всѣмъ по равну достались, а потомъ нижними таками, которые для пашень, паствы и кочевья удобные допалливать, и хотя сіе число видится великое и имъ довольнымъ быть надобно, но за тѣмъ еще останется число немалое, о употребленіи же въ то инженерныхъ ошцеровъ требовать указа;

г) Всѣ сіи земли—въ табунѣ разверстать по десяткамъ, или имѣть обще и довольствоваться самимъ, или внаймы отдавать, — оставить на ихъ волю, но внаймы отдавать годъ на два или на три табунному старшинѣ обще съ сотни, пятидесятники и десятники и оныя денги бравъ по-вслѣдню употребляютъ въ общей мирской расходъ, а себѣ собственно никому ни копѣйки не брать;

г) Въ суду въ контору выбирать отъ мурзъ дву, отъ табунныхъ головъ дву, грамотѣ имѣющихъ и оныхъ каждой годъ перемѣнять по одному, чтобъ всякой присутствовалъ два года и могъ порядка суда и законовъ обучиться, а нынѣ къ новому году велѣтъ имъ между собою выбрать немедленно, дабы можно было видѣть, достойныхъ ли они къ тому изберуть,—и сіе все оставляю на общее разсужденіе.

Ноябра 11 дня
1748 года.

№№ VIII и IX взяты изъ Татарскихъ дѣлъ 1752 февраля 7 (сентября 7 е), хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ.

—

X.

УКАЗЪ

нашему тайному Совѣтнику и астраханскому Губернатору
Татищеву.

Хотя по полученнымъ внашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ васъ доношеніямъ, и чрезъ нарочно посланнаго Зайсанга отъ намѣстника ханства калмыцкаго Дондукъ-Даши — листамъ, и что онъ на Волгу прикочевавъ имѣеть намѣреніе перейти на луговую оной рѣки сторону, бывшее объ немъ сумнѣніе объ уходѣ на Кубань или въ Персію и

отмѣнилось, однако по легковѣтряному того народа составу на тѣхъ оказательствахъ полагаться не можно, и безъ сумнѣнія онъ, намѣстникъ, усмотря, что его злое и жѣреніе узнано, и убоясь выступленія нашихъ донскихъ войскъ на переходъ на луговую сторону Волги, и арестованіе брата своего Бодонга поступилъ для того, чтобъ на немъ одною жѣреніе свое свалить. А легко статья можетъ, что когда войска донскіе отступятъ, и онъ намѣстникъ на зимовое кочеванье къ Кумѣ паки возвратится, то тѣмъ тревоги воспричинствуется и онъ дѣйствительно изъ нашего подданства подъ претекстомъ приносимыхъ отъ него на васъ жалобъ отойдетъ. Того ради мы для утвержденія его Дондукъ Даши во всеподданнѣйшей къ намъ вѣрности и для отнятія наемалѣйшаго къ такому злему умыслу претекста всеми стивѣйше заблагоразсудили, какъ то вы и сами представили, калмыцкіе дѣла и подполковника Спицына командовавшаго время до будущаго нашего опредѣленія въ вѣдомство поручить нашему генералу-лейтенанту Еропкину, которой изъ Кизляра въ Калмыцкіе улусы ѣхать, и съ нимъ Дондукъ Дашею, для лучшаго исполненія вышеупомянутаго нашего соизволенія видѣться имѣеть. Вслѣдствіе чего вамъ уже въ калмыцкіе дѣла болѣе не вступаться, но токмо ели по губерніи до оныхъ касается, имѣть съ нимъ Еропкинымъ сношеніе, и по требованіямъ его всякое вспоможеніе показывать. Въ отсутствіи же его генерала-лейтенанта изъ Кизляра, опредѣлили мы заграничные дѣла вѣдать тамошнему коменданту Бригадиру князю Оболенскому, и объ оныхъ такожъ какъ о получаемыхъ чрезъ нарочно посылаемыхъ и отъ резидента Братищева и отъ сула Бакунина, извѣстіяхъ во избѣжаніе напрасныхъ писемъ нигуды но токмо въ одну нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ репортовать, а съ вами объ оныхъ потребное с

наше имѣть, почему и Вашъ равновѣрно поступать, и объ
снихъ дѣлахъ въ оную Коллегію писать, и резолюціи себѣ из-
спрашивать, яко оная о томъ, что въ протчихъ мѣстахъ, по
нѣстїю потребно сообщать имѣеть.

Оригинальный подписанъ Ея Императорскаго Величества
собственною рукою тако: Елисаветъ.

Іюня 19 дня 1745 года.

*Съ сего указу сообщена въ Сенатъ при доношеніи въ 24 день іюля:
наказъ и въ публичную экспедицію, куда для отсылки и оригиналь-
ная отдана.*

XI.

ДОНЕСЕНІЕ ТАТИЩЕВА

въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ о своихъ занятїяхъ
русскою исторїей.

Извѣстно Государственной Коллегіи, что древняя Россій-
ская гисторія во многихъ знатныхъ дѣлахъ и обстоятель-
ствахъ темна и несправна, что не токмо между разными
писателями, но и у одного объ одномъ дѣлѣ по разнымъ мѣс-
тамъ разно писано, наипаче же въ лѣтахъ и званїяхъ наро-
довъ, якоже и владѣтелей не малые погрѣшности, которую
да съ 1727 году начавъ, колико возможно съ Европскими,
а паче съ Польскими и Нѣмецкими гисториками согласовалъ
и нѣсколько съ латинскаго велѣлъ перевести, какъ то: Бро-
ннера о Польшѣ, Гельмодіева и Арнольдова о Словянехъ,
Линіева Географія, Кирхеровы примѣчанія о татарской
хронологіи, да съ Татарскаго двѣ гисторіи переведены и въ
Академію посланы; да Академіи просилъ чтобъ Персїцкой
гисторіи находящейся тамо манускриптъ велѣли переве-
сти моими деньгами, а нынѣ еще переводятся Страбонова

географія съ Латинскаго и Абулгаси—хана съ Татарскаго; томо оныхъ еще не довольно, а мнится мнѣ чтобъ и Калмыцкихъ гисторей ко изъясненію употребить. И для того я не жалѣя денегъ старался Калмыцкіе книги достать, но никакъ добиться не могъ, томо княгиня Тайшина мнѣ объявила, что при крещеніи ихъ многіе гисторическіе книги у нихъ отобраны и находятся Иностранныхъ Дѣлъ въ Коллегіи; да священникъ присланной Чубовской сказываетъ, что у него въ Святѣйшемъ Синодѣ осталась Калмыцкая гисторія, Бодмиръ имянованная, и можетъ быть, что оны лежатъ втуне. Здѣсь же переводчиковъ есть не мало и могутъ не вдалѣ оны перевести, на что я и собственнаго имѣнія для пользы ближнего не пожалѣю и для того Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ прошу, если возможно, чтобъ повелѣно было тѣ книги прислать суда для перевода и потомъ оны и переводъ въ Коллегію возвратить. *В. Татищевъ.*

Самара,
29 Новаembra
1738 г.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ; Св. 35, № 40 за 1738 годъ.

ХII.

ИЗЪЯСНЕНІЕ НА ПОСЛАННЫЯ НАЧАЛА ГИСТОРИЧЕСКІЯ.

Посланное при семъ № 1 *начало русской Географіи*, въ которой показано томо ея древнее состояніе и нѣчто въ обществѣ изъ настоящаго, и главное и нужнѣйшее *размыслие на губерніи*, провинціи и уѣзды и показанія о каждомъ

природнаго и политическаго состоянія осталось, ибо учинить безъ высочайшаго разсмотрѣнія не удобно, и хотя оное несомно послѣдовать можетъ однакожь и сіе уже охотнику къ знанію не малое удовольствіе принести можетъ. Причины же, которые настоящее раздѣленіе представитъ препятствуютъ хотя многіе и важныя, но здѣсь нѣкоторыя въ краткости упомяну:

1) Имена губерній и провинцій почитай всѣ положены отъ городовъ, которое наноситъ нѣчто не порядошное, ибо въ началѣ чрезъ оное пріятые въ титулѣ императорскомъ государства, княженія и владѣнія почитай всѣ остались въ закрытіи, чрезъ что большая часть не токмо иноземцевъ, но и русскіе, гдѣ ихъ сыскать не знаютъ. Я не говорю о Юграхъ, Болгарахъ, Обдорахъ, Удорахъ, Кондахъ и пр., но главнѣйшіе и въ титулѣ первѣйшіе, Великая и Бѣлая Россія, гдѣ суть, что въ нихъ заключается, куда по кое мѣсто границы распространились, едва кто достаточно знающей смыцется; но того еще больше, что въ сочиненіи гербовъ малымъ княженіямъ и городамъ гербы положили и полки въ ихъ имена назвали; сіи же величайшія владѣнія, якобы ихъ въ Россіи уже нѣтъ или не бывало, въ забвеніе оставлены.

Второе, по городамъ званіе подвержено неприличной премѣнѣ; яко тому прикладъ имѣемъ въ разписаніи первомъ 1710 г. положена губернія Азовская, но какъ онъ въ 1712 году Турнамъ уступленъ, правленіе перенесено въ Воронежъ, тогда не звали губернія Воронежская, а Азовская губернія, якобы вся съ Азовымъ изъ Россіи отлучена; равно саму и съ провинціями нѣкоторыми учинилось, для котораго я хотя сочинилъ на черно, но опасаясь чтобъ злодѣи въ продерзость и, по ихъ разсужденію, доброе намѣреніе во зло не превратили, принужденъ удержаться (*)

(*) Последніи слова: «но опасаясь» и т. д. въ рукописи зачеркнуты.

2) Вѣчныя славы достойныя памяти Его Императорско величество Петръ Великій изволилъ при разписаніи Генераль-губерній отъ просто губерній и вице-губерній различить и вице-губерніи для лучшего порядка состояли под генераль-губерніями, но потомъ все равно губерніями именуется; и суть такіе, гдѣ токмо губернаторы, яко коменданты не имѣя губерней опредѣлены, оныя уѣзды или провинціи губерніею именуяются, яко Ревель и Естляндія не болѣ какъ провинціи или наиболѣ вице-губернія къ Лифляндіи. Сіе же все нынѣ легко исправить удобно, ибо еще кромѣ иностранныхъ русской географіи не напечатано.

3) Въ раздѣленіи губерней сначала было многіе порядки но опредѣлены, кромѣ трехъ губернаторовъ, которые (и ихъ захватчивости весьма) излишнее и непристойное гихъ губерніямъ (по прихоти) приобщили: яко (князь Меншиковъ) къ Санктпетербургу Ярославль и Тверь, (граб. Апраксинъ) къ Азовской Касимовъ, (Гагаринъ) къ Сибири Вятскую и Пермскую, (Волынской) къ Астрахани Сибирскую провинціи, что хотя послѣ переименовано, однакожъ еще многое видно, что съ положеніями (и разстояніями) не согласуется *).

Давно сему со многими провинціями учинено, особливо что въ губернскихъ городахъ, хотя дѣль кромѣ городскихъ довольно находится, но многіе приписали города такіе, гдѣ конечно провинціямъ быть надлежитъ, напримѣръ къ Астрахани—Кизляръ 500—Саратовъ 750, къ Тобольску—Берзовъ 860, Томскъ 1286 верстъ, которой и прежде особыя разрядомъ былъ, яко же и Верхотурье отъ Тобольска 66 верстъ. Таковыхъ много находится, изъ чего не токмо дѣлахъ остановка, но во всякой расправѣ за дальност

---

*) Слова, поставленныя здѣсь въ скобкахъ, въ рукописи зачеркнуты.

безъ полной власти людемъ волокита, и въ сочиненіи провинціальныхъ ландкартъ отъ пространства не малая трудность; и для того мнится, что надлежитъ въ подобныхъ тому провинціальныхъ воеводамъ быть. Для сихъ обстоятельствъ я хотя представленіе на черно написалъ, но, представляя опасаясь, чтобъ кто по ненависти оное мое доброе намѣреніе въ зло или продерзость истолковать не имѣлъ причины, оставилъ *).

4) Многіе уѣзды такъ смѣшаны, что одного въ срединѣ другаго уѣзда деревни лежатъ, или уѣздъ около другой городъ обошелъ, какъ мнѣ по ландкартамъ видимо; яко Соликамской уѣздъ мимо города Кунгура почитай у слободъ за оной (?) прошелъ, углицкіе села въ срединѣ Ярославского, Симбирскъ отъ Саратова 600 верстъ, а уѣздъ Симбирской отъ Саратова въ 20 верстахъ, изъ чего великіе безпорядки, а наипаче въ пресеченіи воровста и разбоевъ препятствіе наносятъ, ибо напр. Симбирской воевода за дальностію вскорѣ извѣстіе получить и о поимкѣ ихъ прилежно поступить, а Саратовской въ чужей уѣздъ послать не можетъ. Сіе легко, чрезъ геодезистовъ внятно разсмотря, границы назначить, а про ревизіи и подати къ надлежащему городу положить безъ смятенія можно; равно же изъ писцовыхъ книгъ о земляхъ выписавъ въ тѣ узды сообщить и оное безъ всякаго труда и смятенія въ порядокъ привести удобно.

5) Что же о извѣстіяхъ надлежащихъ выше упомянулъ, оныя хотя въ Сенатъ давно собраны, но какъ не весьма порядочны и достаточны были сочинены, такъ многіе тунеѣсы погнили и распродали; для того прилагаю представленіе № 2. Ежели за потребно разсуждено будетъ оное напе-

---

*) Последнія слова: «Для сихъ обстоятельствъ» и т. д. въ рукописи написаны были ебоку.

чатавъ всюду разослать и о присылкѣ по онымъ извѣстїямъ понуждать и если раченїя губернаторовъ и воеводъ не оскудѣтъ, то конечно въ годъ вездѣ сочинить могутъ; однакожь сіе болѣе на томъ зависитъ, кто тѣ извѣстїя принимать и разсматривать будетъ, чтобъ могъ о недостаткахъ и неясностяхъ вновь спросить и достаточнымъ наставленїемъ снабдить.

б) Для удобнаго вскорѣ прїиска и познанїя упоминающагося часто въ разговорахъ и писмахъ, якоже гисторїяхъ и именованной сочиняю *Лексиконъ*, котораго близъ половины сочинено; онаго начало малое при семъ № 3 послано, но понеже оной равномѣрно прежде полученїя объявленныхъ отъ городовъ извѣстей совершенъ быть не можетъ: однакожь хотѣя и такъ напечатать, довольно государю и государству полезнымъ будетъ; когда же болѣе обстоятельство получено будетъ, тогда можно вновь напечатать, ибо сія такія книги, что хотябы 1500 напечатать, надѣюсь что въ годъ или прежде раскупятъ. — А понеже онаго на бѣло болѣе четырехъ тетрадей переписать не успѣли, того ради посылаю *роспись написаннымъ статьямъ* № 4, которой прїорядженїе немедленно пришлю; а если и самой лексиконъ явится угодень, то можно чрезъ каждые семь дней листовъ по 10 присылать.

№ 5: Порядокъ государей по частямъ гисторїи (*) Я сначала хотѣлъ сочинить гисторической лексиконъ нашего государства, по подобію Морерїа, чтобъ сверхъ положеннаго въ семъ краткомъ всехъ російскихъ государей якоже знатныхъ людей и фамилій съ родословіями и прїключенїями описать, котораго начало показало, что требуется къ тому нѣсколько искусныхъ и къ тому охотныхъ людей

*) Слова эти въ рукопискѣ помѣщены внизу въ видѣ выноски къ № 5.

а одному особливо какъ мнѣ, по моей слабости и отягощенію дѣлами, ни въ десять лѣтъ окончать не можно и для мго оставилъ; но прилежу, чтобъ сіе хотя въ годъ окончать и буду тѣмъ весьма доволенъ, если въ угодность Ея Императорскаго Величества и въ пользу отечества моего явится, но притомъ и то вѣдаю напередъ, что нѣкоторые будутъ весьма тѣмъ недовольны, что я иногда не закрывая истинны нѣкоторыя обстоятельства положилъ, токмо (вспомни Павла св. слова: творяй благая не боится власти, чему и Назіанзенъ согласуя сказуетъ: законъ храня страха вонъ отвержеши) на всѣхъ не угодить, понеже болящему желчию и медъ горенъ, но здравый умомъ сладость обрѣтаетъ (*).

Хранится въ глав. Арх. М. Им. Д. въ Москвѣ, между бумагами Миллера.

ХІІІ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

О сочиненіи исторіи и географіи россійской.

Извѣстно каждому благоразсудному человѣку, колико исторія въ мірѣ пользы приноситъ, ибо чрезъ то можетъ вѣдать, какъ великіе, художественные, благочестивые своими знатными учеными поступками себѣ безсмертную славу и на слѣдникомъ своимъ похвалу, а отечествомъ или всему міру неоцѣненные пользы учинили, которые мы читая, елико когдаго способность къ тому явится, сердцемъ увеселяясь въ дѣйствахъ добрыхъ, видя изъ того похвалу и честь предковъ, желаніе возымѣемъ тому подражать и себя обучая къ

*) Слова, поставленныя здѣсь въ скобкахъ, въ рукописи были зачеркнуты.

тому предуготовляемъ; другія же обстоятельства въ исторіи показываютъ людей робкихъ, и боязливыхъ, лѣнивыхъ, страсти сластолюбія, сребролюбія, роскошности побѣденныхъ, протчими злочестіями извѣстныхъ, которые какъ сами погибли, такъ многократно великіе отечествамъ разоренія нанесли и погубили, наслѣдникамъ же своимъ безчестію и стыдъ оставили: и тако, какъ первые для наученія и поощриванія къ честнымъ и полезнымъ, такъ другіе для устрашенія читающему съ разсужденіемъ полезны, ибо видя, какой злочестивыхъ конецъ послѣдовалъ, весьма хранится своимъ дѣтей и подчиненныхъ разсужденіями и приклады отъ такихъ поступковъ удержатъ, а ко благочестію склонить способъ и возможность возымѣеть.

Исторіи же всякая хотя дѣйства и времена отъ словъ имѣютъ намъ ясны представить; но гдѣ, въ какомъ положеніи или разстояніи, что учинилось, какія природныя препятствія къ способности тѣмъ дѣйствамъ были, такоужъ гдѣ которой народъ прежде жилъ и нынѣ живетъ, какъ древніи города нынѣ имянются и куда перенесены, оное географія и сочиненныя ландкарты намъ изъясняютъ: и тако исторія, или дѣсказанія и лѣтописи, безъ землеописанія (географіи) совершеннаго удовольствованія къ знанію намъ подать не могутъ.

Другое обстоятельство въ географіи и ландкартахъ есть весьма нужно и полезно, ибо оное, зачатъ отъ наивысшаго въ государствѣ правленія до послѣднихъ военныхъ и земскихъ управителей, вѣдати принадлежитъ, — и къ военнымъ, какъ главному государственному правленію, такъ военной коллегіи, а потомъ генераломъ до послѣдняго офицера, гдѣ кто случится, надобно знать: какія гдѣ крѣпости, какія непріятелю къ приходу гдѣ способности, довольства или неудобности быть могутъ, гдѣ удобнѣе непріятеля удер-

ИТЬ или побѣдить, а въ несчастіи какъ себя спасти, над-
 жечь обстоятельно знать; въ земскомъ же правленіи ну-
 жды по ея императорскаго величества правительствующему
 сенату, потомъ коллегіямъ, губернаторомъ и прочимъ зем-
 скимъ управителямъ, о состояніи подчиненныхъ имъ земель
 жителей, о ихъ довольствѣ и скудости обстоятельно знать,
 и потому правильнымъ разсужденіемъ о пользѣ государ-
 ственной, о умноженіи доходовъ, о приведеніи земель и тор-
 говь въ лучшее состояніе, а отвращеніи всякаго вреда при-
 лѣжать.

Сверхъ сего и то весьма нужно, что всякой управитель,
 взирая на сочиненное описаніе и ландкарту со обстоятель-
 ствами видимыми, и ежели въ чемъ гдѣ какое погрѣшеніе и
 несправность усмотритъ, оное исправить и со обстоятель-
 нымъ доказательствомъ Академіи Наукъ сообщить можетъ;
 но сіе нужно, чтобъ тѣ колико возможно въ географіи и со-
 чиненіи ландкартъ научены были, но понеже въ Россіи до-
 шлось ни на какомъ языкѣ яко географіи тако и ландкартъ
 исправныхъ нѣтъ, а безъ того не токмо въ школахъ устро-
 енныхъ учащихся младенцовъ шляхетныхъ для выше-объ-
 явленныхъ полезныхъ и нуждныхъ обстоятельствъ пра-
 вильно обучать не почему. Для котораго, по указу ея им-
 ператорскаго величества, Академія наукъ съ крайнимъ при-
 лѣжаніемъ трудится, чтобъ къ сочиненію оной отъ губерней и
 городовъ обстоятельныя извѣстія собрать, въ той же силѣ
 въ Сибири повелѣно прилѣжать дѣйствительному статскому
 совѣтнику Татисчеву и даны ему геодезисты, а въ дальняя
 тоя города посланъ профессоръ академіи Деля-Крое и дру-
 гіе, которымъ отъ академіи опредѣлены вопросныя пункты
 въ нѣкоторыя мѣста для опыта разсланы, дабы по тѣмъ
 каждой начальникъ о подчиненномъ ему правленіи обстоя-
 тельно навѣдаться и показать могъ (sic!), но нынѣ полу-

чили извѣстія, что по тѣмъ пунктамъ многіе отвѣтственны не въ той силѣ; знатно что отъ краткости тѣхъ пунктовъ погрѣшаютъ, того ради рассудили: академія наукъ оныя исправить и пространнѣе написавъ представить, дабы управители внятнѣе могли понять и обстоятельнѣе о всемъ вѣдася показать, за которой трудъ академія разсмотря плѣжности трудящихся милостію ея императорскаго величества наградить не оставитъ.

При семъ и то напоминаетъ, что здѣсь первый раздѣлъ принадлежитъ обще до всѣхъ губерній и народовъ; второй раздѣлъ токмо до Архангелогородской, Казанской, Астханской, Сибирской и частію Нижегородской губерній, и многіе разные идолопоклоническіе народы находятся; а тей токмо для однихъ татаръ магометанскаго закона.

Р а з д ѣ л ъ 1.

Отъ генераловъ-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ и прочихъ управителей требую извѣстія.

О званіяхъ (*).

1. Како древнія званія тѣхъ мѣстъ напредъ сего бы наприимѣръ Кіевская именуется дондесъ Малая Русь, Москвитинская и Смоленская за едино Бѣлая Русь, Архангелогородская именовалась Полеорская, Воронежская — въ тѣхъ мѣстахъ жили Скиты, Бѣлогородская — обитали Половцы, Нижегородская по догадкѣ жилище прежнихъ Печенеговъ, Рижская и Ревельская именовали Варяги, Казанская Болгары, Астраханская Ногайская именованы были, и Золотая Орда.

Такожь и провинціямъ многимъ древнія имена находятъ: гдѣ нынѣ Олоонецъ, тутъ жили Бярмы или Пярмы; I

(*) Въ лат. переводѣ: *De nominibus*.

грія именовалась Воты, Переславская земля именовалась Загѣсская, Черниговъ и по Припетіи именовалась Древляно, ипотъ Черная Русь, а потомъ Поляки часть ихъ владѣнія именуяють Полѣсье, воеводство Новгородское въ Литвѣ и, пометъ, вся Литва называлась Тмутараканы и прочая; но сверхъ того всякого любопытного и въ гисторіяхъ извѣстнаго упрощается, ежели что во извѣстіе имѣеть, чтобъ для пользы отечества потщился съ изъясненіемъ объявить.

2. Имяна нѣкоторыхъ полъ или урочищъ, ежели въ гисторіи коего либо рода обстоятельства памяты для учинившейся битвы или съѣзда, яко Куликово поле отъ Мамаева пораженія, или инымъ чимъ знатны, отъ извѣстей и положенія описать.

3. Когда и какимъ случаемъ тотъ предѣлъ подъ власть Россійскую пришелъ, объявляя обстоятельства, изъ какихъ гисторическихъ или приказныхъ писемъ извѣстно, и для того нужно во всѣхъ городѣхъ древнимъ писмамъ или архивамъ обстоятельныя описи имѣть и ихъ въ добромъ порядкѣ для предка хранить; ибо изъ одного указа или записки разные люди могутъ по изъясненію гисторіи разныя обстоятельства обрѣсти и въ общую пользу объявить, чрезъ что многія недознанія изъяснятся, а погрѣшности исправятся.

О границахъ (*).

4. Которая губернія, провинція или уѣздъ съ Востока, Полудня, Запада и Сѣвера съ которыми и прежде граничила, и какъ нынѣ граничить.

5. Оныя границы явныяль, яко: рѣки, горы, болота, или назначенныя и описанныя урочища, и на какой долготѣ хоти по примѣру.

(*) Въ переводѣ: *De limitibus.*

6. Естьли гдѣ разграничено степми, лугами и великими болоты, хотя въ которыхъ точныхъ границъ не положено, то надлежитъ по малой мѣрѣ величество оныхъ, если смѣрять неудобно, хотя по примѣру описать.

7. Естьли гдѣ въ границахъ съ иностранными споръ и по какимъ обстоятельствамъ съ изясненіемъ доводовъ обоихъ странъ.

О свойствѣ и дѣйствѣ воздуха (*).

8. Въ которое время обыкновенно зима становится или чрезвычайно рано и поздно приходитъ.

9. Въ которое время обыкновенно, чрезвычайно зима совершенно сходить и рѣки проходятъ.

10. Въ которое время наиболѣе дожди бываютъ.

11. Въ которое время обыкновенно громъ первой бываетъ, и какъ во осени перестаетъ.

12. Бываетъ ли отъ ударенія грома или запаленія молніи какой вредъ, и на высокихъ ли токмо или на низкихъ мѣстахъ.

13. Не примѣченоль когда зимою грома или молніи.

14. Бываетъ ли сѣверное сіяніе такое: во время зимнее показывается на сѣверѣ или между сѣвера и запада низа вверху столпы и дуги свѣтлыя, которые распространяя по небу скоро или тихо движутся, сходятся и раздѣляются и сіе болѣе въ морозы, рѣдко же въ легкую погоду бываютъ.

15. Зорница лѣтомъ всегда ли бываетъ, которая обыкновенно по вечерамъ къ свѣту во всѣ стороны подобіемъ молніи, но невысоко отъ земли, и не такъ ясна и велика, какъ молнія является, которая большею частію вскорѣ громъ преслѣдуетъ.

(*) Въ переводѣ: *De natura et actu aëris.*

16. Имѣютъ ли какіе образы или предощущенія премѣны погоды, которое природа намъ открываетъ и отъ прилежно-го привычанія обучаемся: 1) примѣчаемъ предъ дождями тяжесть въ составехъ нашихъ; 2) скотовъ нѣкоторыхъ визжаніе или съ поля рано домой идти, а по утру долго и не со охотою въ поле идти, птицы на гнѣзда или густые лѣса и подъ кровли рано садятся, а нѣкоторыя надъ водою играютъ; 3) нѣкоторыя каменя мокроту на себѣ показываютъ; 4) веревки короче становятся; 5) соль и тому подобное сыры и тяжелѣе становятся; 6) при заходѣ солнца или по мѣсяцу признавается, какова назавтра погода будетъ; 7) туманы, росы, радуги, воскуреніе отъ горъ такожъ природныя погодъ предвозвѣстники и хотя оныя и тому подобныя во всемъ странахъ отъ простыхъ и ученыхъ примѣчаются, и отъ физиковъ причины описаны, однакожъ можетъ быть, что гдѣ иными образы или особливими обстоятельства примѣчается.

О водахъ (*).

17. Которой предѣлъ къ которому морю прилегъ и на какомъ пространствѣ берега оныя.

18. Какіе пристанища кораблей въ чемъ способны и неспособны, такожъ заливы и губы, имѣющія особливныя званія, съ ихъ великостію.

19. Въ которые времена и какъ велико наводненіе и упаденіе воды бываетъ, и какъ далеко въ рѣкахъ оно примѣчается, особливо по состоянію мѣсяца и по четвертямъ года.

20. Естьли въ томъ уѣздѣ или веденіи острова и какъ велики, населены или пусты, такожъ мысы или косы въ море входящія.

(*) Въ переводѣ: *De aqua.*

21. Въ которые времена, откуда первые торговые корабли приходятъ, и въ которое время послѣдніе отходятъ.

22. Какіе рѣки великіе и судоплавныя въ которой землѣ находятся, откуда оныя происходятъ, и куда впадаютъ, или какъ долго чрезъ тотъ предѣлъ теченіе имѣютъ.

23. Какая оныхъ широта, хотя близъ городовъ измѣрять. и оныя въ вѣсное время, какъ обыкновенно отъ снѣговъ, или въ осень, какъ Нева отъ вѣтровъ разливается, и какъ оно велико бываетъ, и при томъ обыкновенная меженная широта.

24. Если такими рѣками суды ходятъ, то есть изъ которыхъ мѣсть и какъ велики, изъ лѣса и другіе товары тогис плотами гоняютъ.

25. Какіе рѣки изъ горъ, озеръ или болотъ въ тѣмъ мѣстѣ исходятъ, и въ которыя рѣки, и съ которые стороны, и на какой долготѣ теченіе ихъ хотя напримѣръ впадаютъ (sic!).

26. Какіе озера великіе или малые есть, описать ихъ длину и ширину, какіе въ нихъ рѣки впадаютъ и истекаютъ, такожъ естьли острова и какъ велики.

27. Нѣтъ ли озеръ соляныхъ и какова оная вкусомъ.

28. Естьли колодези или ключи минеральныя, которые разнаго состоянія бываютъ: а) теплыя, которые и въ пищу употреблять можно; б) горячіе или множество въ нихъ духовъ и вкусомъ противны, но въ нихъ париться здорово; в) чрезвычайно лѣтомъ студены, а зимою теплы, въ такихъ болѣе селитра бываетъ; д) нѣкоторые въ теплотѣ ихъ мало отжѣины, но горьки отъ извѣстныхъ частицъ и къ варенію брашна неспособны и нездоровы, какъ то въ Кунгурѣ рѣка Ирень; е) сѣрныя духомъ противны; ф) купоросныя или желѣзные, которые по варенію, а особливо съ чаемъ или съ чернильными орѣхи, черныя являются, и пьющимъ повозъ

давать или на ѣду охоту подаютъ; таковыя хотя напредъ
себѣ невѣдующіе обстоятельство святыми называли, одна-
кожъ, по природѣ матеріи или соли находящія въ нихъ,
люди исцелѣніе отъ болѣзней получали, и ежели съ рассу-
жденіемъ болѣзней и силы тѣхъ водъ кто употребляетъ бу-
детъ, что и впредь пользу имѣть можетъ.

29. Нѣтъ ли водъ такихъ, которыя дерево въ камень
превращаютъ, яко въ Красноярскѣ такая рѣка есть.

30. Нѣтъ ли гдѣ каналовъ для прохода судовъ, и съ ко-
торого, и въ которое мѣсто, на какой долготѣ, и когда сдѣ-
лавъ или есть природное водъ совокупленіе, какъ Кельт-
мы въ Поморской странѣ, что изъ Камы весною чрезъ вер-
шины оныхъ рѣкъ сюда въ югъ приходятъ.

30. Нѣтъ ли мѣстъ способныхъ для пользы купечества
учинить каналъ или прокопъ, откуду и куда и какой долго-
ты, какая въ томъ удобность или невозможности видимы.

О природномъ состояніи земли (*).

32. Какіе природою тѣ земли, плодоносныя, яко чер-
ныя съ пескомъ, или иловатыя, глинистыя, песченыя, ка-
менистыя, мокротныя и болотныя, но сіе случается, что въ
одномъ уѣздѣ не однаково и для того можно по мѣстамъ
описать, смотря на большую часть того уѣзда.

33. Какія горы великія находятся, ихъ общественныя
имена объявить, и какъ высоки, а особливо такія, на кото-
рыхъ снѣга чрезъ лѣто бывають.

34. Нѣтъ ли горъ, изъ которыхъ огонь выходитъ или
чрезвычайное куреніе бываетъ, о которомъ въ Сибири нѣ-
которые чужестранные описатели сказуютъ быть на раз-
ныхъ мѣстахъ.

(*) Въ переводѣ: *De natura terrae.*

35. Какое довольство, избыточество или недостатокъ которой уѣздъ имѣеть, напримѣръ нѣкоторыя въ житахъ имѣють довольство такое что изъ другихъ мѣстъ не покупаютъ, другіе отъ избытка отпускаютъ въ другіе мѣста, третіе всегда покупаютъ изъ другихъ мѣстъ, а вмѣсто того избыточествуютъ скотомъ, звѣрми, рыбами, медомъ, лѣсомъ или овощами и прочимъ, и какъ великъ тотъ избытокъ бываетъ, и куда оное продаютъ.

36. Какіе жита наиболѣе и лутшее въ тѣхъ мѣстахъ родятся, и сколько кратъ противъ посѣяннаго среднее и лутшее родить, напримѣръ: въ Коломнѣ лутшая рожь, въ Муромѣ пшеница, Юрьевской ячмень, овесъ въ Стародубѣ пенець, во Псковѣ ленъ крупной, въ Суздалѣ ленъ мягкой.

37. Какіе огородные овощи лутше или наиболѣе родятся, яко: въ Володимерѣ хмѣль, въ муромѣ овесъ, огурешные и другіе семена, въ Ростовѣ лукъ, въ Боровскѣ чеснокъ. въ Дмитровѣ огурцы, въ Астраханѣ арбузы.

38. Какіе плоды на древахъ, яко: въ Москвѣ, Коломнѣ — паливы, въ Володимерѣ вишни, въ Дмитровѣ крѣпкіе яблоки въ Кіевѣ груши, въ Астраханѣ виноградъ.

39. Какіе плоды земляныя, яко вологодскіе рыжики морошка, смоленскіе грибы.

40. Какіе деревья разныхъ родовъ въ лѣсахъ съ плодами и безъ плодовъ находятся и ежели такіе, которыхъ въ другихъ російскихъ странахъ не находится и не знаютъ; тѣ оныя съ ихъ листьемъ и плодами описать обстоятельно, и ежели есть искусный иконникъ или живописецъ, то смалевать притомъ же приобщить, такожъ и деревья, хотя такихъ во многихъ мѣстехъ находится, да не такой доброты, яко въ Орлѣ и въ тамошнихъ мѣстахъ слоеватой и твердой дубъ.

въ Вяткѣ на березѣ кашъ *), въ Теркахъ кленъ узорчатой и тому подобное, то такіе такожь обстоятельно описать.

41. Въ которое время и какое дерево въ первыхъ весною листъ и цвѣтъ показываетъ и въ осень отпадаетъ.

42. Травы какіе сами, или корни, въ пищу и лекарство или краски употребляемыя, или цвѣтами, духами преимуществующіе, а напротивъ такіе, которыхъ въ российскихъ прочихъ странахъ не находится, или есть да токмо въ огородахъ, или не такой силы, напримѣръ: въ Воронежской и Казанской губерніяхъ находится солодковой корень, ревенъ долгой, оспарги, тюльпаны; въ Кунгурскомъ (са боку: и Умискомъ уѣздахъ чрезвычайной піонной корень, въ Томскѣ) звѣробой, у татаръ въ пищу употребляемая сарана, и прочая.

43. Какіе гдѣ звѣри находятся и хотя многіе одного звѣра суть въ разныхъ предѣлахъ, но особнаго качества, напримѣръ: въ Украинѣ зайцы лѣтомъ и зимою сѣры, въ другихъ мѣстахъ зимою бѣлы; соболи во всѣхъ предѣлахъ въ Сибири находятся да по мѣстамъ разнятся величиною, долгою шерсти и цвѣтомъ, въ томъ что въ нѣкоторыхъ желты и малы и рѣдко въ рубль бываютъ, другіе велики да желты, инде велики и черны, какъ даурскіе, что бываютъ до ста рублей; тожь о лисицахъ, разсомахахъ **), рысяхъ, песцахъ **), бѣлкахъ и волкахъ разумѣтся, и для того нужно цѣну нижнихъ, среднихъ и лутчихъ объявлять.

44. Имѣютъ ли звѣрей дикихъ во употребленіи домовномъ и въ накомъ, напримѣръ: у Остяковъ, Лопановъ (Лапландцев) и другихъ олени служатъ вмѣсто лошадей, индѣ же соболь для ѣзды употребляютъ.

*) Въ переводѣ пропущено, стоитъ просто: *Viathas...*

***) Остатки безъ перевода.

45. Какіе звѣри морскіе знаемы и въ какую пользу употребляемы бываютъ, какъ ихъ ловятъ и въ какомъ множествѣ.

46. Какіе скоты имѣются, какой разности предъ другими; ибо въ нѣкоторыхъ мѣстехъ лошади рождаются крупны и сильны, индѣ же мелки и слабы, такожъ овцы черваскіе, хотя велики да шерсть плоха, архангелогородское же мясо все превосходитъ.

47. Птицы домовныя такожъ по мѣстамъ разность не малую имѣютъ, ибо арзамаскіе гуси величиною и вкусомъ прочихъ превосходятъ.

48. Какіе птицы вольныя и оныя суть разныхъ качествъ и по мѣстамъ въ великости, цвѣтѣ, перьяхъ или пѣніемъ, а употребляемыя въ пищу вкусомъ различествуютъ и одногозванія разныя роды находятся, того ради хотя вездѣ по именованиямъ какія находятся объявить надлежитъ, но притомъ и чрезвычайности описать; а весьма изрядно живописцу оныхъ чрезвычайныхъ прилѣжно изобразить, за которой трудъ Академія достойное заплатитъ не пожалѣетъ.

49. Сверхъ сего сіе обстоятельство нужно, въ которыя времена гдѣ птицы прилѣтаютъ и отлѣтаютъ, или какъ дати въ нѣкоторыхъ мѣстехъ токмо зимою, въ другихъ токмо лѣтомъ, индѣ же чрезъ весь годъ пребываютъ, и отъ которыхъ птицъ наиболѣе вреда и въ чемъ наносится.

50. Рыбы по ихъ родомъ не имѣютъ ли со прочими знатной розни въ видѣ чрезвычайной великости, или вкусѣ, или родъ особенной находится, напримѣръ: въ Каму бѣлуга, и осетры хотя изъ Волги ходятъ, но черными пятнами познаваема и вкусомъ волжскихъ пріятнѣе и здоровѣе; во Пско въ сѣтки сѣрыя, на Бѣлѣозерѣ бѣлыя, въ Переславль сельди и прочее.

51. Особливо въ сибирскихъ мѣстахъ примѣчать, естьли гдѣ въ рѣкахъ рыба красная тѣломъ подобная семги или лосося, такожь раки велики или малы, вьюны, угоречи *), сомы, налимы, и тому подобныя.

52. Въ приморскихъ мѣстахъ описать рыбы морскія, и ежели есть чрезвычайныя, чтобъ ихъ смалевавъ прислать.

53. Естьли гады гдѣ роды какіе чрезвычайныя, какихъ въ другихъ мѣстахъ не находится и обыкновенныя не имѣютъ ли въ цвѣтѣ, величинѣ или ядѣ какой отѣны; на примѣръ: во многихъ мѣстахъ змѣи находятся, да инде черныя, брюха бѣлыя; инде черныя, брюха красныя; инде сѣрыя, или зеленыя, и пестрыя, и въ великости по мѣстамъ разнятся, также въ приморскихъ мѣстахъ морскихъ гадовъ обстоятельное описаніе и изображеніе съ мѣрою.

54. Нѣтъ ли гдѣ пауковъ, или тому подобныхъ животныхъ, и вредительныхъ животныхъ; чимъ оныхъ ядовитыхъ змѣй, ужей и прочее зараженіе облегчаютъ.

О подземностяхъ **).

55. Какіе въ той странѣ крушцы или руды и соли находятся, яко металлы: золото, серебро, мѣдь, олово, ртуть, железо, свинець; полуметаллы, яко: цинкъ, мерказить и прочее; соли и минерали: соль подземная, онажъ каменная зовется, озерная и морская, которая отъ солнца сама садится и зовется самосадка и бузунъ колодезная, которая изъ разной глубины достается и варится; оныхъ глубины и обстоятельства работъ и множесто годовое описать; прочіе соли или минерали: селитра, сера, купоросъ, нашатырь, квасцы, мышьякъ, антимонія или сурма, гдѣ и въ какомъ множествѣ находится.

*) Въ латин. переводѣ: *angvillae*.

**) Въ переводѣ: *De mineralibus*.

56. Краски и земли разные, яко: мѣлъ, карандашъ, вапвохра, киноваръ, болюсъ, и разныя въ краски и лекарствили сосуды, употребляемыя глины.

57. Каменья твердые, или прозрачныя: алмазы, яхонталалы, изумруды, хрустали, аметисты, богатыючи, и проттвердые: а не прозрачныя и цвѣтами отмѣнныя, бирюза, лазурь, аспидъ, яшма, сердоликъ, агатъ, мраморъ, алебастр и протчее, каменья особливо употребляемыя, яко, ноджа (sic!) и трепель, пимсъ, каменной уголь, земляное масло протчее *), индѣ же на точилы или жерновъ употребляем добротю превосходны.

58. Находятсяяль какихъ животныхъ кости въ землѣ, какой глубинѣ, какой великости, или тягости и цвѣта.

59. Нѣтъ ли какихъ окамененныхъ вещей, или прикахъ обрѣтенныхъ, яко: разныхъ видовъ раковины, рыдеревья и травы, или въ камняхъ особливья изображе и виды, или подобныя каменья коимъ либо плодамъ, яблокамъ, грушамъ и семенамъ, и тому подобное, такое собирать и ихъ, или для великости неудобныя смалевавъ, академію сообщать.

О жителяхъ **).

60. Какіе народы нынѣ въ той губерніи и уѣздѣ находят ся, отличая русскихъ отъ инновѣрцевъ и новокрещенны иноязычниковъ, каждой народъ по его званію, не сообщи воедино.

61. Какое множество коего народа, раздѣля духовны военныхъ, гражданскихъ, торговыхъ земскихъ ***) и ясныхъ.

*) Въ переводѣ: *terra Tripolitana, pumex, carbunculus, terrae oleum*

**) *De incolis.*

***) Переведено: *lictores!*

62. Оное множество разнo извѣстно, напримѣръ: военныя токмо сами, и о дѣтяхъ всѣхъ можетъ извѣстія не имѣтсѣ; о купечествѣ и крестьянствѣ чрезъ поголовную перепись извѣстно; и о иновѣрныхъ военныхъ и ясашныхъ такожь изъяснить, какіе въ томъ числѣ разумѣются и по какиѣ извѣстіямъ *).

63. Какая отъ нихъ ея императорскому величеству услуга, ежели военна, съ какиѣ оружіемъ и какиѣ порядкомъ, не въключая въ то регулярныхъ.

64. Оныя нерегулярныя какое жалованье имѣютъ или съ земель токмо служить долженъ.

65. Какихъ начальниковъ у себя имѣютъ и какиѣ порядкомъ опредѣляютъ, напримѣръ: Малороссійскіе казаки имѣютъ полковниковъ, сотниковъ и войтовъ, Донскіе, Гребенскіе имѣютъ атамановъ, войсковыхъ, станичныхъ и походныхъ полковниковъ, ясауловъ и протчихъ, которыхъ имѣли ея императорское величество, по всевысочайшей власти, посылаетъ, а иныхъ по ихъ выборамъ опредѣляютъ, иныхъ они сами выбираютъ и оставлять волю имѣютъ.

66. Какую тѣ начальники власть и преимущество собственно или сообщеніемъ другихъ совѣтъ имѣютъ.

67. Имѣтсѣя между оными собственной судъ, оной на письмѣ или на словахъ производится и съ какиѣ обстоятельство, такожь какія наказанія и казни оныя опредѣлять могутъ.

68. Торговыя всякого званія какую вольность и преимущество имѣютъ и оная градуль всему или нѣкоторымъ иновѣрцамъ всемилостивѣйше отъ ихъ величества допущена, и ежели иновѣрцы токмо нѣкоторую вольность имѣютъ, то что они, вмѣсто подушнаго, съ чего и почему платять.

*) Переведена только первая половина параграфа.

69. Какіе ремесла наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ дѣлаются или товары приготавливаются за лучшіе предъ другими почитаются, напримѣръ: въ Москвѣ пиво, въ Ярославлѣ козьяловочные (sic!), имянуемая съ татарскаго юхта, что значить по русски дружка, а съ нѣмецкаго пара, въ Новѣгородѣ уксусъ, въ Вологдѣ свѣчи, вино и коробки, въ Угличѣ толокно, въ Калугѣ тѣсто соложеное, въ Казанѣ козлиныя кожи, въ Нижнемъ мѣдная посуда, на Устюгѣ «иниотенная» работа, въ Колмогорахъ окованная сундуковъ и костяное, въ Переславлѣ сельди копченые, на Вяткѣ каповая посуда, въ Смоленскѣ смочки и трупы (sic!) и прочее *).

70. Ясашные какъ окладываются, съ чего и почему, чѣмъ у нихъ и по какой цѣнѣ принимается.

71. Какимъ гдѣ порядкомъ ясакъ собирается въ городѣ и каждой ли за себя приносить, или съ выборными посылаютъ, или къ нимъ въ лѣса посылаютъ и въ которые времена, и съ какимъ обстоятельствомъ.

72. Онымъ лѣснымъ жителямъ бываетъ ли какое ея количество жалованіе давано, и ежели когда ясака болѣе или лучше принесутъ, и чѣмъ они предъ другими уволнены, напримѣръ подушнаго и рекрутъ не дадутъ и прочаго.

73. Не имѣеть ли тотъ уѣздъ какого отъ кого опасенія и какіе къ тому служатъ природныя или устроенныя безопасности, или прежде были природныя, напримѣръ: горы, болота, озера и лѣса великіе, степи пустыя и безводныя, устереженія бывали застѣки и черты, Карсунская и Бѣлогородская, гдѣ нынѣ ландмилицие полки поселены, или жили въ крѣпостяхъ, а лѣтомъ караулами, какъ то въ Сибири у Казачьей Орды и Калмыковъ учреждено.

---

*) Перегудъ оканчивается словомъ: *Ustjugae....*

74. Какимъ тамошніе народы особливо и въ которые времена болѣзнямиъ подвергаются и чимъ оны лечатъ, съ какими обстоятельствами; и хотя нѣкоторые показываютъ, якобъ лекарей и лекарствъ не знаютъ, и тѣмъ по тому вѣрить нельзя: ибо благодатию Божіею всякая страна въ травахъ и овощахъ и подземностяхъ по болѣзнямъ не оскудныя лекарства имѣеть, токмобъ ихъ люди знали, что, отъ чего и какъ употреблять.

75. Докторовъ же лекарей, а колдуновъ и ворожей суще нѣтъ, но находятся вездѣ коновалы, такожь мужики и бабы простые, да отъ слуха или искусства ту или иную траву и корень въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ употребляютъ, и отъ незнанія силъ называютъ колдунами и ворожеями, того ради и нужно о томъ академіи обстоятельно вѣдать; но ежели откуда что о такихъ лекарствахъ обстоятельное покажется, то академія взирая на свойство тамошнихъ болѣзней, или травъ или роценой можетъ способные наставленія для пользы напечатать и издать, дабы всякъ любопытный могъ себя и ближняго пользоваться.

76. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ, иные народы не знаютъ оспы, иные французской болѣзни, оное особно надлежитъ примѣчать; тамъ же, гдѣ бывають, чимъ оны и съ какими обстоятельствами лѣчатъ, или по искусству отъ чего оныхъ больныхъ берутъ.

О жилищахъ *).

77. Какъ оныя издревля именовались, и какъ нынѣ именуется и ежели имя перемѣнено, когда и кѣмъ, и что прежде и послѣднее съ какого языка по руски значить.

78. Какіе волости, торжища, или села великія и монастыри въ которомъ вѣдомствѣ находятся.

*) *De habitationibus.*

79. Если было усмотрѣнія высоты полюса или солнца, или кто искусство имѣеть обстоятельно оное сыскать, чтобы показано было обстоятельно, когда чрезъ какой инструментъ и кѣмъ усмотрѣно; то же и о долготѣ, которое чрезъ затѣнія сыскивается.

80. Естьли о заложени его извѣстіе, когда и кѣмъ построень.

81. Какими людьми, отъ кого и когда населень.

82. Если которой городъ на другое мѣсто перенесень, гдѣ оной и въ какомъ разстояніи прежде стоялъ, когда и для какой причины перенесень.

83. При которой рѣкѣ или озерѣ стоять, и въ которую сторону внизъ по теченію, и на низкомъ ли, или высокомъ и гористомъ мѣстѣ.

84. Какую и какъ великую крѣпость имѣеть; если деревянной или каменной, сколько башенъ; если земляной, сколько раскатовъ или болварковъ.

85. Имѣеть ли съ которую сторону какое природное укрѣпленіе, напримѣръ воду, или болота, или крутость горъ и великихъ рвовъ.

86. Какъ далеко, на которую сторону, отъ онаго другое знатное мѣсто лежитъ.

87. Колико какихъ государственныхъ, церковныхъ и народныхъ, каменныхъ и деревянныхъ строеній внутри крѣпости, или за крѣпостью въ слободахъ, то есть церкви, канцеляріи, монастыри, училища, богадѣлни, дома губернаторовъ или воеводъ, домъ епископа или другаго знатнаго духовнаго начальника, гостинные дворы и ряды, которыхъ число показать порознь.

88. Колико улицъ большихъ и малыхъ, такожъ торговыхъ и площадей.

89. Колико дворянскихъ и посадскихъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ.

90. Естьли что дивное или видѣнія достойное въ церквахъ, напримѣръ мощи святыхъ и утварей церковныхъ, или что за древность, или за хорошую работу, или по природѣ за дивное почитается и хранится, а въ канцеляріяхъ естьли древнія письма или обрѣтенные давности.

91. Нѣтъ ли какихъ мануфактуръ, или работъ и строеней особливыхъ, которое проѣзжающему видѣнія достойно, напримѣръ въ Ярославлѣ полотняная и кожевенные, въ Казанѣ суконная и пр.

92. Бываютъ ли ярмонки или годовые торги, въ которое время и какъ долго.

93. Откуда и съ какими товарами посторонніе приѣзжаютъ.

94. Куда тутошныя жители ѣздятъ съ торгами, когда и какіе товары наиболѣе отвозятъ, и какіе тамо берутъ.

95. Не былъ ли оной городъ когда кѣмъ взятъ, или разоренъ, или мужественно оборонялся.

96. Кто въ немъ прежде сего владѣтели, или князи удѣльные были, и когда, какимъ случаемъ владѣніе ихъ кончилось.

97. Не бывалоли во ономъ какихъ знатныхъ съѣздовъ или мирныхъ договоровъ.

98. Не бунтовались оного жители, и въ которыя времена, и какимъ образомъ смиренны или прощены.

99. Не былоли на ономъ когда какого несчастія, яко моръ, гладъ, великое землетрясеніе, водою потопленіе и прочихъ тому подобныхъ обстоятельствъ.

100. Какую оной городъ, или уѣздъ, или которое либо мѣсто, знатную услугу государю показалъ, яко Нижней во время разоренія московскаго, иные деревни особливо къ

фамиліи государей вѣрность показали и чимъ за то похва-
ваны.

101. Кто воеводы или губернаторы своимъ тщаніемъ
разумомъ какую пользу городу показали, на примѣръ: добръ
порядки ввелъ, а воровство и беспорядки пресѣкъ, яр-
ку учредилъ, улицы и площади исправилъ, и отъ пожаръ
безопасность учинилъ, строенія знатныя подѣлалъ, или
недостаткъ воды способомъ прекопа удовольствовалъ.

102. Небылоль въ близости оного у кого съ кѣмъ бо
или сраженія.

103. Нѣтъ ли гдѣ въ уѣздѣ томъ какихъ признаковъ
видовъ, гдѣ напредь сего города или знатныя строенія бы-
ли и нѣтъ ли извѣстія, какъ именованы, когда и кѣмъ ра-
шены.

104. Не находится ль гдѣ въ степяхъ и пустыняхъ ка-
кихъ болвановъ или камней съ надписями, или какими ли
начертаніи, которое елико возможно живописцу надлеж-
назnamenовать и описавъ его мѣру и цвѣтъ, притомъ
сообщить.

105. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ древнихъ могилахъ
находятся старинныя вещи дивныя и ко изясненію ги-
рии весьма полезныя и паче такія, на которыхъ какое ли
начертаніе или подпись различными фигурами изображ-
ное, оное на мѣдныхъ, желѣзныхъ, каменныхъ или гли-
няныхъ вещахъ, ежели сыщется, надлежитъ прилѣжно в-
звѣдывать, понеже и за глиняное заплачено не меньше, какъ
серебро.

106. Особливо находятся горшки и кувшины въ гробахъ
на которыхъ надписи есть, да когда ихъ откопавъ съ-
вынять, то онѣ истрескаются или развалятся, того ра-
ди откопавъ, надобно не скоро вынимать, провѣтрить
томъ мѣстѣ, а потомъ вынять, поставить чтобъ отъ соли

высохъ, и тако можетъ далѣе везти и вручить воеводѣ, а воеводы чтобъ благоволили оныя, чрезъ живописца или другаго искуснаго на бумагу срисовавъ, академіи сообщить, по которому достойное награжденіе обрѣтшему живописцу академія пришлетъ безъ умедленія.

107. Золотые же, серебряные и мѣдные вещи, яко идолы, звѣри и протчіе вещи, если токмо фигуры своей не повреждены, хотя и надписи неимѣють, надлежитъ по тягости металла покупать и деньги безобидно платя присылать во академію; еслиже и на золотѣ явится подпись или работа хорошая, то и сверхъ достоинства золота или серебра безобидно отъ академіи и повѣренныхъ отъ оной заплачено будетъ, и о томъ таинмъ гробоискателемъ надлежитъ объявить, чтобъ знали и невѣдѣніемъ такихъ вещей не портили или за страхъ, что у нихъ даромъ отымутъ, не таили. И господанъ воеводамъ и прочимъ управителямъ въ томъ для пользы отечества поступать со всякою прилѣжностію и храненіемъ, чтобъ такіе сокровища таить никто не опасался.

Р а з д ѣ л ь 2.

О народахъ идолопоклонническихъ, какое извѣстіе о оныхъ требуется *).

108. Какъ которой народъ отъ русскихъ именованъ и съ какой причины, ежели жъ именованіе не славенскаго языка, яко Чюваша, Черемиса, Мордва и протчіе, которые съ ихъ же или татарскаго языка, то испытать что оное значить.

109. Какъ они сами себя имянютъ, напримѣръ: Вогулчи зовутся Мончи или Монши, Черемиса зовутся Море, Вотяки Арены **) называются Савами и протчее.

*) Переведено: De gentibus quae idololatriam colunt.

**) Wotlaki et Arfni ...

110. Какъ они русскихъ и другіе народы сосѣдніе имену- нуютъ, на примѣръ Финны называютъ насъ Венелайма, Якуты зовутъ люди, Татара зовутъ Урусъ; казачья орда зовутъ Башкировъ Сарнишережъ; Тунгусовъ Остяки имену- ютъ Келлемъ или Куеллемъ, которое значить пестрое, но прѣ- томъ внятнo разницу званей разсудить: а) по закону, яко Татара имену- ютъ всѣхъ христіанъ гауръ, б) по нарoду, яко мы именуемъ Словянъ, с) по обитанію зовемъ русскіе; и чтобъ одно за другое смѣшено не было. какъ то нѣкто- рые о томъ неправильно показали, якобы Татара насъ прѣ- вовѣрными зовутъ.

111. Какъ они которой городъ, рѣку, озеро, горы имену- ютъ, на примѣръ Татара Волгу зовутъ Едель, Каму Ае- дель, Вятку Наукратъ Едель и прочее.

112. Что оныя имена по славенски значить, на примѣръ: Казань съ татарскаго котель, Сибирь первѣйшій или глав- нѣйшій городъ, отъ котораго всю землю мы именуемъ; на- родъ Яринчи въ Енисейской провинціи значить шершень, Тура татарскимъ — городъ, а съ остяцкаго пажить или обильное мѣсто, Тюмень съ татарскаго десять тысячъ или тма.

113. Имѣли ль прежде какихъ владѣтелей, яко Остяки Нарымскіе, доднесь себя имену- ютъ Хонти отъ рѣки Конды, имѣли князя особнаго и по завладѣніи ихъ въ титуло госу- дарей кондійскій внесено; такожь по Оби живущіе именовались Обдоръ, а по Уду Удоръ, каждой народъ имѣли владѣ- тель или князьковъ.

114. Имѣютъ ли какое счисленіе лѣтъ, и съ коего вѣ- мени годъ, съ котораго мѣсяца или дни начинаютъ, и какъ долго почитаютъ; и хотя нѣкоторые показываютъ, яко они счисляютъ годъ отъ паденія снѣга и потому въ одно- му году счисляютъ два или три, но сему вѣрить нельзя, и

ни хотя гѣтомъ годъ называемъ, но разумѣемъ въ томъ и иному.

115. Имѣютъ ли свое именованіе мѣсяцовъ.

116. Дни седмичные, колико и какъ по своему имянуютъ.

117. Какія между ими преданія отъ древности ихъ: отъ кого они, какимъ порядкомъ произошли, о себѣ сказуютъ.

118. Давноли въ тѣхъ мѣстахъ обитаютъ и откуда и какъ случаемъ пришли, напримѣръ нѣкоторые Оринчи о себѣ сказуютъ, яко бы въ сіи мѣста пришли отъ змѣй пощающихъ, Остяки сказуютъ что они пришли изъ Суми земля, которое значить мокротную землю, а собственно разумѣютъ Фляландію.

119. Имѣли ли напредъ сего съ кѣмъ войну и какіе славы, счастья и несчастія случаи въ памяти имѣютъ, яко Черемиса тяжкіе войны съ великими князя Іоанномъ Васильевичемъ и Василюемъ Ивановичемъ имѣли, но можетъ между ими такіе обстоятельства въ преданіяхъ хранятся, о которыхъ въ русскихъ исторіяхъ не описано.

120. Како о богѣ вѣрятъ, гдѣ онъ и каковъ.

121. Что вѣрятъ о мірѣ, отъ кого и какъ сотворенъ.

122. Много ли боговъ исповѣдаютъ и какъ ихъ имянуютъ, и невидали ли когда котораго, или повелѣніе его слышали.

123. О чемъ котораго наиболѣе просятъ, или ему какую силу наиболѣе предъ другими сказуютъ.

124. Идолы ихъ истесанные, какъ ихъ имянуютъ, и что о ихъ силахъ сказуютъ.

125. Бога всевышняго подъ какимъ бы видомъ или именемъ ни разумѣли, сказуютъ ли о немъ, что есть: а) безъ начала и конца, то есть превѣчный, б) невидимый и умомъ постижимый, с) всюду присутственный, то есть всегда съездѣ, которое ни ангеломъ приписатца можно, d) всемогущий, e) вся и предбудущее единъ вѣдущій.

126. Не приписуютъ ли онаго другимъ ихъ богамъ или духамъ, хотя не прямо, но обстоятельствами.

127. Твари какой, яко свѣтиламъ небеснымъ, или огню, водѣ, звѣрямъ и рощеніямъ поклоняются, и съ какою отъ Бога разностию нѣкую силу чему приписуютъ.

128. Когда, кому, какіе жертвы приносятъ, съ какими порядки и обстоятельства, и кѣмъ оныя отправляются.

129. Какіе молитвы у нихъ каждодневныя и колико разъ въ день бывають, ежели возможно оныя переписавъ перевести на русской языкъ.

130. Знаютъ ли что о ангелахъ и дьяволахъ, каковыхъ ихъ сказуютъ, откуда ихъ начало и какую силу каждому признаютъ.

131. Не сказываютъ ли имъ имѣть женъ и дѣтей, или пиши и одежды требуютъ.

132. Чудеса и видѣнія какіе сказываютъ, что бывали или нынѣ бывають.

133. Ежели какихъ умершихъ людей почитаютъ, за какіе ихъ дѣла и въ какой силѣ, особливо какую разницу между ими и богомъ всевышнимъ полагають.

134. Какое свойство и состояніе души, разумѣють ли ее быть безсмертноу.

135. По изшествіи души отъ тѣла, гдѣ ей быть сказуютъ, и нѣтъ ли ихъ мнѣнія, что душа изъ тѣла изшедъ въ другое входитъ.

136. Вѣрятъ ли что по смерти душъ за добродѣяніе излодѣяніе будетъ судъ и воздаяніе, то есть царство небесное или мука безконечная.

137. Каковы оныя воздаянія описуютъ и хотя нѣкоторые сказуютъ, якобы о безсмертіи души не знаютъ, однакожъ поминовеніе умершихъ и клажа съ мертвыми денегъ, хлѣба,

ружья и пр. доказываютъ, что они разумѣютъ быть душу бессмертну.

138. Имѣютъ ли каковъ либо законъ писменной, или на словахъ преданія, отъ кого, когда и въ какой силѣ.

139. Что о добродѣтеляхъ учать, яко молитвѣ, посту и милостынѣ и какъ оныя отправляютъ, ибо посты бывають разные: а) когда чрезъ весь день ничего не ѣдятъ, б) ядятъ, да малое и суровое, с) нѣкоторые не ядятъ до вечера, а въ вечеру безъ разбора брашна насыщаются, д) нѣкоторыхъ яствъ и питья токмо удерживаются, а прочее ядятъ и пьютъ обыкновенно, е) что ничего не ядятъ, а паче что никакого животнаго умертвить не дерзають.

140. Имѣютъ ли какое поминовеніе или стараніе о душахъ умершихъ, которое такожъ разно: собственнымъ моленіемъ и прошеніемъ къ Богу, б) наймомъ другихъ людей, с) нѣкоторые показываютъ добродѣтели къ людямъ, яко: милостынью и прочимъ, д) иные животныхъ, яко собакъ, кошекъ, кормятъ и птицъ покупая на волю отпускають, какъ то магометане дѣлають.

141. Имѣютъ ли духовныхъ служителей или учителей, яко у нѣкоторыхъ именуется шаманы.

142. Какимъ образомъ оныхъ выбираютъ и почему ихъ удостояють.

143. Какіе оныхъ когда служенія, и что они за ихъ трудъ получаютъ.

144. Имѣютъ ли оныя для дѣйства ихъ или вороженья барабаны и бубны, на которыхъ написаны разные образы и начертанія оныя смолевать и о начертаніяхъ, яко же и дѣйствѣ описаніе учинить.

145. Не имѣютъ ли пустынниковъ и пустынницъ, которые для спасенія уединяются, како то у многихъ идолопоклонниковъ и магометановъ есть.

146. При рожденіи младенца, кто и какимъ обстоятельствомъ имя рожденному даетъ.

147. По рожденіи естьли какое жепамъ очищеніе.

148. Въ возрастѣ младенца, естьли какое ученіе и наставленіе, отъ кого и съ какими въ чемъ обстоятельствахъ, на примѣръ учать изъ лука стрѣлять, въ каковы дѣла.

149. Какимъ образомъ въ супружество вступаютъ, купятъ ли и какъ дорого, или крадутъ и силою берутъ.

150. Имѣютъ ли въ свойствѣ и родствѣ о супружествѣ запрещеніе и какъ далеко, или за стыдъ и грѣхъ не почитаютъ.

151. Мертвымъ какой порядокъ въ убранствѣ и погребеніи, ибо оны мертвыхъ жгутъ и пепель въ сосудахъ или просто закапываютъ, в) въ воду бросаютъ или на деревья кладутъ, с) на томъ мѣстѣ мертваго въ шалашѣ оставя, сами отходятъ, d) въ землю закапывая, кладутъ съ ними лошадей, собакъ или лутчіе его пажитки и для чего то дѣлаютъ.

152. Чимъ печаль изъясляютъ, жены по мужахъ, дѣти по родителяхъ о ближнихъ родственникахъ, яко на примѣръ негдѣ жены сами себя при погребеніяхъ убиваютъ; иные съ крикомъ превеликимъ бьютца, лица свои и волосы дерутъ; иные токмо воютъ, причитаютъ его жизнь и любовь; иные тихимъ плачемъ и платьемъ печаль изъясляютъ.

153. Прежде власти россійской, какъ имѣли князей или старшинъ, имѣли надъ собою судъ и какой, былалъ за что смертная или на тѣлѣ казнь, и какимъ порядкомъ, на примѣръ за смертное убійство, воровство, насиліе женщины, которое можетъ отъ пересказыванія другъ другу въ памяти у нихъ храниться.

154. Нынѣ которые воотдаленіи отсюда, въ дѣсахъ живущіе, имѣютъ ли какой между собою судъ или управу.

155. Что разумѣютъ или сказываютъ о ущербѣ мѣсяца.

156. Разсуждаютъ ли что о затменіи солнца и мѣсяца, какъ оно дѣлается, такожь ежели когда каметь видѣли, что о томъ говорятъ.

157. Сказываютъ ли, отъ чего громъ и молнія бываетъ, такожь о радугѣ, и падающемъ огнѣ подобіемъ звѣздъ, и огненныхъ змѣяхъ.

158. Не вѣрятъ ли, что мертвые встаютъ и ходятъ и тому подобныя суевѣрѣя и враки.

159. Какъ они вѣтры на своемъ языкѣ именуютъ, и что оно значить.

160. Имѣютъ ли звѣздамъ и звѣздицамъ или совокупленныи въ начертаніи нѣколикимъ звѣздамъ имянъ, и что оно значить.

161. Знаютъ ли планеты, яко: Сатурна, Юпитера, Марса, Венуса и Меркурія, какъ ихъ именуютъ.

162. Не признаютъ ли отъ нихъ на земли какаго дѣйства и силъ.

163. Нѣтъ ли пѣсенъ такихъ или сказокъ, въ которыхъ старинныя дѣйства воспоминаются, оныя списать, а иноязычныя перевести.

164. О суевѣрїи *):

1) Не примѣчаютъ ли о встрѣчѣ, лѣтаніи птицъ и ихъ крикѣ, при начинаніи дѣла или выходѣ въ путь, напримѣръ нѣкоторые старую бабу, иные попа на встрѣчѣ, перебѣгъ зайца чрезъ дорогу, крикъ кокушки съ лѣвой стороны, почитаютъ за несчастіе, а другое тому подобное за счастье, яко Балмыи крикъ выпя за глазъ божескій почитаютъ.

---

*) *De superstitione.*

2) Не почитают ли котораго дня несчастливымъ, напримеръ нѣкоторые почитаютъ понедѣльникъ, иные субботу, къ выѣзду и начатию дѣла несчастливыми.

3) Нѣкоторые почитаютъ за несчастіе, когда мышь спящаго укуситъ, или платно проѣсть или засытъ, и того носить не хотятъ, или то мѣсто обжигаютъ и тому подобное.

4) Иные почитаютъ за бѣду, когда кто настолаѣ нечаянно опрокинетъ солонку, или чханье и сновидѣніе хотять за предвозвѣстіе зла и добра почитать.

5) Когда домъ новой построятъ, какіе предосторожности къ счастью употребляютъ, яко нѣкоторые кошку и собаку передъ шествіемъ во оной запираютъ.

6) Вѣрятъ нѣкоторые, что діаволь ладона и гашнига и тому подобное боится.

Сии всеѣ обстоятельства испытать безъ принужденія, но паче ласкою и чрезъ разныхъ искусныхъ людей, знающихъ силу сихъ вопросовъ и языкъ ихъ основательно, къ тому же не однова, но чрезъ нѣсколько времени спрашивать отъ другихъ, ибо ежели объ одномъ дѣлѣ разнo спрашивающему откроется и подастся причина далѣе истины испытывать, и хотя первыя извѣстія посланы будутъ, но потомъ ежели хотя о томъ же достоятельное или что вновь открылось, оное бы сообщили ко опредѣленнымъ къ тому, яко изъ ближнихъ губерній во академію наукъ, а въ Сибири дѣйствительному статскому совѣтнику Татищеву, или объявленнымъ профессорамъ, которые, рассмотря и, въ чемъ потребно, еще испытавъ въ надлежащемъ порядкѣ во академію сообщать, и труждающимся всемъ надлежащее награжденіе опредѣлять.

Остерегать же и то, чтобъ кто отъ крещеныхъ или много народа умысленно въ поношеніе или хвастаніе чего ~~лиш~~наго не прибавилъ, или истиннаго не убавилъ, дабы тѣ ~~и~~

правости не повредилъ; понеже многіе глупые лжами хотятъ себѣ честь или пользу приобрѣсти, но въ томъ всегда обманываются.

Раздѣлъ 3.

О магометанахъ (*).

Сій законъ хотя, отъ алкорана и другихъ учителей ихъ переведенныхъ на разные языки книгъ, въ Европѣ основательно извѣстенъ, и о томъ много вопрошивать нужды нѣтъ, но токмо потребно вѣдать:

165. Съ Турками или Персіянами оныя въ вѣрѣ согласіе имѣютъ, ибо Персіяне Адея за пророка поставляютъ, а Турки его уничтожаютъ.

166. Какіе они чины духовныя имѣютъ и отъ кого они выбираются и утверждаются, яко: охунъ, муллы, абызы и пр.

167. Какую они каждой надъ подчиненными имѣютъ власть или преимущество, и какой имъ доходъ, опредѣленной или добровольной.

168. Какіе чины при обрѣзаніи;

169. При сочетаніи;

170. При погребеніи, напримѣръ нѣкоторые изъ нихъ никакой парчи отъ идолоклонниковъ сдѣланной, яко китайки, камки, атласа и прочего, что отъ китайцовъ привозится на мертвого не кладутъ, хотя живые носятъ все безъ разбора, а на мертвыхъ употребляютъ одежды изъ парчей, сдѣланныхъ магометанами.

171. Какое оставшимъ женамъ послѣ мужей изъ его имѣтннковъ награжденіе, особливо когда бездѣтны.

172. Какъ скоро вдова за мужъ по смерти мужа итти можетъ.

(*) *De Mahometanis.*

173. Если которое писмо имѣють, то оныя списать азбуку и слоги, и противу каждой буквы и слога поставитъ рускіе равногласящіе со оными.

174. Если которые буквы и знаки употребляютъ въ численіи, такожъ оныя до тысячи росписать, поставя при каждомъ рускія числа.

175. На чемъ они пишутъ и чѣмъ, какъ чернила изъ чего составляютъ и ежели вещи незнаемыя въ Русіи, то оныхъ доставъ прислать бережно, чтобъ неповредилось, и свойство онаго спознать было можно.

Обсче паки до всѣхъ народовъ *).

176. Не имѣеть ли которой народъ какой (какихъ) отъ травъ, ягодъ или земли красота; оное паче видимо, что за много лѣтъ на камиѣ писанное не слиняло, изъ чего, какъ дѣлають и съ чѣмъ употребляютъ, описать обстоятельно.

177. Законъ писменной, если имѣють или не имѣють, но по природѣ какой грѣхъ за тягчайшій и добродѣтель за наввысшую почитаютъ и какому за то воздаянію мнять быть.

178. Умѣеть ли у нихъ кто по біенію жилъ или по уринѣ болѣзни познавать, съ какимъ обстоятельствомъ, сколько жилъ въ человекѣ счисляють, какъ ихъ имянують, тожъ и о скотахъ.

179. Людямъ и скотомъ въ болезнѣ кровь какимъ образомъ пускають ли, что по ономъ признавають, во что оную употребляютъ.

180. Не признавають ли больного по чему, будетъ ли живъ или умретъ.

181. Признають ли беременныхъ женъ и скотъ, черевавата ль чѣмъ, мужескъ полъ или женскъ.

*) *Rursus quod attinet in communi ad omnes gentes.*

182. Не знаютъ ли по лицу или по рукамъ какіе принадлежности или перемѣны въ счастіи были или впредь быть имѣютъ, и какъ тѣ примѣты называютъ.

183. Не имѣютъ ли такихъ вещей, которыя для избѣжанія отъ несчастія или исцѣленія отъ болезней на шею вѣшаютъ и при себѣ носятъ и что, отъ чего, съ какимъ обстоятельствомъ употребляютъ.

184. Не имѣютъ ли отъ ружья заговоровъ или защищающихъ вещей, яко мази или какой привѣски и хотя всякому разумному извѣстно, что оное сущее суевѣріе и враки для обмана глупыхъ выдуманы, однакожъ для познанія той глупости, если можно, то не худо списавъ сообщить, дабы удобнѣе враки оныхъ сущими тѣми словами обличать.

185. Не заговариваютъ ли крови, изъ носа или раны текущей.

186. Не думаютъ ли о приворотахъ или учиненіи ненависти между двѣма персонами, которые враки такожъ перевести

187. Не признаютъ ли они плодороднаго года или недорода заранѣе, и почему.

188. Не мнятъ ли, что животныя межъ собою говорятъ.

189. Не сказываютъ ли, что люди въ звѣрей, птицу и прочее переворачиваются, и какимъ образомъ оныя враки быть описуются.

190. Не сказываютъ ли что о себѣ, что умѣеть дождь, снѣгъ или вѣтръ напустить, и чѣмъ тѣ враки доказать хотятъ, или токмо слышали, что кто то чинилъ.

191. Не умѣютъ ли въ убранствахъ и употребленіяхъ какихъ либо старинныхъ денегъ или сосудовъ, на которыхъ были надписи, или какихъ образовъ вылитыхъ и рѣзныхъ.

192. Какіе они мѣры и вѣсы употребляютъ и какъ оныя нѣнянуютъ, какую оныя съ рускою разницу имѣютъ, напри-

мѣръ Татары имѣють батманъ, которое слово поруски значить вѣсь, токмо они имѣють разные батманы.

193. Имѣють ли какое питіе для пьянства, изъ чего дѣлають, и какъ оное употребляютъ; zde разумѣтся не отъ рускиихъ употребляемое, но ихъ собственное.

194. Не имѣють ли травы какой или коренья, отъ которыхъ подобно табаку пьяни бывають; описать какъ оное употребляютъ, и травы оныя назnamenовать или чрезъ искусныхъ латинскія имяна приписать.

195. Для мытья своего тѣла и одежды, какое мыло, изъ чего и какъ дѣлають.

196. Какіе сосуды въ домашнемъ употребленіи имѣють, изъ какого дерева или земли дѣлають; сіе пакы разумѣтся кромѣ тѣхъ, кои между рускими живутъ и обшче употребляютъ.

197. Не почитаютъ ли коего звѣря, что его убить или какое дерево рубить грѣхъ и для чего, напримѣръ Калмыки выпа за святую птицу почитаютъ и оную убить никто изъ нихъ не дерзнетъ.

198. Наипаче всего нужно каждого народа языкъ знать, дабы чрезъ то знать, коего они отродья суть; но въ языкѣ надобно смотрѣть:

1) Слова такіа, которыя не легко перемѣняются, яко численіе, однакожь сіе двояко; одно показываеть токмо существенное, яко единъ, два, три и пр., другое описуеть качество или прилагательное, яко первый, второй, третій, въ которомъ многіе погрѣшили, что одно за другое кладутъ, и для того надлежитъ обоа писать, чтобъ разница была видна; такожь: Богъ, небо, солнце, мѣсяцъ, огонь и прочія имяна, не легко перемѣняемыя и чинъ болѣе оныхъ собрано будетъ тѣмъ лутше.

2) При записываніи ихъ надлежитъ внятно выслушивать, чтобъ одну букву за другую не положить, какъ и рускіе неискусныя не токмо въ реченіи, но и въ письмѣ часто *в* за *о*, *б* за *п*, *в* за *ф*, *д* за *т*, *з* за *с*, *к* за *х*, или обратно одно за другое пишутъ: *хльпз*, *хфала*, *горотв*, *восз*, *хкамысару*, вмѣсто: *хльбв*, *хвала*, *городв*, *возз*, *кв камисару*, въ которомъ знающей грамматику никогда не погрѣшить, ибо единственно: *градв*, множественно: *грады*, а *раты* написать нельзя, тожъ въ написаніи *ь* и *з* великая есть разница; иногда для протяженія въ различіе отъ подобнаго двойными буквами раздѣляется, а наиболѣе въ другихъ языкахъ, яко: *грамматика*, *Ааронв*, *Авраамв*, и прочее, такожъ и апострофомъ назначено есть долгое, яко: *твой сынв*.

3) Нужно смотрѣть на удареніе гласа, ибо: *будѣи* и *буди* разное есть, первое отъ *будить*, а другое отъ *быль* происходитъ, и для того надлежитъ внятно выслушивать, недюнова спрашивать и по изрѣченіи силу налагать.

4) Притомъ же и то прилѣжно смотрѣть, чтобъ сказывающій имѣлъ чистое и совершенно реченіе, ибо картавые, шиповатые и шепелеватые всѣхъ буквъ прямо выговорить не могутъ.

5) Нѣкоторые народы имѣютъ такое изрѣченіе, чего нашими буквами изобразить не можно, напримѣръ у Нѣмцевъ и Латинистовъ *h* легче нашего *з*, у горскихъ (*) есть подобное нашему *хч*, но есче легче и для того нужно буквами изобразовать, но, чтобъ разницу знать, надъ одною точку класть и особливо описать, что оная точка значить, легче или жесточе выговаривать.

(*) Переведено: *Tartari, qui vocantur Gorskie.*

При описаніи каждаго народа состояніе тѣлесъ обстоятельное нужно описать: крупень или мелогъ или широгъ; плечи, лица широкіе, круглые, цвѣтомъ сѣрые, черныя или бѣлыя; носы острые или круглые, помяповатыя или плоскіе; волосы черныя, русыя, бѣлыя или рыжіе и какъ долги; имѣють ли носъ, ротъ большой, губы толстыя или среднія, цвѣтомъ смуглы или бѣлы, желты; платье, обувь и убранство обыкновенное и уборное, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, особливо дѣвогъ невѣсть, яко и жениховъ при бракѣ.

Сіе все какъ наиболѣе находится и весьма бы изрядно было, ежелибъ, гдѣ живописца смыскавъ, оныхъ смаловать.

Взято изъ рукописи, принадлежащей Русской библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ, и обозначенной въ каталогѣ Соколова подъ № 130 in—f. Въ рукописи сочиненіе озаглавлено просто: *Предложеніе* (на 1—31 стр.); латинскій переводъ озаглавленъ: *Propositiones de instituendis collectioidibus historicis et geographicis* (имѣеть отдѣльный счетъ страницъ, съ 1 по 46). Съ боку заглавія приписано: *Præsent. in Acad. Scient. d. 2 Dec. 1737*; русскій текстъ внизу листовъ помѣченъ такъ: *Канцеляристъ Сергій Неклюдовъ.*

XIV.

1) ЭКСТРАКТЪ

о ѣздѣ геодезиста Василья Шишкова.

Іюня 30-го 1735, по опредѣленію дѣйствительнаго статскаго (что нынѣ тайный) совѣтника Василья Никитича Татищева съ товарищи, посланъ отсюда въ Томское и Кузнецкое горное начальство при главномъ казначеѣ, Константи-нѣ Гордѣевѣ, геодезистъ Василей Шишковъ для описанія руд-

ныхъ мѣстъ и сочиненія всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ обстоятельныхъ ландкартъ.

Возвратясь оттуда онъ Шишковъ сентября 19-го 1737 году письменно доносилъ: 1) По силѣ присланнаго отъ пр—ства.... ордера и при немъ пунктомъ, велѣно всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ сочинить ландкарты съ прилѣжаніемъ, въ которые мѣста и Барабу, Красноярскій уѣздъ и другіе тамошніе мѣста, и какіе народы при тѣхъ мѣстахъ обитаютъ велѣно описывать обстоятельно, и, по силѣ оныхъ пунктовъ, былъ онъ въ Иртышскихъ крѣпостяхъ, у тамошнихъ обывателей о состояніи тѣхъ мѣстъ спрашивалъ, тогмо ничего въ отвѣтъ надобнаго не получилъ; а штабъ и обер-офицеры письменно объявили, что у нихъ подлинныхъ, по силѣ тѣхъ пунктовъ, записокъ не имѣется, ибо крѣпости оныя построены не въ давнихъ годахъ; и съ тѣхъ крѣпостей ѣздилъ онъ для описи, по силѣ вышеозначенныхъ пунктовъ, въ Томское и Кузнецкое вѣдомства въ остроги Чеуской, Иберской, въ которыхъ такожъ прикащики съ крестьяны спрашиваны не въ одно время и оныя не отвѣтствовали же, а ежели ѣхать и вдаль въ оныя города, въ Томскъ, Кузнецкъ и Красноярскъ, для описанія по онымъ же пунктомъ, то и въ тѣхъ городехъ къ показательству знатно, что ничего не будетъ же, тогмо излишней трудъ, а въ прогонахъ и въ протчемъ будетъ напрасной убытокъ, и ѣхать было въ тѣ города не для чего и того онъ опасенъ, дабы за неотвѣтствіе, по силѣ тѣхъ пунктовъ, штрафу на немъ не взыскалось, а и присланной отъ его пр—ства ордеръ гласитъ: тѣ мѣста описывать, которые имъ не описаны и ландкарты не сочинены. И по силѣ онаго ордера, имъ генеральные ландкарты сочинены двойственные, на которыхъ положены: Красноярской, Томской и Кузнецкой уѣзды, Бараба, Иртышскіе крѣпости до города Тары, и оныя, также

и опись, по силѣ пунктовъ, объявилъ при доношеніи. — 2) Будучи въ крѣпости Усть-Каменогорской, сказывалъ ему Тобольскаго полку солдатъ Григорей Клыковъ съ сыномъ своимъ Никитой: знаютъ они вверхъ по Иртышу, по теченію на лѣвой сторонѣ, отъ оной Усть-Каменогорской крѣпости во стѣ верстахъ, въ горѣ слюда, которую и показать могутъ, и по тому объявленію, для осмотра вышечисленной слюды, ѣздилъ онъ Шишковъ изъ Усть-Каменогорской крѣпости нарочно чрезъ Аблакетскіе полаты, которая гора разстояніемъ отъ оной крѣпости 97 верстъ на рѣкѣ Булдыревкѣ, а отъ рѣки Иртыша въ 6 верстахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ въ горѣ, на которой слюдного признаку весма довольно, въ ширину вверхъ по горѣ 100 сажень, а длины 2 версты, которая слюда, по видимому, идетъ жилами, тогда оную опробовать было ему нечѣмъ, и собрано того признаку сверху фунтовъ до 3-хъ, которые объявилъ при доношеніи. 3) Они жъ, Клыковъ съ сыномъ, объявили каменное масло ниже той слюдной горы напригѣрь 30 верстъ при берегу Иртыша, по теченію на правой сторонѣ, и по ихъ, Клыкова, показанію осматривано которой притесь ниже оной слюдной горы 24 верста, а отъ Усть-Каменогорской крѣпости 76 верстъ, и оное масло изъ синева камня изъ притесу съ полуденной стороны въ лѣтнѣе время въ жары вытапливается и каплетъ на землю, а потомъ уже на земли сохнетъ, и тогда оное накапанное масло и собираютъ, а когда въ лѣтѣ великіе жары, тогда того масла накапываетъ весма довольно, а по сказкѣ оного Клыкова съ сыномъ, ежели оное масло будетъ вытапливаться въ жары, и брать не запуская времени, дабы дождемъ не помочило, то можно въ лѣто собрать со 100 пудъ или болѣе, а ежели оное накапанное масло собрано не будетъ и помочить дождемъ, то растаетъ. А при осмотрѣ его Шишкова въ это вре-

ни были жары не великіе, да ктомуужь дожди, и собрано того масла четверть фунта, которое масло при томъ объявилъ. 4) Мая 21 дня прибылъ онъ въ Семипалатную крѣпость, для исполненія по силѣ оныхъ же пунктовъ, и пришедъ къ нему енисейского полку солдатъ Семень Савинъ словесно объявилъ: знаетъ онъ Савинъ ниже Семипалатной крѣпости въ 25 верстахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша, въ яру вохру желтую, которую и показать можетъ, а въ присланныхъ къ нему отъ его пр—ства пунктахъ въ 56-мъ написано: сыскивать краски и земли разныя, яко мелъ, карандашъ, вапъ, вохра, киноваръ, болюсъ и разныя краски и лекарства, или въ сосуды употребляемые глины; и по ево Савина объявленію послалъ онъ для осмотра и описи оной вохры геодезіи ученика Пареена Сомова, а самъ онъ поѣхалъ въ степь для описи соляныхъ борovýchъ озеръ и оной Сомовъ мая 16 въ Ямышевской крѣпости ему Шишкову тотъ осмотръ писменно объявилъ и при писмѣ вохры фунта четыре, левкасу фунтовъ восемь, да свѣтлыхъ пять камешковъ; а въ осмотрѣ Сомова написано: по показанію енисейскаго полку солдата Семена Савина, вохру въ яру ниже Семипалатной крѣпости въ 25 верстахъ по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша осматривалъ, а по осмотру ево оная отъ Семипалатной крѣпости въ 23 верстахъ по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша въ бѣлой глиниѣ жилами, которые толщиною въ аршинъ и менѣе, и тѣхъ жильныхъ признаковъ въ яру ономъ восемь разстояніемъ отъ верхней до нижней жилы одна съ половиною верста, въ томъ же яру выше вохряныхъ признаковъ одна верста, есть бѣлой свѣтлой камень мяхлой во оной же бѣлой глиниѣ, и называютъ ево тамошніе обыватели левкасъ, котораго призналъ въ длину и ширину на 10 саженьяхъ; оной же осадитъ Савинъ ему показалъ ниже Семипалатной крѣпости

117 верстѣ, по край рѣки Иртыша на голцахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ, въ малую воду сыскиваются бѣлые свѣтлыя камешки и лѣтомъ можно ихъ тутъ набрать довольно, а при осмотрѣ Сомова въ рѣкѣ Иртышѣ была вода весьма велика и сыскано только 5 камешковъ; тотъ же солдатъ Савинъ объявилъ ему, выше Ямышевской крѣпости въ 80 верстахъ по теченію, на правой сторонѣ рѣки Иртыша, въ личныхъ ярахъ левкасъ чистой, а признаку въ томъ яру того левкасу вдоль по яру двѣ версты отъ фундамента вверхъ по яру 15 сажень, въ такой же бѣлой мягкой глинѣ, какъ и выше сего показано, тѣхъ левкасовъ вохры бѣлой глины и прочего объявлено въ канцеляріи главнаго заводовъ правленія отъ Шишкова по частѣ.

Оныя минералы свидѣтельствованы мастеровыми людьми, которые объ нихъ подписками показали:

Оконнишнаго дѣла мастеръ Федоровъ: слюда по пробѣ явилась мало въ дѣленіе идетъ и крошитца, понеже она мелка и ежелибъ она величиною была больше, то можетъ въ дѣленіе поидеть и въ дѣло оконнишное будетъ годна.

Знаменованія учитель Аврамовъ: вохра сырая и изъ оной же зженая къ живописному дѣлу, а глина такожъ левкасъ, которой называется алебастръ зженой, къ иконному дѣлу явились годны, оной же левкасъ въ подмаски въ штукатурное дѣло годенъ.

Гранильщикъ Несенцовъ: свѣтлыя бѣлыя пять камешковъ къ полированію годны и врѣпки и глянecъ чистой на нихъ быть можетъ.

Пробирщикъ Грамотчиковъ, гончарной мастеръ Гартвихъ: глина по пробѣ въ дѣло идетъ, а въ сушкѣ не стоитъ и трескается, которое признавають отъ того что свѣтла, а надлежитъ оную чрезъ три сутки парить и потомъ сдѣлать

посуду и опробовать на огнѣ и какова явитца въ пробѣ, тогда отнынѣ чрезъ недѣлю можно объ ней, годналь будетъ, показать; потомъ же оной Гартвихъ сказалъ: глина когда по-прѣла, то на израсцы и на посуду, а вохра къ росписанію на израсцахъ и посудѣ годны.

Здѣшняго гостинаго двора купецкіе люди, Федоръ Савель-овъ съ товарищи четыре человѣка: каменное масло таковожъ, каково въ лавкахъ продаетца, цѣною они покупали въ То-больску, когда ему привозъ бываетъ, по 4 копѣйки, здѣсь въ 5 и въ 6 копѣекъ фунтъ; оногожъ масла для пробы дано въ аптеку, а какъ опробуетца о томъ репортовано будетъ.

Подлинной экстрактъ за подпискою геодезиста Шишкова.

2) ОПРЕДѢЛЕНІЕ ТАТИЩЕВА

на донесеніе Шишкова.

1737 года октября 20 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Татищевъ, разсматривая присланные изъ канцеляріи главного заводскаго правленія минералы, которые объявилъ геодезистъ Шишковъ отъ Иртышскихъ крѣпостей опредѣлилъ: № 1, слюда, взятая отъ Каменно—Горской въ девяностъ осми верстахъ; сія хотя негодна, для того что сверху брата, а вглыпъ безъ сумнѣнія надобно быть лучшей, а понеже ее немало каждаго-одно при заводахъ исходить и продать можно съ прибылью, того ради оставить туне не надлежитъ. № 2, каменное масло, взято ниже той горы; оное на что годно не извѣстно и для того послать въ главную аптеку и въ академію, хотя купи фунтовъ по пяти, чтобъ химии опробовали, есть ли въ

нѣтъ какая потребность и почему фунтъ стоитъ, а у обывателей навѣдаться, во что болѣе употребляютъ, у купцовъ же торгующихъ взять извѣстiе: куда для продажи возятъ и почему продаютъ и кому больше, и оное извѣстiе и купленное масло для посылки прислать ко мнѣ. № 3, вопрѣ хотя краска не дорогая, однако живописцамъ, а паче въ юлкахъ на вохренѣе португальцевъ и перевязей необходимая, сiя жъ почитай даровая въ казну можетъ приходиться, и для того писать въ губернію: чтобъ они для полковъ и продажи на соляныхъ судахъ велѣли, накопавъ солдатами, въ Тсбольскѣ привести пудъ до 100, и смотрѣть, что изъ того прибыли быть можетъ. № 4 и 5, левкасъ и свѣтлой мял-камень; сiя оба родъ хрустали не зрѣлыхъ, которое ооршихъ довольно доказуетъ, и оныя могутъ въ гипсъ переизмѣны быть, но сiя польза не велика; не сженые же, особливо если могутъ большіе штуки найдены быть, то можно изрядные сосуды дѣлать, какъ такiе видимъ, изъ Китая и Персiи привозъ, дорого продаютъ, къ тому можно плитками тонкими разрѣзывая камни и стѣны въ знатныхъ домахъ къ ликому украшенію убирать; сверхъ сего если такiхъ пришло что нѣсколько срослись, можно много набрать, то ко ранію готовъ тожъ не малое будетъ украшеніе за ну самую малую. № 6, хрустали очень хорошіе, какъ добротой при Екатерининскѣ нѣтъ, и сусе въ добротѣ германскіе превосходятъ и если ихъ можно довольно имѣть, то и прибыль приобрести нетрудно, что продавать годно во употребленіе фунтъ по рублю, а большіе до пяти рублѣ охотниковъ купить довольно сыщется, особливо если изъ сноваты или съ синью и зеленою, каковы мнѣ случились видѣть самому, оттуда жъ привезенные капитаномъ Унскимъ, которые онъ гораздо цѣнно въ Москвѣ ювелирами распродалъ, и я еще запонки имѣю съ зеленою; того рѣ

нужно къ веснѣ послать туда добраго надзирателя работъ, съ нимъ бергъ-ауера искуснаго съ двѣма ученики, чтобъ прилѣжнѣе о слюдѣ, каменьяхъ и маслѣ каменномъ изслѣдовалъ и сколько можно болѣе собралъ, а понеже по Иртышу особливо до устья Каменногорской крѣпости, иногда и ниже, находятся весьма хорошіе и недешевые каменья разныхъ родовъ и цвѣтовъ, яко: агаты, сердолики, яшмы, мрамары и порфиты, по которымъ можно въ горахъ, откуда вываливаются, мѣста сыскать и съ немалою пользою государства добывать, того ради послать при томъ же гранильщика со станкомъ и одного ученика съ довольными припасы, чтобъ сея зимы къ веснѣ послѣтъ могли, велѣть всякихъ твердыхъ каменья искать, рѣзать и по малому дѣлу для вида подировать, и зимою или лѣтомъ на суда присылать, а для конвою и работы, чтобъ отъ губерніи давано было съ переминою по двѣнадцати человѣкъ въ мѣсяць, но чтобъ солдаты болѣе къ тому охоты имѣли, давать отъ заводовъ по двѣ копейки на день работной, а тѣмъ кои нашли и объявили, дать по пяти рублевъ, обнадежа ихъ, если болѣе того покажутъ, то не токмо больше награжденіе учивено будетъ, но изъ солдатства уволятся, нынѣ же требовать ихъ отъ губерніи, чтобъ на предбудущее лѣто оны показатели для присковъ и показанія до зимы уволены, и посланному надзирателю работъ отданы были. И съ сего для произведенія въ дѣйство въ канцелярію главнаго правленія Казанскихъ и Сибирскихъ заводовъ послать копію.

Подлинное опредѣленіе подписалъ господинъ тайный совѣтникъ Татищевъ.

Выписано изъ наставленія о заводахъ, какъ канцелярія главнаго правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ во отсутствіе тайнаго совѣтника господина Татищева имѣеть поступать, Іунія отъ 24 числа 1737:

Геодезистомъ: Ивану Шишкову сочинять Tobолской про-
винціи уѣздовъ каждаго особливую ландкарту, яко: Верхо-
турскаго, Пелымскаго, Краснослободскаго, Туринскаго, Тю-
менскаго, Ялутурскаго, Шадринскаго, Окуневскаго, Тарскаго,
Тобольскаго, Якутскаго и до Томскаго, Василью Шишкову,
Томской же и Енисейской провинціи каждаго уѣзда особливую;
однакожь того имъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ каждай
ландкартѣ граничасчихъ уѣздовъ мѣста порядочно положе-
ны были и такъ далеко, какъ на той бумагѣ вмѣститься
можетъ, дабы къ сочиненію генеральной карты никакого
потомъ препятствія не было.

Концеляристъ Сергѣй Неклюдовъ.

Примѣчаніе. Оба акта взяты изъ рукописи, находящейся въ Рус-
ской библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, и обозначенной въ каталогѣ
Соколова подъ № 117 in—f, стр. 1—6, 13. Въ той же рукописи помѣ-
щены и латинскіе переводы этихъ актовъ; на одномъ изъ нихъ надписано:
Præsent. in Academ. Scient. d. 2 Dec. 1737; а внизу: *Tradidit
studiosus Alexander Czadow.* Кроме того на стр. 7—9 помѣщены:
*Опись Аблакетскихъ полатъ, которые стоятъ на стѣни отъ крепо-
сти Усть-Каменогорской наприкладъ шестьдесятъ версткъ и
Опись семи полатамъ, которые отъ Семипалатной крепости 10
версткъ на рѣкѣ Иртышѣ на правой сторонѣ, также переведенныя
на латинскій языкъ. Къ рукописи присоединены четыре рисунка, сдѣланные
красками и отличающіеся довольно тщательной работой: 1) Профиль аб-
лакетской полати на стѣнѣ, якобы иконостасъ, а предстѣнною
сдѣланы каменные, якобы оковы, и на низѣ были глиняныя бол-
ваны, сочинилъ 1737 году іюня 25 дня, геодезистъ Василій Шиш-
ковъ; 2) Профиль верху въ Аблакетской полатѣ на столбахъ и
изрѣшечено, а между рѣшетинъ на доскахъ мужскія перемы,
сочинилъ Василій Шишковъ 1737 году іюня 25 дня, копировалъ геодезистъ
прапорщикъ Норовъ; 3) Профиль Аблакетскихъ полатамъ, каковы
нынѣ омыл ильютца, сочинилъ 1737 году іюня 25 дня, геодезистъ Ва-
силій Шишковъ; 4) Планъ Аблакетскихъ полатамъ и крутомъ изъ
крепости каменной, того же геодезиста.*

ОТРЫВОКЪ

изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ, на 4 л. (стр. 13—16).

Возрастомъ мужчины и женщины довольно крупны и тверды тѣломъ; видомъ по ихъ состоянію лѣпообразны, зимою оба пола носятъ долгіе овечьи шубы и широкой железомъ или медью набранной поясъ, шапки называемые малахан сдѣланы такъ что можетъ шею и едва не все лице закрыть, лѣтомъ многіе носятъ красные суконные кафтаны впрочемъ же лицо и тѣло очень скаредны, ибо никогда не моются, ни ногтей у рукъ и ногъ обрѣзываютъ.

У дѣвокъ всѣ волосы на головѣ въ разные косы заплетены, которые кругомъ частію висятъ а другіе какъ рога-тии стоятъ, подобно какъ ненависть изображается; женщины же имѣютъ токмо одну косу висячую на одной сторонѣ, которую разными мѣдными а болѣе оловянными бляхами украшаютъ (о волосахъ мужчинъ не описано).

Мертвыхъ погребаютъ въ землю въ мужескомъ платьѣ съ лукомъ и стрѣлами. Ихъ богослуженіе состоитъ токмо въ томъ, что они на колья предъ ихъ жилищами взоткну-тыми козламъ или баранамъ нѣколько разъ наклоняя голову честь воздаютъ, равномерно предъ солнцемъ и мѣсяцемъ съ сжатыми руками на колѣни падаютъ, но притомъ никакой молитвы не имѣютъ и ничего не говорятъ, а другаго никакого богослуженія не знаютъ, однакожъ имѣютъ жрецовъ, которыхъ они когда вздумаютъ убивъ съ честію и уборомъ закопаютъ въ землю, сказуя что нужно напередъ такого послать который съ Богомъ говорить и за насъ вблизиности молить можетъ.

Если кто долженъ у нихъ клятву или присягу учинить, то поѣдутъ къ озеру Байкалу, гдѣ есть одна высокая гора, до которой дни два и болѣе ѣзды и на верху оной присягу учинить. По мнѣнію же ихъ, кто живо учинить, тотъ долой несойдетъ и сію гору почитаютъ святою, при которой часто и жертвы приносятъ (гдѣ приношенія жертвы кому и какъ, такожь и чина присяги не описалъ).

Объ нихъ же Адамъ Брантъ въ ѣздѣ своей, стр. 83 и 85.

Браты живутъ по рѣкѣ Ангарѣ отъ Енисейска до Байкала (сіе весьма сумнительно, что какъ онъ самъ, такъ и другіе владутъ по Ангарѣ оленьихъ тунгусовъ, токмо мѣсть ихъ не различаютъ).

Я въ юртахъ ихъ предъ избами видѣлъ барана и козла взоткнуты на колья, головами къ небу поворочены (не сказуютъ на Востокъ или на Западъ), по сказанію ихъ небу въ жертву принесены. О вѣрѣ спрашивая прилежно, ничего обстоятельно увѣдать не могъ, только сказали, что признають Бога творца всея твари и оному объявленную жертву приносятъ, молятся же солнцу и мѣсяцу на колѣняхъ.

Лангъ сказуетъ:

Отъ Братскаго острога вверхъ по Ангарѣ живутъ Братскіе Татары въ войлочныхъ юртахъ, въ скотахъ весьма богаты и худой между ими хозяинъ почитается которой 500 лошадей не имѣетъ, кромѣ коровъ, овецъ, козловъ и верблюдовъ они питаются наиболѣе дикими звѣрями, которыхъ множество побиваютъ, а лошадей ядятъ когда коя умретъ, они молоко отъ коровъ и кобылъ ядятъ, а болѣе вино изъ онаго сидятъ. Женитьба ихъ состоитъ въ томъ, что купятъ у отцовъ дочерей, платя конми, скотомъ и звѣрьми, и нѣтъ которые дають по то до 100 лошадей и верблюдовъ до при томъ сзывая какъ невѣстныхъ такъ и жениховъ родню довольно убитыми скотами, кумысомъ и виномъ

молода подчиваютъ, наилучшее же кушанье жеребеноеъ
лѣтъ двухъ. Видомъ они подобны Цыганамъ или Итальян-
цамъ черноваты (лицъ ихъ никто не описалъ).

Страленбергъ сихъ кладеть обще съ Татарами и ничего
объ нихъ не описалъ кромѣ того, что яко бы языкъ татар-
ской ииѣють; на другомъ мѣстѣ сказываетъ, что съ Якута-
ми одного рода и прежде жили въ Даурин.

О Барабинцахъ.

Станъ Сибирскій, глава 17.

Народъ Барабинцы начинаются отъ города Тары и прости-
раются до рѣки Оби чрезъ весь Томской уѣздъ, мѣстами ро-
мными и привольными по многимъ светлымъ (sic!) рѣкамъ.
Они суть отродіе Калмыкъ, которые подъ властію Російскою
иѣють трехъ князей или тайши: Карсагачъ, Байгишъ,
Бондукъ. Сии собираютъ каждой отъ своихъ подвластныхъ
леакъ, изъ котораго половину въ казну русскихъ госуда-
рей, а именно: Карсагачъ отдаеть въ Тарѣ, Байгишъ въ
Телевскомъ острогѣ вѣдомства Тарского, а Бондукъ въ
острогѣ Кулейба, все звѣрми другую же половину или часть
влатять Зенгорскому тайшѣ, которой для приема присы-
лаеть къ нимъ своихъ людей и русскіе не воспрещаютъ.
Сей народъ есть свирѣпый и военный, живутъ какъ Сибир-
скіе Татара зимою въ рубленыхъ избахъ токмо безъ печей,
а ииѣють трубы или комины, въ которыхъ огонь кладуть
и по сгорѣніи оную трубу закрываютъ, городовъ не ииѣють
нио и деревни токмо для зимы, лѣтомъ же отходятъ къ рѣ-
жанъ и въ лѣса для добычи звѣрей и рыбѣ, гдѣ живутъ въ
жибиткахъ войлочныхъ, а убогіе въ шалашахъ. Они па-
шутъ пашню, сѣють ячень, овесь и гречу, ржи не сѣють
и не ядятъ; когда ему кто оржаного хлѣба дасть, то от-
шуся долго жуеть и ворочая во ртѣ расплюеть, ячень же

не мелютъ, но обмоча не много толкутъ и какъ шелуху со-
бьютъ, то оной въ котлѣ поджаривая ядятъ безъ всего,
при томъ употребляютъ коренья травы златоглава, по ихъ
сарана, которую, сушатъ и варятъ съ молокомъ ядятъ; пи-
тье ихъ кумысъ (кобылье молоко), изъ котораго и вино
двоятъ, такожь караза (черной чай) и буза или брага ов-
сяная, обыкновенное же питье ихъ вода. Скотовъ имѣютъ
коней, верблюдовъ, коровъ и овецъ не мало, а свиней не
держатъ и не ядятъ, болѣе же питаются отъ звѣрей, кото-
рыхъ довольно, яко соболей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ,
лисицъ, разсомаховъ, бобровъ, выдръ и пр., которыхъ ко-
жами ясакъ или оброкъ платятъ. Плате какъ у мужицъ
такъ женщинъ подобно во всемъ татарскому или старому
русскому; оружіе ихъ луки и стрѣлы.

Когда на ловлю отходятъ, тогда берутъ съ собою шайта-
новъ или божишковъ, которой сдѣланъ изъ дерева въ по-
добіе человѣка, но лице мало чтобъ на человѣка походило,
ибо къ дѣлу онаго кромѣ ножа одного снастей не имѣютъ;
оной одѣтъ въ китайку, камку или изъ разнаго сукна лос-
кутковъ сшитаго подобно тѣлогрею, ставятъ его въ ящикѣ,
на высококомъ мѣстѣ въ ихъ избахъ и возятъ на особливыхъ
санияхъ. Когда удастся ихъ добыча, то обвѣшиваютъ его
соболями, куницами и другими звѣрьми, и оное такъ долго
лежитъ какъ сгниетъ или моль ѣстъ; если же бы кто такое
божишку хотѣлъ на нужду употребить, то ставятъ въ вели-
кой грѣхъ и стыдъ и чаютъ за то отъ шайтана всякой бѣ-
ды, для котораго коло оныхъ видно множество сгнилыхъ и
молемъ поѣденныхъ кожъ.

Ламы въ ѣздѣ о Барабинцахъ:

Орда называемыхъ Барабинскихъ Татаръ лѣтомъ живутъ
около рѣки Тары и по другимъ малымъ рѣкамъ, суть идоло-
поклонники, живутъ спаредно, болѣе скотамъ нежели лю-

дешь подобны, въ ихъ жилищахъ, которые болѣе въ землѣ вкопаны, а сверхъ въ аршинъ вышиною кольемъ наметаны и соломой накрыты, въ которомъ на высшемъ мѣстѣ въ коробкѣ поставленъ шайтанъ подобіемъ чловѣка длиною въ поларшина.

Ихъ пища состоитъ въ сухой рыбѣ и сушеной крупѣ, ячной или овсяной, питье вода, скота имѣють мало, лошади токи и тѣ въ лѣсу ходя сами кормъ достаютъ. Если кому рана приключится, то лучшее лекарство, зажегши трутъ, къ оной приложить и прижжетъ, и такъ терпѣливы власно какъ бы огня не ощущали. Весма вѣроятно, что они не Татара но Остяки, а отъ власти Татарской языкъ испортили.

Страленбергъ, стр. 324:

Барабинцы народъ идолопоклоннической между Тары и Томска; они имѣють шамановъ и бубенъ подобно Остякамъ, оной въ лѣвой рукѣ держитъ бубенъ, а въ правой палку и одну трещетку, они ядятъ жареную ячную крупу, которую зовутъ курмачъ; шаръ у нихъ въ такой чести, что за него все лучше покупать, неже за денги. Народъ сей прежде былъ на Оби тѣхъ же Остяковъ, о которыхъ обоя народы инѣ сказывали: русскіе неправильно выговаривая татарское слово зовутъ Бараба, а Татара и Остяки зовутъ Барама; сами они сказываютъ что сіе имя какъ имъ, такъ и Остякамъ, когда еще вмѣстѣ жили было общее и есть древнѣйшее, но что оно значить, того растолковать не умѣють; а шню, что тоже что и Бярмы (или какъ нынѣ зовутъ Пермь) значить, ибо они одного сарматскаго рода, и напредъ сего вмѣстѣ жили.

О Якутахъ.

Страленбергъ, стр. 35.

Якуты или якутскіе татары пребываютъ еще во идолопоклонничествѣ, но они равно киргизамъ, братскимъ и саян-

скимъ или саіотскимъ татарамъ съ турками имѣютъ одинъ языкъ.

Стр. 62: они почитаютъ трехъ боговъ: невидимыхъ аръ теугонъ, аръ тугонъ, тайгара. Теугонъ значитъ начальникъ, правитель или воевода. Стр. 84: о другомъ сказуетъ, что его Счуго теугонъ зовутъ. Стр. 63: русскихъ они называютъ лучшіи или людзе, и сказываютъ они для того зовутъ, что рускіе пришедъ на нихъ сначала сами себя звали лучшіе, людзе.

Стр. 128: Якуты прежде на Востокѣ къ королевству Таугутъ жили, какъ они сами сказываютъ (сіе невѣроятно, чтобъ они не имѣя писма могли что о такой давности и дальности сказать). Избрантъ сказуетъ, что они съ Братами одного отродія и прежде вмѣстѣ жили; и сіе паче обычая всѣхъ тамошнихъ народовъ, что они долгіе волосы и короткое платье носятъ, они же прежде пришествія русскихъ обычай имѣли, что съ умершимъ господиномъ верѣйшаго изъ его слугъ погребали, но рускіе имъ сіе злоупотребленіе запретили.

Стр. 375: Якуты народъ идолопоклонической, отъ русскихъ такъ названы, живетъ по Ленѣ, сами зовутся Зынъ Заха или Зынъ Заготонъ (что оное значитъ не истолковалъ); сей есть большій народъ во всей Сибири между идолопоклоническими и раздѣляется на десять родовъ: 1) Боргонискіе, 2) Байтугскіе, 3) Бадысь, 4) Гонъ Саіонъ, 5) Менга, 6) Кайгаласъ, 7) Кашимъ, 8) Батруски, 9) Лугонъ, 10) Болугуръ. Всѣхъ ихъ напримѣръ около 30,000 человекъ дающихъ ясагъ счисляется. Заха называютъ они одного ихъ древняго владѣльца; но тотъ, которой ихъ Братовъ отдѣлилъ и въ сіи мѣста вселилъ, Деичи-Тарханъ Тегинъ именованъ (тарханъ на татарскомъ знаеть воли господинъ; а какъ давно они въ сіи обиталища перешли)

неизвѣстно). Они же не имѣютъ никакихъ болвановъ или божищговъ, изъ дерева и другой матеріи сдѣланныхъ, но приносятъ жертву невидимому Богу однакожъ въ образѣ одной сшитой куклы, у которой безобразная голова, а глаза изъ корольковъ вставлены, ея тѣло есть мѣшокъ набитой; котораго на деревѣ привязываютъ и при немъ соболи и другіе кожи звѣрей разныхъ вѣшаютъ, и такого каждый родъ особно имѣетъ. Ихъ попы зовутся Біунъ, имѣютъ бубны и гъ у прочихъ шамановъ; Бога же невидимаго почитаютъ подъ тремя именами, какъ выше показано: Артойгонъ, Шултойгонъ и Тайгара, обще же всѣхъ Зуманъ т. е. святін или святость именуютъ. Они жъ какъ и другіе подобные имъ язычники предъ святыми деревьями многое суевѣрное почтеніе дѣлаютъ, ибо гдѣ увидятъ хорошее дерево (особливо на пригоркѣ), то въ вѣчную жертву привѣшиваютъ оному разнымъ привѣски, яко лоскутья кожи, звѣрей, железные и медные бляшки и пр. Ихъ попы или Біуны, когда ихъ чинъ или волшебство отправляютъ, надѣваютъ на себѣ платье съ нашитыми железными бляхами, гремушками и позвонками или колокольчиками, равно какъ самоедскіе и другіе шаманы.

Какъ скоро трава покажетъ то собираются каждой родъ въ мѣсто къ хорошему дереву на красное и привольное мѣсто и тогда т. е. въ апрелѣ начинаютъ ихъ годъ и приносятъ въ жертву коней и быковъ (здѣсь сумнительно, ибо около Якутска, называютъ, что коней и коровъ Якуты не имѣютъ, но развѣ около Верхотенскаго), отъ которыхъ головы встыгаютъ около дерева, на конскихъ же головахъ кожу не снимаютъ, и потомъ взявъ питье ихъ кумысъ садутъ вокругъ и оную кружку или сосудъ при питьѣ каждой обоеими руками вверхъ вознося другому подаетъ (не напсалъ прежде ль питья или послѣ возносятся;) такожъ взявъ вѣничекъ или

кисть облича въ кумысъ кропятъ на зажженой притомъ огонь и на воздухъ (сіе необходимо, въ одну ль сторону на воздухъ кропятъ или на три и четыре стороны, и откуда на востокъ или на западъ кропить начинаютъ). При ономъ они такъ мужественно пьютъ, что всѣ безъ памяти останутся и ядятъ обыкновенно на четырехъ человекъ лошадей. При семъ пированіи многіе мужчины до нага раздѣются, чтобъ къ наполненію брюха ничто препятствовало.

Впрочемъ сей народъ весьма свинско живетъ: они моются очень рѣдко, иные же никогда, ядятъ коней, козовъ и пр. кровѣ свиней и хотябъ съ голода умирали свиныи есть не будутъ; но скотина, которая заболитъ, и какъ видятъ, что ей умереть надобно, то зарѣжутъ и съѣстъ. Они хотя мясо жарятъ и варятъ, да для нихъ когда только вскипѣло или сверзано запеклося довольно мягко, пѣну въ котлѣ не скидываютъ, но за лучшей наваръ и лакомство почитая между собою раздѣляютъ. Ихъ ступы, въ которыхъ они сухую рыбу, коренья и ягоды толкутъ, сдѣланы изъ коровьяго сала (здѣсь необходимо обстоятельство, какъ они сію такъ мягкую матерію крѣпко сдѣлаютъ). Ихъ скотъ живетъ съ ними въ шалашахъ, въ которыхъ полъ набитъ глиною гладко, и по сторонамъ лавки, на которыхъ сидятъ и спятъ; хлѣбъ никогда достанутъ ядятъ, но не всегда имѣютъ понеже не пахнутъ и не съютъ, соли употребляютъ весьма мало однакожъ въ-когда покупаютъ, въ февралѣ и мартѣ есть ихъ время въ т. е. когда сокъ въ дерево входитъ начнетъ (сумните ль по, ибо около Якутска и почитай во всей Сибири въ февралѣ жесточайшіе морозы и въ мартѣ мало таетъ, развѣ въ апрелѣ или послѣдней половинѣ марта); тогда они ѣдутъ въ лѣсъ, рубятъ молодые сосны, съ которыхъ снявъ кору сушатъ, а зимою оную толкутъ въ муку и съ молокомъ въ яря или горячимъ обливъ, ядятъ съ сухою толченою рыбою

Жилища же свои лѣтомъ, подобно Тобольскимъ и Барабинскимъ Татарамъ перемѣняютъ: зимніе шалаши ихъ четверугольные срублены изъ тонкихъ бревенъ, покрыты берестомъ и землею, на верху по срединѣ дымникъ, которыхъ дымъ выходитъ; лѣтніе шалаши круглые шатромъ, накрыты берестомъ, которые крашеными конскими хвостами и гривами вышнвая украшаютъ, на верху для дыма оставляютъ окно и въ срединѣ кладутъ огонь, а при томъ виситъ крюкъ, на которой котелъ или горшокъ навѣшнваютъ, которые они сами дѣлаютъ, у оныхъ толко дно железное а стороны изъ береста, которые они такъ искусно сшиваютъ, что капля воды не пройдетъ и они на огнѣ не горятъ.

Мертвыхъ погребаютъ неоднаково: знатнѣйшіи пзбираютъ себѣ одно дерево и прикажетъ гдѣ онъ по смерти положенъ быть имѣть и тогда съ нимъ нѣчто лучшихъ его вещей въ гробъ кладутъ (здѣсь не сказываетъ, въ землю или на деревьяхъ); нѣкоторые кладутъ мертвыхъ только на доску и. поставя въ лѣсу на четырехъ столбахъ, покрываютъ конскою или коровьею кожею; нѣкоторые закапываютъ въ землю, наиболѣе же въ юртахъ, гдѣ кто умеръ, незакрыто отъ сродниковъ оставляются, сродники же взявъ все нужное изъ оной уходятъ на другое мѣсто; а которые въ городѣ Якутскѣ умираютъ, тѣхъ бросаютъ на улицы и часто собаки мертвыхъ волочатъ (сіе невѣроятно, чтобъ воды допустили; но извѣстно, что зимою всѣхъ мертвыхъ гажо въ снѣгъ, а лѣтомъ въ близьлежащее озеро опускаютъ, понеже земляные копать надмѣрно трудно, потому что земли болѣе поларшина не розстанваетъ).

Сверхъ выше объявленнаго каждая фамилія имѣть особливую святость въ почтеніи, яко лебедя, гуся, ворона и пр., и тотъ родъ оной святости, которую онъ почитаетъ, не ѣсть. Языкъ ихъ съ Крымскими Татараы сходенъ, равно какъ

Братовъ, Киргизовъ и Саянцовъ, но послѣдніе болѣе Мунгальцами поимѣшались. Якуты многоженство употребляю какъ прочіе язычники и оныхъ отъ отцовъ покупаютъ (ка дорого не описалъ).

Стата Сибирской, въ главѣ 14:

Около города Якутска и по рѣкѣ Анига (мню Лена) и ветвь народъ называемые Якуты, которые особенное платье носятъ: ихъ верхніе кафтаны изъ разныхъ цвѣтовъ мохитыхъ кожъ шиты, вокругъ опушка въ ладонь ширины бѣлая оленья или козья, въ подобіе кружива и нѣчто нѣмецкое походило, ибо по сторонамъ и назади прорѣхи, очень недолгое. Волосы носятъ долгіе, рубахъ не имѣютъ.

Вѣрятъ быть Единого Бога въ небѣ, которой жизнь даетъ и содержитъ дая всякое полезное.

Весною имѣютъ великой праздникъ и жертвуютъ Богу кумысъ и аракъ (пересиженое вино изъ молока), но они сами не пьютъ, токмо разложивъ великой огонь онымъ испещренно оборотятся на востокъ поливаютъ; олени ихъ, скользящіе за коней, какъ въ саняхъ тагъ верхомъ ѣздятъ.

Народъ сей мужественъ, остроуменъ и правдивъ.

Воеводы они смиренныхъ и слабыхъ ни во что не ставятъ и когда такой случится, то много воровства и насилія о нихъ происходитъ; жестокихъ же и справедливыхъ почитаютъ, боятся и смиренно живутъ.

Они сказываютъ о себѣ, что прежде съ Мунгалами жили и одинъ народъ были, но потомъ отъ русскихъ въ сѣверѣ загнаны. Отъ цынги для сырости ихъ лица претерпѣваю они тяжкую болѣзнь, которой они дехтемъ березовымъ лечатъ (но пьютъ ли или мажутъ, того не пишутъ).

Дополненіе о Якутахъ, которое нѣкогда времени и железныхъ заводахъ надзирателемъ бывшей Столовъ сѣ

зываетъ *): Якуты, по Ленѣ живущіе, почитай всѣ кузнецы, каждой въ своемъ юртѣ имѣеть горнъ и наковальню. Когда ему что надобно сдѣлать, то поѣхавъ на нартахъ привезетъ руды железной, которой тамо вездѣ много и очень хорошей гольянъ или магнитъ, оную положи въ горнъ, такъ долго жжетъ какъ железо сдѣлается, изъ онаго сдѣлать что ему надобно; но онаго на продажу весьма мало дѣлать, развѣ у него шара неостанеть, то и нужное продаетъ или сдѣлаетъ, что велить. Они очень искусны сундуки оканывать, за которое имъ якутскіе жители довольно платять, однакожъ въ Руси такъ хороше и чисто оковать едва за тройную цѣну кто возметсѣя.

О Канскихъ Татарыхъ

Страленбергъ, стр. 36:

Канскіе Татары язычники, живутъ близъ Красноярскаго; **они** никакого съ Татары сравненія не имѣють, но суціе **Саянды** или **Остяки**, съ которыми въ языкѣ, хотя по близости татарскимъ испорченъ, но много согласуютъ, и сами **сказываютъ** о себѣ, что они одного народа были и вмѣстѣ жили. Сіе имя дали имъ русскіе отъ рѣки Канъ, которая **междо** Красноярска и Енисейска въ Енисей течеть. Сами **они** себя зовутъ **Кхетовчи**; а Тунгусы ихъ зовутъ **Аза**. Они **немноголюдны** и едва отъ 400 до 500 человекъ соберетсѣя.

Аринчи.

Страленбергъ, стр. 85:

Аринчи народъ татарской живутъ не далеко отъ Красноярскаго; **сказываютъ**, что они во время нашествія русскихъ, **вида** одинъ народъ по другомъ въ подданство русское приве-

*) Дополненіе это въ рукописи находится въ нномъ мѣстѣ въ видѣ выноски въ описаніи Якутовъ, подъ буквою А.

денныхъ и разумѣя, что очередь до нихъ скоро доидеть, послали къ воеводѣ рускому пословъ, съ которыми послали жь стрѣлу, черную лисицу и кусокъ красной глины, которыми миръ и войну изобразовали; и хотя оныя Аринчи до 7000 военныхъ имѣть могли, но большею частію побиты и нынѣ ихъ едва 200 семей сыскаться можетъ и особливой языкъ имѣютъ.

Они имя свое Аръ сказуютъ, что значить шершень, для ихъ храбрости и непримирительной злости.

Сказываютъ же о себѣ, что въ древніе времена въ мѣстахъ, гдѣ они жили, напали на нихъ множество змѣй съ человѣчьими головами, которыхъ головы какъ солнце свѣтилось, и оныя множество ихъ погубя въ сіи мѣста загнали. (А понеже о подобномъ сему народѣ и змѣяхъ Геродотъ древній историкъ сказуетъ; то потребно обстоятельнѣе о ихъ сказаніи увѣдать, подлинноль у нихъ такая исторія или преданіе знаемо или писатель выдумалъ).

XVI.

РАЗСУЖДЕНІЕ О РЕВИЗИИ ПОГОЛОВНОЙ,

и касающемся до оной.

Все то о чемъ мы разсуждать хотимъ, вопервыхъ нужно чтобъ не токмо внутреннее и виѣшнее состояніе, того достаточно уразумѣть могли, но и то что мы кому внушаемъ ясно и поятію изречено было; для того потребно такое реченіе употреблять, чтобъ все было вразумительно не токмо вобществѣ но и въ малѣйшихъ того частяхъ. Реченіе имѣть части слова, а въ словахъ части суть буквы для того нужно, чтобъ всякое слово слышаній въ томъ разумѣ принималъ,

въ которомъ сказыватель полагаетъ: а понеже здѣсь слова частію иноязычныя приняты частію и словенскіе да въ различныхъ знаменованіяхъ пріемаются по правиламъ же логики должно всякая вещь свое имя имѣть, дабы смятенія не наносило. Для того я вопервыхъ такіе слова изъяснить за потребно рассудилъ:

1) Ревизію есть слово латинское значить дозоръ или пересматриваніе у насъ тоже прежде именовано перепись людей; причина же сему есть уравнианіе окладной дани или сбора съ людей.

2) Дань слово древнее словенское точно то значить что подданные должны дать государю, хотя иногда неискусные писатели весьма въ иныхъ обстоятельствахъ оное употребляли, яко въ исторіяхъ часто видимъ взятое отъ другихъ государей за вспомоgetельство данью именовано и пр., иногда подать данію впротівно дань податью именовали, но сіи пространно толковать не потребно ибо самыя слова разность ихъ изъясняютъ и суще дань окладной настоящей сборъ съ чего бы то ни было, а подать значить по дани или сверхъ дани на чрезвычайный расходъ наложенное.

3) Изъ выше показаннаго довольно вразумительно (тельно) что дани съ подданныхъ въ казну государственную какъ для учрежденныхъ и порядочныхъ такъ для чрезвычайныхъ расходовъ есть дѣло весьма нужное; по исторіи же видимъ что весьма въ глубокой древности, въ Египтѣ, Ассиріи и другихъ уставленное дабы каждой подданной зналъ, что онъ и когда дать долженъ.

4) Въ расположеніи дани есть главное разсмотрѣніе, чтобъ оное было сносное и всѣмъ подданнымъ уравнительное и на потребныя расходы достаточно, какъ о томъ единый славный философъ написалъ подати въ государствѣ подобны баласту на кораблѣ великіе погружаютъ а малые отъ

опроверженія удержатъ не могутъ и пр. для того оны по состоянію областей и времени премѣняются, ово уменьшаются, ово податки или запросами умножаются.

5) Окладные дани тѣ, которые отъ времени до времени непремѣнно платить должны, яко то поголовные поземельные оброки съ угодей или отскупы на урочные годы по которымъ и расходъ окладной учреждается такъ чтобъ для случаевъ нечаянныхъ нѣчто въ казну въ запасъ оставалось противно тому хотя уставленные по числомъ неизвѣстные яко пошлины внутренніе и внѣшніе доходы отъ промысловъ и рукодѣлій разнаго званія суть дани неокладные ибо отъ многихъ причинъ премѣняются.

6) Всѣ сіе оклады приходовъ и расходовъ нужно по временамъ премѣнять которое происходитъ вопервыхъ отъ благоразсуднаго тщанія ко умноженію правильныхъ и вновь приобрѣтенныхъ доходовъ или умаленія расходовъ другое принужденное отъ премѣненія состоянія подданныхъ которое отъ разныхъ случаевъ приключается и какъ премѣнится доходъ то нужно по разсужденію премѣниться расходу.

7) Умноженіе правильное доходовъ благоразсуднымъ высочаго правительства прилежаніемъ приобрѣтено быть можетъ яко 1) умноженіемъ подданныхъ которое весьма разными способами учиниться а ущербъ отвратиться можетъ; 2) учрежденіе въ государствѣ доброй экономіи или домостроительства дабы елико возможно работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить, а плодородіе въ житахъ скотахъ и прочемъ умножить. *Премудрое правительство Китая даетъ примѣръ что земледѣльцы и пастыри предпочитаны были гражданомъ, а сіе для того чтобъ ко умноженію плодовъ и скотовъ поохотить;* 3) въ недостаткахъ или небреженіяхъ добрыми законами и крѣпкимъ надзраніемъ предупредить и въ употребленіи къ умеренности

принуждать; 4) умноженіе рукодѣлей или гречески (?) ма-
 шиноктуръ а наипаче тѣхъ которые изъ родящихся въ
 въ своемъ государствѣ припасовъ дѣлаются или тѣ припасы
 изъ другихъ государствъ за свои избытки получать и съ
 прибылью передѣлывать можно дабы оными привозъ изъ
 другихъ государствъ и за работы дорогую заплату посто-
 роннимъ пресѣчь или сдѣланные а не сырые въ другія го-
 сударства продавать дабы за работы оныхъ свои подданные
 а не чужіе получали между сими главнѣйшіе и полезнѣйшіе
 металлы и минеральные промыслы; 5) умноженіе и при-
 веденіе въ доброе состояніе внутренняго и внѣшняго торгу
 которое чрезъ доброе учрежденіе прилежное отъ искусныхъ
 наставленіе и надзираніе а наипаче чрезъ вольность купе-
 чества и охраненіе ихъ отъ отягощеній умножается ибо сіе
 есть корень и основаніе всѣхъ богатствъ и доходовъ въ госу-
 дарственныхъ и суще какъ сердце въ человѣкѣ всю кровь
 или тукъ отъ всего тѣла въ себя принявъ пакы вовсе тѣло
 раздѣляетъ и окруженіе оногo продолжаетъ, тако купече-
 ство гдѣ оное свободно торгуеть тамо и богато, а когда
 купечество богато то все государство богато сильно и поч-
 тенно; 6) нужны способы къ тому колико для пользы куп-
 цовъ и всѣхъ подданныхъ толико и для доходовъ казен-
 ныхъ пути почты проходы водные и всюду безопасности въ
 государствѣ пріобрѣсти, устройство училищъ къ пріобрѣте-
 нію разума и способности въ разужденіяхъ и поступкахъ
 яко же имъ знанію законовъ Божія и гражданскаго глав-
 ное; 7) понужденіе къ трудамъ а уменьшеніе тунеядцевъ
 во всѣхъ обстоятельствахъ немалую пользу государству
 приносятъ; 8) содержаніе войскъ во время мирное въ та-
 комъ порядкѣ чтобъ оное работамъ и торгамъ не токмо не
 повреждало но паче тому помогствовало и не праздно или
 туне хлѣбъ ѣли; 9) главнѣйшее есть правосудіе требующее

такихъ достаточныхъ и ясныхъ законовъ чтобъ всё вражды
а наипаче коварство и не правды въ судахъ грабительства
и убійства разоренія немощныхъ отъ сильныхъ елико воз-
можно пресѣчь а спокойство и тишину въ подушныхъ воз-
ставить; 10) къ тому небызужно и о томъ стараться чтобъ
подданные изъ государства не имѣли причины за границы
уходить и мѣста нужные опустошать а паче чтобъ свои
великія пустыни приходящими изъ за границъ населить и
народъ умножить о чемъ выше сказано; 11) для помощи
купечеству и умноженія отъ того доходовъ банкъ долговой
безъ опасности съ умѣреннымъ ростомъ по состоянію госу-
дарства не токмо полезенъ но и нуженъ ибо чрезъ то фаб-
рики могутъ разпространяться купечество можетъ торги а
отъ торговъ умноженіе сбора пошлиннаго доходъ государ-
ственной умножится: сими способы весьма много можно до-
ходъ государственныхъ слѣдственно богатство силы и сла-
вы приумножить, но сіи способы всё можемъ въ уставахъ
законахъ и учрежденіяхъ премудраго и вѣчно отъ Россіи
благодаренія достойнаго Государя Его Императорскаго Ве-
личества вѣчной славы и памяти достойнаго Петра Великаго
обрѣсти, если кто оныя правильно разумѣть и употребить
можетъ а къ тому мудрыхъ философовъ политическіе и эконо-
мическіе книги способствуютъ.

8. Нужда приводитъ премѣнять оклады въ городѣхъ отъ
умноженія или уменьшенія торговъ и промысловъ, и въ п
сельствѣ отъ умноженія и умаленія людей которое отъ
разныхъ нечаянныхъ случаевъ происходитъ яко въ обще
окладѣ чрезъ войны завоеваніемъ или потеряніемъ пред-
ловъ или нѣкоторыхъ владѣній. И для того нужно повре-
намъ разсматривая оклады доходовъ и расходовъ премѣня
но понеже мое намѣреніе единственно представить о по
а-
тяхъ земскихъ того ради все прочее оставя безъ дальня

изъясненія (хотя оныя такъ яко цѣпь съ сими связана и единъ другому видимо и невидимо помогаетъ и вредить и во всѣхъ многого исправленія требуется) оставляю.

9. Окладъ земской не токмо въ разныхъ областяхъ но и въ одномъ порядкѣ разнаго и состоянія и повременамъ прѣмѣняется напр. у насъ иной есть на завоеванныхъ отъ Швеціи иной на бездомныхъ Сарматахъ, яко Лопяхъ, Самоѣдахъ, Остякахъ и паки иной на подданныхъ русскихъ домовныхъ и пр.

10. Второе прѣмѣненіе отъ времени яко у насъ по исторіи видимъ древней окладъ былъ *подымной*, *потому* поголовной числился мужескъ полъ отъ 15 до 60 лѣтъ, царь Іоаннъ I и великій имянованный оставилъ для уравнианія въ прибавокъ къ поголовнымъ платить съ земель то есть съ сохъ и счисляли въ сохѣ три обжи или пахари но сколько на нихъ земли положено было и какой окладъ того мнѣ сыскать не случилось токмо упоминается одна взята съ сохи по долугривнѣ а по нынѣшнимъ денгамъ близъ рубля.

Іоаннъ II и грозный имянованный первое земли велѣлъ измѣрять десятинными счисляя каждую десятиную часть версты, то есть 50 сажень длины и толкожь поперекъ, а полторы десятины дѣлають одну четверть во всѣхъ трехъ поляхъ онъ положилъ 12 дворовъ или 36 пахарей въ соху земли въ сохѣ счислялось доброй 800, средней 1000, худой 1200 четвертей окладъ съ сохи былъ въ годъ 12 руб. а съ пустой сохи рубль но помѣстья въ тотъ окладъ не кладены а положено было со 100 четвертей жилыхъ помѣщику имѣть человекъ въ войскѣ съ конемъ, ружьемъ и запасомъ о чемъ въ его уставахъ ясно.

Царь Алексѣй Михайловичъ видя послѣ разоренія что многіе земли лежали пусты безъ платежа въ 1646 году (7154) учиня перепись дворамъ съ оныхъ подати положилъ

в съ земель оставилъ. Онъ же усмотря, что изъ Польи множество людей вывезено и населено велѣлъ пани перпись учинить которая окончилась при сынѣ его Феодорѣ въ 1678 году и по той платили.

Императоръ Петръ Великій въ 1710 повелѣлъ дворянъ число мужеска пола вновь переписать которое 1714 окончилось но весьма неисправно: 1) какъ холопи и дворовые люди въ платежъ не писались то многіе владѣльцы цѣль деревни огорода заборомъ всѣхъ крестьянъ писали дворянами; 2) нѣкоторые по три и по четыре двора вмѣстѣ свдвали избы посломали и однимъ дворомъ писали; 3) иные и личныхъ крестьянъ писали въ бѣгахъ того ради губернаторы оклады положили каждой въ своей губерніи по еи разсужденію нѣкоторые брали поголовные другіе съ дворовъ по новой а большая часть по старой переписи, что видя Его Величество еже оныя дворовые переписи неосновательны въ 1719 году повелѣлъ учинить поголовную мужеска пола перепись которая въ 1723 году окончана.

Сіе положеніе хотя весьма прежняго порядочнѣе и уряднѣе, еслибы опредѣленные къ переписи болѣе о истоящемъ нежели о побочныхъ того дѣлахъ прилежали особливо при первой переписи какъ они обнаджены бы великимъ награжденіемъ изъ взятыхъ деревень и денегъ а штрафы съ утаившихъ такъ они болѣе о розыскахъ слѣствіяхъ и собираніи штрафовъ нежели о сущемъ числѣ людей прилежали и чрезъ четыре года продолжая собранныя сказки растеряли и перепортили а чрезъ то многіе деревни и люди остались въ прописѣхъ противно же тому многихъ людей вдвое и женскіе имена мужскими написали и сдѣлали въ платежъ многимъ отягощенія и разореніе. Многіе владѣльцы и управители видя тогда что деревни ихъ или въ деревняхъ люди не ими но подъячичи пропущены она

саясь такъ тяжкихъ розысковъ и штрафовъ объявить не смѣли и остались въ пропискѣ.

Сіе дало причину въ 1727 году вновь свидѣтельствовать, которымъ нѣсколько было поправлено но нынѣ по многимъ недоборамъ явилась нужда вновь свидѣтельство учинить которое съ 1743 доднесъ съ великою тягостію народа чрезъ два года продолжалось и еще въ годъ едва можетъ ли окончатся да и то въ правильномъ ея состояніи сумнительно и хотя Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше изволила объявить чрезъ 15 лѣтъ всегда быть свидѣтельству, но если оное симъ порядкомъ будетъ отправляться то опасно чтобъ не болѣе вреда и разоренія народа и въ доходахъ ушерба нежели пользы послѣдовало, а понеже сіе дѣло доходы и оклады свидѣтельствовать не новое и не у насъ токмо но издревле и во всѣхъ государствахъ употребляемое того ради я въ примѣръ представляю.

11. Римская монархія сколько отъ исторіи извѣстно о положеніи порядочныхъ и уравнительныхъ податей наиболѣе другихъ прилежала и первое мнѣ Августъ императоръ и болѣе доказательно Константинъ Великій видится первый которой опредѣлилъ всѣ оклады приходовъ и расходовъ чрезъ 15 лѣтъ свидѣтельствовать которое названо гречески индиктъ или непремѣнный платежъ, и чтобъ то время конечно не премѣнялось и всѣмъ въ памяти было во всѣхъ указахъ и прочихъ опредѣленіяхъ число года индикта ставить повелѣлъ, оное такъ порядочно было учинено что во всемъ превеликомъ его царствѣ съ марта въ пятомъ на десять году индикта начиналось а къ сентябрю тогожъ года окончалось и новые оклады въ началѣ наступившаго индикта были извѣстны.

Въ Швеціи свидѣтельствуютъ оклады чрезъ семь лѣтъ безъ всякой трудности и отягощенія народа не употребляя

къ тому генералитета и офицеровъ но единственно бранными отъ шляхетства духовенства и гражданъ, подъ влєніемъ губернаторовъ и чтобъ откупы смятенія не в силы не дають на откушы и аренды далѣе того года свидѣтельству быть надлежитъ и оное ихъ свидѣтель никогда болѣе шести мѣсяцовъ не продолжается отъ кото народъ отягощенія а казна государственная ни малѣйш раскидовъ не терпятъ слѣдственно же розысковъ и ц евовъ не знаютъ.

12) Что же нашей настоящей ревизіи или переписки сается, то частію учрежденіе, частію поступки опредѣ нныхъ не во всемъ съ надлежащимъ согласуютъ: 1) опр лєніе офицеровъ изъ полковъ сугубой приключаетъ в) ибо въ полкахъ къ службѣ недостатокъ, а въ земли къ зоренію во избытокъ понеже жалованье казенное пол ютъ туне а въ дѣлѣ многіе никакого искусства не имѣт но болѣе обыкли властію повелѣвать и чужимъ а не сво быть довольны въ которомъ никакого страха не имѣют по большей части проискомъ къ своимъ деревнямъ опр лєны что не малою причиною къ продолженію реинаі утѣсненію ихъ сосѣдей *есть* вмѣсто же того въ уѣзд отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ и дворянъ довол которые къ такимъ дѣламъ способнѣе и къ прихотямъ раздо опаснѣе быть могутъ нежели офицеры отъ полков

13) Какъ выше сказано что большею частію офиц опредѣлялись гдѣ ихъ отчины то они не хотѣли опредѣ ными къ нимъ секретарями и подъячими быть довол потребовали тѣхъ на кого имѣли злобу чтобъ отмстить своихъ доброхотовъ чтобъ обогатить изъ чего съ губе) торами и воеводами произошли многіе распри а болѣе о кретаряхъ и подъячихъ чрезъ что въ дѣлахъ и сборѣ ш той великая остановка явилась.

14) Запрещено крестьянству въ работы отпущаться чрезъ что изъ Перми и Астрахани за недостаткомъ работниковъ учинилось въ провозѣ соли остановка и великой вредъ и хотя вскорѣ указани объ отпускѣ крестьянъ объявлено было но время упущено и народъ *въ соли* во многихъ мѣстахъ претерпѣлъ крайній недостатокъ.

15) Сказки велѣно брать не объявля въ образцовыхъ а какъ многіе деревни а паче государственные иновѣрцы не токмо прикащиковъ но ни единого грамотѣ умѣющаго не имѣютъ такіе сказки подавали что офицеры съ трудомъ разобратъ могли или весьма были къ принятію негодны и для того каждой генералъ вымыслилъ свою форму которыя едва сыщутся ль чтобъ двѣ или три согласны были, что во исчисленіи будетъ не безъ смятки.

16) Какъ у насъ весьма нужно для пресѣченія коварныхъ ябедъ въ крестьянѣхъ писать дворовыхъ людей и крестьянъ съ прозваніями но оное не употреблено и къ большому смятенію дѣти отъ отцовъ въ два и три разные мѣста отдѣлены по которому не возможно узнать котораго онъ отца сынъ, напр. въ одномъ селѣ есть три Ивана Васильевы оныхъ дѣти если въ прежней переписи въ окладѣ были писаны тѣхъ объявляютъ подъ отцами другіе кои тогда послѣ сказокъ родились а при свидѣтельствѣ объявлены тѣ писаны ниже всѣхъ окладныхъ въ тѣхъ находится сынъ Ивана Васильева потомъ третіе въ концѣ между новорожденными сынъ Ивана Васильева а котораго дознаться не можно слѣдственно есть великій способъ ябедникамъ причитатъ къ другимъ отцамъ.

17) О умершихъ понуждаютъ точно показывать въ какомъ году умеръ, что хотя для вѣрности весьма нужно но крестьянству гдѣ собственнаго писца нѣтъ такихъ записокъ содержать и правильно по прошествіи 15 или 20 лѣтъ сла-

зять не можно и хотя надлежалобы по прежнимъ указамъ всѣхъ браки умершихъ и рожденныхъ у церкви въ книги записывать но какъ извѣстно что у многихъ церквей церковники писать мало умѣютъ и отъ убожества содержать такихъ книгъ не могутъ слѣдственно оное требованіе напрасное когда о истиннѣ справиться не съ чѣмъ тогмо въ дѣлѣ продолженіе а крестьяномъ разореніе.

18) На рекрутъ отданныхъ требуютъ отписей которое хотя правильно и большая часть объявляютъ но многіе за разными случаи показать не могутъ яко владѣльцы не богатые отписи у себя держать но по смерти его наследники тѣ отписи возмутъ и держать въ другихъ дальнихъ деревняхъ которыхъ за отдаленіемъ его а паче когда въ службѣ сыскать не можно иная деревня отписная пожалована другому, третіе многіе отчинники отдавъ рекрута за другіе деревни а оную деревню продасть то и въ городѣ извѣстія нѣтъ а крестьяне не имѣющіе отписей страдаютъ безвинно.

19) О сбѣжавшихъ крестьянехъ требуютъ доказательствъ гдѣ записано явочное челобіе то хотя бы надлежало но многимъ а паче иновѣрцомъ которые малыи деревнями живутъ и побѣгъ у нихъ нерѣдко. Случается онымъ такая записка въ городѣхъ весьма дорого становится и за отдаленіемъ отъ города *мнотрудно*, то принуждены или ложно задними числы въ городѣхъ записывать или у ошцеровъ милость купить.

20) О вывезенныхъ въ другіе уѣзды не надлежаще требуютъ, чтобъ въ сказкѣ написано было оной уѣздъ куда вывезенъ которой губерніи и провинціи чего крестьянство не знаютъ и принуждены докупаться, другіе посылаютъ ихъ въ тѣ города съ промеморіями чтобъ привезли извѣстіе писанными оные тамо оное не токмо противно инструкціи но и весьма трудно и неудобно ибо много тѣхъ которые взявъ

своихъ бѣглыхъ крестьянъ перевезли не въ тѣ откуда бѣжали но въ другіе уѣзды и въ томъ городѣ необъявили особливо тѣ которые въ бѣгахъ покумають или владѣльцы привезши продали или въ рекруты отдали о чемъ на прежнемъ жилищѣ неизвѣстно и которые отповѣди не привезли или привезли такую что ихъ въ томъ уѣздѣ нѣтъ то не приѣмля градской объ отдачѣ справки ни въ приѣмѣ росписокъ кладутъ невинно противъ Уложенія на тѣхъ же въ платежъ что можетъ вдвое быть, если тѣ вывезенные въ иномъ городѣ написаны, а сіи особливо малые деревни въ конецъ раззоряются какъ видно въ казанской губерніи многіе ясашные села въ конецъ отъ вывозовъ и платежа за нихъ невинно разорены, ибо не они принимали но Александръ Савинъ собирая бѣглыхъ въ государственные ясашные волости селилъ.

21) Въ плакатѣ поголовномъ повелѣно чтобъ крестьянъ безъ указа Камеръ-коллегіи изъ одного уѣзда въ другой не переводить что тогда при сочиненіи плаката хотя довольно разсуждая оное внесли для того что переведши деревню безызвѣстно подати ташъ и въ доимку запустить могутъ, но сіе должно разумѣть о тѣхъ которые цѣлыя деревни или болѣе половины и о тѣхъ которые имѣютъ возможность въ Камеръ-Коллегіи просить а обще о всѣхъ какъ то нынѣ и о дворовыхъ людехъ спрашиваютъ и штрафами грозятъ видится болѣе вредно нежели полезно ибо дворовые люди приващия конюхи псари и пр. часто перемѣняются и гдѣ жоторыхъ перепись застанеть тамо пишутъ и подать за нихъ въ тѣхъ мѣстахъ платится безъ доимки крестьянъ же переводить многіе бываютъ наглые и нетерпящіе времени или для пользы собственной и государственной причины, яко великой голодъ, моръ, нападеніе непріятели, отнятіе насильное земель а паче гдѣ владѣтеля нѣтъ или есть не-

мощной отъ насильныхъ чинится и для того принужден оныхъ въ другіе удобные мѣста перевести и сохранить и жели допустить помереть или бѣжать за границы и въ н вѣдомые мѣста еще же переводятся крестьяне раздѣлаи наслѣдниковъ когда деревнями уровнять не можно, то и колико дворовъ нужно вывести, третіе если кто имѣет деревню въ безхлѣбномъ мѣстѣ или землями скудну за и торымъ крестьяне ни податей государству не токмо вл дѣльцу оброковъ платитъ не въ состояніи, а оной ни имѣетъ привольные земли то ихъ перевести нужно изъ ч го какъ владѣльцу такъ государству польза ибо не ток подати они будутъ платитъ исправнѣе но паче въ такіе м ста переведутся гдѣ и войска чаще бывають и отъ довол ного населенія квартирами и фуражемъ свободнѣе довол ствоваться могутъ, напр. всѣ поморскіе уѣзды едва ког войска видали, противно же тому Московская, Воронежская и Бѣлогородская тѣмъ почитай непрерывно посѣш ются и подати платятъ исправнѣе нежели оныя большая польза что въ сихъ теплыхъ мѣстахъ людей болѣе роди ся и возрастаетъ нежели въ севѣрныхъ студеныхъ и : всемъ бѣдныхъ предѣлахъ слѣдственно переводъ запреща не полезно и въ Камеръ-Каллегіи всякому просить неудо но но вмѣсто того потребно такой уставъ сдѣлать что от того подати не пропадали и въ доимку незапущались с же справки и переписки съ другими наибольшую причинс продолженію переписи и тягости народу.

22) По четвертому пункту инструкціи повелѣно за пр прописныхъ въ прежнюю перепись править за всѣ 20 лѣт поголовныя за рекрутъ и коней по складкамъ деньги кол раго приходитъ за челоуѣка болѣе 20 руб. и сіе о тѣхъ и торые коварствомъ утаены есть не безправильно но мно невинно прописаны яко бывшіе со владѣльцами въ Финля

ди и другихъ дальнихъ мѣстахъ безызвѣстны и почитались за умершихъ, которыхъ и указомъ 1724 г. декабря 21 въ прописку причитать не велѣно; многіе выгнаны изъ Польши съѣзжавшіе до переписи а не мало и тѣхъ которые отъ не-порядковъ прежней переписи какъ выше показано прописаны и тако винныхъ съ невинными сровнять неправо, а разобрать и истинну найти трудно да въ томъ есть и не польза ибо гдѣ (душу) 50 р. или болѣе за одного хотя съ трудомъ заплатить могутъ и въ малолюдныхъ разорительно и неспосно а паче одиноко явившимся каковыхъ въ Астраханн и на заводахъ изъ отдаленныхъ и пустыхъ мѣсть къ переписи явилось не мало, между которыми можетъ бѣглые солдаты и крестьяне за которыхъ подати платятся и они охотно желали впредь подати платить въ ихъ прежнихъ жилищахъ да они опасаясь наказанія подлинно не показывать и какъ имъ оной неспосной платежъ объявился то большая часть пакн разбѣжались нынѣ же при свидѣтельствѣ нѣкоторые опасаясь такъ тяжкаго платежа многихъ танхъ не объявили и писали въ бѣгахъ другіе мужиковъ лѣтъ по 40 и старѣ писали новорожденными и чтобъ къ свидѣтельству не ставить показали въ дальнихъ отлучкахъ дѣтей ихъ приписавъ къ другимъ тогожъ имени отцамъ на смотрѣ ставили или умоливши офицера на смотрѣ стариковъ новорожденными 21 и 22 лѣтъ объявили что токмо имъ убытокъ а государю пользы нѣтъ да хотя и править то уже извѣстно что съ немощныхъ взыщутъ а сильные какъ и отъ прежнихъ штрафовъ продолжа время избавятся.

23) Бѣглыхъ кои до начатія свидѣтельства не вывезены выслать на прежнія жилища а подати за нихъ положить на тѣхъ которые не вывезли и сверхъ того штрафъ по указу доправить опредѣлено, *первое противно Уложенію и подтвердительнымъ указамъ ибо точно положено подати*

по отдачу платить принявшему, а штраф за преступление указа, хотя тяжчае положить если только правильно за бѣгло почитать надлежитъ. Но понеже въ томъ многосумнительство и законы по которымъ бы суди правильно разсудить могли недостаточны въ нѣкоторыхъ же обстоятельствахъ стропотны и неуравнительны а офицеры не ожидая суда оправдаютъ сильныхъ и крестьянъ съ разоренемъ убогихъ отдають. Обстоятельства же наносящiе о бѣглыхъ сумнительства суть слѣдующiя.

24) Хотя по Уложению положено о крестьянехъ судитъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ но Уложение сочинялось послѣ писцовъ 20, а послѣ переписныхъ 3 года въ которое время всякому о крѣпостяхъ правильно знати было можно особливо тогда отчины не такъ часто изъ рукъ въ руки переходили да и въ Уложеньи о урочныхъ годахъ объявлено, *по указу царя Василія Ивановича положено было 15 лѣтъ, по уложенію же хотя въ писцовыхъ бумагахъ написаны* отдавать вѣчно но пожилыхъ лѣтъ править не вѣчно нынѣ же отъ писцовъ 120 а отъ переписныхъ 186-го или 1672 года 70 лѣтъ въ которое время отчины перешли во многіе руки многіе крестьяне изъ приказовъ за убійства, безвѣстные головы, по двѣкамъ бѣглицъ или сдѣлками прежнихъ владѣльцевъ и въ приданные по своеручнымъ даннымъ отдаваны которые крѣпости утратились и градская отдача откуда была не помнятъ или въ городѣхъ архивы такъ старые погорѣли погнили и распропали что сыскать невозможно по Уложенью же отчинѣ которое болѣе доказательства имѣть можетъ за 40 лѣтъ судить и возвращать не вѣлено а о сихъ урочныхъ лѣтъ не положено и бѣдному времени для сыску крѣпостей не дають но винятъ не мощного и отдають безъ справокъ противо Уложенья и *Сыщикова наказа.*

25) Если отчинникъ заложилъ или продалъ двѣ отчины своимъ людямъ и прежде продажи перевезъ своихъ крестьянъ изъ одной въ другую и тамо въ платежъ объявилъ въ младныхъ или купчихъ о крестьянахъ написалъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и что сверхъ того на лицо есть о семъ споръ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ оного возвратитъ и почитать за бѣглаго какъ то негдѣ и учинили или по крѣпости быть за тѣмъ у кого въ окладѣ явленъ и на лицо отказанъ, какъ въ уложенѣ въ 11 главѣ 5 пунктъ гласитъ.

26) Въ уложенѣ напечатано въ 20 главѣ о кабалныхъ людехъ: если кто женитъ своего холопа на приданой жены своей дѣвки и по смерти того холопа по рабѣ отдать женѣ умершаго, о крестьянехъ же того нѣтъ но нынѣ не томо холопей и крестьянъ отдаютъ и еще за бѣглыхъ почитаютъ въ Уложеніи же тогда положено для того что мужья сами въ домохъ всегда и жены подъ совершенною властію мужей были но нынѣ мужья большая часть отъ домовъ отлучены а безъ нихъ жены крѣпя себѣ дворовыхъ людей и крестьянъ мужнихъ женятъ на своихъ дѣвкахъ и по смерти мужа наследниковъ нагло тѣмъ обидятъ, и если скоро не отдадутъ за оныхъ яко за бѣглыхъ штрафы и пожилые правятъ сіе смятеніе въ судѣхъ и неправосудіе во многихъ другихъ обстоятельствахъ усматриваемъ иногда о помѣстьяхъ положенное на отчины натягаютъ иногда въ равныхъ обстоятельствахъ не право различаютъ.

27) Вдовами въ замужство отпущенными снесенные малые дѣти и воспитанные или во время голодное шатающіеся малые ребята, которыхъ изъ милосердія кто взявъ прокормитъ такожъ прохожіе когда заболитъ и милосердіемъ кто взявъ пропитаетъ излѣчитъ и время въ работѣ за то удержитъ, въ ближнихъ мѣстахъ отъ своихъ жилищъ на-

нимающіеся въ пастухи и другія работы на время и прочіе и обстоятельства за бѣглыхъ почитать и за держаніе штрафовъ считать сумнительно.

28) Пожилые деньги и штрафы за приѣмъ великіе нужи рассмотреть и узаконить такъ чтобъ съ закономъ Божиимъ письменнымъ и врожденнымъ или естественнымъ и съ прочими подобными законы гражданска согласовали яко по закону Божиему письменному долженъ обидитель то самое наградить чимъ обидѣлъ и за преступленіе закона понести на казаніе по закону естественному долженъ то возратить чѣмъ обидѣлъ и весь доходъ отъ онаго что по справедливости имѣть могъ по законамъ русскимъ древнѣйшимъ каковы мѣздорно задолго до Владимера и дѣда его имѣли положено кто у кого что отнимаетъ и насильно завладѣетъ возратить и цѣну его дважды то есть втрое въ законѣ Ярославля 1025 году заплатитъ обиду вдвое потомъ положено точно возвращать кто чѣмъ обидѣлъ и лихвы или прибытка по 10 на 100 въ годъ. Царь Іоаннъ II о ростѣ яснее положилъ если кому чѣмъ долженъ а въ пять лѣтъ истинныхъ и роста не платилъ то приложить пятилѣтній ростъ именно 50 на 100 въ истиннымъ и доправить въ Уложеніи печатномъ ссылаясь на правила апостольскіе (о которомъ никто не знаетъ) ростъ отставили и положили править истинну и съ убыткми что великимъ коварствомъ ябедамъ и явнымъ обидамъ лживыми искми великую причину подало; одоходахъ же или прибыткахъ въ уложеніи одно обстоятельство ясно и правильно въ главѣ 16 статья 37 положено если кто пошѣстье выжеть оное возратить и доходъ той деревни доправить вдвое токмо о отчинахъ не имѣя иного закона, *кромя боярскаго неразсуднаго приговора*, о завладѣніи иначе судить не различая *неправильной дачи отъ насилія въ чемъ суди виновны*; о бѣглыхъ же въ древнихъ законахъ не нахо-

дится поже до царя Феодора крестьяне были вольны и жили за кѣмъ хотѣли, а при царьствѣ Феодоръ и Василии довольно умпренно которому и въ уложеніи послѣдовано: за дворъ 10 руб. на годъ потомъ указомъ и по наказу Сысчикову прибавлено по 20 рублевъ за дворъ въ указѣхъ Петра Великаго 1724 года положено пожилыхъ за мужескъ по 100 руб., за женскъ по 50 руб. за челоуѣка которое весма правильно бы было для пресѣченія приемовъ бѣглыхъ но по искусству явилось что сіе токмо не мощнымъ и безгласнымъ разореніе, а ябедникомъ и сильнымъ ничего не приноситъ штраѣ же въ казну есть большій страхъ но упущенъ и остался токмо на бумагѣ.

29) Весьма странное есть дѣло когда кто бѣлаго купить за 100 рублевъ а ищетъ за жилыхъ 1000 или болѣе что всякую справедливость превосходить и явно лишнего и чужаго ищутъ а по Уложенью написано кто лишней искъ припишетъ тѣхъ велѣно винить и съ лишняго пошланы съ челобитчика брать указомъ Петра Великаго, *послѣдуя прѣжислему отца его опредѣленію*, справедливо положено если кто на комъ будетъ искать чего неправо то долженъ изъ своего отвѣтчику сколько же отдать но сей указъ не знаю для чего скрытъ и въ книгу не внесенъ.

30) По дѣвкамъ отдавать о рабахъ или плѣнныхъ и купленныхъ въ древнихъ законахъ и Уложеньѣ положено; но, какъ выше показано что оное чинить много сумнительства, и коварствомъ подаетъ причину то оное болѣе стропотно нежели справедливо.

31) Многіе увѣдавъ за кѣмъ иноземца берутъ купчіе отъ тѣхъ которые на нихъ ни какихъ крѣпостей не имѣютъ а офицеры ревизіи единственно по тѣмъ купчимъ и по личнымъ допросамъ тѣхъ купленныхъ отдають мнѣ случилось таюедѣло что единъ Казанской дворянинъ увѣдавъ бѣглыхъ

при Сибирскихъ заводахъ взять купчую отъ другаго и бивъ
челомъ по оной крестьянъ взять а послѣ оныя явились
дворцовые крестьяне и потому купчіе и допросы безъ вы
писей ко отдачѣ недостаточны, *особливо когда крестьянинъ*
допрашивается подъячей не предъ судьями и напишетъ
то, чего крестьянинъ не юваривалъ и когда лбедники д
просъ сочиня дома подъячему велѣтъ переписать, что
указомъ точно опредѣлено дабы допрашивать предъ суд
ями и при свидѣтеляхъ.

32) По четвертому же пункту о вольныхъ людехъ, а п
шестнадцатому о разночинцахъ и дворовыхъ людехъ съ от
пускными повелѣно годныхъ брать въ службу негодныхъ не
сать кто куда пожелаетъ а увѣчныхъ дряхлыхъ и такихъ
которыхъ никто взять не похочетъ опредѣлять въ бога
дѣльну сіе по разсужденію внѣшнему справедливо но по
внутреннему и поступкамъ переписчиковъ съ пользою не
согласуетъ: 1) что такіе изъ домовъ уволенные и разно
чинцы болѣе люди малогодные и принимаютъ ихъ токмо для
дѣтей и оныхъ малолѣтнихъ воспитываютъ обучаютъ и за
нихъ до возраста безъ приобритенія пользы надѣяся впередъ
оную получить подати всякіе платятъ; если же годныхъ
взять въ службу то не годныхъ никто не возметъ слѣд
ственно *тотъ окладъ* пропадетъ; 2) престарѣлыхъ и увѣч
ныхъ въ богадѣльни отдавать, надлежитъ прежде разсудитъ
гдѣ такіе богадѣльни построить откуда на содержаніе ит
деньги опредѣлить ибо хотя въ городѣхъ богадѣльни пост
роены но все градскими обыватели преисполнены и едва отъ
подааній пропитаться могутъ, а по міру ходить запрещено:
Въ Императорское Величество для сего особливо указомъ
1724 монастыри опредѣлялъ, но указъ оный уничто
женъ; 3) опредѣленные къ переписи офицеры всѣхъ такихъ
вольныхъ принуждаютъ противно ихъ воли къ своимъ или

пріятелей своихъ деревнямъ просить и многіе съ великою обидою владѣльцевъ изъ написанныхъ въ прежней переписи отдають, каковыхъ нѣкоторые не малые деревни населили а желающіе не получили.

33) Во двѣнадцатомъ пунктѣ инструкціи написано излишнихъ церковниковъ такожъ годныхъ велѣно взять въ службу а негодныхъ роздать кто куда пожелаетъ при чемъ и число коликкихъ при церкви быть надлежитъ показано; но требуется разсмотрѣнія: 1) которые церковничьи дѣти были или нынѣ находятся въ училищахъ епархіальныхъ и другихъ о тѣхъ не упомянуто и офицеры роздаютъ ихъ въ оладь; 2) весьма бы нужно при церквахъ приходскихъ для обученія въ городѣхъ гражданскихъ а въ селѣхъ дворовыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей хотя писать и читать училища *учредить* и учителей имѣть дабы чрезъ то какъ въ домоправленіи такъ и въ войскѣ грамотныхъ не оскудѣвало о чемъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ прилежно стараются; 3) ученыхъ церковнослужителей полезнѣе отъ службы оставить въ тѣхъ же селехъ или приходехъ въ платежъ написать а которые за лѣностію читать и писать не научены о такихъ чтобъ другіе прилежали тягчайшее опредѣленіе положить; 4) довольно извѣстно что такіе излишніе хотя просили кто куда хотѣлъ но того не учинено и отдаваны противъ воли какъ то слышно что нѣкоторые воеводы и секретаріи противно указу 1740 году нѣсколько сотъ себѣ собравъ оброкомъ обложили и въ солдаты продають а негодныхъ другимъ брать позволили; 5) многіе церковники записавъ своихъ дѣтей въ школы чтобъ въ податъ не власть, но отступая въ семинаріяхъ, держатъ въ домѣхъ и не обучаютъ.

34) Въ шестнадцатомъ пунктѣ о незаконно рожденныхъ дабы и оныхъ годныхъ брать въ службу а негодныхъ

увольнять; о семъ потребно бы внятнѣе разсмотрѣть и оныя суть двоякіе: одни по богоугодному уставу Петра Великаго были собраны воспитываны и обучаемы въ сиротскихъ домѣхъ а по кончинѣ онаго монарха отъ невѣждъ сучивренныхъ или злостныхъ оной его законъ неразумя что и немъ — всѣ добродѣтели или блаженства отъ Христа Спасителя сказанные заключались и немалая изъ того государстипольза была оставили собранныхъ младенцевъ роздали что во истинну можно притчѣ Христовой уподобить человекъ и сѣялъ пшеницу, а диаволь ношію пришедъ въ насѣнную пшеницу всѣялъ плевелы, которые возрасли и пшеницу подавили то есть блаженные уставы онаго монарха для своей прихотии разорили и сіи *изъ сиротскихъ домовъ отданные* по обязательствамъ взявшихъ должны быть свободны другіе находясь по улицамъ или приносятся тайно въ дома которыхъ боглюбивые взявъ воспитываютъ и обучаютъ оныя по закону: воспитаніе принадлежать воспитателямъ яко дѣтиродителямъ третіи которые въ деревняхъ находятся тѣ какъ извѣстн болѣе тѣхъ деревень дѣти собственно принадлежать и тѣмъ деревнямъ да хотя бы были изъ другихъ деревень подвинуты то по правости закона естественнаго кто сво собственную вещь оставя отречется или кому отдасть болѣе того требовать *не можетъ* но взявшій поверженно оставленное есть того сущій господинъ и указъ Петра Великаго о младенцахъ согласуетъ которые вдовами малы дѣти въ другую отчину снесены и отчимномъ или шатащіеся по міру младенцы взяты и воспитаны будутъ почтять за половину собственныхъ воспитателю а полови настоящему его господину елиже оныхъ въ службу отбратъ или увольнять то никто для воспитанія поверженно взять не похочетъ и будутъ туне помирать что есть явн вредъ государственной и нарушеніе закона христіанско о любви къ ближнему и милосердія.

35) О иноземцахъ разныхъ народахъ особливо о Татарыхъ, **Калмыкахъ** и пр. въ осмнадцатомъ пунктѣ о крещеныхъ въ **девятнадцатомъ** о не крещеныхъ частію не всё обстоятельство изъяснены частію офицеровъ неправильные поступки являются разность же Татаръ и прочихъ въ томъ есть: 1) Татаръ **заграничные плѣнные** яко Турки, Персіане, Черкесы, Трухменцы и Кайсаки, или Киргизы, такожъ и Башкиры во время ихъ бунта взятые по плѣненію или покушкѣ и крещенію крѣпки; 2) **бездомные** платящіе ясагъ изъ Татаръ Башкиры когда въ спокойности находятся и всё **Сарматы: Вогуличи, Остяки, Тунгусы, Буряты, Якуты, Са-шоды, Давланцы** и пр. которые не въ поголовномъ окладѣ **они** немного разнятся отъ заграничныхъ и полезнѣ ихъ **убавливать** и въ крещеніе приводить такимъ же способомъ **кто** взявъ воспитаетъ и крестить, тому имѣетъ быть крѣпко; 3) **служивые** и положенные въ поголовной окладѣ **должны** почитаться какъ бѣломѣстные и государственные **волости**, которыхъ если по крещеніи владѣльцамъ русскимъ **отдавать** то явной будетъ государственной убытокъ да и **указомъ** по представленію Святѣйшаго Синода такихъ **ирѣпостными** писать не повелѣно; 4) офицеры весьма **не-правильно** плѣнныхъ и купленныхъ **Калмыкъ, Башкиръ** и **другихъ** заграничныхъ иноземцевъ допрашиваютъ желаетъ ли онъ у того господина жить и не хотящихъ увольняютъ и **нѣкоторыхъ** себѣ берутъ индѣ и во многихъ мѣстѣхъ оныхъ **противно** инструкціи въ окладѣ положили.

36) Въ двадцатомъ пунктѣ о отставныхъ изъ службы **офицерахъ** и **рядовыхъ**, во 2-мъ которые въ городѣхъ въ **посады** и **цѣхи** приняты не будутъ а пойдутъ въ другіе **работы** или во услуженіе изъ оныхъ дѣтей ихъ годныхъ **писать** въ службу а негоднымъ **давать** волю кто куда пожелаетъ, **ниже** въ 3-мъ — которые въ деревняхъ, изъ кото-

рыхъ отданы, живутъ тѣхъ всѣхъ дѣтей писать въ тѣ деревняхъ наряду. Сіе дѣлаеть разность: 1) что бы дѣтей какъ выше показано брать никто не будетъ и буду многіе скитаться напрасно, или 2) дастъ причину ко всту писать въ деревняхъ или дѣтей солдатскихъ причити къ другимъ отцамъ что чаю нынѣ довольно сыщется, 3) ли сіе положено для того чтобъ конечно шли на преж свои жилища но онаго учинить обще о всѣхъ не можно и одни служа добропорядочно могутъ по отставкѣ найти се умнаго господина достаточное содержаніе какъ то мно находятся по записямъ въ прикащикахъ и другихъ упр леніяхъ понеже въ домѣхъ способныхъ служителей веси оскудѣло и оныхъ *а паче дослуживши офицерства* на п жніе жилища принуждать нѣтъ пользы и имъ будетъ не бы обиды а иныхъ и не можно многихъ деревни послѣ отда запусѣли или родителей ихъ владѣльцами инымъ прода особливо нѣкоторые въ рекруты куплены и отданы за та деревни которыхъ они не знаютъ то такіе не знаютъ кѣ итти продавшіи не смѣетъ его принять а купившаго отс вной не знаетъ гдѣ сыскать слѣдственно если не дать во такимъ отставнымъ жить гдѣ кто похочетъ то будутъ мгіе шататься праздно и дѣтей ихъ въ ревизіяхъ сыска будетъ невозможно офицеры же не имѣя о томъ точнаго ука которыхъ отставныхъ нашли живутъ не въ тѣхъ вотчина откуда отданы почитая за бѣглыхъ высылаютъ и куда многихъ сами опредѣлить незнаютъ но штрафы правятъ и повинно.

И сіе что я за нужнѣйшее по инструкціи и поступкамъ офицеровъ мно представить сверхъ же того не написанъ нужныхъ обстоятельствахъ:

37) Которые русскіе давно сбѣжавъ въ Польшу жи или подлинныя Поляки чьимъ стараніемъ вызваны и пос

лены будутъ оныхъ въ какой окладъ класть и отдавать ли тукихъ вызвавшихъ или на прежніе жилища а по мнѣнію если ихъ сначала отяготить или противъ ихъ воли хотя бы и съ награжденіемъ вывезшаго на прежніе жилища возвращать то опасно и мнится болѣе вредно дабы тѣмъ вывозъ изъ за границъ не пресѣчь а по правиламъ политики весьма нужно людей въ государство умножить, зри § 8.

38) Цыганы во многихъ государствахъ въ окладъ положены и о ихъ промыслѣ добрые уставы сдѣланы но у насъ ихъ хотя со излишкомъ а ничего не упомянуто и оной коварной сбродѣ не имѣя никакихъ законовъ никоея пользы а многой вредъ приносятъ.

39) О слѣпыхъ, дряхлыхъ и немогущихъ работать или свое пропитаніе имѣть хотя въ указѣ Его Императорскаго Величества 1722 г. іюліа 31 опредѣлено что изъ поголовнаго оклада не выключать но какъ въ городѣхъ таковыхъ опредѣлять въ богадѣльни и оныхъ въ окладъ класть не велѣно; потому мнится въ уѣздѣхъ выключить надлежитъ которые отчинники изъ милосердія равномерно для неимущихъ пропитанія богадѣльни имѣютъ и не токмо своихъ но и постороннихъ пріемля довольствуютъ есть дѣло богоугодное и особливо при монастырехъ таковыхъ не мало находится и нѣкоторые не имѣя особыхъ покоевъ при церквахъ содержать въ домѣхъ и ежели такихъ приписать въ окладъ то никто не похочетъ оныхъ содержать а въ городѣхъ и монастырехъ умѣстить не можно противно же тому ежели велѣтъ всѣхъ немощныхъ выключить то опасно, чтобъ не было великаго коварства, дабы притворно дряхлыхъ и слѣпыхъ не выключали.

40) Подъячіе и подъяческіе дѣти кои сверхъ опредѣленнаго числа, въ городѣхъ или за пѣанство и негодность выключены и остаются праздно хотя принадлежать къ разночин-

цамъ но какъ о нихъ въ инструкціи не упомянуто то они отъ овлада увольняются и стага великимъ подъячимъ въ коемъ городѣ быть не положено для того не мало изъбываніи платежа и салдатства подъячими имяются какъ мнѣ случилось слышать что посадскіе и церковники многихъ дѣлъ подъячими написаны.

41) По указу 1743 году изъ Астрахани съ заводовъ Сибирскихъ явившихся выслано было число не малое оныя пришедъ на прежнія жилища въ сказкахъ объявлены и при свидѣльствѣ были; но увѣдавъ что въ Астрахани оныхъ велѣно писать въ окладъ и никого не высылать такоужъ что Демидовъ отъ суда гражданскаго уволенъ таки всякихъ людей сталъ примать многіе по подачѣ сказокъ паки туда бѣжали которыхъ о выключѣ указа переписчики не имѣють и пишутъ въ окладъ чрезъ что многіе понесутъ невиннои тягость и разореніе притомъ же и то не безсумнительно чтобъ Демидовъ и другіе имѣющіе такіе указы отъ безстрашія не дерзнули большую часть таковыхъ пришлыхъ утаить и написанныхъ индѣ въ платежъ или бѣглыхъ солдатъ подъ именемъ невѣдущихъ родства примать, изъ чего немалой вредъ государственной произойдетъ.

На представленное о недостаткахъ и трудностяхъ ревизіи поголовной; ежели не противно принято будетъ, всепокорно мое мнѣніе представляю:

На 1 пунктъ.

42) Не лучше ли сію ревизію, вмѣсто офицеровъ, для многихъ показанныхъ неисправностей, исправить вновь взятыми сказками и разсмотрѣніемъ ихъ погрѣшности *по предписанному ниже порядку* что можно скорѣе и правильнѣе до окончанію привести.

43) Оное для избѣженія великихъ казенныхъ на то расходовъ и ущерба при армии офицеровъ оныхъ возвратитъ ихъ командамъ а вмѣсто того нынѣ и впредь отправлять отставными штабъ, оберъ и ундеръ офицеры и шляхетствомъ тѣхъ провинцій.

44) Выбирать оныхъ самимъ шляхетству въ каждой провинціи *какъ при царь Теодоръ Алексѣевичъ о судіяхъ въ городьхъ, а въ плакатъ пооловномъ* о выборѣ земскихъ комиссаровъ изображено токмо о порядкѣ какъ съѣзжаться въ которое время и какъ избирать предписать и напечатать уставъ по которому имъ поступать ибо за недостаткомъ онаго въ выборѣ комиссаровъ губернаторы, воеводы и секретари вмѣшався и вида ущербъ въ своихъ неправыхъ доходахъ и помѣшательство къ грабленію такъ оное испортитъ что за лучшее разсуждено вмѣсто того, чтобъ оное яко весьма государству полезное исправить и добрыми наставленіи и уставы въ лучшее состояніе привѣсти со всѣмъ отставили.

45) Сколько въ которой провинціи къ такой ревизіи дворянъ потребно и какое награжденіе учинитъ оное и кому которую часть ревизовать оставить на разсужденіе шляхетства однакожъ мнитъ довольно на каждой полкъ одинъ и притомъ опредѣленной того полку офицеръ долженъ справедливости и прилѣжности надзирать чтобъ всякой свою часть въ 4 и 5 мѣсяцовъ окончалъ.

46) Въ которыхъ провинціяхъ шляхетства нѣтъ въ тѣхъ отъ всѣхъ провинцій той губерніи выбрать потребное число имъ же, которое губернаторъ повиненъ объявить и къ каждому изъ волостныхъ той провинціи по два мужика лучшихъ опредѣлить выбравъ отъ волостей самимъ волостнымъ какъ въ Судебникѣ Іоанна II о судьяхъ волостныхъ написано и онымъ на содержаніе опредѣлить противъ того какъ въ другихъ провинціяхъ шляхетство опредѣлять.

На 2 н.:

47) Подъячихъ въ каждой провинціи одному тогко главному ревизору дать одного канцеляриста и дву копистовъ для разсмотрѣнія присланныхъ отъ уѣздныхъ ревизоровъ сказокъ, свидѣтельствъ, разобранія распръ и жалобъ, а прочихъ удовольствовать находящимися во оной изъ шляхетства такожъ церковными и земскими дьячками и служителями дворянскихъ гдѣ самихъ отчинниковъ нѣтъ ибо сію шляхетству молодому и праздно въ домѣхъ живущимъ какъ не зазорно такъ не трудно но паче полезно, что писму въ порядку обучатся.

48) Ежели заблагоразсуждено будетъ въ тѣже времена въ прочіе оклады, доходы и расходы Камеръ-Коллегіи (что весьма нужно) свидѣтельствовать яко по канцеляріи пошлинъ и штрафы по дѣламъ нѣтъ ли гдѣ упущенія по крѣпостной и въ сборѣ вѣчныхъ правильно ли и безобидно во ономъ поступаютъ по таможенъ вѣрныя и откупныя сборы всѣ ли правильно идутъ не можно ли гдѣ оныхъ умножить или сложить и всѣ прочіе казенные доходы и расходы какогобъ званія ни были разсмотрѣть къ сему въ каждой городъ особно одного изъ шляхетства и дву или трехъ способныхъ купцовъ выбравъ опредѣлить.

На 3:

49) Крестьянству во время переписи или свидѣтельства въ работы дальніе съ паспортами отлучаться не воспрещать дабы изъ того имъ къ платежу податей и во отправленіи необходимо нужныхъ работъ препятствія не было и государству вреда не учинилось.

На 4:

50) Сказки надлежитъ образцовыя напечатать разослать и по онымъ нынѣ вновь во всемъ государствѣ взять а для

лучшаго усмотрѣнія я образцовую № 1 приложилъ если угодно явится. *Съ боку тою же рукою приписано:* Сія образцовая уже принята и по ней сказки передѣланы.

На 5:

51) Въ оныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ писать съ прозваніями и чтобъ всѣ родственники не токмо родные но и правнучные братья и племянники одно прозваніе имѣли и оны не токмо въ сказкахъ но во всякихъ приказныхъ и домовыхъ дѣлахъ употреблять чтобъ лучше памятовали и никогда оныхъ подъ жестокимъ наказаніемъ не переимѣнять и въ приказѣхъ безъ прозваній челобитенъ сказокъ. допросовъ и пр. не принимать.

52) Дѣтей, отъ отцовъ живущихъ въ одномъ домѣ не отдѣлять но писать при отцахъ а пасынковъ при отчимахъ найденышевъ при воспитателяхъ различая токмо ихъ прозванія ежели особые имѣютъ; обстоятельства же для которыхъ они въ прежнихъ отдѣлены были прописывать при именахъ какъ въ образцѣ показано въ порядкѣ же перво настоящихъ потомъ привезенныхъ изъ оныхъ уѣздовъ послѣ оныхъ иноземцевъ не подлежащихъ въ окладъ и оную заключить перечнемъ.

На 6:

53) О умершихъ когда кто умеръ какъ подлинно сказать крестьяне не могутъ ибо у церквей по прежнимъ указомъ книгъ записныхъ родящимся и умершимъ и бракамъ нѣтъ и справится не по чемъ того ради нынѣ по всемъ приходамъ повелѣть такіе книги содержать порядочно всякого села и деревни особливую тетрадь такъ велику чтобъ наличные нынѣ при ревизіи мужескъ и женскъ подъ написаны были на одной страницѣ а другая порожая для приписыванія новорожденныхъ и отмѣтки умершихъ и убывшихъ

всякими случаями на концѣ бумаги простой нѣсколько листовъ для приписки ежегодной прибылихъ чтобъ отъ ревизіи до ревизіи стать могло и по онымъ должи церковники по всегодно въ генварѣ подавать репорты і градскіе канцеляріи или комиссарамъ земскимъ необъявляишия но токмо число людей сколько въ его приходѣ і которомъ селѣ или деревнѣ прибыло или невозвратно убило, какъ образецъ № 2 приложенъ. Но какъ извѣстно чмнogie церковники отъ убожества доходовъ возможности исполнить не имѣють того ради весьма нужно вмѣсто и ревле уставленной десятины которая до нашествія Татари исправно на церкви платилась и народу въ томъ тягости было что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ свято хранится нынѣ опредѣлить по 3 коп. съ души мужеска и же ска пола что въ генварѣ первомъ числѣ на лицо въ коеи приходѣ будетъ и отъ того они должны архіереемъ да десятиую часть а болѣе отъ нихъ архіереемъ ни подѣ и нимъ видомъ на семинаріи и пр. не требовать но чтобъ прходы построениемъ отъ помѣщиковъ новыхъ церквей оскудѣвали того ради оныя въ платежъ десятины къ блиннмъ приходамъ гдѣ число людей меньше 1000 причисли ибо построившіе въ своихъ отчинахъ церкви должны свихъ церковниковъ землею или ругою удовольствовать и оттого десятое архіереемъ особно платить чрезъ что можетъ вскорѣ лучшихъ священниковъ получить ибо отъ доволного дохода свободно имъ дѣтей въ наученіе отдавать и сими не столько о работахъ сколько о чтаніи книгъ и вученіи народа Закону Божию и благонравію прилѣжать.

На 7:

54) Рекрутъ гдѣ бы кто ни отданъ или въ рекруты приданъ долженъ въ томъ городѣ откуда отданъ. для отиѣт

когда именемъ въ книгахъ отписъ подлинную или копию за рукою пріемщика явить а нынѣ какъ того учрежденія не было вѣрить по сказкамъ какъ о бѣглыхъ.

На 8:

55) О бѣглыхъ хотя явочнаго челобитья не записано въ вину не ставить и утвердиться о томъ нынѣ свидѣтельствомъ сотскаго или дву и трехъ старость, ближнихъ сосѣдей но впредь какъ о такой безсумнительной записки такъ для пресѣченія побѣговъ и въ судахъ вредныхъ ябедъ и неправостей ниже мѣнѣе приложено а нынѣ сотскихъ учредить такъ чтобъ у каждаго отъ 300 до 600 мужскихъ головъ былъ сотской и въ каждой деревнѣ если не меньше шести дворовъ десятской а въ большихъ смотря по людству до 20 дворовъ одинъ, въ малыхъ въ дву и трехъ хотя и разныхъ помѣщиковъ одинъ которые должны сотскому ежели прибыль гдѣ и убыль явится кромѣ умершихъ и родившихся объявлять тоя же седмицы а сотской долженъ обстоятельно земскому его комиссару объявить не упущая времени не смотря на то хотя бы между его и другимъ владѣльцомъ какая вражда была должны сотской и десятской правильно свою должность исполнять.

На 9:

56) Когда кто куда посторонними вывезенъ должно въ городѣ быть записанъ а когда и того нынѣ нѣтъ то довольно сказками по выше объявленному утвердить и хотя не известно куда вывезенъ изъ платежа выключить *нельзя*; впредь же какъ о томъ опредѣлить объявлено въ слѣдующемъ пунктѣ о перевозныхъ.

На 10:

57) О переводѣ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ въ Камеръ-Коллегіи просить и отъ оной указы требовать какъ въ пла-

катѣ поголовномъ напечатано для многихъ трудностей и удобностей отставить а переводить какую бы причиною было единственно съ вѣдома градской канцеляріи и съ п меморіею въ ту канцелярію куда переведутъ, взявъ обязательство что ему о приѣмѣ и приписаніи тамо въ плате явить отповѣдь, и доколѣ оная отповѣдь получена не деть то вывоза въ книгахъ не отмѣчать и подати правы съ оставшихъ; ежели же кто преступя указъ похочеть т но увезти то сотскимъ увозить не допускать по дорогахъ какъ бѣглыхъ съ семьями безъ паспортовъ градскихъ пропускать, а если какою хитростію провезеть то на мѣста куда привезеть безъ промеморіи и паспорта взять штрафы какъ за бѣглыхъ положено, и велѣть или ихъ назадъ отсти или промеморію привести и если промеморію привезетъ тогда по указу канцеляріи сотскому того мѣста принять. На сіе воспомяну коварство графа Головкина что собравъ въ разныхъ своихъ верховыхъ отчинахъ бѣглыхъ бол 100 семей отправилъ на низъ въ Пензенскіе и Сибирскіе деревни и чтобъ оныхъ на заставахъ въ Нижнемъ и Казани не задержали послалъ онымъ роспись въ Вязьму гдѣ в вода не справливаясь съ книгами по той росписи просило далъ яко бы оныя изъ его вѣдскихъ отчинъ. томъ гдѣ что убыло или прибыло въ платежъ по окончаніи года отъ гражданскихъ канцелярій при годовыхъ репортахъ въ комисаріатъ, число душъ перевезенныхъ объявлять по уложенію 41 главы въ отчинную коллегію дабы комисаріатъ вѣдалъ и въ окладныхъ книгахъ тѣхъ уѣздовъ и полковъ отмѣтилъ а отчинная коллегія знала въ кото деревнѣ сколько людей; въ Камеръ же Коллегію репортовать о окладѣ и сборѣ кратко понеже окладъ поголовный единственно принадлежитъ до комисаріата, а переписи или ревизіи книги до отчинной коллегіи и для того коми

**ріату репорты годовые нужды обстоятельнѣе, особливо о до-
нимъ иианно чтобъ знать съ тѣхъ владѣтелей доимкувызскать.**

На 11:

58) За прописанныхъ въ прежнюю перепись ежели они не коварно проронкою прежнихъ переписчиковъ или даль-ней ради отлучки пропущены то какъ указомъ Ея Импера-торскаго Величества всѣ штрафы по 1740 годъ сложены, потому и оныхъ изъ тоя милости выключать не потребно но довольно со всѣхъ прописныхъ какимъ бы случаемъ ни было съ 1743 года съ нихъ поголовны и прочіе подати выискать ежели же нынѣ которые хотя въ сказкахъ не напишутъ что у несмысленныхъ и неосторожныхъ писцовъ деревенскихъ легко можетъ учиниться но при свидѣтель-ствѣ явить не скрытно того въ вину не ставить а ежели въ сказкѣ и при свидѣтельствѣ не объявить а донесеть кто послѣ съ того взять штрафъ за утайку въ казну 10 руб-левъ за каждого человѣка а утаеннаго отдать объявителю или когда объявитель взять одного не похочетъ то доправя деньги 15 руб. отдать оному а утаенного приписать къ той же деревнѣ и подателю сказки учинить наказаніе да сіе по-читай неудобно ибо по книгамъ церковнымъ и сотскимъ утайка не можетъ скрыться если токмо о томъ опредѣлится и комиссары прилѣжно надзирать будутъ.

59) Тѣмъ которые при нынѣшней ревизіи для избѣжанія тяжкого штрафа прописанныхъ въ прежней переписи утаи-ли или писали новорожденными въ бѣгахъ и въ отлучкахъ написать нынѣ порядочно не опасаясь никакого штрафа и наказанія кромѣ платежа какъ выше показано отъ 1743 года.

На 12:

60) Бѣглыхъ ревизіи высылать нѣтъ нужды особливо ког-да владѣтель объявить на нихъ какое либо (sic!) или споръ

но довольно того что отъ воеводской канцеляріи по взысканіи штрафа за необъявленіе въ тотъ уѣздъ сообщить чтобъ той деревни откуду они показаны владѣльцу объявить но какъ многократно такіе крестьяне таятъ подлинныхъ ихъ владѣльцевъ и родину и сказываютъ о такихъ чьи они никогда не бывали того ради въ тѣхъ канцеляріяхъ по переписямъ прошлымъ справясь подлинно возвратно отвѣтствовать что оные живо показали тогда изъ подлинника оными розыскивать и отдавать кому подлинно надлежать что же причинъ къ побѣгу и удержанія отъ того о судѣ и штрафахъ касается оное хотя и нужное но яко не надлежащее къ ревизіи ниже представлено.

На 13:

64) Всякихъ вольныхъ людей которые отъ переписчиковъ подъ разными именами розданы освидѣтельствовать не брали тѣ переписчики или того города воеводы и прочіе у дѣлъ бывшіе и приказные служители, противно уезомъ себѣ и противно воли не желающихъ и если гдѣ такіе явятся допрашивая вновь приписывать кто гдѣ написанъ былъ въ прежнюю перепись или постороннему отданъ а ежели тѣ у кого были отпускные дали или не дали да принять не хотятъ тѣхъ приписывать кто куда пожелаетъ если же никуда желанія необъявить а въ работу годны или хотя негодны но дѣтей малыхъ имѣютъ такихъ писать къ ближнимъ заводамъ металнымъ: яко серебрянымъ, мѣднымъ, желѣзнымъ, свинцовымъ, такожъ къ минеральнымъ: яко солянымъ, купороснымъ, квасцовымъ, сѣрнымъ и пр. если заводовъ нѣтъ то на мануфактуры суконные полотняные и другіе, а негодныхъ бездѣтныхъ писать въ богатѣльшія градскіе монастырскіе и сельскіе гдѣ кто пропитаніе имѣть можетъ и въ огладѣ оныхъ не власть.

На 14:

62) О излишнихъ церковникахъ равно какъ о приказныхъ служителяхъ разсуждать трудно кого въ окладъ пожити и кого выключить но по примѣрамъ всѣхъ Европскихъ государствъ кромѣ папешства вездѣ всѣ въ окладѣ а насъ развѣ монаховъ выключить но чтобъ они тѣмъ обучены въ училищахъ не ослабѣли то предписать имъ страхъ ели церковничьи дѣти при ревизіи выше 15 лѣтъ явятся гинского языка достаточно не обучены оныхъ брать въ ужбу а негодныхъ отдавать въ тѣхъ селѣхъ или приходахъ во крестьянство. Сіе, мню, закону Божию не противидя что Христосъ апостоломъ данъ государю платить велѣлъ и за себя платилъ не отрицаясь но чтобъ они съ атежемъ и обученіемъ не праздно были, мню: 1) излишми недостатки у другихъ церквей наполнять, 2) въ селѣхъ и погостахъ дѣтей читать и писать обучать и отчинокъ принудить чтобъ конечно отъ 100 не меньше четырехъ обучали и владѣльцевъ или управителей къ построению покоя при церкви и содержанію принудить; 3) за обученіе церковникамъ опредѣлить за каждаго младенца коего тать и писать выучать по рублю; а букварь да доску на мѣ писать и дестъ бумаги долженъ дать отдающій въ наеніе симъ безубыточнымъ порядкомъ можно надѣяться о у насъ не токмо писать умѣющихъ но и ученыхъ вездѣ деть достаточно.

63) Если явятся излишніе или какіе непотребныя а паче яницы и выше 15 лѣтъ грамотѣ неумѣющіе такихъ неотря опредѣленнаго къ церкви числа годныхъ взять въ ужбу въ какую кто годится, а негодныхъ приписать въ атежъ къ тѣмъ погостамъ и селамъ дабы отъ оныхъ церковники доходъ имѣли или работою ихъ довольствова-

лись градскихъ же равно какъ о разночинцахъ выше по-
зано въ 19 пунктѣ.

64) Которые церковники и другіе вольные розданы в-
дѣльцамъ изъ платежа оклада бездепешно оно мнится не-
правильно ибо они суть государственные и ежели къ за-
дачѣ они дальности ради или довольства людей при за-
дачѣ отдать неудобны то такихъ надлежало бы продать за
которыхъ съ охотою всякъ дастъ за мужескую голову по
10 руб. и чрезъ то немалобъ правильныхъ въ казну дене-
гъ пришло для того объ отданныхъ надлежитъ рассмотреть
особливо которые взявъ такихъ отдали въ рекруты тѣмъ
не зачитая той отдачи взять другихъ а съ отдатчиковъ
противно указу годныхъ въ рекруты роздали взять штра-
фовъ противу продажи вдвое.

65) Понеже обученію писму дворовыхъ людей и крес-
тьянъ весьма государству полезно и нужно чрезъ что не ток-
мо люди ко всему способнѣйшими будутъ но паче раско-
льники могутъ наилучше искорениться если современемъ учите-
ли изъ школъ епархіальныхъ способнѣйшіе къ наученію бу-
дутъ народъ же а паче крестьянство весьма обученію дѣ-
лать своихъ противятся того ради не соизволено будетъ ка-
кихъ обнадеживаніемъ къ тому поохотить чтобъ дѣ-
ла крестьянскихъ которые обучатся въ рекруты не отдава-
тъ развѣ которой самъ себя кражею пьянствомъ и другимъ
злостѣйствомъ тоя милости лишитъ.

66) Впредь при ревизіяхъ объявлять явянно въ ска-
чкахъ сколько гдѣ обученныхъ писму и сколько у коего пр-
хода обучается дабы губернаторы и правительствующій
нать могли о томъ вѣдать и противящихся тому владѣ-
цовъ или управителей штрафомъ пристойнымъ принудить
оной штрафъ въ указѣ объявить дабы большій страхъ
разсуднымъ учинить со временемъ же когда много научи-

и охоту къ тому возымѣють премѣнить сіе обнадѣживае не трудно.

На 15:

67) Незаконнорожденных отдавать и писать тѣмъ кто въ воспиталь такъ какъ ихъ дѣтей или служителей подьячанами прочихъ дѣтей воспитателя какого бы оны чина и были.

68) Тѣ которые незаконнорожденные розданы изъ сиропитательныхъ домовъ, оныхъ годныхъ написать въ службу, или не меньше 10 лѣтъ были отданы, а малолѣтно отданныхъ писать за тѣми кто воспиталь, негодныхъ роздать къ какъ выше въ 64 о вольныхъ показано.

69) О показывающихъ о себѣ, что не помнятъ родства вольно извѣстно, что большая часть рекрутъ бѣглыхъ; оныхъ годныхъ то-есть неувѣчныхъ и не старѣе 50 лѣтъ писать въ службу если женъ и дѣтей имѣють въ гарнизонѣ, а немущихъ въ полевые полки, негодныхъ же въ службу писать противъ 64 пункта но притомъ нужно предосторожность взять чтобъ не такъ были негодны какъ выше церковникахъ показано.

На 16:

70) Иноземцовъ какъ внутреннихъ коихъ отцы въ поговной окладъ не положены и неслуживые такожь всѣхъ граничныхъ плѣнныхъ и купленныхъ если крещены ставить при тѣхъ у кого находятся въ окладъ не класть и если гдѣ такіе противно указомъ положены выключить и того оныхъ въ сказкахъ писать ниже всѣхъ положенныхъ дѣтей же отъ нихъ рожденныхъ по крещеніи писать и нихъ же и класть въ окладъ, ежели кто магометанина, ида или идолопоклонника державъ три года закона не написать и не крестить тѣхъ отдавать инымъ желающимъ.

71) Иноземцевъ же которыхъ отцы служивые или в окладѣ поголовномъ написаны, оныхъ ни почему ни за кѣмъ яко государственныхъ не писать но отсылать на прежніе ихъ жилища если же отцы ихъ не крещены то оныхъ отдавать ближнимъ тѣхъ мѣсть крещенымъ и ко онымъ окладъ приписывать а буде кто держитъ впредь такіе принимать и держать штрафовать какъ за бѣглыхъ.

О Солдатствѣ.

72) Отставныхъ изъ службы ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ если оной 15 лѣтъ выслужилъ или за ранами и конечнымъ увѣчьемъ приключившимся въ кой либо работѣ и должности будучи, увѣчье получили таковыхъ отпущать волю и съ ихъ дѣтьми къ кому кто похочетъ и у тѣхъ не писать самихъ не въ окладъ а дѣтей ихъ въ окладъ здѣ же та предосторожность нужна чтобъ нѣкоторые не дерзали могущихъ служить къ себѣ въ холопство обязыва какъ то конхъ уже извѣстно особливо канцелярскіе служители при отставкѣ обязываютъ.

73) Которые не выслужили 15 лѣтъ и не для ранъ отъ ихъ неистовства яко самъ себя кто какимъ случае изувѣчить или отъ французской и тому подобной самохотной болѣзни, въ службу негоденъ явится а имѣеть дѣтей мужеска пола таковыхъ, хотя одного сына не меньше 7 лѣтъ имѣеть, отсылать въ гарнизоны безъ опредѣленія въ службу если негодны а дѣтей ихъ писать въ школы не имѣющихъ же дѣтей мужеска пола или имѣеть малолѣтнихъ оныхъ отпущать точно на прежніе жилища.

74) Которыхъ солдатъ прежнія жилища запустѣли или они въ рекруты ихъ владѣтельными проданы и за чужіе отчины отданы тѣмъ если не въ гарнизоны то хотя какъ и

отставлены давать волю гдѣ жить похотятъ тамо ихъ и писать противъ выше писанцоваго.

75) Понеже въ отдачѣ рекрутъ являются коварства и многы наглые обиды что нѣкоторые заложа кому деревню и напѣрвася просрочить или наслѣдниковъ обидя а паче приданые деревни когда дѣтей не имѣя вознамѣрится разорить лучши способъ имѣють въ рекруты крестьянъ продавать или крадучи съ продажи пошлины подъ видомъ за свои а паче за посторонніе деревни отдають напр. кому по указу надлежитъ отдать одного рекрута оной раздѣля деревню на части три или четыре а болѣе къ онымъ принявъ постороннихъ отдасть чрезъ что съ продажи пошлину владутъ, а паче что не жалѣя денегъ пріемщикамъ больныхъ и негодныхъ отдають которые иногда вскорѣ помирають, въ негодность приходять и бѣгутъ таковымъ нужно предписать законъ чтобъ за сихъ умершихъ сбѣжавшихъ или вскорѣ въ негодность пришедшихъ долженъ продавшей съ другихъ своихъ отчина а если за нимъ нѣтъ, то купившей или за чью отданъ Другаго рекрута дать годнаго, а оныхъ отставныхъ если та отчина за другимъ владѣльцомъ отпускаетъ на прежнія жилища, если же запродавшимъ то отставнымъ давать волю хотя бы урочныхъ лѣтъ не выслужили какъ о проданныхъ выше показано, кому же заложа ту отчину просрочить или по наслѣдству то отчина придетъ особно за то коварство и обиду наградить.

76) Здѣсь о рекрутахъ представлено токмо то что собственно къ переписи принадлежить, но сверхъ того нужнѣйшее къ разсмотрѣнію оставлено которое требуетъ достаточнаго разсужденія и узаконенія яко:

- 1) О порядкѣ въ пріемахъ; здѣсь особливо если пріемщики и подъячіе свои деревни имѣють,
- 2) О складкѣ малыхъ частей,

3) Обь отдатчикахъ.

5) О доимочныхъ складкахъ; о цѣнѣ рекрутъ что въ унѣ зѣ пишутъ, то противно правиламъ закона естественна да и знаютъ что того не хранять, никто не договариваея добровольно.

5) О содержаніи въ полкахъ.

6) О гарнизонахъ, комендантахъ и губернаторахъ.

7) О способѣ къ уменьшенію такъ тяжкихъ наборовъ сей пунктъ колико пользы только опасности заключаетъ надлежитъ мудрымъ тайно о томъ разсудить, которое 1724 году въ представленіе и разсужденіи было, да гра Брюсъ удержалъ.

8) О премѣненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ и дополненіи устава и артикула военного, отъ которыхъ не безъ вѣда приключается.

9) *О шляхетствѣ кроющагося и бѣгающаго отъ службы и о ихъ отставкахъ преждевременныхъ.*

Сии и другіе не малой важности пункты весьма нужно искуснымъ разсмотрѣть, напр. что въ Уставѣ о комендантахъ и губернаторахъ писано то весьма не достаточно и не ясно для того что тогда генералу Вейду не всё гарнизонныя обстоятельства извѣстны были и взято изъ немецкого которое съ нашими весьма разное.

О сокращеніи ревизіи.

77) Для сокращенія дѣла въ оныхъ ревизіяхъ чтобъ и нечно надъ положенной шестимѣсячной срокъ отъ начинія не продолжались, долженъ всякой владѣтель или управитель три сказки равныя написать одну сплошь на обихъ страницахъ писану для отсылки въ вотчинную коллегію другая для оставленія въ городѣ писана на одной и лѣвой страницѣ а правая бѣлая разграфлена на двое для отпѣти

убылыхъ и приписки новорожденныхъ, третія для отдачи владѣльцу той отчины также какъ и вторая да сверхъ того для приписыванія прибылыхъ изъ иныхъ мѣстъ или приписанныхъ изъ вольныхъ прикладывать къ симъ двумъ сказкамъ бѣлой бумаги смотря по великости сказки мѣста два или три а не болѣе четырехъ и всѣ три долженъ податель закрѣпить оныя же сказки такъ писать чтобъ въ тылѣ на переплеть, а крайнее поле для обрѣза не скудно было и чтобъ бумага была не весьма плохая.

78) Сказокъ къ начатию дѣла всѣхъ не ожидать но какъ объявленъ въ указѣ срокъ съ котораго числа начать то немедленно ѣхать переписчикамъ въ свои части и того числа въ первой деревнѣ принявъ сказку того жъ дня людей всѣхъ пересмотрѣть сходно ли написано и всякого хозяина дому спрашивать нѣтъ ли проронки въ его домѣ и какъ со всѣми окончатъ, тогда кого надлежитъ допросить и что потребное усмотритъ подъ оною подписать, напр. если кто сверхъ сказки явился и тому подобное то (sic!) подписавъ подъ всѣми тремя сказками и положи нумеры на всѣхъ одини и отдасть одну подателю сказки, перечень же каковъ есть вписать въ бѣлую книгу надлежащую до комиссаріата и въ другую, губерніи для извѣстїи.

79) Когда переписчикъ нѣсколько сказокъ собрать долженъ немедленно къ главному той провинціи послать дабы по онымъ свидѣтельствовать, не потребно ли какой дополненїи а другїе для справокъ отдать воеводской канцеляріи дабы между тѣмъ какъ оной свидѣтельствуютъ, оныя могли рассмотреть и справки отъ другихъ канцеляріи требовать, и получить и оныя по окончанїи переплестать въ книги такіе чтобъ не болѣе 20 дестей были и одни оставить въ воеводской канцеляріи другіе сослать въ Вотчинную Коллегію а перечни въ комиссаріатъ другіе въ губернію и тако вся ре-

ревизія кончится безъ всякаго народу утѣсненія и убытковъ
якоже безъ помѣшанія въ собираніи податей и нужны
земскихъ работъ особливо если она всегда начата буде-
сь 1 сентября то конечно въ марту окладъ новой гото-
будеть.

80) Что же до справокъ принадлежитъ то хотя у насъ
неимѣніемъ во всемъ государствѣ учрежденной почты ве-
ма трудно оныя прямо изъ города въ городъ посылать
нужно въ Москву или въ губернской городъ и тако велик
умедленіе или весьма пропажа писмамъ быть можетъ *ка-
того нѣтъ со избыткомъ чинится* то доколѣ (для пользы
всего государства, а наипаче для купечества и шляхетств
совершенная почта учредится посылать по окончаніи ре-
визіи нарочныхъ на убытки тѣхъ для кого то потребно р-
положа по препорціи но ежели вышесказанное въ 57 пунктѣ
уаконится, то и справки непотребны.

На упомянутые въ инструкции обстоятельства
бѣглыхъ.

На 18:

81) Которые давно сбѣжавъ и болѣе пяти лѣтъ за г-
ницею жили или суще заграничныя Поляки и пр. по чь-
вызову придуть таковыхъ объявлять въ воеводскихъ ка-
целяряхъ гдѣ прилѣжно *о его пользѣ и вывозѣ* осви-
тельствовать подлинной ли изъ за границы ибо онымъ ну-
на границѣ быть явленнымъ и по явному свидѣльствѣ
приписать къ отчинѣ вызвавшего а въ окладъ отъ его
хода до ревизіи а если во время ревизіи вышелъ то на г-
года не класть дабы чрезъ то къ вызыванію большую о-
ту подать. *Съ боку примисано рукою Татищева: По У-
женію* вышедшіе изъ плѣна холопи уволены.

82) Если кто приведетъ тайно и того года необъявить или коварно русскаго бѣлаго выходцемъ изъ за границы объявить за такихъ править штрафы и *пожилыя*, какъ за бѣглыхъ.

На 19:

83) Цыганемъ во всемъ государствѣ объявить чтобъ оныя въ городѣхъ гдѣ которые хотять въ окладъ написались и платили противъ государственныхъ повсегодно какъ поголовные такъ за рекрутъ и прочіе разположенія въ тѣхъ городехъ безъ донжки денгами, а если того платить которые не хотять, тобъ шли немедленно за границы объявля имъ срокъ на три или на четыре мѣсяца отъ объявленія, а если за тѣмъ гдѣ явятся не записанные то править съ нихъ со штрафомъ.

84) Которыя запишутся тогда взять съ нимъ за полгода окладъ споина и дать имъ со сказки ихъ копію и въ платежѣ отписъ съ которыми они вольны итти куда похотять.

85) Какъ скоро въ другой уѣздъ придуть, повинень первой сотскій немедленно ихъ объявить земскому его части комиссару и оной долженъ ихъ спросить гдѣ они написаны притомъ требовать сказки и отписи и противъ сказки освидѣтельствовать нѣтъ ли излишнихъ такожь по отписи не пришелъ ли срокъ имъ подать платить и немедленно о томъ дать въ градскую канцелярію обстоятельно знать которая опредѣлить подати надлежить ли и сколько съ нихъ взять ибо въ неписанныхъ и неимѣющихъ отписи доправить за дѣльный годъ и оныя внести въ книги неокладные дать отписъ а излишнихъ кромѣ новорожденныхъ подъ ихъ сказками приписать.

86) Въ законъ или уставъ имъ написать: 1) они не должны никакихъ невѣдомыхъ людей кромѣ народа принимать

подъ опасеніемъ платежа штрафа какъ за бѣглыхъ положено и если такіе явятся то править съ нихъ безъ упущеній 2) если въ воровствѣ или разбояхъ, а паче въ дѣлѣ денегъ обличены будутъ, то слѣдовать и разыскивать въ градскихъ канцеляріяхъ; 3) въ обманахъ яко ворожбахъ мѣнахъ продажахъ коней и пр. отъ чего они единственно пропущены и не имѣютъ, судить ихъ старостамъ а иному никому не сидеть ибо то чинится не насиліемъ но сущюю своевольную глупостью обманутыхъ; 4) если малолѣтнаго или несмысленнаго обмануть, повинны цыганы вдвое заплатить; 5) если кто по какой нибудь причинѣ самъ собою безъ суда или ограбить, и въ томъ обличенъ будетъ повиненъ имъ все взятое и съ убытки заплатить и яко грабитель наказанъ будетъ

На 20:

87) Тѣ которые у приходскихъ церквей или въ селѣхъ построятъ богадѣльни и дѣйствительно въ нихъ слѣпыхъ весьма дряхлыхъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ учредятъ тѣхъ надлежитъ при ревизіи изъ оклада выключать, а которые живутъ въ домѣхъ тѣхъ не выключать и чтобъ такіе немощные конечно непритворные и правильно содержаны были, надлежитъ десятильникамъ или протопопамъ тѣхъ городовъ надзирать и въ консисторіи правильно сколько оныхъ гдѣ содержится изъ того убыло или прибыло повсегодне объявлять

Писано на 16 листахъ рукою переписчика; листа, исправлены Татищевымъ, отмѣнены въ нашемъ изданіи курсивомъ. Рукопись не кончена: ибо на оборотъ послѣдняго листа внизу есть указаніе на § 88, которымъ долженъ былъ начинаться семнадцатый листъ. Безъ сомнѣнія, слѣдующее за симъ разсужденіе составляетъ отрывокъ изъ ненайденнаго окончанія этой рукописи

XVII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О БѢГЛЫХЪ МУЩИНАХЪ И О ПОЖИЛЫХЪ
ЖЕНЩИНАХЪ ЗА ПОБѢГЪ.

На 12 листахъ, изъ коихъ первые шесть не исписаны, и разсужденіе начинается съ § 117, что даетъ поводъ думать, что всему разсужденію предшествовали другія, о которыхъ Гат. не разъ упоминаетъ въ изданныхъ сочиненіяхъ; разсужденіе писано или собственноручно.

О БѢГЛЫХЪ И ПОЖИЛЫХЪ.

117) По правости Закона Божія естественнаго и гражданскаго что въ томъ должно со вниманіемъ рассматривать ¹⁾.

Сего основанія въ законѣ двоякое: одно на договорѣ, другое на плѣненіи основанное. Договоръ временной мы называемъ холопство, а насиліемъ покоренной есть рабство.

Холопъ не можетъ далѣе договариваться какъ по смерти одного изъ договаривающихся и на дѣтей оное не сходитъ, потому что отецъ надъ дѣтьми далѣе совершеннаго возраста власти не имѣетъ; но учинившей договоръ никакъ онаго нарушить и холопства отрѣшиться не можетъ.

Рабъ самимъ ли его господиномъ покоренной или отъ покорившаго наслѣдствомъ и куплею полученной имѣетъ право отъ онаго насилія или покоренія искать свободы, какъ точно можетъ способъ тому улучшить ²⁾.

О господинѣ въ законѣ естественномъ то находимъ, что человекъ долженъ другому всякого добра желать и благодареніе показывать, какъ себѣ самому, а не дѣлать того, чего

¹⁾ После этихъ словъ было написано, но потомъ зачеркнуто: «Побѣгъ людей отъ нихъ господь тяжкое преступленіе закона.»

²⁾ Здѣсь было написано и зачеркнуто: «Законъ нашъ гражданскій опредѣлялъ всѣхъ быть непременно и наслѣдственно рабами.»

себѣ не желаетъ, что и писменный Законъ Божескій утверждаетъ; и хотя плѣнникъ за непріятеля почитается, однакожъ оное до тѣхъ мѣстъ, доколѣ онъ совершенно покоренъ, тогда уже покорившей не имѣетъ правости онаго покореннаго чимъ либо вредить, но по словамъ Христовымъ онаго бывшего врага любить и добро дѣлать: посему видится, что рабство и неволя противу закона христіанскаго.

У насъ по приіатіи Христіанства до царя Феодора Ивановича были всѣ крестьяне вольные и жили кто за кѣмъ хотѣлъ, а плѣнники токмо были невольные, но ихъ дѣти неволи себѣ свободны. Царь Борисъ, по кончинѣ царя Іоанна, вольности сію отнялъ и учинилъ крѣпостными, но, видя изъ того великое безпокойство пакн волю далъ. Царь Василій Шуйскій видя что тѣмъ безпокойство въ шляхетствѣ умножилось, пакн вольность крестьянамъ отнялъ; однакожъ въ его указѣ великія ченія были весьма изрядныя, которое сочиненнымъ Уложеньемъ въ большую невольность, а въ судехъ неясностію многими распрямъ и ибедамъ способы причиняло. Нынѣ же можно ли ту вольность безъ смятенія возобновить и всѣхъ распри, коварства и обиды пресѣчь, требуетъ пространнаго разсужденія и достаточно мудраго учрежденія дабы исча въ томъ ползы большего вреда не нанести: для того я оно оставляю въ прежнему и въ обычаяхъ вкоренившемся порядкѣ.

118) О приѣмѣ бѣглыхъ, если по правиламъ закона разсуждать, то два обстоятельства въ ономъ къ разсужденію подлежатъ, т. е. преступленіе закона и обида ближняго. Первое подвержено наказанію, и оное по Закону Божию весьма нужное, дабы чрезъ то не токмо преступника отъ дальнейшего злодѣянія воздержать, но и другимъ страхъ вкоренить, и онаго исполненіе до обиженнаго не принадлежитъ, но считается за обиду высочайшей власти. Наказанія въ зако

нехъ предписываются, уравнивая съ качествомъ преступленія и суть разныя, яко: 1) на имѣніи, что нынѣ называемъ штрафъ, а прежде пеня, 2) на тѣлѣ, 3) на чести, 4) на жизни. Всѣ сіи паки различны, яко: на имѣніи — лишеніе нѣкоторой части или всего; на тѣлѣ — нѣкогда оскорбленіе, или какое томленіе какъ то употребленіе въ тяжкіе работы, или увечье какъ отсеченіемъ некоего члена; на чести — лишеніе чина или всея чести и достоинства что и смертію политическою имяуемъ; на жизни — ово смученіемъ, ово споруганіемъ. Но во всѣхъ оныхъ нужна умѣренность: чтобъ не было легко, которое приводитъ законъ въ презрѣніе; или тяжело и надмѣрно, дабы отъ сожалѣнія не дало причины законъ премѣнять или облегчать, какъ то по исторіи видимъ, что не разсудныя а наче злобныя законосочинители, неумѣренно тяжкіе наказанія предписать, приууждены со вредомъ учинившимся премѣнять; противно тому послабленіе законовъ изъ милости не меньше вреда приключило, какъ то о законахъ Драконовыхъ находимъ. Его Императорское величество Петръ Великій презрядно сіе изъяснилъ, положя сіи слова: *туне законы писать, когда ихъ не хранить*. Мы о бѣглыхъ весьма много разныхъ лѣтъ и состояній закоповъ имѣемъ, не упоминая издавшихся до Уложенія и самого печатнаго Уложенія, но послѣ онаго число не малое, а все въ томъ и другомъ разнятся, а ни одного на всѣ обстоятельства достаточного нѣтъ и наказанія частію не умѣренны, частію не ясны, и для того почти всѣ презрены и уничтожены, какъ то послѣ сажу.

119) Обида хотя всежъ дѣло извѣстное, что кто кого чего либо лишитъ и оное безъ преступленія закона Божескаго и гражданскаго быть не можетъ; но хотясему судить по справедливости нужно въ судѣ внятно разсмотрѣть причину обиды и качество, ово въ дѣйствѣ, и способы, ово въ коли-

чествѣ, причины суть равныя: яко нечаянная, неразумная и умышленная, — въ умыслѣ, обманѣ коварство и насиліе или грабительство. По симъ правиламъ разсматривая найду, что въ приѣмѣ бѣглыхъ изъ всѣхъ оныхъ нѣчто заключается, что здѣсь для избѣжанія пространства толковать не ставляю; но благоразсудный судія, по испытанію дѣла можетъ всѣ причины легко усмотрѣть, если въ наукѣ правосудія не оскудѣваетъ, а въ страстяхъ не избыточествуетъ. Я сего не безъ горести напомянулъ видя какъ нынѣ отъ неразумія и безстрашія суда Божія въ судѣхъ издоинства коварства происходятъ и можно сказать, что судіи нѣкоторые въ грабители и разбойники превратились.

120) Награжденіе обиды. По закону Божію должна тѣмъ же самымъ метиться или толикою жъ цѣною наградиться: по закону естества должно и прибыльтокъ полученной оттого или усчербъ дохода обиженному наградить; по законамъ гражданскимъ нашимъ—въ древнихъ кладено втрое, а послѣди вдвое взятое заплатитъ. Но въ томъ та разница: утвержденное или обманомъ взятое—вдвое, а насиліемъ отнятое—втрое; въ новыхъ и настоящихъ точно то самое, — чинъ обидѣлъ и убытокъ оттого приключившійся. Здѣсь два обстоятельства требуютъ изъясненія, яко цѣна и прибыльтокъ въ которомъ у юристовъ многія пренія произошли, ибо въ цѣнѣ разные обстоятельства: (1) ту ли цѣну платитъ, что челобитчикъ утраченной показалъ, или по разсужденію до стоинства, или ту что лишенный за оную платилъ, ежели тая вещи на лицо нѣтъ; напримѣръ, кто у кого алмазь въ 2 кратно взявъ утратилъ, онаго цѣна по его добротѣ отъ 100 до 400 руб. бываетъ, а ежели челобитчикъ напишетъ 1000 то уже явно лишнего требуетъ; равно въ золотѣ цѣна таже работою разнится, что хотя золотникъ дѣлаго не болѣе 250 коп. считаютъ, но въ работѣ бываетъ до 10 руб. —

(2) Все, чѣмъ цѣна по временамъ мною премѣняется, напр. розъ нѣкогда бываетъ въ 50 коп., иногда въ 4 рубли; и паки съ лѣтами лучше и хуже становятся, какъ то всѣ животныя сначала растутъ и дороже годъ отъ года становятся, а потомъ старѣють и дешевѣють; и паки вещи по включенію въ достоинствѣ разнствуютъ, напр. кто кого лишитъ оружія во время спокойное и ссудится болѣе какъ по цѣнѣ оного, а во время наступленія непріятеля за кремень изъ ружья взятой смертію судится: все сіе неудобно въ законехъ подробно описать да и не потребно, а должны судящіе всѣ обстоятельства разсуждать по правиламъ справедливости; напр. если кто у кого займетъ жита, а оныя послѣ вздорюжатъ или дешевле стануть, по которой цѣнѣ должень занявшій платить въ томъ случается распря. Вольфъ преславный философъ сіе правильно отъ закона естественнаго истолковалъ.

124) О убыткѣ въ отнятомъ или какимъ либо случаемъ завладѣнномъ весьма много премѣнныхъ и невидимыхъ обстоятельствъ находится: (1) деньги, если онѣ въ домѣ праздно лежатъ, то никакого прибытка ни хозяину ни отечеству не приносятъ, а когда кто ихъ взявъ употребитъ въ торгъ, то нерѣдко случается, что 50 или 100 и болѣе на сто въ годъ получить и сверхъ того государственная, т. е. многихъ людей и казнѣ полза; но какъ сіе связано съ нечаянными и великими убытки, того ради во всѣхъ благоразсудныхъ государствахъ законами умѣренная лихва положена, разсмотря по количеству денегъ въ государствѣ, индѣ по 3, индѣ—и до 6 на 100, у насъ весьма давно положено 10 на 100, о чемъ царь Іоаннъ Васильевичъ въ законѣ 70 или 15 году достаточно изъяснилъ, и на жита насыпъ равношѣрно узаконилъ, хотя изъ онаго видимо, что прежде ростъ брали по 20 на 100 и болѣе, Петръ Великій во многихъ

указѣхъ о правѣхъ на подрядчикахъ и откупщикахъ несправедливыхъ тоже по 10 на 100 узаконилъ, въ Уставѣ вексельномъ за неплатежъ по 12, а съ протеста по 18, изъ казенны даваны деньги по 8 на 100; (2) Доходы порядочные и рѣдко премѣняемые, которые называемъ оброкъ яко съ дѣревень, земель, рыбныхъ ловель и пр.; (3) Премѣнные, всегда равно приносимые, яко скоты, пчелы, сады и прочее; (4) никакого прироста приносящія, яко монета или драгѣнные каменья, токмо для увеселенія и великолѣпія, сосуды всякіе для употребленія, и оныхъ лишеніе ничто болѣе какъ токмо досаду наноситъ; (5) суть такіе обиды, которыхъ мало цѣны и безприбыточные, но великой вредъ убытокъ лишеніемъ наносятъ, яко припасы къ строенію дома приготовленные, если кто ремесленниковъ нанятыхъ переманитъ или отгонитъ, сему подобно кто звѣрей и птицъ отъ привады отгонитъ; и паки кто найметъ рыбную ловель, а придетъ кто съѣти или лодку испортитъ, недовольно чтобъ онъ лишеннаго цѣну заплатилъ, но во вредъ учинившейся отъ остановки въ томъ дѣлѣ должно заплатить.

Сіе я только для внятнѣйшаго разсужденія въ разныхъ обстоятельствахъ о награжденіи обидъ судіямъ напомнилъ ибо мнѣ весьма странное мнится, когда слышу: кому на чинѣ въ приказѣ не правая дача учинена и потомъ онъ отвѣтится; то на владѣтель присуждаютъ за землю по Указу насильное владѣніе, за крестьянъ яко за бѣлыхъ которые нимаю справедливости не согласуетъ, въ семъ случаѣ два весьма разные обстоятельства. (1) Если челобчикъ не право бьетъ челомъ и что либо надлежащее къ дѣлу судіямъ утаитъ, яко кто бивъ челомъ о наслѣдствѣ брата, сестру или жену умершаго, о которомъ судіамъ знать нельзя, — сіе стало выгнанное и неправильно пр

шенное, на которое имѣемъ два закона разные: первое въ Уложении кто вылететь помѣстье вельно доходъ весь на ономъ доправить вдвое, другое въ указѣ 190 года положено за выгнанное и неправое прошеніе брать у него столкоже изъ его имѣнія и отдать обиженному, что и Петръ Великій точно опредѣлилъ; однакожь они презрѣны и по нимъ исполненія не чиняты. (2) Когда суди не право, противно указамъ настоящимъ, какъ то нерѣдко случается слышать, что, надлежавшей законъ не выписавъ, рѣшаютъ по уничтоженному, и въ семь уже челобитчикъ вполнѣ вишенъ противу судей; для сего указъ 191 году, въ сыщиковѣ навазѣ положено за таковое неправильное рѣшеніе править владѣніе на судіяхъ, да и сей указъ такожь во уничтоженіи.

122 ¹⁾ По сему разсуждая о пожилыхъ за бѣглыхъ, которое не иначе какъ учиненнаго убытка награжденіе разумѣть должно, слѣдственно должно внятпо рассмотретьъ, какой доходъ отчинникъ отъ крестьянина имѣть посредственно можетъ, чтобъ потому и награжденіе согласное съ закономъ Божиимъ, естественнымъ и народнымъ узаконить. Ежели единственно взять, то находятся нѣкоторые крестьяне, что отчиннику съ одного двора платить отъ 10 до 50 рубл., но такихъ чаю во всемъ государствѣ едва 100 сыщется, слѣдственно такихъ въ примѣръ брать не надлежитъ, ибо сіа болѣе отъ кушечества богатѣютъ и нерѣдко въ краткое время убожѣютъ; еще же всѣхъ такихъ приписывать въ посады вельно, а отчинникомъ платить обыкновенный оброкъ имъ опредѣлено. Въ обществѣ же цѣлыми деревнями взявъ, едва сыщется ли гдѣ такая отчина, чтобъ

¹⁾ Настоящей редакціи этого параграфа предшествовала ещеже иная, болѣе краткая, но потому она была зачеркнута. Тоже должно замѣтить и о первыхъ строкахъ слѣдующаго параграфа.

и ссылка, по 4 двора крестьянскихъ за всякой дворъ и пр. нятый, по 100 руб. за дворъ, по 100 руб. за мужскую, а по 60 за женскую и пр. Но всѣ сіи никоего препятствія не чинили потому что приклада нѣтъ, что по коему исполненіе чинилось и никто одного не взыскиваетъ; ибо оное положено на волю истца, а не судей, равно какъ и въ смертныхъ убивствахъ, если истецъ съ отвѣтчикомъ пойдутся, то судіи болѣе не взыскиваютъ.

Мое мнѣніе, чтобъ за пріемъ пениу править въ казну не послабляя никому, но умѣренную и прежде совершенно разсмотря надлежитъ ли за бѣглаго почитать и оное такъ порядкомъ: (1) за пріемъ мужеска пола за всякую голову сколько бѣжало 10, за женску 6 руб., а зародившихся въ побѣгѣ вполы; сіе править со всѣхъ, если бѣгая за двѣ или тремя жилъ, за пріемъ съ каждаго, а пожилые и пошла по расчету времени, за кѣмъ сколько жилъ, а съ сотскихъ за станы, гдѣ бѣжавъ стояли, какъ выше показано править особенно. (2) Какъ скоро крестьянинъ допрошенъ и за кѣмъ жилъ точно покажетъ, надлежитъ секретарю немедленно въ доимочную тетрадь на того написать, за кѣмъ жилъ, и положить пошлины за мужскую голову по 44, за женскую по 22 коп. на годъ; потомъ въ репортѣ въ Камеръ Коллегіи въ неокладныхъ доимочныхъ точно показать. (3) Если тотъ держатель живеть въ иномъ городѣ, то взять отъ крестьянина обязательство со срокомъ, чтобъ въ томъ оправдался и положенное заплатить, и если на срокъ отчиннигъ не явится, то править на той деревнѣ. (4) Если та деревня запустѣть не въ состояніи, то одну деревню съ публичнаго торгу, или изъ нея на столько, сколько въ казну надлежитъ продать. (5) Если та отчина, гдѣ бѣгаой жилъ не того дождства, то такожь немедленно въ томъ городѣ о сыску допросъ яко же и правещъ оныя пени и пошлины писать.

въ Камеръ Коллегію потому жъ репортовать. (6) Если кто неправильно бѣглымъ или чужаго своимъ напишетъ и по суду челобитчикъ виновенъ явится, то все оное по указамъ доправить на истца за неправой искъ. (7) Чтобъ всѣ судіи оныя деньги взыскивали конечно отъ показанія въ 6 мѣсяцовъ, гдѣ отчинниковъ нѣтъ, то на тѣхъ отчинахъ; а ежели не взыщутъ, то деньги съ приложеніемъ на все оное пошлинъ править на судіяхъ расчисля, сколько ихъ присутствовало по голосамъ, равно на прокурора и секретаря, хотя бы оныя смѣнены были, а если померли послѣ того полугодоваго срока, то править на наследникахъ. (8) Если то въ доимочную книгу не записано и въ Камеръ Коллегію не репортовано, то все оное править на прокурора и секретаря. (9) Если Камеръ Коллегія въ годъ по репорту не взыщетъ и неплатящихъ въ конфискацію не отошлетъ, то все оное доправить на Камеръ Коллегію. (10) Чтобъ сіе наистропотнѣе хранилось, при всякой ревизіи всѣ канцеляріи свидѣтельствовать, пошлины и пени по законамъ всѣмъ правильно положены и взысканы, какъ я о томъ выше упомянулъ, и къ тому опредѣлять изъ шляхетства людей достойныхъ по выбору.

Симъ малымъ наказаніемъ мно болѣе оныхъ тяжкихъ и иногда исполняемыхъ наказаній пресѣченія учинится, въ пожилыхъ же челобитчики вольны мириться, на чѣмъ кто договорится.

О судѣ въ бѣглыхъ по разности обстоятельствъ.

124) Форма или порядокъ суда есть главное въ судѣ обстоятельство. Она хотя мудрымъ монархомъ сочинена и послѣ нѣколько поправливана и дополнена, однакожъ въ ней многой есть недостатокъ, отъ чего въ суждехъ наглые обиды немощнымъ приключаются, которое пространнаго

ради истолкованія оставляю, но точно то пониманіе какихъ должно за бѣглыхъ почитать и за то не примать.

125) Кто купитъ деревню и въ ней явятся люди сверхъ ревизіи и въ градской канцеляріи необъявленные (чему мнится по предписанному быть не можно); оныхъ должно отказчикъ допросить; чьи, откуда, когда и какимъ случаемъ прибыли; и если явится чей чужей то должно изъ городской канцеляріи туда писать, откуда онъ показался, чтобъ тако справясь съ книгами немедленно отвѣтствовали; и какъ скоро отвѣтствіе получить, что оной бѣглою, то велѣть его со всемія его имѣніемъ, съ женою, дѣтьми, зимою перевести и отпечь въ приемъ его явить. За приемъ онаго пеню и за пожилые пошлины положить на продавца, понеже купившей ничему тому невиненъ. Жалованныя отчины повинны не платить сами, а пошлины яко и пожилыхъ по указомъ брать не велѣно; однакожъ сіе разумѣется при первомъ отказѣ, а если получившей бѣглыхъ не вывезетъ, то повиненъ все платить: пеню, пожилые и пошлины. Съ наследственныи оныя единственному-ль или по раздѣлу съ равными досталось, пеню и пошлины брать съ той отчины, а заплатившей съ прочими участниками имѣеть волю самъ въ оной раздѣлиться.

Я здѣсь напомнилъ объ отказѣ для того, что оныя случаются между ревизіями и при оныхъ бы должно быть достаточной въ описи крестьянъ справедливости, чтобъ на различные люди всѣ были безъ утайки, и заочно конкъ нѣтъ на лице не клали и чтобъ оной отказъ всемія сосѣдемъ бы свидомъ. Для того при отказѣхъ узаконено имѣть поняты изъ разныхъ сосѣдственныхъ отчинъ, но искусство насъ учить, что оное отъ незнанія въ томъ нужды и отъ варствъ весьма иначе производится и такъ иногда чинитъ тайно, что не токмо посторонніе но и той отчины крестья

яне объ отказѣ нѣсколько времени не вѣдаютъ; ибо зазвавъ кноповъ въ другую деревню, напоя пьяныхъ и давъ имъ за трудъ, пишутъ что хотятъ и попы руки прикладываютъ, незная къ чему. Для сего вымышленъ изрядный способъ: взявъ въ Вотчинной Коллегіи подъячего какого плаута или кьянницу дѣлають съ нимъ что хотятъ. Случается же и то, что такихъ отказчиковъ иногда довольно противники бьютъ, что хотя за тяжкое законопреступленіе и наглое указа Его Величества презрѣніе почитать должно, однакожь того не слѣдуютъ и преступниковъ по достоинству не наказываютъ, а чрезъ такіа упущенія большее зло приключается, какъ то при обыскахъ, межеваніяхъ и отказахъ драки чинить и посланныхъ съ указомъ оскорблять дерзають.

Мое мнѣніе: можно бы при отказѣхъ, межеваніяхъ, обыскахъ, описахъ для свидѣтельства опредѣлить изъ шляхетства по нѣскольку человекъ достойныхъ повѣренія; да сіе по состоянію нынѣшняго нашего шляхетства было бы тщетно: 1) у насъ между шляхтичемъ и подлымъ никакой разности, ни закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ имѣющіе деревни; подъячіе, поповичи, посадскіе, холопы, имѣющіе отчины купленные или инымъ случаемъ полученные, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслить, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется; 2) шляхетство не учено и училищъ не устроено, да видится вся прилежность и узаконенія о томъ преславнаго въ мірѣ государя въ презрѣніи и забвеніи оставлено, а безъ ученія человекъ не знаетъ, что пристойность, благоправіе, благочестіе, должность и преимущество, недостааетъ ему смысла разсуждать, въ чемъ его собственная и отечества польза или вредъ; и такъ одну глупую спѣсь, чванство, коварства, ябеды, злость и хищеніе за высшую мудрость почитаютъ: ибо вида, что у насъ единственно богатство и вели-

Что же я разумѣю пеню и пошлыне править на продавцѣ, а не на покупщикѣ; оно въ равныхъ обстоятельствахъ многими законы утвержено, что купившей невѣдомо и краденое или разбоемъ взятое долженъ токмо купленное чужое возвратитъ и продавца или вѣрное свидѣтельство поставитъ, а отчины всегда губять свидѣтельствомъ многихъ. При семъ приходитъ на память, если кто невѣдомой, солгався въ имя отчинника, продаетъ чужую отчину, а купецъ незная совершенно купить, какъ такихъ примѣровъ нѣсколько въ недавнемъ времени явилось, и крѣпости съ надлежащимъ свидѣтельствомъ даны; то хотя отчина возвратится, но владѣніе на комъ взыскать—въ законѣ не находится, и на купецъ оное править, если онъ совершенно сущего отчинника и продавшего не знаетъ, есть не безпогрѣшно, равно и отчиннику лишиться сущей его обиды неправильно: о прешедшихъ яко незаконныхъ приключеніяхъ толковать оставляю—а впредь легко оное закономъ пресѣчь тако, чтобъ свидѣтели у крѣпостей не подписывались, если они дающего крѣпость не знаютъ и при договорѣ не присутствовали и дающей не самъ о свидѣтельствѣ просить, но для сего число чрезъ законъ великое свидѣтелей отставить, о чемъ потребно внятнѣе разсмотрѣть, какъ я въ толкованіи древнихъ законовъ обстоятельнѣе показалъ, да и въ Уставѣ Крѣпостной Конторы 7208 г. положено свидѣтелей 3 и до 5 у крѣпости людей достойныхъ, и ежели такимъ порядкомъ учредится; то лжесвидѣтели, равно какъ тотъ обманщикъ, отвѣтствовать должны. Нынѣже свидѣтелей винить не можно, ибо число набираютъ по площади ходя и подписываются, единъ другому вѣря, не зная ни дающаго, ни емлющаго крѣпости, не токмо договору присутствовали, изъ чего великіе коварства рождаются.

127) Если кто переведет своихъ крестьянъ изъ деревни въ своюжъ деревню и перевозъ въ канцеляріяхъ явленъ, а послѣ объ разнымъ людямъ или изъ оныхъ продастъ оныхъ переведенныхъ не возвращать, быть тамъ куда переведены; но если продавшей въ купчей или закладной перевозныхъ не выключить и при отказѣ полного числа противу крѣпости неявится, то долженъ купившему продавшей столько же числомъ изъ деревень семьями наградить, каково то нынѣ и въ крѣпостяхъ пишется. Но ежели мужъ изъ женоныхъ въ свои или изъ своихъ въ женни переведетъ и по смерти достанутся разнымъ наслѣдникамъ, тогда тотъ перевозъ оставя въ зачетъ указаной части достальныхъ возвратитъ наслѣдникомъ; но ежели кто въ годъ съ наслѣдниками не раздѣлается, кромѣ находящихся въ военной службѣ виѣ государства, тогда почитать за бѣглыхъ, пеню сполна, а пожилые и пошлыны вполы, понеже не побѣгъ но насильство.

128) Если крестьянинъ въ допросѣ имя или прозваніе перемѣня скажетъ себѣ отчинника можно и по допросу отданъ будетъ тому, чьимъ сказано: таковыя случаи часто бывають, особливо когда отчинникъ изъ разныхъ деревень переведетъ въ степь и, новую деревню населя, оную продастъ, то купившей знать не можетъ, подлинно ли они того отчинника были; оныхъ равно какъ по подложнымъ отпускомъ за бѣглыхъ почитать, пеню и пожилое править не надлежитъ, а надлежитъ имъ разыскивать, кто его тому научилъ, тогда на томъ научителѣ все оное править; понеже то довольно по искусству извѣстно, что нѣкоторые, вѣдая что бѣглый, велитъ ему такимъ именемъ сказаться, какъ у того въ давныхъ лѣтехъ съ малыми дѣтьми бѣжавшей есть.

Мнѣ случилось дѣло судить: у одного отчинника лѣтъ болѣе сорока бѣжалъ крестьянинъ, сосѣдъ его вѣдая о томъ

научилъ дву своихъ крестьянъ пришедъ сказаться дѣтми онаго бѣглаго; оныя показали, яко бы отецъ ихъ жилъ на Дону у казаковъ и умеръ, а имъ велѣлъ итти къ отчиннику, оной повѣря допросу принялъ; лѣтъ съ пять спустя, оной сущей ихъ отчинникъ поймавъ привелъ въ допросъ въ Казани и они показали, якобы бѣгая у одного жили, — но я, по челобитью того, у кого они жили, и прежней ихъ допросъ изъ Нижняго взявъ, нашелъ истину какъ они научены были. Нынѣ сіе быть не можетъ, если судъ о бѣглыхъ за 25 лѣтъ отрѣшится и по написаннымъ въ бѣгахъ въ тѣ урочные лѣта не отдавать; то всѣ такіе коварства и ябеды въ бѣглыхъ пресѣкнутся.

129. О тѣхъ, которые бѣглые съ отчиною или собственною въ бѣгахъ купятъ и сыщутъ, надлежитъ ли имъ пожилые за продавца править. Сіе многими ябедамъ причину подаетъ и явная неправость, когда кто ищетъ на своего или цѣну вещи болѣе достоинства ея ищетъ, что и указами отрѣшено; напримѣръ, если вещь купленную за рубль, которая своимъ достоинствомъ или свидѣтельствомъ удостовѣривается, а напишеть оную въ челобитѣ 10 руб., то по закону и правости всей иска лишенъ и повиненъ съ лишнего иска пошлины платить; равно кто купитъ въ бѣгахъ крестьянина за 100 руб., а ищетъ 1000 пожилыхъ, неявно ли лишнего и чужаго ищетъ. Мое мнѣніе: довольно купившему того сысканнаго въ бѣгахъ крестьянина отдать и пожилые съ того времени какъ купилъ, а продавшей ни до чего дѣла уже не имѣеть; но съ держателя за пріемъ и пошлины съ пожилыхъ за все время въ казну взять.

О ЖЕНЩИНАХЪ.

130. О дѣвкахъ и вдовахъ такожъ разные обстоятельства разсужденію принадлежатъ, яко причина и случай. О

причинахъ, кромѣ тѣхъ которые о всѣхъ обще показаны, женщинамъ особно бываетъ: (1) если пришла въ лѣта супружества, которое посредственно 18 лѣтъ отъ рода разумѣть должно, а господинъ или родители оную за мужъ не даютъ, то явно противъ закона Божія, Кор., гл. 7. (2) того тяжчае, если принуждаютъ въ супружество противъ воли и пр. Первое весьма, мню, правильный законъ царя Василія Ивановича Шуйскаго пресѣчь достаточенъ, въ которомъ определено такимъ дѣвкамъ и вдовамъ давать волю изъ Приказа, ежели дѣвка 18, а вдова молодая 2 годы сидѣла; второе законъ Петра Великаго о бракахъ 208 года неволю запрещаетъ, токмо за то преступленіе наказанія не предписано и для того не хранится. Токмо и вольность въ сочетаніи дѣтемъ безъ обстоятельства дать не можно, ибо частію закону Божію, частію мудрости политической противно, и могутъ отъ своеволія произойти великіе непристойности, какъ о томъ Христіанъ Вольфъ въ Морали и Политикѣ изъяснилъ и приплоды многіе учинившіеся у насъ свидѣтельствууютъ. Но сіе пространства ради оставляю; токмо едино воспоминаю: можетъ ли дѣвица шляхетная съ отчими наслѣдными въ супружество съ подлымъ вступить, которымъ отчинъ имѣть не велѣно, равно если шляхтичъ не на шляхетной женится, могутъ ли ихъ дѣти наслѣдство шляхетское получить, что во многихъ государствахъ, а наипаче въ Германіи, безъ полученія на шляхетство жалованной грамоты отъ государя, отрѣшается; но у насъ, какъ я выше сказалъ, никакой разности становъ нѣтъ.

134. Случаи бѣглыхъ женщинъ такожъ разные: 1) сама собою, 2) съ родителями сбѣжить, 3) въ бѣгахъ рожденные отъ отцовъ, 4) отъ сбѣжавшихъ матерей, 5) подговорные и насиліемъ увезенные, 6) которые во время глада, мора или нашествія непріятели ушедъ выдутъ въ замуж-

ство. Сихъ, когда сыскана будетъ, надлежитъ перво допрашивать и внятно изслѣдовать, не по принужденію ли то учинилось, какъ выше № 130 показано; ибо какъ такое принужденіе есть Божія и гражданскаго закона преступленіе, такъ господина ея обвиняетъ и права лишаетъ; но если кромѣ того, а паче когда много или мало покравши, бѣжала, за такую пеню пожилые и сносъ взыскавъ самое съ мужемъ и дѣтьми ея возвратитъ или за нее сверхъ онаго 30 руб. доправить; которая съ родителями сбѣжитъ, за оную сверхъ пожилыхъ за нея доправить 20 руб; за рожденную въ бѣгѣ отъ отца бѣжавшаго 10 руб, а отъ матери рожденной ничего, понеже за мать пожилые и цѣна заплатится. Но если кто подговоритъ жену отъ мужа, или насильно дѣвку или вдову увезетъ, какъ то не рѣдко случается, за такую пеня въ казну, пожилые и цѣну вдвое; а понеже сей увозъ нынѣ отъ безстрашія не токмо въ подлости, но и въ шляхетствѣ чинится, что честнымъ людямъ слышать ужасно и мерзко, особливо сиротъ съ достаточнымъ имѣніемъ оставшихся воспитатели или мамы безсовѣстно продаютъ и тайно безъ вѣдома родственниковъ выдаютъ, которые, равно какъ подложные укрѣпленія отчинъ и составы крѣпостей, пресѣчь весьма нетрудно, еслибъ того требовалось. Которая принужденіемъ гнѣва Божескаго сбѣжавъ дѣвка или вдова выдетъ за мужъ, за такую довольно заплатить 5 руб., однакожъ въ семь обстоятельствѣ опасно подлоговъ; ибо вовремя глада, если отчинникъ другихъ тоя деревни людей своими житами кормилъ, или въ деревну перевелъ, равно и въ прочихъ привлюченіяхъ, если другіе тоя отчины отчинникомъ сохранены, то оное равно-какъ первое почитать.

О сносахъ бѣглыхъ великое есть неистовство, что нѣкогда лишнее и непряличное въ челобитѣ пишуть; иногда суще снесеннаго сыскать не могутъ, потому что на сіе достаточнаго закона нѣтъ.

132. Всѣ-сіи законы, какъ бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненіе судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію довольно видимъ, что сляльнымъ и немощнымъ, ябедникомъ и прстодушнымъ инымъ порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятся; но сіе болѣе отъ множества разногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю.

ХVIII.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ТАТИЩЕВСКАЯ РУКОПИСЬ,

подъ заглавіемъ: «Списки съ указовъ съ 1605 по 1622 г., хранится въ библиотекѣ Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ подъ № 101, начинается съ § 104, т. е. съ новопказныхъ статей.

По изданію:

Въ рукописи:

Стр. 77; § 104, а): По-слѣ словъ: «остался недокончанъ», читается:

«И хотя сіе государству «весма нужное, и многіе «ползы въ себѣ заключаетъ, «но притомъ тагъ трудное и «опасное, что не легко кто «за него примется, развѣ лег-«комышленный». Листъ 1, стр. 2—5.

Стр. 78; § 105, а): «Однакожъ Петръ Великій».....

«Однакожъ оное *неура- «нительно* Петръ Великій». Л. 1, стр. 40.

Стр. 84, § 115, б): «Приказныхъ».....

.....«діапа». Л. 3, стр. 8 и 9 снизу.

По изданію.

По рукописи.

Стр. 87; § 122, МВ: «мужьями»....

«надъ глупыми мужьями». Л. 4, стр. 7 снизу.

Стр. 89; § 124, б); послѣ словъ «а не по написанному», прибавлено: . . . . .

«дивно сіе». Л. 5, стр. 16.

Стр. 90; § 126, а); послѣ словъ «головами платили», написано и потомъ зачеркнуто: . . . . .

«Сихъ Оболенскихъ причтенное колено Долгорукихъ «осталось; и хотя они многократно въ несчастіяхъ «были, но князь Юрій Алексеевичъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ его храбростію «и вѣрностію родъ свой паки «въ честь привелъ. Какъ же «при Петрѣ II въ раздачу «отчины поступлено, упомянуть мнѣ заочно, да и во «время младости Петра Великаго колико дворцовыхъ «волостей недостойно роздано, изъ которыхъ послѣ его «Величество неколико «вратилъ всеиъ извѣстное». Л. 5 об., стр. 2—9.

Стр. 92; § 129, е). Послѣ словъ: «а прочіе во дворецъ» . . . . .

«Но за не оманчаніемъ оно-

По изданію.

По рукописи.

го осталось». Л. 6, стр. 4
снизу.

Стр. 94; § 131, а). По-
слѣ словъ: «власно какъ» . . . «нынѣ бывшей». Л. 7,
стр. 14.

*Во рукописи пропускъ съ § 138—160 включительно.
Написаны лишь послѣднія строки прим. с) къ § 160;
вмѣсто же словъ на*

Стр. 116. «почему довольно
но видно, что сей мудрый
Государь принужденъ былъ
на дѣло беззаконное онымъ
соизволить, и хотя сначала
нѣчто въ пользу военнымъ
включили, но симъ все оное
опровергнули, и такъ здѣ-
лали, что сего закона никто
точно разумѣть не можетъ»,
читается:

«Почему довольно видно,
что сей мудрый Государь
«принужденъ былъ на про-
«отивное и государству вред-
«ное соизволить, паче то явно,
«что сначала сей законъ яко
«бы ко умноженію дохода
«государственнаго и ко удо-
«вольствію военныхъ намѣ-
«реніе имѣли и о защищеніи
«государства прилежали, но
«симъ послѣднимъ все оное
«опровергнули, а болѣе такъ
«сплели, что точно сей законъ
«разумѣть не можно; о числѣ
«же браковъ хотя мнѣ столь-
«во жъ какъ духовнымъ пис-
«мо святое и соборовъ Уло-
«женія извѣстны, а политиче-
«ское и моральное можетъ

По изданію.

По рукописи.

Стр. 147; § 161, а)

«(sic!) ибо еда о томъ толковать нѣтъ мнѣ нужды». Д. 9, стр. 4—6.

«Сіе и прежде было не «однова узаконено и утверждено, да не хранено; равно «и по семъ духовныхъ любовиеніе, а вкладчиковъ суетвѣріе не пресѣялось. Я не «хочу о томъ толковать, отъ «словесъ самого Христа и церковныхъ великихъ учителей, особливо о томъ Златоустаго: можемъ ли мы «нашимъ имѣніемъ души умершихъ изъ ада свободить, «или какую помощь подать, «но то токмо вспомяну: благоразсудный патріархъ Филаретъ Никитичъ (вѣдая?) «законъ Божій и ползу государства, яко же и обманы «лицемѣрныхъ ханжей Досифеевъ, продающихъ царство «небесное, котораго сами не «имѣють, деревни въ монастыри давать запретилъ, которое вную его царь Алексій Михайловичъ въ Уложенъе подтвердилъ, да все

По изданію.

По рукописи.

«для оныхъ негодилось. Его
 «Императорское Величество
 «Петръ Великій довольно сіе
 «неистовство видя, въ указѣ
 «о монастыряхъ 1724 г. при-
 «чиною Греческой монархіи,
 «какъ она обогашеніемъ мо-
 «настырей свои доходы исто-
 «щила, войска погубила, и
 «отъ недостатка власти Ту-
 «рецкой подвергнулась, изъ-
 «яснилъ, отчего насъ, Боже!
 «сохрани. Однакожь Его Ве-
 «личество монастырей ниимъ
 «данія не отвергнулъ, но
 «токмо оны повелѣлъ на-
 «дѣло Богу угодное, т. е. на-
 «училища и богадѣлни обра-
 «тить, что съ ученіемъ Хри-
 «стовымъ согласно». Л. 9,
 стр. 16—30.

Слѣдующія за тѣмъ въ рукописи три параграфа, а именно: 162—164, въ изданіи составляютъ § 162; Далѣе §§ 165 и 166 рукописи въ текстѣ соединены въ 165. Впрочемъ дѣленіе текста, принадлежащее рукописи, не имѣетъ надлежащаго основанія; но за то печатное изданіе грѣшитъ сокращеннымъ изложеніемъ и опущеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній. Такъ пропущено примѣчаніе къ словамъ: *„ио ею бивъ кнѣзомъ доправити безчестье безъ суда“*, которое читается слѣдующимъ образомъ. «Въ старыхъ судахъ и ны-

нѣ, если не предъ судіями записываютъ, или судіи слушаѣ другое что онаго слышетъ внятно не могутъ, хитрость ябедниковъ чтобъ соперники чимъ въ злобу привести и смѣшать, для того употребляютъ ошутительныя слова, силѣ поносятъ прежними дѣлами, чтобъ чимъ дѣло настоящее въ отволочку справками привести; однакожъ и сіе безъ разсмотрѣнія отрѣшить не можно, ибо прежніе дѣла бывають весьма нужны къ доказательству настоящего, да не безъ довольнаго разсужденія, ибо многократно по злобѣ и коварству невинныхъ обвиняють и наказываютъ; каковыхъ примѣровъ весьма довольно въ памяти имѣемъ, и безъ горести вспомянуть не можемъ, какъ одинъ другаго губилъ, «и сами погибли». Опущено примѣчаніе къ словамъ. *„а называетъ кою воровъ, а убивства или кромола и рокоша на Царя Государя не доведетъ“*, гдѣ объясняется значеніе словъ: *воровство, кромола, рокоша, бунтъ, измѣна*; объясненіе это не представляетъ никакого интереса, особенно для юристовъ. Но нельзя пройти безъ вниманія идущаго вслѣдъ за этимъ примѣчаніемъ объясненія слова: *ябеда*, гдѣ читаемъ: «Ябеда разумѣется коварно вымышленный искъ или отвѣтъ, а болѣе разумѣеть излишекъ на бѣду другому; оттого сіе слово, мню, взято: *ябеда* или *на бѣду* другому, «а нерѣдко и себѣ самому». Л. 10, стр. 18—34; л. 10 об., стр. 3—5. — Въ прим. а), предъ рассказомъ о поступкѣ одного знатнаго ябедника изъ дворянъ по поводу кабалы, въ рукописи сказано между прочимъ: «какъ намъ памятно Хованскаго съ Засѣцкимъ въ судѣ стряпчій спуталъ, за что по разсмотрѣнію Сената наказанъ и судъ данъ снова». Л. 10 об., стр. 11. Примѣчаніе а) къ § 163 печатнаго изданія въ рукописи раздѣлено на два, изъ которыхъ во второму относитъ рассказъ о приговорѣ, сдѣланномъ царевною Софіей по поводу одной ябеды, а къ первому общія соображенія о-

носителю объясняемаго вопроса. Последнія въ рукописи читаются такъ: «Сіе заключаетъ два обстоятельства: 1) если «шляхтичъ, бѣгая отъ службы, токмо въ ябедахъ упрядняется, то конечно терпѣть не должно, ибо изъ того сугубый государству вредъ. Первое, что онъ не служитъ, а «принуждены за него другіе служить; другое, что онъ ябе, «дою другихъ разоряетъ и судей или пустымъ утруждаетъ, отъ разсмотрѣнія другихъ правильныхъ дѣлъ отвлекаетъ. «или коварно къ правому рѣшенію склоняетъ; но притомъ «сколко ихъ начальники правы, которые своимъ подчиненнымъ въ томъ злодѣйствѣ терпятъ, или еще тягчае, когда «генералы своихъ подчиненныхъ въ суды отъ себя посылаютъ, и тѣмъ ихъ въ надеждѣ запущенія ободря, къ злодѣяннію и ябедамъ случай даютъ. 2) что бьетъ челомъ во многомъ, а мирится въ маломъ, бываетъ разное: когда не правильно искъ великъ, токмо для устрашенія пишетъ, а мирится на маломъ, оной конечно виненъ; противно тому «правильно и по закону ища, почти ни единъ безъ какой «либо уступки не мирится, — особливо сіе въ завладѣніи «земли и въ бѣглыхъ крестьянахъ, если не богатому дворянину случится бить челомъ на знатного и сильного, то радъ «бываетъ тому, чтобъ токмо землю или крестьянъ своихъ «получилъ, а о владѣніи и говорить не смѣетъ.» Д. 11, стр. 1—13. Потомъ пропущено слѣдующее примѣчаніе къ тому же §: «Въ составѣ челобитенъ по правости вины никакой «нѣтъ, если токмо право и надлежащимъ порядкомъ писано, «ибо не всякъ способенъ и о сущей своей правдѣ челобитниую порядочно написать, для того просить искусныхъ. Хотятъ тѣ приклады имѣемъ, что сіе нѣкоторымъ злостію «неправо въ вину причтено, и честные невинно наказаны «были.» Д. 11, стр. 37—40. Наконецъ последнее примѣчаніе въ § 166 (по суд. § 163) читается такъ:

По изданію.

По рукописи.

«Что судей вины принад-
 «лежитъ, ты хотя подлинно
 «не безъ коварствъ и обидъ
 «судящимся, да въ томъ: 1)
 «настоящіе законы всѣ тѣ
 «коварствы пресѣчь не воз-
 «можны, доколѣ форма суда
 «исправится; 2) судіи особ-
 «ливо городовые воеводы и
 «судіи, не токмо потребны
 «къ сужденію наукъ, но нѣ-
 «которые грамотѣ мало уче-
 «ны и въ судахъ никогда не
 «бывали, то и безъ хитрости
 «отъ сушаго незнанія погрѣ-
 «шатъ; развѣ когда въ госу-
 «дарствѣ для обученія шля-
 «хетства способныя училища
 «устроятся, и судіи въ горо-
 «ды инымъ порядкомъ опре-
 «дѣляться будутъ». Л. 11 об.,
 стр. 1—4.

Стр. 124; § 166, НВ. По-
 слѣ словъ: «онъ учинилъ
 противъ своего разсужденія
 и перваго о неволѣ ихъ уза-
 коненія» прибавлено:

«и суще въ то время, какъ
 «онъ о Лже-Димитріи Отрепъ-
 «евѣ вѣдомость получилъ,
 «тогда будучи въ превеликой
 «робости». Л. 12, стр. 28.

Пословица, приводимая въ § 166, b) печатнаго изданія, въ
 рукописи даже не упоминается.

По изданію:

По рукописи:

Стр. 125; § 166, с)....

«О Московскихъ дворян **а** **хъ**
 «прибавлено: оныя пооче **р**е-
 «ди при немъ (Іоаннъ IV) **п**о
 «30 человекъ были и **п**омѣ-
 «сечно перемѣнялись. **Н**адъ
 «ними опредѣлено было **12**
 «головъ, у каждаго 80 **ч**ело-
 «вѣкъ; въ военные походы
 «всѣ при немъ были и за ка-
 «ждымъ съ ружьемъ 2 **ч**ело-
 «вѣка» Л. 12 об., стр. 2 сл.

Стр. 125; § 166; d)....

О жильцахъ прибавлено:
 «въ Крымской походъ было
 «жильцевыхъ 24 роты». Л. 12
 об., стр. 9.

Стр. 126; § 167, b) про-
 пушено объясненіе слова:
 Дворяне большіе.

§ 170, b) сказано: «Дво-
 «ряне большіе, мню, думны **е**
 «дворяне, которые въ Сенатѣ
 «сочиняли четвертой и **н**изъ
 «ней классъ, токмо по **и**с-
 «торіи оныхъ не упомина **е**т-
 «ся; и первое, видится, **п**ри
 «царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ
 «учинены въ сей чинъ, **н**е
 «смотря рода ни богатствъ **в**а,
 «но по остротѣ ума и **и**скусствъ
 «въ судахъ избирали». Л. 12
 об. стр. 30—32.

«Прибавлено также о **г**о-
 «ловахъ стрѣльцевыхъ» **Г**о **л**о

изданію.

По рукописи.

«вы стрѣлцкіе послѣ имя-
«нованы полковники, а при
«томъ знатнѣйшіе имѣли чинъ
«стольника» Л. 12 об., стр.
37 — 38.

7; § 167, с)....

§ 170. По поводу характе-
ра Бориса Годунова прибав-
лено: «Монахъ Іосифъ сказу-
«етъ, что онъ тому, котораго
«погубить намѣрялся, наибо-
«лѣе ласкалъ, и за великаго
«пріятеля почиталъ, а погу-
«бя со слезами лицемерно
«сожадалъ и тяжкою клят-
«вою свою невинность утвер-
«ждалъ; толико тайно людей
«погубилъ украдчи, что и до-
«днесь никто не знаетъ, гдѣ
«дѣлось и какъ украдены?—
«Таковыхъ и въ наши време-
«на мнѣ нѣсколько случа-
«лось знать яко Иванъ Мило-
«славской, Петръ Толстой и
«Остерманъ, весьма хитро свое
«коварство закрывать и погу-
«бленіе на другихъ отводить
«умѣющихъ; да гдѣ ихъ все
«укищеніе? не всели съ
«ихъ жизнию, славою и че-
«стію погубило, а поношеніе

По изданію.

По рукописи.

«во всемъ пребудеть.» Л. 13,
стр. 1—5.

Въ заключительныхъ словахъ ко всемъ указамъ, помѣ-
щеннымъ въ §§ 1—170 рукописи, сказано, что указъ Шуи-
скаго о бѣглыхъ, заимствованъ и изъ Чердынской архивы.

Стр. 129, § 168, е)....

§ 171 е) Никонъ названъ
неученымъ русскимъ попомъ.
Л. 13 об., стр. 20.

Стр. 130; § 168. Пропу-
щено прим. къ словамъ: «учи-
ти же».

§ 171. f): «Мудрое и Богу
«угодное разсужденіе, какъ
«архіепископле, такъ царское,
«о наученія младенцемъ, кто
«болѣе о семъ, какъ Петръ
«Великій прилежалъ и доброе
«основаніе положилъ; да по
«кончинѣ его все пропаде
«ни во что обратилось; но
«для какой то причины о пре-
«дѣленныхъ на то великіе до-
«ходы бесплодно погибаютъ,
«не мое есть о томъ раз-
«дать.» Л. 13 об., стр. 22—26.

Стр. 130. § 168. Пропу-
щено прим. къ.....

§ 171 прод. а): «Діо-
«сій можетъ быть тотъ, во-
«торого на мѣсто Макарія
«митрополитомъ избралъ». Л.
14, стр. 16—17.

Стр. 130; § 168, g). «Сіе
въ Матееѣ, гл. 25 ст. 35, 36.»

§ 171, b) «О вопросѣ на
«страшномъ судѣ: Матѣ. гл.
«25, ст. 35 и 36; а о долж-

По изданію.

По рукописи.

«ности ученія Апостоломъ и
 «ихъ преемникомъ точные
 «слова, гл. 28, ст. 20, гдѣ
 «повелѣваетъ учить тому, что
 «онъ самъ заповѣдалъ. При-
 «плодами же все Евангеліе
 «наполнено, яко Матѣ. гл. 16,
 «ст. 19, что и, фарисеевъ об-
 «личая, Лука рекъ гл. 11, ст.
 «52 взяте ключи царствіе,
 «сами не внидете и другимъ
 «затвористе. Златоустъ св.
 «толкуеть, еже они, оставя За-
 «конъ Божій, учили предані-
 «амъ и узаконеніямъ, или
 «ученіемъ человѣческимъ. И
 «сей пространно о томъ отъ
 «писма святаго въ должности
 «священства и на Іудеевъ изъ-
 «снилъ». Л. 18, стр. 18—25.

*Утр. 130; § 168, Пропу-
 ю прим. къ словамъ.*

§ 171, с). «Пустые земли
 «велѣлъ дать для населенія;
 «ибо населенныхъ Русскими
 «еще не было, а иновѣрцовъ
 «Магометанъ и язычниковъ,
 «яко новыхъ подданныхъ дать
 «было не можно, опасаясь,
 «чтобъ не поставили въ при-
 «нужденіе въ вѣрѣ и не разбѣ-
 «жались» Л. 14, стр. 26—28.

По изданію.

Стр. 130; § 168. Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 130; § 168, h)...

Стр. 130—132, § 169.

Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 132; § 169, d): «И для того зная...

По рукописи.

§ 171, d): «Гурій Святый «сигуменомъ, былъ, по Прологу окт. 4-е, въ Селижаровѣ, «а по исторіи Казанской въ «Угрешѣ». Л. 14, стр. 29—30.

§ 171, e). Л. 14, стр. 31—36. §§ 172 и 173.

§ 172, c): «сіе главная по-«литика ко внушенію народа «Папешская вѣра благораз-«судно употреблена, ибо въ «народѣ издревле оное Па-«пешство не много лучше ма-«гометанства почиталось. Для «сего Патріархъ Филаретъ въ «одномъ поученіи и въ тревни-«кѣ довольно сурово ихъ пред-«ставилъ, а наипаче всего....

§ 173, a):.... «и вельможи «хотя совершенно знали, а на-«ипаче Басмановъ, у кото-«раго оной Отрепьевъ взросъ, «да мстя погубленіе госуда-«рей и знатнѣйшихъ родовъ, «оному пристали и прежде, «нежели знали кто онъ, его «писмами къ тому поощряли «и вельможъ Полскихъ увѣря-«ли, какъ монахъ Іосифъ по-«казуетъ». Л. 15, стр. 11—14.

По изданію.

Стр. 132; § 169. Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 132; § 169, е):.....
«можетъ же того болѣе было, да исторіи до насъ не дошли».

По рукописи.

§ 173, 6): «Преизрядно говоритъ, что не смысленные о пользѣ или спокойности государства и защищеніи вѣры не прилежать; но онъ самъ тому причиною былъ, что вѣры не зналъ и противъ закона Божія погубленіемъ невинныхъ, да еще людей государству нужднѣйшихъ и полезнѣйшихъ губилъ». Л. 15, стр. 17—20.

§ 173, с): «И сіе тогда, чаятельно, всюду было нужное для защищенія своего живота, да исторіи умолчали. Во времена наши, Драгунскаго Московскаго полку попу въ всѣхъ бояхъ напередъ передъ полкомъ мужественно себя показывалъ и всѣхъ къ храбрости ободрялъ; что же Закона Божія въ томъ касается, то видимъ, что пророки храбрыми вождами были; Христось апостолу Петру мечъ употреблять, яко непристойное духовному, запретилъ;

По изданію.

По рукописи.

р. 134; § 171. Пропу-
 прим. къ словамъ:

«посылать, для котораго царь
 «Алексѣй Михайловичъ людей
 «отставилъ, а положилъ день-
 «ги». Л. 15 об., 14—18.

§ 175, а): «Сіе показу-
 «еть—отъ монастырей слугъ
 «въ войско брать по четвер-
 «тямъ, что почти за неудоб-
 «ное нынѣ принять надле-
 «жить; ибо посему, хотя и
 «съ 200 четвертей человѣка,
 «то съ Троицкаго монастыря
 «будеть болѣе 2000 чело-
 «вѣкъ». Л. 16, стр. 8—10.

р. 134; § 171.

§ 175, б): «Выше поло-
 «жено 15 руб., а здѣсь 20
 «руб., мно для того, что та-
 «ко преступниковъ велѣно
 «брать въ стрѣльцы, а здѣсь
 «оного не положено, токмо
 «деньги». Л. 16, стр. 11—12.

р. 136; § 172, с):

§ 176, с): «Выше уже по-
 «казано, что они на соборы и
 «правила Св. отецъ ссыла-
 «лись на обумъ, какъ то и
 «въ печатномъ на правила
 «Св. апостолъ и Св. отецъ
 «ссылались, которыхъ не ви-
 «дали и нѣтъ, да и до днесь
 «не токмо оныя, но многихъ

172 отвѣчаетъ §§ 176

По изданію.

По рукописи.

«великихъ церкви учителей
 «не переведено; мнилъ бы
 «быть законамъ царей Грече-
 «скихъ, какъ Никонъ въ
 «Кормчей книгѣ многіе цар-
 «скіе и неизвѣстныхъ писа-
 «телей за уставы или каноны
 «соборные предалъ; но въ
 «Греціи никакихъ и царскихъ
 «законовъ о бѣглыхъ быть
 «не потребно, зане всѣ были
 «вольные, однакожь сіе для
 «утвержденія своего вымы-
 «сла въ простомъ и не вѣду-
 «щемъ Писанія народѣ не
 «худо, потому что отъ сует-
 «вѣрья болѣе сему, нежели
 «благоразумному рассужде-
 «нію вѣрять обыкли». Л. 16,
 «стр. 1—9 снизу.

Стр. 136; § 172. Пропу-
 щено прим. къ словамъ: «до
 срока Р. Хр. 116 года безъ
 пожилаго».

§ 177, а): «Безъ пожи-
 «лаго, мною, потому рассужде-
 «нію, что крестьяне тогда еще
 «къ неволѣ не привыкли, 2)
 «что законы о томъ были
 «смятны, и сіе есть мудрое
 «рассужденіе». Л. 16 об., стр.
 28—29.

Стр. 136; § 172, d):

§ 177, b): «Срокъ бѣг-
 «лымъ есть весьма благораз-

По изданію.

По рукописи.

«судно и для пресѣченія ко-
 «варныхъ ябедъ и наглыхъ
 «обидъ весьма нужное, какъ
 «я сіе особно изъяснилъ
 «Печатнымъ Уложеніемъ гл.
 «11, стр. 1 и 3; но не до-
 «вольно разсудя, сіе отста-
 «вили, однакожь 15 лѣтъ ви-
 «дится мало, но мню, кото-
 «рые обѣ деревни изъ рукъ
 «въ руки не перешли срокъ
 «30 лѣтъ, а если одна въ
 «другіе руки перешла 25
 «лѣтъ, а когда обѣ за оными
 «владѣтели, то за 20 лѣтъ
 «есть умѣренно». Л. 16 об.,
 стр. 30—35.

Стр. 136; § 172, с):

§ 177, с): «Штрафъ за
 «пріемъ Петръ Великій пра-
 «вильно 100 руб. положилъ,
 «токмо оное упущено и ни съ
 «кого не правлено; а сіе есть
 «тяжчая и страшные великихъ
 «и противозаконныхъ пожи-
 «лыхъ лѣтъ». Л. 16 об., стр.
 36—38.

Стр. 136; § 172. Опу-
 но прим. къ словамъ: «на
 ъ по три рубли».

§ 177, d): «Пожилые день-
 «ги тогда близко правости
 «положены, ибо по нынѣш-
 «нимъ деньгамъ около 8 руб.,

По изданію.

По рукописи.

«что рѣдкой дворъ можетъ
«отчиннику заплатить; но
«понеже я о семь изъ писъ-
«ма Святаго и закона есте-
«ственного индѣ пространно
«изъяснилъ, для того здѣсь
«не потребно распростра-
«нять». Л. 16 об., стр. 39—
42.

Стр. 136; § 172, f):

§ 177, e): «Симъ можетъ
«разумѣть работы въ ближ-
«нихъ мѣстахъ, какъ и въ
«плакатѣ поголовной дани
«положено въ 30 верстахъ,
«безъ паспортовъ напимать-
«ся, иначе жъ могъ бы бѣг-
«лой, переходя въ разныхъ
«мѣстахъ по году и менше,
«долгое время укрываться;
«но онъ о бѣглыхъ ниже точ-
«но опредѣлилъ, что если 7
«дней невѣдомаго продоржить,
«повиненъ за пріемъ полной
«штрафъ или пеню платить». Л. 17, стр. 1—3.

Стр. 136—138; § 173

Опущено прим. къ словамъ:

§§ 178, 179.

§ 178, b): «Сіе есть опа-
«сное, ибо къ продолженію
«безбрачности бываютъ пра-
«вильныя причины, для того

По изданію.

По рукописи.

Стр. 138; § 173, b): «гослова дѣвокъ держить для шитья, но каждагодно по два и болѣе ребятъ мертвыхъ въ оной находятъ».

Въ примѣчаніи NB (по изд. стр. 137) въ рукописи «*Воротынский*» пропущенъ.

Стр. 138; § 173, c): Видѣсто сего:

«не разсмотря оныхъ, правильно рѣшить не можно, «но притомъ и то нужно, «чтобъ суди, оныхъ увольня себѣ не брали». Л. 17, стр. 24—26.

§ 178, c): «Что дѣвокъ «для шитья лѣтъ по 30 держить, и каждагодно въ той «отчинѣ по два и по три ребятъ мертвыхъ находятъ. «Посему я не иначе сей законъ, какъ полезной и благоразсудной, слѣдственно «съ закономъ Божиимъ и «естественнымъ согласный «почитаю, кромѣ что нѣкоторые въ немъ недостатокъ и «неясность». Л. 17, стр. 35—40.

§ 179, a): «О семъ Петръ «Великій въ плакатѣ поголовномъ презрядно учредилъ, «что земскіе Комиссары и «квартирные офицеры должны «были надзирать; но тѣмъ, «которые отъ ненасытнаго «любоимѣнія были побѣжде-

ПЕРЕПИСКА

время Екатерины II по поводу сочинений Татищева.

I.

Государь мой!

Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ IV часть Россійской Исторіи покойнаго статскаго совѣтника Г. Татищева была, какъ можно, скорѣе напечатана здѣсь на кабинетный счетъ, а стараніе о печатаніи положено на меня. Но какъ долговременная болѣзнь моя, а особливо не дозволяла мнѣ писать хирагра: то я принужденъ былъ увѣдомить васъ о семъ, и просить у васъ манускрипта чрезъ г. Палласа.

По послѣднему вашему письму къ нему кажется, что вы имѣете нѣкоторое сомнѣніе, да и нѣкоторой родъ подозрѣнія о выше помянутомъ данномъ мнѣ высочайшемъ повелѣніи: но я васъ увѣряю, что сіе есть точное благоволеніе монархини частію для того, чтобъ отпечатаніе оныя книги здѣсь безъ замѣдленія и со возможнѣйшею скоростію совершилось, частію для того что уповательно естли издержки здѣсь будутъ не менѣе, то по крайней мѣрѣ не болѣе московскихъ и наконецъ потому что Ея И. В. имѣетъ желаніе читать сію часть. Приведенныя жо слова, *тако же и прочее, что до Россійской исторіи касается* никакъ до сего особливаго случая не касаются, но до другихъ къ Россійской Исторіи принадлежащихъ документовъ. И такъ я прошу Ваше Высочордіе принадлежащій Вамъ манускриптъ переслать (но мнѣ въ самоскорѣйшемъ времени, и если вамъ угодно продать оной кабинету, то объявить мнѣ о цѣнѣ).

Если же вы заблагоразсудите напечатать къ сей четвертой части изъяснительное предисловіе, или что либо оному подобное въ честь Великія защитницы наукъ, которую никогда не можно довольно восхвалять: то я прошу и о семъ меня также увѣдомить. Извѣстныя ваши великія заслуги въ разсужденіи изъясненія нашей исторіи, ваше неутомимое трудолюбіе и точность даютъ мнѣ надежду, что манускриптъ будетъ удобенъ къ чтенію и безъ всякихъ письменныхъ ошибокъ. Я имѣю честь остаться съ особливимъ почтеніемъ

Вашего Высокородія
 послушнѣйшій и преданнѣйшій слуга
 Адамъ Олсуфьевъ.

Пбг. 23 Февр. 1783 г.

—
 2.

Ваше Превосходительство.

Милостивой Государь мой,

Для меня бы весьма прискорбно было, когда бы обстоятельства по причинѣ еще не напечатанной части Татищевой Россійской Исторіи, вмѣсто твердо основанной милости Вашего Превосходительства навлекли на меня ваше негодованіе; но, надѣясь на вашу справедливость, я увѣренъ въ противномъ сему; ибо я поступилъ въ семъ случаѣ, слѣдуя точнѣйшему исполненію Высочайшаго повелѣнія на имя Великія Императрицы. Я получилъ первое повелѣніе, касающееся до сего, чрезъ г. Палласа отъ 26 Декабря прошедшаго году. Я крайне былъ доволенъ, что печатowanіе долженствовало быть здѣсь въ Москвѣ подъ моимъ смотрѣніемъ и дѣлалъ къ тому предложенія. Вышедшій потомъ указъ 14 Генваря

за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Величества въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, чтобъ быть при здѣшнемъ архивѣ особливой типографіи подѣ моиѣ смотрѣніемъ, казался по моему мнѣнію имѣть связь нѣкоторую съ объявленнымъ мнѣ онъ г. Палласа повелѣніемъ. Но напротивъ того я узналъ чрезъ письмо отъ г. Палласа, что Ея Им. Величество учинило приказаніе Вашему Превосходительству напечатать Татищеву Россійскую Исторію въ Петербургѣ, которое приказаніе подтверждено было 21 Февраля же. Теперь нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ потому, Ваше Превосходительство, собственноручное писаніе освобождаетъ меня отъ обязательства, по которому ни одинъ листъ не можетъ безъ вѣдома Коллегіи сообщенъ быть кому нибудь стороннему (упомянутый манускриптъ съ отдачи моя библіотеки въ архивъ принадлежитъ уже собственно оному). Итакъ я при семъ имѣю честь послать къ вамъ сей манускриптъ, который при перепискѣ читалъ съ оригиналомъ и могу ручаться въ исправности онаго. Если же найдутся ошибки, то оныя можно исправить во время печатанія и въ разсужденіи сего можетъ быть вы поручите мнѣ послѣднюю корректуру, на что я охотно соглашаюсь, такъ какъ на посвященіе въ похвалу Великія Споспѣшествовательницы наукъ, и на сочиненіе предисловія, которое не безъполезно будетъ при скопленіи всего сочиненія. Я препоручаю себя благоклонности Вашего Превосходительства и имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій и нижайшій слуга

Г. Ф. Миллеръ.

1783 г. Марта 2.

Высокоблагородный и Высокопочтенный господинъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ!

Сейчасъ Ея Императорское Величество изволила мнѣ приказать, чтобы я на нынѣшней же почтѣ къ Вашему Превосходительству писалъ, чтобъ вамъ нижеписанныя книги въ Вашей библіотекѣ рукописей находящіяся, или въ подлинникахъ, или, если безъ замѣдленія быть можетъ, въ копіяхъ къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества употребленію наискорѣйше ко мнѣ прислать, а именно:

- 1) Новгородской лѣтописецъ, русской.
- 2) Выписка изъ одного Новгородскаго лѣтописца.
- 3) Старинныхъ Россійскихъ лѣтописцевъ 2-ая часть, состоящая изъ примѣчаній г. Татищева на нѣмецкомъ языкѣ,
- 4) Лѣтописецъ со временъ Великаго князя Василія Дмитріевича до временъ царя Ивана Васильевича въ 4 частяхъ, русской.
- 5) Лѣтописецъ отъ царя Феодора Ивановича до царя Михаила Феодоровича, русской.
- 6) Исторія мятежей во времена Ложнаго Дмитрія (лѣтопись о мятежахъ).
- 7) Избраніе царя Михаила Феодоровича. (русск.).
- 8) Новый лѣтописецъ временъ Бориса Годунова.
- 9) Исторія объ осадѣ города Смоленскаго 1631 — 1634,
- 10) Лѣтописецъ Россійскій Исторіи г. Татищева 4 части, русской.
- 11) Сочиненія Татищева, русскія (Tatitschtschews Schriften).
- 12) Лѣтописецъ Малороссійскій, русской.

13) Выписка изъ старыхъ лѣтописей г. Герарда Фридриха Миллера на нѣмецкомъ языкѣ, до царя Ивана Васильевича.

14) Исторія Петра I. отъ самаго его рожденія, русская.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ я при семъ случаѣ Ваше Превосходительство съ новымъ Чиномъ Кавалера Св. Владимира искреннѣйше поздравляю и притомъ съ крѣпчайшимъ увѣреніемъ отмѣнное почтеніе повторяю, съ которымъ я имѣю честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга

Адамъ Олсуфьевъ.

Пбг. 2 Окт. 1783 года.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
Стр. 20, стр. 6:	его	исполненіе его
— 34, — 13:	1726	1720
— 78, — 13:	городской	народной
— 92, — 8:	о женщинахъ	о женскомъ безуміи
— 98, — 7:	долженъ	долженъ былъ
— 106, — 29:	презрѣнія	презрѣнія
— 112, — 30:	и упорное молчаніе	они встрѣтили упорное молчаніе
— 122, — 5:	оставить	отставить
— 188, — 31:	цѣлю	вѣстію
— 311, — 18:	споровъ	справокъ
— 344, — 13:	нижегородской	нижегородской
— 353, — 1:	народовъ	привычекъ
— 368, — 20:	то	то же
— 369, — 5:	17	1734
— 526, — 21:	кн. Василенъ Влади- ровиченъ	кн. Сергіенъ Григорьев- иченъ
— 553, — 31:	Отеч. Записки	От. Зап. 1820-хъ годовъ, гдѣ помѣщена автобио- графія Неплюева.